

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

39

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

56
В-49
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Византийский временник

Том 39

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

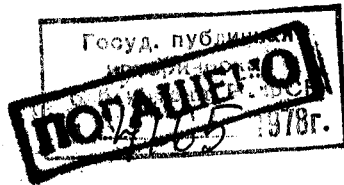
МОСКВА 1978

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Член-корреспондент АН СССР *З. В. Удальцова* (ответственный редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
академик АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
доктор исторических наук *Г. Г. Литаверин* (зам. отв. редактора),
кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (ответственный секретарь),
доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВЕТСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ

К 60-летию Великого Октября, советские ученые подвели итоги своей работы. Однако в краткой статье невозможно осветить длительный путь, пройденный советским византиноведением. К тому же это уже сделано как в моей книге, изданной в 1969 г.¹, так и в недавно вышедшей работе Г. Л. Курбатова². Поэтому здесь я ограничусь лишь характеристикой основных направлений развития византиноведения в СССР в последние годы.

В последнее десятилетие в советской медиевистике в целом и в византиноведении в частности заметно возрос интерес к исследованиям типологического характера. Расширился ареал типологических штудий — в их орбиту входят такие обширные регионы, как Западная Европа, Русь, Византия, страны Юго-Восточной и Центральной Европы, а также и Азии. Типология феодализма разрабатывается не в плане компаративизма, а на основе анализа *общего и особенного* в динамике феодального строя в различных регионах мира. При этом превалирует выявление общих закономерностей; частные, локальные особенности не затемяют важнейших явлений, присущих феодальному обществу в целом³.

Советскими византинистами и учеными других стран немало сделано для выяснения специфики византийского феодализма, его генезиса и развития. При этом византийский феодализм трактуется то как особая модель, то как вариант феодального строя Юго-Восточной или Юго-Западной Европы, то как аналог феодального развития в странах Востока. Сравнительно недавно на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско, где дебатировался вопрос о взаимном влиянии цивилизаций Запада и Востока, Византийскую империю относили то к Востоку, то к Западу, то подчеркивали ее промежуточное положение между Востоком и Западом⁴. Выяснение типологических особенностей византийского феодализма, думается, поможет пролить новый свет на эту старую проблему и определить место Византии во всемирно-историческом процессе.

З. В. Удальцова и К. А. Осипова анализировали специфику общественного строя Византии в сравнении со странами Западной Европы⁵. Особенности феодализма в Западной Европе рассматривала Е. В. Гутнова⁶.

¹ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

² Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л., 1975.

³ Проблемы социально-экономических формаций (Историко-типологические исследования). М., 1975; Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973; Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 1, под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1974.

⁴ Удальцова З. В. Медиевистика на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско. — СВ, 40, 1976; она же. «Византийский день» на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (август, 1975 г.). — ВВ, 38, 1977.

⁵ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы). — ВВ, 36, 1975, с. 3—20; они же. Типологические особенности феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, с. 4—28.

⁶ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в За-

Основные типологические особенности феодальных отношений в Византии, по мнению названных авторов, таковы: наличие государственной собственности на землю, длительное существование сильной сельской общины свободных крестьян и общинного землевладения, более медленное, чем на Западе, складывание феодальной вотчины, относительная неразвитость иерархической структуры условной собственности и имущественных прав феодалов. В сфере эксплуатации сельского населения Византию от Запада отличали: длительное существование рабства, наличие особой категории государственных крестьян и централизованной ренты, сохранение значительной прослойки крестьян-общинников, замедленность формирования единого класса феодально-зависимого крестьянства.

По-иному, чем на Западе, складывалась судьба византийского города. Кривая социально-экономической трансформации городов шла здесь весьма своеобразно: от расцвета на заре византийской истории через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма к новому подъему в XI—XII вв. (преимущественно провинциальных городов)⁷, сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи. С этого времени пути экономического развития городов Византии и Западной Европы, в частности Италии, окончательно разошлись. В Западной Европе рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей экономической жизни феодального общества, а позднее — к зарождению в наиболее передовых странах того времени (Италии и Нидерландах) раннекапиталистических отношений. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной перестройки феодальной экономики.

В последние годы в советском византиноведении вновь развернулась дискуссия по проблеме генезиса феодализма в Византии и времени перехода от рабовладения к феодализму⁸. В типологическом аспекте эта проблема была рассмотрена в исследованиях З. В. Удальцовой и М. Я. Сюзюмова. Спор о времени возникновения феодализма в Византии, волновавший советских византистов в 50-60-х годах, фактически возродился в работах Е. Э. Липшиц и Г. Е. Лебедевой.

На мой взгляд, особенности генезиса феодализма заключаются в замедленности разложения рабовладельческой формации, длительном переживании рабства, сохранении городов как экономических центров, стойкости крестьянской общины, сохранении государства при отсутствии варварских завоеваний и коренной ломки римской государственности. IV—VI века я считаю временем господства в Византии еще рабовладельческих отношений и зарождения лишь элементов феодализма внутри империи. Только после кризиса VII в., по моему мнению, начинается процесс генезиса феодализма, распадающийся на два этапа: VII — середина IX в. — время преобладания свободной крестьянской общины, IX—XI вв. — период роста крупной феодальной вотчины⁹.

М. Я. Сюзюмов в своих новейших работах вновь выдвинул тезис о наличии так называемого «дофеодального периода», отделяющего рабовладельческую формацию от феодальной. По его мнению, дофеодальный период является особой «исторической ситуацией», сложившейся при

падной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций (Историко-типологические исследования), с. 107—123.

⁷ Oudaltsova Z. V. Forces centrifuges et centripètes dans le monde Byzantin (1071—1261). Rapport au XV-e Congrès International d'études byzantines. Athenes, 1976, p. 37—58.

⁸ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970.

⁹ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, 1971, с. 3—25; она же. Генезис и типология феодализма. — СВ, 34, 1971, с. 13—38; она же. Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970). — ВОН АН Арм. ССР, 1971, № 3, с. 46—54.

переходе от рабовладельческого строя к феодальному в тех странах, которые прямо или косвенно находились под воздействием высокой культуры рабовладельческого общества. Автор дает сравнительный анализ генезиса феодализма в Византии и франкском обществе, усматривая в обоих регионах наличие довольно длительного дофеодального периода.

В ранний период своей истории Византия добилась большего расцвета, чем Запад, потому что преодолела главный экономический пережиток — рабство и сохранила те основные достижения античного мира, которые были необходимы для перехода к средневековому обществу.

Дофеодальный период в Византии охватывает, по его мнению, длительный отрезок времени — с IV до середины IX в. Однако коренная ломка рабовладельческих отношений происходит в VII в.¹⁰ Социальный переворот, приведший к падению рабовладельческого строя, большинство советских византинистов относит, как и М. Я. Сюзюмов, к VII в. (Н. В. Пигулевская, А. П. Каждан, Г. Л. Курбатов, З. В. Удальцова, К. А. Осипова, А. Р. Корсунский, Г. Е. Лебедева и др.). По-иному трактуют проблему о времени перехода от рабовладения к феодализму в поздней Римской империи и ранней Византии Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц и И. Ф. Фихман. Решающее значение в этом процессе они отводят кризису III в. и IV—V вв. рассматривают как период крушения рабовладельческого общества и начала феодализма.

Одним из первых специальных исследований, посвященных истории права и судопроизводства в Византии IV—VIII вв., явилась книга Е. Э. Липшиц¹¹. Большим достоинством этой книги, на мой взгляд, является стремление автора показать эволюцию постклассического и юстиниановского права по сравнению с римским правом классической эпохи.

Э. П. Липшиц подробно проследила изменения в римском праве IV—V вв. под влиянием правовых норм народов, населявших империю, особо подчеркнув воздействие на римскую юриспруденцию греческих и эллинистических правовых воззрений.

Однако, по мнению исследовательницы, эти изменения являлись не просто результатом «вульгаризации» римского классического права, а следствием коренной перестройки всех общественных отношений Римской империи, вызванной кризисом III в. и феодализацией Византии в IV—V вв. Иными словами, Е. Э. Липшиц общественный переворот, связанный с крушением рабовладельческих отношений в Римской империи и началом средневековья, феодализма, со всей определенностью относит к III—V вв.

Право, согласно ее концепции, не только отражало этот общественный переворот, но и способствовало ломке старых социальных и экономических отношений. Тенденции Юстинианова законодательства к возрождению некоторых институтов классического римского права (особенно в Дигестах) носили временный и преходящий характер и не остановили общей эволюции правовых воззрений в Византии.

В книге Е. Э. Липшиц возрождается дискуссия о роли рабства и колоната в ранней Византии. Автор утверждает, что в этот период рабство уже полностью изжило себя и его место в сельскохозяйственном производстве империи заняли более прогрессивные формы зависимости (колонат, аренда и др.), близкие по своей сути к средневековой париики¹².

Отрицая общественный переворот VII столетия, Е. Э. Липшиц прослеживает дальнейшую эволюцию византийского законодательства вплоть

¹⁰ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период. — АДСВ, VIII, 1972, с. 3—41; он же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1973, с. 3—18.

¹¹ Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

¹² Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. — ВО, 1971, с. 93—124.

до VIII в. С ее точки зрения, эволюция эта происходила под воздействием обычного права варварских народов, в частности славян, что нашло свое отражение в Земледельческом законе. Пороки системы судопроизводства в Византии вызвали необходимость новых судебных реформ в VIII в., сформулированных в Эклоге.

Концепция Липшиц, как можно заметить, не совпадает с мнением ряда других ученых, но тем не менее она заслуживает серьезного внимания исследователей.

Иных воззрений на роль рабства в ранней Византии придерживается Г. Е. Лебедева, которая на основе анализа кодексов Феодосия и Юстиниана пришла к выводу, что рабство в этот период сохранило свое производственное значение как в деревне, так и в городе¹³.

Не отрицая эволюции рабства и появления новых форм использования труда рабов, Г. Е. Лебедева, однако, полагает, что в ранней Византии господствовали еще рабовладельческие, а не раннефеодальные отношения. Она выступает против тезиса о том, что в этот период военнопленные превращались в колонов, а не в рабов. В государственных имениях, как свидетельствуют источники, военнопленные обращались как в рабов, так и в колонов, в частных же поместьях — исключительно в рабов. В ранней Византии интенсивно использовались почти все ранее известные источники рабства (за исключением «выращивания» рабов в латифундиях). Источники отражают «не только кризис рабства в IV—VI вв.», но и тенденции к его сохранению и поддержанию, что, по мнению Г. Е. Лебедевой, опровергает теорию о незаинтересованности землевладельцев империи в использовании труда рабов. Полемизируя с Е. Э. Липшиц и Е. М. Штаерман, исследовательница утверждает, что законодательные памятники не дают оснований рассматривать ранневизантийский период как качественно новый, когда общество якобы уже встало на путь активного изживания рабства.

Г. Е. Лебедева, однако, не отрицает некоторого сокращения масштабов рабовладения в изучаемую эпоху. По ее мнению, в городах Византии наблюдаются тенденции к сокращению применения труда рабов в муниципальных организациях при сохранении его в государственных мастерских¹⁴.

Советские византилисты продолжают разрабатывать проблемы экономики Византии. А. П. Каждан стремится выяснить противоречивость византийской экономики, проявлявшуюся в наличии одновременно товарных и натурально-хозяйственных тенденций. Византийская экономика в XI—XII вв. представляется ему основанной на мелком производстве с применением традиционных и несложных орудий труда при наличии несовершенных коммуникаций. Вместе с тем сохранение античной ремесленной и сельскохозяйственной техники наряду с другими факторами обеспечивало сравнительно высокий по средневековым нормам уровень производства¹⁵.

Касаясь спорного вопроса о наемном труде в Византии, М. Я. Сюзюмов характеризует последний как распространенный общественный институт. На основании юридических источников автор рассматривает такие виды наемного труда, как поденщина и подряд, прослеживает отношения

¹³ Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства. — ВВ, 35, 1973, с. 33—50; ВВ, 36, 1975, с. 31—44.

¹⁴ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. — В кн.: Средневековый город, вып. III. Саратов, 1975, с. 22—33.

¹⁵ Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI—XII в. — ВО, 1971, с. 169—212. Значение нового издания актов Лавры Афанасия на Афоне для социально-экономической истории Византии было показано А. П. Кажданом и Б. Л. Фонкичем (Каждан А. П., Фонкич Б. Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, с. 32—54).

между работниками и работодателями и вскрывает сущность конфликтов, возникавших между ними ¹⁶.

В связи с определением типологических особенностей византийского феодализма особенно острые дискуссии в нашей науке вновь вызвал вопрос о государственной собственности на землю в Византии. По этому спорному и еще далекому от разрешения вопросу в настоящее время в советском византиноведении наметились две точки зрения. Одни ученые придают наличию государственной поземельной собственности решающее значение в аграрных отношениях Византии вплоть до XI—XII вв. (А. П. Каждан, К. А. Осипова), другие отводят этому институту гораздо более скромное место в эволюции общественных отношений в империи (М. Я. Сюзюмов, Г. Г. Литаврин) ¹⁷. Специально этой проблемой в последние годы занимался Г. Г. Литаврин. Солидаризируясь с М. Я. Сюзюмовым ¹⁸, он выступает против концепции о наличии всеобщей государственной собственности на все земли в Византийской империи. По мнению автора, в Византии существовало три вида собственности на землю: частная собственность, в том числе собственность сельских общин, государственная и собственность царской семьи (последние два вида временами почти сливались).

Фонд государственных земель в Византии, размер которых сильно изменялся как в различных провинциях, так и в разные периоды, состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и переданные в казну), а также из императорских доменов. Византийские императоры не могли неограниченно распоряжаться землями своих подданных. Поэтому они раздавали в виде пожалований в первую очередь казенные земли, населенные государственными париками, земли императорских доменов и пустоши, которые разрешалось заселять пришлыми людьми. Свободные же деревни, населенные мелкими собственниками, в отличие от стран Востока, не могли быть пожалованы частным лицам ¹⁹.

На мой взгляд, было бы ошибочно приписывать Византии существование какого-то особого «государственного феодализма», преувеличивать масштабы государственной собственности на землю и влияние этой собственности на весь аграрный строй Византии. Но, с другой стороны, было бы столь же неверно отрицать или преуменьшать наличие государственной поземельной собственности в империи. Надо признать, что наличие государственной земельной собственности — типологическая особенность феодального строя Византии по сравнению с Западом. Но вместе с тем необходимо особо подчеркнуть, что и в Византии эволюция неуклонно вела к росту частного феодального землевладения вотчинного типа в ущерб этой государственной собственности ²⁰.

Одно из центральных мест в исследованиях советских византинистов в последние годы занимали судьбы византийского города. Эта проблема разрабатывалась как в теоретическом аспекте, так и в плане монографического рассмотрения социально-экономической, политической и идейной жизни отдельных городских центров. Хронологические рамки темы оказывались весьма широкими: прослеживалась динамика развития византийского города с IV в. вплоть до последних лет существования империи.

¹⁶ Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии. — ВО, 1971, с. 26—74.

¹⁷ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет, с. 180—195.

¹⁸ Сюзюмов М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии. — АДСВ, IX, 1973, с. 57—65.

¹⁹ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 35, 1973, с. 51—74.

²⁰ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — ВО, 1977, с. 3—65.

Важные теоретические проблемы эволюции города в ранней Византии были выдвинуты в исследованиях Г. Л. Курбатова. В Византии в IV—VII вв., по мнению автора, происходил процесс постепенного упадка, а затем и исчезновения массы мелких городских центров. Крупные же города по своей внутренней структуре утрачивали характер античных полисов. Одновременно изменялась социальная стратификация византийского города — разложение старых классов и сословий позднеантичного общества, трансформация городских корпораций, упадок муниципального строя. Разложение античной городской собственности в Византии автор относит к IV—VI вв. В VII в. эта собственность, полагает Курбатов, по существу трансформировалась и исчезла ²¹.

Из локальных исследований отдельных городов империи следует упомянуть работы И. Ф. Фихмана о египетском городе Оксирихе в византийскую эпоху. Согласно выводам автора, в Оксирихе в IV—VI вв. господствовало мелкое ремесленное производство, сочетавшееся с весьма ограниченным рабским трудом. Городское землевладение, хотя и сохранялось, постепенно вытеснялось императорским. Численность населения Оксириха в эту эпоху колебалась между 15 и 25 тыс. чел. ²²

К локальным исследованиям византийских городов можно отнести также археологические разыскания советских ученых в Херсонесе.

А. И. Романчук пыталась доказать наличие прямой преемственности в ремесленном производстве античного и средневекового Херсонеса. По ее мнению, никаких значительных перемен в жизни византийского Херсонеса в VII—VIII вв. не было ²³.

Истории Херсонеса посвятил ряд разделов своей книги «Крым в средние века» А. Л. Якобсон. В отличие от А. И. Романчук автор значительное внимание уделил изменениям, происшедшим в экономической жизни Херсонеса в конце IX—X в., когда после упадка VII—VIII вв. началось возрождение города и ближайшей округи ²⁴.

Характеристика состава населения, экономики и внутренней социальной структуры провинциального города Византии на рубеже XII—XIII вв. дана Г. Г. Литавриным. На основании налоговой описи Лампсака автор приходит к заключению, что Лампсак был в то время городом средних масштабов, численность его населения составляла 850—1000 жителей; это был типичный приморский город, центр земледельческой округи, с постоянно функционировавшим рынком, где торговали как местными, так и привозными товарами ²⁵.

В новейшей советской историографии продолжался спор о характере экономики и социальных отношений в городах поздней Византии. Центральное место в дискуссии занял вопрос о византийской мануфактуре. И. П. Медведев категорически отрицает наличие мануфактуры в поздней Византии. Он придерживается мнения о типично средневековом харак-

²¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971; *он же*. Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — ВВ, 35, 1973, с. 19—32.

²² Фихман И. Ф. Египетский город византийского времени. (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксириха). — ВО, 1971, с. 125—151; *он же*. Городское и императорское землевладение в Оксирихе IV—VI вв. — ПС, 23 (86), 1971, с. 144—155; *он же*. Численность населения позднеримского Оксириха. — ВДИ, 1972, № 3, с. 178—184.

²³ АДСВ, VII, 1971, с. 7—124; IX, 1973, с. 7—53; Романчук А. И. Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья. — ВВ, 32, 1971, с. 40—47; *она же*. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века». — АДСВ, VIII, 1972, с. 42—55.

²⁴ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.

²⁵ Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака). — ВВ, 37, 1976, с. 17—29. Тот же ученый занялся и таким специальным вопросом, как регулирование нормы прибыли в книге Эпарха (Литаврин Г. Г. Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X—XI вв. — АДСВ, 10, 1973, с. 39—43).

тере ремесленного производства в городах той эпохи. Лишь в некоторых центрах, связанных с добывающей промышленностью (горное дело, добыча квасцов), могли возникать материальные предпосылки для появления мануфактур на ранней стадии их развития ²⁶.

М. Я. Сюжмов и В. А. Сметанин полагают, что мануфактуры в зачаточном виде появились в Византии в XIII—XV вв., что подтверждается данными труда византийского писателя Феодора Скутариота (особенно по производству оружия в государственных мастерских) и венецианскими источниками, в частности «Книгой счетов» венецианского купца Джакомо Бадоэра. По мнению М. Я. Сюжмова и В. А. Сметанина, в поздней Византии зарождалась рассеянная мануфактура на базе итальянской торговли ²⁷. При современном состоянии источников вопрос о мануфактуре в Византии пока остается открытым.

Различным социально-политическим и культурным аспектам жизни поздневизантийского города посвящена монография И. П. Медведева о пелопоннесском городе Мистре — одном из важнейших центров поздней Византии и крупнейшем очаге культуры и образованности той эпохи. Книга И. П. Медведева является как бы продолжением серии монографий об отдельных провинциальных городах империи. Мистра, по мнению автора, в XIII—XV вв. оставалась типично феодальным городом как по своему социально-экономическому развитию, так и по социальной стратификации городского населения. Ремесло и торговля не играли большой роли в экономике Мистры, а для общественной жизни этого города были характерны экономическое и политическое господство феодалов, отсутствие самоуправления, слабость тех городских элементов, которые в дальнейшем могли бы стать носителями антифеодальных тенденций. В области интеллектуальной жизни и художественной культуры Мистра в XIV—XV вв. достигла значительного расцвета, хотя и здесь слабое развитие городских классов наложило печать феодальной ограниченности на произведение литературы и искусства Мистры, особенно в сравнении с шедеврами итальянского Ренессанса ²⁸.

В поле зрения советских византинистов находился и другой крупный городской центр XIII—XV вв. — Трапезунд. С. П. Карпов занимался изучением экономики, социальной структуры и внешней политики Трапезундской империи и ее столицы Трапезунда ²⁹. Расцвет Трапезунда, по мнению автора, относится к XIII—середине XIV в. В это время Трапезунд благодаря счастливому географическому положению сосредоточил в своих руках морскую и сухопутную торговлю. Отсюда начинался важный торговый путь на Восток — в Татарию, Персию, Среднюю Азию и Индию. Трапезунд поддерживал тесные торговые связи с Крымом, Русью, Закавказьем. Для Грузии Трапезунд служил главным портом, соединявшим ее с Константинополем. Постепенно расширялись торговые связи Трапезунда с Италией почти без посредничества Константинополя. Мало-помалу Трапезунд превратился в один из крупнейших центров черноморской посреднической торговли. В Трапезунде наблюдается также подъем ремесленного производства ³⁰.

²⁶ *Медведев И. П.* Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 391—408.

²⁷ *Сметанин В. А.* О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. — АДСВ, VIII, 1972, с. 108—119.

²⁸ *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; *он же.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, 34, 1973, с. 88—96.

²⁹ *Карпов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 35, 1973, с. 154—164; *он же.* Сочинения Никиты Хониата как источник по истории Трапезундской империи. — В кн.: Проблемы всеобщей истории (3). Изд-во МГУ, 1971, с. 133—156.

³⁰ *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 36, 1975, с. 83—99.

Надо отметить, что в последнее время в изучении экономики и социальной структуры поздневизантийского города явный перевес берут сторонники концепции об упадке византийских городов этой эпохи. Если в более ранних трудах советских византистов боролись две точки зрения — одни ученые отстаивали концепцию о зарождении в поздней Византии элементов предкапиталистических отношений, другие же подчеркивали отставание экономики византийских городов по сравнению с Западом, например Италией, то теперь голоса в защиту поступательного развития городской экономики XIII—XV вв. раздаются все реже³¹.

Классовая борьба в городах империи изучалась в последние годы А. А. Чекаловой, Г. Л. Курбатовым, Г. Г. Литавриным, М. А. Поляковской. А. А. Чекалова посвятила свое исследование восстанию Ника 532 г. в Константинополе и пришла к выводу, что главной движущей силой его были народные массы³².

Г. Л. Курбатов полемизирует с А. Кэмероном по вопросу о византийских димах и фракциях. Он отстаивает тезис о социальном характере движения димов в ранней Византии. Оценка А. Кэмероном борьбы партий как деятельности цирковых спортивных организаций, опиравшихся на небольшие группы «индивидуальных сторонников», по мнению Г. Л. Курбатова, опровергается многочисленными фактами массовых социальных выступлений городского населения.

Г. Г. Литаврин рассмотрел восстание 1042 г. в византийской столице. Оно, по мнению автора, явилось выражением глубокого кризиса бюрократического режима имперской автократии, приведшего к столкновению трех политических сил — чиновной бюрократии, светской знати и богатой торгово-ремесленной верхушкой Константинополя. М. А. Поляковская собрала новые данные о социальных конфликтах в городах поздней Византии.

Все большее место в трудах советских исследователей в последние годы занимает социальная структура византийского общества.

В теоретическом аспекте на обширном материале источников XI—XII вв. (в частности, просопографическом) эта проблема рассмотрена в обобщающем труде А. П. Каждана³³.

В этой книге дана характеристика различных группировок византийской правящей элиты, показаны отдельные ее градации, определявшиеся как положением данного лица в чиновной иерархии, так и его богатством. Автор подчеркивает отсутствие в Византии сословной системы и замкнутого правящего сословия. Социальная стратиграфия византийского общества отличалась нестабильностью, вертикальная мобильность играла в ней значительную роль. Однако при Комнинах происходит аристократизация Византии, формируется элита аристократических семей, связанных родством с царствующим домом. Сочетание вертикальной динамики с наличием аристократических семей — главное, по мнению ученого,

³¹ Удалыцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет, с. 211—215. Концепцию об отсутствии в городах Византии буржуазных элементов поддерживает и В. Н. Завражин. Анализируя термин «месой» в сочинении Иоанна Кантакузина, он приходит к выводу, что эти «средние» являлись представителями торгово-ростовщических кругов, связанных с местной торговлей. В них отнюдь нельзя усматривать нарождающиеся буржуазные элементы города, ибо интересы «средних» слоев и феодальной аристократии были очень близки (Завражин В. Н. «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 224—230).

³² Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании «Ника». — ВВ, 32, 1971, с. 24—39; Курбатов Г. Л. Еще раз о византийских димах. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 3—21; Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 33, 1972, с. 33—46; Поляковская М. А. К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту). — АДСВ, VIII, 1972, с. 95—107.

³³ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI—XII вв. М., 1974.

характерное противоречие структуры господствующего класса Византийской империи.

Другой характерной чертой стратиграфии византийского общества был, по мнению его, постоянный приток иноземцев в господствующий класс Византии.

Эта особенность византийской элиты рассмотрена А. П. Кажданом не только в его обобщающем труде, но и локальном исследовании, посвященном специальному вопросу о роли армян в составе господствующего класса Византии того же времени ³⁴. В этой книге автор приходит к выводу о том, что армяно-византийская знать занимала в XI—XII вв. важное место в составе правящего класса империи, составляя в нем примерно 10—15%. По своему вероисповеданию она могла быть и халкидонитской, и монофиситской. Она заключала брачные союзы с виднейшими аристократическими родами, в том числе с Комнинами, и обладала обширными поместьями, выполняла военные и административные функции в пограничных областях империи.

Кроме указанных работ в советской историографии появилось немало исследований проблемы социальной структуры византийского общества, которые, однако, носят более частный характер.

Социальная природа и имущественное положение сенаторской аристократии в первой половине VI в. были предметом исследования А. А. Чекаловой. Вывод автора сводится к тому, что в VI в. еще не была поколеблена экономическая мощь сенаторского сословия и богатства сенаторов состояли прежде всего из земельных владений. Вместе с тем политическое влияние сената неуклонно падает. Недовольство сенаторской оппозиции ущемлением со стороны центральной власти их интересов привело к активному участию сенаторской аристократии в восстании Ника ³⁵, хотя основной движущей силой в этом восстании был народ.

Г. Г. Литаврин на материале завещаний XI в. попытался выявить размеры земельной собственности византийской провинциальной аристократии того времени. По его наблюдениям, владения светских земельных собственников были относительно невелики. Земельная собственность не являлась главным источником богатств провинциальных аристократов ³⁶.

Картина жизни семьи провинциального византийского феодала воссоздана Г. Г. Литавриным на основе сочинения византийского полководца XI в. Кекавмена «Советы и рассказы» (или «Стратегикон»). Новое издание этого памятника, содержащего ценнейшие сведения о современном Кекавмену обществе, об экономической, политической и военной истории Византии, Болгарии и Сербии, осуществлено Г. Г. Литавриным по единственной сохранившейся рукописи, которая находится в Историческом музее в Москве (ГИМ, № 436) ³⁷. Издание снабжено ценным комментарием.

А. П. Каждан в одной из своих статей обратился к социологическому анализу византийской монашеской организации. Он рассматривает византийский монастырь XI—XII вв. как своеобразную микроструктуру и проводит его типологическое сравнение с западноевропейскими монастырями. По мнению автора, византийский монастырь в отличие от западноевропейского характеризовался тенденциями к индивидуализму

³⁴ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975.

³⁵ Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ, 33, 1972, с. 12—32; она же. Константинопольские аригпропраты в эпоху Юстиниана. — ВВ, 34, 1973, с. 15—21.

³⁶ Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний). — ВО, 1971, с. 152—168.

³⁷ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972.

в сочетании с экономической и административной зависимостью от государства³⁸. Отсутствие монашеских орденов и ограниченность межмонастырских связей является также показателем относительной слабости корпоративности в Византии.

Сведения иностранцев, в частности Гийома Тирского, о составе господствующего класса в Византии разобраны А. П. Кажданом и М. А. Заборовым. Ученые показали, что Гийом Тирский выделяет следующие группы византийской аристократии: царских родичей, челядинцев и служилую знать. Термины типа «нобили» или «магнаты» у него крайне редки³⁹.

Одной из важных тем при изучении социальной стратификации византийского общества оставались категории византийского крестьянства.

В. А. Сметанин, продолжая свои исследования о положении византийского крестьянства в поздней Византии, отметил наличие различных категорий свободного крестьянства и их имущественную дифференциацию. Согласно концепции автора, в поздней византийской деревне известную роль играл наемный труд. Наемные работники в Византии представляли собой особый, спорадически возникающий слой зависимых людей, пополнявшийся за счет обедневшего крестьянства. Одновременно автор показал неоднородность слоя сельских ремесленников, которые могли быть как свободными, так и зависимыми людьми. Тот же автор попытался расчленить массы зависимых крестьян — париков поздней Византии на различные категории. Критерием при выделении этих категорий для него являются особенности взимания ренты с париков в различных типах феодальных владений. В соответствии с этим В. А. Сметанин выделяет прониарских, монастырских и казенных париков⁴⁰.

М. Я. Сюзюмов сделал попытку по-новому осмыслить понятие «трудящийся» в Византии. Рассмотрев такие термины, как «пенеты» и «птохи» — «бедняки», он приходил к выводу, что чаще всего эти термины служили обозначением обедневшего трудящегося населения империи⁴¹.

Проблеме феодализации византийской армии посвящены исследования В. В. Кучмы. Автор прослеживает эволюцию византийской армии в IX—X вв. из стратиотского ополчения в войско феодального типа. Феодализация армии сказалась в создании подразделений феодальных дружинников катафраков, в тенденции монополизировать военную службу со стороны офицерской верхушки, в сокращении численности имперской армии. В. В. Кучма издал русский перевод «Стратиотского Закона» и проследил соотношение этого памятника со «Стратегиконом» Псевдомаврикия и «Тактикой» Льва VI⁴².

Видное место в исследованиях советских византинистов как всегда занимала тема политических и культурных связей Византии с соседними странами. Проблема истории международных отношений и международного права привлекала внимание И. П. Медведева. Автор пытается по-но-

³⁸ Каждан А. П. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, с. 48—70.

³⁹ Каждан А. П. и Заборов М. А. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии. — ВВ, 32, 1971, с. 48—54.

⁴⁰ Сметанин В. А. Категории свободного крестьянства в поздней Византии. — ВО, 1971, с. 75—85; он же. Наемные работники поздневизантийской деревни. — ВВ, 32, 1971, с. 55—60; он же. Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа. — УЗ УГУ, 112, 1971, с. 159—171; он же. О статусе некоторых категорий париков в поздней Византии. — ВВ, 33, 1972, с. 7—11.

⁴¹ Сюзюмов М. Я. О понятии «трудящийся» в Византии. — ВВ, 33, 1972, с. 3—5.

⁴² Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX—X в. — ВО, 1971, с. 86—97; он же. Νόμος στρατιωτικός (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права). — ВВ, 32, 1971, с. 276—284; он же. «Тактика Льва» как исторический источник. — ВВ, 33, 1972, с. 75—84; он же. К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва». — АДСВ, VIII, 1972, с. 89—94; он же. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, IX, 1973, с. 102—113.

вому разрешить вопрос, была ли верховная власть в Византии в отношении соседних государств реальной или номинальной и как она влияла на их суверенитет. И. П. Медведев приходит к выводу, что в международном праве авторитет доктрины всемирной империи был высок и в этом смысле империя ограничивала суверенитет даже тех государств, которые реально отнюдь не подчинялись Византии ⁴³.

Сложная проблема о месте Никейской империи в системе международных отношений XIII в. разрабатывается П. И. Жаворонковым. В опубликованной им части его монографии прослеживаются связи Никей с Западом и Востоком с государствами Апеннинского полуострова, папством, с турками-сельджуками.

В работе дается новая трактовка некоторых событий дипломатической борьбы того времени, уточняются их датировки, проливается новый свет на западную и восточную политику Ватаца и Ласкарей ⁴⁴.

Традиционной и плодотворно разрабатываемой темой в советском византиноведении продолжает оставаться история русско-византийских политических и культурных связей.

Основные этапы политических взаимоотношений Византии и Руси в X—XII вв. намечены Г. Г. Литавриным ⁴⁵.

В ценной монографии Е. Ч. Скржинской рассматриваются экономические и политические связи Италии, Византии и России в XV в. по данным сочинений Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Исследовательница опубликовала тексты этих памятников и их русский перевод, содержащие полезные сведения о Причерноморье, Константинополе и Трапезунде ⁴⁶.

В исследованиях Я. Н. Шапова, В. Г. Брюсовой, Г. В. Алферовой и многих других ведутся разыскания, связанные со сложной проблемой влияния византийской государственности и культуры на Русь. Ученые приходят к выводу, что византийское наследие ощущалось сильнее в тех сферах общественной и культурной жизни, где были слабее местные традиции. В тех же областях знания и материальной культуры, где оно встречалось с развитыми институтами аналогичного характера, оно не вытесняло последних, но подвергалось значительному переосмыслению ⁴⁷.

Непреодолимый интерес советских исследователей вызывает фигура Максима Грека. В последние годы этот интерес особенно оживился в связи с открытием в 1968 г. Сибирского списка Судного дела Максима Грека, проливающего новый свет на деятельность этого мыслителя в Русском государстве. Изучение идейного наследия Максима Грека и отношения

⁴³ *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных стран). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 412—424; *он же*. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. — ВВ, 33, 1972, с. 129—139.

⁴⁴ *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад. — ВВ, 36, 1975, с. 100—121; *он же*. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 37, 1976, с. 48—61.

⁴⁵ *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. — ВИ, 1972, № 7, с. 36—52.

⁴⁶ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. Эта же исследовательница издала эпиграфический памятник — надгробие XIV в. из Таны венецианского посла Якопо Корнаро. Памятник проливает дополнительный свет на развитие международных отношений в Северном Причерноморье во второй половине XIV в. См. *Скржинская Е. Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро 1362 г.). — ВВ, 35, 1973, с. 103—118.

⁴⁷ *Шапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — ВВ, 34, 1971, с. 71—78; *Брюсова В. Г.* и *Шапов Я. Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. — ВВ, 32, 1971, с. 85—103; *Алферова Г. В.* Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов. — ВВ, 35, 1973, с. 195—220.

этого ученого к итальянскому Возрождению посвящена работа А. И. Иванова «Максим Грек и итальянское Возрождение». По мнению автора, в творчестве Максима Грека обнаруживаются черты как средневековых, так и ренессансных традиций, византийской и западно-европейской образованности. Отсюда проистекала двойственность и противоречивость его философских и эстетических взглядов, впрочем характерная также и для большинства деятелей итальянского Возрождения. Как полагает исследователь, литературная деятельность Максима Грека при всей ее противоречивости была проникнута гуманистическими идеями и оказала плодотворное воздействие на развитие русской культуры и общественно-политической мысли⁴⁸.

Все большее значение в работах советских византистов за последние годы приобретает исследование кардинальных проблем общественной мысли и культуры Византии. Работы З. В. Удальцовой посвящены писателям ранней Византии — в них анализируются социально-политические и философские воззрения Аммиана Марцеллина, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра и Феофилакты Симокатты, Иоанна Малалы.

В мировоззрении крупнейшего историка VI в. Прокопия Кесарийского, по нашему мнению, сочетались черты античного мирозерцания с некоторыми элементами христианской идеологии. В хронике же Иоанна Малалы уже господствует христианское мирозерцание, хотя отчетливо прослеживается влияние античного наследия⁴⁹.

Большой коллектив авторов, специалистов по истории античной и византийской литературы выпустил в свет под редакцией Л. А. Фрейберг ценный труд, содержащий отдельные этюды, объединенные единой темой — генетической связью античной и византийской литератур⁵⁰. Авторы дают яркую характеристику не только ряда выдающихся писателей и тех или иных явлений в византийской литературе, но и прослеживают влияние на нее античных традиций.

Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью явились предметом изучения С. С. Аверинцева. В его работе яркие характеристики знаменитых деятелей культуры той эпохи, философов, богословов, писателей (Августина, Григория Великого, Псевдо-Дионисия, Эриугены) сочетаются с широкой картиной общего развития культуры Средиземноморья в IV—IX вв.⁵¹

М. Я. Сюзюмов вновь обратился к изучению мировоззрения Льва Диякона. По мнению исследователя, социальные симпатии Льва Диякона были на стороне землевладельческой знати. В своем творчестве Лев

⁴⁸ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. Издание подготовил Н. Н. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971, ротапринт. О Максиме Греке см. *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 29—141; *Зимин А. А.* Максим Грек и Василий III в 1525 г. — ВВ, 32, 1971, с. 61—84; *Фонич Б. Л.* Русский автограф Максима Грека. — «История СССР», 1971, № 3, с. 153—158; *Иванов А. И.* Максим Грек и итальянское Возрождение. — ВВ, 33, 1972, с. 140—157; ВВ, 34, 1973, с. 112—121; ВВ, 35, 1973, с. 119—136. См. также: *Белоброва О. А.* К иконографии Максима Грека. — ВВ, 34, 1973, с. 244—248.

⁴⁹ *Удальцова З. В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 31, 1971, с. 8—22; *она же.* Мировоззрение хрониста Иоанна Малалы. — ВВ, 32, 1971, с. 3—23; *она же.* Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского. — ВВ, 33, 1972, с. 47—74; *она же.* Из истории византийской культуры раннего средневековья (Мировоззрение византийских историков IV—VII столетий). — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сборник статей в честь С. Д. Сказкина. М., 1971, с. 260—276; *она же.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.

⁵⁰ Античность и Византия. М., 1975.

⁵¹ *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 17—64.

Диакон во многом следовал античным образцам и преклонялся перед античностью⁵².

Различные аспекты литературного творчества писателя и философа XI в. Михаила Пселла освещены в работах Я. Н. Любарского. В одной из статей Я. Н. Любарский остановился на жанровой и композиционной специфике исторического сочинения Пселла, подчеркнув, что, согласно теоретическим представлениям последнего, форма литературного произведения должна соответствовать содержанию. Много внимания автор уделяет выяснению взаимоотношений Пселла с современными ему политическими деятелями и представителями византийской образованности. В большинстве случаев эти взаимоотношения определялись не соображениями выгоды, но общностью или противоположностью политических и научных интересов. Тот же исследователь рассмотрел систему образов «Хронографии» Михаила Пселла⁵³, отметив, что при изображении исторического героя Пселл нередко прибегает к литературным клише, но в то же время умело обрисовывает индивидуальные черты того или иного деятеля.

Социально-политические и философские взгляды историков XII—XV вв. также находились в поле зрения советских византинистов.

А. П. Каждан провел анализ сравнений и метафор Никиты Хониата и Никифора Григоры и пришел к выводу, что две системы сравнений отражают два разных взгляда на историю: Хониат видит в течении событий непрерывное изменение к худшему, Григора, — движение к лучшему⁵⁴.

С. К. Красавина дала обстоятельную характеристику социально-политических воззрений византийского историка XV в. Дуки⁵⁵. Исследовательница показала, что хотя византийская историография XV в. в целом оставалась историографией феодального общества, однако в творчестве некоторых писателей, в частности Дуки, уже прослеживаются гуманистические черты. Дука пытался дать ответ на волнующие проблемы современности, искал в историческом творчестве своеобразный выход для разрешения политических задач своего времени. По нашему мнению, особенно ярко гуманистические тенденции проявились в философских трудах крупнейшего византийского ученого XV в. Виссариона Никейского⁵⁶.

Основные этапы развития византийской литературы и ее различные жанры (поэзия, народный и книжный эпос, сатира, эпиграммы, эпитафия, роман) освещены в книге «Византийская литература», вышедшей под редакцией С. С. Аверинцева⁵⁷.

Изучение византийского романа продолжали С. В. Полякова⁵⁸ и А. Д. Алексидзе. Византийские сатирические повести, памфлеты и энкомии

⁵² Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, VII, 1971, с. 127—148.

⁵³ Любарский Я. Н. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 31, 1971, с. 23—37; он же. Пселл в отношениях с современниками. — ПС, 23, 1971, с. 125—143; ВВ, 34, 1973, с. 72—87; ВВ, 35, 1973, с. 89—102; ВВ, 37, 1976, с. 98—113; он же. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 33, 1972, с. 92—114.

⁵⁴ Каждан А. П. «Корабль в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения, с. 3—16.

⁵⁵ Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. — ВВ, 34, 1973, с. 97—111.

⁵⁶ Удальцова З. В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии. — ВВ, 35, 1973, с. 75—88.

⁵⁷ Византийская литература. М., 1974.

⁵⁸ Полякова С. В. Из истории греческого романа в Византии. — ВВ, 31, 1971, с. 243—248; она же. О хронологической последовательности Евматия Макремволита и Феодора Продрома. — ВВ, 32, 1971, с. 104—108; она же. Экфраза XII месяцев Евматия Макремволита. — ПС, 23, 1971, с. 114—124; она же. Некоторые наблюдения над повествовательной манерой Евматия Макремволита. — ВВ, 35, 1973, с. 187—194.

(похвальные слова) как особый жанр византийской литературы были предметом изысканий М. А. Поляковской⁵⁹.

В. А. Сметанин разрабатывал проблемы византийской эпистографии⁶⁰.

Специальное исследование А. П. Каждана посвящено истории греческой книги и письма. Автор освещает широкий круг вопросов, связанных с изготовлением рукописной книги в Византии. Много места он уделяет византийской образованности, начальной и высшей школе, в частности Константинопольскому университету, приводит материал об учебных книгах, о тривиуме и квадравиуме в Византии. В книге очерчен основной круг чтения, доступный византийцам, излагается история византийских библиотек. Особая глава посвящена творчеству византийского писателя XII—XIII вв. Никиты Хониата⁶¹.

Продолжалось изучение греческого рукописного наследия, хранящегося в библиотеках и архивах Советского Союза. Оно велось как по линии исследования отдельных рукописей с точки зрения палеографии и кодикологии⁶², так и по линии изучения истории больших рукописных комплексов⁶³ и каталогизации греческих рукописей СССР⁶⁴.

Таковы основные новейшие работы советских византинистов, свидетельствующие о дальнейшем поступательном развитии византиноведческих исследований в Советском Союзе. С удовлетворением можно отметить, что советские византинисты к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции пришли со значительными успехами.

⁵⁹ Поляковская М. А. О памфлете Николая Кавасилы. — АДСВ, VII, 1971, с. 149—158; она же. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник. — АДСВ, IX, 1973, с. 77—88; она же. Толкование повести «Лукий, или Осел» Алексеем Макремволитом. — ВВ, 34, 1973, с. 137—140.

⁶⁰ Сметанин В. А. Эпистография. Методическая разработка к специальному семинару для студентов-заочников исторического факультета. Свердловск, 1970.

⁶¹ Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.

⁶² Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 31, 1971, с. 108—120; он же. Киевский список греческой версии «Варлаама и Иоасафа». — «Мацне», 1973, № 3; он же. Греческая рукопись митрополита Фотия. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

⁶³ Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977.

⁶⁴ Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Матенадарана. — «Вестник Матенадарана», т. 12, 1977; он же. Греческие рукописи Одессы. — ВВ, 39, 1978, с. 184—200.

З. В. УДАЛЬЦОВА, Р. А. НАСЛЕДОВА,
Б. Л. ФОНКИЧ, А. В. БАНК

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В АФИНАХ

5—11 сентября 1976 г. в Афинах состоялся очередной XV Международный конгресс византинистов. В его работе приняли участие около 800 делегатов из 36 стран. Конгресс собрал всех крупнейших византинистов мира. Весьма представительными были делегации Греции — Д. Закинос, П. Зепос, И. Караяннопулос, А. Орландос, А. Ксингопулос, М. Хадзидакис и многие другие, Франции — П. Лемерль, Э. Арвейлер, Н. Зворонос, А. Гийу, США — И. Шевченко, И. Мейендорф, П. Харанис, Р. Топпинг, Д. Джанакопос и др., Англии — С. Рэнсимен, Д. Оболенский, Р. Браунинг, Д. Найкл, К. Манго и др., ФРГ — Г. Г. Бек, Г. Хауссиг, П. Классен, А. Хольвег, Я. Ферлуга, Е. Кирстен и др., Австрии — Г. Хунгер, О. Демус и др., Бельгии — К. Дельвуа, Е. Шриккер, М. Леруа и др., Канады — Н. Икономидис, Кипра — Т. Пападопулос, К. Киррис и др., Италии — Б. Лаваньини, А. Пертузи, Э. Фольери, Дж. Скиро и др. Из социалистических стран приехали почти все крупнейшие византинисты и много молодых ученых: из Болгарии — Д. Ангелов, И. Дуйчев, В. Тышкова-Заимова, С. Лишев, Г. Цанкова-Петкова и др., из ГДР — И. Ирмшер, Х. Кэпштейн и др., из Польши — Г. Капессова, Т. Василевский, из Румынии — М. Берза, Э. Станеску, Ст. Паску и др., из Чехословакии — Б. Застерова, В. Грохова, из Югославии — Б. Ферьянич, В. Джурич, Л. Максимович и др. Советская делегация состояла из 23 человек, ученых из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана.

XV Международный конгресс византинистов стал важным событием в общественно-политической и культурной жизни Греции. Конгресс проходил под эгидой Министерства науки и культуры (министр К. Трипанис), афинской Академии наук и под патронатом президента Греческой республики К. Цацоса, который лично приветствовал делегатов на торжественной церемонии открытия конгресса в актовом зале Афинского университета. Работа конгресса вызвала большой интерес греческой общественности и освещалась в прессе, по радио и телевидению.

Главной темой конгресса, разработка которой должна была объединить усилия специалистов различных отраслей византиноведческой науки, была избрана проблема: «Византийский мир в 1071—1261 гг.» По замыслу организаторов конгресса все доклады (за редким исключением) должны были ограничиваться хронологическими рамками — от разгрома империи при Манцикерте в 1071 г. и до восстановления византийского государства в 1261 г. Этот отрезок времени в истории Византии, как известно, насыщен драматическими событиями — такими, как завоевание Константинополя крестоносцами, распад империи, борьба греческих государств с латинянами, наконец, новое «возрождение» Византии как единого государства при Михаиле VIII Палеологе. Этот период очень сложен для изучения и порождает много спорных, еще далеких от разрешения вопросов. Они связаны не только с внешнеполити-

ческими событиями, но также с внутренней историей и идейной жизнью Византии той эпохи.

В центре внимания участников конгресса находилась проблема: Византия между латинским Западом и мусульманским Востоком в конце XI—середине XIII в. Однако по существу эта проблема свелась к вопросу о взаимоотношениях греко-православной Византии и латинского Запада в различных сферах общественной жизни: в экономике, политике, в области государственного и церковного устройства, языка, литературы, общественной мысли, идеологии и искусства. Взаимоотношения Византии и Запада трактовались то как взаимодействие, взаимопроникновение (некий симбиоз или синтез) общественного строя, политических институтов, идеологии и культуры Византии и латинян (франков и венецианцев), то как противоборство, конфронтация этих двух миров, главным образом в сфере церковной и идеологической. Иными словами, в поле зрения ученых находились два мира, две культуры в острый момент их столкновения, перекрещивания, сближения и отталкивания. Однако, естественно, все эти проблемы рассматривались с «византийского берега», с точки зрения собственной истории Византии и ее общественного и культурного развития.

Работа конгресса проходила в пяти секциях: 1) история, 2) язык, литература, филология, 3) искусство и археология, 4) общественная мысль, философия, история идей, 5) Кипр в византийском мире.

Центральное место как по широте и значимости поставленных проблем, так и по глубине их разработки, принадлежало, думается, секции истории.

Главная тема конгресса была здесь освещена в трех основных аспектах:

I. «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире с 1071 по 1261 г.», т. е. ставился вопрос об определении как факторов децентрализации, способствовавших распаду империи и ее завоеванию крестоносцами, так и факторов централизации, обеспечивших стойкость Византии в борьбе с латинянами и ее восстановление в 1261 г.

II. «Состав и движение населения в византийском мире». Разработка этой темы пролиvalа свет на демографические и этнические перемены, связанные с массовыми перемещениями населения в разных областях Византии в изучаемую эпоху.

III. «Симбиоз в латинских государствах, образовавшихся на византийской территории». Здесь в различных ракурсах рассматривались взаимоотношения греков и латинян в Море и на Крите.

При рассмотрении первой темы был выдвинут ряд чрезвычайно важных и дискуссионных проблем, и прежде всего вопрос о том, как оценивать роль централизованного государства, императорской власти и централизации в целом в истории Византии конца XI—середины XIII в. и, соответственно, какую оценку следует дать тенденциям к децентрализации, к самостоятельности провинций, их противоборству против самовласти чиновной бюрократии и монополии Константинополя? Длительное время в византиноведческой науке на этот вопрос давался почти всегда однозначный ответ: централизация — хорошо, децентрализация — плохо; иными словами, сила Византийской империи заключалась в сохранении крепкой центральной власти и в поддержании могущества Константинополя, процессы же децентрализации, феодализации (в западном понимании этого слова) всегда были пагубны для империи, именно они ослабили ее и открыли путь в византийское государство иноземным завоевателям. В связи с этой концепцией рост провинций, усиление провинциальной знати и отпадение провинций от Константинополя рассматривались как вредные для империи проявления феодальных тенденций. За последние годы, в византиноведческой историографии, правда, стали все сильнее звучать иные голоса: ученые вставали на защиту провинций (особенно Малой Азии), обличали пороки бюрократического аппарата централизованного государства и монополистические притя-

зания Константинополя, тормозившего развитие провинциальных городов. Столкновение этих полярных точек зрения сделало особенно необходимым углубленное рассмотрение вопроса о силах централизации и децентрализации в Византии изучаемого периода.

На конгрессе эта проблема в социально-экономическом аспекте была освещена в трех докладах: З. В. Удальцовой, А. П. Каждана (СССР) и В. Гроховой (ЧССР).

В докладе З. В. Удальцовой «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071—1261). Социально-экономические аспекты проблемы» прослеживалась эволюция социально-экономических отношений в империи. Решающее значение в этой эволюции приобретают два фактора: укрепление феодальной вотчины и рост провинциальных городов. Консолидация феодальной вотчины, ослабление централизованных и усиление сеньориальных форм эксплуатации в византийской деревне создали предпосылки возникновения локальных объединений в провинциях и способствовали экономическому обособлению последних. Это в конечном счете приводило к централизации в локальных масштабах и к децентрализации в пределах всей империи. Важным компонентом этого процесса был также рост провинциальных городов, ослабление натурально-хозяйственной экономики и втягивание феодальной деревни в товарно-денежные отношения. Одновременно ослаблялись экономические позиции Константинополя, что во многом было связано с перемещением экономической активности в провинциальные города. Существование локальных социально-экономических общностей, естественно, пришло в противоречие с унифицирующими принципами римско-византийской государственности. Социально-экономическая эволюция Византии в конце XI—середине XIII в. послужила фундаментом закономерного и прогрессивного на данном историческом этапе феодального раздробления византийского государства на основе внутренней экономической консолидации провинций. Вместе с тем она обусловила борьбу сил централизации и децентрализации, осложняемую внешнеполитическими событиями. Закономерный процесс феодального раздробления Византии и подъема провинций был затруднен противоборством центральной власти и гипертрофированного столичного центра — Константинополя.

В докладе З. В. Удальцовой в типологическом плане рассматривались основные особенности феодальных отношений в Византии по сравнению со странами Западной Европы и намечались этапы развития византийского государства в аспекте борьбы сил централизации и децентрализации.

В докладе А. П. Каждана «Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1071—1261). Социальная структура византийского общества» подчеркивалась амбивалентность, противоречивая двойственность византийских учреждений: наряду с центростремительными феноменами Византии имманентно были присущи центробежно действующие силы. В Византии не сложились или оставались неразвитыми те силы, которые могли бы противостоять центральной власти, — могущественные сеньории, светские и духовные («княжества») или вольные («имперские») города. Особенности социальной структуры Византии явились, по мнению А. П. Каждана, «рыхлость» микроструктур и вертикальных (иерархических) личных связей и нестабильность господствующего класса. Нестабильность и открытость византийской знати порождала противоречивые, амбивалентные тенденции — с одной стороны, она была важным фактором центростремительных тенденций: не имея прочных основ ни в «княжеских» вотчинах, ни в аристократической генеалогии, константинопольская знать, участвуя в государственной власти и в разделе государственного налога, становилась сознательным и активным оплотом автократии.

Нестабильность знати, однако, влекла за собой и противоположные центробежные тенденции: отсутствие прочного статуса византийской аристократии, особенно в провинциях, толкало ее к мятежам, отпадениям, дворцовым переворотам. Византийская знать отстаивала принцип автократии, а не самодержавную власть данного лица или аристократического рода. Положение меняется при Комнинах, когда упрочение феодальных отношений повлекло за собой консолидацию военной аристократии, укрепление социальных связей и объективно стало фактором централизации. Однако нельзя не видеть, оговаривается автор, и оборотной стороны феодализации — упрочения позиций феодальной провинциальной знати. Вместе с тем он подчеркивает, что тенденция к консолидации империи на феодальной основе при Комнинах оказалась безрезультатной, и в конце XII в. особенно остро обнаружило себя противоречие между центробежными силами феодализирующейся провинции и псевдо-центростремительными силами правящего Константинополя. Докладчик приходит к выводу, что в 1204 г. феодально-раздробленный Запад одержал победу над централизованно-бюрократической Византией. Латинская империя, однако, восприняла принципы и формы организации византийской автократии, а падение Константинополя создало предпосылки для создания «партикуляристских» образований (Никея, Эпир, Трапезунд).

Социально-экономическое развитие Византии в конце XI—середине XIII в. определялось двумя факторами общеевропейского характера: становлением провинциальных городов и упрочением феодальной вотчины. Эти выводы А. П. Каждана полностью совпадали с основными положениями доклада З. В. Удальцовой. Но в Византии развитию этих прогрессивных факторов мешали как серьезные внешнеполитические неудачи, так и существование прочных традиций «римской» государственности и социальной системы. В заключение автор призывает отказаться от традиционной трактовки феодализма как язвы, разъедавшей Византийское государство и подготавливавшей его распад. Феодальные институты в Византии XI—XIII вв. были не проявлением разрушительных, болезнетворных сил, а формами поступательного исторического развития. Те феномены, которые казались центробежными (провинциальные города, феодальные вотчины), оказались на деле оплотом реальной централизации (при Комнинах, Ласкарях), тогда как византийская централизованная автократия была негибкой государственной организацией и центростремительные по внешней видимости факторы лишь порождали универсалистские планы, объективно же ослабляли Византийскую империю.

Доклад В. Гроховой «Византийские города в XI—XIII вв. — феномен центробежный или центростремительный в эволюции византийского общества?» раскрывал роль городов в борьбе центробежных и центростремительных сил в Византии изучаемой эпохи. Автор полностью приняла основной тезис З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о перемещении в это время центра ремесленного производства из столицы в провинциальные города. Она признала и возрастание экономического значения провинциальных городских центров. Большое внимание докладчица уделила вопросу о проникновении в византийскую торговлю, в частности торговлю провинциальных городов, итальянского торгового капитала. Приведя многочисленные факты внедрения итальянских городов-республик в экономическую жизнь многих городов Эпира, Фессалии, Аттики и Пелопоннеса, исследовательница пришла к выводу, что экономический подъем в XI—XIII вв. переживали преимущественно те города Греции и Пелопоннеса, которые были связаны с международной торговлей, главным посредником в которой была Венеция и другие итальянские республики.

В. Грохова пыталась выяснить, влекло ли за собой экономическое

В центробежных силах в Византии докладывая выделяла две противоположные тенденции: 1) тенденция мелких и крупных земельных собственников к независимости по отношению к любой форме централизма, tendency к феодальной анархии; 2) «провинциализм» — tendency к независимости провинций, отдельных областей, неких прочных общностей, со своей экономической базой и вытребенной административной и Антегах, но особенно ярко проявились после падения Константинополя в 1204 г. В XIII в. в империи возобладала не феодальная анархия, а провинциальный партикуляризм. И даже, по мнению Докладчицы, не имело значения то, что стояли во главе этих образований, типа государств, византийские феодалы (Никея, Эфес, Фессалия), франки (Ахаия, Арга), или славяне (Болгария, позднее Сербия). Правительством этих относительно малых политических образований извлекало выгоды

Феодалы Бране и др.). Города оттаются в ген византийским феодалам (Адрианополис отдал в ген империи провинциальный партнер с франками. В это время отдельные паша как равноправный партнер в некоторых областях выступил рода стали центрами этой политической активности. В эпоху латинской политической активности провинциальной знати, провинциальные города стали центрами. Удалок государственного аппарата продвинулся в провинциях. Эта эволюция тесно связана с ростом крупного феодального землевладения в провинциях, стала проявляться открыто. Бесспорно, скрытая, латентная эволюция, которая велела к усилению роли городов (феодала) представителем провинциальной знати. Только после 1204 г. не одного известия о пожелании провинциальных городов в качестве ее в провозглашение и торговле провинциальных центров. До 1204 г. нет определить роль знати в экономической жизни городов, степень участия связана с экономической жизнью городов. И для XI—XII вв. трудно власти, а знать, управлявшая провинциями, не была непосредственно политико-административных центров, являлись опорой центральной централизованного государства города, которые выполняли функции могли занять достойное положение в политической жизни страны. В эпоху образования, подобно городам-коммунам Западной Европы, и не XII в. большинство провинциальных городов не были независимыми и центробежными сил в сфере политико-административной. В XI—XII вв. была также роль городов в борьбе центробежных независимости.

Пытал устремился в провинции, которые стали на путь борьбы за свою разную власть, особенно после латинского завоевания, торговый капитал роль центробежных сил. С момента же ослабления централизованной силы, чтобы в той или иной степени защищать интересы новой торговли провинций. Когда власть византийских императоров была капиталу мало-помалу стал захватывать господствующую позицию и в местной торговле провинций. Иностранцы купцам, извлекали из этого большие выгоды, что способствовало императору, покровительствуя иностранцам, в частности итальянским колонизаторам с А. П. Казданом). С одной стороны, византийские земноморской торговле носило амбивалентный характер (и в этом автор (Мистра, Ларисса, Янина, Арга). Участие Византии во внешней средитивные функции и могли стать центрами политических образований ным только в тех городах, которые уже приобрели важные административно независимое развитие, по мнению В. Троховой, было эффективным базой политических тенденций к децентрализации провинций. Относительно экономическое развитие провинциальных центров постепенно стало процветание этих городов политическую зависимость от Венеции, или

не только из политических функций городов, но также из их экономического процветания, включая связи с итальянским торговым капиталом. Внутри этих новых общностей города, как правило, играли роль центростремительной силы.

В заключение докладчица сформулировала вывод о том, что в Византии существовали две централистские тенденции: централизация вокруг Константинополя, древнего очага империи, и централизация вокруг локальных, более мелких политических образований. Эволюция империи в XIII—XIV вв. показывает, что централизация вокруг Константинополя не могла уже опереться на достаточно сильный экономический потенциал и достаточно могущественные социальные силы. Во многом она себя изжила, и развитие шло в сторону усиления локальных государственных образований.

Итак, все три доклада представителей ученых социалистического содружества оказались близки по своим главным научным выводам и показали, что развитие феодальных отношений в Византии определяло и эволюцию всех общественных отношений, государственного устройства и оказало решающее воздействие на борьбу сил централизации и децентрализации в империи.

Борьба центробежных и центростремительных сил в социально-этическом и идеологическом плане рассматривалась в докладе президента Сорбонны — известной французской византистки Э. Арвейлер «Социальная эрозия и эксцентричные поступки в Византии в XI—XIII вв.». Во вступительной части доклада определялось, как сами византийцы оценивали центробежные и центростремительные тенденции. В соответствии с господствующей политической доктриной, унаследованной еще от античности и преобразованной в соответствии с христианской космологией, в Византии позитивную оценку получали лишь центростремительные тенденции, символизировавшие господство гармонии в обществе. Центробежные тенденции, нарушавшие эту гармонию, осуждались в политическом и морально-этическом плане.

Докладчица поставила своей задачей проследить взаимоотношения человеческой личности как носителя центробежных индивидуалистических идей и двух сил, преимущественно центростремительных, — государства и церкви.

Изучаемая эпоха, по мнению докладчицы, — время социальной эрозии, охватившей византийское общество.

Социальная эрозия в этот насыщенный политическими потрясениями период в духовной сфере нашла свое выражение в различных формах отказа человеческой личности от подчинения авторитетам, господствующим политическим и церковным доктринам, что привело к распространению еретических движений и политического инакомыслия. Кроме того, это проявилось в отделении индивида от общества и в обращении к асоциальным формам жизни, например бродяжничеству, бандитизму. Центробежные тенденции нашли выражение в возникновении провинциальных государственных образований, в росте регионального патриотизма, в появлении различных ассоциаций и обществ, порою заговорщического и военного характера.

Наряду с этим в данный период наблюдается крайняя подвижность населения, обусловленная не только военной угрозой, но и желанием изменить образ жизни, рост мистических тенденций и «светского» монашества.

Далее докладчица перешла к конкретизации основных положений своего доклада. Она начала с наиболее характерного проявления социальной эрозии — с «оспаривания власти». Она анализирует источники, которые говорят об «оспаривании власти» иерархии (социальной — бедные против богатых; церковной — монахи против архиереев; административной, гражданской, военной), причем «оспаривание власти»

вызвано разложением самой правящей элиты. Многочисленные свидетельства византийских авторов, рисующих распущенное, несдержанное, развязное поведение элиты, заботящейся лишь о личной выгоде и своих политических и династических амбициях, по ее мнению, являются не общим местом литературы того времени, а отражением реальной социальной действительности. Подобным же образом обличение упадка нравов Константинополя и столичной знати есть историческая реальность и один из ярких примеров социальной эрозии.

Агрессия со стороны элиты толкала к выступлениям широкие слои населения, что влекло за собой глубокие перемены в социальной структуре, перемещение и смешение различных социальных прослоек, которые наблюдаются начиная с этой эпохи и которые обновляют социальную ткань, по крайней мере, в Константинополе. Эта нестабильность византийского общества служит выражением центробежных тенденций.

Докладчица подчеркивала атмосферу неустойчивости, беспокойства, страха, моральной опустошенности, господствовавшей в византийском обществе и порождавшей различные пророчества, знамения. Ощущение морального дискомфорта приводило к поискам индивидуального спасения, успокоения в умственных, духовных убежищах — в монастырях, а с другой стороны — к попыткам извлечь максимум возможного из жизни, к экстравагантности в поведении, манере одеваться, причесываться, питаться. Эти явления задели преимущественно византийскую элиту и значительное число интеллектуалов.

Тревожная неустойчивая обстановка в стране способствовала возникновению новых объединений людей и созданию ассоциаций, которые могли гарантировать своим членам минимум безопасности и покоя. Это были различные товарищества, фратрии, возникавшие преимущественно в провинциях и объединявшие людей, близких по уровню жизни, профессии и взглядам на вещи. Они не были, подобно монастырским общинам, связаны строгой регламентацией, но объединяли людей, способных к действию во имя нового сообщества. Нередко они использовались и поддерживались местными магнатами в своих интересах.

Рождение этих форм социальной жизни приводило к новой концепции общественного интереса, защита которого становилась делом каждого. Так, эти братства оказывали действительную защиту населению от внешних врагов — турок в Азии, крестоносцев на Балканах.

Докладчица отмечала существовавший в рамках этих братств дух равенства по отношению к их членам. Эти ассоциации по существу были носителями центробежных сил и способствовали формированию в провинциях локальных образований государственного характера.

Э. Арвейлер вслед за писателями той эпохи нарисовала мрачную картину обезлюдения византийских провинций, глубокого демографического упадка византийской деревни, роста внутренних миграций, бродяжничества, разбоя. Это был период различных эксцентричных действий, привычек, мод, манер поведения, которые одними считались безнравственными, другими возвеличивались. Крайняя свобода нравов царила тогда в византийском обществе. Конечный вывод докладчицы сводится к тому, что социальная эрозия стала прелюдией политического распада империи.

Известный греческий ученый, профессор университета в фессалонике И. Караяннопулос в докладе «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире в 1071—1261 гг.» попытался проследить воздействие сил централизации и децентрализации на судьбы отдельных провинций Византии, в частности Малой Азии. Свое внимание он сосредоточил преимущественно на событиях XI в., подвергнув пересмотру распространенное в науке представление об упадке Малой Азии во второй половине XI в. Завоевание турками-сельджуками этой провинции было, по мнению докладчика, более длительным и сложным процессом, чем

обычно рисуется в научной литературе. Упорное сопротивление византийцев туркам продолжалось и после Манцикерта.

Действие в Малой Азии сил централизации было длительным и стабильным. Тезис о том, что византийское правительство пренебрегало укреплением своих военных сил, с точки зрения докладчика, несостоятелен. А утверждение о массовом переходе к туркам сельского населения, страдавшего от притеснений земельных магнатов, по его мнению, является явным преувеличением. Ему противостоят многочисленные факты стойкой борьбы жителей Малой Азии совместно с византийскими войсками против набегов турок. Действие центростремительных сил в Малой Азии проявлялось преимущественно в восстаниях знати; призывание турок на помощь в борьбе с внутренними междоусобицами оказалось губительным, и именно эти факторы ускорили турецкое завоевание Малой Азии.

Н. Икономидис (Канада) в докладе «Расчленение Византийской империи накануне 1204 г. и происхождение Никейской империи: к вопросу о «*Partitio Romaniae*» выдвинул гипотезу о том, что фактический распад Византии как единого государства начался еще накануне четвертого крестового похода. Исследование его базируется на сопоставлении данных «*Partitio Romaniae*», договора о разделе Византии между крестоносцами, составление которого он датирует 12 апреля—9 мая 1204 г., с греческими источниками — константинопольским налоговым кадастром и другими фискальными документами. Анализ источников привел докладчика к выводу, что пропуск в «*Partitio Romaniae*» ряда областей, не подлежащих разделу между крестоносцами, был отнюдь не случаен.

Изучение политического положения этих областей в конце 1203—начале 1204 г. показывает, что они уже тогда фактически отпали от центрального правительства. Особенно примечательно отсутствие в «*Partitio Romaniae*» Никеи. Докладчик связывает этот факт с реальным обособлением Никеи от Константинополя и с сепаратистскими действиями Феодора Ласкаря, прибывшего в качестве стратига в Никею еще в конце 1203 г. Конечный вывод докладчика сводится к тому, что уже в конце 1203 г. Византия не была единым централизованным государством. Распад империи был ускорен и тем, что ею фактически управляли два императора — Алексей IV в Константинополе и Алексей III на Балканах.

Думается, что три доклада представителей марксистской византиноведческой науки, посвященные проблеме централизации и децентрализации Византии в конце XI—середине XIII в., отличались широтой постановки теоретических вопросов и четкостью единой общеисторической концепции. Доклад Э. Арвейлер тоже ставил весьма важные проблемы, касающиеся идейного кризиса в византийском обществе и его проявлений в этической и социопсихологической сферах, что само по себе, бесспорно, заслуживает большого внимания и должно стать предметом исследований. Последующие же два доклада носили более частный характер: в них выяснялось воздействие факторов централизации и децентрализации на развитие отдельных провинций империи, преимущественно Малой Азии и Никеи. По первой теме выступали с замечаниями и дополнениями советские византинисты Г. Л. Курбатов, М. Д. Лордкипанидзе, И. П. Медведев и С. П. Карпов.

В связи со второй темой — «Состав и движение населения в византийском мире» — были подняты крайне спорные и запутанные проблемы демографических и этнических изменений в империи в XI—XIII вв. Д. Найкл (Великобритания) в докладе «Беженцы, смешанное население и местный патриотизм в Эпире и Западной Македонии после четвертого крестового похода» проанализировал изменения в составе населения этих областей империи, происшедшие в результате латинского завоевания. Он подчеркнул дальнейшее усложнение и без того чрезвычайно пестрого населения Эпира и Фессалии в XIII в. Приток беженцев из Константинополя, появление, хотя и кратковременное, латинян, смешанные

браки греков с православными влахами и болгарами (в меньшей степени с латинянами), способствовали дальнейшему смешению населения этих областей. Вместе с тем автор пришел к выводу, что воздействие латинского завоевания было кратковременным в Фессалии и крайне слабым в Эпире. Сепаратизм Эпира усугублялся его географическим положением. Проявление децентралистских тенденций здесь ощущалось с особой силой. Имперские централистские устремления возрождались лишь на краткий срок и вновь сменялись местной обособленностью, хотя, несмотря на партикуляризм, жители Эпира и в XIII в. продолжали ощущать себя ромеями.

В докладе Д. Ангелова (Болгария) «Состав и движение населения в византийском мире» прослеживалась этническая история болгарского народа в тесной связи с общей проблемой изменения состава и передвижения населения во всем византийском государстве в конце XI—XIII в. Характерной чертой Византийской империи в эту эпоху является разнородный состав населения. Этническая ситуация в болгарских областях в середине XI в. особенно усложняется в связи с притоком тюркских народов — печенегов, узов, куманов. К этому следует добавить нападения норманнов, четыре крестовых похода, а также использование императорами иноземцев в качестве наемных солдат. Все эти факторы усиливали этническую пестроту населения в самой империи и на ее границах и приводили к активизации процессов как миграции, так и ассимиляции.

В докладе Д. Ангелова подробно прослеживались этногенетические изменения, происходившие в завоеванной Византией Болгарии в XI в. Болгары, жившие на территории Византийской империи, включались в экономическую жизнь византийского государства, в развитую систему товарно-денежных отношений; они призывались на военную службу, участвовали в войнах империи с сельджуками, норманнами, венграми. Накопленный ими военный опыт сыграл свою роль во время освободительного движения против Византии в 1185 г. Процесс ассимиляции болгар с другими этническими группами был облегчен их совместным проживанием в рамках единого государства ромеев (с печенегами в Западной и Южной Болгарии, с греками в Южной Македонии, Фессалии и Эпире, а также с влахами и албанцами).

Доклад Р. М. Бартияна (СССР) «Миграция армян в XI веке: причины и последствия» на основании обширного материала греческих и армянских источников устанавливал важнейшие этапы миграции армян в X—XI вв. Автор показал, что с XI в. коренным образом меняется самый характер миграции армян на запад: на смену миграции отдельных лиц или знатных родов приходит массовая миграция населения целых областей. Особенно большие масштабы миграция армян на запад приобрела после завоевания Армении сельджуками.

Докладчик вскрыл причины усиления миграции армян в XI в. Он усмотрел их не только в военной опасности со стороны турок, но и в политике Византии, которая роспуском грузино-армянских войск при Константине Мономахе ослабила Армению перед лицом турецкой угрозы. Однако сама военная реформа этого правителя была вызвана сражением Византии перед восстаниями в Армении с участием армянских войск. Для судеб Армении миграция армян в XI в. имела, как показал докладчик, весьма тяжелые последствия. Миграция трудового народа дала возможность сельджукам обосноваться в завоеванной ими стране, что в свою очередь привело к новым миграциям и положило начало рассеянию армян по многим странам Востока.

Американский византист П. Харанис в докладе «Состав и движение населения в византийском мире в 1071—1261 гг.» выдвинул некоторые общие теоретические вопросы, связанные с оценкой демографических сдвигов в Византии в изучаемую эпоху. Он наметил основные этапы

передвижения населения и соотнес эти передвижения с положением в различных провинциях империи. Первый этап миграции населения он относит к концу XI в. и связывает с турецким натиском на Малую Азию. Второй этап наступает после 1204 г. и характеризуется бегством греков из Константинополя и расселением их по провинциям, в частности в Никее. Третий этап автор отодвигает ко второй половине XIII в., когда продвижение турок к Эгейскому морю привело к вытеснению грекоязычного населения из Малой Азии.

П. Харанис выдвинул тезис о том, что в отличие от Малой Азии европейские области империи не знали в XIII в. значительных передвижений населения. Западные пришельцы не имели существенного значения как демографический фактор, хотя и вызвали некоторые перемещения населения на Балканах. Изучение миграций населения выявляет образование фундамента туркификации Малой Азии. Но в европейской части империи миграции населения в XIII в. мало что изменили, если не считать укрепления греческого этнического элемента в Эпире.

Американский византист Сп. Врионис в докладе «Основные черты движения населения в византийской Малой Азии в 1071—1261 гг.» поставил своей задачей: определить типы миграций и состав населения, в них участвовавшего. Он четко различает передвижения кочевых народов и оседлого населения. Кочевые тюркские народы в XI—XII вв. продвигались из западной Малой Азии к границам Грузии, Эдессе и Митилене, а также с севера Малой Азии к Тавру. Первоначально номады производят опустошительные набеги, но с конца XI—начала XII в. захватывают земли сперва в сельских местностях, затем нападают и на города, образуя полунезависимые кочевые эмираты. Вторжения кочевников, связанные с внедрением новой религиозно-этнической группы и с отступлением христианского населения, происходит спонтанно, без какой-либо организации. Это первый этап миграции в Малой Азии. Второй этап передвижения населения был своеобразной реконкистой оседлого населения: номады изгоняются из прибрежных районов и оттесняются в горные массивы Анатолии. Продвижение номадов стремились сдерживать правители Византии и сельджуки. Комнины и Ласкари ставят своей задачей борьбу против воинствующего номадизма, который подрывал основы византийского общества в Малой Азии.

Третья тема — «Симбиоз в латинских государствах, образовавшихся на территории Византии: специальные, экономические, религиозные и культурные феномены» — вызвала особенно большой интерес участников конгресса. Г. Г. Литаврин в докладе «Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии (феномены социальные и экономические: 1204—1261)» поставил вопрос о правомерности самого термина «симбиоз»: по его мнению, было бы «более подходящим обозначить рассматриваемую проблему как проблему синтеза общественных институтов», а не как проблему симбиоза самих создателей этих институтов», ибо симбиоз предполагает не сосуществование, а «взаимно-полезное сожительство», «объединение во имя общих целей» и даже «братство». Между тем ничего подобного в отношениях латинских завоевателей и греческого населения усмотреть нельзя. На сближение с завоевателями пошла лишь незначительная часть византийской знати, широкие слои населения остались чужды латинянам.

Докладчик пришел к выводу, что особенно ограничены были контакты между греками и латинянами в политической и культурной сферах. При господстве латинян подавляющее большинство населения полностью было отстранено от участия в политической жизни, а сотрудничавшие с завоевателями представители греческой знати были неравноправны с западными сеньорами. Культура же латинян осталась чужда грекам, а вероисповедная рознь усугубляла отчуждение. Более широкими и постоянными были контакты греков с западными пришельцами

в социально-экономической сфере. Докладчик выдвинул тезис о синтезе социально-экономических институтов византийского и западноевропейского происхождения, особенно в Морее. Г. Г. Литаврин полемизировал с некоторыми зарубежными учеными, которые продолжают отстаивать тезис о том, что феодализм был привнесен с Запада в Византийскую империю крестоносными завоевателями. Анализируя общественный строй Византии накануне латинского завоевания, докладчик убедительно показал, что уже тогда в империи существовали феодальные отношения, складывалась феодальная сеньория, была распространена протекция как вид условного пожалования (в том числе и земельного), различные формы зависимости крестьян. Тот факт, что в Морее завоеватели могли установить режим, основывавшийся на иерархической структуре общества и вассально-ленной системе, Г. Г. Литаврин объяснял принципиальной близостью социально-экономической, аграрной структуры византийской и франкской деревни на рубеже XII—XIII столетий.

В докладе были, кроме того, рассмотрены факторы, препятствовавшие латино-греческому сближению, которые в итоге определили слабость латинских государств, основанных на византийской земле. К таким факторам Г. Г. Литаврин относит прежде всего социальный: латинское завоевание вызвало ухудшение положения социального и материального положения всех без исключения классов и слоев местного византийского населения. Автор привел убедительные примеры повышения норм эксплуатации крестьян и налогового обложения как землевладельцев, так и городов в период владычества франков. Большое внимание уделил он вопросу об этнической розни между греками и латинянами и проблеме «неоэллинизма». Полемизируя с рядом ученых, докладчик утверждал, что нет достаточно веских оснований, в силу которых история должна отказать в наличии этнического самосознания в XIII в. именно грекам, основному этническому ядру Византийской империи, которому были свойственны наиболее богатые исторические и культурные традиции. Среди факторов, обусловивших упорное неприятие массами греков как институтов западных завоевателей, так и их самих, по его мнению, существенную роль играл также этнический фактор.

Иная точка зрения на взаимоотношения латинян и греков была высказана западными учеными. Д. Якоби в докладе «Латинские государства в Романии: феномены социальные и экономические (1204—ок. 1350)» рассматривал феодализм как иерархическую военно-ленную систему, присущую только Западу. В Византии же накануне завоевания существовали общественные отношения, отличавшиеся от феодальных. Феодализм (в западном понимании) в отдельных завоеванных областях, например в Ахее, хотя и был как бы «наложен сверху» на византийское общество, все же влиял на социальную структуру греческого населения.

Греческие архонты постепенно влились в господствующий класс латинян, аристократизировались, превратившись в замкнутую элиту, получали от латинских сеньоров феодальные пожалования (фьефы), помимо своих прежних наследственных владений. Однако докладчик признал, что подлинного слияния греческих архонтов с франкскими феодалами так и не произошло. В областях же, подчиненных Венеции, Генуе или Каталонии, интеграция греческой знати с пришельцами была еще слабее. Д. Якоби признает, что латинское завоевание повлекло за собой превращение в крепостных вилланов всего греческого крестьянства. Лишь в экономической сфере, по мнению автора, наладилось сотрудничество между греками и латинянами.

Американский византист Д. Топпинг в докладе «Сосуществование греков и латинян во франкской Морее и на венецианском Крите» сопоставил последствия латинского завоевания в Морее и на Крите. Франкам в Морее, подчеркивал автор, лучше, чем венецианцам на Крите, удалось приспособиться к местным условиям. Феодалы непосредственно участво-

вали в ведении хозяйства в своих владениях, в то время как венецианцы, по преимуществу купцы, были очень далеки от нужд и интересов сельского населения. Французы перенесли на морейское общество иерархическую феодальную систему, включив в нее местных землевладельцев. В Морее имел место симбиоз господствующего класса, но он ограничивался узкой прослойкой землевладельческой элиты. Франкское владычество в Морее, по характеристике П. Топшинга, являлось суперструктурой, которая быстро исчезла и не оставила заметного следа. Венецианцы вели на Крите колонизаторскую политику, которая вызывала постоянные восстания местного населения вплоть до второй половины XIV в. Но национальные греческие традиции в сфере культуры оказались весьма стойкими. И мы, заключал П. Топшинг, можем с полным основанием привести слова Платона: «Что бы эллины ни получали от иноземцев, они это обращали в конце концов в нечто более совершенное».

А. Брайер (Великобритания) в докладе «Латиняне на Черном море» выдвинул тезис о «симбиозе народов», под которым он понимает латинское присутствие в Крыму, и «симбиозе культур», не имевшем большого успеха из-за антилатинских и антитаатарских настроений православного населения Причерноморья.

Фр. Тирье, видный специалист по истории Венеции и ее взаимоотношений с Византией и другими странами, в своем докладе «Симбиоз в латинских государствах в Романии: религиозные и культурные феномены 1204—1261» проследил взаимное влияние византийской и западноевропейской культуры.

Рассмотрение проблем социально-экономической и политической истории Византии изучаемой эпохи было продолжено на секционных заседаниях. Широтой постановки проблем отличались доклады советских ученых: К. А. Осиповой — «Особенности формирования феодальной зависимости византийского крестьянства X—XII вв.», Р. А. Наследовой — «Внутреннее развитие византийского города XI—XII вв.», И. В. Соколовой — «Херсон во второй половине XI в. по данным нумизматики и сфрагистики», С. П. Карпова — «Особенности образования Трапезундской империи (1204—1206)». Анализ политических аспектов взаимоотношений Византии с Арменией и Грузией, а также византино-русских отношений был дан в докладах С. Т. Еремяна «Административное деление Византийской Армении и Малой Азии по «Ашхарауццу» и Нилу Доксапатру», М. Д. Лордкипанидзе «Из истории византино-грузинских взаимоотношений 70-х годов XI века», В. А. Арутюновой «Экспансия Византии на Востоке в трудах армянских историков XI—XII вв.», Н. М. Мургулия «Византия и центристские тенденции на Руси в XII в.».

* * *

На заседаниях IV секции конгресса, объединенной под рубрикой «Мысль, философия, история идей», обсуждались две основные проблемы: 1. Идеологический кризис в Византийской империи в период с 1071 по 1261 г., 2. Распространение византийской культуры и цивилизации после 1204 г.

Большая и сложная проблема идеологического кризиса, проявившегося в Византии в период между битвой при Манцикерте и восстановлением империи, не получила, к сожалению, на отведенном для нее пленарном заседании той полноты освещения, какой она, несомненно, заслуживала. По этой проблеме планировалось выступление всего двух основных докладчиков — И. Мейендорфа (США) и Г. Кронца (Румыния), но румынский ученый приехать на конгресс не смог, было зачитано лишь резюме его доклада, посвященного Никее как очагу византийской культуры и противоречивым идеологическим течениям этого времени.

И. Мейендорф рассмотрел два аспекта охватившего Византию в указанный период идеологического кризиса: кризис византийской полити-

ческой доктрины об императорской власти как верховной власти универсальной христианской империи и кризис в отношениях Византии с латинским Западом.

Докладчик констатировал, что в 1071 г. — после битвы при Манцикерте и падения Бари — был положен конец императорской власти в Византии в том ее виде, какой она имела при Василии II и его предшественниках; с этого времени в результате все углублявшейся пропасти между мифом и реальностью идея универсальной христианской империи с византийским василевсом во главе, проводившаяся Византией на протяжении многих столетий, переживает постоянный кризис.

И. Мейендорф присоединился в своем докладе к тем историкам, которые, отмечая упорство и последовательность в отстаивании византийскими идеологами теории единой и универсальной христианской империи (интерпретировавшейся еще Евсеем Кесарийским как провиденциалистское выражение земной власти Христа), указывали в то же время на ту гибкость и реалистичность, какие Византия неоднократно проявляла, практически реализуя эту идею в зависимости от конкретной политической ситуации (в X в. это уступки Византии Симеону Болгарскому; при Комнинах — принятие западных принципов вассалитета, постепенная адаптация византийских императоров к политическому плюрализму внутри считавшегося прежде единым христианского мира). Компромиссные шаги, которые предпринимались Комнинами для реализации универсалистских претензий их предшественников (переговоры с папством и германскими императорами), не смогли увенчаться успехом по той причине, что византийская идея универсализма была несовместима с идеями универсализма папского и германского.

Византийская идея универсальной империи, отметил докладчик, была мифом еще при Юстиниане, однако реальная власть, которой обладали Юстиниан и Василий II, делала эту идею потенциально правдоподобной. После 1071 г. и особенно в 1204 г. конкурирующий с византийским универсалистский миф, исходящий из Рима, фактически одержал победу, причем многие греки и балканские славяне скорее были готовы принять идею универсальной политической монархии римского папы, чем непосредственную власть латинян в Константинополе. Коронация папой в 1204 г. Калояна Болгарского, в 1217 г. — Стефана Первовенчанного Сербского, в 1253 г. — русского князя Даниила Галицкого была вызвана исключительно политическими мотивами, являлась признанием политической реальности *de facto*.

В период с 1204 по 1261 г. в Византии наблюдается переход от идеи универсализма к политическому и церковному плюрализму. Важные идеологические последствия имело здесь, по справедливому замечанию И. Мейендорфа, соперничество за императорскую корону между Эпиром и Никеей, вызвавшее теологические и канонические споры об авторитете вселенского патриарха. Коронация Охридским архиепископом правителя Эпирского царства Феодора Ангела в качестве императора ромеев в нарушение прерогатив Никейского патриарха, коронация последним Феодора Ласкариса привели к новой политической ситуации, в которой соотношение ролей императора и церкви изменилось в пользу церкви, ставшей, по мнению докладчика, воплощением единства православных народов Восточной Европы. Признание Никеей автокефального архиепископа Сербии в Охриде и нового патриарха Болгарии в Тырново свидетельствует в то же время об отказе патриархата от церковного централизма, не имевшего под собой почвы в XIII в. Распадение *oikouménē*, управляемой одним императором и одним патриархом, представляло собой необратимый процесс, плюрализм империй и патриархов был исторически закономерен. Византийский император превращается в главу эллинов.

Однако идея универсального христианского мира не исчезла в XIII в. в Никее и вновь возродилась после восстановления империи в 1261 г.;

но теперь ее главным носителем становится уже не император, а патриархат. Хотя императору по-прежнему принадлежало последнее слово при назначении патриарха, патриархат как институт обладал большей моральной властью, и поле его деятельности было значительно шире. Идеологические и практические последствия этой ситуации, подчеркнул докладчик, существенны для понимания как истории Восточной Европы, так и такого исторического явления, как «Byzance après Byzance».

Что касается кризиса в отношениях Византии с латинским Западом, то докладчик солидаризировался здесь в общем с теми исследователями, которые при установлении даты церковного раскола между Византией и Римом возражают против бытовавшего прежде в историографии утверждения, будто раскол произошел после ссоры между патриархом Фотием и папой Николаем I на соборе 879—880 гг. или в результате инцидента 1054 г. И. Мейендорф указал при этом на то обстоятельство, что в 1089 г., когда император Алексей I Комнин, заинтересованный в разрыве союза между папством и норманнами, принял легатов Урбана II и обратился за советом к константинопольскому Синоду относительно статуса отношений между церквями, в архивах патриархата не было найдено ни одного официального документа, связанного с расколом, и патриарх Николай III направил письмо в Рим, предлагая восстановить отношения на основе признания папой православной веры. В сознании византийцев не было, таким образом, формального раскола между церквями, а имело место только отчуждение, которое можно было преодолеть простым, но официальным устранением *filioque* из латинской веры.

Решающее значение во взаимоотношениях греческой и римской церквей сыграли, по мнению И. Мейендорфа, крестовые походы и разграбление в 1204 г. Константинополя, вызвавшие такую национальную и культурную враждебность между греками и латинянами, которая сделала раскол необратимой реальностью. Докладчик указал в то же время на то обстоятельство, что церковное примирение в период между 1071 и 1261 гг. было затруднено более чем когда-либо из-за действия идеологического фактора, который проявлялся в теории и практике «реформированного» папства и действовал в совокупности с национальным, политическим и культурным факторами, связанными с крестовыми походами.

В период Комнинов византийская дипломатия готова была примириться с новыми политическими претензиями папства в отношении латинского Запада; однако папство выступало с неприемлемым для Византии утверждением о том, что его власть теологически основана на идее наследия Петра в Риме, не является даром Константина, установлена божественною волей и, следовательно, не может ограничиваться географически только латинским Западом.

Идеологический кризис и тяжелые политические катастрофы, пережитые Византией после 1071 г., отнюдь, однако, не уменьшили, по мнению И. Мейендорфа, ее прежнего воздействия на окружающие страны в области культуры. Напротив, слабое византийское государство, включая палеологовскую Византию, оказывало на всю Восточную Европу и латинский Запад более сильное интеллектуальное влияние, чем могущественная Византийская империя времен Македонской династии.

Более широко и многогранно была освещена вторая проблема, обсуждавшаяся на IV секции конгресса: распространение византийской культуры и цивилизации после разгрома Византии крестоносцами в 1204 г.

Докладчики рассмотрели эту проблему применительно к странам Средней Европы (И. Ирмшер), Западной Европы (А. Пертузи) и славянским странам (И. Дуйчев, Б. Ферьянчич, Д. Оболенский).

И. Ирмшер (ГДР) проанализировал исторические предпосылки проникновения византийской цивилизации в страны Средней Европы в XIII—XV вв. Кратко охарактеризовав основные черты социально-экономического и политического развития Византии и государств, входивших

в указанный период в границы Средней Европы, докладчик стремился показать, что сами особенности этого развития обусловили различия в интенсивности и характере контактов стран Средней Европы с Византией. И. Ирмшер констатировал, что в то время, как для феодально-раздробленной, занятой своими внутренними неурядицами Германии Византия со времени IV крестового похода превратилась всего лишь в одно из восточных государств, не имевших для ее истории сколько-нибудь существенного значения, между Польшей и Венгрией с одной стороны и Византией с другой существовали непосредственные, прямые связи (для Польши эти связи были актуальны по причине униатских планов и планов крестовых походов курии, для Венгрии — благодаря династическим союзам). Возможностей для персональных контактов, которые могли бы привести к восприятию византийского культурного достояния, было значительно больше (благодаря, в частности, географической близости) у Венгрии, чем у Польши или Германии.

Постоянно действующим каналом, по которому плоды византийской цивилизации передавались в страны Средней Европы, была торговля, которая шла из Константинополя через Адрианополь и Ниш, по Дунаю и альпийским дорогам. Причем, поскольку внешняя торговля уже ко времени Латинской империи, а также при Палеологах полностью находилась в руках итальянцев, они являлись основными посредниками в передаче византийских товаров. Италия играла, отметил докладчик, и в другом отношении значительную посредническую роль в распространении византийского культурного наследия: окончательно пробитая после IV крестового похода брешь на Запад вызвала все возрастающий прилив в Италию византийских ученых, без деятельности которых были немислимы расцвет греческих штудий в Италии и возникновение итальянского Ренессанса; Германия, Польша и Венгрия не могли здесь остаться в стороне.

Византийская культура распространялась через Среднюю и Верхнюю Италию на север также из Нижней Италии и Сицилии, входивших прежде в состав Византийской империи и сохранивших византийское наследие уже после того, как политические связи с Константинополем были прерваны. В меньшей степени также опосредствованно византийская культура распространялась в страны Средней Европы через Кипр, Родос и Крит — острова, отторгнутые в XII—XIV вв. от Византии, но не утратившие своего греко-византийского облика.

И. Ирмшер рассмотрел далее конкретный материал, свидетельствующий о проникновении византийской культуры в страны Средней Европы. Он пришел к выводу, что после IV крестового похода непосредственное воздействие византийских деятелей культуры на страны Средней Европы почти прекратилось: ни один византийский художник там не работал, литературный обмен носил случайный характер. Признавая, что «культурное излучение византизма» в страны Восточной и Западной Европы после IV крестового похода усилилось, в отношении Средней Европы докладчик констатировал скорее его уменьшение.

И. Ирмшер заключил свой доклад весьма интересным, основанным на изучении главным образом историографической литературы экскурсом о том, какое представление имели в средневропейском обществе о Византии, и отметил примечательную эволюцию: если в XIII и XIV вв. к Византии относились довольно пренебрежительно, то в XV и XVI вв., по мере того как турки все больше становились угрозой для Средней Европы, она вызвала к себе возрастающее уважение и интерес, и это привело к тому, что уже в XVI в. стали серьезно изучать историю Византийской империи.

И. Дуйчев (НРБ) выступил с докладом «К проблеме распространения византийской культуры и цивилизации после 1204 г.». Докладчик признал, что военная и политическая катастрофа 1204 г. неизбежно должна

была затормозить литературную и художественную деятельность в Византии. Поскольку деятельность эта была тесно связана с императорским двором и константинопольским патриархатом, после захвата Константинополя крестоносцами должен был пройти определенный промежуток времени, прежде чем она могла возобновиться в новом центре — Никее. «Творцы» византийской цивилизации в области литературы и искусства должны были теперь заботиться в первую очередь об удовлетворении внутренних потребностей, а не об экспорте произведений в другие места.

И. Дуйчев выступил вместе с тем против мнения тех специалистов, которые утверждают, что после разгрома Византии она перестает быть важным фактором в сфере литературы и искусства. «Несчастье одних может нести счастье другим», — заметил докладчик. Даже спустя более чем два с половиной столетия Византийская империя, завоеванная турками, экспортировала на Запад и частично в славянский мир многочисленные литературные и художественные богатства, ставшие фактором перво-степенного значения для развития цивилизации в этих частях европейского мира. И. Дуйчев обратил при этом особое внимание на до сих пор еще недостаточно хорошо изученное явление византийской диаспоры, когда именно в результате захвата империи турками (а в XIII в. — после завоевания ее крестоносцами) многие византийские писатели и художники вынуждены были покинуть свою родину и искать убежище и возможность для работы в других странах.

Именно в этом аспекте докладчик рассмотрел вопрос о распространении после 1204 г. византийской цивилизации в Болгарии, куда в силу ряда исторических обстоятельств охотно переселялись византийские эмигранты. Он сообщил о тех выводах, к которым привело его изучение некоторых произведений литературы и искусства первой половины XIII в.: созданной в 1259 г. в Болгарии стенной живописи Боянской церкви и находящихся в Cod. Vat. gr. 307 и принадлежащих анонимному византийскому автору письма и двух стихотворений, написанных по случаю свадьбы болгарского царя Ивана II Асеня (1218—1251). По мнению докладчика, чисто болгарские признаки живописи Боянской церкви говорят против гипотезы тех специалистов, которые считают, что создателями этой живописи были неизвестные византийские художники. Изображения Боянской церкви, полные жизненной силы и свежести, никак не могут быть приписаны византийским художникам, пришедшим на территорию Болгарии непосредственно после падения Константинополя в 1204 г. и к 1259 г. достигшим уже весьма преклонного возраста; Боянская живопись была творением местной школы живописцев, созданной после 1204 г. эмигрантами из Византии.

Историко-филологический анализ анонимного письма и обоих стихотворений привел докладчика к заключению, что они принадлежали образованному византийцу, который оказался в Болгарии в результате византийской диаспоры после 1204 г. Византийская цивилизация продолжала, таким образом, осуществлять свое влияние на южных славян и после 1204 г., когда Византийская империя больше не существовала как политическое единство.

Воздействие византийской монархической и политической идеологии на государство Неманичей в первой половине XIII в. как один из аспектов проникновения византийской культуры в Сербию, рассмотрел Б. Ферьянчич (СФРЮ). По мнению докладчика, хотя Сербия в силу своего географического положения подвергалась различным воздействиям со стороны как Византии, так и Запада, в первой половине XIII в. государство Неманичей в государственно-правовой и культурной областях входило в византийскую сферу влияния и продолжало строить свою монархическую и политическую идеологию по византийским моделям, гармонически используя их для возникавших в стране потребностей. Критически проанализировав официальные сербские документы, происходящие из

канцелярии первых Неманичей и отражающие теоретические постулаты их монархической власти, а также произведения официальной сербской историографии XIII в., Ферьянчич попытался показать, что существовавшая в Сербии в первой половине XIII в. сильная монархическая власть возникла под влиянием византийских моделей и что сербские политические идеи о государстве и государе, а также о взаимоотношениях между светской и духовной властью, понимаемые как идеальное сотрудничество государя и главы церкви, имитируют модели византийской историографической и агиографической литературы.

Ферьянчич рассмотрел титулы и эпитеты, которые присваивались сербским государям первой половины XIII в., в частности эпитет автократор, являвшийся, как известно, одним из основных элементов византийской имперской идеологии. Появление эпитета автократор для первых Неманичей в биографиях XIII в., официальное его присвоение сербскими королями после коронации Стефана Первовенчанного (1217), а также употребление в биографиях первых Неманичей титула «император» и глагола «царевати», термина «империя» как синонима государства являются, по мнению докладчика, бесспорным свидетельством воздействия византийской монархической идеологии на Сербию уже после 1204 г.; к этому же выводу привело докладчика и рассмотрение вопроса о престолонаследии.

Д. Оболенский выступил с докладом «Культура поздней Византии и славяне». Касаясь взаимодействия, «встречи» византийской цивилизации позднего средневековья со славянским миром, в частности с Русью, докладчик исходил из тезиса, что эта «встреча» носила характер «аккультурации» (в том смысле, какой придал этому термину А. Дюпрон на XII Международном конгрессе исторических наук в 1965 г.). В процессе аккультурации происходило взаимодействие и взаимопроникновение различных культур, это был одновременно «и диалог, и противостояние».

Распространяясь в славянском мире, византийская культура, поскольку византийские культурные образцы были чужды славянам, встречала известное сопротивление: в раннее средневековье славяне противодействовали проникающей византийской цивилизации главным образом по религиозным мотивам, в позднее средневековье борьба против византийской гегемонии приобрела откровенно политическую форму.

«Экспортирование» византийской цивилизации в страны Восточной Европы могло быть успешным, по мнению Д. Оболенского, при наличии следующих трех условий: 1) распространяющаяся цивилизация в момент взаимодействия должна переживать стадию развития и расширения, 2) воспринимающая цивилизация должна находиться в стадии социальных и политических перемен, 3) встреча между Византией и славянами должна была происходить в культурной среде, в какой-то степени общей обоим мирам и способной действовать по отношению к ним как посредник и катализатор. В IX—XI вв. эти условия обеспечивались благодаря Македонскому ренессансу, выходу славян из состояния племенной раздробленности и созданию по греческому образцу церковно-славянского языка, близкого славянским языкам и ставшего тем каналом, по которому постоянно осуществлялось византийское культурное влияние.

Что касается поздней Византии, то этими необходимыми условиями были, по Оболенскому, поздневизантийский ренессанс, борьба славянских государств Восточной Европы за свою политическую независимость, возникновение крупнейшего в Северо-Восточной Европе Московского государства и, наконец, наличие общего объединяющего культурного посредника, каким являлся так называемый «политический исихазм». Обладая необходимой творческой энергией и космополитическим характером, исихазм позволял византийской культуре проникать за пределы географических и языковых границ.

Культурная общность «византийского содружества государств» в последнее столетие существования империи поддерживалась, по мысли докладчика, благодаря деятельности греко-славянских общин Афонского и других монастырей Восточной Европы, панортодоксальной политике константинопольских патриархов, в первую очередь, исихастов, наиболее решительно проводивших идею единства христианского православного мира, и восточноевропейскому литературному движению, ставившему своей целью заменить имеющиеся славянские версии священных текстов новым, более точным корпусом переводов с греческого.

Вопросу о проникновении византийской культуры и государственности в Италию и Западную Европу был посвящен доклад А. Пертузи (Италия). 1204 год, по мнению докладчика, не составляет никакой границы при решении проблемы распространения византийской культуры на Запад. Поэтому А. Пертузи рассмотрел несколько аспектов ее проникновения в западные страны в XI—XIII вв. Он исследовал, в частности, византийское влияние на политическую идеологию и дворцовый церемониал норманских королей Сицилии и венецианских дождей, византийское влияние на южноитальянское монашество, проследил распространение греческой философии от латинской Сирии, через Испанию, Францию и Брабант до Англии. Докладчик стремился показать, что если при норманском дворе преобладали идеи и обычаи латинского Запада и византийское влияние было незначительным, то в Венеции, напротив, оно было весьма существенным (вплоть до одежды, монет, печатей и т. п.). Сильным было, как показал Пертузи, и византийское влияние на монашество Южной Италии, выразившееся в одинаковом устройстве монастырей, общих уставах и литургии, общих литературных жанрах и зависимости книжного письма.

Доклады и сообщения, зачитанные на секционных заседаниях, носили по преимуществу локальный характер; целый ряд докладов был посвящен отдельным представителям византийской культуры: Григорию Паламе (К. Бонис), Никите Сеидесу (Р. Гахбауер), Леонтию Иерусалимскому (П. Грей), Георгию Мосхампару (Р. Керр), Михаилу Пселлу (П. Шмид), Иоанну Италу (К. Ниархос), Никифору Влеммиду (М. Ферхельст), Феолепту Филадельфийскому (Д. Константелос) и др.

Последнее заседание этой секции было полностью посвящено различным вопросам права. Г. Михаилидис-Нуарос констатировал наличие в Византии «юридического плюрализма», существование наряду с официальным правом также и других правовых систем; Ф. Гориа поставил вопрос о необходимости датировать *Esloga privata aucta* не XII в., как было принято раньше, а временем, предшествующим царствованию Василия I Македонянина. Свои наблюдения о специфических чертах канонического сочинения Зонары высказал П. Юилье, доклад об Юлиане Аскалоните прочел Шелтема. Я. Н. Шапов в основанном на новом рукописном материале по истории Эклоги и Прохирона докладе «Рецепция памятников византийского права в России после 1204 г.» показал, что на Руси в XIII—XV вв. эти юридические памятники были хорошо известны и использовались в княжеском и церковном суде; в XV в. между представителями различных идейных течений шел спор о возможности применения содержащихся в этих памятниках правовых норм. В докладе И. П. Медведева анализировались данные греческих и латинских источников о новом, до сих пор еще не изученном виде византийской долгосрочной аренды — анакамписе, показаны его широкое распространение, связь с эмфитевтической арендой и его эволюция.

Общие итоги работы IV секции конгресса в том объеме, в каком поставленные на ее обсуждение проблемы получили свое освещение, можно свести к следующему: после 1071 г. и особенно в результате IV крестового похода византийская политическая доктрина императорской власти как верховной власти универсальной христианской империи переживает

непрекращающийся кризис; конкурирующий с византийским универсалистский миф, исходящий из Рима, фактически одерживает победу; главным носителем возродившейся после восстановления империи в 1261 г. идеи универсального христианского мира становится не император, а патриархат. «Излучение» византийской культуры и цивилизации в страны Восточной и Западной Европы после разгрома Византийской империи крестоносцами в 1204 г. не только не уменьшилось, но возросло; значительно слабее это «излучение» проникало в страны Средней Европы.

* * *

Работа секции «Язык, литература, филология» проводилась по трем основным темам: 1) Архаизирующие и народные течения в языке и литературе, 2) Образование диалектов, 3) Материальные, социальные и экономические условия существования культуры в Византии (палеография, кодикология, дипломатика).

Проблемы сосуществования в литературе и языке Византии второй половины XI—первой половины XIII в. архаизирующего и народного течений, взаимовлияния греческой и латинской средневековой культуры рассматривались в докладах П. Вирта (ФРГ) «Языковая ситуация в XI—XIII вв. Возрождение аттицизма. Образование новогреческого народного языка», В. Хэрэнднера (Австрия) «Традиционное и народное течения в светской поэзии эпохи Комнинов», Ж. Гросдидье де Матона (Франция) «Архаизирующее и народное течения в языке и литературе» и М. Джиганте (Италия) «Значение латинской культуры в Византии». В своем обширном докладе П. Вирт сделал попытку воссоздания картины языковой ситуации, системы высшего образования, развития литературы в Византии указанного периода, а также представил ряд конкретных трактовок памятников византийской литературы. Ж. Гросдидье де Матон исследовал появление в эпоху Комнинов первых литературных текстов на народном языке — его внимание привлекла не проблема в целом, а вопрос о социальной принадлежности авторов этих сочинений и среде, породившей литературу на народном языке, о соотношении нового пласта литературы и памятников традиционного направления.

Вопрос об образовании диалектов был освещен в докладах Н. Андриотиса (Греция) и Р. Браунинга (Англия).

В рамках проблематики этих тем были сделаны сообщения советских делегатов С. С. Аверинцева «К вопросу о прогимназах Никифора Василаки» и А. Д. Алексидзе «Вопросы структуры византийского рыцарского романа», а также ряд сообщений, посвященных исследованию источников, языка и структуры памятников византийской литературы XI—XIII вв.: Б. Бувье (Швейцария) — «Женевский кодекс № 44 как памятник гомеровских штудий в Византии», Р. Маизано (Италия) — «Архаизмы и новообразования в энкомиях Никифора Василаки», Н. Панайотакис (Греция) — «Один источник Истории Скилицы», К. Ромеос (Греция) — «Произведения Птохопродрома с точки зрения фольклора» и др.

Некоторые итоги изучения материальных, социальных и экономических условий культурной жизни Византии в XI—XIII вв. были представлены в докладах третьей темы данной секции. Здесь было заслушано и обсуждено три доклада: П. Канар (Ватикан) — «Греческая книга в Южной Италии эпохи норманского и швабского господства: аспекты материальные и социальные»; А. Гийу (Франция) — «Роль материальных, социальных и экономических условий в культуре Византии 1071—1261 гг.»; Б. Л. Фонкич (СССР) — «Вопросы книжного дела в Византии 1071—1261 гг.» Однако начать анализ докладов данной темы мы хотим с представленного конгрессу исследования Ж. Иригуэна (Франция) —

«Материальные условия книжного производства в Византии с 1071 по 1261 г.»

Ж. Иригуэн рассмотрел вопросы о пергамене в византийском книжном производстве XI—XIII вв., проникновении в обиход книгописных мастерских и канцелярий нового материала для письма — бумаги, о чернилах в греческих рукописях указанного периода. К изучению византийской пергаменной книги автор подошел совершенно по-новому, с точки зрения экономических возможностей изготовления пергаменного кодекса. Исследуя формат греческих рукописей XI в., Иригуэн приходит к заключению, что из одной козлиной или овечьей шкуры можно было изготовить не более двух двойных (четырёх одинарных) листов рукописи обычного для середины XI в. формата. Его расчеты показывают, что для написания 10-томного экземпляра *Минология* Симеона Метафраста в середине XI в. потребовалось стадо почти в 900 животных — одного этого факта достаточно, чтобы наглядно показать дороговизну пергамена даже среднего качества, лучше понять потребности в материале для письма активно работающих книгописных центров, вынужденных прибегать к изготовлению палимпсестов, продемонстрировать всю выгоду внедрения в византийское книжное производство бумаги.

Как известно, систематическое проникновение в обиход византийских книгописных мастерских и канцелярий бумаги начинается с XI в. Этот процесс изучен достаточно полно, прежде всего — в работах самого Ж. Иригуэна. Поэтому в докладе он ограничивается рассмотрением вопроса о месте производства так называемой бумаги «восточного происхождения» (убедительна его критика гипотезы о возможности производства бумаги в X в. в самой Византии), об использовании бумаги в изготовлении греческих рукописей в Южной Италии в XI—XIII вв. и идентификации различных сортов бумаги как важном приеме работы кодиколога, историка текста, а также историка торговли и международных связей, об использовании писцами XII—XIII вв. пергамена и бумаги в одном и том же кодексе.

Что касается чернил греческих рукописей указанного времени, то Иригуэн, анализируя известный факт изменения цвета чернил в греческих рукописях начиная с XII в., приходит к выводу о непосредственной зависимости изменения формулы чернил от внедрения в книжное дело бумаги. Это явление наблюдается в рукописной продукции XII в. не только Византии, но и всего Средиземноморья, оно обязано своим появлением (согласно гипотезе Иригуэна) арабам, начавшим раньше всех из средиземноморских народов использовать бумагу в книжном производстве.

Предварительные результаты исследования почти двух тысяч греческих рукописей Южной Италии IX—XVI вв. с акцентом на анализе материала XI—XIII столетий были изложены в докладе П. Канара, который суммировал наблюдения группы кодикологов и историков византийской литературы (А. Жакоб, П. Канар, Ж. Леруа), сделанные в процессе многолетнего всестороннего изучения южноитальянских греческих рукописей. Хотя работа П. Канара посвящена периферийному материалу, возникавшему в удаленном от византийского центра регионе (и в этом отношении доклад может быть соотнесен с рядом обсуждавшихся на конгрессе исследований темы «Области распространения византийской культуры после 1204 г.»), выводы ее имеют важнейшее значение для всех исследователей средневековой греческой культуры и, разумеется, представляют особый интерес для кодикологов: продукция южноитальянских греческих скрипториев XI—XIII вв. впервые изучена на столь обширном материале, причем приняты во внимание не только сами манускрипты, но и данные древних библиотечных каталогов, и косвенные свидетельства различного рода.

Доклад П. Канара можно разделить на две части: в первой изложены итоги кодиколого-палеографического исследования, во второй — итоги изучения содержания рукописей. Особенности греческих рукописей Южной Италии, выгодно отличающие их от остальной массы византийских рукописей, — наличие локальных признаков письма и сравнительно высокий процент датированных рукописей — позволили уверенно распределить весь доступный материал в хронологическом и географическом рядах и проследить историю книгописания в важнейших скрипториях или книгописных областях, наблюдая периоды подъема или спада книжного производства на протяжении XI—XIII вв. в таких районах, как Россано, Сицилия — Калабрия, Отранто и др. Необычайно важны для специалистов представленные в таблицах (с. 50—52) цифровые данные распределения рукописей по центрам, столетиям и содержанию. Канаром прослежены свойственные южноитальянским греческим рукописям приемы изготовления пергамента, связь формата рукописной книги с ее содержанием, употребление карандаша при разлиновке листа (влияние латинской культуры), особенности палеографии и иллюминации кодексов. Автор настаивает на необходимости тщательного анализа двух влиявших друг на друга форм существования греческого письма в Южной Италии X—XIII вв. — письма книг и письма документов: лишь после такого исследования можно продвинуться в определении других воздействий на книжное письмо греческих рукописей данного региона.

Что касается содержания южноитальянских греческих рукописей, то при его изучении Канар подчеркивает необходимость сочетания анализа качественного и количественного, уяснения роли каждого сочинения, которое читалось, изучалось, комментировалось, выявления соотношения между старым и новым, традиционным и заново рожденным, сочинениями «импортированными» и местной продукцией, указывает на важность изучения социального и культурного уровня авторов и читателей, оценки взаимодействия языков и культур в областях, где наряду с греко-латино-арабской стихией было ощутимо воздействие христианской культуры Египта, Сирии, Палестины, Армении и славянского мира. В докладе представлены итоги исследования южноитальянских греческих рукописей, содержащих тексты литургические, библейские, агиографические, гомилетические, памятники античной литературы и др. Исключительная насыщенность доклада новыми фактами, интересными наблюдениями, идеями о перспективности того или иного направления в изучении византийской книжности заставляет с нетерпением ждать выхода в свет подготовляемой П. Канаром и его сотрудниками серии посвященных греческим рукописям Южной Италии монографий.

Черты, характеризующие византийскую литературу второй половины XI—середины XIII в., ее основные направления, социальную позицию и интересы авторов, были выявлены в докладе А. Гийу. Изучив социальную принадлежность византийских писателей XI—XIII столетий, автор приходит к выводу о важной и новой роли, какую играют в литературе две категории: 1) люди, облеченные духовным саном — епископы, архиепископы, митрополиты, и 2) врачи. Основное место в работе Гийу отведено исследованию тона сочинений византийских писателей указанного времени, их ярко выраженного интереса к конкретному, к окружающей действительности, а в связи с этим — возрождения вкуса к описаниям, повествованию, заинтересованности в передаче деталей — пейзажа, скульптуры, характера человека, критического отношения к изучаемому объекту. Анализ более чем 180 сочинений или групп сочинений, принадлежащих перу почти 60 византийских писателей середины XI—середины XIII в., рассмотрение памятников литературы на широком фоне фактов экономической и политической жизни империи сделали наблюдения А. Гийу особенно убедительными, позволили воссоздать цельную картину литературного творчества византийцев в хро-

нологическом промежутке почти в два столетия, определить то новое, что характеризует литературу эпохи Комнинов — Ангелов — ранних Палеологов, показать перспективу ее развития.

В докладе Б. Л. Фонкича были рассмотрены некоторые проблемы палеографического изучения греческих рукописей XI—XIII вв. (происхождение литургического минускула и стиля «выпученных глаз», возможность сопоставительного исследования книжных почерков и почерков документов императорской канцелярии начиная с памятников второй половины XI в.), а также привлечены данные кодикологического анализа манускриптов для реконструкции одной из самых крупных византийских библиотек начала XIII в. — библиотеки Лавры св. Афанасия на Афоне.

Вопросы изучения византийских рукописных книг и документов были изложены в ряде специальных сообщений: Е. П. Метревели (СССР) — «Грузинские литургические рукописи IX—X вв. и их значение для исследования византийской гимнографии», Э. Вранусси (Греция) — «Архив монастыря Неа Мони на Хиосе: опыт реконструкции», М. Нистазопулу-Пелекиди (Греция) — «Исследование по византийской дипломатике эпохи Никейской империи», Э. Гамилшег (Австрия) — «Наблюдения по рукописной традиции византийских учебников» и др.

Специальное пленарное заседание было посвящено *Instrumenta studiorum*. В представленных на нем докладах и сообщениях содержалась обширная информация о справочниках, каталогах, словарях, которые либо уже начали выходить из печати, либо готовятся к изданию. Перечислим основные доклады: П. Лемерль (Франция) — «Словарь византийских древностей», А. Бэнди — Р. Браунинг (Англия) — «Новый Дюканж», А. Пертузи (Италия) и Г. Хунгер (Австрия) — «Корпус источников византийской истории», Г. Хунгер — «Просопографический лексикон эпохи Палеологов», «*Tabula Imperii Byzantini*» и «Корпус греческих писцов (800—1600 гг.)», О. Демус (Австрия) — «Корпус византийских рукописей с миниатюрами», Л. Политис (Греция) — «Палеографические исследования Национального банка Греции», Л. Вранусси (Греция) — «Конкорданция литургических текстов греческой православной церкви».

Одной из больших тем конгресса была тема «Кипр в византийском мире». В рамках этой темы были рассмотрены вопросы о роли Кипра как перекрестка византийского мира [доклады К. Манго (Англия) «Кипр — перекресток византийского мира» и Ф. Пападопулоса (Кипр) «Кипр — этническая и социо-культурная граница византийского мира»], об автокефалии кипрской церкви (доклады греческих делегатов А. Мицидиса и Г. Конидариса, сообщение митрополита Китроса Варнавы Цорцатоса), о праве и франкских институтах на Кипре [доклады П. Зепоса (Греция), Ж. Ришара и Н. Звороноса (Франция), сообщения греческих ученых Н. Пантазопулоса и Гофаса и дискуссия на эту тему, которой руководил В. Джорджеску (Румыния)], о кипрском средневековом диалекте и памятниках византийской литературы, возникших на Кипре (исследования греческих специалистов М. Христодулу, Н. Томадакиса, В. Энглезакиса и др.).

* * *

Вопросы истории искусства, как и археологии, должны были рассматриваться в соответствии с общей проблематикой конгресса в хронологических рамках от 1071 до 1261 г. Это в достаточной мере неоправданное для вопросов истории культуры ограничение (определяемое чисто политическими событиями) практически было выдержано лишь частично. Было представлено три доклада по монументальной живописи [основной — В. Джурича (Югославия) «Византийские стенописи. XII—XIII вв.»; Л. Хадерман-Мисгич (Бельгия), «Позднекомниновская монументальная живопись и ее продолжение в XIII в.»; Ж. Лафонтен-До-

зона (Бельгия); «Эволюция декоративной программы церквей», два по иконописи [М. Хададакис (Греция), «Эволюция иконы в XI—XII вв. и трансформация темплона»; Т. Вельманс (Франция), «Распространение иконы в XII и начале XIII в.», один — доклад А. Катлера (США) — касался частного вопроса («Аристократические псалтири: состояние изучения»).

Отсутствовали обобщающие доклады по архитектуре и скульптуре. Вопросы специфики развития малых форм искусства были в известной мере освещены лишь в секционном сообщении автора этих строк. Надо сказать, что при повторении ряда положений в указанных выше докладах полной картины развития византийского искусства с конца XI до середины XIII в. не получилось.

Наиболее широкий круг проблем охватывал доклад В. Джурича. Автор справедливо отметил, что «концепции развития византийской живописи значительно изменились после открытия новых памятников и расчистки старых» (с. 91). И действительно, в докладе учтено огромное число памятников, многие из которых стали известны лишь совсем недавно, а некоторые не опубликованы и в настоящее время.

Не подлежит сомнению, что введение в научный оборот таких значительных памятников, как фрески в храме св. Софии в Трапезунде, сенсационное открытие цикла сцен из истории Франциска Ассизского в Календер-Джами на территории Константинополя, расчистка росписей в ряде сербских и греческих памятников и др. вносят значительные коррективы в представление об истоках искусства времени Палеологов и заставляют по-новому воспринимать живопись XIII в.

Во введении к докладу В. Джурич дает свое определение византийского искусства, не считая возможным его ограничить рамками Византийской империи. Он утверждает, что особенности *стиля*, а не иконографии составляют специфику византийского искусства. Отмечая повышенный интерес последнего поколения исследователей к национальным или региональным особенностям живописи, автор считает не менее важной социальную обусловленность художественных явлений. В этом направлении, как он полагает, немало сделали ученые начала века, противопоставлявшие «придворное» искусство «монашескому». По словам В. Джурича, «подобно тому, как каждая часть византийского мира вносила свой обод в византийскую живопись, так и разные слои византийского общества имели свои концепции — двор, аристократия, жители больших и малых городов и разные слои духовенства — от высших сановников до монахов пустынников» (с. 10). Наличие различных концепций разных социальных групп и придавало, по мнению автора, особую интенсивность духовной жизни и богатству ее духовного выражения.

Этот тезис докладчик в дальнейшем обосновывает целым рядом примеров, справедливо подчеркивая роль константинопольского патриархата; однако надо сказать, что намеченное «многообразие» социальных групп и их концепций в конечном счете сводится к противопоставлению светского, придворного круга памятников и монашеского. Таким образом, мы вновь возвращаемся к теории начала нашего века, применявшейся тогда для разных групп псалтирей.

Раздел доклада, посвященный XII в., делится на три части: 1. «Эволюция стиля»; 2. «Аристократическая и клерикальная концепции»; 3. «Единство комниновской живописи». Справедливо отмечая, что битва при Манцикерте и вступление на престол Алексея Комнина сами по себе не могли оказать решающего влияния на развитие искусства — разве лишь сокращение границ империи (в части Каппадокии и примыкающих областей) сократило интенсивность художественной деятельности этих районов, В. Джурич устанавливает, что комниновский стиль в монументальной живописи определяется около 1120 г., а получает свое классическое выражение в третьей четверти XII в. (с. 16). Именно в это время, по его мне-

нию, было достигнуто органическое единство, синтез архитектуры, монументальной живописи, декоративной скульптуры. Комниновская живопись, продолжает он, в наибольшей мере выражала византийский спиритуализм (с. 19).

Как нам представляется, В. Н. Лазарев (работами которого, естественно, широко пользуется В. Джурич), рассматривавший все явления византийской живописи в комплексе, в частности в большой (может быть, при современном знании монументальной живописи, слишком большой) мере анализируя миниатюрную живопись, был более прав, считая, что вторая половина XI века и весь XII век являются классической эпохой византийского искусства. В известной мере это разноречие, очевидно, проистекает и из того, что В. Джурич более широко понимает византийскую живопись, наблюдая единство стиля и параллелизм развития искусства на обширных территориях империи и ряда других стран (включая Древнюю Русь, Италию и др.). Непосредственно перед вторжением крестоносцев художественный язык комниновской живописи не был уже единым: это начало сказываться в последней трети XII в. Наиболее выразительным памятником, отражающим новые поиски, предвещающие развитие искусства в XIII в., он считает мозаики Монреале (с. 26—27). Отмечая эти особенности сицилийских мозаик, автор не останавливается (в противоположность В. Н. Лазареву) на складывании местной сицилийской школы мозаичистов. По-видимому, он не исключает значение местного начала, однако это его меньше интересует, чем проблема разных концепций — аристократической и клерикальной, которой и посвящен второй раздел этой части доклада. Эти различия он усматривает прежде всего в характере колорита: фресковые росписи, исполненные в светлом колорите, с применением живописных приемов в передаче объема (унаследованных от античного классицизма), он связывает с придворными кругами, высшими группами знати, привлекая имена донаторов не только греческих, но и грузинских и русских.

Другая группа росписей исполнена в темном колорите, с резким противопоставлением светотеневых акцентов. Эти памятники связаны с клерикальными кругами. Такую социальную стратификацию он считает особенно характерной для периода, предшествующего Комнинам. В комниновское время обе концепции сблизились: аристократическая восприняла экспрессивную силу, свойственную клерикальной, клерикальная в свою очередь восприняла ряд черт от аристократической. Третий раздел этой части доклада и озаглавлен: «Единство комниновской живописи».

Если 50 лет назад, пишет В. Джурич, открытие фресок в Нерези явилось сенсацией не столько из-за их иконографии, сколько из-за стилистической выразительности, то теперь это не изолированный памятник: он входит в группу, насчитывающую едва ли не сотню примеров (с. 37): эти памятники докладчик видит на обширнейших территориях от Иерусалима и Кипра до Ладожского озера и Готланда и до Кавказа, Венеции и Триеста и объясняет кажущуюся ему общность реальными историческими условиями, связями, установившимися между православными странами, в первую очередь церковными, и обращенностью всех этих стран к Константинополю (с. 38) и Фессалоникам, диктовавшим правила вкуса, стиля и поведения. Местные привнесения были минимальными в живописи Комнинов. Более того, в XII в. Константинополь оказывает воздействие и на католический мир.

Во второй части доклада («XIII век») рассматривается обширнейший материал художественного творчества на широких территориях распавшейся Византийской империи (Константинополь и сфера его влияния: Никея, Трапезунд, Эпирский деспотат), а также территорий, находившихся под иноземным владычеством: диоцез афинского митрополита, на архиепелаге и в Пелопоннесе, в архиепископстве Охрида и в диоцезе

митрополита Дураццо, в Каппадокии. Особый раздел посвящен Грузии и славянским народам (Сербии, Болгарии, Руси).

Эта часть доклада представляется исследовательски более глубокой, хотя нельзя забывать, что она в значительной мере совпадает по теме с великолепным докладом О. Демуса на XII конгрессе византистов в Мюнхене: как известно этот доклад был посвящен проблеме происхождения палеологовского стиля в живописи. За истекшие 18 лет появилось много новых памятников, но лишь некоторые явления могут в связи с этим рассматриваться иначе, чем их характеризовал тогда О. Демус. В числе таких новых фактов, помимо названных выше открытий в Календер-Джами, в Константинополе, или введения в науку фресок Софии в Трапезунде, можно назвать фрески церкви св. Софии в Никее, Епископии в Евритании и др.

Тема XIII в. широко освещалась, как известно, на симпозиуме, посвященном Сопочанам в 1964 г., а также в Думбартон-Оксе в 1966 г. На последнем освещался византийский вклад в западное искусство XII и XIII вв. На первом же следует выделить интересный доклад С. Радойчича, который наряду с другими художественными аспектами рассматривал западный фактор (имевший определенное значение для понимания живописи Сопочан). В. Н. Лазарев видел черты романского стиля в сербских памятниках XIII в. В. Джурич, по-видимому, их не принимает во внимание.

Уже в этом основном докладе Афинского конгресса автор, не исключая локальных центров для предкомниновского периода и искусства конца XIII в., делает акцент на социальной стратификации. Заметим, что в некоторых случаях это социальное членение почти совпадает с противопоставлениями «столичного» и «провинциального» — с той разницей, что заслугой В. Джурича является установление существования в самом Константинополе различных художественных течений, что в достаточной мере не подчеркивалось его предшественниками. Как нам представляется, оба крена имеют свои плюсы и минусы. Тщательный анализ привел В. Н. Лазарева к определению локальных школ — это в первую очередь материал Сицилии, а в дальнейшем Руси и в известной мере славян. Поэтому определение мозаик Монреале как чисто византийского памятника является принципиально неправильным и их отождествление с фресками Курбинова, как делает Л. Хадерман-Мисгвич (с. 108), никак не убеждает.

Л. Хадерман-Мисгвич, автор капитальной монографии «Росписи церкви Георгия в Курбинове и византийская живопись XII в.», в своем содокладе «Позднекомниновская живопись и ее продолжение в XIII в.» обнаружила широкую осведомленность в этом вопросе. Она поставила своей задачей рассмотреть стилистическую эволюцию живописи второй половины XII в. в ее основных направлениях, а также в побочных течениях (в известной мере привлекая и памятники XIII в., сохранявшие эстетику более раннего времени). С другой стороны, она дает характеристику новых тенденций как со стилистической, так и с иконографической стороны. Как видим, содержание доклада и содокладов в значительной мере пересекалось. Докладчица тонко характеризовала отдельные памятники, объединяя их в группы по формальным признакам. Отмечая сходство между росписями, возникшими в различной среде, на далеком расстоянии друг от друга, она не объясняла подобных явлений. Какова бы ни была общая подоснова, восходящая к Константинополю, такое обобщение не представляется достаточно убедительным.

Во второй части содоклада автор формулирует, в чем заключается вклад позднекомниновской живописи — как с точки зрения стиля, так и иконографии. В последнем ее выводы предваряют сообщение Ж. Лафонтен-Дозонь, а отчасти и М. Хадзидакиса. Надо сказать, что Ж. Лафонтен-Дозонь, в противоположность своим коллегам, строит изложение с неизменным учетом локальных центров. Она отмечает, что, например, в Кап-

падокии столичная программа была воспринята лишь в определенных рамках (с. 132), в Равенне существовала местная школа, мало связанная с византийской программой того времени (с. 140); в Грузии византийское влияние тоже было различным, в зависимости от исторических условий (с. 139) и т. д.

В числе других памятников Ж. Лафонтен-Дозонь выделяет мозаичные циклы в Сицилии, отмечая их своеобразие, обусловленное не только приспособлением к особенностям архитектурных форм на Западе, но и пополнением нарративными циклами из истории Христа, чуждыми византийским церквам. Вне византийской программы и многочисленные эпизоды из Ветхого и Нового заветов, широко представленные в Монреале. Наконец, ряд иконографических особенностей автор устанавливает и в русских памятниках.

Вместе с тем она определяет и некоторые общие явления в эволюции иконографии: более конкретный характер литургических сцен, особый интерес к сценам из жизни богоматери и святых (в меньшей степени Христа), отступление от суровой программы предшествующего периода связаны с углублением литургической темы. Ж. Лафонтен-Дозонь ставит в связь эволюцию программы росписей с развитием архитектурных форм, прежде всего господствующей формы — крестовокупольного храма; как известно, эта система применялась порой и в церквах других типов. Специально остановилась докладчица и на особенностях расположения изображений праздничных сцен в характерных для Греции храмах с системой тропов.

В заключение Ж. Лафонтен-Дозонь отмечает, что во время латинского завоевания столицы в византийском мире, переживавшем кризис, «программисты» хранили традиции, одновременно открывая путь к более сложным программам, которые получают свое выражение, когда Константинополь вновь обретет свою роль великого координатора (с. 156).

Доклад М. Хадзидакиса «Эволюция иконы в XI—XIII вв. и трансформация темплона», основанный на многочисленных письменных источниках и на внимательном изучении памятников, носил конкретный исследовательский характер. Доклад делился на две основные части: 1) пути эволюции от темплона к иконостасу, 2) иконы иконостаса. В итоге М. Хадзидакис пришел к выводу, что превращение темплона в своего рода стену, покрытую иконами, начинается и завершается раньше, чем принято было считать, что каждый регистр был организован в соответствии с определенной богословской идеей.

В противоположность установившемуся мнению, М. Хадзидакис полагает, что уже в XI в. большие иконы с особо почитавшимися изображениями располагались между колоннами преграды перед алтарем; значительно большее распространение они получают в XII в., о чем свидетельствует ряд памятников, сохранившихся на Кипре. Аналогичные факты имеются и в Пелопоннесе.

Анализируя дошедшие до нас иконы с праздничными сценами, написанные на длинных или расположенные на отдельных досках, М. Хадзидакис приходит к выводу о значительном распространении цикла двенадцати праздников, а также деисусных изображений, о существовании двойного ряда икон, предвещающих появление иконостаса. Эти явления обусловлены развитием литургии, отделением действия, происходящего в алтаре, от глаз верующих. Богословская мысль влияла как на общую программу, так и на иконографию отдельных сцен и в монументальной, и в иконной живописи.

Каждое свое заключение автор строит на основе конкретного анализа памятников. Он изучил не только их лицевые изображения, но и обратную сторону: характер обработки оборотной стороны доски, имеющаяся на ней орнаментация и пр. он определяет, как общую для произведений, происходящих из Синайского монастыря и с Афона, иногда из Кипра и

Греции. Отсюда вывод об общем центре, если не одной мастерской, расположенной до 1204 г., очевидно, в Константинополе.

Интересны также его наблюдения над оформлением царских врат, двусторонних «профессиональных» икон, запрестольных крестов, больших икон, служивших для поклонения, и др.

Доклад М. Хадзидакиса имеет большое значение и для изучения древнерусской иконописи: его приемы могут быть использованы нашими исследователями.

Мало что добавила к этому основному докладу Т. Вельманс. Построение содоклада не отличалось большой четкостью и в ряде моментов его содержание совпадало с предыдущим. Справедливо отмечая рост распространения византийских икон в связи с христианизацией Болгарии и Руси, она очень широко пользуется русскими примерами для иллюстрации положений, связанных с Византией (замечу, что ряд памятников, давно переданных в Эрмитаж, Т. Вельманс относит к Русскому музею). Не всегда оправданно автор обращался к доиконоборческому периоду, как и к XIV в.

Краткие выводы о широком распространении византийских икон от Руси до латинского мира, прежде всего Италии, о большой дифференциации в функциях икон, обогащении иконографических схем, нарастающей тенденции к выражению чувств не вызывают возражений.

Весьма ценным являлся пленарный доклад-лекция К. Вейцмана «Коллекция синайских икон от VI до XIII в. в связи с историей монастыря». Как известно, К. Вейцман посвятил целый ряд статей этим памятникам, а недавно вышел в свет первый том каталога *The Monastery of St. Catherine at Mont Sinai. The Icons, vol. 1: From the sixth to the tenth Century*. Princeton, 1976. Начало изучению этого замечательного собрания было положено Г. и М. Сотирiu в 1956 г. К. Вейцман дает исчерпывающее исследование коллекции Синайского монастыря, которая будет издана в целом ряде томов.

Как отмечалось выше, миниатюрная живопись периода 1071—1261 гг. не получила достаточно полного освещения на конгрессе. Это особенно жаль потому, что остается неясным вопрос о причинах, вызвавших наибольший расцвет этого вида искусства в XI в. и относительное замирание в XII в., тогда как, согласно докладам, посвященным монументальной живописи того же времени, следовало, что она переживала свой апогей именно в XII в.

Доклад А. Катлера (на который, по-видимому, ориентировались как на ведущий), как показывает его название, носил частный характер: «Аристократические псалтири: состояние изучения». Автор в большей мере ставил вопрос, чем его разрешал. Однако условность самого понятия «аристократичности» была А. Катлером достаточно обоснована. На двух заседаниях, посвященных миниатюрной живописи, было оглашено значительное число сообщений об отдельных иллюстрированных рукописях (в том числе и русских) или их группах: среди них было два сообщения советских участников конгресса: В. Д. Лихачевой — «Роль императорского скриптория в художественном оформлении константинопольских рукописей конца XI в. (по материалам собраний Советского Союза)» и О. И. Подобедовой — «События византийской истории рубежа XII—XIII вв. в интерпретации русского миниатюриста второй половины XVI в.» (как бы на стыке вопросов истории и истории искусства).

Г. Бухталь (США) в своей лекции-докладе на пленарном заседании дал представление об одной школе миниатюрной живописи и ее месте в искусстве Константинополя XII в. Доклад, построенный на сопоставлении трех рукописей (евангелие Urb. gr. 2 (vat.) и «Гомилии» Paris. gr. 1208, Vat. gr. 1156), продемонстрировал блестящую методику исследования крупнейшего знатока средневековой миниатюры.

Одной из центральных тем конгресса была «Роль Кипра в византийском мире»: особо была выделена при этом проблема «Раннехристианское искусство на Кипре». В обобщающем докладе Ш. Дельвуа «Раннехристианское искусство Кипра» давалась характеристика не только излюбленной автором области — архитектуры, но и всех других видов искусства, в свете исторических судеб острова. А. Мегау рассмотрел «Внутреннюю декорировку» на раннехристианских памятниках Кипра: мозаичные полы, убранство стен различными материалами, монументальные мозаики. А. Папагеоргиу сделал доклад «Раннехристианская архитектура Кипра».

Роль Кипра была достаточно широко освещена и в докладах, посвященных монументальной и иконной живописи в период между 1071 и 1261 гг. Значение памятников искусства Кипра можно было наглядно видеть на выставке «Иконы Кипра», приуроченной к конгрессу.

На трех заседаниях было оглашено около полутора десятков сообщений по архитектуре Византии и связанных с нею стран. Большой интерес вызвал внепрограммный доклад Ван Найса (США) «Св. София: новые свидетельства для новой интерпретации». Из него явствовало, что всестороннее исследование прославленного памятника может внести немало нового и что возможности для его изучения еще далеко не исчерпаны.

В ряде сообщений освещались связи Византии с Западом, Балканскими странами, например: «Латинская фаза в Календер-Джами» (С. Страйкера), «Византийские памятники в Швеции XII—XIII вв.» (Е. Пилотц), «Средневековая архитектура Греции: западные монашеские ордена в латинских государствах на территории Византии» (Б. Китцики-Панагопулос) и др.

Проблемы малых форм искусства тесно соприкасались (как и некоторые архитектурные темы) с археологией, например сообщение участницы советской делегации Р. М. Джанполадян: «Новые образцы византийского стекла из раскопок в Советском Союзе». Другие информировали о новых находках или замечательных приобретениях музеев (как, например, М. Лазович: «Византийская патена из Музея искусства и истории в Женеве»). В третьих пересматривались существующие оценки и датировки. А. В. Банк (СССР) в своем докладе пыталась определить основные тенденции развития малых форм искусства: как и В. Джурич, она полагает, что политические события (вроде битвы при Манцикерте) не могли оказать прямого воздействия на культуру, в частности на искусство. В свете соображений, выдвинутых в других докладах, можно сказать, что ход развития основных видов прикладного искусства не отличался от миниатюрной, в меньшей степени от монументальной живописи. Наиболее высокий уровень исполнения эмалей, изделий из серебра и кости приходится на период, предшествующий XII в. Художественное качество памятников XII в. часто ниже более древних. Наблюдается тенденция к более массовому производству, характерно замещение более дорогого материала удешевленным (например стеатиты вместо слоновой кости, литики вместо камней, эмали выемчатой, а не перегородчатой техники). Быть может, это объясняется более массовым производством.

Одновременно, особенно к концу рассматриваемого периода, следует отметить отчетливо выраженные черты взаимопроникновения элементов искусства Византии, Балканских стран, Западной Европы (прежде всего Италии), а в некоторых видах искусства Руси и Ближнего Востока. События 1204 г. имели, несомненно, огромное значение для малых форм искусства, отразившись на их судьбах и после восстановления империи.

Наибольшее число секционных сообщений касалось живописи, прежде всего монументальной: среди них было много информационных, знакомивших с новыми памятниками, прежде всего на территории Греции, а также на Кипре, в Югославии и Болгарии. К сожалению, работы советских исследователей (связанные с древнерусской и грузинской про-

блематикой) не были оглашены. Впрочем, о некоторых памятниках сообщали зарубежные исследователи (Н. Тьерри — «О неопубликованных грузинских росписях в Кобайре», Д. Райт — «Богато декорированная русская псалтирь XII в.»).

Среди докладов более общего порядка можно отметить такие, которые были посвящены византино-западным связям, некоторым общим вопросам: И. Максимович — «Сербское искусство XII в. между Византией и Западом», К. Николеску — «Распространение и ассимиляции византийской цивилизации на территории Румынии» (по материалам искусства).

Немногие доклады носили теоретический характер. Среди них — выступления С. Тзуи (Япония) — «Монохромия как способ передачи невидимого мира в византийском искусстве» и И. Е. Данилова (СССР) — «К вопросу о соотношении слова и изображения в византийской живописи (на примере иконы «Благовещения» из Гос. Музея изобразительных искусств им. Пушкина)».

Общее количество сообщений, посвященных истории искусств, было чрезвычайно велико, значительно превышая все остальные секции (около 150): одновременно работало две, а иногда и три секции. Посещение всех докладов было практически невозможно. Обсуждений также фактически не было. На заключительном заседании П. Лемерль справедливо отметил, что интерес к вопросам византийского искусства столь велик, что, быть может, настало время поставить вопрос о специальных конгрессах по византийскому искусству. Со своей стороны заметим, что такое отделение проблем художественной культуры от остальных сторон истории и культуры может иметь нежелательные последствия. Смысл конгрессов — во взаимной информации, установлении закономерностей исторического развития, освещении центральных проблем под углом зрения разных источников. К сожалению, последние конгрессы (и даже всесоюзные византинистские конференции) не дают возможности для таких встреч ученых, работающих по письменным и вещественным источникам. Быть может, полезнее опыт югославских коллег, неоднократно созывавших симпозиумы, посвященные определенным памятникам на фоне общеисторических вопросов.

Огромное значение для историков искусств имело ознакомление с византийскими памятниками Греции. Значительный интерес представила и демонстрация фильма «Искусство Византии в собраниях Советского Союза» по материалам выставки, организованной Эрмитажем в 1975—1976 гг.

Итоги работы XV Международного конгресса византинистов были подведены на заключительном пленарном заседании П. Лемерлем. Дав положительную оценку работе конгресса, продемонстрировавшего значительный прогресс в области византиноведческих штудий во многих странах, П. Лемерль отметил в то же время чрезмерное тематическое многообразие докладов и сообщений и высказал пожелание будущему конгрессу развернуть дискуссию по одной или двум кардинальным проблемам истории Византии.

На заседании Генеральной ассамблеи Международной ассоциации византинистов было переизбрано руководство ассоциации: на пост президента избран президент Австрийской академии наук и директор Византийского института при Венском университете Г. Хунгер, на пост генерального секретаря — греческий ученый проф. М. Хадзидакис. В обновленный состав Бюро ассоциации были избраны в качестве вице-президентов ассоциации Э. Арвейлер (Франция), З. В. Удальцова (СССР), И. Шевченко (США).

Очередной, XVI Международный конгресс византинистов решено провести в 1981 г. в Вене (Австрия).

Г. Г. ЛИТАВРИН

ОΠΙΣΦΟΤΕΛΕΙΑ

(К вопросу о наделении крестьян землей
в Византии X—XI вв.)

Термин «описфотелия», хотя и обозначает широко известное в фискальной практике явление, довольно редок в средневизантийских источниках. Поэтому в индексах к их изданиям и к специальным исследованиям это слово как *terminus technicus* обычно не приводится. Между тем нет никаких сомнений в том, что термин имеет именно техническое значение, как это явствует из фрагментов налогового трактата X—XI вв., изданных И. Караяннопулосом¹.

Во фрагментах дано определение описфотелии. Текст этот несложен, поэтому приведем его в переводе: «Что означает описфотелия? Производит эпонт орфосис², и на какое лицо он производит орфосис, с того взимает и описфотелию за три года. Положим, деревня получила симпанию, скажем, в размере 40 номисм, поскольку некоторые стихи исчезли. Через несколько же лет является другой [эпонт], чтобы произвести орфосис. Если селянам угодно принять орфосис на свое лицо, то они предоставляют и описфотелию за три года, так как уже до этого владели данным [участком], а если им не угодно, то он производит орфосис на другое лицо или поступает в этом, как хочет»³.

Комментарий издателя фрагментов трактата остается на сей день, насколько нам известно, единственным толкованием термина «описфотелия» для средневизантийского времени.

Прежде всего греческий ученый приводит цитату из «Хронографии» Феофана о том, что Никифор I, увеличивая налоговый гнет, «повелел Никите, патрикию и логофету геникона, повысить государственные платежи с церквей и монастырей и взыскать с архонтских домов описфотелию за восемь лет»⁴. Ссылается И. Караяннопулос и на «Шестикнижие» Константина Арменопула, содержащее еще одно определение описфотелии («что касается прошлых димосиев, т. е. описфотелий, то никто не привлекается к ним по прошествии сорока лет»)⁵.

Выводы И. Караяннопулоса сводятся к следующему: 1. В широком смысле описфотелия означает уплату канона (димосия, телоса) за прошлые годы; во фрагментах же трактата говорится лишь о ее частном случае — «при восстановлении налога на пользовавшиеся ранее симпанией земельные участки». 2. Описфотелия могла взиматься как с отдельных лиц, так и с общины в целом. 3. Основание для взыскания описфотелии

¹ *Karayannopoulos J. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966, S. 321—324 (далее — Фрагм.).*

² ὀρδωσις — здесь: восстановление прежнего основного налога на недвижимость и ликвидация налогового изъятия.

³ Фрагм., S. 322.30—38.

⁴ *Theophanes. Chronographia. Lipsiae, 1883, p. 489, 22—24.*

⁵ Цит. по: Фрагм., с. 328, прим. 49.

за три года заключалось в факте использования земли еще до восстановления на нее канона. 4. Передача заброшенных земель в данном налоговом единстве при условии уплаты телоса совершалась в соответствии с правом предпочтения (протимисосом). 5. Эпопты при указанных операциях обладали большими полномочиями, чем, видимо, отчасти и можно объяснить противоречивость известий источников об их мероприятиях. 6. Наконец, факт использования заброшенной земли односельчанами еще до орфосиса свидетельствует, по мнению ученого о том, что принцип взаимной налоговой ответственности не только ни в коем случае не применялся как неизбежный, но даже как следствие использования заброшенной собственником земли он вступал в силу далеко не всегда ⁶.

Мы согласны со всеми этими заключениями, кроме последнего. Согласно мы и с тем, что описфотелия как институт (в широком смысле) была хорошо известна уже к началу IX в. (Феофан) ⁷ и сохраняла то же значение в XIV в. (Арменопул) ⁸. Однако, прежде чем высказывать свои соображения об описфотелии, и в первую очередь о том ее варианте, о котором идет речь во фрагментах налогового трактата, приведем ряд свидетельств о ней в «Пире».

В двух разных местах «Пиры» говорится об одном и том же случае тяжбы между митрополией Эфеса и монастырем Камбсов (τῶν Καμφῶν). Оба текста при этом дополняют друг друга, позволяя составить представление о сути дела.

Согласно первому тексту, тяжба касалась государственного телоса и в первый раз не была доведена до конца. Затем она была возбуждена вновь уже перед столичным судьей магистром Евстафием Ромеем, который вынес решение о том, что описфотелии должны быть уплачены со времени предъявления иска по спорному делу ⁹.

Согласно второму тексту, в первый раз при возбуждении тяжбы стороны самостоятельно порешили, что митрополия уплатит монастырю, если не докажет, что именно монастырь является собственником места. Однако митрополия и не доказала этого и ничего не уплатила. Поэтому «через много лет» тяжба была вынесена уже на рассмотрение магистра. Он постановил: если в течение 30 дней со дня предписания магистра фемному судье факт длительности владения местом со стороны митрополии не будет отвергнут достаточно убедительно, то митрополия должна владеть им и впредь, уплачивая телос и все необходимое за эту собственность. Что касается прошлого, то митрополии предоставлялся годичный срок для предъявления доказательств об уплате, после чего ее надлежало подвергнуть описфотелиям с момента предъявления иска ¹⁰.

Мы полагаем, что спорный участок находился между владениями митрополии и монастыря, так что признать собственником его еще какое-то третье лицо было невозможно. «Бесхозное» пространство, налоги с которого, однако, числились, образовалось в результате утраты четких границ. Инициатором тяжбы в обоих случаях был, скорее всего, монастырь, так как с него, видимо, чиновники, направленные митрополией, впервые по-

⁶ См. Фрагм., с. 328—329.

⁷ Полагают, что Никифор I потребовал уплаты описфотелий с архонтов за 8 лет в мае 810 г., т. е., как мы это понимаем, за все время своего правления (с 31 октября 802 г.). Нам представляется более вероятным усматривать в этом приказе василевса ликвидацию налогового изъятия архонтских домов Ириной незадолго перед ее свержением, чем требование доплатить за прошлые годы надбавку к налогу, которую Никифор ввел для архонтов в 810 г. (ср. История Византии, т. 2. М., 1967, с. 66).

⁸ При официальных нормах взыскания канона в империи (4,166% от стоимости самой земли) и стабильной цене земли (1 номисма за 1 модий первого качества) описфотелии за 40 лет могли достигать двукратной стоимости самой земли — с учетом процентов, которые при этом взимались. См. Peira. Practica ex actis Eustathii Romani. Jus graecoromanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal, v. I. Lipsiae, 1886, 36, 20, p. 161.

⁹ Peira, 36, 24, p. 162.

¹⁰ Ibid., 58, 5, p. 262—263.

требовали уплату недоимки. Оба духовных учреждения всеми силами отрезаются от участка, несомненно, потому, что совокупные описфотелии (плюс проценты) за многие годы превосходили в глазах спорящих сторон самую цену участка ¹¹. Вероятно, с монастыря праторы уже что-то взыскали в счет телоса с участка (иначе непонятны условия первой, полюбовной сделки: если митрополия не докажет, что монастырь — собственник, то уплатит ему). Проиграв дело, митрополия, по всей вероятности, заявила, что она недоимщик за меньшее число лет, чем настаивают фемные власти. Поэтому ей и был дан годовой срок для сбора доказательств об уплате телоса.

Вне всякого сомнения, об описфотелиях, без упоминания самого этого термина, идет речь в «Пире» и во многих других местах. Два из них представляют особый интерес, и мы вкратце изложим их.

Владение митрополией Клавдиуполя в течение долгого времени, вопреки закону, оказалось в руках родичей некоего Евсевия. Митрополит, возбудив тяжбу, доказал права митрополии. Решение Евстафия гласило: передать митрополии не только само владение, но и плоды трех лет как естественную с него прибыль. Старые недоимки телоса — за пределами последнего трехлетия, если они имеются, взыскать с фактически пользовавшихся владением, а телос за последние три года (если он не взыскан) взыскать с истинного собственника, получившего и владение, и плоды трех лет ¹².

Плоды трех лет с нарушителя закона востребованы здесь безоговорочно. Любопытный нюанс, однако, содержится на этот счет в решении по другому делу.

Еще будучи вестом, Евстафий обнаружил в деревне динаата, сделавшего здесь приобретение после времени «великого голода» (имеется в виду голод 927/8 г., событие более чем столетней давности, после которого новеллами было запрещено динаатам приобретать крестьянские земли), и постановил: лишить динаата приобретенного без всякой компенсации. Что же касается плодов трех лет, то их следует также потребовать (их цену, разумеется) в пользу бывшего собственника, если динаат не дал цену за «места» при их приобретении; если же цена была выплачена, то наказание ограничивается безвозмездным возвращением селянину (или селянам) земли и изгнанием с нее динаата ¹³.

Видимо, плоды трех лет (или одного-двух ¹⁴, в зависимости от времени эксплуатации захваченной собственности) взыскивались тогда, когда бывший владелец ничего не получал при утрате своей земли в качестве компенсации. В первом случае (динаат уплатил цену земли) он лишался только земли (т. е. ее цены), во втором (он ничего не платил за землю) — только плодов трех лет. Не признавались ли эти «плоды трех лет» эквивалентом стоимости самой земли, с которой были получены? ¹⁵

Для того, чтобы вернуться к описфотелии фрагментов, нам важно подчеркнуть, что во всех рассмотренных случаях, сообщенных в «Пире», описфотелия была неизбежной и тогда, когда недвижимость, не пользующаяся налоговым изъятием, не приносит дохода ее законному собствен-

¹¹ См. выше, прим. 3.

¹² Peira, 19, 16, p. 71.

¹³ Peira, 9, 2, p. 29.

¹⁴ См. там же, 42, 19, p. 199 (отобравший у париков, видимо, год назад их участки динаат должен по суду вернуть крестьянам и землю, и плоды с нее).

¹⁵ При указанных в прим. 3 нормах, при урожае сам-4 и норме высева 1 модий зерна на 1 модий площади участок в 24 модия, стоящий 24 номисмы и дающий в год 96 модиев урожая, действительно (при цене зерна 1 номисма за 12 модиев) окупит себя за три года. Мы вправе предположить, что в данном случае Евстафий, вынося свое решение, руководствовался новеллой Василия II от 996 г. об отмене 40-летней давности и какой бы то ни было компенсации динаатам за их затраты при приобретении крестьянской земли. См. Jus, III, p. 310—311. По-видимому, и здесь описфотелию за три года платил крестьянин, получивший плоды трех лет.

нику, и тогда, когда такая недвижимость приносит доход ее незаконному в данное время обладателю.

Особенность описфотелии за три года состояла прежде всего в том, что она взималась задним числом с земель, официально изъятых из налогообложения, но фактически начавших приносить доход. Обладание титулом собственности на недвижимость, не подвергаемую эксплуатации, признавалось, таким образом, столь же веским основанием для взыскания налогов, как и эксплуатация любой, чужой или «бесхозной», недвижимости.

Однако использование чужой недвижимости, как мы видели на примерах из «Пирь», предполагало описфотелию за все годы такого использования (хотя бы до 40 лет). В отрывке же налогового трактата четко говорится о телесе за три года без всякого уточнения, сколь долго уплачивающие описфотелию «уже до этого владели» самовольно разработанной ими недвижимостью, которая юридически в течение 30 лет сохранялась за своим прежним, покинувшим ее собственником.

Конечно, возможно предположение, что, по крайней мере, в течение трех лет возобновление эксплуатации заброшенной недвижимости не могло ускользнуть от орфосиса, т. е. от внимания налоговых чиновников; трехлетний срок был как бы гарантийным — и описфотелия за три года обеспечивала казне полный налог со всего полученного дохода. Но этому предположению противоречит тот факт, что описфотелию за три года уже не первый (а может быть — и не третий) год получающие доход уплачивали лишь в том случае, если они соглашались записать восстановленный канон с данной недвижимостью «на свое лицо». Если же они не соглашались на это, то, по нашему мнению, дело ограничивалось уплатой канона лишь с дохода последнего года. Для нас представляется ясным, однако, что первое предложение записать канон при орфосисе «на свое лицо» эпопт делал именно тем, кто разработал и уже эксплуатировал симпафийную землю, а не в точном соответствии с категориями крестьян, связанных круговой порукой и правом предпочтения. Факт культивирования залежи (лет через 10 после запустения она мало отличалась от нови) давал крестьянину преимущество перед другими записать эту залежь с тяготеющим на ней канonom «на свое лицо». Лишь при отказе этого крестьянина эпопт — в соответствии с протимисосом — обращался к другим его односельчанам.

Однако — с тем же ли предложением он обращался? Ведь все другие не делали того, что было условием описфотелии трех лет, т. е. не пользовались доходом с земли, подвергаемой орфосису. Поэтому мы считаем, что при согласии других взять разработанный участок и платить за него (впредь) канон описфотелия за три года не взималась.

Иначе говоря, в таком случае дело обстояло точно таким образом, как и при легально совершаемых эпоптами операциях сдачи пользующихся симпатиями земель крестьянам в эксплуатацию за простое обязательство платить канон, за взнос арендной платы, как и при продаже симпафийных земель эпоптами через либелл¹⁶. Т. е. во всех этих случаях описфотелия за три года не взыскивалась, так как соблюдалось одно важное условие: землю крестьяне получали легально, без предварительного ее незаконного использования.

Согласно рассматриваемому фрагменту, описфотелия за три года бралась при восстановлении канона на самовольно разработанные симпафийные земли. Ее уплата с необходимостью предполагала операцию орфосиса, а орфосис (буквально восстановление старого канона на заброшенную землю) на нови и землях класм не производился (новъ никогда ранее

¹⁶ О том, что канон взыскивался и с проданных по либеллу земель (хотя и при новой их оценке), см. *Литаурин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 214—215.

не была подвергнута измерению и оценке, а следовательно, не была обложена димосием; старый же канон с класм вычеркивался). На класмы, сказано во фрагментах трактата, οὐ γίνεταὶ ὀρθώσις¹⁷. Орфосис, говорится в Податном уставе, ἐπὶ τοῦ κλάσματος οὐκ ἐγίνετο¹⁸.

Но это противопоставление в интересующем нас отношении скорее формально. В Податном уставе сообщается, что орфосис может производиться и на класмы, если, во-первых, класму как таковую не успели записать, хотя 30 лет со времени снятия налога истекло, и если, во-вторых, на ней обнаружены ее культивирующие, кто бы это ни был¹⁹. Точно так же, если и не орфосис, то начисление канона производилось на участки нови, кем-либо подвергнутые разработке²⁰.

В таких случаях, по нашему мнению, если разработка и класмы, и нови осуществлялась без уведомления о том властей и их официального разрешения, описфотелия за три года (как не только фискальная, но и пенальная мера) могла взыскиваться и на класмных, и пустующих государственных землях. Могла взыскиваться, но, видимо, не всегда взыскивалась. Здесь, возможно, как и предполагает И. Караяннопулос, решающей могла оказаться инициатива эпопта. В тех же фрагментах трактата в другом месте налоговая льгота (уменьшение втрое канона на первые три года) для вернувшихся законных собственников симпафийных участков распространена как будто и на всех «чужих» (ἄλλότριον), поселившихся на изъятых землях²¹.

Чем мог руководствоваться эпопт при взыскании описфотелии за три года, помимо факта не дозволенной официально разработки? Почему крестьяне, имея полную возможность получить не только симпафийные, но и класмные земли лишь при условии уплачивать впредь телос (возможно даже, для первого времени — на льготных условиях), подвергали себя опасности уплаты описфотелии за три года или даже заранее ориентировались на нее, желая записать разработанный участок «на свое лицо»?

Институт описфотелии за три года является, на наш взгляд, показателем какого-то внутреннего соперничества в общине за землю, несмотря на появление в периорисме деревни заброшенных участков. Мы считаем вполне вероятной гипотезой, что этот институт и был рассчитан на известное соперничество между крестьянами деревни, с тем чтобы более эффективно для казны вернуть в состав налогоплательжных симпафийные и класмные земли. На описфотелию за три года шли, скорее всего, не обедневшие (они и на свои-то участки стремились получить куфисм), а состоятельные крестьяне, расширявшие свои земельные владения, имевшие достаточно тяглогового скота, рабочих рук и семян для разработки новых площадей. Они хотели увеличения владений не за счет любых земель, а именно за счет наиболее плодородных среди покинутых их хозяевами и изъятых из налогообложения. Эти лучшие земли они и захватывали явочным порядком, поскольку этот порядок обеспечивал им преимущества в пределах самого права предпочтения перед теми из односельчан, которые имели более веские права, но не могли платить описфотелию за три года и ждали операции орфосиса для легального получения участка от эпопта под уплату будущего канона.

Правда, как явствует из фрагментов трактата, ни получение симпафий при условии будущей уплаты канона, ни обретение их через описфотелию трех лет, ни даже покупка через либелл не создавали собственности на эти земли, пока не истекло 30 лет после их изъятия от уплаты димосия: законный собственник (или его наследники), явившись в пределах этого

¹⁷ Фрагм., с. 323.97—324.98.

¹⁸ Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. u. 11. Jahrhunderts. Leipzig, 1927, S. 120.7.

¹⁹ Ibid., S. 120.8—12.

²⁰ Ibid., S. 116.27—36.

²¹ Фрагм., с. 323.91—96.

срока, имели неоспоримое право немедленно получить свою землю, изгнав с нее даже самого покупателя ее у казны (покупатель должен был свои претензии обращать не к нему, а к казне)²².

Но риск, по всей вероятности, был не слишком велик. В X и XI вв. количество класмных земель (не дождавшихся своих хозяев в течение 30 лет) постепенно росло в пределах периорисма деревень свободного крестьянства.

Надо думать, операция орфосиса производилась почти столь же часто, как и сбор самого ежегодного канона: казна непрерывно предлагала налогоплательщикам в соответствии с целой шкалой разнообразных условий запустевшие земли. Поскольку подобного рода наделение крестьян земель официальной властью преследовало прежде всего фискальные цели, постольку, несомненно, эпопты (как и сама центральная власть в своих постановлениях о налогообложении) всякий раз стремились осуществить орфосис на максимально выгодных для казначейства условиях, лишь под давлением обстоятельств прибегая к более благоприятным для крестьян формам передачи им симпафий и класм.

Наиболее выгодными для казны были: поселение на переданных государственным учреждениям или императорским поместьям класмах крестьян на парическом праве, передача класм и симпафий в аренду из расчета 10 модиев за уплату одной номисмы в год (почти в 2,5 раза выше канона), продажа симпафий и класм по норме: за участок, канон с которого равен одной номисме, взимается цена в 24 номисмы, передача симпафий через опишотелию за три года и т. д.

При этом и аренда, и продажа, и передача при условии уплаты канона совершались в соответствии с правом предпочтения. Весьма важно узнать, какова была последовательность различных предложений эпопта жителям деревни-общины при подобного рода операциях с запустевшими землями. Ведь если эпопт имел право «исчерпать» право предпочтения по отдельности на каждом из видов и форм передачи земли, то вероятность ее получения чужаками, не членами общины (в том числе динатами) резко возрастала. Например, начав с предложения земли в аренду (самые тяжелые условия), эпопт — при отказе последовательно представителей всех пяти категорий поселян, объединяемых общинным протимисисом, — мог передать в аренду эти земли любому постороннему для общинного коллектива, если он изъявлял на это согласие. Так что общинник, надеявшийся взять какой-либо плодородный участок на условии уплаты димосия, поскольку его права по протимисису были особенно вескими (родич покинувшего участок собственника), мог обмануться в своих ожиданиях: дело еще не дошло до предложения эпоптом этой формы передачи земли, а данный участок уже взят в аренду чужаком.

Возможно, конечно, что очередь чужаков (на любую форму получения земли) наступала лишь после того, как общинники уже не имели никаких претензий. Но в таких случаях эпопт должен был предпочесть интересы сохранения прав общины интересам максимальных выгод для казны от своей деятельности (а значит, и интересам собственной карьеры и материальных прибылей). Мы полагаем, что в конкретных условиях того времени, при отмеченных и И. Караяянопулосом больших возможностях эпоптов к проявлению «личной инициативы» в своих действиях, эти представители власти должны были прибегать именно к первому из описанных нами порядков, наиболее выгодному и казне, и им самим лично. Случайно ли автор фрагментов трактата, касаясь вопроса об использовании казной симпафий и класм, начинает свои инструкции эпоптам именно с хоропакта, т. е. с порядка передачи запустевших земель поселянам в аренду?

²² Фрагм., с. 322.59—323.63, 78—81.

Вернемся теперь к утверждению Караяннопулоса относительно эпизодичности и нерегулярности функционирования в X—XI вв. системы круговой налоговой поруки. Орывок из фрагментов трактата («Что такое описфотелия?») послужил для греческого ученого в данном месте лишь поводом к тому, чтобы еще раз подкрепить это свое суждение, высказанное уже давно в связи с другими источниками²³.

Орывок об описфотелии, однако, ни в коей мере не может быть использован для аргументации указанной точки зрения главным образом в силу двух обстоятельств, упущенных из виду Караяннопулосом. Во-первых, взаимная налоговая ответственность не упомянута здесь не потому, что про нее «забыли» или ее уже почти не применяли, а потому, что речь идет не просто о заброшенных, запустевших стасях, а о таких из них, которые пользуются статусом симпафий — канон с них (впредь до законных оснований его восстановления или отчуждения земли казной) уже снят целиком, и применение по отношению к *этой земле* принципа взаимной налоговой ответственности общинников не положено по закону.

Во-вторых, следует иметь в виду, о какого рода *использовании* симпафий и класм общинниками как оснований для орфосиса или применения принципа круговой поруки идет в анализируемом источнике речь. Греческий ученый подчеркивает тот факт, что заброшенные земли еще до орфосиса использовались хоритами, а когда им предложили платить описфотелию, они имели возможность отказаться от нее (и от земли).

Действительно, в конце IX—XI в. общинникам, пожалуй, никогда не запрещалось властями использовать симпафийные и класмные земли и в пределах своих периорисмов, и по соседству. Даже проданные класмы деревни, перешедшие в руки соседних динатов, крестьяне имели право «использовать», пока там не вспаханы хлебные нивы или не разбиты виноградники. Но при этом всегда — и это главное — имелось в виду не культивирование этих земель в собственном смысле, а их использование лишь в качестве угодий, главным образом для выпаса скота²⁴.

В случае разработки земли (будь то симпафия, класма или новь) налог на нее налагался властями немедленно, как им об этом становилось известным (о заселении пустоши, о распахке ее под зерновые, разбивке на ней виноградника, насаждении там садов, разведении огорода, возведении построек). О такого рода использовании и идет речь во фрагментах налогового трактата: эпопт требует описфотелию, т. е. канон за три года, а не энномий, мелиссопакт или что иное за пользование угодьями. Он производит орфосис — восстановление *полного димосия*, который неизбежен в такого рода случаях. И как здесь могла быть применена еще и круговая порука, нам попросту неясно.

Итак, описфотелия за три года — лишь частный, но зато и более интересный в истории свободного общинного крестьянства X—XI вв. вариант описфотелии. Этот институт предполагал прежде всего использование государством в фискальных целях симпафийных и класмных земель и был связан с наделением этой землей — без каких-либо налоговых льгот — нуждавшегося в земле свободного крестьянства. Земли, возвращавшиеся в число культивируемых через описфотелию за три года, были, скорее всего, более плодородными сравнительно с другими пустующими землями. Их запись вместе с канонем «на лицо» получающего залежь, по всей вероятности, хотя и не создавала собственности, как-то закрепляла право на владение данной землей. Можно предположить, что крестьянин, уплатив тройной канон за симпафию (т. е. до $\frac{1}{8}$ всей ее цены), обре-

²³ Karayannopoulos J. Die Kollektive Steuerverantwortung in der byzantinischen Zeit. — VSWG, Bd. 43, 1956, S. 319 f.

²⁴ См. об этом: Осипова К. А. Аллиленгий в Византии в X веке. — ВВ, 17, 1960, с. 31; она же. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО. М., 1961, с. 175 сл.; Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . , с. 12.

тал на нее собственность не за 30 лет непрерывного владения, считая со дня этой уплаты, а с момента истечения 30-летнего срока сохранения права собственности старого собственника земли (и его наследника), ее покинувшего. Земля же могла быть покинута много лет назад.

Вместе с тем институт описфотелии за три года, преследовавший прежде всего фискальные интересы, был одной из наиболее выгодных для казны форм возрождения налогового тягла. В конкретных условиях того времени этот институт мог представлять, наряду с другими, еще один из вполне легальных способов обхода крестьянского права предпочтения как внутри общины, так и со стороны «чужаков», которым он открывал возможность внедрения в пределах перипорисма деревни на запустевших землях, еще не получивших статуса класм.

Тот факт, что частный случай описфотелии — описфотелия за три года — приведен в руководстве для практоров и эпоптов в качестве объяснения описфотелии вообще, как будто может оправдать заключение о его широком распространении в практике эпоптов в X—XI вв.

К. В. ХВОСТОВА

СУДЬБЫ ПАРИКИИ И ОСОБЕННОСТИ
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПАРИКОВ
В ВИЗАНТИИ XIV В.

(количественный подход к проблеме)

Вопрос о существовании феодализма в Византии, как известно, решается в марксистской историографии положительно¹. Однако некоторые тенденции его развития еще недостаточно выяснены. Связано это с состоянием источников. Отсутствуют подробные сведения о частновладельческой эксплуатации крестьян. Весьма небогаты данные об арендных отношениях между париками, ксенопариками и крупными собственниками, прежде всего монастырями. Существует мнение, что специфика аграрной структуры поздней Византии заключалась в наличии форм публично-правовой эксплуатации и в то же время эта структура, во всяком случае в том виде, в каком она предстает перед нами на частновладельческих землях, может быть в целом отнесена к западному типу аграрного развития, для которого, как известно, характерно преобладание частноправовых форм эксплуатации².

Однако первое впечатление, которое складывается у исследователя от непосредственного знакомства с источниками, таково, что налоговая система, являвшаяся, хотя и в сильно искаженном виде, продолжением римской системы обложения, не только преобладала, но, как в зеркале, отражала основные черты взаимоотношений крестьян и земельных собственников. Более пристальное знакомство с источниками убеждает, что попытка рассматривать многочисленные особенности аграрной структуры Византии как проекции налоговой системы на различные формы межклассовых отношений равносильна отражению этих отношений с помощью кривого зеркала. Дело в том, что в частных владениях центр тяжести эксплуатации к XIV в. явно переместился с публичноправовых форм ее на частноправовые. Арендные отношения на домениальных землях и барщинная эксплуатация париков становятся преобладающими формами производственных отношений в монастырских, и, по-видимому, в прониарских вотчинах. Налоговая эксплуатация частновладельческих париков выглядит некоторым пережитком и не играет существенной экономической и социальной роли. Об этом свидетельствуют следующие явления.

Давно уже было подмечено, что Патмосская писцовая книга XI в. не содержит сведений о земельных наделах париков. Высказывалось также соображение, что эти наделы подразумевались в наименованиях париков: зевгарат, воидат, актимон³. Но это представляется возможным только по отношению к зевгаратам. Ценность зевгарата определялась в 24 номисмы

¹ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. (Постановка проблемы). — ВВ, 36, 1974, с. 4—30. В статье подробно характеризуется советская и зарубежная историография проблемы.

² Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIII—XIV вв.). М., 1968, с. 254 сл.

³ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 35, 1973, с. 66.

и соответственно налог, составлявший $4\frac{1}{6}\%$ ценности объекта, равнялся приблизительно 1 номисме. Однако, согласно Патмосскому практику, зевгараты платили, как правило, 3 номисмы (иногда 2, а иногда 4). Зевгарь как единица земельной площади включал в среднем 144 модия ⁴. Следовательно, парик-зевгарат должен был иметь надел приблизительно такого размера. В то же время известно, что земля, по данным официальных фискальных источников, облагалась по нормам, составлявшим $4\frac{1}{6}\%$ ее ценности ⁵. 1 модий I качества имел ценность в 1 номисму и, следовательно, облагался в 0,04 номисмы. 1 модий II качества ценился в 0,5 номисмы, и с него взыскивались 0,02 номисмы; 1 модий III качества оценивался в $\frac{1}{3}$ номисмы, соответственно налог с него составлял около 0,013 номисмы. При таких нормах не исключено, что зевгаратные парики Патмосского практика, платившие от 2 до 4 номисм, действительно являлись владельцами зевгаря земли.

Но остается неясным, почему в таком случае воидатный парик уплачивал, согласно практику, 0,5 номисмы в качестве капникона, т. е. подымного? Ведь он должен был бы иметь половинный земельный надел и платить от 1 до 2 номисм. Возможно, зевгаратные парики имели земельные наделы, тогда как у воидатных они отсутствовали. Соответственно в практике далее указывается, что зевгаратные платили синону и капникон, тогда как остальные платили только капникон ⁶.

Таким образом, не исключено, что большая часть париков, упоминаемых в Патмосском практике, не имела пахотной земли. Если же в отношении данных Патмосского практика это только предположение, то относительно сведений практиков XIV в. это утверждение является безусловным. К XIV в. окончательно изжила себя практика фиксации в описях паричских наделов с помощью термина «зевгарь». И соответственно исчезло обозначение париков зевгаратами, воидатами, актимонами. Надельная земля там, где она имела, фиксировалась в модиях отдельно от зевгарей, обозначавших только упряжки. Большинство крестьян в ряде вотчин, согласно данным сохранившихся практиков XIV в., не имело земли или же владело небольшим наделом в несколько модиев ⁷. Небольшие наделы практически не облагались налогом. Это следует из того, что наименьшая налоговая ставка, по данным всех практиков, составляла $\frac{1}{6}$ номисмы. И в соответствии с приведенными выше нормами поземельного обложения это означает, что при наличии земли I качества парик мог свободно, не платя налога, владеть 4 модиями. Если он имел землю II качества, то можно было избежать обложения, имея 8 модиев, в случае наличия земли III качества целых 10 модиев оказывались вне обложения.

Не только небольшие земельные наделы, но и другие податные объекты, если их было немного, не подлежали обложению. Виноградник облагался в соответствии со следующими нормами, составлявшими, как и нормы обложения пахотных земель, $4\frac{1}{6}\%$ денежной ценности земель под виноградником: с 1 модия I качества взимались 0,4 номисмы, с 1 модия II качества — 0,28 номисмы, с 1 модия III качества — 0,2 номисмы и с 1 модия IV качества — 0,12 номисмы ⁸.

Следовательно, 1 модий виноградника IV качества фактически оказывался вне обложения. Не облагались также 0,5 модия III качества и более мелкие доли модия при наличии наделов I и II качеств.

Нормы обложения оливковых деревьев, согласно данным XIII в., колебались в интервале между 0,008 и 0,056 номисмы ⁹. При таких низких

⁴ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 249—250.

⁵ Ibid., S. 258, Tabl. II. S. 249—250.

⁶ MM, IV, p. 15.

⁷ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 264—299; табл. 1—22.

⁸ Schilbach E. Op. cit., S. 249.

⁹ Ibid., S. 260.

нормах по меньшей мере 20 деревьев могли оказаться вне обложения. То же явление, очевидно, наблюдалось и по отношению к другим податным объектам.

Источники свидетельствуют, что не только наличие у париков небольших пахотных наделов (менее 10 модиев), но и небольших виноградников, составлявших доли модиев, и нескольких олив (менее 20) — весьма распространенное явление¹⁰.

Постараемся выяснить, как велико было необлагаемое имущество с точки зрения обеспечения возможностей нормального функционирования крестьянского хозяйства. Для этого нужно сделать несложный расчет, показывающий, каков приблизительно доход, получаемый с таких наделов. Удобнее всего такой расчет, очевидно, произвести по отношению к пахотной земле. Модий — как известно, земельная площадь, для засеивания которой требуется 1 модий пшеницы (=12,8 кг=40 литр)¹¹. Средний урожай составлял сам-3¹² и соответствовал в общем и целом урожаю с земли II качества¹³. Поэтому с модия получали 38,4 кг пшеницы, или 120 литр. 12,8 кг из этого валового дохода шло на посев, и владельцу земли оставались 25,6 кг, т. е. 2 модия пшеницы. С 8 модиев площади, которые оставались вне обложения при наличии земли II качества, доход составлял 16 модиев пшеницы. 1 модий пшеницы стоил в XIII в. 1 номисму¹⁴, следовательно, 16 модиев стоили 16 номисм. Эта сумма включала и прибавочный продукт, и ту часть необходимого, которая расходовалась на содержание семьи. При семье в 5—6 человек¹⁵ это означает около 3 номисм на человека. Семья при таком доходе не может нормально существовать¹⁶. Но была ли бедность условием освобождения от поземельного налога? Отнюдь нет. Несколько большие по величине наделы, но также недостаточные для обеспечения условий нормального и длительного развития крестьянского хозяйства облагались поземельной податью. Г. Г. Литаврин полагает, что в X—XI вв. «прожиточный минимум» крестьянской семьи равнялся 5—7 номисмам в год на человека¹⁷.

Если считать, что в XIV в. прожиточный минимум остался тем же, то для получения дохода в 5—7 номисм, который, однако, включал бы и долю, идущую на уплату податей, необходимо было бы при семье в 5—6 человек иметь 16—20 модиев земли II качества. Такие наделы встречаются очень редко. Из 692 хозяйств Ивирского монастыря, по данным разновременных описей XIV в., только в 5 хозяйствах имелись наделы от 16 до 25 модиев. В целом же ситуация такова, что, например, в ряде владений Ивирского монастыря, по данным практиков 1301 г., 31% всех владельцев были полностью неимущими¹⁸.

Правда, и в Англии XIII в., по подсчетам Е. А. Косминского на основе Сотенных свитков, почти 29% крестьян следует классифицировать как необеспеченных или слабо обеспеченных землей, однако при этом 62%

¹⁰ Хвостова К. В. Указ. соч., табл. 2, с. 264—265; табл. 6, с. 269; табл. 10, с. 273

¹¹ Schilbach E. Op. cit., S. 59, 238.

¹² Ibid., S. 58, 238.

¹³ Данные о системах полеводства в Византии весьма неопределенны (литература этого вопроса содержится, например, в статье А. П. Каждана «Из экономической жизни Византии XI—XII вв.» — ВО, 1971, с. 186). Поэтому, вычисляя приблизительный размер дохода с надела, учитываем всю площадь надела. Доход тем самым оказывается завышенным.

¹⁴ Schilbach E. Op. cit., S. 106.

¹⁵ В Византии, как и на Западе в эпоху позднего средневековья, преобладала малая семья. Ср. Laslett P. Mean Household Size in England since the Sixteenth Century. — «Household and Family in the Past Times», ed. by P. Laslett. Cambridge, 1972; Klappich Ch. Household and Family in Tuscany in 1427. — Ibid., p. 277.

¹⁶ В X—XI в., как указывает А. П. Каждан, такой доход грозил голодом (Каждан А. П. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, с. 51, прим. 23).

¹⁷ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 236.

¹⁸ Хвостова К. В. Указ. соч., табл. 1—4, с. 264—267.

виланов принадлежали к категории обеспеченных надельной землей¹⁹. Среди них преобладали полувиргатарии, т. е. держатели 10—20 акров (приблизительно 4—8 га)²⁰.

В византийских монастырских вотчинах рассматриваемого периода, как уже говорилось, положение вещей совершенно противоположное. Только в некоторых вотчинах, принадлежавших сербскому Хиландарскому монастырю и болгарскому Зографскому, встречаются держатели относительно крупных пахотных наделов, превышавших 20 модиев²¹. По-видимому, в этих районах существовал иной тип землепользования, отличный от типичной структуры землепользования в собственно византийских вотчинах. Большинство же частнозависимых монастырских париков, во всяком случае, в районе Южной Македонии, к которому относятся рассматриваемые практики, как уже отмечалось, вообще не имели надельной пахотной земли. Но, может быть, многие из париков, не имевших пахотной земли, владели большим виноградником или каким-либо другим имуществом, способным обеспечить условия для длительного нормального функционирования крестьянской экономики в условиях средневекового производства? Однако и принадлежавшие парикам наделы под виноградником обычно значительно меньше по величине того минимума, который мог бы обеспечить нормальное развитие крестьянского хозяйства.

Прежде всего, думается, что в XIV в., в условиях прогрессирующего обесценения денег, когда 1 модий пшеницы стоил 1 номисму, тогда как в XI в. на эту сумму можно было купить 12 модиев, денежная сумма, определяющая «пржиточный минимум» крестьянина, в хозяйстве которого отсутствовал пахотный надел, должна быть значительно выше. Ведь, не имея пахотной надельной земли или имея ее в явно недостаточном количестве, крестьянин, если допустить, что центром его хозяйственной деятельности являлось собственное хозяйство и отсутствовали другие постоянные источники дохода, должен был покупать зерно. Считаем, что на одного человека ему требовалось около 16 модиев зерна в год и соответственно сумма в 16 номисм. В действительности для приобретения нужного зерна оказалась бы достаточной, возможно, и меньшая сумма, но, указывая данную сумму, подразумеваем и все другие расходы крестьянской семьи, которые неизбежно имели место. Для получения этой суммы при семье в 5—6 человек необходим был надел под виноградником размером около 4 модиев. Действительно, как показывает соотношение норм поземельного налогообложения, 1 модий пахотной земли II качества соответствовал примерно 0,1 модиям земли под виноградником III качества²². 16 номисм на человека при наличии 5 человек в семье можно получить с 40 модиев пахотной земли II качества или с 4 модиев III качества под виноградником. Но часть дохода с виноградника необходима для потребления и для уплаты налогов. Поэтому для получения 16 номисм в качестве возможных средств для приобретения зерна и других продуктов питания, а также для осуществления других, хотя бы минимальных, но все же неизбежных расходов необходимо 6 модиев под виноградником, что соответствует приблизительно 75 модиям пашни, равным 0,5 зевгара (это составляет около 6 га пашни, т. е. величину, близкую к английской полувиргате). 6 модиев и можно рассматривать как надел, обеспечивающий необходимый минимум существования париков, лишенных пахотной земли. Однако более 80% париков в ряде вотчин Ивирского монастыря были лишены такого надела²³.

¹⁹ Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., 1947, с. 274.

²⁰ Там же, с. 272, 274.

²¹ Actes de Zoographou, ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. — ВВ, XIII, 1907. Приложение 1, № 29; Хвостова К. В. Указ. соч., табл. 18, 22.

²² Большинство париков, судя по нормам обложения, имело виноградники, близкие к III качеству.

²³ Хвостова К. В. Указ. соч., табл. 1—4.

В Радоливо же, где все держатели имели виноградник того или иного размера, более 50% владельцев имели менее 6 модиев ²⁴.

Если же говорить о тех немногих для XIV в. хозяйствах, в которых имелся пахотный земельный надел, то в силу того же роста цен на зерно в эту эпоху крестьянину для того, чтобы иметь годовой доход около 10 номисм на человека (этот доход включает и сумму, предназначенную для уплаты налогов), можно было бы иметь всего 25 модиев земли II качества. Но и такой относительно небольшой надел по сравнению с держаниями зевгаратных париков в предшествующую эпоху в вотчинах Ивирского монастыря, например, полностью отсутствует.

Итак, проведенный анализ, основанный на явно заниженных данных, используемых в качестве показателя денежной суммы, отражавшей «прожиточный минимум» парика, показывает, что если у определенной части частновладельческих крестьян XIV в. и имелся «прожиточный минимум», то было очень мало крестьян, располагавших значительным земельным наделом, который можно было бы обрабатывать имевшейся у многих париков упряжкой волов. Иными словами, во многих зафиксированных источниками ситуациях отсутствовали условия для длительного нормального функционирования крестьянского хозяйства.

Это означает, что византийская аграрная структура чрезвычайно своеобразна. Ведь даже для периода так называемого второго издания крепостничества нетипично наличие большого числа безземельных и слабо обеспеченных наделной землей крестьян. Даже для этой эпохи, отличающейся особенно высоким уровнем эксплуатации, характерна земельная обеспеченность основной массы производителей ²⁵.

Особенно примечательным на фоне полного или почти полного отсутствия у византийских частновладельческих париков пахотных наделов выглядит наличие у многих из них тяглого скота. Это обстоятельство заставляет строить определенные предположения об особенностях крестьянского землепользования, о которых речь пойдет ниже.

То обстоятельство, что наличие имущества, недостаточного для обеспечения условий нормального экономического развития в целом, отнюдь не являлось критерием освобождения от уплаты налогов, означает, что такой налог, несмотря на его небольшую величину, был весьма разорительным для париков.

К этому следует добавить, что и владельцы небольших свободных от поземельного обложения наделов вовсе не были свободны от всяких платежей. Все частновладельческие парики, в том числе и полностью неимущие, платили телос, который в случае полного отсутствия имущества взимался, очевидно, с дома. Этот факт, а также то, что имущие были в своем большинстве достаточно бедны, означает, что средства для уплаты налога изыскивались в таких случаях не в собственном хозяйстве, а существовал какой-то иной постоянный источник доходов. Не имея достаточного количества собственной земли, крестьянин, очевидно, становился арендатором монастырской земли. При этом парики арендовали землю и «своих», и «чужих» монастырей, о чем имеется немало свидетельств источников ²⁶. Арендная плата в соответствии с традициями более раннего времени носила в основном характер пакта или морт ²⁷. Плата была большей, чем пожалованный в порядке передачи податного иммунитета государственный налог. Это означает, что сдача земли в аренду была очень выгодна как монастырям, так и другим крупным земельным собственникам.

²⁴ Хвостова К. В. Указ. соч. табл., 13, 20, с. 276—281, 290—296.

²⁵ Kula W. *Théorie économique du système féodal. Pour un modèle de l'économie polonaise des 16-e—18-e siècles.* Paris, 1970, p. 139.

²⁶ См., например, Schreiner P. *Zwei unedierte Praktika aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts.* — JÖB, 19, 1970, S. 35. 16—17; 42. 20—21.

²⁷ См., например, *Actes de Chilandar*, ed L. Petit. — BB, XVII, 1911. Приложение, № 92. 163, p. 198.

Что же касается париков, то для них было бы выгоднее хозяйство на надельной земле, связанное с уплатой небольшого традиционного налога, не зависящего от размеров урожая и прочих экономических факторов. Поэтому развитие несвободной крестьянской аренды на монастырских землях в общем и целом означало тенденцию к повышению эксплуатации зависимых крестьян. К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями источников о распространении паричской аренды. Можно высказать на этот счет лишь некоторые предположения. По-видимому, количество зевгарей, т. е. упряжек у лишенных надельной земли париков или имевших ее в явно недостаточном количестве, является показателем размеров их аренды. Наличие 1 зевгаря свидетельствует, очевидно, об аренде земельного надела величиной в зевгарь. Наличие в хозяйстве при тех же условиях вола свидетельствует об аренде половинного надела. Следует сказать, что в целом для эпохи феодализма ситуация, когда в крестьянском хозяйстве имелся тяглый скот и отсутствовала или почти отсутствовала пахотная земля, отнюдь не является типичной. Напротив, типичной для средневековья была противоположная ситуация, при которой обедневший крестьянин имел небольшой участок земли, но у него отсутствовал рабочий скот ²⁸. В силу этого крестьянин и вынужден был довольствоваться небольшим клочком земли.

Специфическое же для поздневизантийских крестьян положение, когда владелец упряжки был безземельным, трудно объяснить иначе, как предположив, что византийские парики при наличии упряжки и отсутствии надельной земли арендовали землю монастырей и других собственников. Наличие большого числа слабо обеспеченных земель частновладельческих париков объясняется традициями византийских аграрных отношений. Частновладельческая парикия возникала главным образом в результате государственных пожалований париков. Если в XI в. жаловались парики разной обеспеченности (большинство зевгаратных париков, упоминаемых в Патмосском практике, как уже говорилось, владели, по-видимому, не только упряжкой, но и пахотной надельной землей (об этом свидетельствует уплата ими высокого налога от 2 до 4 номисм), то в XIV в. монастыри, обладавшие податным иммунитетом, получали в качестве государственного пожалования только слабообеспеченных париков.

И, очевидно, это было для монастырей достаточно выгодным, поскольку эти парики не только платили поступающий монастырю в силу наличия у него податного иммунитета небольшой налог, но и становились арендаторами огромных массивов монастырских земель. Получаемая с этих земель арендная плата, хотя и являлась по форме традиционной (морта, пакт), но по существу отражала новый, частноправовой характер отношений эксплуатации ²⁹. Эти отношения в условиях существования развитого податного иммунитета и ослабления не только налоговой, но и вообще экономической политики отражали тенденцию развития аграрных отношений в сторону формирования отношений эксплуатации западного феодального типа. Естественно, было еще далеко до развитых феодальных форм эксплуатации на Западе, но содержание процессов было идентичным.

Анализ данных источников о характере арендовавшихся париками монастырских земель показывает, что большая часть этих огромных площадей состояла из запущенных земель. Следовательно, это были класы, т. е. земли, покинутые владельцами, перешедшие в распоряжение государства, невостребованные в течение 30 лет и пожалованные монастырю ³⁰.

²⁸ Косминский Е. А. Указ. соч., с. 264—265.

²⁹ В XIV в. пакт, во всяком случае на монастырских землях, не приравнялся к налогу. См. Хвостова К. В. Указ. соч., с. 169.

³⁰ Пожалование монастырю класм, как известно, было широко распространено и в X в. См. Осипова К. А. Система класм в Византии X—XI вв. — ВО, 1961, с. 179 сл.; Karayannopoulos J. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger, Heidelberg, 1966, S. 321, f. 9.

Земли эти были без держателей, поэтому, передавая их монастырю, государство ничего не теряло из своих налоговых поступлений. Наоборот, оно выигрывало во многих отношениях. Государство в XIV в. располагало массой пустующих земель и имело очень мало возможностей продать их или сдать в аренду мелким землевладельцам крестьянского типа, обязанным платить подати. Лишенное возможности использовать огромные площади земель в собственных податных интересах, государство и жалует эти покинутые прежними владельцами территории монастырям и другим представителям господствующего класса, способным обеспечить возделывание покинутых земель. Эти земли монастырь в основном сдавал в аренду, а также обрабатывал с помощью барщины. Характерно, что и в XI в., как свидетельствует Патмосский практик, основная доля монастырских доходов создавалась за счет земель, сдаваемых в аренду. Что же касается богатств светских представителей византийской знати, то, как отметил Г. Г. Литаврин, в XI в. эти богатства складывались в основном не из доходов от землевладения, а из денежных сокровищ³¹. Если все же говорить о землевладельческих доходах этой знати, то, несомненно, большую часть их обеспечивала эксплуатация доменов и арендные платежи. Что же касается доходов с парических держаний, то они вообще не указываются³². Очевидно, эти доходы были совсем незначительными.

Но значение аренды париками земель крупных земельных собственников не сводилось к тому, что так обеспечивалась обработка больших, принадлежавших крупным собственникам земельных площадей и поступление соответствующих доходов, — развитие аренды создавало условия для сохранения налогоплательщиков. Ведь, несмотря на то, что крупный монастырь имел податной иммунитет, в случае крайней необходимости он мог быть нарушен и государство получало часть доходов монастыря в виде налоговых поступлений. Известно, например, что иммунитет Ивирского монастыря был неполным. Суммы телоса, поступавшие с парических владений, уплачивались в казну, а суммы, взимавшиеся с земель, сдававшихся в аренду и с доминиальных, оставались в распоряжении монастыря³³. Однако в силу того, что почти все монастырские парики не имели пахотной надельной земли, уплата ими телоса была возможна, как уже говорилось выше, лишь при условии аренды ими монастырских земель. Только в этом случае крестьянин оказывался в состоянии воспроизводить себя как производителя материальных благ и как налогоплательщика. Своего скудного хозяйства, которым они владели на парическом праве, многим крестьянам не хватило бы для уплаты даже небольшого налога — это вызвало бы неминуемое разорение и уход с хозяйства. Миграция монастырских париков была велика, но тот факт, что в XIV в. парикия как государственное тягло полностью не исчезло на монастырских землях, объясняется только тем, что парики могли нести это тягло, используя широкие возможности аренды монастырской земли.

Социально-экономическая роль крестьянской аренды состоит, таким образом, с одной стороны, в том, что благодаря существованию этого мощного резерва крестьянского землепользования была продлена агония частновладельческой парикии, связанной с государственным тяглом и уходящей своими корнями в античные социально-экономические и фискальные порядки³⁴, а с другой стороны, развитие аренды спасало общество от тяжелой стагнации, неминуемой в условиях вырождения парикии.

³¹ Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. — ВО, 1971, с. 164.

³² Там же, с. 164, прим. 26.

³³ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jh. für das Athoskloster Iberon. — «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl.», N. F., Heft 28. München, 1949, S. 106; RK, 335—336.

³⁴ Парикия восходила к античному колонату, юридический статус париков регламентировался римским правом. Ср. Dölger F. Op. cit., S. 19, Anm. 45. В последние годы Икономидис высказал предположение относительно известной свободы в определен-

Арендаторы земель крупных собственников — парики и ксенопарики — это по существу только бывшие парики, т. е. те, кто лишь называется париками, но или совсем не имеет земли на парическом праве, или владеет ничтожным наделом. Наименование этих держателей — парики — дань традиции или это новая, неантичная парикия.

Однако огромные комплексы домициальных монастырских земель, как уже упоминалось, эксплуатировались не только путем сдачи в аренду. В аренду сдавались в основном переданные монастырям класмы, тогда как земли, не находившиеся в течение столь длительного времени в запущенном состоянии, можно сказать, исконный монастырский домен, эксплуатировались при помощи барщины. Но условия для исполнения барщины, как и способность уплачивать налоги, обеспечивались арендой участков, дающих возможность крестьянину производить необходимый продукт.

Далее уместно остановиться на юридических предпосылках, позволяющих классифицировать складывающееся в Византии сословие — новую парикию — как формирующийся феодальный институт.

Формально, как говорилось, новая парикия уживалась с традиционным правопорядком, восходившим к античным принципам. Но этот порядок, основные черты которого сформировались в постклассический в истории римского права период, был вполне пригодным для регламентации складывающихся феодальных форм эксплуатации. Именно к такому выводу приходят исследователи постклассического западного римского права, которое в основных чертах было близким постклассическому праву востока Римской империи. Как показано в работах Э. Леви и М. Казера, в постклассический «вульгарный» период в развитии западного римского права (начиная с IV в.) произошли существенные изменения, многие из которых позднее нашли свое развитие при формировании на Западе феодальных отношений; они как бы были впитаны в себя новым развивающимся феодальным правом. В постклассический период исчезает римская классическая собственность как неограниченное и вечное вещное право. Понятия собственности и владения в постклассическом праве переплетаются³⁵, возникают различные формы ограниченной собственности³⁶, исчезает право на чужую землю³⁷ и т. д. Развитие некоторых из этих юридических принципов нашло свое дальнейшее развитие, по мнению Э. Леви, в германском феодальном праве³⁸. Аналогичные правовые изменения, по-видимому, в несколько замедленном темпе, происходили и на востоке Римской империи, и в ранней Византии. Е. Э. Липшиц приходит к выводу, что «в IV—V вв. совершается процесс становления форм, которые впоследствии в своем развитом виде приведут к типично феодальным формам условно-расчлененной собственности»³⁹.

Далее, на Западе — и это особенно существенно для нас — в постклассическом праве не проводилось различия между *locatio-conductio* и эмфитевсом⁴⁰. Точнее, отношения найма *locatio-conductio* вообще исчезли, т. е. исчезли отношения найма земли, основанные на свободном договоре⁴¹. Позднее это исчезновение было компенсировано появлением фео-

ных ситуациях состояния парической зависимости от уплаты налога: *Oikonomides N. Notes sur un praktikon de pronotaire* (juin 1323). — «Travaux et Mémoires», 1973, N 5, p. 345, n. 25. Однако можно согласиться с Ж. Лефором, считающим аргументы Икономидиса недостаточно убедительными: *Lefort J. Fiscalité médiévale et informati-que. Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle*. — «Revue historique», 1974, N 512, p. 341, n. 3.

³⁵ Levy E. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951, p. 96 sq.

³⁶ Ibid., p. 44, 47, 90 sq., 65; Kaser M. *Das römische Privatrecht*. München, 1959, S. 180, 224—225.

³⁷ Levy E. *Op. cit.*, p. 40 sq.; Kaser M. *Op. cit.*, S. 179.

³⁸ Levy E. *Op. cit.*, p. 84.

³⁹ Липшиц Е. Э. *Право и суд в Византии в IV—VIII вв. М.*, 1976, с. 72—73.

⁴⁰ Levy E. *Op. cit.*, p. 45.

⁴¹ Kaser M. *Op. cit.*, p. 292.

дального договора, учитывающего отношения господства и подчинения между собственником земли и тем, кто ее обрабатывал.

На Востоке Римской империи, а затем в Византии не произошло слияния договора найма и эмфитевса. Эмфитевс продолжал существовать как некоторое «третье право»⁴².

Однако отношения найма, аренды, регулируемые договором *locatio-conductio*, постепенно претерпевали те же изменения, что и на Западе, т. е. утрачивались черты «равноправных обязательственных отношений сторон». Они заменялись «типичными для начинающегося средневековья отношениями господства и подчинения»⁴³.

Исходя из всего сказанного, следует считать, что аренда поздневизантийскими париками огромных площадей частновладельческих земель, регулируемая формально-юридически договором *locatio-conductio*, фактически означала развитие несвободных отношений между собственниками и зависимыми людьми, складывающихся в соответствии с традициями, возникшими в ранневизантийском праве. Эти отношения были чреваты возникновением форм эксплуатации, близких к западноевропейскому феодальному договору.

Итак, согласно развиваемой здесь концепции, сущность византийского феодализма как системы эксплуатации отражали не отношения частновладельческой парикии (как обычно принято считать), связанной с государственным тяглом и юридически не отличавшейся от античного колоната, а арендные отношения на переданных частным собственникам бывших класмах, которые регламентировались *locatio—conductio* постклассического периода. Такие арендаторы были свободны от государственного тягла, они полностью находились во власти частновладельческих отношений. В силу логики исторического развития договор найма мог бы перерасти в феодальный договор, регламентирующий рентные отношения между собственником земли и зависимым крестьянином, как случилось на Западе в эпоху раннего феодализма. Исходные правовые условия развития в Византии, как видно, были теми же самыми, но темпы несоизмеримыми. С IV в. в Византии существовали благоприятные условия для появления форм развитой феодальной эксплуатации западного типа, но эти формы так и не возникли. Ослабление государственной власти к XIV в. создавало дополнительную благоприятную предпосылку для складывания законченных феодальных форм. Но этого не произошло, Византия была завоевана турками.

Естественно, в XIV в., в условиях развития иммунитета, роста частного землевладения и падения роли государственной экономической политики, старая античная парикия меняла свое содержание и играла иную социальную роль. Но в любом случае это был отмиравший социальный институт. Преобладающую тенденцию аграрных отношений отражали отношения несвободной аренды на частновладельческой территории бывших класм.

Значительная обеспеченность париков тяглым скотом при слабой земельной обеспеченности, на мой взгляд, определенно свидетельствует, что массовое обеднение крестьян, о чем как будто свидетельствует высокий уровень миграционных процессов, иллюзорно. В действительности происходит лишь перестройка отношений землепользования: центр тяжести переносится с хозяйства на наделной земле на арендованную землю.

Падение социальной роли наделного землепользования сопровождалось уменьшением значимости налоговой эксплуатации частновладельческих париков. Несмотря на это, рассмотрение особенностей этой эксплуатации представляет немалый интерес. Эти особенности, как я постараюсь

⁴² Levy E. Op. cit., p. 46, 47; Kaser M. Op. cit., S. 225; Липшиц Е. Э. Указ. соч., с. 160—161.

⁴³ Липшиц Е. Э. Указ. соч., с. 77.

показать ниже, хотя и косвенно, также свидетельствуют об общем направлении эволюции аграрной структуры.

Некоторые гипотезы о структуре паричского телоса, взимаемого с частновладельческих париков, можно высказать на основе практиков, относящихся к частновладельческим, и прежде всего монастырским, землям. В последнее время сделана попытка анализа структуры византийского телоса с помощью математических методов, а именно с помощью уравнений регрессии, точнее — уравнений гиперплоскости. Я применила эту методику в 1968 г., проведя моделирование на материале Ивирских практиков и практика Хиландарского монастыря ⁴⁴. В 1974 г. аналогичную работу проделал французский византинист Ж. Лефор, используя ту же методику и те же материалы Ивирских практиков, а также не опубликованный тогда еще практик Лавры ⁴⁵. Целью моделирования с помощью уравнения гиперплоскости является определение норм обложения податных объектов. Эти нормы не содержатся в практиках, которые фиксируют только общие налоговые суммы, взимавшиеся со всего крестьянского хозяйства, включавшего разное имущество. Но каким образом налог распределялся по отдельным видам имущества? Были ли эти нормы, в частности нормы поземельного обложения, аналогичны или близки рассмотренным выше стандартным нормам, восстановленным исследователями на основе других фискальных источников и составлявшим $4\frac{1}{6}\%$ от ценности земли? Это можно определить только с помощью расчетов, выполненных тем или иным способом. В частности, эти расчеты должны показать, насколько сильно различались нормы обложения одного и того же вида имущества в разных хозяйствах податного округа или деревни. Выбору способа расчета должна предшествовать доматематическая обработка данных, содержательный анализ сохранившихся сведений источников. На основе этого анализа высказывается гипотеза о структуре обложения, а именно об отсутствии или наличии существенных различий в обложении одного и того же вида имущества в разных хозяйствах округа или деревни, об общем числе податных объектов, о близости норм обложения к соответствующим стандартным нормам. Расчет должен конкретизировать, уточнить эту гипотезу.

Как уже говорилось, методика, примененная мною и Ж. Лефором, одна и та же. Однако число показателей, обозначающих нормы обложения податных объектов в уравнениях гиперплоскости, использованных мною и Ж. Лефором, разное. Это означает, что я расхожусь с Ж. Лефором во мнении относительно числа объектов обложения, а следовательно, и в представлении о структуре обложения в целом. Конкретно эти расхождения состоят в следующем. Я полагаю, что объектами обложения телосом были не только все те виды движимого и недвижимого имущества париков, которые перечисляются в описях, но существовал еще один объект обложения — или дом, или очаг, или все хозяйство как таковое, т. е. то, что в более ранний период являлось объектом обложения капниконном. Вспомним еще раз свидетельства Патмесского практика. В нем говорится, что актимоны платили 0,5 номисмы капникона, тогда как монозевгаратные и дизевгаратные парики платили и синону, и капникон ⁴⁶.

Практики XIV в. также свидетельствуют, что неймущие парики платили телос, размер которого колебался от $\frac{1}{6}$ до $\frac{2}{3}$ и даже до 1 номисмы. Телос платили, как говорилось выше, и держатели небольших наделов, не подлежащих поземельному обложению. Исходя из всех этих данных, я и полагаю, что в XIV в., как и в более ранний период, взимались и синона, и капникон. Точнее, некоторые их аналоги, так как сами эти термины не употребляются в XIV в. Соответственно я и ввожу в уравнение гипер-

⁴⁴ Хеомова К. В. Указ. соч., с. 116—142.

⁴⁵ Lefort J. Op. cit., p. 315—356.

⁴⁶ ММ, VI, p. 15.

плоскости, кроме переменных, обозначающих отдельные виды имущества, еще и дополнительный показатель, фиксирующий податъ, аналогичную более раннему капникону и условно называемую «капникон». В результате уравнение гиперплоскости, выражающее «закон» обложения, имеет вид:

$$y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + a_3x_3 + \dots a_nx_n^{47},$$

где y — телос; a_0 — капникон; $a_1, a_2, a_3, \dots a_n$ — нормы обложения имущественных объектов; $x_1, x_2, x_3, \dots x_n$ — соответствующие виды имущества. $a_1, a_2, a_3, \dots a_n$ — средние нормы обложения по совокупности. При обложении каждого хозяйства имелись отклонения, поэтому телос, взимаемый с каждого хозяйства, отличался от расчетного в соответствии со средними нормами на некоторую величину E_i . Поэтому уравнение гиперплоскости, моделирующее налогообложение в отдельных хозяйствах, выглядит таким образом:

$$y_i = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots a_nx_n + E_i,$$

где i — порядковый номер хозяйства в округе или деревне. Всего конкретных уравнений гиперплоскости столько, сколько хозяйств в изучаемой совокупности.

Ж. Лефор же, полагая, что объектами обложения являлись только имущественные объекты, вводит в уравнения гиперплоскости на один показатель меньше. В его уравнениях отсутствует показатель, обозначающий капникон⁴⁸.

Решаются уравнения гиперплоскости с помощью математического метода наименьших квадратов, основанного на предположении, согласно которому отклонения норм обложения каждого податного объекта в отдельных хозяйствах податного округа или деревни от средней нормы, принятой в данной совокупности за стандартную, были наименьшими из возможных (с учетом возможных дроблений денежной единицы) и случайными. Лефор полагает, что эти отклонения связаны в основном с округлением налоговых ставок с тем, чтобы получить или значения целых номисм, или определенные доли номисмы, поскольку все практики свидетельствуют, что телос рассчитывался только в следующих долях номисмы: $1/6$; $1/4$; $1/3$; $1/2$; $2/3$ и $5/6$ (т. е. 20 коккий). Никакие другие доли номисм в практиках не упоминаются. При этом наименьшее различие между долями

$$\frac{1}{4} - \frac{1}{6} = \frac{1}{12}.$$

Каким же образом, использование метода наименьших квадратов согласуется с содержательным анализом данных источников? Иными словами, какие сведения источников наводят на предположение о незначительных, а главное — случайных вариациях в нормах обложения каждого вида имущества в различных хозяйствах податного округа или деревни. Известно ведь, что при обложении учитывалось качество пахотной земли, а также характер насаждений на участках, предназначенных для разведения виноградики, сада или насаждений фруктовых деревьев. Правда, рассмотренные выше стандартные нормы обложения пахотной земли разных качественных категорий, воспроизведенные на основе официальных фискальных источников, различались на величину, меньшую чем $1/12$ ($\approx 0,08$) номисмы. Выше говорилось, что на 1 модий земли I качества приходилось 0,043 номисмы, на модий II качества — 0,02 номисмы, а с модия III качества взимались 0,013 номисмы. Как видно, различия в нормах составляют не более, чем 0,03 номисмы. Тем не менее эти различия, связанные с наличием наделов разного качества, нельзя назвать

⁴⁷ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 119.

⁴⁸ Lefort J. Op. cit., p. 353 sq.

случайными, а, по-видимому, они не были и минимальными. Ведь, если при рассмотрении всего совокупного телоса, взываемого с хозяйства в целом, правомерно вслед за Лефором учитывать $1/_{12}$ номисмы в качестве минимального различия в налоговых ставках, то, говоря о нормах обложения земли, не фиксируемых в практиках, а рассчитываемых с помощью специальной методики, вряд ли уместно использовать те же критерии для оценки их вариаций, что и при рассмотрении налоговых ставок в целом. Ведь сами нормы обложения пахотных земель составляли доли номисм меньшие, чем $1/_{12}$. Соответственно они и различались на меньшую величину. Поэтому-то вариации норм обложения и не должны измеряться с учетом того масштаба, который дается самим практиком в отношении всей совокупной налоговой ставки, не распределенной по отдельным податным объектам. Милитарий не являлся же самой мелкой византийской расчетной денежной единицей.

Что же касается стандартных норм обложения виноградника, то они колебались между 0,15 и 0,33 номисмами ⁴⁹, т. е. различались на величину, большую, чем $1/_{12}$ номисмы. Следовательно, эти вариации при всех расчетах с использованием любых количественных критериев не являются минимальными и, тем более, случайными, поскольку качество земли и характер ее использования — не случайные, а существенные факторы обложения.

Все сказанное свидетельствует о том, что использование метода наименьших квадратов для расчета норм обложения отдельных видов принадлежавшего парикам имущества в разных хозяйствах изучаемой совокупности не является самоочевидным, а в некоторых случаях вообще выглядит сомнительным. Ниже я постараюсь показать, что использование этого метода правомерно в качестве приближенного способа определения «закона» обложения, т. е. средних норм по совокупности, если исходить из предположения о наличии капникаона в составе телоса.

Переходя к непосредственному анализу структуры обложения, прежде всего надо сказать, что вариации в обложении отдельных хозяйств проявляются несравненно в меньшей степени в совокупностях, в которых имеется ведущий объект обложения. В особенности это относится к тем немногим совокупностям, в которых ведущим объектом обложения является пахотная земля. Дело в том, что качество пахотной земли в пределах деревни или округа было обычно одинаковым, вследствие чего и нормы обложения пахотной земли в отдельных хозяйствах были также одинаковыми или почти одинаковыми. Однако нормы обложения других податных объектов варьировали и в этих совокупностях от хозяйства к хозяйству. Что же касается совокупностей, в которых пахотная земля отсутствовала вообще (а таких большинство) или не являлась основным объектом обложения, то в них колебания норм обложения податных объектов от хозяйства к хозяйству были иногда весьма значительными ⁵⁰.

Например, в Иериссо, согласно данным практика Ивирского монастыря от 1301 г., отсутствовал какой-либо ведущий объект обложения и наблюдались весьма большие колебания в обложении имевшихся видов имущества. Обратимся к рассмотрению обложения тех париков, которые имели только один вид имущества. Если исходить из концепции Ж. Лефора об исключительно поимущественном характере обложения, легко рассчитать нормы обложения таких видов имущества. Для этого нужно телос разделить на величину имущества. Произведя эту операцию для 6 париков, владевших только виноградником, или для двух, имевших только пахотную землю, получим следующие результаты. Нормы обложе-

⁴⁹ *Schilbach E. Op. cit.*, S. 249.

⁵⁰ Беспорядок в обложении телосом поздневизантийских париков отмечался многими, в том числе и новейшими исследователями этой проблемы. См. *Schilbach E. Op. cit.*, S. 256; *Schreiner P. Op. cit.*, S. 42.

ния виноградника оказываются следующими: 0,17; 0,2; 0,3; 0,5; 1 (2 случая)⁵¹. Пахотная земля у обоих париков облагалась в соответствии с чрезвычайно высокими нормами, составлявшими 0,1 (с 5 модиев взимался телос в 0,5 номисмы) и 0,17 номисмы с модия (с 3 модиев взимались 0,5 номисмы)⁵². Случайные эти колебания или неслучайные, но, во всяком случае, минимальными их назвать нельзя.

Подобные случаи чрезвычайно высокого, равно как и чрезвычайно низкого обложения (последние объясняются, очевидно, плохим состоянием хозяйства, т. е. неявным учетом его доходности, о чем речь пойдет впереди), при моделировании с помощью уравнений гиперплоскости, включающих количество переменных, равное числу видов имуществ и не учитывающих капникон, т. е. в соответствии с концепцией Лефора, исключаются из рассмотрения, как нетипичные⁵³. Однако, на мой взгляд, эти факты, хотя численно и не преобладали, отражали отнюдь не случайные, а напротив, вполне закономерные особенности обложения, о которых сейчас пойдет речь. Смысл этих фактов в том, что в них эти особенности проявлялись в наиболее яркой, открытой форме, тогда как в других случаях они были как бы завуалированы другими, явно проявлявшимися особенностями. То обстоятельство, что фактов яркого проявления некоторых закономерностей сравнительно немного, свидетельствует, что эти закономерности в целом носят неявный, латентный характер. Задача исследователя — выявить эти закономерности. А для этого, очевидно, необходимо не исключать эти факты из рассмотрения, а наоборот, подвергнуть их тщательному анализу. Неявная, латентная закономерность состоит, на мой взгляд, в наличии в составе телоса капникона, который не фиксировался как самостоятельная часть телоса.

Если считать, что 0,5 номисмы в рассмотренных двух случаях состоят не только из поземельной подати, но включают еще и капникон и последний в среднем по деревне составляет 0,25 номисмы⁵⁴, то на долю поземельной подати остается только 0,25 номисмы. Соответственно нормы обложения понизятся до 0,05 и 0,08 номисмы. Это уже небольшие различия, да и сами нормы меньше отличаются от стандартных. Этот пример показывает, что введение в уравнения гиперплоскости показателя, обозначающего капникон, делает применение метода наименьших квадратов более обоснованным. Что же касается содержательных соображений в пользу наличия в составе телоса капникона, то о них уже говорилось. Однако данный пример может быть интерпретирован как дополнительный аргумент и в этом плане. Трудно представить, что практиковались такие высокие нормы поземельного обложения крестьянских наделов, как 0,1 и 0,17 номисмы. Одна из этих норм относится к эсотирию — приусадебному земельному участку, а другая к хорафию. Но хорафии облагались в соответствии с обычными поземельными нормами⁵⁵. О том, что приблизительно такими были и нормы обложения эсотириев, позволяет судить хотя бы тот же практик Иериссо 1301 г. В нем упоминаются два хозяйства, имевшие большое количество имущества, в том числе и эсотирий в 9 модиев⁵⁶. Приближенный расчет показывает, что нормы обложения этих участков, если предположить, что облагались только виноградник и эсо-

⁵¹ Dölger F. Op. cit., A. 135, 137, 142, 150, 151.

⁵² Ibid., A. 123 — имеется в виду эсотирий — участок, находившийся непосредственно около дома; A. 148 — имеется в виду обычный хорафий.

⁵³ Lefort J. Op. cit., p. 356.

⁵⁴ Это следует из решения уравнения гиперплоскости, включающего в качестве неизвестной переменной и капникон. См. Хвостова Р. В. Указ. соч., с. 121.

⁵⁵ Dölger F. Op. cit., S. 127.

⁵⁶ Имущество одного хозяйства таково: 1 зевгарь, 1 осел, 2 коровы, 2 свиньи, 2 модия под виноградником, эсотирий в 9 модиев. Налог равнялся 1 номисме. См. Dölger F. Op. cit., A. 122. Другое хозяйство состояло из 0,5 зевгаря, 1 коровы, 2 модиев под виноградником, эсотирия в 9 модиев. Телос также равнялся 1 номисме (ibid., A. 123).

тирии, не превышали 0,08 номисм. Если же считать (что более вероятно), что подлежали обложению и имевшиеся в этих хозяйствах зевгари и нетяглый скот, то нормы поземельного обложения оказываются еще ниже и ближе к стандартным.

Итак, единственное объяснение высоких норм поземельного обложения, составляющих 0,1 и 0,17 номисм, — в том, что это высота иллюзорна. Часть этих сумм относится не к поземельной подати, а к капникону. Вспомним, что в Патмосском практике синона и капникон упоминаются как единая нерасчлененная подать.

Но 0,25 номисмы — это средние размеры капникона по деревне. Высокий уровень капникона в хозяйствах некоторых неимущих париков, где он достигает $\frac{2}{3}$ и даже 1 номисмы⁵⁷, наводит на предположение, что капникон составлял значительную величину и в хозяйствах тех, у кого было лишь незначительное имущество. В пользу этого предположения говорит также то, что капникон обычно приближался к нулю в хозяйствах, располагавших сравнительно крупными земельными наделами. Эту закономерность, правда, можно наблюдать не на материале рассматриваемой деревни Иериссо, а по данным практика трети деревни Мамицоны, составленном в 1323 г. Из 36 принадлежавших Хиландарскому монастырю хозяйств 8 владели только пахотной землей. Это позволяет рассчитать нормы поземельного обложения этих хозяйств. Оказывается, что они абсолютно инвариантны и составляют, если исходить из предположения об отсутствии капникона, 0,03 номисмы. Расчет же с учетом капникона показывает, что нормы поземельного обложения составляли 0,026 номисмы⁵⁸. Относительно собственно монастырских земель, эксплуатировавшихся посредством барщины и сдаваемых в аренду, в практике говорится, что они принадлежали к высшему качеству. Средняя норма обложения этих земель составляла 0,03 номисмы. Таким образом, наделная земля облагалась по тем же нормам, что и собственно монастырская. В деревне имелось 4 хозяйства, владевших наделами от 94 до 120 модиев. Нижеследующая таблица содержит данные об имуществе и налогообложении этих зажиточных париков Мамицоны.

Количество зевгарей	Количество пахотной земли	Количество виноградников	Количество нетяглого скота	Величина налога
1	104	2	2	3
0,5	120	0,5		3
1	94	2,5	1	3
1	110	4	1	4

Если бы 94 модия облагались по норме 0,026 номисмы, то следовало бы с них получить 2,44 номисмы, т. е. на все остальное имущество остается меньше 0,6 номисмы, что нереально. Со 120 модиев при данной норме обложения следовало бы взыскать 3,12 номисмы, т. е. больше, чем в действительности взималось и с земли, и с остального имущества. То обстоятельство, что взимали только 3 номисмы, показывает, что эти наделы облагались по более низким нормам. Несложный расчет показывает, что то же самое следует сказать и об обложении остальных двух больших наделов. Действительно, решение теоретического уравнения гиперплоскости при наличии переменной, фиксирующей капникон, свидетельствует, что каждому хозяйству деревни предоставлялась налоговая скидка, равная в среднем 0,189 номисмы⁵⁹. Очевидно, это изъятие из общей налоговой суммы и было обусловлено льготным обложением владельцев больших наделов.

⁵⁷ Ibid., А. 153.

⁵⁸ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 121.

⁵⁹ Там же.

Но эти льготы состояли, видимо, не в занижении норм поземельного обложения, а в освобождении зажиточных владельцев от уплаты капника. Какова причина заниженного обложения богатых хозяйств, сказать трудно. Однако вряд ли это явление случайно. Ниже будут высказаны некоторые соображения на этот счет. Если богатые не платили капника, то неимущие — актимоны, по терминологии II атмосферного практика, — уплачивали от $\frac{1}{6}$ до 1 номисмы. Обычно они платили 0,5 номисмы.

Так, в Иериссо в 1301 г. из четырех неимущих париков у двух капникон составлял 0,25 номисмы⁶⁰, у одного — $\frac{1}{6}$ номисмы⁶¹ и у одного 0,5⁶². У имущих париков, среди которых преобладал слой среднеобеспеченных и совершенно отсутствовал слой зажиточных, капникон составлял, очевидно, в среднем несколько меньшую величину, в силу чего в целом по совокупности его среднее значение составило, как уже говорилось, 0,25 номисмы.

Итак, имеются данные для предположения о характере варьирования капника. Считаю, что его колебания вокруг средней по совокупности, как правило, обратно пропорциональны величине имущества. Такова основная тенденция колебаний. Однако в отдельных хозяйствах от нее возможны отклонения. Это означает, что колебания капника носили статистический характер. В каждом хозяйстве большое или малое значение можно ожидать с известной степенью вероятности.

Если предположение об обратной пропорциональной зависимости капника от величины имущества справедливо, то соответственно велика вероятность того, что капникон париков с мнимыми нормами поземельного обложения 0,1 и 0,17 в силу того, что эти парики малообеспеченные, близкие по своему положению к неимущим, был выше своего среднего значения по совокупности, т. е. выше 0,25 номисмы. Соответственно действительные нормы обложения наделов этих париков были ниже, чем 0,05 и 0,08 номисмы, т. е. ближе к стандартным нормам и к средней по совокупности, составляющей 0,016 номисмы.

Предположение о существовании и о тенденциях варьирования капника является все же только предположением. Оно оставляет место и для предположения Ж. Лефора, согласно которому, как уже говорилось, податными объектами являлись только виды имущества, тогда как неимущие парики облагались в соответствии с особыми правилами. Как мое предположение, так и предположение Ж. Лефора не могут быть в силу состояния источников доказаны с полной очевидностью.

Однако вот какое обстоятельство представляется несомненным. Если и признать предположение Лефора справедливым, то, очевидно, не было никакой надобности прибегать для его обоснования и развития к моделированию с помощью уравнений гиперплоскости. Дело в том, что, исходя из концепции Лефора о поимущественном обложении, восстановить нормы обложения отдельных видов имущества по хозяйствам исследуемой совокупности можно с помощью несравненно более простого способа. Для этого следовало бы в каждой совокупности (деревня или податной округ) отобрать париков, владевших только одним видом имущества, и разделить величину телоса на размер этого имущества. Такая операция и дает возможность получить норму обложения соответствующего вида имущества в данном хозяйстве. Такой способ применен мною выше для определения, на мой взгляд, мнимых, поскольку я признаю существование капника, норм поземельного обложения двух париков Иериссо в 1301 г. Затем следовало бы отобрать париков, имевших по два вида имущества, одним из которых является такое, нормы обложения которого уже установлены указанным образом, а другим — любое иное. Такой отбор по-

⁶⁰ Dölger F. Op. cit., A. 152.

⁶¹ Ibid., A. 128.

⁶² Ibid., A. 153.

зволюил бы определить, нормы обложения второго вида имущества и т. д. Надо сказать, что при общей слабой имущественной обеспеченности париков почти во всех изучаемых совокупностях есть хозяйства, имевшие только один или два вида имущества.

Если все же представить себе существование совокупности, в которой все парики владели всевозможными видами имущества, то и в этом случае нетрудно определить нормы обложения этого имущества, не прибегая к сложному моделированию с помощью уравнений гиперплоскостей. Известны ведь не раз упоминавшиеся выше стандартные нормы обложения пахотной земли, виноградника, реконструированные по данным о продажных ценах на эти объекты. Реконструированы и стандартные нормы обложения зевгарей, скота и т. д.⁶³ Воспользовавшись этими нормами и помножив их на указанные в практике размеры имущества конкретного парика, можно определить, насколько расчетная величина телоса отличается от реальной, зафиксированной в практике. Но, повторяю, в большинстве случаев, если исходить из гипотезы Лефора о сугубо поимущественном характере налога, процедура определения норм обложения отдельных видов имущества в отдельных хозяйствах, в силу наличия значительного слоя обеспеченных только одним или двумя видами имущества, может быть еще более простой. В частности, не представляет никакой трудности определение норм обложения имущественных объектов по данным практиков Радوليو 1316 и 1341 гг., использованных Ж. Лефором при моделировании с помощью уравнений гиперплоскости. В результате такого моделирования Ж. Лефор приходил к выводу, что в 1341 г. средняя норма обложения виноградника составляла 0,24 номисмы, тогда как нормы обложения виноградника в отдельных хозяйствах отличались на незначительную величину. Остальные же объекты обложения в данном поселении и в данный год, по мнению Ж. Лефора, вообще не облагались. Приводимая ниже таблица содержит выборочные данные из практика Радوليو 1341 г., содержащие сведения о париках, имевших из имущества только виноградник. Из этих данных видно, что определить нормы обложения виноградника, если придерживаться гипотезы об отсутствии капникона, не составляет труда и без применения уравнений гиперплоскости.

Место источника	Размеры виноградника	Телос	Норма обложения с модия
RV 22	5	1	$1/5=0,2$
RV 22	5	$1\frac{1}{3}$	$4/15=0,27$
RV 23	2	$1\frac{1}{2}$	$1/4=0,25$
RV 23	5	$1\frac{1}{4}$	$1/4=0,25$
RV 24	2	$1\frac{1}{2}$	$1/4=0,25$
RV 26	4	1	$1/4=0,25$
RV 34	4	1	$1/4=0,25$
RV 39	2	$1\frac{1}{2}$	$1/4=0,25$
RV 40	4	1	$1/4=0,25$
RV 42	4	1	$1/4=0,25$
RV 42	3	$2\frac{2}{3}$	$2/9=0,22$
RV 43	4	1	$1/4=0,25$
RV 44	1	$1\frac{1}{4}$	$1/4=0,25$

Средняя норма по совокупности 0,25

С какой целью используется уравнение гиперплоскости, когда расчет норм обложения при предположении об отсутствии капникона проводится самым элементарным образом? Вместо того, чтобы разделить одно число на другое, Ж. Лефор (точнее Ш. Гюйпин, осуществивший математическую обработку данных для статьи Лефора) использовал ре-

⁶³ Schilbach E. Op. cit., S. 263.

шение уравнений гиперплоскости с помощью метода наименьших квадратов, основанного на нахождении производных по всем переменным и приравнивании их нулю. Решение системы уравнений, в которой число уравнений равно числу хозяйств в совокупности, было проведено с помощью ЭВМ. Таким образом, имеет место чрезмерное и неоправданное усложнение подсчетов.

Другое дело, если, вопреки Ж. Лефору, считать, что ставки телоса включали не только поземельную подать с виноградника, но и капникон, как об этом свидетельствует Патмосский практик.

Если в таком случае перед исследователем стоит задача определения норм обложения имущества (в приведенном примере — виноградника), то необходимо расщепить телос, выделить из него две неявные части: капникон и собственно поземельную подать. Такое расщепление, осуществляемое с учетом обложения неимущих париков, у которых капникон выступает в явной форме, может произойти только посредством моделирования с помощью уравнений гиперплоскости, включающих в качестве независимых переменных не только переменные, обозначающие имущественные объекты, но и дополнительный показатель, фиксирующий капникон.

Применение такого уравнения дает возможность не только выявить капникон, но решение его показывает, что такие виды имущества, как зевгари и нетяглый скот, также являлись объектами обложения⁶⁴. Речь идет, разумеется, о тех париках, у которых эти виды имущества имелись. Результаты же моделирования в соответствии с концепцией Ж. Лефора показывают, что единственными объектами обложения в данной деревне были виноградник и пахотные земли⁶⁵, которые имелись только у 8 владельцев из 219. Мне представляется, что это лишний аргумент в пользу моей концепции. Трудно представить, что такой важный фактор, как зевгари, являющийся всегда одним из важнейших объектов обложения, в данном случае не подлежал обложению.

Таким образом, Ж. Лефор одновременно и усложняет, и упрощает проблему византийского налогообложения. Усложняет, поскольку вместо простой арифметической процедуры использует уравнение гиперплоскости. А упрощает, так как по существу отказывается считаться с отмеченным многими учеными фактом беспорядка в обложении византийских париков. Он сам отмечает, что многие владельцы одинакового имущества нередко платили разные подати⁶⁶. Наряду с этим можно указать множество других трудно объяснимых случаев парического обложения. Выше приводился пример двух париков Иериссо с кажущимся непомерно высоким поземельным обложением⁶⁷. Признание факта наличия капникона в составе телоса позволяет, как говорилось, объяснить эти случаи.

Здесь уместно более подробно остановиться на затронутом выше вопросе о том, что следует подразумевать под условно используемым по отношению к XIV в. термином «капникон». Содержание этого понятия сложное, а его объем не может быть определен с предельной точностью. Однако учет при обложении неявных, не зафиксированных в практиках факторов очевиден. Именно их влияние и обусловило колебания в обложении. Очевидно учитывался при обложении дом (иногда имелись два дома)⁶⁸, хотя он указывается только в некоторых практиках. Но наряду с этим, возможно, влияли и несельскохозяйственные доходы. В описях перечис-

⁶⁴ Хаостова К. В. Указ. соч., с. 121.

⁶⁵ Lefort J. Op. cit., p. 349.

⁶⁶ Ibid., p. 329.

⁶⁷ Можно указать и случаи кажущегося чрезвычайно высокого обложения виноградника у малообеспеченных париков. Встречаются нормы в 0,5 номисмы (Dölger F. Op. cit., A. 83—84) и в 1 номисму (ibid., A. 100—101). Эти факты также можно объяснить наличием состава телоса капникона.

⁶⁸ Actes de Chilandar, N 92. 42, p. 195.

ляются ведь различные ремесленники⁶⁹. Доходы, которые парики получали от аренды частновладельческих земель также, возможно, влияли на их обложение телосом. Факт колебаний в обложении неимущих париков, как мне кажется, определенно свидетельствует о существовании неявных экономических или внеэкономических, или и тех и других факторов обложения.

Иными словами, одна из латентных закономерностей византийского налогообложения состояла в вызревании в недрах поимущественного обложения некоторых новых принципов обложения. С одной стороны, это принцип независимости обложения от имущественного статуса. Наличие капникона в составе телоса — условие развития этого принципа, который достигает своего предельного выражения в обложении неимущих париков. С другой стороны, очевидно, вырисовываются некоторые признаки подоходного обложения, проявляющиеся в учете рыбацких лодок⁷⁰, ремесленных занятий и т. д. Хотя оба этих принципа в изучаемый период — не что иное, как латентные, едва уловимые тенденции, можно все же констатировать, что первая из них, развиваясь далее, могла бы привести к типично феодальной налоговой структуре или к вырождению налога в феодальную ренту типа подымного, вторая — к предкапиталистическому подоходному типу обложения, как это случилось в итальянских городах XV в.⁷¹

Отмеченная выше тенденция к падению социальной роли хозяйства на собственном наделе свидетельствует о том, что преобладать должна была тенденция к вырождению поземельной подати, к превращению ее в подымное. Кстати сказать, это еще один аргумент в пользу существования в составе телоса части, названной условно капником. Не мог он к XIV в. исчезнуть и раствориться в поземельной подати, так как последняя уже не играла к этому времени никакой роли. Напротив, капникон, непомерно расприраясь (выше отмечались случаи уплаты неимущими до 0,5 и даже до 1 номисмы, при условии, что имущие в подавляющем большинстве случаев уплачивают 1—1,5 номисмы), достигал размеров и значения поземельной подати.

Наличие капникона объясняет еще одну особенность налогообложения. Есть основания считать, что общая сумма налога с податного округа *riça 'chorion* определялась заранее, а затем распределялась по отдельным хозяйствам⁷².

Но каким образом можно определить заранее сумму обложения? Что может являться в этом отношении хотя бы приблизительным ориентиром? Очевидно, таким ориентиром могло бы быть количество земли в деревне или округе. В целом для средневековья характерна стабильность распределения земельной площади по крестьянским дворам. Но не для Византии XIV в. В условиях вырождения парикии, основанной на наделной земле, — это фактор переменный. Не являлся постоянным и состав населения, отличающегося большой мобильностью. Самым стабильным, как показывает сравнение разновременных практиков, относящихся к одним и тем же владениям, было число дворов, или очагов⁷³. Это означает, что именно приблизительная сумма капникона могла определяться заранее.

Наконец, еще несколько замечаний методического характера относительно расчетов Ж. Лефора. Рассчитанные указанным способом нормы обложения отдельных податных объектов Ж. Лефор, естественно, использует для расчета совокупной налоговой ставки телоса. Иными словами, он умножает вычисленные средние нормы обложения на величины имуще-

⁶⁹ Dölger F. Op. cit., S. 23.

⁷⁰ Ibid., A. 9.

⁷¹ Klapich C. Size of Household by value of assets in Florence in 1427. — «The Journal of European Economic History», 1975, v. 4, N 2, p. 269.

⁷² Schilbach E. Op. cit., S. 249.

⁷³ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 264—299, табл. 1—2.

ства в каждом хозяйстве, зафиксированном в практике. Результаты умножения складываются и получается совокупная налоговая ставка, которую должно было бы уплачивать данное хозяйство, если бы его имущество облагалось в точности в соответствии со средними по данной совокупности нормами обложения. В результате такого умножения и суммирования получается, что расчетный телос или полностью совпадает с зафиксированным в практике, или почти совпадает. При этом полное или частичное совпадение наблюдается в 80—90% случаев⁷⁴. Эта внушительная цифра дает возможность Ж. Лефору признать, что выбор методики расчета норм обложения, состоящей в учете только переменных, обозначающих нормы обложения имущества, и в отсутствии показателя, обозначающего капникон, произведен удачно — он объясняет структуру обложения. Проведенная процедура умножения и суммирования выглядит как бы проверкой правильности исходной гипотезы. Но так ли это? Процедура является, конечно, проверкой, однако это не онтологическая проверка, она направлена не на обнаружение истинности или ложности исходной концепции, т. е. не на выяснение степени адекватности концепции реальным отношениям. Эта процедура в состоянии лишь проверить правильность расчета, выявить ошибки. Это все равно, что в уравнение $2x=6$ подставить 3 и получить 6, проверив тем самым, что решение $x=3$ является правильным.

Окончательно проверить истинность данной гипотезы, состоящей в признании только имущественных объектов обложения, как, впрочем, и всякой другой, можно было бы не путем расчетов, а только с помощью качественного анализа. Предположим, имелись бы сведения источников, не учтенные при построении самой гипотезы, т. е. внешние по отношению к моделированию. Иными словами, полагаем, что были найдены источники, отличные от практиков, на основе которых строилась гипотеза, а в них бы содержались непосредственные и абсолютно ясные сведения о том, что налогообложение проводилось именно так, как полагает Лефор. Если бы это все случилось именно так, то можно было бы говорить, что позднейшие находки источников полностью подтвердили ранее высказанную Лефором гипотезу. Это была бы эмпирическая онтологическая проверка истинности гипотезы. Но пока таких находок нет, гипотеза Лефора, равно как и моя гипотеза о наличии капникона как ядра всей налоговой ставки, — лишь гипотезы.

Нетрудно показать, как в данном случае проявляется основное и элементарное правило всякого математического моделирования в любой отрасли знаний, состоящее в том, что только качественный содержательный анализ источников в состоянии приблизить исследователя к истинному пониманию состояния вещей и к выработке правильной концепции⁷⁵. Никакой проверки истинности концепции сам по себе расчет в соответствии с моделью не дает и дать не в состоянии. Такой расчет может только конкретизировать концепцию, снабдив ее числовыми характеристиками. Если же концепция неверна, то математическое моделирование приводит лишь к тому, что мы имеем дело с конкретизированной неверной концепцией.

Продemonстрируем это элементарное, хорошо известное правило математического моделирования, обратясь к системе уравнений, приведенной в качестве иллюстрации в математическом приложении к статье Ж. Лефора, написанном Ш. Гюйпином. В приложении приводится такая система⁷⁶

⁷⁴ Lefort J. Op. cit., p. 333, 335.

⁷⁵ Этот вопрос специально подчеркивается представителями современной американской количественной истории (Aydelotte W. O. Quantification in History. Wesley, 1974, p. 10).

⁷⁶ Lefort J. Op. cit., p. 354.

$$2x + 5y - e_1 = 4$$

$$3x + 7y - e_2 = 7$$

$$x + 2y - e_3 = 2$$

$$2x + 4y - e_4 = 4,$$

где x и y — нормы обложения некоторых податных объектов, предположим, пахотной земли и виноградника. Численные коэффициенты при переменных обозначают размеры соответствующих видов имущества в четырех учтенных хозяйствах. Каждое уравнение соответствует одному хозяйству; e_1, e_2, e_3, e_4 — индивидуальные отклонения от принятой по совокупности нормы обложения. Численные значения в правой части уравнений — размеры налоговых ставок ⁷⁷.

Система имеет, как видно, множество решений. III. Гюйпин, используя метод наименьших квадратов ⁷⁸, находит такие значения x и y , чтобы сумма квадратов e_1, e_2, e_3, e_4 — индивидуальных отклонений — оказалась минимальной. Получаются значения

$$x = 3, \quad y = -\frac{1}{3}, \quad e_1 = \frac{1}{3}, \quad e_2 = -\frac{1}{3}, \quad e_3 = \frac{1}{3}, \quad e_4 = 0.$$

Поскольку исходные численные значения в данном случае не взяты из источников, отрицательное значение y — нормы обложения одного из податных объектов — не должно истолковываться как ложность исходных постулатов, на основе которых отыскивалось решение. При расчете по данным источников нормы обложения основных объектов оказались положительными.

Естественно, что если полученные данные подставить в уравнения, то это действие будет означать проверку правильности расчета. Но как доказать, что априори вполне правомерное предположение об отсутствии капникаона является истинным? Ведь правомерно и другое предположение. Возможно, что вариации вокруг принятых норм обложения были гораздо значительнее и часть этих отклонений поглощалась при взимании подати, названной мною условно капникаоном. Поэтому можно предположить, что истинным, соответствующим действительности является какое-либо другое решение приведенной системы уравнений. Например: $x=1; y=0,5$. В таком случае сумма квадратов e_1, e_2, e_3 и e_4 и они сами уже не являются минимальными.

$$e_1 = -0,5; \quad e_2 = 0,5; \quad e_3 = 0; \quad e_4 = 1.$$

Значение $e_1 \dots, e_4$ включают и капникаон, который можно выявить, если ввести в моделирование соответствующую переменную.

Ответ на вопрос, какой из вариантов адекватно отражает действительность, получаемый, как уже говорилось, отнюдь не с помощью математики, а на основе качественного анализа всей совокупности источников, все равно будет гипотетичным. Результаты качественного анализа побуждают выбрать тот или иной гипотетичный вариант, но придать гипотезе абсолютно доказанный характер из-за нехватки источников мы не в состоянии.

Моделирование в статье Ж. Лефора, на мой взгляд, полностью отражает характерные трудности контактов историков и математиков. Моделирование в истории отличается спецификой, проистекающей как из онтологических особенностей исторических явлений, так и из особенностей исторических источников. Что же касается средневековой истории, то здесь трудности моделирования еще более усугубляются в силу особенно существенных недостатков исторической информации: ее отрывочности,

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., p. 355.

разнородности, нерепрезентативности. Эти дефекты информации, хорошо известные всем медиевистам, зачастую выпадают из поля зрения математиков, работающих в контакте с историками на материале средневековых источников. Ведь во всех других областях знания, в которых математики привыкли осуществлять моделирование, та совокупность, с которой исследователь имеет дело и на основе которой конструируется математическая модель, является репрезентативной выборкой из общей совокупности однородных данных. Математический анализ этой выборки — не самоцель, а средство изучения общей (или, как ее называют, генеральной) совокупности. Численные характеристики, полученные на материале выборки, подвергаются известной корреляции в соответствии с правилами статистического анализа и распространяются на всю генеральную совокупность.

По-иному обстоит дело в медиевистике. Средневековые явления характеризуются функционированием локальных закономерностей. Общих закономерностей, действующих на территории всего изучаемого региона, сравнительно немного. Анализ византийских практиков, рисующих картину налогообложения париков, как нельзя лучше подтверждает этот тезис. В каждом поселении (*χωρίον*) свои нормы обложения. Этот вывод является абсолютно достоверным, так как он с убедительностью подтверждается любыми расчетами — как проведенными в соответствии с моей концепцией обложения, согласно которой в составе телоса имелся капникон, так и в соответствии с концепцией Ж. Лефора о сугубо поимущественном обложении париков⁷⁹. В каждой деревне существовали индивидуальные нормы обложения, что зависело от хозяйственных условий, а возможно, и других скрытых факторов. В Радоливо, например, особенности землепользования состояли в том, что большинство крестьян имело виноградник, являвшийся основным объектом обложения. В Добровикии и Овиле — близлежащих деревнях — ситуация землепользования иная. Только некоторые крестьяне имели виноградник, и соответственно были иными нормы обложения податных объектов. Но если структура обложения византийских париков носила локальный характер, то, следовательно, численные характеристики, выявленные на материале каждой из анализируемой совокупностей, относятся только к этим совокупностям и не могут быть распространены на некоторые однородные необследованные совокупности. И дело здесь не в состоянии источников, а в том, что другая совокупность, однородная с данной, вообще не существовала. Всякое иное поселение облагалось в соответствии с нормами, несколько отличными от принятых в обследованной совокупности. Если же это так, то каждая совокупность при статистическом анализе должна рассматриваться как генеральная, а это значит, что рассчитанные на ее материале и соответственно скорректированные численные характеристики не могут быть распространены на некоторую другую совокупность. Последнее в свою очередь означает, что отсутствует необходимость в коррекциях рассчитанных норм обложения.

Однако Ш. Гюйпин проводит такую коррекцию, вычисляя доверительные интервалы⁸⁰. Учитывая все сказанное, остается неясным, какова же должна быть содержательная интерпретация доверительных интервалов?

Это отражает, по-видимому, некоторое взаимное непонимание между историком и математиком при возникновении их творческих контактов.

Математик не привык к тому, чтобы такие малые по численности совокупности, какими являлись византийские деревни или части фем, по материалам которых ведется расчеты, рассматривались как генеральные совокупности. Ведь только медиевисту хорошо известно, что наличие малых саморегулируемых социальных систем со сложными отношениями подчи-

⁷⁹ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 124; Lefort J. Op. cit., p. 333, 335, 337; Tabl. IV, V, VII.

⁸⁰ Lefort J. Op. cit., p. 356.

нения — характерная черта средневековой эпохи. В свою очередь медиовист упускает из виду, что все рассчитанные численные характеристики должны быть содержательно интерпретированы, и оставляет без интерпретации доверительные интервалы.

В заключение еще несколько слов о математическом моделировании с целью определения норм обложения податных объектов. Мне представляется, что моделирование с помощью уравнения гиперплоскости, включающего в качестве одной из переменных переменную, обозначающую капникон, может рассматриваться как типичный образец характера и особенностей моделирования в средневековой истории вообще.

Цель математического моделирования в медиовистике иная, чем при изучении менее отдаленных исторических периодов. Как уже отмечалось, в средневековой истории при математическом моделировании не ставится задача определения глобальных закономерностей, как это имеет место в других областях знания, — выясняются только локальные, специфические структурные особенности. В таких условиях основная цель математического моделирования в средневековой истории состоит в выявлении латентных закономерностей. В данном случае такой латентной закономерностью является наличие капникона как неявной, но весьма важной части телоса, отражающей отмеченную выше тенденцию к изживанию парикии, основанной на надельной земле. Выявить капникон можно только с помощью математических методов. Как видно, такое моделирование, вопреки иногда высказываемой точке зрения, не огрубляет исследование в том смысле, что предполагает абстрагирование от многих частных, а наоборот, делает его более детализированным, придает концепции о наличии капникона в составе телоса численную определенность, делает ее операционалистской.

А. П. К А Ж Д А Н

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ Г. А. ОСТРОГОРСКОГО

Георгий Александрович Острогорский (1902—1976) родился в Петербурге, где завершил курс классической гимназии. Он изучал философию, социологию и политическую экономию в Гейдельбергском университете, а затем два года учился у Ш. Деля в Париже. В 1928—1933 гг. он был приват-доцентом университета во Вроцлаве и преподавал там византийскую историю. В 1933 г. он был вынужден покинуть Германию и переехал в Белград. До 1973 г. Г. А. Острогорский работал профессором философского факультета Белградского университета, читая курс истории Византии. Он основал Византиноведческий институт Сербской Академии наук и искусств и до своей кончины являлся его директором и редактором всех его изданий. Акад. Г. А. Острогорский пользовался мировым признанием: он был участником всех последних международных византиноведческих конгрессов и некоторое время — президентом Международной ассоциации византинистов. Ряд иностранных университетов присвоил ему звание почетного доктора.

С самого начала своей научной деятельности Г. А. Острогорский проявлял интерес к двум сферам византийской жизни, казавшимся в ту пору противоположными и даже противостоящими друг другу. Одна из этих сфер — аграрная история Византийской империи, другая — история византийской идеологии. Изучение аграрной истории он начал с так называемого Трактата Эшбернера, теперь обычно именуемого Податным уставом. Этот памятник был издан впервые У. Эшбернером в 1915 г., во время первой мировой войны, и далеко не сразу привлек внимание исследователей: наряду с Н. А. Константинеску и Ф. Дэльгером Г. А. Острогорский был первым ученым, всесторонне обследовавшим Податный устав¹.

Казалось бы, и в самом деле от проблематики Податного устава бесконечно далек вопрос о византийском иконоборчестве, тем более что Г. А. Острогорский основное внимание уделил философско-догматической стороне споров вокруг икон². Однако очень скоро обнаружилось, что молодой исследователь плотно связал обе проблемы, предприняв попытку пересмотреть оценку всей деятельности императоров-иконоборцев, включая их аграрную и административную политику³. Разумеется, этот пере-

¹ Острогорский Г. А. Византийский податный устав. — In: Recueil Kondakov. Prague, 1926, p. 109—124; *idem*. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — VSWG, 20, 1927, S. 1—108. Переиздано отдельной книгой: Amsterdam, 1969. Ср. его рецензию на кн.: Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. — DLZ, 1927, Sp. 2019—2024.

² Острогорский Г. А. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. — SK, 1, 1927, S. 36—48; *он же*. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах. — SK, 2, 1928, S. 47—51; *idem*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. Перепечатано: Amsterdam, 1964; *idem*. Les débuts de la Querelle des Images. — «Mélanges Ch. Diehl», vol. 1. Paris, 1930, p. 235—255.

³ Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. — BZ, 30, 1929—1930, S. 394—400.

смотр роли иконоборческого периода византийской истории сопровождался тщательным изучением основного источника для VIII столетия — «Хронографии» Феофана ⁴.

Как проблемы экономической истории ⁵, так и судьбы иконоборческого движения ⁶ оставались в поле зрения Г. А. Острогорского и на протяжении последующих лет, однако постепенно в его творчестве начинает вырисовываться новая большая задача, которая естественно вырастала как из исследования иконоборческих споров, так и из изучения деятельности фиска, отраженной в Податном уставе. Эта задача — осмысление роли и функций византийского государства. Г. А. Острогорский посвятил ей ряд частных исследований ⁷, но, к сожалению, он не оставил нам общего труда, посвященного этой теме.

Уже в 1929 г. Г. А. Острогорский предпринял попытку дать общую характеристику экономического и социального развития Византийской империи ⁸. Высказанные тогда мысли были развиты им в «Истории Византийского государства», вышедшей первым изданием в 1940 г. ⁹ и переработанной коренным образом к 1952 г. ¹⁰ Между первым и вторым изданием «Истории», между 1940 и 1952 г., исследователь выпустил ряд специальных работ, продолжавших линию по изучению аграрной проблематики, однако на новом, теперь уже по преимуществу актовом материале: новые работы охватывали время от X столетия ¹¹ до последних веков существования империи ¹². Самое пристальное внимание Г. А. Острогорский уделил в то время институту проники ¹³, — его монография о пронии стала столь же классическим трудом, как и его образцовая «История Византийского государства».

К этому же кругу относится и его статья о другом византийском институте — экскусии-иммунитете ¹⁴.

⁴ Ostrogorsky G. Die Chronologie des Theophanes im VII. und VIII. Jahrhundert. — BNJb, 7, 1930, S. 1—56.

⁵ Ostrogorsky G. Löhne und Preise in Byzanz. — BZ, 32, 1932, S. 293—333.

⁶ Ostrogorsky G. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung. — SK, 6, 1933, S. 73—87.

⁷ Ostrogorsky G. Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz. — In: E. Kornemann. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Leipzig, Berlin, 1930, S. 166—178; Острогорский Г. А. Отношение церкви и государства в Византии. — SK, 4, 1931, S. 119—134; Ostrogorsky G. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Byz., 7, 1932, S. 185—233; Острогорский Г. Авторатор и самодержац. — Глас САН, 164, 1935, с. 95—187 и ряд других.

⁸ Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. — VSWG, 22, 1929, S. 129—143. Ср. также Ostrogorsky G. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages. — «Cambridge Economic History», vol. I. Cambridge, 1941/1942, p. 194—223, 579—583. Второе издание: Cambridge, 1966, p. 205—234, 774—779.

⁹ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940.

¹⁰ Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952; 3. Aufl. München, 1953. Переведено на многие языки.

¹¹ Ostrogorsky G. The Peasant's Pre-emption Right. — JRS, 37, 1947, p. 117—126. Несколько позднее вышла его статья «О византийском дряжавном сельцаима и войница — две повеље из добајована Цмиска. — Глас САН, 214, 1954, с. 23—46. Ср. Ostrogorski G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.

¹² Основная работа — «Византийские писцовые книги» (BS, 9, 1948, p. 203—206). Переведено на сербский язык: «Историјски правни зборник», 2, 1949, стр. 3—68. См. также Ostrogorski G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. Ср. еще «Радоливо, село светогорског манастира Ивирина» (ЗРВИ, 7, 1961, с. 67—84) и более позднюю работу: Ostrogorsky G. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts. — ЗРВИ, 14/15, 1973, с. 81—101.

¹³ Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951. Переведено на французский язык (см. прим. 12). См. его возражения оппонентам: Ostrogorsky G. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, с. 41—54.

¹⁴ Острогорский Г. А. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, с. 55—106. Французский перевод — в Byz., 28, 1958, p. 165—254.

И опять-таки продолжая старые свои темы — от аграрных отношений VII—XI вв.¹⁵ до государственного устройства¹⁶, — Г. А. Острогорский, с одной стороны, видоизменял их, а с другой — поднимал новые проблемы. Так, в изучении византийской государственности он сосредоточился с течением времени на двух основных вопросах: о феомном устройстве¹⁷ и о месте Византии в иерархической системе окружавших ее государств¹⁸. Он был одним из первых ученых, затронувших вопрос о судьбах византийского города в раннее средневековье¹⁹ и другой — новый для византиноведения — вопрос о характере и развитии господствующего класса²⁰. Интерес к последней проблеме был подготовлен его более ранними просопографическими исследованиями по истории византийской аристократии²¹.

Наконец, с течением времени в его творчестве все большее место стала занимать тема взаимоотношений Византии со славянским (прежде всего сербским) миром²², — тема, которая опять-таки была подготовлена некоторыми его более ранними работами, затрагивавшими, правда, преимущественно вопрос о византийских традициях в средневековой Руси.²³

Таков разнообразный круг научных интересов Г. А. Острогорского: одни из них он пронес через всю свою научную жизнь (это относится в первую очередь к аграрной проблематике), иные сменяли друг друга. Но, пожалуй, на всех этих работах — на общих и на частных — отразилась в той или иной степени его концепция византийской истории. В чем же она состояла?

Разумеется, на протяжении десятилетий научного развития концепция Г. А. Острогорского претерпевала известные изменения и уточнения. Изменились, к примеру, его представления о характере одного из основных учреждений византийской деревни — общины: если на раннем этапе он рассматривал византийскую общину как специфически фискальную или, как он говорит в другом месте, финансово-административную единицу²⁴, то позднее он видел в общине «экономическое, административное и юридическое единство»²⁵. И все же, видоизменяясь в отдельных своих элементах, концепция Г. А. Острогорского сохранялась в своем существе и отличалась, надо заметить, последовательностью и четкостью.

Концепции Г. А. Острогорского присуще представление об эволюционизме, о непрерывном развитии Византийской империи и ее основных

¹⁵ *Острогорски Г. Византијска сеоска општина*. — Глас САН, 250. Од. друштв. наука, књ. 10, 1961, с. 141—160. Французский перевод в *Byz.*, 32, 1962, p. 139—166; *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*. Darmstadt, 1973, S. 44—71.

¹⁶ *Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell*. — «Historia», 4, H. 2/3, 1955, S. 246—256.

¹⁷ *Острогорски Г. Постановка тема Хелада и Целопонез*. — ЗРВИ, 1, 1952, с. 64—77; *Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure*. — *Byz.*, 23, 1953, p. 31—66.

¹⁸ *Ostrogorsky G. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order*. — «The Slavonic and East European Review», 35, 1956, p. 1—14.

¹⁹ *Ostrogorsky G. Byzantine cities in the Early Middle Ages*. — *DOP*, 13, 1959, p. 47—66. — *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*, S. 99—118.

²⁰ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium*. — *DOP*, 25, 1971, p. 1—32.

²¹ См. прежде всего *Острогорский Г. А. Возвышение рода Ангелов*. — «Сб. Русск. археол. общества в Югославии». Белград, 1936, с. 111—129. Переведено на немецкий язык в кн.: *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*. Darmstadt, 1973, S. 166—182.

²² Основная работа: *Острогорски Г. Сербска област после Душанове смрти*. Београд, 1965. Ср. также *Острогорски Г. Комитиса и светогорски манастири*. — ЗРВИ, 13, 1971, с. 221—256 и ряд других.

²³ *Ostrogorsky G. Les décisions du Stoglav au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie*. — «Recueil Uspensky», vol. 1, 1930, p. 393—411; *idem*. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič. — «Jahrb. für Kultur und Geschichte des Slaven», 9, 1933, S. 86—138.

²⁴ *Ostrogorsky G. Die ländliche Steuergemeinde*. . . , S. 24, 45.

²⁵ *Ostrogorsky G. Quelques problèmes*. . . , p. 45; *idem*. Zur byzantinischen Geschichte. . . , S. 57 f.

институтов. В «Истории Византийского государства» он с самого начала подчеркивает динамизм византийского общества²⁶ и последовательно показывает этот динамизм до самого конца книги. Признание Г. А. Острогорским «византийского динамизма», развития византийских учреждений во времени отличает его концепцию от господствующего в современной западноевропейской и американской византистике представления об империи как традиционном и практически не менявшемся на протяжении тысячелетия организме, все содержание истории которого сводилось лишь к сохранению античного наследия, что проявляло себя в области культуры как серия непрерывно следующих друг за другом «ренессансов» — от времен императора Констанция (337—361) до эпохи Палеологов.

Ранний, или, как его теперь называют, протовизантийский, период истории империи лежал, по сути дела, за пределами собственных интересов Г. А. Острогорского: это отчетливо проявляется уже в распределении материала между разделами его «Истории Византийского государства». Первый раздел, охватывающий время от 324 до 610 г., занимает чуть более 50 страниц, тогда как последний раздел, озаглавленный «Упадок и падение Византийской империи» и посвященный периоду между 1282 и 1453 гг., почти достигает 100 страниц. Он, таким образом, втрое более подробен (при пересчете на единицу времени) вопреки тому, что территориальные рамки и политический вес Византии XIV—XV вв. были несравнимо меньшими, нежели в протовизантийский период.

Ранний период византийской истории, по мысли Г. А. Острогорского, — лишь заключительный этап существования позднеантичного государства. Восточная Римская империя пережила тот кризис IV—V вв., который привел к гибели Западную²⁷, и Юстиниан I (527—565) был еще римским императором на константинопольском престоле²⁸. Коренной переворот Г. А. Острогорский датирует лишь первой половиной VII в. и связывает с царствованием императора Ираклия (610—641). Уже в самом начале своего творчества Г. А. Острогорский выступил против традиционных представлений о реформаторской деятельности императоров-иконоборцев VIII в. (см. выше, прим. 3). Чрезвычайно высоко оценивая деятельность В. Г. Васильевского, Г. А. Острогорский тем не менее писал, что его теории относительно реформ Льва III (717—741), казавшиеся в свое время неоспоримыми, оказались в конечном счете несостоятельными²⁹. Теории В. Г. Васильевского о реформах иконоборцев он противопоставил новую концепцию, согласно которой преобразование Византийской империи было осуществлено Ираклием и его ближайшими преемниками. «Помоему, нет никакого сомнения, — писал Г. А. Острогорский, — что значительное укрепление свободного крестьянства нужно связывать с реформами Ираклия»³⁰. С этим перемещением реформаторской роли со Льва III на Ираклия тесно был связан важный источниковедческий вопрос: по мнению В. Г. Васильевского и его последователей, «Земледельческий закон», памятник отчетливо фиксирующий существование свободного византийского крестьянства, живущего в условиях общинных порядков, был издан Львом III примерно в одно время с «Эклогой», — напротив, Г. А. Острогорский датировал «Земледельческий закон» временем Юстиниана II (685—695, 705—711), последнего представителя династии Ираклидов.

Два обстоятельства, полагает Г. А. Острогорский, обусловили переворот, осуществленный Ираклием. Первое из них — административные

²⁶ Ostrogorsky G. Geschichte... (3. Aufl.), S. 23.

²⁷ Ostrogorsky G. Geschichte... , S. 58.

²⁸ Ibid., S. 65. Ср. также: *idem*. Staat und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit. — In: *Historia mundi*, Bd. 4, S. 556—569.

²⁹ Ostrogorsky G. В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии. — SK, 11, 1940, S. 232.

³⁰ Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit... , S. 396.

реформы Ираклия, среди которых наиболее важной было создание фемной системы. Образование фем, т. е. военно-административных округов, где в руках наместника-стратига сосредоточивалась военная, судебная и фискальная власть, привело к разделу большого количества прежних императорских доменов; земли перешли в руки крестьян, освобожденных от зависимости, характерной для позднеримского времени (разные формы колоната), и ставших воинами-стратигами; одновременно увеличилось число свободных крестьян, обязанных уплатой податей ³¹. Вопрос о времени сложения первых фем был, однако, далек от ясности: во всяком случае, Г. А. Острогорскому пришлось отстаивать свою датировку в полемике с А. Пертузи ³², относившим создание фемной системы к более позднему времени — ко второй половине VII в. Именно поэтому, кстати сказать, Г. А. Острогорскому было важно подчеркнуть, что элементы, подготавливавшие фемную организацию, зародились еще в конце VI столетия — в форме так называемых экзархатов ³³. Одновременно с созданием фемной системы Ираклий, по мнению Г. А. Острогорского, осуществил глубокие преобразования в центральном аппарате, ознаменовавшие разрыв с принципами протовизантийской административной системы и оказавшие серьезное воздействие на византийское государство ³⁴. Сюда он относит в первую очередь уничтожение префектуры претория и создание новой системы ведомств — логофесиев ³⁵.

Другое обстоятельство — этнические перемены в составе византийского населения. В ранних работах Г. А. Острогорского этот феномен оставался как бы на заднем плане, являясь лишь одним из компонентов фемной реформы Ираклия: различные иноплеменники, в том числе славяне, расселялись, по его мнению, на прежних императорских землях и вливались в ряды свободных крестьян — воинов и налогоплательщиков. С течением времени, однако, этнические преобразования выдвинулись в концепции Г. А. Острогорского на первое место: главу об Ираклии в «Истории Византийского государства» он начинает с «грандиозных этнических перемен на всем Балканском полуострове» ³⁶, за которыми следовало и из которых как бы вытекало образование фемной системы. Тем самым спонтанные исторические процессы были выдвинуты на передний план, а административные преобразования выдающегося государственного деятеля оказались вторичным, демографически обусловленным фактором. Этнические перемены на Балканах были, как подчеркивает Г. А. Острогорский, вызваны прежде всего расселением славян, начало которого он относит к 80-м годам VI в. Массовым же оно становится с начала VII столетия, после неудачи дунайской экспедиции императора Маврикия (582—602) ³⁷.

В тесной связи со вторжением славян и других народов и созданием фем находятся, по мнению Г. А. Острогорского, те социальные сдвиги, которые Византийская империя переживала в VII в.: крупное землевладение значительно было потеснено, к тому же оно понесло серьезный ущерб от вражеских вторжений. Исключение составляло лишь церковное землевладение, которое продолжало расти и в это время. Напротив, позиции крестьянства упрочились. Новые отношения, которые установились

³¹ *Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Grundlagen. . .*, S. 130—133.

³² *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*, S. 72—79.

³³ *Ostrogorskij G. D'Exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins. — «Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina»*. Ravenna, 1960, fasc. 1, p. 99—110.

³⁴ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 82 f.

³⁵ В отличие от Н. А. Константинеску Г. А. Острогорский придавал фискальной реформе вторичное значение, полагая, что она способствовала освобождению крестьян, но не была его основной причиной; корень всех перемен он видел именно в фемной реформе. См. *Ostrogorsky G. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. — Byz.*, 6, 1931, p. 230, 240.

³⁶ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 78.

³⁷ *Ibid.*, S. 69, 77.

в византийской деревне в эпоху раннего средневековья, отражены в «Земледельческом законе»³⁸, который рисует земледельцев того времени собственниками пахотных земель, виноградарей, садов и членами сельской общины. Отвергая «славянофильский романтизм» В. Г. Васильевского, видевшего в общине «Земледельческого закона» славянское учреждение, подобное позднему русскому миру, Г. А. Острогорский тем не менее подчеркивает огромное значение славянской колонизации VII—VIII вв. в преобразовании византийской деревни, когда «колонны, зависимые от крупных собственников поздней Римской империи, уступили место мощному слою независимых землевладельцев, по большей части славянского происхождения»³⁹.

Перестройка, начавшаяся при Ираклии и продолжавшаяся на протяжении всего VII в., а также в следующем столетии, затронула преимущественно аграрные отношения, но отнюдь не городскую жизнь. Г. А. Острогорский допускает, основываясь прежде всего на епископальных списках, что на территории Балканского полуострова в VII в. только немногочисленные приморские города сумели выдержать славянский натиск. Напротив, в Малой Азии подавляющее большинство старых городских центров засвидетельствовано в епископальных списках 680 и 692 г. и, следовательно, продолжало существовать⁴⁰. Городская жизнь явилась основным элементом континуитета в византийском развитии: именно она обеспечивала сохранение традиционных государственных форм и античной культуры⁴¹.

Несмотря на сохранение основ городской жизни (во всяком случае, в Малой Азии) социальная структура империи приобрела в эту пору новые черты, а именно «относительную гомогенность»⁴². Формулируя этот тезис, Г. А. Острогорский сразу же подчеркивает, что византийская общественная гомогенность раннего средневековья носила временный, преходящий характер. Уже общество «Земледельческого закона» знакомо с экономическим неравенством⁴³, а в письменных источниках VIII—IX вв. время от времени встречаются упоминания об обладателях крупных земельных владений⁴⁴. Однако лишь позднее, в X столетии, совершается новый «аграрный переворот».

Расцвет византийского государства Г. А. Острогорский относит ко времени правления Михаила III (842—867) и последовавшей за ним Македонской династии. Это время значительных политических успехов: Византия переходит к наступательной политике на Востоке и на Западе, подчиняя своей власти обширные территории в Сирии и на севере Балканского полуострова. Вместе с тем это время, когда завершается формирование классических черт византийского государства, начало которому было положено реформами Ираклия. Именно на рубеже IX и X столетий феменная система приобретает окончательный облик⁴⁵. Одновременно с этим законодательные мероприятия Льва VI (886—912) знаменуют собой завершение процесса, приведшего к сосредоточению всей государственной власти в руках василевса⁴⁶. Но едва приобретшее классический облик, византийское государство оказывается перед лицом новой опасности, идущей изнутри.

X столетие было временем ожесточенного наступления крупной земельной собственности на византийское крестьянство. Причины этой

³⁸ Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte, S. 48.

³⁹ Ibid., S. 52.

⁴⁰ Ibid., S. 107—110.

⁴¹ Ostrogorsky G. Geschichte. . ., S. 113.

⁴² Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . ., p. 3.

⁴³ Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte, S. 49.

⁴⁴ Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . ., p. 3 f.

⁴⁵ Ostrogorsky G. Geschichte. . ., S. 205. Ср. Острогорски Г. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича. — ЗРВИ, 2, 1953, с. 39—60.

⁴⁶ Ostrogorsky G. Geschichte. . ., S. 204.

ожесточенности Г. А. Острогорский ищет в специфике византийской городской жизни, где централизация и система монополий ограничивали приложение частного капитала, вынуждая крупных собственников вкладывать свои средства преимущественно в сельское хозяйство ⁴⁷. К тому же сельская община на протяжении VII—X вв. проделала существенную эволюцию: сравнивая данные Податного устава со свидетельствами «Земледельческого закона», Г. А. Острогорский констатирует, что за протекшее время не только выросло имущественное неравенство в рамках византийской деревни, но и ослабели «органические связи» между членами общины. Одновременно с этим все более упрочивалась подчиненность общины государственной власти, которая превращала органическое единство деревни в «орудие своей фискальной администрации» ⁴⁸. X столетие оказывается не просто временем количественного роста крупной собственности, которая в эмбриональной форме существовала уже в VIII—IX вв. Общинное крестьянство не просто теряет свои наделы по мере того, как ослабевает органическое единство общинных отношений. Это было время формирования новой крестьянской зависимости.

Формирование крестьянской зависимости, по мнению Г. А. Острогорского, протекало двояко: прежние свободные крестьяне превращались в X в. частично в частновладельческих париков, частично же в государственных крепостных — так называемых димосиариев ⁴⁹. Первую тенденцию — разорение и связанное с ним закабаление крестьянства — Г. А. Острогорский расценивает как феодализацию византийского общества ⁵⁰. Одновременно с образованием слоя зависимого крестьянства формируется византийская аристократия, которую памятники X в. называют «династами», могущественными, и которая отличается двумя особенностями: высоким должностным положением и богатством, по преимуществу земельным ⁵¹.

Специфической особенностью византийского развития являлась вторая тенденция — превращение свободных крестьян в государственных. По мысли Г. А. Острогорского, между частновладельческими париками и государственными крестьянами не было принципиальной разницы: димосиарии находились в такой же зависимости от государства, как частновладельческие парики от их феодальных господ ⁵². Г. А. Острогорский не отрицал, что в поздней Византии сохранялось известное число свободных воинов и независимых крестьян старого типа, — он, однако, подчеркивал, что эти прослойки были незначительными и ни в коей мере не определяли характера аграрных отношений того времени ⁵³.

В соответствии с теорией государственной парикии Г. А. Острогорский пересмотрел традиционные представления о законодательстве Македонской династии, в котором В. Г. Васильевский и его последователи видели реальные меры в защиту свободной крестьянской общины. Отнюдь не отвергая того, что византийское правительство X столетия вело борьбу против динатов, стремившихся подчинить своей власти крестьян и крестьянскую землю, он указывал, что логика исторического развития превратила эти защитительные меры в источник крестьянского закабаления государством. «Византийское правительство, — писал Г. А. Острогорский, — ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся заверить императорские новеллы. В действитель-

⁴⁷ *Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen. . .*, S. 134.

⁴⁸ *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*, S. 57.

⁴⁹ *Ostrogorskiy G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie. . .*, p. 18 sq.

⁵⁰ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 212.

⁵¹ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . .*, p. 7.

⁵² *Острогорски Г. О византийском държавном селянина. . .*, с. 40. Мысль об отсутствии принципиальной грани между государственными и феодальными повинностями была сформулирована им еще ранее: *Острогорский Г. Византийские писцовые книги*, с. 238.

⁵³ *Ostrogorskiy G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie. . .*, p. 22 sq.

ности, оно защищало свои собственные права, право на ренту и повинности крестьян»⁵⁴.

Широкое распространение государственной парикии в X в. Г. А. Острогорский увязывает с общей спецификой хозяйственной жизни Византийской империи — с наличием здесь развитого контроля императорского правительства за экономикой всей страны⁵⁵. Этот контроль находил свое выражение, в частности, в праве государства конфисковать патримониальные земли, принадлежавшие крупным собственникам⁵⁶.

Сильное византийское государство при Македонской династии успешно отстаивало свои права в борьбе с феодальными магнатами. Василий II (976—1025), развивая принципы, намеченные еще Романом Лакапином (920—944), осуществлял с успехом «антиаристократическую аграрную политику»: помимо государственных интересов, требовавших сохранения крестьянского и стратиотского землевладения, им руководила, полагает Г. А. Острогорский, личная ненависть к магнатским родам, которые оспаривали в течение длительного времени трон Василия II⁵⁷. Василию удалось сломить сопротивление динатов. Именно аграрная политика василевсов Македонской династии обеспечила внешнеполитические успехи империи на рубеже X и XI в. и способствовала подъему международного авторитета Византии.

Положение коренным образом изменяется в середине XI столетия. На это время приходится бурный рост как светского, так и церковно-монастырского землевладения, приобретающего привилегированный характер. «Иными словами, — так формулирует Г. А. Острогорский свой вывод, — феодализация империи достигает решительной стадии. Это наиболее значительное явление социальной истории империи XI в. Его следствием было крушение социальной и экономической структуры, на которой зиждилась мощь империи в предшествующие столетия»⁵⁸.

В XI столетии разворачивается острая борьба между двумя группировками византийской знати: служилым чиновничеством и военной знатью провинций. Слабые преемники Василия II оказываются не в состоянии возглавить борьбу против феодальной аристократии, и императоры сами превращаются в выразителей интересов этой все более крепнущей группы знати⁵⁹. Несмотря на то, что в середине XI в. служилая знать еще удерживает власть в своих руках, государственная власть слабеет: всемогущество бюрократического аппарата ограничивается, государственные доходы сокращаются, армия приходит в упадок, фемная система исчезает⁶⁰. Правда, и в это время византийское государство не вовсе отказывается от контроля за феодальными собственниками: капитулировав перед ними в основном вопросе, уступив им землю и разрешив приобретать крестьянские и стратиотские наделы, оно тем не менее удерживает право наблюдать за числом париков во владениях светских и духовных магнатов. Императорские дипломы пользуются техническим термином «арифмос», обозначающим максимальное число париков, допускаемое для поместья того или иного феодала. Феодалы, правда, не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора неограниченное право расселять на своих владениях париков — «сколько пошлет бог», как формулируют документы. Феодалы византийской Италии пользовались подобной привилегией еще в XI в., но в собственно византийских землях она утвердилась только к XIII в.⁶¹

⁵⁴ Ibid., p. 16. В более ранних работах Г. А. Острогорский сам разделял традиционную точку зрения. См., например, *Ostrogorsky G. Agrarian Conditions*. . . , (1942), p. 205.

⁵⁵ *Ostrogorsky G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie*. . . , p. 37.

⁵⁶ Ibid., p. 23.

⁵⁷ *Ostrogorsky G. Geschichte*. . . , S. 253.

⁵⁸ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy*. . . , p. 8.

⁵⁹ *Ostrogorsky G. Geschichte*. . . , S. 265.

⁶⁰ Ibid., S. 273 f.

⁶¹ *Ostrogorsky G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie*. . . , p. 26 sq., 31, 34 sq.

Поскольку создание привилегированного магнатского землевладения было, по Г. А. Острогорскому, наиболее значительным явлением социальной истории XI в., он, естественно, уделил самое пристальное внимание тем феодальным институтам, которые оформляли привилегированность.

Важнейшими феодальными институтами Г. А. Острогорский считает харистикий, экскуссию-иммунитет и пронию. Двум последним учреждениям он посвятил специальные исследования.

Византийский иммунитет, по мнению Г. А. Острогорского, охватывал как податные льготы, так и судебно-административные права, которые передавались крупным землевладельцам. Если сущность податного иммунитета состояла в праве сеньора на все подати и повинности своих крестьян, то сущность судебного иммунитета заключалась в праве судить крестьян, живших на принадлежавшей ему территории⁶². С какого времени складывается византийский иммунитет, сказать затруднительно: во всяком случае, судебные права имунистов отчетливо засвидетельствованы в документах XI в., а возможно, пожалования такого рода практиковались еще в IX столетии, если не раньше⁶³. Полемизируя с К. Н. Успенским, Г. А. Острогорский решительно настаивает на том, что объем иммунитетных прав в XI в. не только не сокращался, но и напротив, становился все более широким. И в XII в. крупные собственники продолжали увеличивать свои владения и получать новые привилегии⁶⁴.

Что касается пронии, то она, полагает Г. А. Острогорский, возникает в XI столетии, после поражения аграрной политики императоров Македонской династии, направленной в защиту мелкого крестьянского и стратиотского землевладения. Первое упоминание пронии приходится на время правления Константина IX (1042—1055), который передал Константину Лихуду пронию Манганов⁶⁵. Поскольку в XI в. господствовала служилая аристократия, а не военная знать, прония еще не приобрела характер военного держания, но представляла собой вообще «средство для наделения доходами представителей господствующего класса»⁶⁶.

Как известно, политический развал Византийской империи был приостановлен после прихода к власти династии Комнинов, однако их успех оказался преходящим: Византийская империя в XII в. была лишена внутренней стабильности, а политика Комнинов не имела далеких перспектив⁶⁷. Коренное отличие в позиции Комнинов от позиции императоров Македонской династии, в том числе Василия II, состояло в том, что Роман Лакапин, Василий II и другие македонские василевсы защищали общегосударственные интересы, тогда как Комнины были представителями одной общественной группировки — военной аристократии⁶⁸. В силу этого Комнины содействовали насаждению и развитию феодальных порядков⁶⁹; в частности, именно при Комнинах прония превращается в особую форму феодальной земельной собственности, связанной с несением военной службы⁷⁰. Как мы видели, на XII столетие приходится, согласно концепции Г. А. Острогорского, и упрочение иммунитетных отношений.

Развитие феодализма при Комнинах имело в конечном счете негативные последствия — оно вызвало полный экономический и военный развал страны⁷¹. Андроник I (1183—1185) предпринял попытку возродить госу-

⁶² Острогорский Г. А. К истории иммунитета. . . , с. 95 и сл.

⁶³ Там же, с. 99.

⁶⁴ Там же, с. 60—73.

⁶⁵ Ostrogorskiĭ G. Pour l'histoire de la féodalité. . . , p. 20 sq.

⁶⁶ Ibid., p. 24—27.

⁶⁷ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 294.

⁶⁸ Ibid., S. 288; Cp. Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . . , p. 9.

⁶⁹ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 307, 324.

⁷⁰ Ostrogorskiĭ G. Pour l'histoire de la féodalité. . . , p. 27.

⁷¹ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 323.

дарство, но «радикальная реакция» (так характеризует Г. А. Острогорский программу Андроника) оказалась безуспешной⁷². Пришедшая на смену Андронику I династия Ангелов осуществляла политику в интересах крупных земельных собственников и, не считаясь с государственными интересами, фактически подготовила крушение Византийской империи в 1204 г.⁷³

Созданная на развалинах рухнувшего государства Никейская империя просуществовала некоторое время как относительно устойчивое государство⁷⁴. Феодалные отношения продолжали развиваться и в Никейской империи, однако в XIII в. проиар — в отличие от вотчинника — еще оставался лишь временным господином подчиненных ему париков⁷⁵. Безудержный рост крупной земельной собственности начинается после отвоевания византийцами Константинополя в 1261 г. Он сопровождается расширением иммунитетных прав⁷⁶ и привилегий проиаров⁷⁷ — и именно эта все более распространяющаяся феодализация вызывает общее разорение страны⁷⁸. Последние столетия существования Византии — лишь длительная агония, усугубляемая натиском турок и гражданскими войнами между различными феодалными кланами. Византия превращается в зависимое от турок государство⁷⁹ и в 1453 г. перестает существовать, завоеванное войсками Мехмета II.

Такова в общих чертах концепция Г. А. Острогорского. Ее отличительные черты — признание неуклонного развития общественных отношений в Византии, важной роли славянства в византийской истории, воздействия феодальных отношений на всю общественную структуру государства. Концепция Г. А. Острогорского как бы подводила итог длительного развития византиноведения на Западе, учитывая вместе с тем и традиции русского дореволюционного византиноведения, и результаты работ советских византистов. Г. А. Острогорский стремился понять сложность византийской действительности, противоречивые и борющиеся тенденции развития, противоречивую природу крестьянской зависимости.

Сложившаяся в полемике с его предшественниками, концепция Г. А. Острогорского сама стала объектом критических суждений. Это вполне естественно, ибо всякое широкое обобщение неминуемо оставляет необъясненными отдельные частные факты, которые вступают в противоречие с общими представлениями. Но ценность истинной концепции не в арифметической строгости, а именно в широком взгляде на объект исследования, в последовательности и цельности точки зрения. Работы Г. А. Острогорского — в полном смысле слова сегодняшний день византиноведения. Вряд ли можно сейчас найти в зарубежной историографии другую концепцию византийской истории, которая была бы столь же последовательной и пользовалась столь же большим признанием, как развитая покойным югославским ученым.

⁷² Ibid., S. 327—329.

⁷³ Ibid., S. 331.

⁷⁴ Ibid., S. 367, 373.

⁷⁵ *Ostrogorskiĭ G. Pour l'histoire de la féodalité...*, p. 68; cp. *idem. Observations on the Aristocracy...*, p. 17 f.

⁷⁶ *Острогорский Г. А. К истории иммунитета...*, с. 78, 95.

⁷⁷ *Ostrogorskiĭ G. Pour l'histoire de la féodalité...*, p. 180.

⁷⁸ *Ostrogorskiĭ G. Geschichte...*, S. 396.

⁷⁹ *Ostrogorskiĭ G. Byzance, état tributaire de l'Empire turc.* — ЗРВИ, 5, 1958, p. 49—58.

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОЦЕНКЕ РОЛИ МОНОФИСИТСТВА В ЕГИПТЕ В ПОСЛЕЮСТИНИАНОВСКУЮ ЭПОХУ

При изучении любого идеологического явления встают сложные проблемы фактологического и методического характера, что можно показать на примере монофиситства, сыгравшего в V—VII вв. значительную роль во внутренней политике Византии¹.

В старых работах на первый план выдвигалась церковно-политическая сторона вопроса. Укажем здесь лишь некоторые исследования, оставившие после себя значительный след. В своей книге «Руководство по истории догматики» А. фон Гарнак писал: «Историю этого учения не только после Халкидонского собора, но и до него следует рассматривать почти исключительно с политической точки зрения»². Опираясь на обильный фактический материал, это суждение поддерживали и развили другие исследователи³. Э. Штейн, отличавшийся обширными познаниями в истории поздней античности, также присоединился к этому мнению⁴. При том влиянии, которым пользовалась точка зрения историков такого ранга, мнения исследователей, пытавшихся выдвинуть на первый план теологический аспект проблемы, не оставили сколько-нибудь заметного следа⁵.

Против оценки монофиситства как политического движения выступил в 1959 г. А. Джонс в статье «Скрывались ли древние ереси под маской на-

¹ Халкидонский собор (451 г.) осудил монофиситство, которого придерживалась прежде всего египетская церковь. Был низложен александрийский патриарх Диоскор (444—451), после того как за 20 лет до этого на Эфесском соборе патриарх Александрии достиг вершины своего влияния. Вместе с тем, чтобы ограничить власть римского папы, на Халкидонском соборе было принято постановление (28, 2), уравнивающее права патриархов Рима и Константинополя (*Mansi*, VII, col. 361 f.; *Grillmeyer A.* — *Bacht H.* *Das Konzil von Chalkedon*, II. Würzburg, 1953, S. 433—562; *Honigsmann E.* — *In: BZ*, 49, 1954, S. 147—150). Собор, который понимали как завершение определенного этапа развития церкви, стал причиной возникновения необычайно сложных идеологических, церковно-политических и политических проблем, вставших перед государством. Эта сложность состояла прежде всего в том, что большая часть населения Египта, Сирии и Армении продолжала придерживаться монофиситства и настаивала на отмене решений собора, а области папской юрисдикции, недовольные указанным постановлением, также не могли поддерживать решения собора. К тому же высший клир Константинопольского патриархата отныне связывали здесь с императорской политикой.

² *Harnack A. von. Lehrbuch der Dogmengeschichte*, II. Tübingen, 1909, S. 373; о коптской церкви также S. 369—372, 424. В одноименной «Истории догм» Гарнака («*Dogmengeschichte*», Tübingen, 1922) я не нашел подобного высказывания.

³ Прежде всего здесь следует назвать следующие работы: *Woodward E. L.* *Christianity and Nationalism in the Later Roman Empire*. London, 1916; *Wigram W. A.* *The Separation of the Monophysites*. London, 1923; *Maspero J.* *Histoire des patriarches d'Alexandrie*. Paris, 1923.

⁴ *Stein E.* *Histoire du Bas-Empire*, II. Paris, 1949, p. 34, 162.

⁵ См. прежде всего *Butler A. J.* *The Arab Conquest of Egypt and the East thirty years of the Roman Dominion*. Oxford, 1902; *Lebon J.* *Le monophysisme sévérien*. Louvain, 1909.

циональных или социальных движений?»⁶ Он пришел к следующему выводу: «Национальные и социальные теории базируются. . ., как мне кажется, на полном непонимании способа мышления, существовавшего в поздней Римской империи. . . Современные историки, я думаю, проецируют в прошлое представления нашей эпохи, когда говорят, что чисто религиозные или догматические расхождения не могут породить такую ожесточенную и длительную вражду. . ., что реальной движущей силой этих движений были, по всей вероятности, чувства национального или классового характера. . . Между тем существует много сведений о том, что интерес к теологии был глубоким и широко распространенным. . . Демаркационная линия между ортодоксией и ересью никогда (разве что у армян и германцев) не соответствовала тому, что с основанием можно было бы назвать национальным (в противоположность региональному) делением. . . И наконец, секты никогда не преследовали политических целей — ни национальных, ни социальных»⁷. Однако, аргументируя эти положения, сам автор отнюдь не показывает достаточно ясно теологического характера монофиситского движения. Так, когда А. Джонс говорит о Египте, он указывает на традицию и структурные особенности египетской церкви: «То, что египетская церковь отказывалась пойти на какой бы то ни было компромисс, касающийся монофиситства, вытекало, вероятно, не столько из доктринальных различий, которые были очень незначительными, сколько из верности памяти Диоскору. Отсюда настойчивое убеждение египтян в том, что Халкидонский собор, осудивший их патриарха, должен быть безусловно предан анафеме»⁸. Это — важный аспект проблемы, но он не теологический, не религиозный, а церковно-политический и — в более широком смысле — идеологический.

Ценность статьи А. Джонса заключается в том, что он, выступив против односторонности аргументации, вновь показал серьезность теологической стороны вопроса.

Более поздние работы, посвященные характеристике монофиситского движения, следуют (хотя и с некоторыми оговорками) положениям А. Джонса⁹. Самое тщательное и основательное современное исследование о монофиситстве принадлежит В. Френдю¹⁰. Он попытался досконально изучить теологическую сторону проблемы и высказался против оценки монофиситства как сепаратистского и партикуляристского движения неэллинизированных провинциалов. Однако, в отличие от А. Джонса, его постановка вопроса шире. Френд, в частности, говорит: «В то же время исследование монофиситства не может быть сведено к изучению христианской доктрины. Движение, порожденное Эфесским и Халкидонским соборами, затрагивало многие, пожалуй, почти все стороны взаимоотношений православия и подданных в восточноримских провинциях V—VI вв. Религия являлась средством выражения этих взаимоотношений как в их гармонии, так и в их противоречиях. И в самом деле, она была единственно возможным таким средством в тот период»¹¹. Хотя Френд идет дальше Джонса, у него все сведено к взаимоотношениям между государством и народом, и поэтому нарисованная им картина далеко не полна. Из работы Френда, стремившегося к систематическому исследованию,

⁶ Jones A. H. M. Were ancient heresies national or social movements in disguise? — «Journal of Theological Studies», 10, 1959, p. 280—298. Jones A. H. M. The Roman Economy. Oxford, 1974, p. 308—329. — Мы цитируем работу Джонса по изданию 1974 г.

⁷ Jones A. H. M. Op. cit., p. 325, 326, 329.

⁸ Ibid., p. 320.

⁹ См., например: Vries W. de. Handbuch der Ostkirchenkunde. Düsseldorf, 1971, S. 5; Charanis P. Church and State in the Later Roman Empire. Thessalonike, 1974, p. 27 sq.

¹⁰ Friend W. H. C. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, 1972.

¹¹ Ibid., p. XI.

но не осуществившего этого до конца, с очевидностью следует, что каждая провинция имела свою географическую специфику, свои культурные традиции и особую экономическую и социальную структуру.

В данной статье лишь на одном примере мы хотим показать, как, исследуя монофиситство с учетом особенностей развития и структуры отдельной провинции, можно достигнуть более существенных результатов, чем при рассмотрении этого движения как необычного теологического и политического явления. Речь пойдет о наиболее значительной провинции восточной части империи — Египте. Хронологически статья охватывает ранневизантийскую эпоху, а точнее — период после смерти Юстиниана до арабского завоевания. Относительно этого времени с особенной легкостью высказываются порой слишком общие суждения, а Френд в своей обстоятельной работе его лишь коснулся. Между тем, и в этот период ситуация в Египте отличалась сложностью и не может быть сведена к однозначной оценке ¹².

Различные идеологические, религиозные и культурные течения, нашедшие выражение в коптском искусстве, рассмотрел Х. Цалосцер ¹³. В изучаемую в данной статье эпоху христианство уже решительно преобладало в Египте, хотя и не было единственным вероисповеданием ¹⁴. Случаи перехода в ислам показали, между прочим, что христианство укрепилось еще не полностью и не повсеместно. Кроме того, в недрах самого христианства произошел раскол на мелькитов и монофиситов, что вовсе не соответствовало делению населения на греков и коптов ¹⁵.

Сами монофиситы принадлежали к различным сектам ¹⁶.

Носителем монофиситства являлось прежде всего монашество. Север Ашмунаин сообщает о многочисленных цветущих и богатых монастырях, существовавших накануне вторжения персов: «В том месте было 600 цветущих монастырей, своей многочисленной братией напоминавших ульи пчел, населенных правочерными монахами и монахинями, и, кроме того, там было селение из 32 хозяйств, называвшееся Сакатина, где все население исповедовало истинную веру». В другом месте он пишет: «В Генатоне около этого города было 600 цветущих монастырей, подобных множеству голубей. Монахи в них благодаря своему богатству были независимыми и

¹² Мы имеем возможность указать здесь лишь некоторые исследования по данной проблематике: Rouillard G. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953, p. 19—65; Keenan J. G. — ZPE, 17, 1975, S. 243 f.; Физман И. Ф. Египетский город византийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксирина). — ВО, 1971, с. 125—151; idem. Quelques considerations sur les données sociales et économiques des papyrus d'Oxyrhynchus d'époque byzantine. — JÖB, XXII, 1973, p. 15—21; idem. Sklaven und Sklavenarbeit im spätrömischen Oxyrhynchus (im historischen Längsschnitt), — JWG, 1973, II, S. 149—206; idem. Slaves in Byzantine Oxyrhynchus. — «Akten Marburg», p. 117—124. Из более старых исследований благодаря использованному в них материалу источников все еще сохраняют ценность: Rouillard G. L'administration civile de l'Égypte byzantine. Paris, 1928; Hardy E. K. The large estates of Byzantine Egypt. New York, 1931.

¹³ Zaloscer H. Gibt es eine koptische Kunst? — JÖB, XVI, 1967, S. 225—244.

¹⁴ См. Rémondon R. L'Égypte et la suprême résistance au christianisme (Ve—VIIe siècles). — «Bull. Inst. Franc. Arch. Or.», 51, 1952, p. 63—78. Положение церкви рассмотрено в следующих работах: Antonini L. Le chiese cristiane nell'Egitto dal IV al IX secolo secondo i documenti dei papiri greci. — «Aegyptus», 20, 1940, p. 129—208; Modena G. Il cristianesimo a l'Ossirinco secondo i papiri. — BSAA, 9, 1937, p. 254—269; Wipszycka E. Les ressources et les activités économiques des églises en Égypte du IVe au VIIIe siècles. Bruxelles, 1972.

¹⁵ Север Ашмунаин упоминает, например, о случаях перехода коптов в стан приверженцев Халкидонского собора; см.: Sévère d'El-Eshmounein. Histoire des patriarches d'Alexandrie. Paris, 1907, p. 491, 497.

¹⁶ Иоанн Никиуский (Chronique de Jean évêque de Nikiou, ed. Zotenberg. Paris, 1883, p. 446) упоминает для периода арабского завоевания гайанитов, Север (op. cit., p. 473, 474) — мелетиан и акефалов. Конечно, это не все существовавшие секты. До сих пор монофиситские секты изучались исключительно с теологической точки зрения.

дерзкими». И еще один отрывок: «... что касается монахов, живших в горах и пещерах (около Никиу), число которых достигало 700..., то их окружала укрепленная стена и их предков следует порицать за большое богатство»¹⁷.

Монофиситский клир был тесно связан с монастырями. В Египте не существовало противоположности между монашеством и церковной организацией. Напротив, высшие клирики выходили из монастырей. Во время гонений клир и патриарх скрывались в монастырях. Здесь епископы имели свою особую резиденцию¹⁸.

Из житий и сочинений известных монахов и епископов, о которых источники дают более точные сведения и к которым относятся Авраам, Писентий из Кефты, Даниил, Самуил из Каламуна¹⁹, следует, что притягательная сила монофиситской церкви заключалась в придании ею значения не богословскому образованию, а аскезе, благочестивому поведению и проявлению любви, что было близко народному пониманию благочестия и веры²⁰.

Конечно, не все египетские монахи были монофиситами и коптами. В цитированных выше отрывках Север подчеркивает чистоту монофиситской веры в монастырях. Однако об одном монахе Иоанне, стороннике Халкидонского собора, перешедшем затем в ислам, сообщает Иоанн из Никиу. Известно, что апа Даниил был греком.

Приведенный текст Севера, а также житие Иоанна Милостивого рисуют картину широкого распространения монофиситства перед нападением персов. Мельхитским патриархам Александрий Иоанну III Милостивому (610—619) и Киру (631—644) удалось ослабить их влияние²¹.

О большом числе жителей провинции (в том числе и епископов), перешедших в лоно халкидонской церкви, свидетельствует также Север: «По причине многочисленных судебных процессов, бедствий и несчастий, которые обрушил на ортодоксов Колх, стремившийся к тому, чтобы они перешли в халкидонскую веру, огромное множество их сбилось с пути, одни — из-за преследований, другие — из-за подкупа или почестей, третьи — по убеждению или обману. Так что даже Кир, епископ Никиу, и Виктор, епископ Фаюма, отказались от истинной веры»²². Многие и после арабского завоевания сохранили принятое ими халкидонское вероисповедание. Причина, приведенная Севером, малоубедительна: «... другие не вернулись, стыдясь перед людьми и полагая, что тем известен их отказ от веры, и так они остались в неверии до конца дней своих»²³.

¹⁷ *Sévère d'El-Eshmounein*. Op. cit., p. 472, 485, 486. Сведения о монастырях, упоминаемых в греческих папирусах IV—VIII вв., см. *Barison P. Ricerche sui monasteri dell'Egitto bizantino ed arabo secondi i documenti dei papiri greci*. — «Aegyptus», 18, 1938, p. 29—148.

¹⁸ Cp. *Sévère d'El-Eshmounein*. Op. cit., p. 469, 7—9; 470; 474; о патриархах см. *ibid.*, p. 470, 471, 473, 478, 484, 487. Извлеченные из папирусов данные о взаимоотношениях между клиром и монашеством приведены в работе Барисона (op. cit., p. 53—55). См. также: *Munier H. Recueil des listes épiscopales de l'Eglise Copte*. Le Caire, 1943, p. VIII.

¹⁹ О Самуиле из монастыря Каламун и его предсказаниях см. *Graf G. Geschichte der arabischen Literatur*, I. Città del Vaticano, 1944, p. 280—282. Полную эфиопскую версию его жития см.: *Pereira F. M. E. Vida do abba Samuel do mosteiro do Kalamon*. Lisboa, 1894; неполное издание: *Amélineau E.* — «Mémoires arch. franç. au Caire», 4, 1895, p. 770—789; «Muséon», 53, 1940, p. 44 sq.

²⁰ См. *Müller C. D. G.* — «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 75, 1964, S. 292, Anm. 107, S. 293, Anm. 111, S. 294, Anm. 114, 115, S. 295, Anm. 116, S. 298, Anm. 125, S. 302, Anm. 137, S. 304, Anm. 144. Cp. также *Barison P.* Op. cit., p. 58—60.

²¹ Халкидонитам удалось расширить сферу своего влияния даже в сельской местности: *Leontios von Neapolis. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen*, hrsg. von H. Gelzer. Freiburg und Leipzig, 1893, S. 64, 17—22. Cp. также примечания Гельцера (S. 143), где он ссылается на Максима Исповедника (PG, 91, col. 333), который говорит, что Иоанн победил монофелитов. Cp. также текст Гельцера в приложении II, S. 110. 31—111.3; *Delehaye H.* — «Anal. Boll.», 45, 1927, p. 8—12.

²² *Sévère d'El-Eshmounein*. Op. cit., p. 491.

²³ *Ibid.*, p. 497.

Письма епископа Авраама, изданные М. Краузе, дают ясное представление об укладе и характере благочестия монофиситской церкви в Верхнем Египте около 600 г.²⁴ Этот тип благочестия и гарантия спасения обладали большой притягательной силой в глазах эксплуатируемого сельского населения. Из писем того же епископа становится ясной и другая причина притягательности монофиситской церкви — роль епископов как защитников²⁵. «Епископ — единственная неподкупная власть, которая стремится оказать помощь пострадавшему и которая может наложить духовное наказание на виновника»²⁶. Твердость монофиситского епископа Авраама была испытана в отношениях с государственной властью. В своей церкви он, безусловно, обладал огромным влиянием. Однако епископ не становился в оппозицию государству по всякому поводу. В одном из писем он говорит: «Бог дал нам хорошего *Laschanen* и тех, которые властвуют над народом»²⁷. Краузе справедливо понимает это предложение, когда говорит, что «епископ Авраам отделяет государство от подданных. Государство, согласно тексту № 46, является даром божьим, равным образом — но только в зависимости от образа действий — это относится к представителю власти: до тех пор, пока он действует в соответствии с христианской заповедью любви к ближнему, он заслуживает похвалы; как только носитель власти совершает несправедливость, епископ карает его»²⁸. Следует заметить, что у Иоанна Никиуского, повествующего о волнениях среди коптов, нет указания, что в данном случае речь идет о монофиситах или что монофиситы играли особую роль в восстаниях²⁹.

О роли монофиситства в египетских городах можно сказать немного. Оксиринхские папирусы, которые исследованы (в первую очередь И. Ф. Фихманом) с экономической точки зрения³⁰, дают мало сведений для изучения проблем идеологии.

Наибольший вес в экономической и политической сфере Египта имели крупные землевладельцы, чья власть и стремление к независимости усиливаются начиная с VI в. Харди показал, что представители фамилии Апионов — Стратигий II и особенно Стратигий III (конец VI — начало VII в.) — переходят в монофиситство. В начале VI в. эта семья являлась сторонницей Халкидонского собора³¹. Факт перехода представителей господствующего класса в монофиситство подтверждается при изучении происхождения монофиситских патриархов. О Петре IV (576—578) Север Ашмунаин сообщает лишь, что он был монахом³². Его преемник Дамиан (578—607) был образованным монахом, родом из Сирии. Вероятно, он происходил из богатой семьи, так как его брат был префектом в Сирии³³. Анастасий Апозигарий (607—619) являлся, согласно Северу, «жителем Александрии и одним из тамошних священников. Он был сведущ в Писании и доктринах веры. . . Благодаря своей мудрости он привлек к себе много людей, так как был человеком ученым, известным своей принадлежностью к городскому совету»³⁴. Принадлежал ли он к господствующим кругам, не-

²⁴ Krause M. *Apa Abraham von Hermonthis. Ein oberägyptischer Bischof um 600.* Diss. phil. Berlin, 1956. Более широкие выводы из этого материала сделал Мюллер; Müller C. D. G. *Op. cit.*, S. 281—292.

²⁵ Здесь мы сошлемся лишь на работу: Steinwenter A. *Episcopalis audientia.* — *Reallexikon für Antike und Christentum*, 1. Stuttgart, 1950, 915—917; здесь использована и предшествующая литература.

²⁶ Krause M. *Op. cit.*, S. 89.

²⁷ *Ibid.*, Text N 46, Bd. II, S. 196.

²⁸ *Ibid.*, Bd. I, S. 89.

²⁹ Jean de Nikiou. *Op. cit.*, p. 403—412; cp. Rouillard G. *L'administration. . .*, p. 207—210; Hardy E. R. *Op. cit.*, p. 60—67.

³⁰ См. работы, указанные в прим. 12.

³¹ Hardy E. R. *Op. cit.*, p. 35—57.

³² Sévère d'El-Eshmounein. *Op. cit.*, p. 470.

³³ Cp. Maspero J. *Op. cit.*, p. 278.

³⁴ Sévère d'El-Eshmounein. *Op. cit.*, p. 478.

известно. Иначе обстоит дело с Андроником (619—626), о котором Север сообщает: «Образованный человек, дьякон церкви Ангелион, девственник и писец, чье имя было Андроник. Он был очень богат. . . Его семья перенеслась в городе, его двоюродный брат стоял во главе городского совета Александрии. Поэтому из-за его влияния и высокого положения еретики не могли удалить его из Александрии в монастырь»³⁵. Наконец, следует назвать наиболее значительного из патриархов — Вениамина (626—665), о котором Север говорит: «Брат Вениамин был родом из провинции Аль-Бухайра и происходил из деревни Баршут. После оставленной монашеской жизни он сильно тосковал и поэтому снова покинул своих родителей и все, что они имели, а они были очень богаты. . .»³⁶ Его брат Мина, представитель господствующих верхов общества, согласно тому же источнику, умер от пыток, так как остался до конца верен монофиситскому вероисповеданию³⁷. Существовали ли другие причины убийства Мины, неизвестно.

Переход представителей высшего социального слоя населения в монофиситство можно понять только в том случае, если принять во внимание их партикуляристские интересы и стремление создать для себя прочную основу в условиях кризиса византийского государства и его господствующего класса в послеюстиниановскую эпоху. С этой точки зрения находят объяснение и попытки Стратигия II объединить разобщенные монофиситские церкви Сирии и Египта³⁸. Если в первой половине VI в. представители господствующего класса стремились сделать карьеру в Константинополе, то теперь они заботятся об укреплении власти на местах и создании здесь себе идеологической опоры. Немаловажно в этой связи отметить, что Диоскор, эллинизированный поэт и представитель крупных земельных собственников, при всей своей любви к греческому языку усиленно изучал коптский³⁹. Теологическая сторона монофиситства в Египте в этот период времени не представляет особого интереса и искать здесь причины изменения вероисповедания у представителей высших социальных слоев невозможно.

Подведем итоги. Монофиситство не было идеологическим течением, охватывающим всех коптов. Наряду с ним в Египте существовали и другие идеологические течения. Многие копты добровольно или по принуждению являлись сторонниками Халкидонского собора. С другой стороны, еще существовали нехристианские вероисповедания и пережитки, которые с нападением арабов стали вновь играть существенную роль.

Монофиситство не было единым теологическим и церковно-политическим течением, но распадалось на секты. Более сильным и целостным оно стало вновь лишь в VII в., отчасти благодаря преодолению раскола между египетскими и сирийскими монофиситами в результате деятельности правителя Никиты, отчасти из-за обращения верхних слоев населения в сторону монофиситства, а также из-за притеснений со стороны византийского государства, особенно мелькитского патриарха Кира, и, наконец, благодаря деятельности монофиситского патриарха Вениамина.

В монофиситстве нашли выражение различные интересы и идеологические устремления. Обращение к нему господствующих кругов провинции в конце VI в., способствовавшего усилению монофиситской церковной организации, объяснялось их партикуляристскими тенденциями, что непосредственно связано с кризисом византийского государства в послеюстиниановскую эпоху. Для большей части эксплуатируемого населения

³⁵ Ibid., p. 484.

³⁶ О нем и его писательской деятельности см.: *Graf G. Op. cit.*, S. 468—470.

³⁷ *Sévère d'El-Eshmounein. Op. cit.*, p. 491.

³⁸ *Hardy E. R. Op. cit.*, p. 36.

³⁹ *Cp. Bell H. I. — Crum W. E. A Greek Coptic Glossary. — «Aegyptus», 6, 1925, p. 177—226.*

и монахов монофиситская церковь являлась символом местного, египетского типа благочестия и учения о спасении, которое можно было постигнуть и без эллинистического философского образования. Монофиситская церковь означала отказ или, по крайней мере, отдаление от культуры, являвшейся в глазах местного населения культурой эксплуататоров, культурой государства, которое не хотело и просто не могло его реально защитить. Она означала защиту от произвола и притеснений со стороны чиновников, землевладельцев и власть имущих.

Монофиситство нельзя рассматривать более или менее изолированно от его политических и теологических аспектов — настолько они важны. Вместе с тем, следует воздерживаться от общих оценок, согласно которым монофиситство рассматривается как некое гомогенное оппозиционное движение. На фоне общего хода общественного развития с учетом всех его факторов открывается возможность исследовать монофиситство в тесной связи с процессами, происходившими в Египте, а затем — и во всей Византийской империи. В данной работе при ее узких хронологических рамках на это, естественно, можно было только указать.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВОСТОК

(Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.)

Никейская империя, возникшая в северо-западной части Малой Азии вскоре после взятия в апреле 1204 г. Константинополя крестоносцами, четвертое десятилетие своего существования встречала в сложной международной обстановке.

Три момента определяли внешнеполитическую деятельность империи в 40—50-е годы XIII в.: опасность со стороны татаро-монголов, необходимость устранения соперников (Болгарии и Эпирского деспотата) в борьбе за «византийское наследство», возможность возвращения Константинополя путем унии с Римом. Мы не случайно поставили вопрос о взаимоотношениях с монголами на первое место. Восточный вопрос, столь важный в первое десятилетие существования империи¹, с конца 30-х годов XIII в. вновь становится одним из главных во внешней политике никейских императоров. Если при решении двух последних вопросов речь шла о *праве* на восстановление Византийской империи, то положительное решение проблемы взаимоотношений с татаро-монголами означало сохранение империи как независимого и целостного государства. В данной работе мы попытаемся исследовать как самый ход взаимоотношений Никейской империи с соседними восточными государствами, прежде всего — эволюцию восточной политики, так и задачи, которые ставились при этом греческим государством.

Отношения Никейской империи с Иконийским султанатом после 1217 г. оставались мирными. Однако с начала 30-х годов XIII в. они претерпевают значительные изменения, которые были вызваны появлением на востоке грозного врага — татаро-монголов. Завоевание в начале 20-х годов Средней Азии и вторжение монгольских полчищ под командованием Джебе и Субедея в Закавказье послужили причиной массового бегства мусульман из этих областей в пределы Иконийского султаната и к границам Никейской империи². Приток мусульманского населения в западные районы султаната, с одной стороны, обострил пограничные конфликты между гази и акритами в начале 30-х годов XIII в.³, а с другой — оказал влияние на восточную политику империи.

¹ См. Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 37, 1976, с. 48—61.]

² Согласно турецким источникам, их число превышало 70 тыс. человек; см. Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1972, S. 53.

³ Сирийский хронист Ибн Натиф, современник Кей-Кубада, пишет, что около 1230 г. произошло два сражения между султаном и «Ласкарем»: в первом победили сельджуки, во втором — греки. Сомнительно, чтобы это было нечто большее, чем пограничные столкновения; см. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. New-York, 1968, p. 135. Возможно, одно из них можно отождествить с набегом эмира Мубариза-ад-Дина на землю «Ласкаря»; см. Duda H. W. Die Seltchukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959, S. 123.

Никейская дипломатия во взаимоотношениях с соседними восточными государствами становится на путь лавирования. Империя, заключая союзы с Иконийским султанатом против татаро-монголов, стремится, однако, к тому, чтобы не вызвать этим нежелательных последствий. Отношения с татарами становятся стержнем всей восточной политики никейских императоров, а отношения с Иконией находятся в зависимости от них. Определяющим моментом в действиях Империи является серьезность татаро-монгольской угрозы.

Когда в конце правления султана Кей-Кубада I (1220—1237) монголы впервые вторглись в пределы султаната, император Иоанн III Ватац (1222—1254), по-видимому, послал на помощь султану греческое вспомогательное войско ⁴, а после того как монголы, потерпев поражение, ушли ⁵, Никея и Киликийская Армения обязались помогать Кей-Хюсреву II (1237—1245) оружием ⁶. Именно это первое нападение монголов на Иконию и поставило перед восточными государствами задачу объединения против общего врага.

Нам кажется, что именно с этой точки зрения следует рассматривать предложение Киликийской Армении в 1239 г. начать переговоры с Никеей по поводу объединения церквей. Решение данного вопроса означало бы возможность заключения прочного союза между двумя государствами в это тревожное время. Поэтому посланцы короля Хетума и католикоса Константина (монахи Феодорит и Василий) были радостно встречены Ватацем и патриархом Германом и с письмом последнего отправлены вместе с митрополитом Мелитины в Армению ⁷. Но переговоры остались незаконченными, так как, когда летом 1241 г. к католикосу прибыло новое никейское посольство в составе митрополита Мелитины и патриаршего логофета Иоанна вместе с посланцами Хетума (митрополитом Селевкии Герасимом и королевским логофетом Григорием), католикоса в Армении не оказалось и греческие послы вернулись ни с чем в Никею ⁸.

Уже через два года новое вторжение татар в Иконию и разгром 26 июня 1243 г. при Кёсе-даго 180-тысячного сельджукского войска ⁹, в состав которого, помимо других народностей, входило около двух тысяч латинских рыцарей и тысячный вспомогательный наемный отряд из Никейской империи ¹⁰, окончательно изменили обстановку на востоке. Разбитый Кей-Хюсрев просит более действенной помощи у Никей ¹¹ и в конце 1243 г.

⁴ В разноплеменном войске султана находился и греческий контингент; см. *Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum*. Lipsiae, 1789 (далее — *Bar Hebraei Chronicon*), p. 497. Скорее всего, это было вспомогательное войско, посланное Ватацем; см.: *Cahen Cl. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris, 1940, p. 693; *Werner E. Wandel im Osten: Das Sultanat Konya im 13. Jahrhundert*. — «Byzantinische Forschungen», 4, 1972, S. 224.

⁵ *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, с. 153—154; *Гастян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 165.

⁶ Армения должна была поставлять ежегодно 1400 копий, а Никея—400; см. *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 135—136.

⁷ *Lagopates Sp. Nik.* Γερμανός ὁ Β', πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως-Νικαίας (1222—1240). Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ, Ἐν Τρίπολει, 1914, p. 354—357; *Laurent V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople*, I, fasc. IV (1208—1309). Paris, 1971, № 1290.

⁸ См. *Laurent V. Op. cit.*, N 1309, p. 115—116.

⁹ Датировка в кн.: *Grousset R. L'Empire des steppes*. Paris, 1939, p. 325—328; Р. Л. Вольф (*Wolff R. L. The Latin Empire of Constantinople (1204—1261)*). — In: *A History of the Crusades*, vol. 2. *The Later Crusades (1189—1311)*. London, 1969, p. 233) считает, что сражение произошло 2 июля 1243 г.

¹⁰ *Duda H. Op. cit.*, S. 227; *Bar Hebraei Chronicon*, p. 502; *Гастян А.* Указ. соч., с. 165—166; *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteenth Century*. London, 1971, p. 234.

¹¹ Несколько ранее император Латинской империи Балдуин II хотел заключить союз с сельджуками, надеясь таким образом отвлечь силы ромеев от Запада. Но союз не состоялся, так как Балдуин не смог найти принцессу для гарема султана; см. *Di-*

посылает посольство к Ватацу для заключения союза против татаро-монголов. Никейский император, только что вернувшийся из похода на Фессалонику, принимает послов и заключает договор о совместных действиях¹², который вскоре был подтвержден при личном свидании императора и султана в крепости Триполи на Меандре¹³. Возможно, что при этом был заключен и брачный союз одной из дочерей Ватаца с сыном султана — Кей-Каусом, мать которого была дочерью греческого священника. Об этом можно предполагать как на основании слов Акрополита о том, что при свидании правители двух государств «еще теснее скрепили заключенный перед этим союз»¹⁴, так и анализируя последующие действия этого султана, который в 50-е годы дважды ищет убежища и поддержки в Никее.

Однако этот договор для Никей был формальным актом, так как никейские императоры никогда по-настоящему не помогли своему союзнику в борьбе против татар, боясь навлечь на себя их гнев. В империи Ватац начал принимать энергичные меры на случай нападения монголов: готовил оружие и продовольствие, строил крепости, заботился об их охране, ввел систему распределения продуктов среди населения с целью создания их запасов¹⁵. Но татары, сделав данником Иконийский султанат¹⁶, повернули на юг, в сторону Багдада, и Ватац вновь смог заняться балканскими делами (поход осенью 1246 г. на Болгарию).

Монголы, хорошо осведомленные о положении дел у своих врагов, попытались разрушить союз Никей, Иконии и Киликийской Армении. В отношении последней им это удалось легко. В 1243—1244 гг. Армения отпала от союза¹⁷. Что касается Никей, то монголы решили использовать папский Рим и в 1248 г. послали посольство к папе Иннокентию IV с предложением союза против Ватаца. Однако этот план не удался¹⁸. Папа надеялся подчинить ромеев путем объединения церквей и был занят в то время подготовкой унии.

chesne A. Historiae Francorum Scriptores, vol. V. Parisiis, 1649, p. 424—426. К тому же и султан не желал разрыва отношений с Никеей, так как именно она, а не бедный латинский Константинополь, могла оказать существенную помощь Иконии.

¹² *Georgii Acropolitae Opera, vol. I, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903 (далее — Acrop.), p. 69.9—70.3.* Заключая союз, Ватац полагал, что сельджуков можно будет использовать как прикрытие от нашествия монголов; см. *Nicephori Gregorae Byzantina historia, vol. I, ed. J. Schopen. Bonnæ, 1889, (далее — Greg.), p. 41.10—25.*

¹³ *Acrop., I, p. 70.3—8; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, Bd. III. München, 1932, № 1776; Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927, с. 70.*

¹⁴ *Acrop., I, p. 70.4—5; ср. Bees N. A. Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien). Mit Exkursen zur Geschichte der Seldschukiden—Türken. Berlin, 1922, S. 61.*

¹⁵ *Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII, vol. I, rec. I. Bekker Bonnæ, 1835 (далее — Pach.), p. 134.2—11; Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII, nunc primum ed. N. Festa. Firenze, 1898 (далее — Theodori Epistulae), p. 100.*

¹⁶ Неясно, на каком основании Н. П. Шастина в своих добавлениях к примечаниям А. И. Малеина к «Путешествию» Г. Рубрика считает, что и Никейская империя стала данником татар; см. Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957, с. 223, № 23.

¹⁷ После поражения султана в 1243 г. его семья бежала к Хетуму, но по требованию монголов была им выдана. В благодарность за это монголы заключили союз с Хетумом (Констабль *Смбат*. Летопись. — В кн.: История монголов, вып. I. СПб., 1873, с. 66; *Киракос Гандзакец*. История Армении. Перевод, предисловие и комментарии Л. А. Ханларян. М., 1976, с. 178—179), по которому Армения должна была снабжать монгольскую армию продовольствием, а в случае необходимости выставлять и войско. Фактически она стала данником монголов. См. *Галстан А. Указ. соч., с. 164; Dawson Ch. The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in thirteenth and fourteenth Centuries. London, 1955, p. XXI.*

¹⁸ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora, t. V, ed. H. R. Luard. London, 1880, p. 38; idem. Historia Anglorum sive Historia minor, t. III, ed. F. Madden, London, 1869, p. 38—39.* Папа соглашался на это только при условии, если все татары будут крещены, на что послы ответили, что они не уполномочены решать такие вопросы.

После смерти султана Кей-Хюсева II (1245 г.) между его тремя сыновьями (Кей-Каусом, Кылич-Арсланом и Кей-Кубадам) начались раздоры из-за престола. Воспользовавшись тем, что Кылич-Арслан отправился за помощью к великому хану, Кей-Каус, опираясь на родство с никейским императором и его помощь, взомел на престол¹⁹. Эта внешнеполитическая акция Никеи, результатом которой было укрепление влияния империи в Иконии и подтверждение договора против татаро-монголов, по-видимому, и послужила основной причиной провала третьей попытки заключить союз церквей и договор между Никеей и Киликийской Арменией. Когда зимой 1247/48 г. посланец Хетума вардапет Иаков²⁰ прибыл в Никею, он был радушно принят патриархом и вскоре вместе с греческим посольством отправился назад²¹. Однако, как и в 1241 г., переговоры закончились неудачей. Было ли посольство Смбата, брата короля, к великому хану в 1248 г. следствием провала переговоров или, напротив, переговоры явились причиной посольства в Каракорум, договор, вторично заключенный армянским историком Смбатом Спарапетом, был косвенно направлен и против Никейской империи²². Однако серьезных последствий для Никеи он не имел²³.

Успехи Никейской империи к началу 1254 г. были огромными. Владения ее простирались на западе от Адриатики до Черного моря²⁴. Латинянам принадлежали лишь окрестности Константинополя. Сербия признала суверенитет Никеи²⁵. Но эти успехи могли быть сведены на нет угрозой татарского нашествия, которая вновь возросла в конце 1253 г.²⁶ Опасения никейского императора усилились с прибытием в Никею татарского посольства, которое монголы нередко посылали перед нападением на страну. Об этом сообщает Рубрук со слов одного участника посольства, которого францисканец встретил в Каракоруме перед своим отъездом (15 июня 1254 г.)²⁷. Ватацу удалось подарками расположить татар к себе и вместе с ними послать свое посольство к Менгу-хану²⁸. Целью его, вероятно, было не только изъявление дружественных намерений, но и стремление помешать образованию союза между Балдуином II и ханом Бату²⁹.

Однако Ватац опасался за исход посольства и, по словам Скутариота, в феврале (1254 г.) «проводил дни в Никее, боясь татар, и делал все возмож-

¹⁹ *Киракос Гандзакецц.* История Армении, с. 196.

²⁰ Там же, с. 81.

²¹ *Laurent V.* Op. cit., N 1309, p. 115.

²² *Киракос Гандзакецц.* История Армении, с. 196; Констабль *Смбат.* Летопись, с. 67. По договору к Армении отходили некоторые области султаната, некогда принадлежавшие ей. Монголы, несомненно, шли на уступки Хетуму, так как не желали видеть Армению в союзе с Никеей; см. *Сукьясян А. Г.* Смбат Спарапет как полководец и дипломат. — «Вестник Ереванского университета», 1973, 1, с. 82—98 (на арм. яз.).

²³ На церковном соборе 1250 г. при обсуждении с папскими легатами догматических вопросов присутствовало и армянское духовенство; см. *Nicéphori Blemmydae* Cursiculum vitae et carmina, ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896, p. 41.4; *Андреева М. А.* Адресаты и датировка двух писем Никифора Влеммида. — В кн.: Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову, 1859—1929. Прага, 1929, с. 203.

²⁴ См. *Acrop.*, I, p. 13.16—20; 18.9—12; 23—25, 28—29; *Andréeva M. A.* A propos de l'éloge de l'empereur Jean III Batatzès par son fils Théodore II Lascaris. — SK, X, 1938, 138; *Theodori Epistulae*, p. 57.32—36.

²⁵ *Acrop.*, I, p. 18.25—28.

²⁶ Мункэ, по словам Рубрука, послал одного из своих братьев с войском в Иконийский султанат, чтобы он оттуда нападал на владения Ватаца; см. *Relations des voyages de Guillaume de Rubruk, Jean du Plan Carpin, etc.* — In: «Recueil des voyages et de mémoires», t. 4. Paris, 1839 (далее — *Rubruk, Voyages*), p. 347.6—8.

²⁷ *Ibid.*, p. 350.21—23.

²⁸ *Ibidem*; *Dölger F.* Op. cit., N 1816.

²⁹ О том, что такой союз намечался, свидетельствует Рубрук, который сам привез грамоту Балдуина во время своего путешествия на Волгу (июнь 1253 г.) одному из военачальников Бату в Крыму — Скатайю; см. *Rubruk. Voyages*, p. 239.10—12, 242.3—7; *Beazley C. R.* The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubriques. London, 1903, p. 157.26—28; 159.7—10.

ное для ее охраны и безопасности»³⁰. Эти тревоги еще более усилились, когда в конце 1254 г. на территории Никейской империи был схвачен монах Феодул, возвращавшийся от Менгу-хана с поручением к королю Франции Людовику IX и папе. И хотя монах не был официальным послом, его сопровождало направлявшееся в Рим монгольское посольство³¹. Когда глава посольства умер в Никее и оно не смогло продолжить свой путь, никейский император, боясь нежелательного истолкования этого факта, отправил с оставшимися татарами грамоту («золотую буллу») к Менгу-хану³². Эти события уже относятся к началу царствования Феодора II Ласкаря³³, который после смерти Ватаца 3 ноября 1254 г. занял императорский престол.

Восточная политика империи не претерпевала существенных изменений при Феодоре II. Она характеризовалась все тем же лавированием между союзом и несущественной помощью Иконийскому султанату, с одной стороны, и стремлением не вызвать этой помощью недовольство татаро-монголов — с другой. Однако в политике нового императора все же можно заметить некоторый сдвиг в сторону более действенной помощи сельджукам.

Еще до прибытия монгольского посольства, о котором говорилось выше, только что провозглашенный императором Феодор отправил из Филадельфии посольство к султану³⁴, вероятно, для подтверждения договора, заключенного его отцом. В то же время мы знаем, что через несколько месяцев (конец 1254—начало 1255 г.) император вторично отправил посольство в Иконий³⁵. Чем это было вызвано? Нам представляется, что не последнюю роль здесь сыграло внутреннее положение в султанате в конце 1254—начале 1255 г., когда между Кылич-Арсланом IV и Кей-Каусом II началась борьба за престол³⁶. Первый пытался найти поддержку у татар, второй — у греков. Результатом этого посольства было заключение договора о помощи Иконии. Когда весной 1256 г. Феодор II отправлялся в поход на Балканы, он предварительно отправил посольство к султану, чтобы узнать, находятся ли в безопасности сельджуки и не нуждаются ли они в защите³⁷.

Однако ни за этот договор, ни за участие в сражении у Аксары против татар осенью 1256 г. отряда греков под командованием бежавшего из Никей Михаила Палеолога, ни за помощь султану Кей-Каусу³⁸, прибыв-

³⁰ *Ascop.*, I, p. 284.10—13.

³¹ *Rubruk. Voyages*, p. 312.10—313.4.

³² *Ibid.*, p. 313.5—8.

³³ С этими татарами Рубрук встретился в Эрзуруме при возвращении из Каракорума в Акру; см. *Rubruk. Voyages*, p. 313.8—9. Так как известно, что в Акру он прибыл 15 августа 1255 г. (*Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе. — В кн.: Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, с. 191), то и встреча в Эрзуруме не могла произойти ранее начала 1255 г. Таким образом, отправление грамоты должно быть датировано концом 1254 г.

³⁴ *Ascop.*, I, p. 106.1—2; *Dölger F. Op. cit.*, N 1824.

³⁵ *Greg.*, I, p. 56.4—7; *Dölger F. Op. cit.*, N 1825. М. Нистазопулу (*Nystazopoulou M. La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254—1265)*. — *REB*, 1964, 22, p. 224, p. 15) считает, что было одно посольство Феодора II к султану, а не два. Выражения *προσβεία* у Акрополита и *ἀναγεούμενος* у Григоры означают одно событие.

³⁶ *Rubruk. Voyages*, p. 394.4—20; *Bees N. Op. cit.*, S. 43; *Nystazopoulou M. Op. cit.*, p. 244.

³⁷ *Ascop.*, I, p. 125.1—9; *Dölger F. Op. cit.*, N 1830.

³⁸ Феодор дал ему отряд в 400 всадников, получив взамен города Лаодикию (*Ascop.*, I, p. 143.25—144.14) и Хоны с двумя крепостями (*Scut.*, p. 295.13—15), но вскоре опять возвратил их сельджукам, понимая, как опасен этот подарок, поскольку и татары претендовали на эту область подвластного им султаната (*Ascop.*, I, p. 144.14—15). Кроме того, именно в 1256 г. начинается создание в этом районе Мехмет-беком княжества Денизли из туркоман, проживающих около Лаодикии и Хон. Греки не в силах были сдержать их натиск; см. *Cahen Cl. Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle*. — «*Journal asiatique*», t. 239, fasc. 3, 1951, p. 336. Реально предполагать, что именно к этому периоду относится посольство султана Египта к Феодору с дарами (*Ascop.*, I, p. 297.5—6), которые надо

шему к Феодору II в Сарды в начале января 1257 г.³⁹, монголы не наказали империю. Напротив, уже в конце 1257—начале 1258 г. они присылают посольство к Феодору II Ласкарию⁴⁰. Последний, желая укрепить дружественные отношения с монголами и показать силу и могущество своего государства с большим почетом принимает в Магнезии татарских послов и с помощью хитрости демонстрирует мощь своего войска⁴¹. Переговоры с татаро-монголами окончились благополучно для империи, но договор еще не был заключен⁴²; Феодор II стал готовить ответное посольство⁴³. По-видимому, на переговорах греческого посольства с монголами в Каракоруме и была достигнута договоренность о брачном союзе с великим ханом Хулагу, но невеста была отправлена только в 1265 г.⁴⁴

Таким образом, никейской дипломатии удалось отвести угрозу татаро-монгольского нашествия на империю в царствование Феодора II Ласкария. Но это потребовало постоянного внимания к этой проблеме и привлечения значительных сил для охраны восточной границы.

Взаимоотношения с татарами и сельджуками, оказавшие значительное влияние на внешнюю политику Никейской империи в царствование Ватаца и Феодора II, остались одним из наиболее важных аспектов внешнеполитической деятельности и последнего никейского императора Михаила VIII Палеолога. Однако они претерпели некоторые изменения по сравнению с политикой его предшественников. Если Ватац и Феодор в политике лавирования между помощью сельджукам и стремлением к установлению дружественных отношений с монголами отдавали предпочтение помощи Иконии (особенно Феодор), то Палеолог, хотя и не разрывает союз с сельджуками, но совершенно отказывается от помощи султану и уделяет все внимание укреплению дружественных отношений с татаро-монголами. Об этом свидетельствуют события 1259—1260 гг.

Став императором, Михаил VIII извещает об этом султана⁴⁵, а через некоторое время принимает его послов, обещая ему помощь и подобающий прием, если тот окажется в стеснительных обстоятельствах и придет к нему⁴⁶. Но это были лишь обещания. Султан Кей-Каус II, уличенный — после поездки с братом к Хулагу в 1259 г. и раздела султаната на две части — в связи с египетскими мамлюками, злейшими врагами татар⁴⁷,

расценивать как благодарность и поощрение за помощь сельджукам в борьбе против татар. Известно, что вскоре Кей—Каус попытается тайно заключить союз с Египтом против татар, но будет разоблачен ими (см. ниже).

³⁹ *Ascop.* I, p. 294.17—295.10. *Duda H.* Op. cit., S. 245—276. Получив войско и узнав, что монгольские войска оставили Иконий, Кей-Каус II вернулся туда. См. об этом: *Duda H.* *Zeitgenössische islamische Quellen und das Ogyzname des Jazugyoglu 'Alī zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobrudscha im 13. Jhr. N. Chr.* — СБАИ, т. 66, клон истор.-филол., 1943, с. 133; *Cahen Cl.* *Notes pour l'histoire des Tourcomans*, p. 342.

⁴⁰ Не может быть сомнений, что посольство преследовало прежде всего разведывательную цель. Монголы никогда не нападали, не узнав хорошо о силе врага.

⁴¹ *Pach.*, I, p. 134.14—136.2. Подробнее см. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 195—201.

⁴² Акрополит говорит, что тогда еще не заключили полного мира и договора, не установили прочного согласия: *Ascop.*, I, p. 157.11—14. Существует предположение, что в этих переговорах участвовали и русские дипломаты, которые добились у татар согласия сохранить в прежнем виде русско-никейские церковные отношения, хотя и под контролем русской епископии, организованной в 1261 г. в Сарае; см. *Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко—Волынской Руси. М., 1950, с. 274.

⁴³ Посольство было отправлено в самом конце царствования Феодора II и хорошо принято татарами; см. *Pach.*, I, p. 137.2—3; *Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора, с. 72.

⁴⁴ Михаил Палеолог отправил свою дочь Марию, рожденную от незаконной связи с Дипловатачиной. Но ко времени прибытия невесты хан умер, и ее взял в жены его сын и приемник Абака (см. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 200; *Atabinen R. S.* *Les Turcs occidentaux et la Méditerranée.* Istanbul, 1956, p. 136—137).

⁴⁵ *Pach.*, I, p. 99.18—100.2; *Dölger F.* Op. cit., N 1859.

⁴⁶ *Pach.*, I, p. 105.20—106.5.

⁴⁷ О взаимоотношениях Кей-Кауса II со своим братом Кылич-Арсланом IV и о положении в Иконийском султанате см. *Nystazopoulou M.* Op. cit., p. 245.

был вынужден бежать к Михаилу, надеясь на старую дружбу (1256 г.). Он с семьей был хорошо принят императором, однако в ответ на свое требование сразиться с монголами или дать ему несколько областей Никейской империи так ничего от Палеолога и не получил⁴⁸. В этот ответственный момент, когда Михаил VIII готовился к решающему штурму Константинополя, сохранение хороших отношений с монголами (а то, что он удерживал у себя султана, было выгодно последним) являлось целью восточной политики Палеолога⁴⁹.

Ответ на вопрос о том, к какому времени относятся эти события, поможет лучше понять взаимоотношения империи с сельджуками и монголами в этот недостаточно изученный в литературе период. Относительно времени прибытия султана к Палеологу мы не располагаем точными сведениями. Акрополит вообще ничего не говорит о бегстве султана, а Пахимер⁵⁰ и Григора⁵¹ рассказывают о нем незадолго до повествования о взятии Константинополя. Ибн Биби помещает рассказ о бегстве вскоре после описания поездки Кылич-Арслана IV и Кей-Кауса II к Хулагу, которая, как поясняет Абу-ль-Фида⁵², состоялась в 1259 г. Вернувшись, Кылич-Арслан IV двинул против брата вспомогательный отряд монголов, надеясь захватить его владения. Кей-Каус II бежит вначале в Атталию⁵³, а затем на галерах — к императору в Константинополь⁵⁴. Исходя из этих данных, следует признать, что прибытие султана к Михаилу VIII Палеологу могло произойти как в начале 1260 г., так и после взятия Константинополя⁵⁵. В пользу последнего предположения, как будто, говорит и тот факт, что о нем сообщают современники этого события — Акрополит и Ибн Биби (молчание Акрополита также подтверждает это предположение: его «Хроника» оканчивается рассказом о взятии Константинополя).

Однако это не так. У Пахимера имеется интересное свидетельство, что султан находился в войске Палеолога, которое под командованием императора совершило походы из восточных районов империи⁵⁶. Но Пахимер не сообщает о том, что это за походы и к какому времени они относятся. И здесь чрезвычайно ценны сведения, которые содержатся в «Экономи» Мануила Оловола⁵⁷. После возвращения Палеолога весной 1260 г.⁵⁸ из-под Галаты, осада которой окончилась неудачно⁵⁹, император отпра-

⁴⁸ *Pach.*, I, p. 131.1—4; 131.11—132.2; *Greg.*, I, p. 82.15—83.2.

⁴⁹ Пахимер писал, что Палеологу не только было «страшно думать о войне с ними, но одно их имя поражало его страхом»: *Pach.*, I, p. 133, 16—134.2.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 131.1—14.

⁵¹ *Greg.*, I, p. 82.10—16.

⁵² *Aboulféda. Annales Muslemici*, t. 4. Kopenhagen, 1794, p. 473 (в 657 г. хиджры = 28 декабря 1258—18 декабря 1259).

⁵³ *Рашид-ад-Дин* («Сборник летописей», т. 2. М.—Л., 1960, с. 197) говорит, что не к Атталии, а к Лаодикии.

⁵⁴ *Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 283.

⁵⁵ Именно так и обстоит дело в литературе. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 200 (считает, что возможен 1259 г.); *Duda H. Zeitgenössische islamische Quellen*. . . , S. 137 (конец 1260 г.); *Laurent V. Une Famille turque au service de Byzance: les Méliques*. — BZ, 1956, 49, p. 361 (конец 1260—начало 1261 г.); *Enzyklopädie des Islam*, Bd. 2. Leipzig, 1927, S. 682; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 279; *Wittek P. Les Gagauzes. Les gens de Kay-Kaus*. — «Rocznik Orientalistyczny», 17, 1951/53, p. 13; *Bees N. Op. cit.* S. 44 (лето—осень 1261 г.).

⁵⁶ *Pach.*, I, p. 132.5—15.

⁵⁷ *Siderides X. Μαγούλ 'Ολοβόλου ἐγκώμιον εἰς τῶν αὐτοκράτορα Μιχαὴλ Η' τὸν Παλαιολόγον*. — ΕΕΒΣ, 3, 1926, p. 174—191.

⁵⁸ Обоснование датировки похода Михаила на Галату зимой 1260 г. (январь—апрель) см. *Wirth P. Von der Schlacht von Pelagonia bis Wiedereroberung Konstantinopels*. — BZ, 55, 1962, S. 35. Раньше считалось, что поход никейских войск начался только весной 1260 г. (по Акрополиту). В подтверждение вывода П. Вирта говорят и свидетельства Пахимера (*Pach.*, I, p. 118.2—6) и Григория Кипрского (PG, 142, 1865, col. 24), которые П. Вирт не привлекает.

⁵⁹ *Pach.*, I, p. 122.1—124.12; *Greg.*, I, p. 81.3—5; Согласно Акрополиту, Палеолог отправился в поход не для штурма Галаты, а чтобы взять Константинополь, ключи от

вился к древней Трое (долина Скамандра), а затем (не позднее конца осени) — к реке Меандр ⁶⁰. С большой долей уверенности мы можем сказать, что именно эти походы (по крайней мере, последний) и имеет в виду Пахимер, когда говорит об участии в них султана. Сообщая о присутствии Кей-Кауса в греческом войске, Пахимер пишет, что сельджуки, оставшись без султана, стали переходить границу и занимать пограничные районы ⁶¹. Это же подтверждает и Оловол, уточняя, что Палеолог был вынужден начать поход против сельджуков, вторгшихся в район верхнего Меандра, при впадении в него рек Анаксивия и Керкафос ⁶². Таким образом, речь идет, по-видимому, об одном и том же событии, а если это так, то и Кей-Каус II мог прибыть к Палеологу не позднее осени 1260 г. и не ранее конца 1259 г. ⁶³

Дальнейший рассказ Мануила Оловола об этом походе опровергает мнение, сложившееся на основании исследования «Истории» Пахимера, что Палеолог не предпринимал никаких военных действий против сельджуков, а напротив, принимал их в подданство и опирался на них в борьбе с татарами ⁶⁴. Согласно «Энкомию» Мануила Оловола, Михаил VIII не только изгнал вторгшихся сельджуков, но и сам, перейдя Меандр, захватил их землю.

Целью похода, по словам ритора, было укрепить безопасность своей державы и расширить ее пределы ⁶⁵.

Почему же Палеолог осмелился напасть на Иконию, подвластную в это время монголам? Думается, что объяснение следует искать в договоре о дружбе, который был заключен с монголами приблизительно в это же время ⁶⁶. Результатом его, по-видимому, было не только признание свободы действий татар в Иконии ⁶⁷, но и — при помощи заключения брачного союза с Хулагу ⁶⁸ — предоставление Никее прав на район Меандра, занятый скотоводческими племенами туркоманов ⁶⁹, вождь которых, Мехмед-бек, основатель эмирата Денизли, не желал признавать ни власть султана, ни власть монголов ⁷⁰.

Таким образом, Палеолог не только совершенно отказался от помощи султанату, но за мир с татарами обязался не допускать возвращения Кей-

ворот которого ему обещал его двоюродный брат Асель де Тусье. Но он обманул императора (*Acrop.*, I, p. 173.24—175. 15). Пахимер тоже говорит, что войск было взято значительно больше, чем необходимо для штурма Галаты: *Pach.*, 121.1—12.

⁶⁰ *Μανουήλ Ὁλοβόλου ἐγκώμιον*, p. 185.37—186.7; 189. 18—30; *Wirth P. Von der Schlacht von Pelagonia*, S. 35—37.

⁶¹ *Pach.*, I, p. 133.2—10.

⁶² *Μανουήλ Ὁλοβόλου ἐγκώμιον*, p. 189.21—22: τοῦ τῆς Ἀναξιβίας καὶ τοῦ Κερκάφου.

⁶³ Поездка Кей-Кауса с Кылич-Арсланом к хану датируется концом 1259 г., так как у Абу-ль-Фиды сообщение об этом — в конце рассказа о событиях этого года.

⁶⁴ *Pach.*, I, p. 133.10—15.

⁶⁵ *Μανουήλ Ὁλοβόλου ἐγκώμιον*, p. 189.22—24.

⁶⁶ *Pach.*, I, p. 132.16—17; 133.10—12; *Dölger F. Op. cit.*, № 1887. Д. М. Найкл (*Nicol D. M. The Latin empire*, p. 326; *idem. The Last Centuries of Byzantium*, 1261—1453. London, 1972, p. 138) относит заключение договора к зиме 1260 г.

⁶⁷ *Dölger F. Op. cit.*, N 1887.

⁶⁸ Пахимер пишет, что Палеолог думал «умиротворить татар посредством брачных союзов»: *Pach.*, I, 133.15. По-видимому, на переговорах осенью 1260 г. было подтверждено обязательство о брачном союзе, который в проекте был выработан еще на переговорах с татарами при Феодоре II (1254—1258 гг.) как в Никее, так и в Каракоруме.

⁶⁹ То, что захваченные Михаилом Палеологом сельджуки были скотоводами, следует из свидетельства Мануила Оловола: βέες ἐμικόντο Βαρδ... ἐμικάζοντο αἶγες: *Μανουήλ Ὁλοβόλου ἐγκώμιον*, p. 189.39.

⁷⁰ В конце 1261 г. он все-таки был вынужден обратиться к монголам с просьбой предоставить ему города Хоны, Лаодикию и Даламан. Хулагу согласился, но через год послал против него султана Кылич-Арслана IV и тот победил Мехмед-бека; см. *Ca-hen Cl. Notes pour l'histoire des Tourcomans*, p. 337.

Кауса II и его сына ⁷¹ на родину ⁷². Такая политика позволила императору, с одной стороны, обезопасить восточные границы своего государства, а с другой — пополнить греческую армию бежавшими сельджуками ⁷³.

Анализ восточной политики империи в последние два десятилетия ее существования показывает, что она не была неизменной на протяжении данного периода. Отношения с монголами, положенные в основу восточной политики империи еще Ватацем в начале 40-х годов XIII в., оставались определяющими как для Феодора II, так и для Михаила VIII. Однако та роль, которую они отводили Иконийскому султанату, оценивалась ими по-разному. Если Иоанн III полагал, что мира с татарами следует добиваться посредством дипломатии и опоры на собственные силы, то Феодор II, из-за необходимости вести постоянные военные действия против Болгарии и Эпира, считал не менее важным выполнять более действенно свою роль союзника сельджуков. Раздел султаната в конце 1257 г. между Кей-Каусом и Кылич-Арсланом и победа последнего в междоусобной борьбе показали новому императору Михаилу VIII Палеологу бесперспективность и опасность поддержки Кей-Кауса II.

⁷¹ Несколько ранее прибытия Кей-Кауса к императору в Никеюскую империю прибегал «мелик», который также был задержан Михаилом; см. *Pach.*, I, p. 131.5—9. В. Лоран (*Laurent V. Une famille*, p. 361) предполагает, что это был брат Кей-Кауса, т. е. Кылич-Арслан. Однако известно, что именно последний и изгнал Кей-Кауса из Иконии, а сам остался править страной как ставленник монголов; см. *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 279. Вторым братом Кей-Кауса, Кей-Кубад, был убит еще в 1256 г. Скорее всего это был сын Кей-Кауса, так как «мелик» мог обозначать как брата султана, так и его сына; см. *Lehmann B. Die Nachrichten des Niketas Choniates, Georgios Akropolites und Pachymeris über die Selcuken in der Zeit vom 1180 bis 1280 N. Chr. Dissertation. Leipzig, 1939, S. 66, n. 2; Bees N. Op. cit., S. 45—46*. Другое понимание термина «мелик» дает Д. Моравчик. Он считает, что в XII—XV вв. этим словом называли турецкого правителя и эмира; см. *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. 2. Berlin, 1958, S. 187.

⁷² После отвоения Константинополя султан находился в городе. Уличенный в заговоре против Палеолога, он был сослан в крепость, его полководцы ослеплены (*Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284), а рядовые сельджуки поселены в Добрудже в качестве пограничных воинов; см. *Wittek P. Op. cit., p. 14—15; idem. Yazijoghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobroudja. — «Bulletin of the School of the Oriental and African Studies», XIV/3, 1952, p. 282—285*. Сам султан вместе с сыновьями был в 1264 г. освобожден ханом Берке, приведен в Крым, и там скончался; см. *Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284; «Сборник летописей», т. 2, с. 197.

⁷³ *Pach.*, I, p. 132.5—10; прибывших же в империю сельджукских полководцев Али-Берадура и Огурла Палеолог использовал в войнах на Балканах; см. *Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284.

С. П. КАРПОВ

ВЕНЕЦИАНСКО-ТРАПЕЗУНДСКИЙ КОНФЛИКТ 1374—1376 ГГ. И НЕИЗВЕСТНЫЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1376 Г.

История венецианской колонизации Южного Черноморья и политики Венеции по отношению к Трапезундской империи¹ содержит еще много неясностей. В этой статье мы исследуем один из эпизодов длительной борьбы Республики св. Марка за торговые привилегии в области Понта.

Начало обоснования венецианцев в пределах Трапезундской империи относится к 80-м годам XIII в.² Юридическое оформление своих прав и условий торговли венецианская колония в Трапезунде получила в 1319 г.³ С этого времени и до 1341 г. венецианская коммерция в Трапезунде развивалась по восходящей линии, без существенных спадов и кризисов. Трапезунд, крупнейший город-эмпорий Черноморья, открывал для итальянских купцов дорогу к богатым городам державы ильханов, прежде всего к Тавризу и Султани, был важным перевалочным пунктом из Константинополя к Танае, кавказскому побережью, городам Крыма. В известном смысле он вместе с Таной⁴ служил для венецианцев определенным противовесом мощной генуэзской крепости Каффе, расположенной на другом берегу «Великого моря». С 1340 по 1355 гг. Трапезунд был ввергнут в пучину гражданской войны⁵. В 1341 г. латинская фактория в городе постра-

¹ Монографического исследования этого вопроса нет. См.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge, vol. 1—2. Leipzig, 1885—1886; *Jorga N.* La politique vénitienne dans les eaux de la Mer Noire. — «Académie Roumaine. Bulletin de la Section historique», 2, 1914, p. 289—370; *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Leipzig—Berlin, 1923; *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932; *Brătianu G. I.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle après la deuxième guerre de Détroits. — EO, 1934, № 174, p. 148—159; *idem.* Les Vénitiens dans la Mer Noire au XIVe siècle. La politique du Sénat en 1332—1333 et la notion de Latinité. — «Académie Roumaine. Etudes et recherches», 11. Bucarest, 1939; *idem.* La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1969; *Luzzatto G.* Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954; *Chrysostomides J.* Studies on the Chronicle of Carolus, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377. — OCP, XXXV, 1969, p. 123—182; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle. — «Θραυσιματα», 7, 1970, p. 15—51; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и государства Европы в XIII—XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 10—16; *Bryer A.* The Latins in the Euxine. — In: «XVe Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports». Athènes, 1976.

² *Cessi R.* La Tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del secolo XIII. — Archivio Veneto—Tridentino, IV, 1923, p. 55; *Brătianu G. I.* Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929, p. 174—175; *idem.* La Mer Noire, p. 182—183.

³ *Diplomatarium Veneto-Levantinum sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia*, t. I. ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880 (далее — *Dipl. Ven-Lev.*), p. 122—124; *Zakythinos D.* Op. cit., p. 4—12.

⁴ См. *Скрябинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 29—64. (ср. *Skrzinskaia E. C.* Storia della Tana. — «Studi Veneziani», X, 1968, p. 3—45).

⁵ См.: *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 99—113; *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 36, 1974, с. 86—91; *Λαμπίδης 'Ο.* 'Ανδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ἔργα. 'Αθήναι, 1975, σελ. 184—202.

дала от пожара, возникшего в результате нападения туркменов⁶. Хотя венецианцы делали попытки возобновить торговлю с Трапезундом и вновь укрепить там свои позиции в 1344/45 г.⁷, регулярные связи оказались прерванными на долгое время, с 1341 по 1364 г. Причинами этого, помимо гражданской войны в Трапезундской империи, были «Черная смерть» 1347—1349 гг., война Венеции с Генуей (1350—1355), а также возникавшие из-за феодальной анархии в Восточной Анатолии нарушения торговых коммуникаций с Тавризом (после распада централизованной державы ильханов).

Заинтересованность обеих сторон в возобновлении отношений привела к договорам 1364 и 1367 гг., когда трапезундский император Алексей III (1349—1390) своими хрисовулами предоставил венецианцам новый участок для поселения и упорядочил взимание коммеркиев⁸. Однако венецианское правительство по-прежнему добивалось существенного снижения налогов в Трапезунде или их полной отмены. Перед глазами был пример столицы Византийской империи. Политика Алексея III по отношению к венецианцам, напротив, заключалась в создании таких условий, при которых резко увеличился бы объем торговли и поступлений от коммеркиев. Помимо фискальных целей, венецианцы были нужны империи как противовес растущему влиянию на Понте Генуи. Трапезундское правительство стремилось, однако, избежать военного конфликта двух крупнейших морских держав на своей территории, чем объяснялось постоянное выравнивание коммеркиев и стандартизация условий пребывания генуэзцев и венецианцев на Понте. При этом Великие Комнины исходили из представлений о своем верховном суверенитете⁹ и, как следствие, в случае финансовой необходимости, подчас не брезговали произвольным повышением коммеркиев. С другой стороны, венецианцы и генуэзцы постоянно искали случая уклониться от уплаты налогов. Борьба за долю прибыли от международной посреднической торговли и нарушения двух сторон были чреваты конфликтами, примеры которых в XIV в. хорошо известны¹⁰.

В 70-е годы XIV в. прибыльность торговли с Востоком падала¹¹ и борьба за распределение доходов приобретала все большее значение. Венецианский Сенат был вынужден жестко ограничить расходы на содержа-

⁶ Μιχαήλ τοῦ Παπαρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ἐκδ. 'Ο. Λαμψίδης. — 'Αρχαῖον Πόντου», 22, 1958, σελ. 66,5—10; Λαμψίδης 'Ο. Op. cit., σελ. 65—67, 97—100.

⁷ Heyd W. Op. cit., vol. 2, p. 103—104; Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926, p. 55; Dipl. Ven. — Lev., vol. I, p. 275—276; Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie, t. I. Paris, 1958 (далее — Reg. Sen.), № 167, 179.

⁸ Zakythinos D. Op. cit.; Dipl. Ven.—Lev., t. II, Venetii, 1899, p. 126—129.

⁹ Императоры требовали и внешних форм его признания. В 1372 г., например, Алексей III потребовал, чтобы трапезундский стиг развевался над венецианской факторией рядом со знаменем св. Марка; см. Reg. Sen., № 510.

¹⁰ О дипломатическом конфликте с Венецией в 1334/35 г. см. ibid., N 46, 52, 66; Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie «Mistorum», vol. 2, a cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1961, p. 285, 305, 319, 321—323. Крупные вооруженные столкновения с генуэзцами имели место в 1304, 1313—1314 и 1348—1349 гг.

¹¹ В 1370—1373 гг. имелись большие трудности в сообщении венецианских купцов с Тавризом из-за нестабильности политического положения в Восточной Анатолии, где шла борьба феодальных группировок, и купцы часто подвергались ограблениям. Правитель Сев. Ирана, Азербайджана и Ирака хан Увайс I Джалаирид (1356—1374) добился расширения своих владений и укрепился в Персии. Он неоднократно обращался к венецианскому байло в Трапезунде, приглашая купцов в Тавриз и гарантируя им безопасность в пути. Венецианский байло же требовал, чтобы сначала был послан персидский караван в Трапезунд, где венецианские купцы уже два года (с 1368 по 1370 г.) ожидали открытия торговых путей. Во всяком случае, до 1373 г. регулярного сообщения между Трапезундом и городами Западного Ирана не было. См. Dipl. Ven.—Lev., t. II, p. 158—159 (1370 г.), 163 (1372 или 1373 г.). Показателем определенного спада торговли было снижение уровня инканти (сумм фрахта) галей, направляемых в Трапезунд. В 1370 г. инканто составлял в среднем 55,2 лир grossов (Reg. Sen., N 486, 489), в 1371 г. — 15,7 лир grossов (ibid., N 498), в 1372 г. — 13,2 лир grossов (ibid., N 508). В 1373 г. 2 галей, посылаемые в Трапезунд, были снаряжены и посланы уже за счет самой коммуны (ibid., № 523) — инканто отсутствовал.

ние административного аппарата колонии в Трапезунде. Решением от 15 апреля 1374 г. Сенат сократил наполовину (от 100 до 50 лир grossов) оклад главы колонии — байло, был сокращен его штат, 2 советника, состоявшие при байло, лишались ежемесячного денежного содержания. Чтобы как-то компенсировать материальные потери, должностным лицам было разрешено заниматься торговыми операциями наряду с прочими гражданами Республики¹². В то же время Сенат заботился об укреплении венецианского замка в Трапезунде. В 1368—1371 гг. на строительство и ремонт крепости было предназначено 300 соммов. Часть этих денег должны были внести купцы, отправлявшиеся в Трапезунд, часть, по заемному письму, — венецианская администрация Константинополя и Таны¹³. Эти экстренные меры предпринимались явно в предвидении грядущего столкновения. В 1372 г. уже чувствовалось его приближение. Байло, отправлявшийся через Константинополь в Трапезунд, получил предписание потребовать от Алексея III прекращения придинок и нововведений и уважения венецианских вольностей, полученных по соглашениям 1364 и 1367 гг.¹⁴ Такое поручение давалось, вероятно, из-за взимания каких-то дополнительных сборов или из-за неурядиц, возникших при уплате коммеркиев. Впрочем, в это время Республика еще не желала допускать открытого разрыва, и байло поручалось ежегодно собирать по обычаю Большой совет колонии из всех находившихся в Трапезунде венецианских граждан старше 20 лет для рассмотрения вопроса о дарах императору на сумму не свыше 20 соммов¹⁵. Возникшие трения, по-видимому, не были урегулированы, и в 1374 г. Сенат вновь обсуждал вопрос о нарушении прав венецианцев в Трапезунде. Было высказано предложение, чтобы старый байло в Трапезунде Франческо Джустиниан в ультимативной форме потребовал восстановления всех венецианских привилегий, угрожая в противном случае эвакуацией фактории по распоряжению Сената. Торговля венецианских подданных с Трапезундом подлежала запрещению. Новый байло, Андреа Дандоло, который посылался в Трапезунд, не мог высаживаться на берег и вступать в должность в случае провала миссии Джустиниана. Однако большинство Сената не поддержало это предложение, сочтя его слишком радикальным и, быть может, трудно выполнимым. По предложению глав Совета сорока Андреа Дандоло совместно со старым байло должен был от имени всей венецианской коммуны выразить протест императору и предупредить о готовности венецианцев принять необходимые меры в защиту своих прав¹⁶.

Трапезундская сторона пошла на уступки путем частичного возмещения ущерба, но Венеция настаивала на завершении выплат и намеревалась действовать более решительно¹⁷. К этому времени восстановление венецианской крепости в Трапезунде было уже, вероятно, завершено и риск нападения на факторию с суши был в значительной мере ослаблен. 24 июля 1375 г. Сенат постановил послать к Трапезунду вооруженную галеру Гольфа под командой Донато Станерио и торговую галеею во главе с патроном Витале Ландо. Станерио и Ландо предписывалось потребовать от императора полного удовлетворения претензий венецианцев, включая расходы на посылку галеры Гольфа. В случае принятия требований (на это

¹² Reg. Sen., N 535 (сп. № 441 — 4 февраля 1367 г. — оклад байло и должностных лиц).

¹³ Ibid., № 450, 458, 465, 499, 510.

¹⁴ Ibid., № 510 (5 июля 1372 г.).

¹⁵ Ibidem. Дары трапезундскому императору по прибытии в город венецианских торговых галей, вероятно, были традиционными и рассматривались в Трапезунде как одна из статей дохода. См., например: *Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati*, vol. 1, a cura di R. Cessi, P. Sambin, Venezia, 1960, p. 364; vol. 2, p. 322—323. Нарушения в их предоставлении могли вызвать ответные фискальные меры, например, введение экстраординарных налогов: *ibid.*, vol. 2, p. 285, 305, 319, 321—323, Reg. Sen., № 46, 52.

¹⁶ Reg. Sen., № 544 (18 июля 1374 г.).

¹⁷ Ibid., № 553 (15 февраля 1375 г.).

отводилось три дня) купцы, прибывшие в Трапезунд, могли сойти на берег, при отказе же факторию следовало немедленно эвакуировать, оставив военный гарнизон для охраны крепости¹⁸. Фактически было одобрено решение, отвергнутое как слишком радикальное 18 июля 1374 г. Сторонники решительных действий настаивали на необходимости нападения и ограбления судов трапезундского императора. Сенат принял более осторожную резолюцию — избегать открытых военных действий¹⁹.

По тем или иным причинам экспедиция не достигла своей цели. 13 ноября 1375 г. Сенат составил специальную комиссию по делам Романии, Великого моря, Турции и Трапезунда в составе пяти «мудрых». 15 ноября комиссия пригласила принять участие в заседаниях бывшего посла в Константинополе Андреа Градениго, а также прибывших из Трапезунда Витале Ландо и Андреа Дандоло²⁰, так и не приступившего к своим обязанностям.

Их совместное возвращение из Трапезунда указывает на то, что поездка туда имела место и не увенчалась успехом.

12 марта 1376 г. Сенат решил прибегнуть к открытому военному вмешательству²¹. Для руководства операцией был назначен крупный флотоводец, Генеральный капитан Моря Марко Джустиниан и два проводителя Романии Пьетро Корнер (Корнаро) и Марино Мемо²². Силы экспедиции составляли шесть хорошо вооруженных галер, тогда как ранее число судов, посылавшихся против Трапезунда, не превышало двух-трех, из которых одно-два были военными галерами. Проект, ограничивавшийся требованием возмещения убытков на сумму не менее 800 соммов, был сразу отвергнут в Сенате²³. Посылая крупные морские силы, решили кардинальным образом изменить ситуацию в Трапезунде по отношению к венецианцам и превратить город в оплот против Генуи в тот момент, когда противоборство с ней вступало в новую фазу. Для достижения этих целей ставилась задача низложения Алексея III и замены его одним из претендентов на трапезундский трон — сыном византийского императора Иоанна V Палеолога Михаилом (уже безуспешно пытавшимся в 1373 г. добиться престола) или Андроником Великим Комнином, представителем свергнутой линии трапезундской династии²⁴. В пользу Михаила Палеолога действовал его тесть — правитель подунайских областей деспот Добротица²⁵. Марко Джустиниан с проводителями должен был согласовать вопрос о претендентах на трапезундский престол с византийским императором Иоанном V²⁶. Таким образом, Трапезундская империя стояла перед лицом коалиции трех держав во главе с Венецией, которая и являлась главной военной силой.

Перед претендентом ставился ряд условий. Достигнув власти, он должен был компенсировать венецианцам все расходы. Торговые коммерции, уплачиваемые в Трапезунде, подлежали снижению с 4 до 2%. По ходу

¹⁸ Ibid., № 565. На проведение демарша отводился срок не более 12—15 дней.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid., N 567.

²¹ Текст постановления целиком опубликован Н. Йоргой; см. *Jorga N. Venetia in Marea Neagră*. — «Analele Academiei Române, Seria 2, t. XXXVI, 1913—1914. Memoriile Secțiunii istorice». București, 1914, p. 1058—1062.

²² Reg. Sen., N 575—576; см. также *Chrysostomides J. Op. cit.*, p. 164.

²³ Reg. Sen., N 576, p. 143.

²⁴ *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь, с. 93—94.

²⁵ *Jorga N. Venetia...*, p. 1058. О Добротице существует много исследований; см., например: *Мутафчиев П.* Избранные произведения, т. 2. София, 1973, с. 104—119; *Jorga N. La politique*, p. 289—307; *Stefănescu St. Byzanz und die Dobrudscha in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts. Die Bildung des Feudalstaates Dobrudscha*. — «Byzantinistische Beiträge», Berlin, 1964, S. 239—252; *Alexandrescu-Derca Bulgaru M.-M. La seigneurie de Dobrotici, fief de Byzance*. — «Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines», vol. 2. București, 1975, p. 13—20; *Наумов Е. П.* Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV века. — «Bulgarian Historical Review», 1976, 1, p. 47—59 (в указанных работах — более полная библиография вопроса).

²⁶ *Jorga N. Venetia...*, p. 1058—1060 (cp. *Chrysostomides J. Op. cit.*, p. 166).

дела капитан и проввекторы имели право выдвинуть и иные требования ради блага купцов эмпория. В залог претендент должен был предоставить руководителям похода определенное количество материальных ценностей²⁷. Заметим, что на сей раз появляется новое требование со стороны Венеции: не только уплата долгов и возмещение расходов, но и снижение коммеркиев в два раза по сравнению с законными установлениями хрисовула 1367 г., а не с произвольными нарушениями таксации.

Отправка венецианских галер из Константинополя должна была произойти в глубокой тайне, чтобы ни чужой корабль, ни гонец не смогли прибыть в Трапезунд раньше них. При осуществлении переворота предполагалось срочно укрепить венецианскую крепость и усилить ее охрану²⁸. После переворота свергнутый император изгонялся из пределов Трапезундского государства. Решением Сената руководителям похода была предоставлена экстраординарная власть над венецианской административной и всей колонией в Трапезунде.

Итак, экспедицию подготовили до мелочей, выделенные силы представляли собой мощный боевой флот, материальная, политическая и идеологическая основа для успешных действий была налицо. Наличие «законных» претендентов на трапезундскую корону облегчало для венецианцев достижение соглашения в самом Трапезунде с местной феодальной знатью, еще недавно бунтовавшей против императоров. Важной опорой в самом городе была венецианская фактория с ее крепостью. И все же Сенат учитывал возможность неудачи и возникновения препятствий: 1) отказ местного населения принять одного из претендентов в качестве государя; 2) нежелание самих претендентов участвовать в экспедиции; 3) изменение положения дел в Трапезунде. В двух первых случаях капитан и проввекторы должны были добиваться удовлетворения от самого Алексея III, а при его отказе — начать военные действия и нападать на Трапезунд и другие населенные пункты империи, на суда в портах и в открытом море, захватывая как можно больше кораблей и ценностей, но не рискуя без нужды вверенными им людьми. Для экспедиции был предусмотрен максимальный срок в 15—20 дней²⁹. Капитан и проввекторы имели возможность действовать по собственному усмотрению в рамках данных инструкций, если в пути или в Константинополе они получили бы сведения об изменении положения в Трапезунде. Под этим изменением, вероятно, подразумевалось достижение соглашения между Алексеем III и венецианской факторией либо укрепление позиций трапезундской стороны (например, вследствие заключения союза с Генуей или турками).

Один из «мудрых», Фантино Аримундо, предлагал еще более дерзкий план: если положение в Трапезунде будет неустойчивым, то самим венецианцам следует искать соглашения с местными «баронами» и брать власть в свои руки, назначив венецианского «ректора»³⁰. Проект был отклонен, но он отражал стремление группы венецианского нобилитета превратить Трапезунд в территорию прямого управления, подобно областям венецианской Романии³¹. Равным образом не получил одобрения план предоставления трапезундскому императору срок до шести месяцев для возобновления договора с Венецией и возмещения убытков³². Было решено не допускать промедления, действовать быстро и эффективно.

Самый ход событий не нашел отражения в источниках, и мы не знаем, как проходила экспедиция. «Трапезундская хроника» Михаила Панагета, которая регистрирует, как правило, все крупные военные столкновения

²⁷ Jorga N. *Veneția...*, p. 1059.

²⁸ Ibid., p. 1060.

²⁹ Ibid., p. 1061.

³⁰ Ibid., p. 1061—1062.

³¹ Cp. Thiriet Fr. *La Romanie Vénitienne au Moyen Age. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien*. Paris, 1959.

³² Reg. Sen., N 576, p. 144.

того времени, не упомянула об этом событии. Поэтому Н. Йорга решил, что проект Сената не получил реализации из-за угрозы со стороны генуэзцев³³. Другие исследователи также ничего не пишут о завершении конфликта. Между тем имеется решение Сената от 28 июля 1376 г., в котором говорится: «Так как господин император Трапезунда своим письмом и через наших проввекторов настоятельно умоляет нас, чтобы мы, имея сострадание к нему и его империи, отпустили ему долг 8 тыс. дукатов, которые причитаются нам в связи с расходами на галеры, принято решение, чтобы из милости к нему была отпущена половина указанного долга и, сверх того, чтобы ему были добровольно возвращены его драгоценности (*iocale*), которые переданы в руки сэра Витторิโอ Барбадиго (Барбариго. — С. К.), вице-байло трапезундского. И так нам посоветовали наши вышеуказанные проввекторы»³⁴.

Постановление утверждает условия примирения, достигнутого проввекторами Романии. Таким образом, последние выполнили данное им поручение и побывали в Трапезунде. Кроме того, из текста постановления следует, что расход на посылку галер был сделан. Уплата 8 тыс. дукатов, возмещение ущерба и передача залога в качестве гарантии соблюдения договора предусматривались известным нам поручением Сената от 12 марта 1376 г.³⁵

Итак, можно сделать вывод, что 1) венецианская экспедиция состоялась, 2) военные действия в широких масштабах не велись, 3) свергнуть Алексея III не удалось, 4) император принял ряд условий венецианцев и согласился возместить ущерб и расходы по снаряжению галер, в подтверждение чего передал в залог свои драгоценности венецианскому вице-байло.

Нам представляется, однако, что мы располагаем и самим текстом договора 1376 г., оформленным по традициям Византии и Трапезундской империи в виде хрисовула. Это — хрисовул, который ранее относили к 1391 или 1395 гг. Документ дошел в переводе на диалекто, без вступительной и заключительной частей (протокола и эсхатокола), без *prooimion* и *narratio*, в составе VIII книги фонда I Libri Commem. (VIII, 419). В тексте дата отсутствует. Издавая регесты этого фонда, Р. Пределли отнес документ к 1395 г. (со знаком вопроса)³⁶. Затем, публикуя документ целиком, он датировал его 11 апреля 1391 г., сославшись на работу К. Марина, ранее издававшего выдержки из хрисовула³⁷. При этом Пределли не упоминает о том, что в самом кодексе содержится дата, как утверждал в свое время Марин³⁸. С тех пор хрисовул в научной литературе датируют 1391 г.³⁹

С 1389 по 1395 г. регулярная навигация венецианских судов в Трапезунд отсутствовала⁴⁰. Хрисовул 1396 г. был издан для ее возобновления. Сомнительно, чтобы в 1391 г., когда прямые связи с Венецией были прерваны и посольство в Трапезунд не направлялось, был издан хрисовул, содержащий самые крупные уступки во взимании коммерция за весь период XIV—XV вв. Еще удивительнее тот факт, что Венеция никак не откликнулась на столь выгодные пожалования, а через пять лет стала добиваться для возобновления навигации того, что уже получила. Возникает также вопрос: почему при одном и том же императоре Мануиле III (1390—1416) в нарушение обычной практики спустя всего пять лет после

³³ Jorga N. La politique. . . , p. 300.

³⁴ Jorga N. Venetia. . . , p. 1063.

³⁵ Ibid., p. 1059, cp. 1061; Reg. Sen., N 576, p. 143.

³⁶ Predelli R. I Libri Commemorativi della Repubblica di Venezia. Regesti, vol. 3. Venezia, 1884, N 419, p. 226.

³⁷ Dipl. Ven.—Lev., vol. 2, p. 229—230, N 136.

³⁸ Marin C. A. Storia civile e politica del commercio de' Veneziani, vol. 6. In Vinegia, 1800, p. 275: «. . . nel 1391, a 11 Aprile che si legge nel volume VIII Commem.»

³⁹ См., например: Heyd W. Op. cit., vol. 2, p. 361—362; Silberschmidt M. Op. cit., S. 142; Miller W. Op. cit., p. 68, 77; Bryer A. Op. cit., p. 15, 21.

⁴⁰ Reg. Sen., N 818, 840; cp. N 910.

предшествующего пожалования был издан новый хрисовул, повторявший все условия последнего документа без каких-либо существенных изменений?

Обратимся к заглавиям, которые предпосланы в кодексе хрисовулам — так называемому хрисовулу 1391 г. и документу 1396 г. В первом случае значится: «*Pactum Trapesunde. — Exemplo de parte de uno Crusouuolo, lo qual lasa li nobeli homini misier Marco Zustignan, capitano general e misier Piero Corner, e missier Marin Memo, provededori al viazo di Trape-sunda*»⁴¹. Во втором: «*Copia crisobolli obtenti a domino imperatore Trape-sunde. . . per nobilem virum Jacobum Gussoni, honorabilem ambassiatorem et baiulum Trapesunde pro franchisiis nostrorum. . .*»⁴² Различия существенны. В первом хрисовуле речь идет о договоре сторон (*pactum*), во втором — о воитировании привилегий в виде императорской милости. Хрисовул предоставлялся почетному посольству и, как следует далее из текста документа, в ответ на просьбу дожа. В заглавии, предпосланном первому хрисовулу, названы имена Генерального капитана Моря Марко Джустиниана и двух провведиторов Пьетро Корнера и Марино Мемо — трех руководителей похода 1376 г. Один из провведиторов, Пьетро Корнер, скончался между 1384 и 1388 гг.⁴³, т. е. до предполагаемой ранее даты составления хрисовула. Имеется и еще одно существенное основание для отнесения этого документа к 1376 г.: хрисовулом полностью удовлетворялось требование Сената, сформулированное в решении от 12 марта 1376 г., — снижение коммеркиев вдвое⁴⁴ (или с 4 до 2 процентов⁴⁵). Для сравнения величин коммеркиев обратимся к таблице, основанной на данных хрисовулов 1367, 1376 и 1396 гг.⁴⁶

Годы	I						II		
	Ввозная пошлина	Налог с оборота (%)					Ввозная пошлина	Налог с оборота (%)	
		1	2	3	4	5		6	7
1367	20 A	2,5	4	2,5	0	1,5	12 A	1	1
1376	20 A	1,25	2	1,25	0	0,75	12 A	0,5	0,5
1396	20 A	1,25	2	1,25	0	0,75	12 A	0,5	0,5

Таблица коммеркиев показывает снижение налогов вдвое в хрисовуле, который мы относим к 1376 г., и неизменность налогов с 1376 по 1396 гг. Редукция коммеркиев явилась главным условием примирения сторон

⁴¹ Dipl. Ven.-Lev., t. 2, p. 229.

⁴² Ibid., p. 250.

⁴³ Reg. Sen., № 744 (12 декабря 1388); ср. № 686 (20 декабря 1384). См. также Reg. Sen., vol. 2, Paris, 1959, N 1011.

⁴⁴ Jorga N. Venetia. . . , p. 1061.

⁴⁵ Ibid., p. 1059, 1060. В этом случае речь шла об основном налоге — с оборота, когда продаваемые товары подлежали взвешиванию. См. таблицу.

⁴⁶ Вопрос о коммеркиях и их эволюции во всем объеме будет рассмотрен в подготовленной нами монографии «Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв.». Таблица коммеркиев имеется также в работе: Bryer A. Op. cit., p. 19—21. Мы предлагаем несколько иную классификацию коммеркиев. В таблице приняты следующие обозначения: I — налоги с товаров, привозимых «с моря» в империю; II — налоги с товаров, привозимых «с суши» по караванным путям. Ввозная пошлина взималась в основной трапезундской монете — серебряных аспрах (A) по 20 или 12 A за тюк товаров; налог с оборота — в процентах от стоимости товара. 1 — налог при совершении торговой сделки «латинянина с нелатинянином», если товар не взвешивался; 2 — то же, при взвешивании товара; 3 — налог при сделке между «латинянами», если товар взвешивался; 4 — то же, без взвешивания; 5 — налог, уплачиваемый при покупке венецианцами товаров в Трапезунде у местных и восточных купцов; 6 — налог при продаже «латинянами» привезенных ими восточ-

в 1376 г. Это была самая крупная уступка за весь период правления Великих Комнинов. Именно поэтому Республика св. Марка не стала настаивать на завершении всех выплат и простила Алексею III часть репараций.

Экспедиция 1376 г. увенчалась для Венеции значительным успехом. Вместе с тем и Трапезундская империя смогла избежать неминуемого в тех условиях поражения от превосходящих сил противника. Трудность совершения нового династического переворота показала, что последствия феодальной анархии середины XIV в. были ликвидированы.

Венеция пошла на быстрый и выгодный мир, учитывая нарастание угрозы со стороны своей лигурийской соперницы. Одновременно с решением от 26 июля 1376 г., утвердившим мирный договор с Трапезундской империей, Сенат рассматривал вопрос о маневрах генуэзского флота в районах Романии⁴⁷. Нападения генуэзских галер на венецианские суда имели место во всем Восточном Средиземноморье. Капитан венецианских «галер Моря» получил от Сената приказ сопровождать все венецианские торговые суда до Негропонта и даже до Константинополя⁴⁸. Разразившаяся Кьоджская война (1376—1381), а затем сокращение объема восточной торговли через Трапезунд помешали венецианцам воспользоваться плодами одержанной ими победы до конца XIV в., когда Мануил III хрисовулом 1396 г. подтвердил благоприятные условия деятельности венецианской фактории на Понте. XV веку было суждено увидеть последний расцвет предпринимательской деятельности итальянских республик в Трапезундской империи на основе пожалований 1376—1396 гг.

ных товаров; 7 — налог при продаже и покупке драгоценных тканей (даже если оба контрагента — «латиняне»).

⁴⁷ Jorga N. *Venetia*. . . , p. 1063.

⁴⁸ Reg. Sen., N 581.

Б. Л. ФОНКИЧ

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЧЕРКОВ ПИСЦОВ
ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ И ДОКУМЕНТОВ

Отождествление по почерку писцов греческих рукописных книг уже давно стало одним из важнейших методов работы кодикологов, изучающих манускрипты IX—XVIII вв.¹ Оно позволяет преодолевать скудость сведений сравнительно немногочисленных колофонов греческих кодексов и получать необходимые для «оживления» рукописей данные относительно их датировки и локализации. Оставляя в стороне вопрос о методике отождествления, о трудностях, подчас серьезных, как самой идентификации книжных почерков, так и убедительного для других специалистов изложения ее хода и результатов², мы хотим подчеркнуть лишь необыкновенную результативность, эффективность этого метода исследования рукописей.

Как правило, определение имени писца путем почерковедческого анализа происходит в итоге сопоставления почерков книг. Нам представляется, что возможности такого рода работы могут быть значительно расширены за счет привлечения для исследования почерков греческих документов. Идея эта не нова: как кодикологи при решении вопросов о происхождении рукописей прибегают иногда к сравнению их почерков с почерками

¹ Работа по идентификации книжных почерков систематически ведется пока только на материале греческих минускульных рукописей; это не значит, однако, что и унциальные рукописи, несмотря на относительно малое количество дошедших до нас образцов унциала и осложняющую исследование специфику унциала как книжного письма по сравнению с минускулом, не могут быть привлечены для такого анализа. См., например: *Milne H. J. M. and Skeat T. C. Scribes and correctors of the Codex Sinaiticus*. London, 1938. В славяно-русской палеографии известны примеры почерковедческого исследования рукописей, переписанных однотипным византийскому унциалу кирилловским уставом. См. *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина, ч. III, дополнительная. — «Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 30. М., 1968, с. 150. См. также статьи М. В. Щепкиной, Н. Н. Розова и Л. П. Жуковской в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974.

² Из исследований, в которых обсуждаются вопросы методики отождествления писцов по почерку и доказательства идентификации, назовем лишь следующие: *Canart P.* Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546—1570). Essai d'étude codicologique. — «Mélanges Eugène Tisserant», vol. VI («Studi e Testi», 236). Biblioteca Vaticana, 1964; *idem.* Identification et différenciation de mains à l'époque de la Renaissance. — «Colloque de Paléographie grecque et byzantine. Paris, 21—25 octobre 1974». Paris, 1977; см. также: *Kresten O.* Statistische Methoden der Kodikologie bei der Datierung von griechischen Handschriften der Spätrenaissance. — «Römische Historische Mitteilungen», 14. Heft, 1972, S. 23—63. Необходимо также учесть посвященные указанному вопросам работы Н. В. Синицыной, которые основаны на анализе русских рукописей XV—XVI вв. См. *Синицына Н. В.* Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 89—113; она же. Максим Грек в России. М., 1977, с. 12—43.

документов³, так в свою очередь и дипломатисты, датируя некоторые документы, опираются на палеографические приметы рукописных книг⁴. Однако такие сопоставления делаются лишь от случая к случаю — изучению почерков книг и документов как единой стихии, по-видимому, пренебрегает давно сложившееся деление наук, исследующих рукописный материал, на кодикологию и дипломатику. Между тем работа по идентификации книгописцев по почерку требует не эпизодического, а *систематического* привлечения для анализа документального материала.

На первый взгляд, такое требование может показаться чрезмерным: достаточно даже небольшого знакомства с письмом средневековых греческих книг и документов, чтобы констатировать разнохарактерность, разнотильность книжных и документальных почерков, а отсюда прийти к заключению о невозможности систематического сравнения этих двух почерковых массивов. Такой вывод, однако, был бы ошибочным. Изучение почерков греческих документов IX—XVIII вв. приводит к наблюдению, что лишь сравнительно небольшое число документов канцелярии византийских императоров писано особым, «дипломатическим» письмом, созданным, несомненно, в недрах этой канцелярии и просуществовавшим в разных вариантах несколько столетий⁵. Почерки же основной массы документов, принадлежащие нотариам как императорской канцелярии (начиная примерно с конца XII в.), так и канцелярий четырех восточных патриархатов, а также многочисленных провинциальных учреждений и епархий византийского и послевизантийского периодов истории Греции, практически ничем не отличаются от современных им книжных почерков. Это наблюдение подтверждается как сведениями колофонов греческих рукописей о том, что нотариы занимались и книгописанием⁶, так и уже установленными фактами принадлежности руке одного и того же писца и книг, и документов.

Сопоставительное изучение почерков греческих рукописей и документов приводит к результатам, одинаково важным как для исследования судьбы книг, так и для выяснения жизни документов. Причина этого кроется в характере сведений, которые заключают в себе два названных вида материалов: первые могут сообщить имя переписчика и заказчика, дату и место написания, вторые в подавляющем своем большинстве имеют точную дату и либо содержат прямые указания на место издания, либо могут быть локализованы иным путем. Для уяснения возможностей сравнительного исследования почерков греческих рукописных книг и документов обратимся к конкретным примерам.

1. *Идентификация почерка писца рукописной книги, не имеющей колофона, и писца документа.*

1. Список *Notitiae episcopatum* ГПБ, греч. № 716, являющийся фрагментом большой рукописи и состоящий сейчас из 6 лл., благодаря отождествлению его писца с писцом грамот 1579 г. Константинопольского патриарха Иеремии II, может быть не только отнесен ко второй половине XVI в. (до 1589 г.), но и локализован: он создан в канцелярии вселенского патриарха⁷.

³ См., например: Wilson N. *Mediaeval Greek Bookhands. Examples selected from Greek Manuscripts in Oxford Libraries.* Cambridge, Massachusetts, 1973, Text, p. 25; *idem.* Three Byzantine Scribes. III. The Autographs of Eustathius. — GRBS, vol. 14, 1973, N 2, p. 228.

⁴ См., например: Dölger F. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges.* München, 1948, палеографическое описание документов.

⁵ О почерках документов канцелярии византийских императоров см. Dölger F. und Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt. Die Kaiserurkunden.* München, 1968, S. 31—34.

⁶ См. Vogel M. und Gardthausen V. *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance.* Leipzig, 1909, S. 28—29, 48, 54—56, 59, 77, 100—101, 113, 131, 133, 140.

⁷ См. наши «Заметки о греческих рукописях советских хранилищ». — ВВ, 36, 1975, с. 135.

2. Рукописный сборник БАН, Q № 14 был переписан несколькими писцами. Почерки двух из них отождествляются с почерками писцов Константинопольских патриархов Митрофана III и Иеремии II, что дает возможность датировать рукопись последней четвертью XVI в. и причислить ее к книгам, возникшим в среде константинопольских патриарших писцов. Более того, привлеченные для анализа документы позволяют утверждать, что один из этих писцов в июле 1588 г. приезжал в свите Иеремии II в Москву, в январе 1589 г. принимал участие в поставлении первого русского патриарха и в мае того же года покинул Россию⁸.

3. Ленинградский список Хроники Михаила Глики (БАН, Q № 7) переписан той же рукой, что и лл. 1—8 об., 45 об.—126 хранящейся в Киеве рукописи ЦНБАН УССР, Да 411. Этот почерк, а также почерк работавшего одновременно с первым второго писца (лл. 9—45) киевской рукописи (этот последний — особенно), чрезвычайно близки к почерку грамоты Константинопольского патриарха Иеремии II Львовскому братству от 17 мая 1591 г. (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 144). Эти сопоставления делают возможным отнесение ленинградского и киевского манускриптов к числу рукописей, вышедших из круга писцов канцелярии вселенского патриарха на рубеже XVI—XVII вв.⁹

4. Писец бухарестского списка 1644 г. «Введения в логику» Феофила Коридалевса (Библиотека Академии наук Румынии, № 626/562) легко идентифицируется по почерку с писцом грамот Константинопольских патриархов, написанных между 1626—1668 гг. Таким образом, бухарестский список появился в Константинополе; можно предположить, что его писец был одним из учеников Феофила Коридалевса, который в 1625—1628 и 1636—1640 гг. возглавлял Патриаршую академию¹⁰.

5. В 1692 г. в Москву был доставлен огромный свод антилатинских полемических сочинений — ГИМ, № 250. Если редакторская правка его текста и ряд заметок на полях приписываются Иерусалимскому патриарху Досифею и его помощнику архимандриту Хрисанфу на основании сравнения с такого же рода материалами в других рукописных книгах, то локализация рукописи, установление места ее создания проведено путем отождествления почерков трех ее писцов с почерками грамот Досифея 1689—1693 гг.¹¹

Таким образом, сопоставительный почерковедческий анализ греческих книг и документов позволяет не только уточнить датировку рукописи (это особенно существенно для рукописей пергаменных и тех манускриптов на бумаге, определение даты которых по филиграммам оказывается по разным причинам невозможным), но и установить место ее появления на свет, среду, в которой она была создана, а иногда даже получить дополнительные данные для биографии переписчиков книг и документов. При этом возможность с помощью документов локализовать кодексы представляется наиболее привлекательной, так как локальные признаки письма подавляющего большинства греческих рукописных книг далеко не всегда могут быть выявлены путем палеографического анализа одних лишь рукописей — либо в силу того, что эти признаки слабо выражены или вовсе отсутствуют в книжном письме определенных областей в тот или иной период, либо потому, что они еще не изучены и не могут быть использованы в практической работе с манускриптами.

Приведенные выше примеры содержат наблюдения только над почерками послевизантийского периода, и это можно объяснить как причиной

⁸ См. наши рецензии на книгу М. Мануссакаса (ВВ, 36, 1975, с. 195, 197) и на каталог греческих рукописей БАН И. Н. Лебедевой (ВВ, 38, 1977, с. 219).

⁹ Доказательство приводимых здесь идентификаций мы надеемся опубликовать в ближайшее время.

¹⁰ *Фонкич Б. Л.* О писце рукописи 1644 г., содержащей «Введение в логику» Феофила Коридалевса. — RESEE, XII, 1974, № 3, p. 402.

¹¹ См. нашу работу «Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве». — ВВ, XXIX, 1969, с. 280—281.

объективной — значительно лучшей сохранностью рукописей и документов второй половины XV—XVIII в. по сравнению с материалами времени существования Византийской империи, — так и причиной «субъективной» — наличием в советских хранилищах исключительно богатых фондов греческих документов XVI—XVIII вв. Однако это не означает, что подобного рода работу нельзя проводить с памятниками более раннего времени. Нам представляется, например, вполне реальным определение в будущем кодексов, переписанных Афанасием Афонским и Евфимием Ивиром, — основой идентификации должны послужить имеющиеся в документах их подписи¹². Этот материал, быть может, не столь значителен, как того хотелось бы для получения бесспорного вывода, но, исследованный в совокупности с другими фактами, касающимися соответствующих рукописных книг, он может привести к важным находкам.

II. *Сопоставление почерков известных нам книгописцев с почерками переписчиков документов* позволяет определить либо имя писца, либо происхождение документа.

Мы почти не знаем имен переписчиков дошедших до нас греческих документов — в редчайших случаях имя писца может быть указано в самом документе¹³, иногда оно выявляется по почерку при сличении письма самого документа и находящихся в нем подписей¹⁴. Отождествление документальных и книжных почерков — еще один, быть может, наиболее продуктивный, способ определения имен нотариев. В качестве примера укажем на почерк иерусалимского кодекса *Παναγίου Τάφου* 524, переписанного архидиаконом Александрии Максимом: той же рукой писан текст четырех грамот Мелетия Пигаса¹⁵.

Сопоставительное изучение почерков писцов греческих книг и документов как прием палеографического и кодикологического исследования требует еще большей осторожности почерковедческого анализа, чем сравнение только книжных или только документальных почерков: к обычным трудностям идентификационной работы здесь добавляется разнохарактерность копируемого материала, которая может послужить причиной некоторой вариативности почерка (изменение темпа письма, наклона, даже отдельных соединений и элементов букв, увеличение или уменьшение количества сокращений и т. п.), а следовательно, и повлиять на восприятие этого почерка исследователем. Однако описанный прием значительно расширяет возможности изучения греческих рукописных книг и документов и может дать интересные результаты.

¹² О возможности определения книг, переписанных Афанасием Афонским, говорит Д. Папахрисанфу. См. *Ραπαχρυσσανθου D. Actes du Prôtaton*. Paris, 1975, p. 74. О почерке Евфимия см. *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, с. 53.

¹³ См., например: *Μανουσάκας Μ.* 'Ανέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετίᾳ μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὁρθόδοξον ἐλληνικὴν Ἀδελφότητα. Βενετία, 1968, πίν. 8.

¹⁴ *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Указ. соч., с. 36; *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты советских хранилищ. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 251.

¹⁵ См. нашу рецензию на книгу М. Манусасака (ВВ, 36, 1975, с. 197).

И. П. МЕДВЕДЕВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГРЕЧЕСКИХ И ЛАТИНСКИХ РУКОПИСЯХ В НЕИЗДАННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЛЬВА АЛЛЯЦИЯ

Leo Allatius primus e tenebris eruit et notis illustravit — эта фраза, часто встречающаяся на изданиях XVII в., вполне могла бы стать эпиграфом всей жизни знаменитого эллиниста и эрудита Льва Алляция (1588—1669), да и не только его. Ведь время Алляция — это время складывания крупных рукописных коллекций, время массового изучения и издания средствами печатной техники античных и средневековых греческих текстов. Вот почему для истории греческой филологии имеет немаловажное значение та информация о новонайденных или изучаемых греческих и латинских рукописях, которой столь щедро обменивались в своей переписке Алляций и его собратья-эрудиты сеиченто, осознававшие себя членами *universae litteratorum cohortis* (выражение одного из корреспондентов Алляция).

На страницах «Византийского временника» мы уже упоминали о том, что в западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР хранятся личные бумаги Льва Алляция, составлявшие в свое время часть более обширного алляциевского фонда (*carte Allacciane*) в римской *Biblioteca Vallicelliana* и приобретенные позднее академиком Н. П. Лихачевым¹. Основу фонда как раз и составляет обширная корреспонденция Алляция, включающая черновики и копии писем самого Алляция, но особенно — подлинные письма его многочисленных корреспондентов из различных городов Италии и других европейских стран. Среди них в первую очередь следует отметить знаменитых французских эллинистов, известных своими многочисленными изданиями и латинскими переводами греческих античных и средневековых авторов: Жака Гоара (10 ед. хр.), Франциска Комбефиса (7 ед. хр.), библиотекаря кардиналов Ришелье и Мазарини Габриэля Ноде (4 ед. хр.), австрийских эрудитов Рейнольда Дена (3 ед. хр.), Симона Вангнерекка (3 ед. хр.), Юлиуса Бартольда Нихузия (5 ед. хр.), итальянцев Джованни Роджо (10 ед. хр.), Анжелико Апрозио (1 ед. хр.), кардинала Франческо Барберини (3 ед. хр.), Джованни Арголи (4 ед. хр.), Джироламо Барди (1 ед. хр.), Филиберто делла Маре (4 ед. хр.), Джулио Сакетти (1 ед. хр.), соотечественника Алляция Иоанна Коттуния (7 ед. хр.) и т. д. Все эти письма-автографы, отличаясь богатством содержания, дают прекрасную картину эрудитских штудий в Западной Европе в XVII в. и в этом смысле чрезвычайно интересны для истории науки, для истории греческой филологии в частности. Очень интересна в этом фонде информация о рукописях, которой обмениваются авторы писем. О каких же рукописях идет речь?²

¹ Медведев И. П. Лев Алляций о византийских хронографах. — ВВ, 37, 1976, с. 130—139 (здесь же см. литературу об Алляции и издание двух его итальянских писем о рукописях византийских хронографов).

² Шифры писем даются в тексте статьи, причем первая цифра дроби означает номер единицы хранения, а вторая — номер картона. Не располагая в полной мере справочной литературой о рукописных фондах, мы не могли ставить перед собой цель выяснить нынешнее состояние упоминаемых рукописей.

В письме Джованни Родियो из Падуи от 25 июля 1642 г. (33/3) говорится о принадлежащей автору письма греческой рукописи Гиппократов. Родियो хочет знать, все ли греческие рукописи Гиппократов в афоризме I.4 (?) имеют фразу *ἄρχις ἐπτα μηνῶν*. В его рукописи недостает *ἄρχις* (*mancando in mio scritto ἄρχις*). Затем он говорит, что, по его сведениям, в *libraria Palatina* находится рукопись Цельса (имеется в виду, очевидно, рукопись с сочинением Корнелия Цельса *De medicina*. — И. М.³), но он не уверен, так ли это. По мнению Родियो, никто лучше Алляция не сможет разъяснить это. Он пишет также, что просил монсеньора Томазини помочь ему выявить разночтения (*farmi cavare l'emendationi*), содержащиеся в цельсовской рукописи Карло Морозини и о которых ему сообщил Ноде (*avennatemi dal G. Naudeo*); Томазини обещал это.

В письме из Падуи от 8 апреля 1644 г. (35/4) тот же Родियो сообщает, что видный поэт (*poeta di consideratione*) Захария Лунд (*Zaccharia Lund*) купил во Франции прекрасно написанную рукопись сочинения Пселла о медицине (*un compendio di Medicina di Psello bene scritto*). Наконец, еще в одном письме от 28 февраля 1654 г. (39/3) Родियो пишет, что в купленной им в Венеции рукописи с сочинением Галена о медицинском искусстве имеются разночтения с альдовским и базельским изданиями, причем в рукописи есть не только слова, но и целые предложения, отсутствующие в известном тексте (*non solo parole, ma sentenze mancanti nelle volgare*). Родियो хочет знать, есть ли еще в какой-нибудь греческой рукописи аналогичные разночтения, а для сличения с его экземпляром он просит Алляцию списать это сочинение Галена с какой-нибудь греческой рукописи, как это уже однажды было им проделано в отношении сочинения Пселла *De Alimentis* (. . . *Se ancora costi, per lo confronto col mio farei copiare il libretto da qualche Greco, al modo che gia fui da VS favorito col Psello de Alimentis pure coll' emendationi di Lei all' istanza del S. Giovanni van der Linden ora Lettore Medico in Leida, chi al suo tempo ne farà dovuta menzione*).

Петро Поссино в письме от 12 апреля 1662 г. (79/4) благодарит Алляцию за «квинтерн» Никифора Григоры (*quinterno del Nicephoro Gregora*) и просит сообщить, что еще осталось от этого автора. В записке (*Memo-giale*) к Фердинандо Уголли (34/4, не датировано) Алляция сообщает, что в библиотеке (Луки) Голстения имеется греческая рукопись «Христианской топографии» Космы Индикоплова, автора, известного другими своими сочинениями. Рукопись (*in piu libri*) сравнивается с римской рукописью этого сочинения в восьми книгах, которая, правда, во многих местах испорчена (*Dal Signore Holstenio hò inteso che nella Biblioteca di cotesti Signori vi sia un Autore da Christiana topografia in greco in piu libri. Li primi otto s'hanno ancora / . . . / in Roma, se bene in molti luoghi mutili, e tutto che essi due dopo le parole lo esprime figurato con colori. Si desidera V. P. si compiace di vedere detto libro, et esaminare l'ultimi libri, se ci è scritto nome d'Autore o nel principio o nel fine, con qualche / . . . / del principio di otti. Diceva il Signore Holstenio, che in questi ultimi libri si nominava un tale Cosma Indicopleusto, noto per altre sue opere, ma di questa non se ne hà nissuna notitia, La prego quanto posso per la diligentia. La quale non riuscirà difficile per essere in Creta che le lettere Greche non sono pelleg-rine*)⁴.

Филиберто делла Маре в письме к Алляцию от 7 декабря 1643 г. (62/3) пишет, что он потребовал от своего подопечного Джованни Баттиста Лантино во время его пребывания в Риме позаботиться о том, чтобы описать

³ Литературу о Цельсе и рукописях с его сочинением см. в последней по времени работе: *Rizzo S.* Due capitoli di Celso recentemente scoperti. — «*Rivista di filologia e di istruzione classica*», vol. 104, fasc. 1, 1976, p. 117—120.

⁴ В списке завещанных Голстением рукописей, опубликованном Омоном, греческой рукописи «Христианской топографии» не значится; см. *Omont H.* Les manuscrits de Pacius chez Peiresc et Holstenius. — «*Annales du Midi*», t. III, 1891, p. 22—24.

трактат Франческо Петрарки «О званиях и должностях римского народа», который, как он слышал, имеется в Ватиканской библиотеке [. . . petii ab eo, ut dum Romae moraretur, Francisci Petrarchae Epilogum de dignitatibus et officiis Populi Romani quem audio extare m. s. in Bibliotheca Vaticana codice 1541 in pergameno in 4° nec dum fuisse editum describi curare in meos usus (incipit autem, Senatus, nomen, actas dedit)]. В другом своем письме от 1 ноября 1641 г. (60/3) тот же делла Маре извещает Алляция о получении греческого комментария Леонардо Аретино о Флорентийской республике (Leonardi Aretini Commentarium graecum M. SS. de Republica florentina, quem ex sententia Raphaelis Volaterani, et ab eo Gerardi Ioannis Vossi non abmodum inelegantem nactus legi, perlegi), сопроводив это свое извещение любопытными соображениями по поводу Леонардо, «этруска по национальности» (Leonardus homo etruscus gentis suae)⁵.

Франциск Комбефис в одном из писем к Алляции (21/4, без даты) уведомляет о получении «в высшей степени аккуратно списанного Жития св. Никифора» и говорит о других сочинениях Никифора, которые, помимо Королевской библиотеки, имеются еще и в Риме и которые Алляцию предстояло переслать Комбефису через прокуратора кардинала Мазарини, т. е. Габриэля Ноде, а Комбефис должен был организовать их переписывание на средства кардинала Мазарини. Так как последний являлся хозяином рукописей, в которых и содержалось указанное сочинение, есть намерение и сами переписанные кодексы подарить или продать ему (ipsos libros vel dare vel vendere praefato E. Cardinali)⁶. Письмо заканчивается подробным описанием состава греческой пергаменной рукописи из Королевской библиотеки, содержащей ἀντίρρητικὰ Никифора (даются проοίμιον, начальные и конечные фразы отдельных разделов сочинения с указанием листов).

В другом своем письме от января 1652 г. (19/4) Комбефис приводит целый каталог рукописей Королевской библиотеки, в составе которых встречаются сочинения авторов, носивших имя Никита (несомненно, для работы Алляция «О Никитах»)⁷. Отмечены и описаны следующие codices regii: cod. 404 (Ingens quaedam chirurgicorum collectio ex diversis antiquis medicis, spisso admodum volumine, quo vix spissius aliud extat in Regia Bibliotheca, дается πίναξ); cod. 296 (Nicaetae Historia hoc titulo: Τοῦ μεγάλου λογοθέτου καὶ ἐπὶ τῶν κρίσεων γενικοῦ καὶ ἐφόρου χορίου Νικήτα τοῦ Χωνιάτου, χρονικὴ διήγησις ἀρχομένη ἀπὸ τῆς βασιλείας τοῦ Κορνήλιου κυρίου Ἰωάννου, приводятся начало и конец); cod. 1353 (Νικήτα μητροπολίτου Ἰρακλείας ἐξήγησις εἰς τὸν Θεολόγον, дается πίναξ и отмечается, что extat idem opus et in aliis codicibus); cod. 912 (quo habetur collectio Blastaris, ad finem illius Νικήτα τοῦ μακαριωτάτου μητροπολίτου Ἰρακλείας ἀποκρίσεις πρὸς τινὰ Κωνσταντῖνον ἐπίσκοπον περὶ ὧν ἠρώτησε, указаны начало и конец); cod. 594 (extat epistola unica, nec admodum longa, hoc titulo: Τοῦ κυρίου Νικήτα τοῦ εὐγενῆς, дается начало и отмечается наличие 16 писем); cod. 944 (Νικήτα μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς μονῆς τοῦ Στουδίου τοῦ Στηθίου φυσικὰ καὶ γωμικὰ κεφάλαια, διηρημένα εἰς τρεῖς ἑκατοντάδας).

С аналогичными целями Комбефис сообщает Алляцию в другом своем письме (22/4, без даты) подробные сведения о греческих рукописях Королевской библиотеки, в составе которых имеются сочинения авторов, носящих имя Феодор (для работы Алляция «О Феодорах»). Отмечены следующие codices regii: cod. 295 (Epist. Θεόδωρος Δημητρίφ, даются начало и

⁵ Речь идет, несомненно, о сочинении Леонардо Бруни *Περὶ τῆς τῶν φλωρεντίνων Πολιτείας*.

⁶ Обиблиотеке кардинала Мазарини и роли Габриэля Ноде в ее комплектовании см. *Piquard M. La bibliothèque de Mazarin et la bibliothèque Mazarine, 1643—1804. — «Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1975, Janvier—Mars, p. 125—136.*

⁷ *Allatius Leo. Tres grandes dissertaciones de Nicetis, de Philonibus et de Theodoris. — In: Mai A. Novae Patrum Bibliothecae vol. VI, 2. Romae, 1853, p. 1—202.*

конец); cod. 247 (Catena in Ioannem Ammonii, Cyrilli, Procli, Theodori, Iulii Rom. etc.); cod. 237 (Catena in Matth. ex Origene, Chrysost., Eusebio etc. . . Codex antiquissimus); cod. 209 (Catena in psalmos ex Aretha, Athanasio, Basilio Magno, Cyrillo, Didymo, Eulogio et Theodori); cod. 2023 (Θεοδώρου περί Ἰουδαίων); cod. 1610 (Disputatio abbatis Theodori genere graeci, arte philosophi, cum Ioanne viro eruditissimo... etc.); cod. 1934 (Catena in Esaia ex Apolinario, Eusebio Caesar. etc. Theodoro Heracl.); cod. 274 (Θεοδώρου ἐπισκόπου Ἰκονίου ἐπιστολὴ δηλοῦσα τὸ μαρτύριον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Κηρύχου... , даются начало и другие пояснения); cod. 396 (Νεαρὰ νομοθεσία Ῥωμανοῦ βασιλέως τοῦ νέου, ἥτοι λόσις ἀναφορᾶς θεματικοῦ χριτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Θεόδωρος Μάγιστρος ὁ Δεκαπολίτης. Incip. Ἡ ἀναφορά σου κελεύσει βασιλικὴ ἡγιασμένη); cod. 800 (Θεοδώρου Μετοχίτου διάφορα nimirum poemata 20 sat- tis spissa heroicis omnia versibus)⁸; cod. 912 (Marci Patriarchae Alexandrini quaestio et Theodori Patriarchae CP. responsa... In eodem cod. δοῦαι αἰρε- σιαρχῶν cum inscriptione in summa pagina Θεοδώρου Σκυθουπολίτου antiqua manu, приводится начало текстов); cod. 330 (Theodori Gazae Grammatica Graeca).

Важные сведения о венских рукописях с сочинениями Феодора Метохита содержатся в письме Рейнольда Дена Алляцию из Вены от 17 июля 1640 г. (98/4). Он сообщает о наличии у него 18 речей Метохита, собственноручно списанных им с пергаменного кодекса, привезенного в свое время Авгерием Бузбекским из Византии и подаренного Императорской библиотеке⁹. Речь, разумеется, идет о нынешнем знаменитом «корпусе» (единственной рукописи, содержащей все известные речи Метохита) — cod. Vindobonensis Phil. Gr. 95 (XIV в.), описание которого Хунгером почти дословно совпадает с описанием Дена¹⁰. Что касается копии, изготовленной Деном, то судьба ее до сих пор остается неизвестной¹¹.

Далее, на обрывке какого-то письма (46/4) среди помет Алляция о разных сочинениях упоминается речь Пселла εἰς τὴν σταύρωσιν τοῦ χ(υ)ρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, которую Алляция прочитал в одном «довольно древнем кодексе» (legi ipse in codice satis antiquo). На другом клочке бумаги (47/4) он приводит описание древней пергаменной рукописи с сочинением Евгессиппа De distantiis locorum terrae sanctae. (Eugessippum de distantiis locorum terrae sanctae ex Barberinae Bibliothecae antiquis membranis humanitate, quam ubique et semper facillimam sum expertus, Caroli [Ma?] roni, descriptus est, ut habebatur corruptissime. Multa poterant ex ingeniis corrigi, immuterine, non sum tamen id ausus absque alterius codicis ope, qui cum modo non suppetat, habeo tibi, uti est. Erroribus non nemo, aget id sedulo, ut meliorem codicem integrioremque siculi cum tineis abluctetur, in lucem efferat.) В письме к Алляцию из Майнца от 15 февраля 1656 г. (58/3) Генрих Юлиус Блюме сообщает, как он из покрытой толстым слоем пыли кучи рукописей в Вормсе извлек codicem melioris notae,

⁸ Несомненно, это нынешний Cod. Paris. gr. 1776—пергаменная рукопись с 20 поэмами Феодора Метохита (XIV в.); см. *Sevčenko I.* Observations sur les recueils des Discours et des Poèmes de Th. Metochite et sur la bibliothèque de Chora à Constantinople. — «Scriptorium», vol. V, 1951, fasc. 2, p. 279.

⁹ Письмо опубликовано в кн.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм (XIV—XV вв.). Л., 1976, с. 242.

¹⁰ *Hunger H.* Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek, I. Wien, 1961, S. 202—204.

¹¹ В венской Национальной библиотеке есть фрагмент речи Метохита к св. Димитрию (cod. Vind. suppl. gr. 103), который, по мнению Хунгера, является копией с Vind. phil. gr. 95, лл. 59—65 (см. *Hunger H.* Katalog der griechischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek Supplementum graecum. Wien, 1957, S. 70. Кроме того, Logos 12 (Εἰς τὸν νέον μάρτυρα Μιχαήλ) содержится в Bruxell. gr. 18906—12, лл. 48—34, которая является также списком XVII в. с Vind. phil. gr. 95; ср. *Sevčenko I.* Op. cit., p. 279). Но являются ли эти копии фрагментами рукописи Рейнольда Дена, сказать не можем, не имея возможности ознакомиться с почерком писца.

которому автор предпослал заглавие: *Anshelmi Havellergensis Episcopi anticimenon, sive contrapositionum liber*. Разумеется, речь идет о сочинении Ансельма Хавельбергского (ум. в 1158 г.) «Антикименон» (полное заглавие: *Anticimenon id est librum contrapositionum sub dialogo conscriptum ad venerabilem patrem Eugenium*), написанном в 1149/1150 г. и состоящем из трех книг, две из которых рассказывают в диалогической форме о богословском диспуте Ансельма с архиепископом Никитой Никомедийским, состоявшемся в 1136 г. в Константинополе¹². По словам Блюме, автор сочинения был когда-то послом германского императора Лотаря (III) к византийскому императору; вернувшись он изложил то, что лично узнал у греков, в сочинении. Особенно приятным для Блюме в сочинении Ансельма оказалось то, что здесь более сдержанно говорится о расхождении между православной и католической церквями, чем это имеет место у некоторых других католических деятелей (*Tum etiam eo mihi gratius fuit hoc Anshelmi scriptum, quo moderatius de Graecorum a latina Ecclesia dissidentibus sententiis loquitur, praeter aliorum latinorum morem, quorum lucubrationes adversus Graecos supersunt*). Блюме сообщает, что намерен послать Алляцию какую-то часть предисловия и перечень глав и оставляет на его усмотрение, заслуживает ли этот «диалог» быть изданным. «Если ты сочтешь, что его следует представить почтенной публике, то я позабочусь, чтобы он появился по возможности скорее».

Очень интересно описание греческой рукописи, содержащей сочинение Досиада «*Βωρεός*» (Ага), сделанное Алляцием в письме к Габриэлю Ноде из Рима, в день св. Николая 1633 г. (83/4). Это тот самый кодекс, говорит Алляций, на основе которого данное сочинение Досиада было впервые издано Салмазием и который в свое время хранился в *Bibliotheca Heidelbergensis Palatina*, а теперь, благодаря щедрости баварского герцога и трудам Алляция вместе с остальными греческими, латинскими, еврейскими, арабскими и другими «многоязычными рукописными кодексами», подаренными Риму, хранится в самом Риме. Хотя Алляций не называет рукопись и не указывает шифра, из последующих его слов становится совершенно ясно, что речь идет о знаменитой *Anthologia Palatina* (Vat. gr. 915, XIII в.), «золотой книге», содержащей античные эпиграммы¹³. Характеризуя рукопись, Алляций высказывает любопытные соображения об этапах складывания этого корпуса эпиграмм греческих античных и средневековых поэтов. Правда, он не уверен, кто был первым составителем коллекции, но на основании изучения рукописи пришел к выводу, что им был Мелеагр Финикиец, житель палестинского города Гадары, который собрал лучшие эпиграммы из древних поэтов, назвав коллекцию «Корона» и посвятив ее Диоклу. Алляций поименно называет поэтов, включенных в эту «Корону»: Симонид, Риан, Алкей, Леонид, Анита, Миро, Сафо, Меланипп, Носсис, Геринна, Саммий, Мнасалк, Памфил, Панкрат, Симн, Никий, Евфем, Дамагет, Каллимах, Евфорий, Гегесипп, Персей, Диотим, Менеократ, Никенет, Симмий, Парфенис, Вакхилид, Анакреонт, Антемий, Архилох, Поликлет, Антипатр, Посидипп, Гедил, Сикелид, «великий Платон», Арат, Херем, Федим, Антагор, Теодорид, Фаний и сам Мелеагр.

Вторым составителем корпуса был Филипп Солунский, дополнивший «Новую Корону» эпиграммами авторов, которые, по словам Алляция, жили после Мелеагра, а именно: Антипатр, Кринагор, Антифил, Тил-

¹² В обстоятельной работе Брауна о рукописной традиции данного сочинения вормская рукопись не упоминается; см. *Braun J. W. Studien zur Überlieferungsgeschichte der Werke Anselms von Havelberg, I: Die Überlieferung des Anticimenon*. — «Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters», 28, 1972, S. 133—209.

¹³ О ней см.: *Beckby H. Anthologia Graeca, I*. München, 1957; *Erbse H., Beck H.-G., und Rüdiger H. Die Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel*. München, 1975, S. 227 f., 246, 247, 454 ff., 500, 559. Более полную и весьма обширную библиографию об этой рукописи см. *Canart P. e Peri V. Sussidi bibliografici per i manoscritti greci della Biblioteca Vaticana*. Città del Vaticano, 1970, p. 511—512.

лий, Филодем, Пармений, Антифан, Антомедон, Зона, Бианор, Антигон, Диодор, Эвен.

Третьим составителем был Агафий Схоластик, живший при Юстиниане и назвавший коллекцию «Циркуллос»; наконец, четвертым — Константин Кефала, который, правда, не добавил ничего нового, но зато проделал большую редакторскую работу, сведя весь материал воедино и разбив его на главы по темам. Кроме того, включает Алляция, хорошо известно и находится в обращении среди ученых мужей наследие Максима Плануда, которого он называет «последним мутильатором эпиграмм» (*postremus Epigrammatum mutilator*)¹⁴. Следует также отметить пометы Алляция о виденных им рукописях с сочинениями итальянских гуманистов: Solitario Филиппо Виллани, Annotationi Боккаччо, Capitoli Франко Саккетти и др. (67/4), многочисленные выписки Алляция из греческих рукописей Ватиканской библиотеки на письме одного из его корреспондентов — Агостино Фаворини от 27 августа 1663 г. (29/3). Здесь им отмечены следующие *codices Vaticani*: 1103, л. 218 (Сочинение Мануила Хрисолора об исхождении св. Духа¹⁵, даны две выписки о трактовке вопроса св. Афанасием и Агафоном); 1045, л. 156 (отмечено письмо Мануила Хрисолора к Димитрию Хрисолору и приведено начало текста); 1190, л. 184; 1245, л. 175, 679, лл. 60, 79; 866, л. 261 (Εἰς Γεώργιον τὸν μάρτυρα λόγος); 1079, л. 81 (Энкомий св. Георгию Андрея Критского), 1246, л. 81 (Σιμῶνος τοῦ μακίστου καὶ λογοθέτου); 1098, л. 59 (сочинение Григория Кипрского); 1932, л. 110 (*Dialogo contra haereses Symeona Solunского*). Но особенно интересно то, что, отметив *cod. Vat. gr. 897* (известный еврипидовский кодекс XV в.), Алляция списал с л. 9 так называемые «стихи на Зотика» и пометил: τοῦ Χορτασμένου. Действительно, эти стихи принадлежат византийскому деятелю Иоанну Хортасмену (ок. 1370—ок. 1436/1437) и его собственной рукой записаны на л. 4 рукописи *Urb. gr. 142* (аналогичный еврипидовский кодекс из библиотеки Хортасмена). Предполагается, что *Vat. gr. 897* является списком с рукописи *Urb. gr. 142*, при изготовлении которого писец (им был Феодор нотариус, очевидно, тождественный с одним из корреспондентов Хортасмена), списал и «стихи на Зотика»¹⁶.

Упомянем еще пометы Алляция (62/4) о ватиканской рукописи 1917, л. 146 (сочинение Георгия Гемиста Плифона об исхождении св. Духа) и л. 149 (сочинение Мануила ратора Великой церкви).

Франциск Комбефис в записке к секретарю своего ордена (26/3) выясняет возможность получения рукописей из Ватиканской библиотеки для копирования сочинений св. Максима с целью последующего их издания. Он жалуется на отсутствие хороших переписчиков, сведущих в греческом, но делает исключение для ватиканских писцов, которые, по его словам, особенно под руководством Алляция, вполне смогут осуществить переписывание текстов, «ничего не упустив» (*Sa Sainteté est tres humblement suppliée de permettre qu'on tire quelques livres de la Biblio-*

¹⁴ Известно, что марцианская рукопись *Anthologia Planudea* (*Marc. gr. 481*) является автографом самого Максима Плануда, но ко времени Алляция существовало уже около десятка изданий; см. *Gallavotti C. Planudea*. — In: *Bollettino del Comitato per la preparazione della Edizione nazionale dei classici greci e latini*, N. S., 7, 1959, p. 25 sq.; *Turyn A. Demetrius Triclinius and the Planudean anthology*. — *ΕΕΒΕ*, 39—40, 1972/1973, p. 403—450; *Mioni E. L'Antologia greca da Massimo Planude a Marco Musuro*. — In: *Scritti in onore di Carlo Diano*. Bologna, 1975, p. 263—309.

¹⁵ Это сочинение ошибочно приписывалось Мануилу Хрисолору, на самом деле автором трактата является Нил Кавасила; см. *Σπουδαίου Α. Είναι ὁ Μανουὴλ Χρυσολωρᾶς ὁ συγγραφεὺς τοῦ ἔργου «Κεφάλαια, ἐν καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ τὸ "Ἄγιον Πνεῦμα ἐκπορεύεται»*; — *Θρησκευματα*, 2, 1963, σ. 83—117.

¹⁶ См. об этом: *Turyn A. The byzantine manuscript tradition of the tragedies of Euripides*. Urbana, 1957, p. 194 sq., 201 sq., 389 sq.; *Hunger H. Johannes Chortasmenos* (ca. 1370—ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Wien, 1969, S. 22, 84. Более полную библиографию названных рукописей см. *Canart P. e Peri V. Op. cit.*, p. 348, 508.

theque du Vatican, pour faciliter la copie des oeuvres de S. Maxime qui restent à transcrire pour l'édition qu'il faut commencer au plutot. Il ne se trouve (так. — И. М.) qui sçachent copier le grec, sinon n'est ceux qui servent au Vatican, qui pourront en leur particulier sous les ordres du sieur Leo Allatius faire les copies, sans rien omettre de ce qu'ils sont obliges pour le Vatican. La consideration de S. Maxime qui à tant servis l'Eglise Romaine, semble exiger cete faveur: il en portera la recognoissance sur le front).

Блюме в письме из Вены от 9 сентября 1650 г. (59/3) сообщает об одной греческой рукописи, которую он обнаружил в Падуе. Рукопись принадлежала прежде Гварино и содержала речи «некоего Велизария, греческого монаха». Блюме хотел бы знать, кто он, когда жил и что еще написал. Он не сомневается, что имя Велизария зарегистрировано Алляцием среди прочих греческих писателей, которых тот с таким усердием собирал (... Coeterum incidi Patavii in MSta quaedam graeca, quae olim fuere Gvarini, inter quae sunt diversae orationes cuiusdam Belisarii monachi graeci. Velim, si vacat, et lubet, quis ille sit, quando vixerit, et si quae alia scripsit, mihi significes. Nec enim dubito, quin nomen eius, inter scriptores graecos recentiores, quos magno studio collegisti, consignatum habeas. Beaveris utique literatos omnes, ubi quae hac de re parata habes, publici juris feceris).

Наконец, патрон Алляция кардинал Франческо Барберини в своих письмах неоднократно касался вопроса о рукописях. В письме из Парижа от 9 марта 1646 г. (3/4) он советует Алляцию задержаться в Риме, чтобы иметь возможность работать с лучшими ватиканскими рукописями, в частности содержащими *il Socrate Istorico*, восьмую книгу Евсевия и Аврелия Аллоброга, а также со всей пунктуальностью сличить печатные тексты названных сочинений с рукописями и отметить на полях все разночтения и конъектуры. В письме из Лиона от 21 июня 1646 г. (2/3) Барберини говорит о переписанных с рукописей Королевской библиотеки кодексах (что это за рукописи, не сказано), которые он посылает Алляцию с настоящим письмом и извиняется за задержку, сваливая вину на писца. Последний, впрочем, хорошо справился со своими обязанностями, говорит он, просто оригиналы по вине писцов или вследствие влияния времени были в плохом состоянии: многие буквы стерты, рукописи испещрены ошибками, «так что и хороший копиист из этого бы не выбрался» (*che altri che un buon copista non ne sarebbe uscito*).

Значительную часть фонда Алляция составляют автографы самого Алляция, в частности написанные его микроскопическим, но аккуратным почерком и не отмеченные в современных каталогах рукописи сочинений греко-византийских и латинских авторов: греческий текст сочинения античного географа Агафимера Орфона (*Ἀγαθημέρου τοῦ Ὀρθωνος Γεωγραφίας ὑποτύποις* — 6 лл.)¹⁷; греческий текст сочинения Ливания *de Socratis silentio* (греческое название: *Κωλύουσι Σωκράτην ἐν τῇ δεσποτηρίῳ διαλέγεσθαι καὶ ἀντιλέγει τις* — 6 лл.) — несомненно, бывший кодекс *Vallicellianus Allat. CXXXV*, копия Алляция с рукописи *Barberinus II 41* (XV в.)¹⁸; греческий текст двух речей ритора VI в. Хорикия Газского, ученика софиста Прокопия (*Χορικίου Σοφιστοῦ Ἐπιτάφιος ἐπὶ Προκοπίῳ Σοφιστῇ Γάλῃς* — 3 лл.¹⁹ и *Χορικίου Σοφιστοῦ Ἐγκώμιον ἐκ τοῦ προχείρου εἰς Σοῦρον τὸν ἐνδοξότατον στρατηλάτην* —

¹⁷ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 88/4. Издано: *Müller G. Geographi graeci minores*, vol. II. Parisiis, 1861, p. 471—487. Среди рукописей этого сочинения Агафимера, отмеченных Мюллером, рукопись Алляция не значится (*ibid.*, p. XLII—XLIII). Возможно, она имеет какую-то связь с *Cod. Altempsianus*, с которым работал и Лука Голстений (p. XLII, № 9).

¹⁸ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 86/4. Издано: *Libanii Opera*, recensuit R. Foerster, vol. V (*Declamationes I—XII*). Lipsiae, 1909, p. 127—147 (о рукописи Алляция см. p. 123—124). Именно эта рукопись была отмечена и в каталоге Мартини: *Martini G. Catalogo dei manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane*, vol. II. Milano, 1902, p. 225, № 211.

¹⁹ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 101/4.

4 лл.)²⁰, а также латинский перевод Алляция первой из этих речей Хорикия — Эпитафии на смерть Прокопия (1 л. — переведено только начало речи)²¹; греческий текст сочинения Зосимы in Demosthenem Oratio (2 лл.)²²; латинский перевод Алляция сочинения византийского писателя XV в. Иоанна Канана Narratio de Bello Constantinopolitano (греческое название: Διήγησις περί τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει γεγονότος πολέμου — 5 лл.), перевод, который и сопровождает теперь во всех изданиях греческий текст сочинения Иоанна Канана²³; пока не отождествленный нами латинский текст какого-то законодательного памятника с подразделением на главы, в котором говорится о лангобардском праве (Lex Langobardorum)²⁴.

Что касается сочинений самого Алляция, то они представлены в фонде лишь несколькими стихотворениями и эпитаграммами, в частности Leonis Allatii Iambus ex Italico Eminentissimi Domini Francisci Cardinalis Barberini (греч. текст, 50 строк)²⁵; стихотворение Алляция, посвященное Джованни Фредерико Гронови (In Fridiricum Gronovium; кон. τῷ λογιωτάτῳ καὶ πολυμαθεστάτῳ Ἰωάννῃ Φριδερίκῳ τῷ Γρονοβίῳ φίλῳ αἰωνίου μνημόσυνον Λέων ὁ Ἀλλάτιος — 34 строки, греческий текст и латинский перевод)²⁶; посвящение Фредерико Ринальдо (Φριδερίκῳ Ῥινάλδῳ τῆς Βιβλιοθήκης τοῦ μεγάλου ἀρχιερέως προστάτῃ, ἀνδρὶ ἀρίστῳ — греческий текст, 10 строк)²⁷.

В заключение публикуем два документа, о которых шла речь выше.

I. ЛЕВ АЛЛИЦИЙ ОБ ANTHOLOGIA PALATINA

(Из письма Алляция к Габриэлю Ноде. Рим, в день св. Николая, 1633 г.)
(Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 82/4)

... Iudicium praeterea meum de codice illo vetusto, ex quo Aram hanc primus omnium Salmasius vulgavit, exposcis. Codex est vetus sane, haud nimis eleganti caractere conscriptus, sed qualis a non cunctabunda scriptoris dextra exarari po(tuit) ita ut, velocis manus contentione, dimidiatae literae, parte alia in calamo remanente, multis in locis conspiciantur. Pagellae plurimae vetustate exesae sunt, aliaeque, etiam literis fugientibus, literas, tantum in iis fuisse, at non quatenus illae fuerint, commonstrant. Sapit tamen antiquitatem tota scriptio, quae subalbido atramento vanescit: palamque testatur, integrum et incorruptum codicem, non studium, ac diligentiam exscriptori defuisse: scatet enim erroribus non perraro ac saepe numero dictionum monstra propinat, Delio etiam Natatori incomprehensa. Codex epigrammata antiquorum poetarum et mediis temporis (quales multos fuisse, dum poësis ipsa florescet prisco aevo, non dubito) completitur. Poëmatia siquidem illa, obrui molem exigua, ideoque in contemptu habita, dum facili negotio deperdi poterant, ingenuiores homines, et in alienas laudes, ac labores propensi, in unum veluti fascem collecta,

²⁰ Обе речи Хорикия — Epitaphius Procopii и Laudatio Summi — были впервые изданы Фабрициусом: *Fabricius J. A. Bibliotheca Graeca*, vol. VIII. Hamburgi, 1802, p. 841—876.

²¹ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 83/4.

²² Там же, 100/4.

²³ Там же, 81/4. Ср. *Martini G. Op. cit.*, p. 214, № 181, 19. Издано: *Ioannis Canani Narratio de Constantinopoli oppugnata*, ed. I. Bekker. Bonnæ, 1838, p. 457—479 (перепечатано: PG, 156, 1866, col. 61—81). В левом верхнем углу своей рукописи Алляция пометил — «stampato», но сличение текста рукописи с печатным текстом показало, что некоторые незначительные различия все же имеются.

²⁴ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 85/4. В рукописи 34 лл., на л. 1 кто-то написал чернилами: «aliquot statuta latine» и карандашом — «автограф Алляция». Очевидно, это та Lex langobarda, рукопись которой наряду с другими рукописными кодексами была привезена Алляцием из Гейдельберга в Рим; см. *Mazzi C. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg*. Bologna, 1893, p. 178.

²⁵ Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 84/4.

²⁶ Там же, 87/4.

²⁷ Там же, 51/4.

sive confusa, sive in materias digesta, conservarunt. Hinc apud auctores solemne illud saepius repetitur, ut in epigrammate, in collectione scilicet epigrammatum, testimonium illud, sive sententiam adductem contineri. Quis huius collectionis primus auctor fuerit non auserim dicere. Quod ex isto codice didici, proferam in apertum. Primus omnium, quod ego sciam, Meleager Phoenix, ex Palaestina Gadarenus, sub Postum Seleuco opus agressus, ex vetustioribus Poëtis epigrammata suo iudicio meliora collegit, et CORONAM inscripta, Diocli nuncupavit; idque ex eiusdem Meleagri Elegia, quam libro praefixit, habet. Eam sic exorditur (ut habeas etiam, mi Naudae, aliquid, quod degustes ex eodem Meleagro non iniucundum.

μοῦσα φίλα τίνι τάνδε φέρεις πάγκαρπον αἰοιδάν,
ἢ τίς ὁ καὶ τεύξας ὁμνοθέταν στέφανον;
ἄνυσσε μὲν Μελέαγρος. Ἀριζάῳ δὲ Διοκλεῖ
μνημόσυνον ταύταν ἐξεπόνησε χάριν etc. et claudit
ἀλλὰ φίλοις μὲν ἐμοῖσι φέρω χάριν. ἔστι δὲ μύσταις
κοινὸς ὁ τῶν μουσῶν ἡδυεπὴς στέφανος.

Epigrammatum auctores illi praecipue fuere, Simonides, Rhianus, Alcaeus, Leonides, Anyte, Myro, Sappho, Melanippus, Nossis, Herinna, Sammias, Mnasalcus, Pamphilus, Pancrates, Symnes, Nicias, Euphemus, Damagetus, Callimachus, Euphorion, Hegesippus, Perseus, Diotimus, Menecrates, Nicaenetus, Simmias, Parthenis, Bacchylides, Anacreon, Anthemius, Archilochus, Polycleetus, Antipater, Posidippus, Hedylus, Sicelidas, magnus Plato, Aratus, Chaeremon, Phaedimus, Antagoras, Theodoridas, Phantias, et ipse Meleager, qui in Coinsula diem obiit extremum. Post Meleagrum Philippus Thessalonicensis, ut Poëtis, qui post Meleagrum vixerant, novo labore opem ferret, novam confecit Epigrammatum Coronam ad Camillum. Poëtarum illa fuere nomina, Antipater, Crinagoras, Antiphilus, Tyllias, Philodemus, Parmenion, Antiphanes, Antomedon, Zonas, Bianor, Antigonus, Diodorus, Euenus. Sed operae pretium erit ipsius Philippi praescripta ad Coronam carmina referre.

ἄνθεά τοι δρέψας ἐλικώνια. καὶ κλυτοδίνδρου
πιερὴς κείρας πρωτοφύτους κάλυκας.

(и т. д. — 14 строк).

Tertius post hoc Epigrammata collegit Agathias Scholasticus sub Iustiniano Imperatore ad Theodorum Decurionem, laboremque suum non ut alii Coronam, sed aptiore titulo, recentiorum Epigrammatum Collectionem, vel, ut Suidas tradit, Circulum appellavit. Idque ipse in principio suae Historiae insinuat, ἔδοξε δέ μοι πρότερον κάλεινο ἀξιεπαινόν τι εἶναι, καὶ οὐκ ἄχαρι, εἴγε τῶν ἐπιγραμμάτων τὰ ἀρτιγινῆ, καὶ νεώτερα διαλανθάνοντα ἔτι, καὶ Χύδην οὕτως παρ' εἰνίοις ὑποψιδυρίζόμενα, ἀγείραμι τε οἷόν τε εἰς ταύτό, καὶ ἀναγράψαμι ἕκαστα ἐν κόσμῳ ἀποκεκριμένα. καὶ οὖν δὴ καὶ τόδε μοι ἐκτετέλεσται. Tandem Constantius quidam, cognomento Cephalas, cum nihil addidisset, omnia auctorum Epigrammata in unum confudit, et in capita diversa, ex materia, de qua agebant, divisa, separatim enim omnia ἐρωτικά, et ἀνάθηματικά, et ἐπιτύμβια, et ἐπιδεικτικά ea ratione, qua in hoc codice digesta sunt, concinnavit; ut etiam ab alio adnotatum animadverti. Et hic est Codex vetustus, ex quo Dosiadae Aram se descripsisse Salmasius, et asservari in Bibliotheca Heidelbergensi Palatina fatetur; tum scilicet, cum scriberet: sed is nunc Ducis Bavari munificentia, et labore atque industria tui Leonis, cum reliquis illius instructissimae sane Bibliothecae Graecis, Latinis, Hebraicis, Arabicis, et aliarum linguarum manuscriptis codicibus omnibus, et typis exaratis, praestantioribus tamen, et quos dignos aëre Romano idem ipse existimavi, civitate Romana donatis, inter alios Pontificios, non dum dimitto Palatino nomine, ut a Vaticanis discernantur, in ipso Vaticano, cura tanto thesauro non impari, conservatur. Habes hic ut est, Codicem Palatinum, et illius nomine Epigram-

matum collectorum historiam haud ingratam. Et, ni me fallo, tot auctores, cum antiquitate et blattis certantes gratias tibi merito magnas habebunt, quod tua postulatione hac mea Epistola reviviscant, et ad convictum eorum reddeant, cum quibus vivere posse equidem maxime vellent. Nimis nota sunt, quam hic dici debeant, quae de Maximo Planude, postremo Epigrammatum mutilatore, inter viros eruditos circumferuntur. In eo omnes viri probi, et ingenium, et iudicium desiderant. Multa ex illis melius fecisset, si omisisset, omissa multa, piaculum fuit, apposita non fuisse cum aliis legenda. Quod illi non placuit, aliis etiam non assisurum existimavit; suo genio reliquorum hominum voluptatem commensus. Sed de Planude satis. . .

II. АРХИВ ЛОИИ, ЗАП.-ЕВР. СЕКЦИЯ, 58/3.
ПИСЬМО ГЕНРИХА ЮЛИУСА БЛЮМЕ К ЛЬВУ АЛЛЯЦИЮ,
МАЙНЦ 15 ФЕВРАЛЯ 1656 Г.

Perillustris Domine, Patrone plurimum colende. Quum nuper Wormatiae ingentem struem MStorum Codicum denso pulvere oblitam pervolutarem, nec diu quequam reperirem quod in usum Reip. literariae cedere posset, dum me taedet impensi laboris, incido tandem in codicem melioris notae, cui titulum autor praefixerat: Anselmi Havellergensis Episcopi ἀντιεστ-
μένων, sive contrapositionum liber sub Dialogo conscriptus ad B^{mum} Papam Eugenium Secundum. Vel primo statim intuitu is mihi gratus erat. Ubi vero perspicio, eum aliquando Lotharii imp. ad Constantinopolitanum imp. legatum fuisse, reversumque autore Eugenio III^{io}, is enim tum sedit, quem Secundum vocat, quae coram ex Graecis cognoverat, hoc peculiari scripto comprehendisse, satis magnum mihi operae meae fructum percepisse visus sum. Tum etiam eo mihi gratius fuit hoc Anselmi scriptum, quo moderatius de Graecorum à latina Ecclesia dissidentibus sentiis loquitur, praeter aliorum latinorum morem, quorum lucubrationes adversus Graecos supersunt. Ne autem forte impingerem, haud abs re me facturum patavi, si partem aliquam praefationis et indicem capitum ad te mitterem. Tuo enim relinquo arbitrio, utrum operae pretium sit, edi hanc dialogum. Quod si eum bono publico profuturum existimaveris, curabo, ut quamprimum prodeat. Nihusius noster censet, eum opportunè à me in lucem protractum, ut novae editioni tuae de purgatorio ad Baronem Boineburgium Epistolae, quam Caesium Amstelodami in se recepturum sperat, subjungeretur. Quod si id tibi quoque visum fuerit, mea nihil interest. Interea quaeso, vir summe, faxis, ut proxime vel ex tuis ad me ad Nihusium literis intelligam, quis fuerit ille Nechites, aut Nicetas, si forte aliquod est eius inter literatos sui seculo nomen, quique fuerint illi sapientes, quorum meminit praefatione sua Anselmus, quosque tanta fuisse ait autoritate in Oriente, ut ratum esset, quicquid illi de fidei controversiis exposuissent. Vereor, ut et Anselmus noster more aliorum latinorum graecorum sententiam recte sit assecutus. Quod si tibi studium et operam meam hac editione probavero, non est, quod de aliis sim sollicitus. Tu enim mihi instar omnium eris, quem ego semper colui, à quo amari mihi unice in votis est. Vale, et vive qua felicissime, maximo huic seculo ornamenta,

Mogunt. 15 Febr. 1656.
Henricus Julius Blume

Г. В. ПОПОВ

ЗАМЕТКИ О ТВЕРСКОЙ РУКОПИСИ ХРОНИКИ
ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА(позднейшие доделки
и вопросы реконструкции первоначального облика кодекса)

Цели и возможности исследования пергаменной Хроники Георгия Амартола (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 100), аналогично всякой другой иллюминированной рукописи, многообразны. Принимая во внимание уникальность экземпляра (единственного списка этого сочинения с миниатюрами, сохраняющими зависимость от греческого лицевого протографа), необходимо признать, что каждый аспект его исследования в той или иной мере примыкает к области византистики. Решение таких локальных, на первый взгляд, задач, как уточнение позднейшей судьбы списка, размеров его письменных и иллюстративных дополнений, выяснение состава работавших над ним писцов и организации их труда, анализ первоначальных миниатюр в соотношении с местным, т. е. русским (и, принимая гипотезу о происхождении рукописи,¹ — тверским) художественным развитием, позволит четче сформулировать и круг собственно византинистических проблем. В первую очередь — обосновать методы реконструкции греческого лицевого протографа списка Хроники, допустимые границы подобной реконструкции.

В качестве самостоятельного кодикологического и художественного явления экземпляр Хроники ГБЛ рассматривался неоднократно¹. Но признать исследование манускрипта в этом направлении законченным было бы преждевременно. Лишь базируясь на последовательной разработке всех конкретных аспектов, можно ответить на те принципиальные вопросы, которые определяют научный интерес к рукописи.

Предлагаемая статья сосредоточена на нескольких проблемах, центральной среди которых традиционно остаются миниатюры Хроники. Из них, однако, рассматриваются только позднейшие. Стилистический анализ указанных миниатюр, необходимый для их доказательной атрибуции и датировки, в сочетании с анализом текстовых дополнений, приписок, а также некоторых археографических особенностей кодекса проясняет отдельные моменты его истории (в том числе истории создания) и подводит к оценке его оригинала.

Необходимо сделать одну оговорку: ход рассуждений в работе следует в порядке, обратном хронологическому, что обусловлено самим материалом, реальностью «наслоений», так и желанием дать более отчетливое представление о начальном облике рукописи, художественном и археографическом.

Новейшие работы с учетом полной библиографии: *Вздорнов Г. И.* Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — ВВ, XXX, 1969; *Подобедова О. И.* Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Георгия Амартола. — XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 6—12 septembre 1971, rapp. III. [Bucarest, 1971] (то же в изд.: Actes du XIVe Congrès International des études byzantines, I. Bucureşti, 1974).

Факт позднейшего обращения к рукописи, наиболее существенным результатом которого явилась особая группа миниатюр, до недавнего времени не привлекал специального интереса. Зачастую эти миниатюры рассматривались как современные остальным². В соответствии с версией о позднейшей дате так называемой «второй половины» списка часть иллюстраций — после л. 152 — нередко атрибуировалась аналогично изначальным (по мнению исследователей, единовременным с текстом соответствующей «половины») миниатюрам, в пределах между серединой и концом XIV в.³ Как нечто самостоятельное по отношению к раннему слою миниатюр не только в сюжетно-иконографическом и художественном плане, но и хронологическом, иллюстрационные дополнения выделены Г. И. Вздорновым и датированы им «позже основного цикла миниатюр», но до появления Хроники в Москве около конца XIV или начала XV в.⁴

Время повторного обращения к Хронике уточняется на основании приписок и текстовых дополнений. Палеографически они локализируются рубежом XIV—XV столетий. Часть записей принадлежит одним и тем же писцам. И это свидетельствует об известной систематичности работы над рукописью. Учет всех приписок и помет названного периода вскрывает относительную многогранность интереса к тексту Хроники⁵. Подпись к одной из первоначальных миниатюр (вторая среди текстовых иллюстраций и единственная в иллюстрациях ранних, не считая выходных) — «Цсрь» и «Сты Арсени» (л. 242, илл. № 120), — акцентируя внимание читателя на истории дьякона Арсения, воспитателя сыновей императора Феодосия Великого, позволяет с вероятностью связать доработку Хроники и самый факт обращения к ней с деятельностью тверского епископа Арсения (1390—1409)⁶.

Корректируется и версия передачи Хроники в Москву, которая базируется на имеющихся в ней записях с именем серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго (1353—1410). Акт перемещения кодекса в московские круги резонно объяснять близостью Арсения к митрополиту Киприану или троицкому игумену Никону. Наиболее правомерной кажется гипотеза о привлечении списка в качестве вспомогательного источника для составления митрополичьего свода, так называемой Троицкой летописи, в которой, с одной стороны, использованы тверские летописные материалы, с другой — документы семейного архива серпуховского князя; не исключено, что работа над ней после смерти Киприана (1409) велась в стенах Троицкого монастыря⁷. Иными словами, Хроника могла по-

² Мансвентов И. Д. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из библиотеки Московской Духовной Академии. — «Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881». М., 1887, с. 164—165; Айналов Д. В. Миниатюры древнейших русских рукописей в музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. — «Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы» (ИДПИ, № СХС). Л., 1925, с. 21, 24—25; он же. Летопись Георгия Амартола (Криница). — Deuxième Congrès International des études byzantines. Belgrad, 1927. Belgrad, 1929, p. 131, fig. 8; Алпатов М. В. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, с. 130, илл. 105; Николаева Т. В. Собрание древних рукописей. — В кн.: Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М., 1968, с. 171, илл. 210.

³ Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 201—202. Мнение А. И. Некрасова поддержано и развито О. И. Подобедовой (см. ниже).

⁴ Вздорнов Г. И. Указ. соч., с. 220—223. Замечания о миниатюрах см. также Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV—начале XVI века. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970, с. 322, 333.

⁵ Попов Г. В. Судьба тверского списка Хроники Амартола на рубеже XIV—XV вв. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 75—83.

⁶ Там же, с. 77—78, 82, прим. 17.

⁷ См. Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. М., 1940, с. 128 и сл.; он же. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 20—23; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947,

пасть в московское окружение не как трофей военных действий или дипломатических акций, но в результате налаженных при Киприане и Арсении московско-тверских контактов. И появляется она, скорее всего, непосредственно в Троицком монастыре.

В реконструкции позднейшей истории Хроники есть уязвимое место: в рукописи отсутствуют обычные для памятников троицкой библиотеки владельческие пометы XVI—XVII вв., в монастырских документах она впервые упоминается только в XVIII в.⁸ Косвенным подтверждением выдвинутой гипотезы служит кожаный тисненый переплет, относимый к продукции троицкой переплетной мастерской второй половины XVI в.⁹ Узор в центральном овале его верхней крышки точно соответствует одному из типов клейм мастерской¹⁰. Это, однако, не исключает возможности передачи рукописи первоначально в Москву, Киприану. После его смерти она могла попасть в митрополичью казну и только спустя десятилетия появиться в Троицком монастыре, аналогично рукописям, традиционно связываемым с именем того же Киприана, — Лествице 1387 г. (ГБЛ, ф. 173, Фунд. № 152) и следованной Псалтири (там же, № 142) — и даже вместе с ними (как его «архив»?)¹¹. Наконец, допустим третий вариант:

с. 297—298, 304, 433; *Дмитриев Л. А.* Роль и значение митрополита Киприна в истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, с. 226—228; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 171—172, 175—176, 180—181, 187—189, 248 и сл.; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976, с. 34—42, 44—45, 50—52 и сл.

⁸ *Леонид*, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 1. М., 1887, с. 1.

⁹ *Ухова Т. Б., Клепиков С. А.* Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 22. М., 1960, с. 183; классификацию троицких переплетов см.: *Клепиков С. А.* Орнаментальные украшения переплетов конца XV—первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. — Там же, с. 65—68, 72.

¹⁰ Там же, табл. II-10 (117) на с. 393, II-11 (123) на с. 395, II-12 (125, 126) на с. 397, II-13 (127, 129, 130) на с. 399. Более строгая периодизация изделий мастерской на основании датированных образцов позволит уточнить время переплета и тем самым найти вероятный предел даты поступления Хроники в монастырь. До некоторой степени корректирующим аргументом за или против появления рукописи в Троице-Сергиевой лавре ранее 1747 г. может послужить также идентификация почерка XVII в. на ее вставных лл. 8—9.

Следует, наконец, принять в расчет, что более ранние документы — описи 1641 г. и вкладная книга 1673 г. — не называют ряда памятников, заведомо попавших в ризницу и библиотеку монастыря в глубокой древности. К тому же выпешние «за ветхостью» из употреблений или вообще ненужные в повседневном обиходе книги (Амартол относится к последним) в XVI—XVII вв. отправлялись в сельские церкви. В описях церквей на территории троицких владений нередки упоминания рукописей «на харатье». Например, Евангелие Симеона Гордого с серебряным золоченым окладом 1343/1344 г. (ГБЛ, ф. 304, муз., № 8653), было передано в село Подчерково после того, как оно вошло в состав монастырских владений в 1538 г. Вернулось Евангелие в монастырь не позднее 1641 г., когда была составлена древнейшая из сохранившихся троицких описей, вероятно, в начале XVII в.: церковь Подчеркова была разобрана или уничтожена в «литовское разорение» (в писцовых книгах 1627 г. указывается «место церковное») и уцелевшие предметы ризницы скорее всего отошли вновь к монастырю. Из более «благополучных» районов предметы древности могли возвращаться в позднейший период уже в связи с интересом к истории монастыря, систематизацией его реликвий. Эта волна затронула, кажется, только рукописи; старые иконы и утварь продолжают «ссылаться» в сельские храмы и в XVIII в.

¹¹ Основываясь на владельческих записях, можно было бы датировать их включение в состав монастырской библиотеки XVI—XVII вв. (см. в Лествице лл. 1 об. — 2, в Псалтири — лл. 2 об., 4, 5 и т. д.). Более точную локализацию дают приписки Псалтири с упоминанием «игуменов» (л. 3) — с 1561 г. глава Троицкого монастыря получает сан архимандрита. Недавно в научный оборот введен сборник смешанного содержания рубежа XV—XVI вв. московского происхождения (ГПБ, КБ 53/178). Лестница в его составе, судя по записи л. 13, «писана с троецкие лествици Киприанова письма» (*Синицына Н. В.* Новые рукописи Михаила Медоварцева. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, с. 147—148).

вывоз Хроники игуменом Никоном, который в 1408 г. во время набега Едигея укрывался в Твери. Троицкий настоятель поддерживал отношения с кашинской ветвью тверских князей, был близок с Владимиром Андреевичем Храбрым и по ряду причин заинтересован во включении «летописца» серпуховского князя в Троицкую летопись¹².

Возможно, в будущем историю списка прояснит фотомеханический анализ плохо читаемой (угасшей) вкладной или молитвенной записи во втором столбце л. 265 об. Хроники. Она современна основной части приписок, также датируется рубежом XIV—XV вв. и является самой обширной из них. Ее начало таково:

«Амин[ъ]. Ис Хѣ мѣтвы наша по[[ве]леньемъ отця нбснаго/могущаго помилovati/ны въ днѣ онѣ и к тебе во/пиемъ просяще оце пр[ощ]ени/я помилуи ны отче и снѣ и/стѣи дѣе твоимъ.../твиемъ... и бес по- ро/ка предѣ[станемъ?] и ни отверзнет в/не мо...»

Последующие четыре с половиной строки, где просматриваются отдельные буквы, могут содержать имя (имена) инициатора записи, писца и т. п.

Из сказанного вытекает, что если за приписками с упоминанием Владимира Серпуховского (лл. 171 и 238) и сохраняется значение фиксирующих движение памятника, конкретные обстоятельства их появления не получают пока исчерпывающего объяснения. Принципиальным в данном случае является факт привлечения экземпляра Хроники к современным этим припискам летописным работам. Последнее же, учитывая потребность в источниках типа Амартола не только московской кафедры при подготовке очередного свода, но и летописную деятельность тверской кафедры, — почти безусловно. На первые годы XV в. (что соответствует палеографии основной части приписок Хроники и, как увидим, стилю позднейших миниатюр) падает составление свода, связываемого с именем Арсения и датированного 1409 г.¹³

Ведущая роль епископа (кафедры) в летописании, аналогично культурной жизни Твери тех лет вообще, определялась неустойчивостью местной политической ситуации, междоусобной борьбой князей тверского дома, вспыхнувшей после смерти Михаила Александровича (1399) и длившейся с перерывами до конца первой четверти века (1426). Вероятно, за подписями к миниатюре л. 242, недвусмысленно выделившимися из текста Амартола рассказ о дьяконе Арсении, скрыт намек на положение, которое занимал в 1400—1409 гг. глава тверской кафедры, «наставник» и примиритель (пусть неудачный) враждующих сторон. Естественно, подобная оценка могла возникнуть в сравнительно узком окружении епископа. Получает она традиционную и завуалированную форму. Однако сюжет миниатюры — Феодосий Великий заставляет двух своих сыновей признать авторитет дьякона в качестве «отца» императорской семьи, обнажить перед ним головы и преклонить колени — до некоторой степени перекликается с содержанием летописного повествования о смерти Михаила Александровича и последующей ситуации: «нелюбии» и расприх старших сыновей князя, Ивана Тверского и Василия Кашинского в ре-

Тогда же, по всей вероятности, в Троицком монастыре копируется Псалтирь; см. волоколамский список ГБЛ, ф. 113, № 152 (Попов Г. В. Дионисий и московская миниатюра. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 265—267). Около этого времени титульный лист Псалтири (л. 4) получает украшения в виде неовизантийских заставки и инициала (по стилю они датируются в пределах первой трети XVI в.), что было обычным «обновлением» книги перед ее передачей или вкладом.

¹² Насонов А. Н. Указ. соч., с. 365—366.

¹³ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — «ИАН СССР. Отделение гуманитарных наук», 1930, № 10, с. 760—762.

зультате нарушения отцовского завета¹⁴. Таким образом, интерес к рассказу Хроники, продиктованный обычной для средневековья апелляцией к историческим параллелям и выраженный вполне абстрактно, возможно поставить в зависимость от реальных и достаточно важных для Твери событий.

Видимая причастность Арсения или близких ему лиц к работам над Хроникой в начале XV в. (до 1409 г.) позволяет наметить взаимосвязь в деятельности тверской и митрополичьей кафедр. По почерку приписки на лл. 171, 238 и плохо читаемую приписку на л. 126 того же писца допустимо отождествить с писцом Лествицы 1402 г. (БАН, собр. Тимофеева, № 9). Судя по записи, Лествица эта якобы копирует константинопольский список митрополита Киприана 1387 г., доставленный в Тверь¹⁵. В свою очередь, графика письма и орнаментальный декор Лествицы 1402 г. сближаются с аналогичной по содержанию рукописью 1404 г., также созданной в Твери (ГИМ, Чуд., № 249). В обеих отчетливо выявлены признаки второго южнославянского влияния¹⁶. И ту, и другую на основании указанных особенностей правомерно объединить в одну группу или даже «школу». Последний термин условен, поскольку рукописи этой группы имеют различное происхождение и отражают общерусские контакты со славянским миром Балкан, главным образом, через монастыри Константинополя и Афона¹⁷.

Наиболее ранние рукописи с художественными новациями¹⁸ (включая систему письма) в той или иной мере связаны с Москвой. В 90-е годы XIV в. рукописи с Афона проникают в Новгород. Связанные с Тверью афонские книги известны главным образом от 20—30-х годов следующего столетия. Однако, учитывая налаженность балканских связей Твери, придворных и монастырских (контакты с Афоном, в частности, зафиксированы источниками для 90-х годов XIV в.¹⁹), резонно ввести ее в число ведущих и относительно ранних центров, затронутых волной второго южнославянского влияния. Одним из активных его проводников в промежутке между 1390—1409 гг. был Арсений Тверской, ставленник и доверенное лицо митрополита. Закономерности общего развития в этом случае приобретают оттенок как бы личностный, но не утрачивают принципиального характера. Приобщение Твери к новым веяниям, как и в Москве, обуславливалось комплексом внутренних и внешних причин. Специфическим являлось лишь преобладающее внимание к монастырскому

¹⁴ ПСРЛ, т. XV (вып. 1), стлб. 170—173, 176—177; т. XV, стлб. 459—460, 470; т. XI, с. 178—182, 183—184; т. XVIII, с. 145—147, 148—149. В Никоновской и Симеоновской летописях нравственный авторитет епископа получает откровенно идеализированное толкование.

¹⁵ Приписка писца на л. 178: «Въ лет. 6000-е девятое. 10-е. индикта въ. 10-и. написана быс сѧа книга нарицаемая Лествица. с митрополита списка съ гѧинова с кыприанова всея Руси. занеже ту Лествицю гѧнь пресѧцныи митрополитъ писалъ въ Цѣриграде. с гречскаго на русьскыи языкъ. и той списокъ вытесель сѧиноинонок (так!). Прохоръ. [въ] град. в Тѣрь. к пресѧцному еписпу Арсенью. и оумолихъ о той книзе гѧна еписпа тѣрьскаго Арсения. с великимъ желаниемъ. и написася сию книгу наборъзе». Между тем список 1402 г. — русский и не является копией митрополичьего экземпляра (на что любезно обратила мое внимание О. А. Князевская), хотя в его почерке и оформлении заметно влияние южнославянских образцов.

¹⁶ В рукописи ГИМ см. особенно почерки редактурных помет и второй приписки л. 282. Любопытно сравнить эти пометки с архаизирующим письмом и оформлением Киево-Печерского Патерики 1406 г. (ГИБ, Qп. I. 31), редактором которого был все тот же Арсений — возможно, на лл. 10 об., 12 об., 202 имеется его правка, — однако и здесь ощутимо воздействие новейшей манеры письма.

¹⁷ Библиографию вопроса и основной список рукописей см.: *Вадорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968.

¹⁸ И соответственно — языковыми, которые в данном случае не подлежат рассмотрению.

¹⁹ *Попов Г. В.* О художественных связях Твери с Афоном. — «Старинар», нова серија, књ. XX/1969. Београд, 1970, с. 321.

варианту балканской художественной культуры и письменной традиции — более архаическому, скромному, камерному, что предопределялось неустойчивостью придворной эстетической программы, отсутствием в Твери на протяжении XIV в. условий для ее оформления. Аскетический элемент сохраняет роль в оформлении последующих рукописей, так или иначе связанных с балканской монастырской традицией, отчетлив в рукописях, написанных на Афоне тверскими книжниками или приобретенных там для пересылки в Тверь. Местных писцов и декораторов минует увлечение роскошными формами и драгоценными материалами, в противоположность соседней Москве 10-х, а особенно 20-х годов XV в. и позднее, на которые приходится становление ее аристократического, придворного искусства. Тверичи верны изначальному типу украшений, сосредоточивая главное внимание на письме, поднимаясь в нем до высот профессионализма, виртуозности.

Из сказанного очевидна фундаментальность для культуры Твери на протяжении первой трети XV в. отправных импульсов, прослеживаемых именно в период Арсения и Киприана. Преобладание аскетической идеологии в духовной жизни Твери вскрывает существенность контактов епископа с митрополитом, а через Киприана — связей с монастырским миром Балкан.

Неблагоприятность политического развития после поражения 1375 г. может отчасти объяснить отсутствие кадров переписчиков и художников в период культурного оживления Твери на рубеже XIV—XV столетий. Отсюда — реальность приглашения митрополитских писцов. Во всяком случае, факт сотрудничества московской и тверской кафедр в области летописания и переписки книг несомненен. Это ставит предложенное выше отождествление почерка приписок Хроники с почерком Лествицы на твердую почву, и, с другой стороны, намечает путь для идентификации писцов Арсения и Киприана (а возможно, и Троицкого монастыря, учитывая роль Никона в завершении митрополитчей летописи) как представителей одного круга.²⁰

Сложность культурно-политической истории Твери делала закономерной идеализацию прошлого, внимание к памятникам местной древности. Одновременно или почти одновременно с Хроникой Амартола интерес привлекает другой прославленный местный кодекс — Мерило Праведное середины XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 15); здесь имеется несколько правок текста, а главное — приписок, датируемых по почерку около конца XIV или начала XV в.²¹ Как правило, подобный интерес принимал политическую окраску, был выразителем сепаратистских настроений. Заподозрить в подобных настроениях тверского епископа невозможно. Его поставление Киприаном допустимо рассматривать как попытку нейтрализации местных антимосковских сил. Тем самым работу над Хроникой Амар-

²⁰ Сходная ситуация, но по рукописям иного типа, с торжественным литургическим уставом, прослеживается во взаимоотношениях новгородских и митрополитских писцов на рубеже XIV—XV вв.; см. *Вадорнов Г. И.* Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.). — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974». М., 1975, с. 262.

²¹ Кодекс впервые связан с Тверью Д. В. Айналовым; библиографию и дополнительные соображения о происхождении см. *Вадорнов Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV века. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 164—167. Правка текста незначительна (лл. 63, 261 об.—262) и, возможно, частично определяется уничтожением имени владельца оригинала (Михаила Ярославича), ошибочно попавшего в позднейший список (ср. лл. 2, 5). В силу минимальности правок, локализация их временем основной части приписок гипотетична. Дата приписок, как кажется, особых сомнений не вызывает (см. лл. 17, 64, 68 об., 293 об.). Наиболее интересны вторая («Волостелю моему» — к тексту начальной части Наказания Симеона Тверского), благодаря которой обращение к рукописи связывается с княжеской средой, и четвертая («Ги помози рабу бию К...»), неоконченная, сделанная почерком, близким приписке л. 79 об. Амартола. См. Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961, с. 33, 129, 138, 588.

тола по инициативе или заказу Арсения следует поставить в ряд с более широкими тенденциями времени. Неустойчивость традиций приводила и в этот период к созданию «крайних» по ориентации произведений²². Однако начиная с эпохи Арсения, культура и искусство Твери развиваются в общерусском русле.

Всего приписок, которые, исходя из сказанного, можно датировать началом XV в., десять. В их число входят подписи к двум миниатюрам на лл. 152 («второго слоя») и 242 (первоначальной, рассмотренной выше), приведенная вкладная или молитвенная надпись на л. 265 об. и записи, условно говоря, «писца» Владимира Андреевича Храброго, о которых также шла речь. Остальные текстовые добавления делятся на две группы. Часть вскрывает реакцию на содержание Хроники (лл. 79 об., 174). Особенно выразительна вторая сентенция — «Аще приключить²³ оумрти то оумри а друга не выдаи», — видимо, к тексту того же листа, но вольно и обостренно-конкретно, как бы «практически» воспринимаемого (ср. «...и по колкъ времени от Вавилона шествие ключиться, преже рече Даниль. Якоже конецъ приметься...» и т. д.)²⁴. И только два дополнения, на л. л. 151 («и жажюще» — в тексте второго столбца, восполняет пропуск во фразе: «Блжнии алчюще [вставка] яко насытяться») и л. 205 («повеле потребити и разорити я до конца» — к тексту: «Всюдоу яко оттоле идольская капища [вставка] стлемъ хымъ») резонно оценивать как результат специального обращения к тексту, его сличения с другим экземпляром Хроники²⁵.

Почерки добавлений, а также приписки л. 174, молитвенной либо вкладной записи на обороте последнего л. 265 обнаруживают архаические признаки, что воспринимается как своего рода соблюдение эстетического принципа по отношению к раннему письму. Почерки лл. 79 об., 126, 171, 238 соответствуют указанной дате и зрительно как бы фиксируют обращение к рукописи, в то время как стилизованными почерками вышеуказанных дополнений акт позднейшего вмешательства вуалируется.

В целом текстовая правка раннего XV в. выглядит скромной, ее значение объясняется исключительностью троичного списка Хроники. Главная особенность списка — его иллюстрированность, — видимо, уже тогда производила должное впечатление. Во всяком случае размер художественных доработок несоизмерим с текстуальными.

²² См., например, причудливое сочетание палеологовского стиля с архаикой в царских вратах из Твери конца XIV—первой четверти XV вв. в ГТГ; необычный по размеру имитационный прифтовый декор, сочетающий признаки греческого и восточного орнаментов, в росписи полотенец Михайлоархангельского собора 1406—1407 гг. города Старицы (не сохранился, известен по материалам раскопок 1903 г.); орнаментированную плиту из Старицы в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева, сходную с богомильскими надгробиями Балкан и, вероятно, современную основным строительным работам в городе XV в.

²³ Варианты чтения: «приключить», «преключить».

²⁴ Приписка л. 79 об. — «Оуможишас[я] м[и] беззаконьяма» — более точно перекликается со словарным составом и содержанием текста лл. 78—80. Однако она может читаться и как: «Оумножишас[я] м[и] беззаконья м[о]а». В таком виде она перекликается с правкой к одной из молитв «Часословца» в составе приписываемой Киприану Псалтири (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 142, л. 182 об.): «умножшися беззакония моя». Ее существование любопытно в связи с данными о присылке рукописей Киприана в Тверь.

²⁵ Не исключено, что сопоставление вставок с текстом как первой редакции (число списков которой существенно пополнилось в последнее время; см. *Георгиев О. В.* Находки в области древнерусской хронографии. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 26), так и второй позволит ответить на вопрос, каким списком располагали в Твери в начале XV в. Опираясь на выводы В. М. Истрина (*Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. Пг., 1922, с. 152 и сл., 316—346, 418 и др.), можно лишь допускать, что он также был «далек от перво-оригинала»; впрочем, текстуальная работа с троичным списком Хроники могла быть вброшенной.

В отличие от текстовых, иллюстративные вставки нет необходимости связывать с тщательной редактурой списка. Их появление естественно вытекает из обычного стремления придать кодексу зрительную цельность, законченность. Подобные дополнения миниатюр или орнаментального декора в ранних памятниках нередки. Более заманчиво предположение о возобновлении в тот период традиции местного лицевого летописания (начальный этап которого известен по той же Хронике). Существование иллюстраций «второго слоя» дает для этого определенные основания. Их тематика и размещение определялись пропусками в «первом слое». Но в совокупности с приписками и текстовыми правками заполнение пропусков выглядит своего рода развитием замыслов предшествующего времени, достаточно широких, если не исключительных по размаху для русской практики XIV и большей части XV столетия.

К выделенным ранее миниатюрам²⁶ под № 22 (л. 29 об., а — Александр Македонский приносит жертву в иерусалимском храме), 61 (л. 100 об., б — Некий человек раздает имущество нищим), 62 (л. 101, а — Поклонение кузнеца тому же человеку), 63 (л. 102 об., б — Ангел поражает ассирийский «полк»), 80 (л. 122 об., б — Пророк Даниил во рву львином), 81 (л. 123, б — Изведение Даниила из рва), 82 (л. 125 об., а — Изображение иерусалимского храма), 108 (л. 210 об., б — Императрица Елена принимает нищих), 109 (л. 211 об., а — Трапеза императора Константина с участниками I Вселенского собора), 110 (л. 218 об., а — Афанасий Александрийский перед кораблем), 111 (л. 218 об., б — Пророчество Афанасия Александрийского), 112 (л. 219, а — Смерть императора Юстиниана), 113 (л. 225, б — Епископ Александр покидает императора Константина), 114 (л. 225 об., а — Молитва епископа Александра в церкви), 115 (л. 226 об., а — Явление на небе крестного знамения), 116 (л. 226 об., б — Обличение епископом Флавианом Антиохийским еретика — «етера») нужно добавить № 21 (л. 29, а — Поклонение Александра Македонского иудейскому архиерею), 59 (л. 95 об., б — Молитва жен Соломона языческим идолам), 60 (л. 96, а — Погребение Соломона), 93 (л. 152, б — Посещение апостолом Петром Симона-волхва; эта миниатюра имеет, как уже сообщалось, современные ей подписи), а также не нумерованный перовой рисунком на л. 150 об., выполненный чернилами, идентичными приписке на л. 151 и, вероятно, принадлежащий писцу. Всего, включая последний, к началу XV в. относится 21 иллюстрация.

Позднейшие миниатюры принадлежат нескольким художникам: одному — иллюстрации № 21 и 22, второму — № 59 и 60, третьему № 61, 62 и, возможно, 63, четвертому — № 80, 81 и предположительно 82, пятому — № 93, шестому — № 108; ему же, кажется, принадлежат и остальные, преимущественно незавершенные иллюстрации. Видимо, рукопись переходила от мастера к мастеру, но по неизвестным причинам работа над ней была прервана (из-за передачи в Москву или Троицкий монастырь?). Несколько пропусков (на лл. 113 об. и 114 для девяти или восьми миниатюр) остались незаполненными.

Часть миниатюр сильно осыпалась, что можно объяснять как невозможностью подготовки пергамена в создавшихся условиях (его дополнительной зачистки и т. п.), так и вероятным отсутствием в Твери к началу XV в. навыков работы на нем. Поэтому оценить их с художественно-стилистической стороны в полной мере трудно. Между тем подобный анализ не лишен научного значения. Позднейшие дополнения — самостоятельный опыт иллюстрирования памятника греческой хронографии, ставшего образцовым на Руси, его нового прочтения (пусть в пределах, «заданных» предшественниками отрывков). Уже одно это делает миниатюры заслуживающими внимания и как явление искусства, и в плане соотношения

²⁶ Вздорнов Г. И. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола, с. 220—222; Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV—начале XVI века, с. 322.

с текстом Хроники. Миниатюры не могут не содержать и определенной реакции на иллюстрации «первого слоя», которые (что неоднократно отмечалось в литературе) преемственно связаны с византийской иконографической традицией.

На первый взгляд, ориентация на ранние миниатюры в них безусловна. Однако ее степень неоднородна. Архаизирующие тенденции, органичнее увязанные со стилем старых иллюстраций, присущи главным образом двум первым мастерам и рисунку № 63 предположительно третьего мастера, т. е. начальным миниатюрам «второго слоя», вкрапленным в массив раннего декора. Допустимо, что здесь аналогично рассмотренным текстуальным дополнениям мы имеем дело с определенной эстетической программой, учетом впечатления, которое должен производить кодекс как целое. Большинство других иллюстраций мастеров Арсения определеннее контрастирует с первоначальными, хотя в общем их творчество консервативно. Только миниатюры четвертого (цикл из двух миниатюр с историей Даниила) и пятого автора (Петр и Симон) выглядят сравнительно развитыми, «продвинутыми» в стиле, в той или иной мере соответствующими художественным течениям периода их создания.

Миниатюра с Петром и Симоном напрямую соизмерима с художественными процессами рубежа XIV—XV вв., известными на почве провинциальной живописи. Фигуры апостола и волхва, несмотря на почти жанровый характер сцены (персонажи ведут переговоры через «рекущего человеческого гласом» грича-пса), решены в духе деисусных композиций. Сдержанность их движений воспринимается как преодоление экспрессивного стиля XIV столетия. Собеседование на основе духовного сближения или столкновения — устойчивый и существенный для XV в. мотив. Манера выполнения миниатюры двойственна. Раскраска одеяния Симона насыщеннее, пестрее. Это качество распространяется на карнацию лица и рук, в которой сочетаются розово-оранжевые описи с голубыми затенениями. Фигура Петра тонально более цельна, хотя разработана в сходной розово-коричневой гамме. За контрастностью первой и собранностью второй стоят различные по природе стилиевые ориентиры. В позах — та же градация между традиционным предстоянием у Симона (заставляющим вспомнить не только ранние варианты ростовых деисусов, популярных в македонскую и комниновскую эпоху, но многочисленные ктиторские фигуры и т. п.) и ракурсностью апостола, построение фигуры которого определено нормами палеологовской живописи. Нормы эти предстают в упрощенно-статическом варианте, который привился в центрах, где классифицирующие тенденции не были определяющими — из русских, например, в Новгороде и особенно в новгородской провинции XV в. Элемент пластической схематизации форм апостольской фигуры соизмерим с произведениями типа новгородской четырехчастной иконы с «Воскрешением Лазаря», «Ветхозаветной Троицей», «Сретением», «Иоанном Богословом и Прохором» первой трети XV в. в Русском музее²⁷ или иконы первой половины столетия «Земная жизнь Христа» в Новгородском музее-заповеднике²⁸. Послед-

²⁷ Лаурина В. К., Петрова Г. Д., Смирнова Э. С. Живопись древнего Новгорода и его земель XII—XVII столетий. Каталог выставки. Л., 1974, № 37, илл. 25 (ср. позы апостолов и Христа в «Воскрешении», Авраама — в «Троице», Иосифа — в «Сретении»).

²⁸ Там же, № 42 (с датой — XV в.); см. также: Лаурина В. К. Иконы Борисоглебской церкви в Новгороде (к вопросу о новгородской иконописи второй половины XIV в.). — «Сообщения Государственного Русского музея», IX. Л., 1968, с. 79—82, илл. на с. 80, 81. В работе предложена противоречивая дата иконы (рубеж XIV—XV вв. и первая половина XV в.) и несколько завышенная оценка: считать ее «теснейшим образом» связанной с палеологовским стилем нет оснований. Она отдалена от последнего не только хронологически (являясь памятником эпохи на грани постпалеологовской), но только живописью (как произведение локально-почвенное), но и в сюжетно-иконографическом аспекте. Сцены ее дают упрощенно-«сокращенный» вариант христологического цикла (ср. с росписью Дечан около 1340 г. в Югославии и т. д.).

няя параллель точнее по преобладанию мягченности, некоторой размытости форм. А они, как правило, в памятниках подобного уровня получают гипертрофированно осызательное истолкование, сочетающееся с отчетливостью линейной проработки (что, кстати выделяет местную, тверскую, живопись — ее локально-провинциализированную ветвь — конца XIV и XV вв. на фоне современной ей живописи других русских центров, даже Новгорода)²⁹. В Петре Хроники пластическая упрощенность определяется суммарностью форм, точнее — их живописной неотчетливостью.

Сходно «суммирована» цветовая гамма, в которой превалируют теплые тона гиматия, оттененные голубым хитоном с переходом в серо-голубой. Колорит с разной степенью контраста теплых тонов (спектра розово- или красно-коричневых, «терракотовых») в сочетании с вариантами голубых присущ многим русским памятникам XIV — начала XV в., прямо или опосредованно примыкающим к палеологовской живописной традиции, но на том же провинциализированном уровне, с подменой тоновой разработки, сложной разыгранности столкновением двух основных цветовых начал. В данную группу входит большинство перечисленных миниатюрных циклов и единичные архаические миниатюры XV в.: Иоанн Лествичник из Лествицы на бумаге первой четверти столетия в Новгородском музее-заповеднике (инв. № 10965)³⁰ или евангелист Матфей в псковских пергаменных Евангельских чтениях 1463 г. ГПБ (Погод., № 18)³¹. Рядом с ними решение рассматриваемой фигуры более свободно благодаря присутствию полутоновых градаций (гиматий), воспринимае-

²⁹ Ср. также современные иллюстративным доработкам Амартола новгородские миниатюры (преимущественно конца XIV в.): в меньшей степени Грозненской Псалтири второй половины или конца столетия, несомненно более классические — ГБЛ, Муз. (собр. ризницы Троице-Сергиевой лавры), № 8662 (*Свириг А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, рис. на с. 49; Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961, илл. 59*); в большей — Слов постнических Василия Великого конца XIV в. — ГПБ, Фн I. 40 (*Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [Государственной Публичной библиотеки]. Л., 1953, с. 38—39*); Типографского Пролога — ЦГАДА, ф. библиотеки Моск. Синод. типографии, № 162 (*Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания. Альбом, ч. II. СПб., 1906, табл. CCCLXXX (774—777); Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 178—179, рис. 119*); сходных с последним миниатюр Погодинского пролога на сентябрь—февраль рубежа XIV—XV вв. — ГПБ, Погод., № 59 (*Лазарев В. Н. Живопись и скульптура Новгорода. — В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, с. 228, 230; Гранстрем Е. Э. Указ. соч., с. 57*) и т. д. В этот же круг входят миниатюры псковского Евангелия 1409 г. — ГИМ, Син., 71 (*Лихачев Н. П. Указ. соч., табл. CCCLXVII (734—736); Свириг А. Н. Указ. соч., с. 40; он же. Искусство книги древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964, илл. 198; Лазарев В. Н. Живопись Пскова. — В кн.: История русского искусства, т. II, с. 367—368, илл. на с. 366*).

Из новгородских икон можно назвать сравнительно классичного по исходному образцу, но аналогичного по пластическим признакам «Апостола Фому» начала XV в. из Русского музея (*Лаурина В. К., Петрова Г. Д., Смирнова Э. С. Указ. соч., № 32*); более уместны в этом списке «Сожествие во ад» конца XIV—начала XV в. из Тихвина в том же собрании (там же, № 28), упомянутая четырехчастная икона и «Отечество» рубежа XIV—XV вв. ГТГ, особенно в своих деталях — апостол Фома (там же, № 25 — с датировкой второй половиной XIV в.). Вообще памятники этой группы оказали заметное влияние на новгородскую иконопись XV столетия и находят параллели в тверской живописи.

³⁰ *Тихомиров М. Н. Рукописи Новгородского музея. — В кн.: «Новгородский исторический сборник», 5. Новгород, 1939, с. 30 (№ 103). Рукопись неверно датирована концом XV в.: филигранны — единокор (Лихачев — близкий № 2318 из недатированной рукописи, варианты № 357, 358 из греческой рукописи 1404 г. и № 862, 863 из рукописи 1416 г.; Брик — варианты № 15797 из рукописей 1390, 1392—1395 гг., № 15803 из рукописи 1406—1408 гг., № 15806 из рукописи 1419 г.) и колокол (Брик — вариант № 4034 из рукописей 1400, 1402—1407, 1418 гг.). Им соответствуют иконография и стиль миниатюры, хотя по мастерству последняя поднимается над уровнем большинства названных выше новгородских провинциализированных иллюстраций конца XIV и рубежа XIV—XV вв.*

³¹ *Бетин Л. В. Псковская миниатюра 1463 года и проблемы истории псковской живописи середины XV века. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 199—215.*

мых как движение к новой системе, XV в. Впрочем, самая живописность здесь — почти непредусмотренный эффект, результат противоречивости (переходности) манеры автора. Большинство остальных миниатюр «второго слоя» Хроники, как увидим, входит в упомянутую провинциально-архаическую группу (практически не соприкасающуюся с культурой XV в.), с той разницей, что они возникли не на новгородской почве — их авторами были местные, скорее всего тверские мастера.

Миниатюра л. 152 важна для корректирования с точки зрения стиля даты работ над рукописью, предложенной выше на основании косвенных исторических и палеографических данных³². Она же свидетельствует о знакомстве исполнителей с проблематикой современного изобразительного искусства. Профессиональный, творческий уровень их правомернее оценивать по другим миниатюрам.

Лучшими в позднейшем цикле являются иллюстрации четвертого мастера (№ 80, 81). Его изведение пророка Даниила из рва указывает на подготовленность к решению сложных композиционно-пространственных задач, динамизации действия (мгновенная смена ситуации — «изведение» пострадавшего и «ввержение» в ров обвинителей, поза льва в броске). В ней есть логические неувязки, вызванные совмещением двух, даже трех сцен (принимая расправу с осужденным — съедение «от льва» — за центральную). Причем пространственные несоответствия размещения фигур очевидны даже с позиций средневекового восприятия (при учете достижений палеологовской классики). Но главное достоинство иллюстрации — в цельности, легкости, даже грациозности многосоставного действия, в сравнительном артистизме исполнения, сочетающемся с угловатой выразительностью. Сюжетный эффект — объединение сцен — дополнен единством персонажей и пейзажа. Активность пейзажа как художественного компонента наглядна и в предшествующей миниатюре того же автора, на л. 122 об. (Даниил во рву львином).

Колорит анализируемой иллюстрации тщательно разработан, обогащен цветовой нюансировкой, хотя строится в пределах все того же «терракотово-голубого» спектра. Симпатии мастера, особенно в сравнении с миниатюрой л. 152, явно обращены к прошлому. Доля сглаженности драматического конфликта (точнее, неэкспрессивность его разрешения) отличает его работу от памятников второй половины XIV столетия, с повышенной внешней динамикой. Это качество делает миниатюру созвучной скорее памятникам первой половины — середины века, преимущественно памятникам иконописи³³. Таковы архаический поясной «Никола»

³² Напомним, что это единственная из позднейших миниатюр с подписями. Их можно объяснить отсутствием в сцене действия, изображением собеседования (к тому же через «грича»), т. е. соображениями узко художественными. Но вероятнее, что подписи фиксируют интерес к ней современников, определяемый комплексом побудительных мотивов: во-первых, соименностью волхва и апостола Симона-Петра, обыгрываемой постоянно в раннехристианской и средневековой литературе; во-вторых, здесь может иметь место повышенный интерес современников к проблеме «ложных» и «праведных» чудес (чему посвящена миниатюра); в-третьих, тема борьбы с Симоном была устойчиво актуальна, поскольку, по мнению древних писателей, он был основоположником большинства ересей, а также симоний, вопрос о которой часто будировался в русской практике, в том числе в Твери. Вопросы, связанные с симонией и антиеретической борьбой, привлекали внимание в окружении Киприана (куда входил Арсений) в связи с идеализацией личности митрополита Петра, продолжателем которого считал себя названный митрополит; см. *Дмитриев Л. А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы, с. 250—252. Оправданию и восхвалению деятельности Петра как в завуалированной форме (снятие с него обвинений по письму тверского епископа в Константинополь), так и в открытой (роль в антиеретической деятельности) посвящен ряд отрывков составленного Киприаном Жития Петра; см. ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, с. 321—332.

³³ Известные миниатюры первой половины XIV в. принадлежат к иному художественному пласти, примыкая к передовым течениям византийской живописи (см. *Попова О. С.* Новгородская миниатюра раннего XIV века и ее связь с палеологовским искусством. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972;

с житием из Коломны и житийная икона «Бориса и Глеба» того же происхождения (обе в ГТГ)³⁴. Экспрессивная живописность первой и облеченность отработанных форм второй иконы в иллюстрации как бы соединяются, рождая более нейтральный и до некоторой степени неустойчивый стиль, где сочетаются камерное, рафинированное и динамическое начала. По законченности приемов миниатюра обнаруживает параллели и в иконах второй половины XIV в., но только в тех, что обязаны своим стилем развитию традиций предшествующих десятилетий (без осложнений влияниями позднепалеологовского варианта), их доведением до изощренной отшлифованности. Таков, например, «Никола» с клеймами жития из Теребужского погоста в собрании ГРМ³⁵.

Каждая из предложенных аналогий оттеняет пространственную активность миниатюры (на «втором плане» за счет нарушения логической конструкции), взаимосвязь всех элементов внутри сцены, а не сопоставление их силуэта подобно клеймам «Николы» из Теребужского погоста или более ранним миниатюрам Сильвестровского сборника. Перечисленные признаки указывают на продвижение стиля, но, как уже отмечалось, в пределах импульсов, восходящих к наследию первой половины или середины XIV в. Значительность художественного результата на пути культивирования этого искусства, отдельными лишь гранями соприкасающегося с палеологовской традицией, свидетельствует об устойчивой консервативности местной среды и своего рода органичности архаики в Твери.

Существенность ориентиров первой половины столетия для последующего поколения тверских художников подтверждают работы другого мастера, на лл. 100 об. и 101 (№ 61, 62), иллюстрирующие историю некоего человека, раздавшего свое имущество. Названная в связи с рассмотренной миниатюрой л. 123 параллель — житийный «Никола» из Коломны — здесь если не более уместна, то более многогранна и принципиальна. Иллюстрации эти уступают коломенскому памятнику в экспрессивности живописной лепки. Разнится проработка грубоватых крупных лиц, предельно пестрая у миниатюриста. Общее же колористическое решение сходно. Идентичен принцип фиксации материально-предметного окружения, устойчиво плоскостного, заменивший пространственные градации изведения Даниила из рва. Аналогичны иконе не только представление о роли архитектурного фона, но конструкция зданий (ср. дворец в миниатюре л. 100 об. с клеймом рождества Николы, кузницу второй иллюстрации с палатами в клеймах, посвященных истории Агрикова

она же. Новгородские миниатюры второй четверти XIV века. — Там же, сб. 2. М., 1974), либо опираясь на традиции XIII в. (см. *Вадорное Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV века. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 146—153, 162—167). К последним относятся известные миниатюры Сказания о Борисе и Глебе первой половины или середины века — ЦГАДА, ф. библиотеки Московской Синод. типографии, № 53 (*Айналов Д. В.* Миниатюры «Сказания» о святых Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. СПб., 1911).

³⁴ Воспроизведение в цвете см.: *Onasch K.* Ikonen. Berlin, 1961, Taf. 112—113; *Лазарев В. Н.* Московская школа иконописи. М., 1967, табл. 9—11, 3—8. Датировка иконы «Борис и Глеб» не безусловна; возможно, их правомернее датировать XIV в. без детальной локализации, поскольку эпиграфика иконы обладает признаками «развитого» XIV столетия (указание О. А. Князевской).

³⁵ Э. С. Смирнова («Живопись Обнежья XIV—XVI веков». М., 1967, с. 53, прим. 98, илл. 8—10) вслед за В. Н. Лазаревым и В. К. Лауриной датирует икону XV столетием, но связывает ее, в отличие от них, не с Новгородом, а с северо-востоком («ростово-суздальской школой»). Более обоснованным представляется ее создание во второй половине или последней четверти XIV в. Включение иконы в круг суздальских памятников (*Розанова Н. В.* Ростово-суздальская школа живописи XIII—XVI веков. Альбом. М., 1970, табл. 49—51) кажется неправомерным. Основанием для него послужило сближение иконы с суздальским «Рождеством Богоматери» первой половины XV в. (ГРМ). Но гораздо существеннее общность памятника из Теребужского погоста с ростовской иконой «Никола и ростовские святители Исаия и Леонтий» с житием Николы в клеймах конца XIV—начала XV в. (ГТГ).

сына). И тут и там усложнение и дифференцированность среды (фоновых деталей) достигнуты конкретизацией образующих сцену, размещенных строго горизонтально элементов. Их проработка выступает своего рода средством преодоления традиции нейтральной трактовки окружения³⁶.

Автор рисунка к истории «некоего человека» уступает в мастерстве исполнителю коломенской иконы. Однако их творчество, разделенное несколькими десятилетиями, развивается в одном русле. Но если живописи иконы присущи черты первооткрытия, то в миниатюрах консервативно сохраняется выработанная на базе одностороннего восприятия палеологовского стиля система. В этом их основное различие, хотя внешние работы иллюстратора примыкают к памятникам первой половины столетия.

Вторая особенность миниатюр — в детализированности форм, их проработке по принципу большего иллюзионизма; замечание касается главным образом одеяний, прорисованных с подробностью, контрастирующей с обобщенностью рисунка в клеймах «Николы», подчиненного экспрессии целого. Последнее также есть до некоторой степени нюанс в движении стиля. Одновременно исполнитель мог учитывать специфику иллюстративной работы, прибегая к графическим приемам.

Миниатюра л. 210 об. (№ 108), изображающая пир нищих у императрицы Елены, как бы совмещает признаки рассмотренных иллюстраций «второго слоя», но на уровне менее устойчивой, осмысленной манеры. Архитектурные мотивы сцены аналогичны зданиям в клеймах упомянутого «Николы», иными словами, следуют тому же кругу источников. Не известная по другим позднейшим миниатюрам рукописи деталь — велум — встречается в русских иллюстрациях первой половины и середины XIV в., а из икон этого времени — в житийном «Николе» в рост из села Павлова под Ростовом (ГТГ). В поздней миниатюре Хроники роль велума несколько отлична от той, которую он играет, например, в иллюстрациях Сказания о Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. В Сказании это как бы обрамление, фиксация высоты сцены. В Амартоле велум фиксирует пространственный интервал, включающий в зрительное восприятие пергаменный лист, превращает его в элемент художественный, преодолевает остатки композиционной изолированности компонентов сцены. Иными словами, в первом случае он воспринимается как декорация, а во втором — выражает пространственно-пластическую сущность³⁷. В этом нельзя не видеть также сдвигов художественного восприятия, хотя и в рамках изоляции от ведущих направлений эпохи.

В неоконченной, полуэскизной по виду иллюстрации, в ее лишь намеченных образах (прислуживающая императрице Елене девица) присутствует степень грациозности, роднящая их с миниатюрой изведения Даниила из рва. Проработанным же формам присущи сухость, каллиграфическая статичность в сочетании с внутренней экспрессией (фигура Елены). Двойственность отличает иллюстрацию л. 210 об. от предшествующих, в наибольшей степени выявляя противоречивость манеры или, что точнее, стиля позднейших декораторов Хроники в целом. Одновременно ее «окончательные» формы оказываются наиболее созвучными тверским вратам рубежа XIV—XV вв. из Третьяковской галереи, хотя и далеким зрительно. И в миниатюре, и во вратах застылость при потенциальной динамике

³⁶ См. также *Осташенко Е. Я.* Архитектурные фоны в некоторых произведениях древнерусской живописи. — В кн.: *Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.* М., 1970, с. 283—286. В качестве аналогии архитектуре первого клейма «Николы» автор называет миниатюру на л. 210 об. Амартола, ошибочно отнеся ее к «первому слою».

³⁷ Указанное качество роднит иллюстрацию Амартола с памятниками, вполне современными по стилю: миниатюрами Евангелия из Чудова монастыря (ГИМ, Чуд., № 2, л. 1 об.), Евангелия из Переславля Залесского (ГПБ, Фн I. 21, лл. 6 об., 79), Евангелия из Успенского собора Московского Кремля (ГИМ, Усп.-б., 4, л. 3 об.); см. *Лихачев Н. П.* Указ. соч., табл. CCCLXV (727—728), CCCLXVI (731), CCCLXVIII (737).

выступает доминирующим качеством. Однако если форма во вратах образована путем равномерного слияния условно пластических компонентов, то в миниатюре имеет место цельность-единичность формы, цельно же воспринимаемой.

Большинство последующих миниатюр (с л. 244 об.) остались в подготовительной прорисовке, либо частичной корпусной, пастозной подцветке. Их состояние предопределяет выбор иных аспектов анализа, под углом развития собственно графики, проблемы которого на русском материале XIV — первой половины XV вв. разработаны крайне слабо³⁸. Контурных рисунков этого времени (в отличие от последних десятилетий XV в.) известно сравнительно мало. Данная часть иллюстраций поэтому представляет дополнительный интерес, несмотря на свою неоконченность.

Рисунок их энергичен, а местами груб. Первый, предварительный светлый набросок в большинстве иллюстраций пройден кистью черной темперой. Простота и лаконичность композиций в сочетании с утолщенными линиями повторной прорисовки создают впечатление примитива. Но и тут встречаются довольно изощренные архитектурные формы, например, балдахин, или киворий, над императором в миниатюре л. 225 (№ 113), повторяющий в сущности устойчивый комниновский вариант, но с «облагороженным» по отношению к его ранней русской редакции силуэтом. Движениям и пропорциям некоторых персонажей придана соразмерность, их пластика смягчена (см. фигуры в сцене явления крестного знамения на л. 226 об., № 115). Типаж, аналогично Петру из миниатюры л. 152, четко указывает на дату создания рисунков.

Прерывистость широкой линии-мазка сродни не столичным по уровню и преимущественно московским памятникам, а провинциальным, т. е. более или менее архаическим, как живописным (клейма «Николы» рубежа XIV—XV вв. из собрания Н. И. Речникова в Русском музее)³⁹, так и гравированным по металлу⁴⁰. С другой стороны, в неоконченной серии привычные навыки рисовальщика начала XV в. становятся более явственными, что в корне отличает его работу от случайного перового рисунка, по всей вероятности, писца на л. 150 об., живо напоминающего стиль XIII в. — глубочайшую по тому времени архаику⁴¹. Именно этот

³⁸ Богуславский Г. К. Замечательный памятник древней смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символично-политического содержания. — В кн.: «Древности. Труды Московского Археологического общества», т. XXI, вып. 1. М., 1906 (о рисунке в Онежской Псалтири 1395 г. — ГИМ, Муз., № 4040); Алпатов М. В. Древнейшие русские рисунки. — «Slavia», год. IX, seš. 3, 1930 (о рисунках конца XIV—начала XV в. на вставном листе Постнических слов Василия Великого 1388 г. — ГИМ, Чуд., 10). Подавляющее большинство примеров подобной техники встречается в тератологическом оформлении. Распространение контурного рисунка пером или кистью заметно с конца XV в., не без воздействия западноевропейской гравюры, классический образец чего — миниатюры Радзивилловской летописи (БАН, 34.5.30).

³⁹ Лаурина В. К., Петрова Г. Д., Смирнова Э. С. Указ. соч., № 24, илл. 16—17 (с датировкой второй половины XIV в.).

⁴⁰ Здесь параллели в хронологическом отношении менее четки, однако соизмеримость с произведениями XV в. рисунков Хроники выступает с отчетливостью. Существенно, что они не имеют точек соприкосновения с новгородской гравировкой XV в. и памятниками, отразившими воздействие готики (ковчег архиепископа Дионисия 1380-х гг. в Оружейной палате и т. д.), несмотря на хорошее знакомство Твери с продукцией западноевропейских ювелиров.

⁴¹ Довольно близкую параллель ему в стилистическом отношении представляют рисунки на полях Типографского Устава (теперь ГТГ, инв. № К-5349) первой половины XII в.; см. Вздорнов Г. И. Рисунки на полях Типографского Устава. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Их датировка временем рукописи проблематична, стилистически они локализируются скорее концом XII—XIII вв. Аналогии рисунку Хроники, кроме того, имеются в тератологическом оформлении XIII и архаическом — XIV в.; ср. Некрасов А. Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV века. СПб., 1914, рис. VI-17 (Евангелие XIII в. — ЦГАДА, ф. библ. библиотеки Московской Синод. типографии, № 7), VII-6 (Псалтирь XIV в. — там же, № 32), VIII-9 (Псалтирь XIV в. — ГИБ, Fn I. 2).

рисунок возвращает нас к проблеме «романизации» русского изобразительного искусства XIII или начала XIV столетия, к которой причастны ранние миниатюры Хроники Амартола.

По мере продвижения последних иллюстраций «второго слоя» к завершению они явно приобретают более архаический облик. Достаточно указать на сцену с Афанасием Александрийским перед кораблем на л. 218 об. (илл. № 110), отчетливо перекликающуюся с лаконизмом клейм «Николы» из села Павлова под Ростовом или экспрессией клейм иконы «Огненное восхождение Илии пророка» второй половины — конца XIV в. в Горьковском художественном музее⁴². Из этого можно заключить об определенной программности иллюстраций в смысле их ориентации на миниатюры «первого слоя». Однако этот факт нельзя преувеличивать в силу общей стилистической запоздалости творчества мастеров Арсения, их симпатий к уходящей в прошлое эстетике, что соотносится с культурно-художественным развитием Твери рубежа столетий. И соразмерные по внешним признакам (обрамление) с ранними иллюстрациями начальные рисунки «второго слоя», и предельно свободные последние, и два архитектурных «пейзажа» — с изображением жертвоприношения Александра Македонского в иерусалимском храме на л. 29 об. (илл. № 22) и самого храма на л. 125 об. (илл. № 82), — все они оперируют привычным для русской живописи XIV в. типологическим набором стаффажа, персонажей, композиционных вариаций.

Иллюстрации «второго слоя», по единодушному мнению специалистов, вобрали в себя многие черты русского быта. Вспомним похороны в санях Юлиана Отступника (л. 219), обычный для Руси «насад», фигурирующий в качестве корабля, на котором путешествует Афанасий Александрийский, или вышедшие из употребления ко времени создания миниатюр гривны (л. 100 об.), наконец, названные изображения иерусалимского храма в виде одноглавой церковки (ср. иллюстрацию л. 225 об.), на которые неоднократно указывалось в литературе. В такой руссификации, однако, нет нарочитости. Перед нами — привычный путь «сочинения» на основе компромисса между традицией (так называемым преданием) и реально бытующими формами. Такова кузница в миниатюре на л. 101 (№ 62) — прямоугольное сооружение с трехлопастной аркой, внутри которой размещены наковальня, мехи и т. д. Нечто подобное можно наблюдать в житийных иконах XIV в., где отдельные ситуации разрабатываются вне связи с изобразительными источниками, самостоятельно. Момент «самостоятельности» в иллюстрациях лишь активизирован. Этим, как и приемами композиционной организации, позднейшие миниатюры Амартола примыкают к отечественному по происхождению циклу миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике ЦГАДА⁴³. Их сходство не означает непосредственного обращения мастеров круга Арсения к сборнику. Миниатюры Сказания архаичнее и ниже по исполнению, если исходить из иллюстраций типа изведения Даниила из рва. Воздействие «общего источника» для тех и других⁴⁴ реально лишь при условии понимания под таковым стилистического, художественного ориентира.

Миниатюры Сказания о Борисе и Глебе входят в обширную группу новгородских архаических иллюстраций XIV—начала XV в.⁴⁵, отличаясь от них как самые ранние близостью к искусству XIII столетия. Традиция рукописной иллюстрации должна была оказать преобладающее воздействие на авторов поздних миниатюр Хроники и в связи с поставлен-

⁴² Ростово-суздальская школа живописи [Каталог выставки]. М., 1967, № 31.

⁴³ Ср. Айналов Д. В. Миниатюры «Сказания»..., рис. 2, 12, 16, 19, 35, 39, 41. Житийная икона «Бориса и Глеба» из Коломны не привлекается как стоящая на более высоком художественном уровне и соответственно — уровне слияния канона и национальных элементов.

⁴⁴ Вздорнов Г. И. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола, с. 220.

⁴⁵ См. выше, прим. 29.

ными перед ними задачами, и в связи с их очевидным консерватизмом: прямое обращение к ней создавало почву для многообразного варьирования архаики. Исходя из миниатюр «первого слоя» Амартола и развивающей их стиль выходной иллюстрации тверского списка Мерила Праведного середины XIV в., можно думать, что образцом для тверских художников начала XV в. служили памятники отнюдь не местного происхождения. В то же время иллюстрации, строго идентичные по стилю рассматриваемым, неизвестны. Точнее и многограннее их параллели в иконописи первой половины — середины XIV в. и в отдельных архаизированных ее образцах конца столетия. Нельзя не заметить при этом их сходства с произведениями северо-востока (московскими, подмосковными, ростовскими и т. п.), а не только Новгорода или новгородской провинции (что отличает их от миниатюр «первого слоя»). При этом лаконичная выразительность анализируемых иллюстраций в наиболее приближенных к современной практике решениях далека от материализованной экспрессии икон новгородского круга, а в своих классицизирующих вариантах (изведение Даниила) как бы противоположна ей. Упоминавшиеся миниатюры новгородских рукописей есть лишь пример искусства, находящегося на той же стадии развития, что и позднейшие иллюстрации Амартола. Единственная соизмеримая с ними новгородская икона — житийный «Никола» рубежа XIV—XV вв. (скорее начала XV в.) из Борисоглебской церкви Новгорода в Новгородском музее-заповеднике⁴⁶. Стиль его клейм довольно сложен и, вероятно, испытал воздействие северо-восточной (ростовской?) иконописи. Отсюда — обособленное положение памятника в современном ему новгородском искусстве.

Сложность переплетения архаики, воссоздаваемой, черпаемой из стороннего источника, и бытующих в местной художественной среде архаических норм делает правомерным сопоставление миниатюр «второго слоя» с такими капитальными балканскими кодексами, как болгарские Псалтирь Томича (ГИМ, Муз., № 2752) или Летопись Манассии (Vat., slav. II) середины XIV в. и отчасти сербская Псалтирь Мюнхенской национальной библиотеки (Cod. slav. 4) конца того же столетия⁴⁷. Миниатюры мюнхенской рукописи, естественно, самые развитые по стилю, связаны с традицией монументальной живописи северной Македонии (Марков монастырь 1370-х годов, Андреаш 1389 г.). Однако небрежность, как бы поспешность их выполнения перекликается с экспрессией живописи середины века. Рисунки ранней Псалтири Томича, менее последовательные в воспроизведении предшествующих источников и принадлежащие консервативной группе мастеров, обладают наибольшими точками соприкосновения со «вторым слоем» иллюстраций Амартола, от композиций до отдельных образов⁴⁸. И тут и там на разных временных отрезках, в неадекватных стилевых вариантах представлен процесс переработки сходных прототипов, отличающий, например, миниатюры Псалтири от болгарского же Лондонского Евангелия 1356 г. (Британский музей, Add. 39627), а Хроники — от Киевской Псалтири 1397 г. (ГПБ, ОЛДП, Fn 6), поскольку иллюстрации этих рукописей восходят к древнейшим и классическим источникам — константинопольским кодексам XI в.

⁴⁶ Лаурина В. К., Петрова Г. Д., Смирнова Э. С. Указ. соч., № 23, илл. 14, 15 (с датой — около 1377 г.). Более правомерным представляется мнение В. Н. Лазарева, датировавшего икону рубежом столетий и отметившего ее исключительный архаизм; см. Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, с. 94, 95. В ее архитектурных фонах, кажется, прослеживаются отдаленные и запоздалые романские типологические реминисценции.

⁴⁷ Strzygowski J. Die Miniaturen des serbischen Psalters der königl. Hof- und Staatsbibliothek in München. Wien, 1906; Радојичић С. Старе српске минијатуре. Београд, 1950, с. 33—36; он же. Старо српско сликарство. Београд, 1966, с. 170—171.

⁴⁸ Ср. Шепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV в. Исследование Псалтири Томича. М., 1963, табл. III, VIII (10), XI, XVIII, XIX, XXVIII (36), XXXV (34), LI (80), LII, LIII (85), LV, LVIII (95).

Самым плодотворным, на наш взгляд, является сопоставление рассмотренных миниатюр Амартола с иллюстрациями Летописи Манассии 1344—1345 гг.⁴⁹ Несмотря на их «большую свежесть и непосредственность», «отпечаток. . . грубоватой выразительности и. . . несколько примитивной упрощенности»⁵⁰ роднит болгарский памятник с позднейшими русскими доработками византийской Хроники. Лапидарность и экспрессия миниатюр середины XIV в. находят параллели в их запоздалом стиле⁵¹. И в Летописи и в Хронике дана предельно сокращенная редакция изображаемых событий, намеков на них. Таковы, например, в болгарском списке сцены из царствования Тиберия: Сошествие во ад, Вознесение, прием Марии Магдалины римским императором (л. 75 об.)⁵² и т. д.

Оба цикла миниатюр объединяются и другим качеством — отношением к тексту. Иллюстрации Летописи Манассии, несмотря на существование греческого оригинала (по всей вероятности, второй половины XII в.), используют дополнительные источники. Наряду с этим их авторы прибегают к самостоятельному творчеству. Зачастую миниатюры Летописи не тождественны определенному отрывку, но как бы суммируют ряд событий, в некоторых случаях разделенных хронологически. В поздних рисунках Хроники Георгия Амартола выявилось в основном аналогичное понимание иллюстрационных задач, причем уже на первых листах. Так, миниатюра л. 95 об. (№ 59) следует не тексту, за которым непосредственно оставлено для нее место, но предшествующему рассказу («. . . созда Соломонъ капище Хамосови идолю Моавъскоу и Астарты мерзости Сидонъстеи. и тако створи страннымъ своимъ женамъ всемъ иже жряхоу кадихоу идоломъ. . .»), изображая его не как сцену собственно идолослужения, но сцену поклонения одному идолу. Аналогично решается миниатюра л. 241 об. (№ 109), только посвящена она последующему тексту. Миниатюра на л. 125 об. (№ 82) есть своего рода суммирование многословного, с л. 124 об. по л. 126, описания иерусалимского храма. Его изображение, как отмечалось, не имеет точек соприкосновения с самим текстом. Художник подменяет его зрительно привычным вариантом, как бы символом храма вообще. Сходно истолковано повествование в миниатюре л. 152 (№ 93), с той разницей, что описанию встречи Петра и Симона посвящен предыдущий текст. Отрывок же, непосредственно предшествующий данной миниатюре, проиллюстрирован в «первом слое» на л. 153 (№ 94). Иными словами место для позднего рисунка не соответствует его содержанию, но как раз оно сжато и обобщенно передает существо эпизода.

Трехчастная сцена л. 123 (№ 81) с изведением Даниила из рва, ввержением туда его обвинителей и их казнью выявляет динамику, которая в той или иной степени присуща многим позднейшим миниатюрам. В основе ее лежит обостренное восприятие, как бы ускоренное прочтение текста, очевидное и в иллюстрациях Летописи Манассии. В последней рисунки образуют вторую, конспективную и емкую линию повествования (учитывая их подписи). Отчасти это обусловлено их менее равномерным размещением в тексте, утратой непосредственной от него зависимости. Но уже выбор места для них — свидетельство иного отношения к задачам, порывающего с ранней традицией, зафиксированной в мадридском списке Хроники Скилицы конца XI—начала XII в. (Национальная библиотека, Mat-

⁴⁹ Дуйчев И. С. К изучению миниатюр Манассиевой летописи. — В кн.: Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. М., 1973; см. также Божков А. Българската историческа живопис, ч. 1. София, 1972, с. 80—84, обр. 1—10, 36—43.

⁵⁰ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I. М., 1947, с. 241—242; Lazarev V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1965, p. 395.

⁵¹ Ср. Дуйчев И. Миниатюры на Манассиевата летопис. София, 1962, № 7, 14, 21—24, 34, 39, 51, 62.

⁵² Там же, № 24; Дуйчев И. С. К изучению миниатюр Манассиевой летописи, с. 273—274.

ritensis gr. 26—2)⁵³ или в самом Амартоле, где содержание раскрывается шаг за шагом, подробно, однозначно и строго кадрированно. Авторы дополнений Хроники Георгия Амартола ограничены заданной предшественниками схемой. Но и их затронули новации, которые, правда, вылились в обобщенно-суммированную и одновременно схематическую интерпретацию текста. Уникален в этом отношении перовой рисунок на л. 150 об., конкретно не соприкасающийся с содержанием Хроники. При этом фигура человека с опахалом (?) в руке, защищающегося от зверя, воспринимается как символический образ «сопротивления» грехам, о которых идет речь на лл. 150—151 об. (со ссылкой на Платона и Сократа). По уровню отношения к повествованию рисунок можно считать идентичным некоторым рассмотренным припискам начала XV в. той же Хроники. По степени отвлеченности (если содержание его именно таково) он как бы опережает свое время.

Как видим, при кажущейся случайности «второй слой» миниатюр обладает некоторой принципиальностью, художественной и содержательной. Он принадлежит отчасти уже следующему этапу лицевого летописания, известному по созданным на славянской почве памятникам и представленному, помимо болгарской рукописи 1344—1345 гг., русской Радзивилловской летописью конца XV в. Разница в том, что ранние источники списка Манассии и Радзивилловской летописи в позднейших иллюстрациях Хроники подменяются самостоятельным «сочинением» в согласии с бытующими изобразительными нормами. Несмотря на очевидную консервативность, в решениях авторов начала XV в., как показывает анализ, выявляются общие закономерности движения. Более того, стилевые тенденции серии неоконченных миниатюр «второго слоя» как бы получают развитие в графике иллюстраций Радзивилловской летописи (осложненной воздействием готики), а многозначность и опосредованность содержания ряда поздних миниатюр по отношению к тексту Хроники оказывается причастной к тем процессам, которые подготовили почву для символической интерпретации исторического повествования в России XVI в.

Важно и то, что доделка Хроники осуществлялась в Твери, поскольку о ее культурно-художественной жизни на рубеже XIV—XV вв. сохранилось немного данных. Изложенные наблюдения подкрепляют версию тверского происхождения кодекса и его пребывания там до начала XV в. Работы над завершением художественного декора списка (в сохранившейся части), как выяснено, были прерваны.

* * *

Дополнения времени епископа Арсения⁵⁴ не внесли кардинальных изменений в облик рукописи (ее пагинацию и т. п.). Но были ли они единственными? Вставные бумажные лл. 8 и 9 XVII в. в оглавлении Хроники выделяются без труда. Однако наибольший интерес представляют ранние доработки, предшествующие вмешательству начала XV в.

В настоящем виде список Амартола имеет 273 листа. Листы 266—273 занимают свое нынешнее место ошибочно и должны следовать за л. 149, предшествуя завершающим так называемую «первую половину» списка лл. 150—152. Исходя из существования молитвенной (вкладной?) записи начала XV в. на обороте последнего л. 265, можно утверждать, что перемещение это сравнительно позднее и, вероятно, современно нынешнему

⁵³ Датировка по палеографическим данным Б. Л. Фонкича. Подписи к миниатюрам — работа художников, несомненно, им предшествовала — выполнены близкими по характеру и современным основному тексту почерками. Следовательно, миниатюры также современны рукописи, чему не противоречит их стиль (вспомним устойчивое в науке мнение о ранней дате их оригинала) и что не исключает последующих поновлений отдельных сцен, фигур и т. д.

⁵⁴ Здесь и выше не затрагивается правка подписей на выходной миниатюре л. 17 об., поскольку ее рассмотрение взаимосвязано с анализом изображения.

переплету. Листы 266—273 составляют обычную восьмилистную тетрадь, л. 150 подклеен к парным лл. 151—152. Все они выделяются качеством пергамента, более гладкого и желтоватого, светло-коричневыми чернилами. Почерк их также отличен от остальной части Хроники и обладает признаками развитого XIV в., ближе к его концу, но без следов южнославянского влияния в графике. Аналогично они не прослеживаются в языке⁵⁵. Листы 266—273 принадлежат одному писцу, лл. 150—152 — второму. Между ними есть безусловное сходство, оба профессиональны, даже изощренны. К той же группе по времени и палеографическим признакам можно отнести приписку на л. 25 об. Хроники, на оставшихся пустыми четырех строках — «О послушании Моисию»⁵⁶. Ее отличает лишь очевидная искусственность, подражание раннему письму Хроники.

Таким образом, доделки первых лет XV в. не являются самыми древними. Им предшествовали более фундаментальные.

Причины текстовой вставки второй половины XIV в. неясны: вызвана ли она изначальным отсутствием фрагмента Хроники (мелкие пропуски не единичны в тверском списке⁵⁷), восполняет ли последующую утрату или порчу соответствующих листов. Первая и вторая версии предполагают существование другого списка, доступного для тверских книжников либо находившегося в это время непосредственно в Твери. В случае порчи текст лл. 266—273 и 150—152 должен был заменить около двух изначальных тетрадей, принимая в расчет существование миниатюр. Писец лл. 266—273 экономит пергамен и, сохраняя систему дробной разбивки повествования инициалами, идентичную основной части кодекса (для них он оставляет место), помещает их в строке, не выделяя абзацы. Писец лл. 150—152, наоборот, разрежает, укрупняет письмо, растягивает текст, делает пропуски в строках (на л. 150 об. такой пропуск заполнен перовым рисунком начала XV в.). Часть второго столбца л. 152 и его оборот остались чистыми (позднее л. 152 был украшен миниатюрой с Петром и Симоном).

Любопытно, что и второй писец отказывается от разбивки текста на отдельные абзацы. К тому же инициалы у него практически отсутствуют. Из этого можно было бы сделать вывод об использовании переписчиками особого списка Хроники, с иным оформлением текстовых членений. Однако такой вывод рискован. Не ставя целью полное воспроизведение лицевого варианта, во второй половине XIV в. могли отказываться и от соответствующих деталей его зрительной организации⁵⁸. Важнее было разместить текст на заготовленных листах. Соответственно работа разбилась на два этапа, для оставшегося текста выделены три дополнительные листа пергамента и привлечен особый писец.

В качестве оговорки следует допустить еще один повод для позднейшей замены: сверку испорченного (пропусками, неверным чтением и т. п.) фрагмента Хроники с другим списком. Но единичность акта, отсутствие вставок или правки этого времени в других местах, в частности, действительно «испорченных», практически исключает такой вариант. Самым реальным представляется копирование соответствующих тетрадей именно в силу их неудовлетворительного состояния.

Причины такого состояния объяснимы. Тетрадь с лл. 266—273 помечена номером 20 (см. л. 273 об.). Листы 150—152 нумерации не имеют. Если во второй половине XIV в. заменили две старых тетради (исходя

⁵⁵ Приношу глубокую благодарность О. А. Князевской за консультацию по этому вопросу.

⁵⁶ *Истрин В. М.* Указ. соч., т. I, прим. 5 на с. 41. Издатель, кажется, считал ее современной основной тексту.

⁵⁷ Там же, с. 37, 40, 41.

⁵⁸ В пользу копирования тетрадей из состава настоящего экземпляра Хроники свидетельствует частичное, но устойчивое сохранение таких деталей, как концовки в виде размещенных крестом четырех точек (см. лл. 266 об., а, б; 267, б; 268 об., а; 269, а, б; 270, а; 271 об., а; 272 об., а, б; 150, б; 151 об., а, б; 152, б). О них ниже.

из неравномерности размещения миниатюр, добавим — не менее двух), общий счет тетрадей списка нарушался. Указанное обстоятельство не имело значения в одном случае: когда заменяемые тетради и сменившие их листы завершали особую часть, со своим счетом тетрадей. Тогда удовлетворительным образом разъясняется и подклейка л. 150 (поскольку оставшийся текст мог поместиться на основных парных лл. 151—152). Писцу необходимо было сохранить чистым оборот л. 152 как последнего в комплексе. Вид оборота подтверждает это предположение. Первые 152 листа списка представляли самостоятельное целое, и, возможно, некоторое время имели особый переплет. Местоположение замененных тетрадей делает допустимой гипотезу о их порче ко второй половине XIV в.

Из сказанного вытекает, что существующий вид Хроники Амартола не изначален. Она — конволют. По всей вероятности, во второй половине XIV столетия ее «первый том» существовал отдельно. Основываясь на идентичности и близости между собой некоторых почерков начала XV в. в этом «томе» и следующем — условно «втором», — а также на молитвенной-вкладной записи того же времени последнего л. 265 об., общей для обеих частей (напомним — л. 152 об. оставался пустым), можно заключить, что единый переплет появился к началу XV в., не исключено — при доработке списка в окружении епископа Арсения. Он был заменен во второй половине XVI в. переплетом, сохранившимся до наших дней. Судьба последующих частей Хроники неизвестна, хотя по некоторым косвенным признакам можно допустить, что ее продолжение существовало.

Выясним детали членения списка, поскольку это дает определенный материал для выводов о продолжении, а главное — об организации работ по переписке Хроники.

В начальном комплексе листов Хроники (с л. 1 по л. 149) сильно повреждены две первые тетради, заново спитые и подклеенные. На обороте л. 7 сохранилась полустертая буквенная помета «1». Следовательно, здесь отсутствует один лист. Это первый лист с заголовком и оглавлением 22-х глав⁵⁹. Во второй тетради (см. помету л. 15 об.) утрачено два листа: лист начальный, между лл. 7 и 10 по теперешней нумерации, парный л. 15 и замененный в XVII в. двумя бумажными лл. 8—9, и лист между лл. 14 и 15, парный л. 10⁶⁰. Таким образом, обе тетради были восьмилистными. Третья тетрадь (нумерация на лл. 16 и 21 об.) в настоящее время имеет 6 лл. Пропущенный текст между лл. 18 и 19 позволяет установить, что здесь были вырваны два парных листа, возможно, имевших миниатюры⁶¹. Далее следуют аналогичные по количеству листов тетради: четвертая — лл. 22—29, пятая — лл. 30—37, шестая — 38—45, седьмая — 46—53, восьмая — 54—61, девятая — 62—69, десятая — 70—77, одиннадцатая — 78—85, двенадцатая — 86—93, тринадцатая — 94—101, четырнадцатая — 102—109, пятнадцатая — 110—117, шестнадцатая — 118—125, семнадцатая — 126—133, восемнадцатая — 134—141, девятнадцатая — 142—149. Частично они сохранили нумерацию. За л. 149, как отмечалось, до реставрации второй половины XIV в. следовало около двух тетрадей.

В последующем «томе» восьмилистные тетради также преобладают, но их нумерация утрачена. Первая тетрадь сохранилась полностью (лл. 153—160), во второй (лл. 161—167) вырезан лист между лл. 165 и 166, парный л. 163⁶². Далее идут полные тетради (третья — лл. 168—175, четвертая — лл. 176—183, пятая — лл. 184—191, шестая — лл. 192—199). Седьмая тетрадь (лл. 200—204) выделяется количеством листов. Их пять: лл. 201 и 202 образуют середину тетради, л. 200 парен л. 203; соответственно л. 204 подклеен дополнительно. Подклейка обусловлена

⁵⁹ Продолжение названия 22-й главы на л. 1 по существующей пагинации. См. Истрин В. М. Указ. соч., т. I, с. 3—4.

⁶⁰ Там же, с. 15—17, 24—26.

⁶¹ Там же, с. 31—32. В. М. Истрин не отмечает этого факта.

⁶² Там же, с. 273—274. Издатель объясняет отсутствие текста пропуском.

необходимостью разместить текст, завершающий один из разделов Хроники, и трудностью точного расчета объема тетради.оборот л. 204 полностью занят текстом. Более того, во втором его столбце снизу добавлена строка. Зрительного разрыва между лл. 204 об. и 205 нет. Тем не менее лл. 153—204 составляют особый самостоятельный комплекс тетрадей.

Третья группа тетрадей начинается с л. 205 и состоит также из восьмиллистных тетрадей с утраченной нумерацией (первая — лл. 205—212, вторая — лл. 213—220, третья — лл. 221—228, четвертая — лл. 229—236, пятая — лл. 237—244, шестая — лл. 245—252, седьмая — лл. 253—260). Последняя, восьмая тетрадь неполная, пятилистная. Ее средние парные лл. 263 и 264, крайние — лл. 262 и 265; л. 261 не имеет парного. Таким образом, первоначально тетрадь была шестилистной, а ее последний пустой лист (текст заканчивается на 16-й строке второго столбца л. 265 об.) был вырван или вырезан.

Если судить по завершению молитвенной-вкладной записи начала XV в. на предпоследней 27-й строке л. 265 об., лист, парный л. 261, к этому времени уже отсутствовал.

Анализ тетрадей позволяет утверждать, что работа по переписке сохранившейся части Хроники была разбита на три параллельных цикла, что существенно отличается от вывода архим. Леониды о «новизне» и «свежести» письма второй половины кодекса, поддержанного А. И. Некрасовым и развитого О. И. Подобедовой⁶³.

Каким образом членение тетрадей на самостоятельные комплексы сочеталось с процессом писцовых работ? Листы 1—61 об. написаны одним почерком, лл. 62—149 об. — вторым, лл. 153—204 об. — третьим, лл. 205—239 об. — четвертым. Третьему принадлежат и лл. 261—265. Граница между первым и вторым почерками соответствует стыку тетрадей девятой и десятой. Следовательно, второй писец включился в работу по окончании первого. Третий писец работал независимо от них, поскольку располагал особым запасом тетрадей. Нельзя исключать, что замененный во второй половине XIV в. первоначальный текст между лл. 149 об.—153 (т. е. текст современных лл. 266—273, 150—152) принадлежал не второму, а иному писцу. Но и это обстоятельство не влияло на работу третьего писца. Соответственно и четвертый писец трудился на своих тетрадях.

Возможно, оригинал списка составлял несколько томов или он был расплетен и распределен между писцами. Любопытно, что второй (см. лл. 70—72 и далее), третий и четвертый писцы привлекают к работе помощников или учеников. Им принадлежат от одной-двух строк до полутора-двух листов⁶⁴. Это говорит о поспешности переписки; возможно, оригинал попадает в Тверь на сравнительно короткий срок⁶⁵. Во-вторых, ясно, что работа осуществлялась в крупном скриптории. Последний вывод не оригинален: на связь списка с крупной мастерской (великокняжеской или епископской, при тверском кафедральном соборе) неоднократно указывалось. В данном случае вывод базируется на конкретной аргументации, в то время как большинство предшествующих исследователей выделяли двух переписчиков⁶⁶.

⁶³ Леонид, архим. Указ. соч., с. 14; Некрасов А. И. Возникновение московского искусства, т. 1. М., 1929, с. 197—199; *он же*. Древнерусское изобразительное искусство, с. 201—202; Подобедова О. И. К истории создания тверского списка Хроники Георгия Амартола. М., 1963, с. 33—35, 39—40; *она же*. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 19—22, 45—46.

⁶⁴ Ситуация, идентичная тверскому списку Мерила Праведного середины XIV в.; см. Милов Л. В. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века. — «Вестник Московского университета», 1963, № 3, с. 29—33.

⁶⁵ В этой связи интересна смена первого писца вторым. Не был ли первый отстранен от работ из-за необходимости поспешного исполнения заказа? Некоторые аргументы в пользу этого см. ниже.

⁶⁶ Исключение составляет первое исследование о списке: Снегирев И. Замечания о Георгии Амартоле. — В кн.: «Труды и летописи ОИДР», ч. V, кн. 1. М., 1830, с. 258—259. И. М. Снегирев полагал, что здесь работали четыре писца. Указанные им места

Предложенное разделение подкрепляется выполненным писцами орнаментальным декором (что дополнительно свидетельствует о их профессиональных навыках). Смена его внешних признаков строго соответствует смене рук.

Киноварные заголовки и контурные инициалы первого писца довольно тщательны. Его вкусы колеблются между старовизантийским и тератологическим орнаментом раннего типа. В последнем он достигает художественных результатов (инициал «М» на л. 15). Хотя итог выхода тематики его рисунков из сферы орнаментально-писцовой в сферу изобразительную (концовка с рукой на л. 19 об.) свидетельствуют о том, что он прежде всего был каллиграфом. Он охотно прибегает к концовкам, отличающимся сравнительным разнообразием — в виде точек, прочерков, орнаментальных плетений и рук (лл. 6, 17, 19 об., 20, 28 об., 29). Это придает его продукции архаический облик (не исключено, что их формы заимствованы из оригинала списка) и одновременно эстетически осознанный. Концовки регулируют размещение текста, зрительно организуют его (см. развороты лл. 19 об.—20, 28 об.—29). Писец следит за равновесием в соотношении текста и миниатюр между собой, прибегает к пропускам строк, отказу от использования строки полностью и т. п. Очевидно, что проблема размещения иллюстраций стояла у него в центре внимания и представляла определенные трудности. Последнее можно объяснять ориентацией на оригинал, с более крупным текстом и, видимо, иного размера. Тщательность работы должна была отразиться на ее сроках. А это до некоторой степени позволяет понять причины передачи рукописи второму писцу.

Декор второго писца предельно скромен и состоит из небольших инициалов, типологически близких простейшим вариантам первого переписчика. Единственная его концовка на л. 116 примитивна. Он также пользуется киноварью. Правда, инициалы л. 102 об. имеют дополнительную раскраску внутри синей темперой. Но скорее всего принадлежит она позднему художнику, автору миниатюры «второго слоя» на том же листе. Существеннее то, что переписчик уже не ставит перед собой задачи создать художественное целое. Размещение миниатюр у него случайно и автоматически соотносится с текстовым объемом, хотя в некоторых случаях традиции книжного оформления оказываются соблюденными (разворот лл. 114 об.—115).

Третий и четвертый писцы уделяют главное внимание инициалам. У третьего преобладают раскрашенные киноварью инициалы с заполнением типа простейших выюнков и точками внутри, с ответвлениями в нижней части. Единственный тщательно проработанный инициал «В» на л. 158 об., с контурной киноварной обводкой, воспроизводит вариант, привычный для рукописей XII—XIII вв. У четвертого писца этот вариант преобладает, но он зачастую примитивно упрощен, доведен до уровня укрупненных строчных букв, несмотря на то, что отдельные его инициалы перекликаются с оформлением первого писца и упомянутой контурной буквицей третьего (см. особо лл. 205 об., 207, 210, 210 об., 257 об., 258 об.). Постепенно исполнение третьего и четвертого мастера утрачивает тщательность, становясь более небрежным и поспешным. Расположение миниатюр на листе у них обнаруживает те же черты случайности, что и у второго писца.

Таким образом, можно констатировать смену отношения к работе или изменение некоторых условий заказа, начиная с л. 62, т. е. по окончании деятельности первого писца. Темп переписки после л. 61 об. явно ускоряется. Любопытны данные соотношения текста и миниатюр, которые отчасти подтверждают сказанное. На 44 листа первого писца (текстовые ми-

смены писцов неверны (лл. 160—161, 212—213, 268—269). Однако его мнение ближе к действительности, по сравнению с принятым в науке высказыванием архим. Леониды (указ. соч., с. 14).

ниатюры появляются с л. 18 об.) приходится 31 миниатюра. На 88 листов второго — 61 миниатюра, к которым надо прибавить оставленные пропуски для 8 или 9 миниатюр на лл. 113 об. и 114. На 52 листах третьего писца имеется 11 миниатюр. 55 листов четвертого содержат 24 миниатюры. Листы 261—265 об., написанные третьим переписчиком, миниатюр не имеют вообще. Отсутствие окончания списка Хроники мешает сделать исчерпывающие выводы. Однако постепенный спад внимания к иллюстративной стороне несомненен. Особенно наглядно он у третьего писца. В совокупности с наблюдениями над орнаментальным декором предположение о постепенном сокращении числа миниатюр представляется убедительным.

Но только ли на стадии создания тверского списка происходило их сокращение? Вопрос этот отнюдь не праздный. Дело в том, что в своем большинстве миниатюры помещены внутри фраз, по ходу повествования. Лишь за редким исключением их местоположение соответствует завершению главы или раздела. Самые же фразы разбиваются следующим образом: перед миниатюрой ставятся четыре точки в виде креста и нередко дополнительная волнистая линия, возобновление текста после миниатюры отмечено киноварным инициалом. В совокупности точечный крест и инициал есть устойчивый прием выделения миниатюры, указания на нее. При знакомстве со списком очевидно, что таких указаний в тексте гораздо больше сравнительно с существующим числом миниатюр. Устойчивость этой знаковой системы и полная ее опосредованность от членений текста (естественно, за исключением собственно текстовых концовок и следующих за ними заглавий, после которых повествование открывается также инициалом) приводит к заключению о существовании значительных лакун в иллюстрациях. Можно думать, что учет «знаков» до некоторой степени позволит приблизиться к реконструкции лицевого греческого протографа Хроники (подобная концентрация миниатюр по отношению к тексту характерна для греческих кодексов в X—XI вв., в частности хронографических — в списке Скилицы на 233 лл. приходится 574 миниатюры). Однако решить, на какой стадии Хроника лишилась большинства своих иллюстраций, затруднительно, поскольку вопрос о числе промежуточных списков (как греческих, так и русских, а возможно, и болгарских — если принять версию некоторых исследователей) остается открытым. Можно лишь утверждать, что писцы рассматриваемого экземпляра также сократили количество пропусков для рисунков.

Выяснив роль концовок перед миниатюрами в виде креста и волнистой черты, вернемся к л. 265 об. Текст на 16-й строке его второго столбца оканчивается идентичным знаком, обрывая соответствующую статью на словах: «И пятый сборъ быс[ть] 100.7 и пять стхъ оцъ». Следовательно, здесь должна была помещаться миниатюра с изображением отцов Пятого вселенского собора, или, как в случае с л. 153, она могла занять верх первого столбца первой тетради следующей группы. Никакого дополнительного указания на окончание текста здесь нет. Поэтому есть все основания считать продолжение списка существовавшим, но утраченным.

Датировка тверского списка Хроники Георгия Амартола неустойчива, от XIII до XV в. Опираясь на косвенные исторические данные, О. И. Подобедова отнесла список (имея в виду его так называемую «первую половину») к 1304—1307 гг.⁶⁷ Г. И. Вздорнов, беря за основу собственно палеографические признаки, вернулся к датировке списка И. М. Снегиревым, Н. В. Волковым и А. И. Соболевским — XIV в., без уточнения⁶⁸. Следует все же заметить, что палеография и язык Хроники сочетают при-

⁶⁷ Наиболее подробно см. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей, с. 19—22, 45—46.

⁶⁸ *Вздорнов Г. И.* Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола, с. 208—209. В статье «Из истории искусства русской рукописной книги XIV века» (с. 166, прим. 9) автор без аргументации относит ее ко второй четверти века.

знаки и XIII и XIV столетий⁶⁹. Это свидетельствует скорее о ее создании в первой половине XIV в. В пользу такой даты говорит облик декора, в котором преобладают варианты простейшей орнаментики XII—XIII вв., а тератологический стиль представлен единичным и типологически ранним примером (л. 15). Здесь можно было бы сослаться на подражательность оформления Хроники, его зависимость от раннего оригинала, консервативность культурно-художественных традиций Твери XIV в. Однако в тверском списке Мерила Праведного середины того же столетия, несмотря на его копияность (в области изобразительной — бесспорную), присутствует образец развитой тератологии (заставка л. 2). Знакомство с древнерусским рукописным наследием позволяет утверждать, что если копирование миниатюр — распространенное явление, то орнамент чаще всего следовал бытующей традиции; примеры воспроизведения ранних образцов до XVI в. в этой области исключительны. Следовательно, дело не столько в «давлении» оригинала, сколько в отсутствии у писцов Хроники соответствующих навыков, что естественно объяснять созданием тверского списка в пределах до середины XIV в.⁷⁰

⁶⁹ Мнение О. А. Князевской.

⁷⁰ В связи со сказанным следует вспомнить замечание Н. Д. Протасова о том, что одеяние женской фигуры на выходной миниатюре л. 17 об. Хроники не похоже ни на придворное, ни на «схимническое», а имеет черты, «усвоенные в византийско-восточной иконографии святым женам» (Протасов Н. Д. Черты староболгарской одежды в славянской миниатюре. — «Труды Секции археологии и искусствознания [Института археологии и искусствознания РАН ИОН]», III, М., 1928, с. 89—90). На этом основании он считал неверной ее идентификацию как Ксении-Оксинии, матери тверского князя Михаила Ярославича (1271—1318). К тому же подпись над ее головой не изначальна. Не изображала ли парная Михаилу фигура святую, соименную его жене Анне? Если список создан после убийства князя в Орде, Анна является его наиболее вероятной заказчицей. В этом случае датировку рукописи следовало бы ограничить 1327 г., на который приходится разгром Твери после антитатарского восстания.

А. Л. ЯКОВСОН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

1

Поливная (глазурованная) керамика — это массовый материал. Она многолика: неисчислимо разнообразие декора блюд, чаш, мисок и узора ярких облицовочных плиток, покрывающих фасады зданий. В поливной керамике воплотилась большая художественная культура народов, ее создававших, и, конечно, их техническая культура. Поливная керамика довольно ясно указывает направление и пути культурных связей стран и народов и их взаимодействие. В изобразительном декоре средневековых поливных блюд нередко отражены глубоко коренящиеся народные представления, не принятые официальным искусством, — таковы, например, в Византии антропоморфные крылатые грифоны и сирины. Искусство гончаров, изготовлявших поливные блюда, завоевало широкую популярность, особенно среди горожан; оно было демократично по самой своей природе.

Изучение средневековой поливной керамики начато давно, особенно поливной керамики мусульманского Востока¹. Немало сделано и в отношении изучения поливной керамики Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия)², Византии и близких к ней по культуре стран — Болгарии,

¹ Назовем некоторые работы: *Pézarid M. La céramique archaïque de l'Islame et ses origines*. Paris, 1920; *Sarre Fr. Die Keramik von Samarra*. Berlin, 1925; *Butler A. J. Islamic Pottery*. London, 1926; *Hobson R. L. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East*. London, 1932 (ed. 3. London, 1948); *Lane A. Early Islamic Pottery (Mesopotamia, Egypt, and Persia)*. London, 1950; *idem. Islamic Pottery. . . in the collection of sir E. Hitchcock*. London, 1957. Обширный свод художественной поливной керамики всего мусульманского Востока, включая южный (иранский) Азербайджан, Иран и Среднюю Азию, содержит капитальное издание: *A Survey of Persian Art*. Ed. A. U. Pope, vol. II (текст) и V (альбом). London — New York, 1938—1939. Поливная керамика Средней Азии нашла наиболее полное исследование в трудах советских ученых. Такими работами являются диссертация О. Г. Большакова «Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник» (Л., 1954 г.; работа не опубликована; я пользовался рукописью, любезно предоставленной мне автором, за что приношу ему благодарность; под тем же названием опубликован автореферат диссертации. Л., 1954); *Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.)*. — В кн. «Труды Хорезмской экспедиции», IV, 1959, с. 261—342; *Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967* (там же приведена и предшествующая литература).

² Азербайджан: МИА, № 67; Армения: *Шелковников Б. А. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении*. — Известия Армянского филиала АН СССР, № 3—4 (17—18), 1942, с. 1—28; *он же. Поливная керамика из раскопок города Ани*. Ереван, 1957; Грузия: *Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв.* Тбилиси, 1956 (на груз. яз. с русск. рез.); *Мицшивили М. Н. Поливная керамика древней Грузии IX—XIII вв.* Тбилиси, 1969 (на груз. яз. с русск. рез.); *Чилашвили Л. А. Дзвели Гавази (историко-археологическое исследование)*. Тбилиси, 1975 (на груз. яз. с русск. рез.), с. 11, табл. XVIII—XXXVII.

Таврики³. Делались попытки наметить точки соприкосновения поливной керамики мусульманского и христианского Востока, с одной стороны, и Византии и стран византийского круга — с другой⁴. Таких близких черт оказалось немало.

Но настало время рассмотреть весь процесс развития поливной керамики в различных странах. Это важно потому, что история поливной керамики в различных областях средневекового мира имеет не только точки соприкосновения, но и общие черты и даже общие тенденции развития. В сущности поливная керамика в обширной зоне Средиземноморья, Причерноморья, в Закавказье и Средней Азии — на всем Ближнем и Среднем Востоке — представляет собой одно историко-художественное явление. Мало того, в процессе развития поливной керамики можно проследить определенную закономерность. В ее существовании убеждает хотя бы то, что основные и коренные изменения, которые претерпевала поливная керамика в разных странах на протяжении целого ряда столетий, большей частью однородны и даже более или менее синхронны, хотя формы декора на всех этапах развития поливы остаются различными. Закономерность общего процесса подтверждается тем, что направление этого развития полностью отвечает изменениям в других искусствах, и прежде всего в архитектуре, с которой поливная керамика была, как известно, тесно связана⁵. Эти общие черты имеют различные проявления, различные аспекты. На наиболее существенных из них мы и остановимся.

2

Прежде всего общими являются сами условия, породившие поливную керамику в различных странах. Совершенно очевидно то обстоятельство, что керамика эта по своей природе являлась продукцией не домашнего, а ремесленного производства, притом, что особенно важно отметить, ремесла городского. Мало того, можно констатировать, что поливная керамика в самых различных странах и районах, очерченных выше, возникла более или менее одновременно. Среди названных областей средневекового мира наиболее раннюю поливную керамику дают Иран и Средняя Азия: керамику, добытую раскопками Афрасиаба (древнего Самарканда), датируют VIII—началом IX в., а интенсивное развитие ее связывают с возрождением страны в IX в. — после арабского завоевания⁶. Определенно

³ Отметим наиболее полные работы. Византия: *Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery*. Oxford, 1930; *idem*. *Late byzantine Pottery at Dumbarton Oaks*. — DOP, XII, 1966, p. 209—219; *Morgan Ch. The byzantine Pottery*. — In: «Corinth, Results of Excavation...», vol. XI. Harvard University Press, 1942; *Robinson H. The Great Palace of the byzantine Emperors*. London, 1947; *Megaw A. N. S. Zeuxippus Ware*. — BSA, vol. 63, 1968, p. 67—88. Болгария: *Миутев Кр.* Преславската керамика. София, 1936; *Акрובה-Жандова И.* Декоративната керамика от Тузлалъка в Преслав. — В кн.: «Разкопки и проучвания», III. София, 1949, с. 101—128; *Она же.* Работилница за рисувана керамика на юг от Крълата църква в Преслав. — ИБАИ, XX, 1955, с. 487—510; *она же.* Преславская рисованная керамика. — В кн.: «Болгарская средневековая культура». София, 1964, с. 45—52. Таврика: МИА, № 17, с. 167—229; МИА, № 63, с. 332—358; *Талис Д. Л.* Поливная керамика Баклинского городища. — СА, 1976, 4, с. 63—87.

⁴ См., например: *Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery*, p. 35—36, 43 и др.; *idem*. *The Pottery of Byzantium and Islamic World*. — In: «Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of prof. K. A. C. Creswell». Cairo, 1965; *Банк А. В.* Керамика из Дманиси и Херсонеса. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 179—184; МИА, № 63, с. 350—357; МИА, № 17, с. 178 слл. 187, 192, 206—214.

⁵ В отношении Средней Азии см. *Ташходжаев Ш. С.* Указ. соч., с. 116.

⁶ *Большаков О. Г.* Указ. рукопись, с. 37; *он же.* Указ. автореферат, с. 8; *Ташходжаев Ш. С.* Указ. соч., с. 9—10. Следует оговорить, что глазурованная бытовая посуда была известна и античному миру как на Востоке — в Парфии, так (одновременно) и на Западе — в Римской империи. Но это — предшествующая стадия развития глазурованной керамики, не связанная со средневековой; между той и другой — хронологический и типологический разрыв. Возрождение глазурованной керамики на Востоке, а затем и на Западе (в Византии) было отнюдь не продолжением античной

датированная поливная керамика Самарры, столицы арабского халифата, также относится к IX в.⁷ В Закавказье наиболее ранние группы поливы можно датировать в пределах второй половины IX—начала X в.: судя по материалам из раскопок Байлакана (городище Орен-кала) в Азербайджане и Двина в Армении, поливные блюда и чаши (с росписью) появляются там не ранее второй половины IX в.⁸ В Византии наиболее ранняя поливная керамика (белоглиняная, с рельефными украшениями) относится к X в. (во всяком случае, она не ранее второй половины IX в.)⁹.

Таким образом, мы вправе говорить о том, что процесс формирования поливной керамики в странах передовой культуры средневековья — в обширной зоне от Византии до Центральной Азии — происходил на протяжении сравнительно короткого отрезка времени, преимущественно в пределах IX и X столетий.

Появление и развитие поливной керамики больше всего было обязано городскому ремеслу и являлось красноречивым выражением бурного роста города как ремесленного центра. Можно утверждать, что поливная керамика — блюда, вазы, чаши с многообразными украшениями — ровесница становления города как центра ремесленного производства. Больше того, не будет преувеличением сказать, что средневековая поливная керамика — верный показатель формирования городской культуры вообще.

Характерно и другое обстоятельство. На ранних этапах развития поливной керамики ее производство было сосредоточено в немногих центрах. Так, изготовление византийской поливы с рельефными украшениями известно пока лишь в одном-двух центрально-византийских городах, откуда эти изделия развозились по византийским городам Средиземноморья и Причерноморья: в провинциальных городах производилось белоглиняной поливы в IX—XI вв., по-видимому, отсутствовало — там бытовали лишь привозные поливные белоглиняные изделия, абсолютно идентичные находимым в византийской столице. Производство ранней византийской поливной керамики — IX—X вв. — отражает, таким образом, начальный этап развития города — ремесленного центра. Тожественны росписные поливные изделия IX—X вв. в Азербайджане и Армении¹⁰, что можно вернее всего объяснить концентрацией их производства в одном-двух гончарных центрах.

3

Другой аспект истории поливной керамики, объединяющий ее, — это общий принцип декора, меняющийся более или менее одновременно в различных странах. Искусство изготовления средневековой поливной посуды было сравнительно молодым; в том или ином виде эти блюда и чаши были призваны заменить дорогостоящую посуду из драгоценных металлов. Так было на мусульманском Востоке¹¹, так было и в Византии, о чем писал, правда, в более позднее время (в XIV в.), Никифор Григора¹².

поливной керамики, а совершенно новым явлением, явлением средневековой жизни. Только о нем и идет здесь речь.

⁷ Город в качестве столицы халифата существовал, как известно, недолго — с 838 по 883 г.

⁸ В Байлакане эта дата определяется стратиграфией нижних слоев городища; см. *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище Орен-кала в 1953—1955 гг. — МИА, № 67, с. 60, ср. с. 228 слл. В Двине соответствующая керамика происходит из засыпи в той части города, которая была заброшена после землетрясения 893 г.; см. *Кафадарян К. Г.* Город Двин и его раскопки, I. Ереван, 1952 (на арм. яз. с русск. рез.), с. 268.

⁹ Находки ее в Херсонесе сопровождаются множеством монет, начиная с монет императора Василия I (867—886) (МИА, № 63, с. 332—333). Также датируется эта керамика и в Коринфе (*Morgan Ch. Op. cit.*, p. 49).

¹⁰ Имеем в виду керамику Байлакана в Азербайджане, Двина и Звартноца — в Армении (см. ниже, прим. 51).

¹¹ См. *Большаков О. Г.* Указ. рукопись, с. 236—237; он подчеркивает, что дело не в мусульманской догматике, не в запрещениях исламу употребления сосудов из драгоценных металлов (такое запрещение обычно не было действенным), а в боль-

Естественно, что на первых порах декор поливных изделий еще сильно зависел от своего источника — металлопластики. Это общепризнано в отношении поливы IX—X вв. в Средней Азии¹³ и особенно осязательно в византийской художественной керамике — блюдах с рельефными украшениями, воспроизведенными путем оттиска штампа с вырезанным на нем в глубь орнаментом или изображением (рис. 1).

Вся эта ранняя византийская полива монохромна, лишь с мелко разбрызганными (и то не всегда) зелеными пятнами. Изделия только одной немногочисленной одновременной группы византийских белоглиняных чаш украшены росписью (кистью), но отнюдь не яркой: большей частью это орнаментальный рисунок (изображения единичны), выполненный черной линией и расцвеченный зеленой, желтой или темно-красной красками; глазурию такие изделия, по-видимому, не покрывались¹⁴.

В противоположность византийской, в поливной керамике Закавказья и Средней Азии в IX и X вв. господствовала роспись — в Закавказье более яркая и контрастная, притом пятнистая (генетически ее связывают с китайской керамикой эпохи Тан), а наряду с ней — роспись в виде растительного орнамента или изобразительного рисунка, оконтуренных темной марганцевой линией и раскрашенных красками чистых тонов — зеленой, желтой, фиолетовой (марганцевой)¹⁵. Для Средней Азии (Мавераннахр, Хорезма и других районов) в IX и X вв. наиболее характерна была двухцветная роспись с весьма разнообразной растительной орнаментикой или «эпиграфическим» орнаментом, выполненным толстыми темными линиями с точечным заполнением фона (обрамленным красными линиями или без них)¹⁶.

Промежуточное положение между поливной керамикой Средней Азии и Закавказья занимают своеобразные блюда IX—X вв. из Нишапура в Хоросане — одного из наиболее крупных политических и культурных центров Средней Азии того времени. Часть этих блюд своей росписью напоминает блюда Самарканда¹⁷, другие близки к блюдам из Байлакана (Азербайджан) с контрастной росписью, часто изобразительной; рисунок выполнен темной линией и расцвечен яркими красками, большей частью зеленой и желтой¹⁸.

Одновременно с блюдами, украшенными полихромной росписью, широко бытовали и монохромные блюда и чаши со стилизованным раститель-

пей доступности керамики, иначе говоря — в демократизации праздничной столовой посуды, а это было, на наш взгляд, определенным проявлением развитой городской жизни.

¹² *Nicéphoros Gregoras. Byzantina Historia, vol. II. Bonnae, 1830, p. 788.*

¹³ См., например: *Большаков О. Г. Указ. автореферат, с. 8; Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 9, 10.*

¹⁴ *Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery, p. 10—19 (тип A₁), pl. VI—VIII; МИА, № 63, с. 357—358.* С поливной росписной керамикой Константинополя непосредственно (или опосредствованно) связаны и замечательные белоглиняные плитки IX—X вв. с полихромной росписью, украшавшие архитектурную плоскость и, может быть, пол и производившиеся в Патлейне (близ Преслава в Болгарии) (см. выше, прим. 3, работы Кр. Миятева и И. Акрабовой-Жандовой). Нельзя не согласиться с Кр. Миятевым (указ. соч., с. 112), что керамика Патлейна связана со средиземноморским художественным кругом; он ведет ее происхождение в Болгарии из Месопотамии (из Багдада) через посредство Константинополя (там же, с. 106 слл., 129 слл.).

¹⁵ Очень выразительны такого рода блюда и чаши из Байлакана в Азербайджане (МИА, № 67, с. 336—346 — группа 3, табл. II—V, XV—XVIII) и из Двина и Звартноца в Армении (см. ниже, прим. 51). Наиболее ранняя группа с пятнистой росписью представлена и среди керамики Афрасиаба (Самарканд) (см. *Большаков О. Г. Указ. рукопись, группа I, с. 58—68*).

¹⁶ *Большаков О. Г. Указ. рукопись, группа I, с. 81—84; Майсурадзе З. Керамика Афрасиаба. Тбилиси, 1958, табл. VII—IX, XXI; Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 44—46, фронтиспис, табл. 2 и рис. 2, 3, 4.*

¹⁷ *Wilkinson Ch. Iranian Ceramics. New York, 1963, № 22, 23, 27, 29; ср. «Sept mille ans d'art en Iran: octobre 1961 — janvier 1962». Paris, 1962, № 904, 915, 944, 946, 948 (p. 167, 168, 173; pl. CI, CII, CIII, CV).*

¹⁸ Ср. *Wilkinson Ch. Op. cit., № 26, 28; МИА, № 67, табл. V.*

ным орнаментом, нанесенным толстыми темными линиями (их вернее называть лентами) в виде выющихся стеблей с пальметками или сплетенных фигур с пальметками же, или замкнутых фигур, или радиального построения, часто с закрашенным красным фоном¹⁹. В дальнейшем орнаментация лентами усложнилась — и по композиции, и по колориту (благодаря цветным лентам — красным, коричневым, зеленым — и цветному фону)²⁰.

Вместе с тем в IX и X вв. как в Средней Азии, так и особенно в Закавказье (в Азербайджане) были весьма популярны, из-за своей относительной дешевизны, блюда и чаши с простейшей по рисунку росписью ангобом под бесцветной или окрашенной (чаще зеленой) поливой, а в Средней Азии — по красному фону²¹.

Но уже в XI столетии возобладал новый принцип декора, генетически, по всеобщему мнению, также связанный с художественным металлом²², — принцип графический, при котором рисунок наносили до обжига (по слегка обсушенному изделию) в виде врезной линии по ангобу, т. е. гравировкой.

В художественной керамике этот принцип декора был известен в Китае уже в эпоху Тан (VII—начало X в.)²³, в Передней же Азии он наблюдается не ранее IX в., скорее — в X в.²⁴ Зато в последующее время, начиная с XI в., графический декор получил на всем Ближнем Востоке большую популярность и развитие — в Персии, Месопотамии, Сирии, Закавказье, Малой Азии и в центральных районах Византии — и приобрел в каждой из этих стран свои локально-стилистические особенности. Успеху нового приема украшения способствовал и сам материал изделий — железистые глины, дающие после обжига более твердый и крепкий черепок. Таким образом, новый прием художественного декора оказался более приспособленным к массовому производству, что и обеспечило ему в дальнейшем самое широкое распространение.

На почве Закавказья и Персии развитие графического декора было особенно богато, начиная с ранних блюд отчасти X, но главным образом XI в., украшенных геометрическим и растительным рисунком (реже зооморфным), выполненным тонкими линиями, нередко с заштрихованным фоном²⁵, предвосхищающим выемчатую технику. Столь же рано легкую гравировку стали применять и к белоглиняным монохромным «резным» изделиям, известным в Армении и Персии и относящимся также к X, но скорее — к XI в.; в этих монохромных блюдах рисунок, выполненный штампом, выделяется на слегка углубленном фоне, иногда ажурном; он лишь усилен гравировкой²⁶.

Однако в X в. гравировка играла в сущности еще пассивную роль. Так было и на Ближнем Востоке, и в Византии, где врезная линия лишь подчеркивала рисунок рельефа, и в различных районах Средней Азии (в Мавераннахре, Хорезме), где врезной линией пользовались преимущественно для того, чтобы оконтурить и этим выделить рисунок росписи²⁷.

В XI же столетии прием гравировки приобрел самостоятельное и основное значение. В византийской поливной керамике он полностью вытеснил рельефный декор и роспись; то же произошло и в Закавказье. Грави-

¹⁹ Майсурадзе З. Указ. соч., табл. XII; Большаков О. Г. Указ. рукопись, гр. 4, с. 84—86; Lane A. Early islamic Pottery, фронтиспис (из Самарканда).

²⁰ Майсурадзе З. Указ. соч., табл. XIV, XV; Большаков О. Г. Указ. рукопись, гр. 7, с. 103—104; Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., рис. 4 г.

²¹ МИА, № 67, с. 231, гр. 1, табл. I, XIII; Майсурадзе З. Указ. соч., табл. X; Большаков О. Г. Указ. рукопись, тип III, с. 117—118.

²² SPA, II, p. 1505, 1509, 1515, 1519, 1524, 1530.

²³ Sarre Fr. und Herzfeld E. Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiete, IV. Berlin, 1920, S. 19; Sarre Fr. Op. cit., S. 71, 77; SPA, V, pl. 569.

²⁴ По крайней мере среди определенно датированных керамических изделий Самарры (IX в.) графический декор еще не встречается.

²⁵ SPA, II, p. 1507, fig. 531; V, pl. 583—587, 622; Pézard M. Op. cit., pl. IX слл. (его датировка VII в. явно ошибочна).

²⁶ SPA, II, p. 1514—1518; V, pl. 589—594, 597, 598 A, 599, 601—603.

²⁷ Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 15, 23, 27, 68; Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 286.

ровка становится обычной и в керамике Персии. Лишь в Средней Азии продолжала доминировать роспись, но сам рисунок ее, выполненный толстой темной линией (черной или коричневой), очень четкой и броской, приобрел графический характер²⁸. Вместе с тем там резко усилилась и роль собственно гравировки, особенно в последующее время²⁹.

Таким образом, в той или иной мере новый графический принцип декора в XI в. стал господствовать в искусстве поливной керамики почти всюду и притом приблизительно одновременно. Правда, поливную керамику самых различных стран объединяла в XI в. лишь эта общая особенность, ибо рисунок и стиль декора был везде различен. Скажем, в Византии (в ее центральных частях и в Греции) наиболее ранние поливные блюда XI в. с графическим рисунком выделялись особенно тонкой линией гравировки и специфической орнаментикой. Тонкая гравировка (близкая к византийской и по рисунку) характерна и для некоторых групп поливной керамики Средней Азии.³⁰

4

Но на протяжении XI и особенно в XII в. происходит, и опять-таки повсеместно, интересная эволюция: блюда и чаши остаются монохромными, но линии гравированного рисунка резко утолщаются. Относится это и к орнаментальному, и к изобразительному рисунку. Это новое явление бросается в глаза не только в поливе византийской, но и в поливе Закавказья и Персии³¹ — в поливной керамике всего Ближнего Востока. Это относится в сущности и к поливным чашам Средней Азии, где линии рисунка в то время нарочито утолщаются³². Очень выразительны в этом отношении большие византийские блюда XII в. с изображением знатных персонажей или святых воинов-всадников, поражающих дракона или в единоборстве со зверем, или с изображением борьбы фантастических зверей; изображения большей частью сопровождаются типично византийской орнаментикой, выработанной еще в XI в. (рис. 2)³³.

Еще сильнее сказывается та же особенность на больших блюдах из Южного (Иранского) Азербайджана (рис. 3), где эффект утолщенной линии усиливается применением выемчатого (выскобленного) фона, на котором изображение и орнаментика выступают рельефом. Бросаются в глаза и утированные формы могучих зверей, представленных как бы на фоне рельефного орнамента³⁴. Это явление возникло в XI в. и прогрессировало в XII столетии. Достаточно ясно дают понять это и византийские поливные блюда XII в. из Коринфа³⁵ и Херсона. В сущности то же, хотя и в своеобразной форме, происходило и в Средней Азии. Формы были везде раз-

²⁸ Большаков О. Г. Указ. рукопись, группа 3 и особенно 4 (с. 74—86).

²⁹ Исследователь поливной керамики Средней Азии отмечает, что в XII в. «гравированный рисунок получил там значительное распространение» и что «глубокая и отчетливая гравировка характерна» для этого времени, но появляется она в Средней Азии уже в XI в. (Большаков О. Г. Указ. рукопись, с. 65, 79, 107; он же. Указ. автореферат, с. 10—11; Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 90; Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 297, 316). Особенно показательны в этом отношении блюда XII в. из Мунчак-тепе на Амударье (раскопки В. Ф. Гайдукевича, материал хранится в ГЭ; Большаков О. Г. Указ. рукопись, группа 8, с. 107—111). Блюда украшены гравированным орнаментом, усиленным яркой расцветкой, совершенно подобно декору поливных блюд из Закавказья, Византии и Таврики.

³⁰ Большаков О. Г. Указ. рукопись, с. 109; Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 297.

³¹ Показательно блюдо, покрытое кобальтом, с изображением птицы (SPA, V, pl. 597).

³² Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 90.

³³ Банк А. В. Памятники византийского искусства в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, с. 216—218 (блюда из Херсонеса). Изображения Георгия-воина и единоборства со зверем В. П. Даркевич связывает с эпосом Дигениса Акрита; см. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975, с. 147, 153—154, 223.

³⁴ SPA, II, p. 1530—1535; V, pl. 612, 614—620.

³⁵ Morgan Ch. Op. cit., pl. XX.

личны, но суть явления — одна и та же: всюду наблюдается процесс усиления декоративного эффекта поливных блюд и чаш.

Чем это можно объяснить? Думаю, тем, что в течение XI и XII столетий менялись значение и смысл самих блюд и чаш, изменялись их декоративные функции: с пиршественного стола, ради которого они создавались их переместили на стены — сначала на стены внутри богатого дома ³⁶, а вскоре их стали переносить и на его фасады; поливные блюда и чаши становятся элементом декоративного убранства дома. Это не могло не вызывать необходимость усиления декоративной выразительности поливных блюд и чаш, рассчитанных теперь на то, чтобы на них смотрели издали. Наиболее ранний памятник такого перемещения элементов внутреннего убранства богатого дома или дворца на фасады здания дает храм 915 г. на острове Ахтамар на оз. Ван (историческая Армения), как очень убедительно трактует рельефы верхнего яруса храма И. А. Орбели ³⁷. В XII в. включение поливных блюд в декор фасада храма становится обычным, например, в Греции ³⁸. Барабан одного армянского храма, возведенного на рубеже XII и XIII вв. (храм в Ариче, 1201 г.), украшен орнаментированными вогнутыми кругами, явно воспроизводящими в камне поливные блюда. Поливная керамика, таким образом, постепенно входила в архитектуру как органическая ее часть ³⁹. Это, разумеется, вовсе не значит, что поливные блюда, чаши и пр. перестали выполнять функции столовой посуды. Но ее естественная функция была дополнена другой, чисто декоративной, с течением времени все более усиливавшейся. Именно она и вызвала те изменения в декоре, о которых идет речь.

5

Рассмотренный выше аспект поливной керамики — усиление ее декоративности, общее для многих стран, — приобрел вскоре новое качество, умножившее эффект поливных блюд и чаш: в декор их ввели многоцветье, они стали полихромными. Правда, поливной керамике Средней Азии и Закавказья полихромность была свойственна и раньше. Но теперь, в XII—XIII вв., яркость и контрастность среднеазиатской поливы несомненно усилились ⁴⁰, а в Закавказье яркая расцветка была введена в графическую композицию, т. е. выполненную гравировкой, обогатила ее и стала ее неотъемлемой чертой ⁴¹.

Происходило это преимущественно во второй половине XII и в XIII вв. (в домонгольское время), притом во многих странах опять-таки более или

³⁶ Размещение фрагментов блюд, наблюдаемое при раскопках жилых помещений в Херсонесе, не раз убеждало, что блюда падали именно со стен. То же самое имело место и в Константинополе эпохи Палеологов; см. *Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery*, введение; SPA, II, p. 1531.

³⁷ Орбели И. А. Избранные труды, т. 1. М., 1968, с. 193—195.

³⁸ *Megaw A. N. S. Glazed Pottery in byzantine Churches.* — *Δελτίον τῆς χριστιανικῆς ἑταιρείας, περίοδος Δ', τ. Δ'. Ἀθήναι*, 1964, с. 145—162. Традиция украшения фасадов поливными блюдами держалась в Греции довольно долго: поливные блюда (даже китайские и персидские) были вставлены в стену позднего жилого корпуса в монастыре Ватопед на Афоне; см. *Дероко А.* Света гора. Београд, 1973, с. 25, табл. 25.

³⁹ Из южного (иранского) Азербайджана происходит керамический поливной наличник круглого окна, украшенный растительным узором на выемчатом фоне под зеленой глазурью (SPA, V, pl. 613). Размер наличника 37 × 37 см. А. Поон датирует его XI в. (SPA, II, p. 1531), но вернее его отнести к XII в.

⁴⁰ Сказанное относится не только к упомянутой группе поливных блюд из Мунчактепе с гравировкой, но и к происходящим отсюда же блюдам, декор которых сочетает полихромную роспись, выделяющуюся разнообразием красок, с гравировкой толстыми линиями; см. *Большаков О. Г.* Указ. рукопись, группа 9 Б, с. 114—115; ср. *Ташходжаев Ш. С.* Указ. соч., с. 129. Но яркая расцветка и живописность росписи этих блюд несколько приглушает графический рисунок, который здесь как бы отступает перед росписью и не играет активной роли.

⁴¹ См. прим. 43.

менее одновременно. Именно в указанное время контрастная расцветка графического рисунка на поливных блюдах и чашах наблюдается в Византии⁴²; еще ярче эта особенность сказалась на поливных блюдах и чашах стран Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии⁴³, а также Таврики⁴⁴, искусство которой было тогда тесно связано с Арменией. Контрастность расцветки четкого, графического по своему характеру, орнаментального рисунка поливных блюд и чаш становится наиболее существенным признаком нового стиля художественной керамики Средней Азии — стиля, складывавшегося в XII—XIII вв.⁴⁵ Можно сказать, что полихромность художественной поливной керамики в широкой зоне от Средиземноморья до Средней Азии была одним из проявлений нового этапа в развитии средневекового декоративного искусства.

Знаменательно, что полихромность тогда же, в XII в., вышла за пределы поливной керамики и все более проникала в архитектуру. Это убедительно показывают порталы армянских храмов XII—XIII вв. с выкладкой из камня чередующейся расцветки⁴⁶. Сравнительно скромный декор из камня различной естественной расцветки, выработанный армянскими зодчими того времени, как бы подготовил стремительное развитие полихромного декора в архитектуре Азербайджана и Средней Азии, вполне сложившегося уже в XIV в., причем основным декоративным средством стала именно керамика: инкрустация в плоскость фасада цветных поливных блюд с течением времени уступила место сплошной выкладке из керамических плиток, покрытых яркой (бирюзовой, синей, желтой и пр.) глухой глазурью. Выкладки эти воспроизводят на широких плоскостях фасада крупный, диагонально направленный геометрический орнамент, напоминающий огромный ковер, как бы перенесенный со стен внутри дома наружу и словно накиннутый на фасады. Таково, возможно, и было в действительности происхождение керамической выкладки фасадов таких памятников Азербайджана, как мавзолей Карабагляр первой половины XIV в. или мавзолей в Бардаа 1322 г.⁴⁷, а в Средней Азии — дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе конца XIV в. или мавзолей второй половины XIV и начала XV в. в комплексе Шах-и Зинда, а также соборная мечеть Биби-Ханым 1399—1404 гг. — в Самарканде⁴⁸.

Исторически этот новый этап развития поливной керамики, выступившей теперь повсеместно в ярком контрастном многоцветье, который подарил миру непревзойденные по декоративному эффекту произведения, может быть связан и объяснен прежде всего расцветом средневекового города, ибо только там могла возникнуть ремесленно-художественная среда, в которой рождались новые идеи декоративного искусства. Идеи эти вызваны были потребностями монументального строительства в бурно росших городах — строительства феодальной знати, утверждавшей тем самым свою власть и свой авторитет.

Вместе с тем, что также примечательно, именно в ту эпоху, эпоху расцвета феодального города, впервые появились условия для выделения художественной индивидуальности, что выразилось в появлении подписных

⁴² *Talbot Rice D. Byzantine glazed Pottery*, p. 40 (гр. В₃).

⁴³ МИА, № 67, с. 252—270, табл. VI—X, XXII—XXX; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани, с. 16—22, табл. I, рис. 3—8; *Джапаридзе В. В.* Указ. соч., с. 43 слл., 72, табл. XXXIII—LVI; *Мицишвили М. Н.* Указ. соч., с. 34 слл., 82, табл. XXII—XLV.

⁴⁴ МИА, № 17, с. 178—187, 207—217 (группы 6, 16 и 17).

⁴⁵ *Ташиходжаев Ш. С.* Указ. соч., с. 139—140.

⁴⁶ *Орбели И. А.* Мусульманские изразцы. Пгр., 1923, с. 18—20. О цвете в средневековой архитектуре см. *Якобсон А. Л.* Некоторые закономерные особенности средневековой архитектуры. . . — ВВ, 33, 1972, с. 166, 172—174, 180, 182—184.

⁴⁷ *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII—XV вв. М., 1966, с. 168—181.

⁴⁸ См., например: *Засыпкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. М., 1948, с. 78—88; *Пугаченкова Г.* Самарканд. Бухара, 1963, с. 32—78 (там же указана основная литература).

произведений — как в керамике, так и в архитектуре ⁴⁹, причем с течением времени указаний на авторство становится все больше; особенно увеличивается их число на мусульманском Востоке в XIV и XV вв. — в Азербайджане и Средней Азии ⁵⁰.

6

На том же этапе развития поливной керамики, соответственно — на том же этапе интенсивного развития города, появляются локальные школы художественной керамики, причем везде приблизительно одновременно — в XII—XIII столетиях. Если в IX—X вв. гончарные центры, изготовлявшие поливу, были единичны, а в XI в. их также было еще мало, то в XII в. развиваются, а в XIII в. множатся очаги местного производства. В X и XI вв. в пределах той или иной страны поливная керамика была еще более или менее однородна. Примером может служить византийская полива X в. с рельефными украшениями, изготовлявшаяся, как говорилось, в одном или двух местах центральной части империи и развозившаяся во все ее провинции — туда, где производство поливы еще отсутствовало. Такой областью была и Таврика: изготовление поливной керамики там началось позднее. Другой убедительный пример дают города Азербайджана и Армении. Производившаяся в них и бытовавшая там в IX—X вв. росписная поливная керамика, что отмечалось нами, абсолютно идентична (ср. поливные блюда из Байлакана в Азербайджане и из Двина и Звартноца — в Армении) ⁵¹.

В XII и особенно в XIII столетиях локальные школы становятся явлением повсеместным. В большинстве стран — это изделия с графическим рисунком, выполненным сравнительно толстой врезной линией и с полихромной расцветкой, но всюду выделяющиеся чертами особенными и оригинальными.

Назовем своеобразные поливные блюда XII—XIII вв. в Азербайджане, вообще выделяющемся высоким уровнем художественной керамики, украшенные переплетающимися лентами с растительными завитками в промежутках на выемчатом фоне ⁵², или группу азербайджанских же блюд, украшенных гравировкой по марганцевой росписи ⁵³. В Армении выделяется столь же локальная группа фаянсовых блюд XII—XIII вв. из

⁴⁹ Наиболее древние надписи содержат сферические сосуды X—XI вв. из Байлакана (Орен-кала) (*Гюзальян Л. Т.* Надписи на местной керамике из Орен-кала. — МИА, № 67, 1959, с. 341—349; *он же.* Палеоэпиграфические материалы из раскопок Оренкалы. — МИА, № 133, 1955, с. 56—65), но они были еще редки. Зато в XII—XIII вв. подписи мастера на поливных блюдах встречаются довольно часто (МИА, № 67, с. 334—340, 348; МИА, № 133, с. 85—86). В архитектуре XII—XIII вв. имена зодчих также упоминаются не раз, но сначала робко и безлично: на карнизе восточного фасада упомянутого армянского храма в Ариче (1201 г.) в растительный узор вплетена надпись: «Боже, помилуй нас, потрудившихся» (*Орбели И. А.* Герои Руставели и их подданные. — В кн.: «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, с. 142). Чаще имя зодчего сохранили армянские здания XIII в. [см., например, *Джанполадян Р. М.* Упоминания строителей в армянских средневековых надписях (Нор-Гетик, Атарци). — Эпиграфика Востока, X, 1955, с. 61—64], но еще чаще имя мастера начертано на хачкарах [см.: *Бархударян С. Г.* Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню. Ереван, 1963 (на арм. яз.); *он же* то же название — автореферат диссертации. Ереван, 1955].

⁵⁰ Уже известно более сотни имен азербайджанских зодчих и ремесленников, связанных с архитектурой (*Бретаницкий Л. С.* Указ. соч., с. 422—453), а собственно зодчих — более 50 (там же, с. 523—534). В Средней Азии имена зодчих также известны, но в значительно меньшем количестве (для XII—XV вв. — в количестве 20; см. *Пугаченкова Г. А.* Мастера средневековой архитектуры XI—XVII вв. — В кн.: «Искусство зодчих Узбекистана», сб. III. Ташкент, 1965, с. 123—127).

⁵¹ МИА, № 67, с. 236—246, табл. II—V; *Кафадарян К. Г.* Указ. соч., с. 187—189; *Караханян Г., Калантарян А.* Средневековая керамика Звартноца (на арм. яз.). — ИФЖ, 1964, № 4 (27), с. 228—229.

⁵² МИА, № 67, с. 224—262, табл. VII, VIII, XXIII—XXV (группа 7A).

⁵³ Там же, с. 273—276, табл. XXXII—XXXIV (группа 9).

Двина с гравировкой по росписи кобальтом. Не менее своеобразна полихромная керамика так называемого типа Зенджан с четким графическим изображением животных, реже — человека, на фоне широко выходящих зеленых побегов. Этот тип поливных блюд, условно названный по находкам в округе города Зенджан в Южном (Иранском) Азербайджане ⁵⁴, был в XII—XIII вв. очень популярен и в Армении и в Грузии ⁵⁵, где такого рода блюда изготавливались, несомненно, независимо от Азербайджана. Но за пределами стран Закавказья они не бытовали.

Локальный характер носят поливные изделия в Херсоне (Таврика) ⁵⁶, хотя и отражающие определенное влияние художественной культуры Закавказья, особенно Армении ⁵⁷. Позднее, в XIV в., на этой основе в Крыму, в новых, быстро развивавшихся экономических центрах страны — в Кафе и Солхате, сформировалась локальная школа художественной керамики ⁵⁸, местное производство которой засвидетельствовано открытием в Солхате (ныне Старый Крым) небольшой гончарной печи, в которой обжигались поливные чаши ⁵⁹.

К крымской позднесредневековой поливной керамике по форме изделий, по мотивам и манере графического декора примыкают одновременные (XIII—XIV вв.) блюда и чаши из различных городов Болгарии (из Софии, Велико-Тырнова — столицы Второго болгарского царства и других городов) ⁶⁰ и Добруджи (Румыния) ⁶¹.

В этих позднесредневековых блюдах и чашах получили дальнейшее развитие те черты, которые появились в поливной керамике в XI—XII вв. Врезные линии основного графического рисунка еще более утолщались; с ними контрастно сочетали более тонкие линии орнаментального заполнения. Характерна и контрастная полихромная расцветка рисунка. Широко применяли и выемчатый фон, порождавший не только дополнитель-

⁵⁴ SPA, II, p. 1526—1529; V, pl. 607—610. Как показывает массовый материал из раскопок Байлакана и Двина, эта керамика относится не к XI в., как полагал Пооп (SPA, II, p. 1529), а к XII—началу XIII в. См. МИА, № 67, с. 262—264, табл. IX, XXV—XXVII.

⁵⁵ Джанаридзе В. В. Указ. соч., табл. XXXIV—XLVII; Мицишевили М. Н. Указ. соч., табл. XXVIII—XXXII; Кафадарян К. Г. Указ. соч., рис. 195.

⁵⁶ Собственно речь должна идти не об одной, а о нескольких группах поливной керамики, существенно различающихся; см. МИА, № 17, с. 177—192, 204—217, табл. VIII—XXIII, XXXI—XXXIV (группы 5—8, 14, 15).

⁵⁷ Выходцы из Армении, в том числе и ремесленники-художники, в предмонгольское время — в XII, XIII и XIV вв. — в немалом числе эмигрировали в Крым, где они, как известно, образовали значительные колонии. Наиболее крупной была колония в Сурхате (Солхате).

⁵⁸ См. Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

⁵⁹ По личным наблюдениям. Печь была случайно открыта в 1940 г.; см. МИА, № 17, с. 194.

⁶⁰ См. Миятев Кр. Художествена керамика. — В кн.: «Мадара», I. София, 1934, табл. I; Чангова Й. Към проучването на сграфито керамика в България от XII—XIV в. — «Археология», 1962, кн. 2, с. 30—33 (там же указана предыдущая литература); Станчева М. Средновековна сграфито керамика от София. — В кн.: «Сердика. Археологически материали и проучвания», т. I. София, 1964, с. 169—186. Значительно полнее изучена позднесредневековая полива из Тырнова; см. Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец. — В кн.: «Царевград Тырново», т. 2. София, 1974, с. 57—142, 179. Хорошие цветные воспроизведения см. Ангелов Н. Тырноград. Център на приложно изкуство през XIII—XIV в. София, 1970.

⁶¹ Constantinescu N. Contribuție la cunoașterea ceramicii bizantine de la cetatea Albă (Belgrad Dniestrovski). — «Studii și cercetări de Istorie Veche», X, 1959, 2. p. 441—450; Nicolescu C. Ceramica smălțuită din sec. X—XV în lumina ultimelor cercetări arheologice. — «Studii și cercetări de istorie Artei», VI, 1959, p. 75—102; eadem. La céramique roumaine émaillée du Moyen âge à lumière des dernières recherches. — BS, XXI, 1960, 2, p. 260—273, fig. 10—12, 15—18; Nicolescu C. et Radu Popa. La céramique émaillée du XIII et XIVe siècle de Păcuilul-lui-Soare. — «Dacia», n. s., IX, 1965, p. 337—350; Nicolescu C. Moștenirea artei bizantine în România. București, 1971, p. 36—43, fig. 42—52; Diaconu P., Vilceanu D. Păcuilul lui Soare, vol. I. București, 1972, (=«Biblioteca de Arheologie», XVIII), p. 89—107. Constantinescu N. Coconi (un sat din Cîmpia Română în epoca lui Mircea cel Bătrîn). București, 1972, p. 129—140.

ный тон окраски изделий ⁶², но и придававший рисунку рельефность. Эти черты сближают художественную поливную керамику из Северного и Западного Причерноморья. Аналогичный характер носит и позднесредневековая поливная керамика времен Палеологов (XIV в.) из византийских городов западного побережья Малой Азии (Пергама и других) (рис. 4а, б) ⁶³. Чертами своеобразия наделен и декор (гравированный орнамент с яркой расцветкой) одновременных (XIII—XV вв.) поливных блюд и чаш в Сербии, также местного производства ⁶⁴. Очень специфичны блюда и чаши XIII—XIV вв., найденные на Кипре ⁶⁵, также образующие определенную локальную группу.

То же явление — формирование местных школ художественной керамики со своими особенностями — имело место и в странах Средней Азии: именно в это время появляются ясно ощутимые отличия в поливной керамике Афрасиаба в сравнении с одновременной ей керамикой Мерва, Хорезма ⁶⁶.

Конечно, при возникновении локальных школ художественно-керамического производства сыграли свою роль и местные экономические и политические факторы. Так, в отношении причерноморских стран большое значение имело резкое ослабление в XI и особенно в XII в. торговых связей с Византией, вследствие чего византийский вывоз в эти страны сильно сократился, а с захватом крестоносцами в 1204 г. Византии торговые связи с Причерноморьем прекратились вовсе, что не могло не стимулировать местное производство художественной керамики.

Но такого рода факторы могли лишь форсировать процесс развития местного художественно-керамического производства, но не определить его. Появление и подъем такого производства может быть объяснено только потребностями интенсивно развивавшегося города, оно было одним из выражений роста городского ремесла. Вне этого процесса появление локальных школ художественной керамики не может быть понято. Это, кстати сказать, объясняет и приблизительную синхронность появления таких школ.

Таков еще один аспект несомненной общности средневековой поливной керамики. Общность эта наблюдается в различных и весьма удаленных друг от друга странах Присредиземноморья и Причерноморья, Закавказья и Средней Азии, хотя и проявляется там в самых различных формах, что исключает возможность объяснения общих черт влиянием со стороны, хотя такое влияние в отдельных странах, конечно, имело место. В наличии прослеженной нами принципиальной общности художественной керамики в столь удаленных друг от друга районах мы видим проявление определенной общей закономерности развития в сфере художественной культуры, отражавшей закономерности общеисторические. В этом, думается, и заключается сокровенный смысл, интерес и значение средневековой поливной керамики.

Конечно, все изложенное — это только основные линии процесса. Мы, естественно, отвлекались от тех или иных отклонений от него и не входили в детали. Так, не было речи о возрождении полихромной росписи

⁶² В тех местах блюда или чаши, где снят ангоб, черепок под прозрачной глазурью приобретает коричневый тон.

⁶³ Wulff O. *Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke*, Bd. III. Berlin, 1911, Taf. XXII—XXIX.

⁶⁴ См. например: «Средневековая уметност у Србији. Каталог». Београд, 1969; Барташевский М. Средневековая керамика (каталог II серии збирке и легати Музеја Београда). Београд, 1970, с. 18—21, 75—78, табл. XIII, XIV, рис. 57—70; «Культурно богатство Прилепа VI—XVII век». Крушевац, 1975; «Культурно богатство Прилепа од V—XIX века». Београд, 1976; Жубинковский М. Српска глеђосана керамика. — Сборник радова Народного Музеја, III, 1962, с. 162 сл.

⁶⁵ Taylor J. *Medieval graves in Cyprus*. — «Ars Islamica», V, 1938, p. 55—86.

⁶⁶ Ташходжаев Ш. С. Указ. соч., с. 140, 148; Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 289, 316.

поливных блюд в Азербайджане и Византии в XII—XIII вв. (сама роспись совершенно различна), когда в керамике этих стран господствовала гравировка; не было речи и о возрождении в XIV в. росписи ангобом (вероятно, для наиболее дешевых изделий), известной опять-таки в самых различных странах — в Закавказье, Северной Сирии, на Кипре, в Константинополе, в Греции, в Крыму ⁶⁷. Мы не задавались целью проследить все перипетии сложного развития художественной поливной керамики Средней Азии, где роспись и гравировка большей частью сочетались. Но эти отклонения не нарушают основные тенденции процесса, который мы старались проследить в наиболее существенных и главных чертах.

Средневековые поливные блюда, чаши и вазы яркие, красочны, выразительны и эффектны. Они манят к себе исследователей, обращающих свое внимание главным образом на художественные качества этих произведений. Но при изучении средневековой поливной керамики не следует забывать и ее историческое содержание.

⁶⁷ См. МИА, № 17, с. 192—194, табл. XXIV, XXV (группа 9).

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

ХРАМ В ПОРТОВОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА (раскопки 1963—1965 гг.)

Раскопки портового района Херсонеса у 16—17 куртин оборонительных стен (рис. 1), начатые в 1963 г.¹, открыли христианский храм, расположенный в юго-восточной части участка. С юго-восточной стороны храм примыкает к площади; с северо-восточной стороны его проходит XV поперечная улица, с юго-востока — узкий переулок, отделяющий храм от жилого дома. Храм небольшой (внутри длина 10,6 м, ширина 3,8 м), имеет притвор, абсида полукруглая, ориентирована на северо-восток (рис. 2, 3). Со стороны площади храм имеет два входа — один в главное помещение (наос), второй в притвор. Наос и притвор соединены дверным проемом. Стены храма сохранились на высоту от 0,62 м (4—5 рядов кладки) до 1,02 м (у абсиды). Они сложены из бутового камня на грязи. Лишь абсида с наружной стороны облицована хорошо отесанными прямоугольными блоками. Внутри храма кое-где на стенах сохранилась штукатурка, ее мелкие фрагменты толстым слоем лежали на полу абсиды и у стен наоса. Штукатурка двуслойная, со следами росписи, выполненной розовой, черной, желтой, коричневой и красной красками. Композицию росписи восстановить не удастся. Возможно, стены наоса были украшены простым геометрическим орнаментом в виде черных прямых ординарных линий и завитков по красному и желтому фону, красных прямых ординарных линий и косой плетенки по белому фону. Абсида храма имела, очевидно, живописную роспись, выполненную розовой, желтой, коричневой и черной красками по красному фону.

В юго-западной стене наоса и притвора сооружены ниши с полукруглым верхом, основания которых находятся на уровне пола (рис. 3). Третья небольшая нишка сохранилась в юго-восточной стене наоса рядом с правым плечом абсиды (рис. 2, разрез Б—А).

Пол наоса вымощен мраморными и известняковыми плитами, пол притвора — земляной. В храме открыто 9 могил, 6 из них впущены в пол (три в наосе и три в притворе) и 3 (одна в притворе и две в наосе) сооружены в юго-восточной стене храма под аркасолиями (рис. 2—4, а). Могилы, впущенные в пол, были закрыты плитами, служившими плитами пола. Перекрытие могил под аркасолиями состояло из трех плит, из которых две боковые являлись опорами для арочного перекрытия (рис. 4, а).

На бордюре одного из аркасолий сохранилась роспись в виде двух параллельных полос с красными треугольниками и точкой в центре (рис. 4, б). Стены всех могил (за исключением 4-й грунтовой) выложены бутовым

¹ Раскопки велись совместно Херсонесским музеем и Уральским университетом. В 1964 г. в состав экспедиции вошли и представители Харьковского университета. Возглавлял экспедицию С. Ф. Стржецкий.

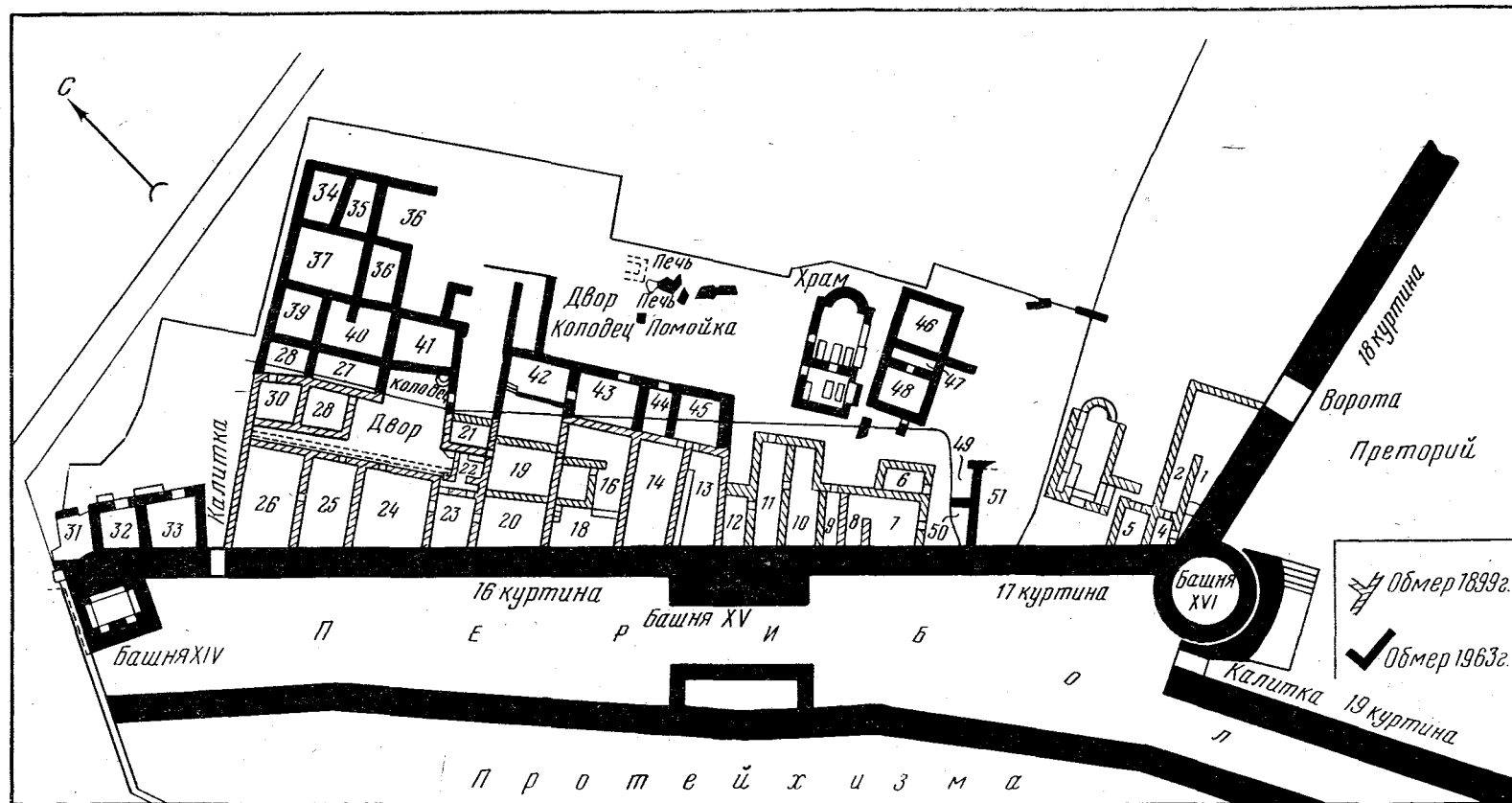

Рис. 1. Портный район Херсонеса. Раскопки 1899 и 1963 гг. Общий план позднесредневековых построек.

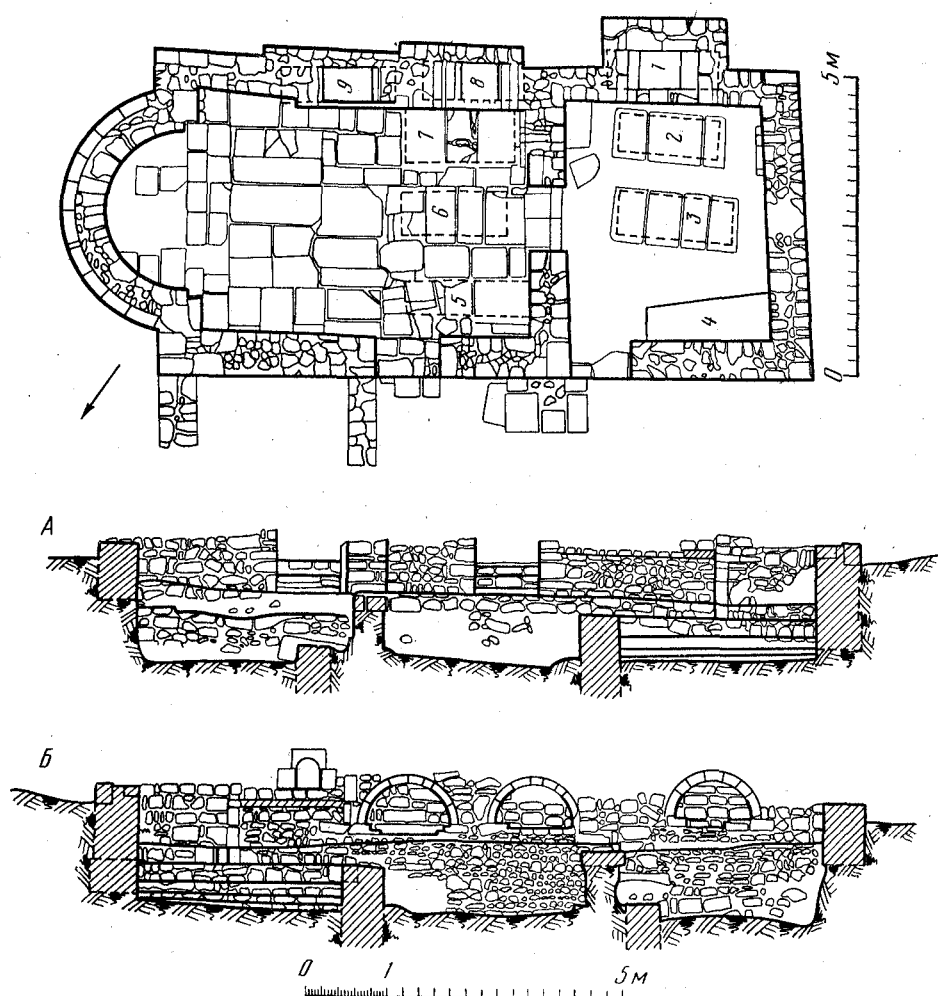

Рис. 2. Храм. План и разрезы; 1—9 — могилы.

камнем и оштукатурены. В каждой могиле ² находилось от 5 до 40—45 костяков. Многие костяки находились в правильном анатомическом положении. Во всех могилах (кроме верхнего слоя 8-й могилы, где черепа грудой лежали у северо-восточной стены) погребенные были положены лицом на северо-восток, руки их были вытянуты вдоль туловища либо сложены на груди. Края могильных плит и швы между ними обмазаны известковым раствором. Толстый слой того же раствора сохранился также на земляном полу притвора между могилами.

Инвентарь всех погребений довольно беден: простые кольца, браслеты, серьги из бронзовой проволоки, браслеты из синего стекла, бронзовые бубенчиковидные пуговицы, нателные кресты из серого сланца, бронзы, перламутра, железа, половинка русского энколпия (из могилы № 3, рис. 5, а), фрагменты стеклянных лампадок, сосуд в виде конуса из бесцветного прозрачного стекла, золотые бляшки, фрагменты шелковой ткани (могила № 9), украшенной парчовыми прямоугольниками с изображением

² Размеры могил примерно одинаковы: длина 1,75—1,90 м, ширина 0,67—0,70 м, глубина от 0,50 до 1,30 м.

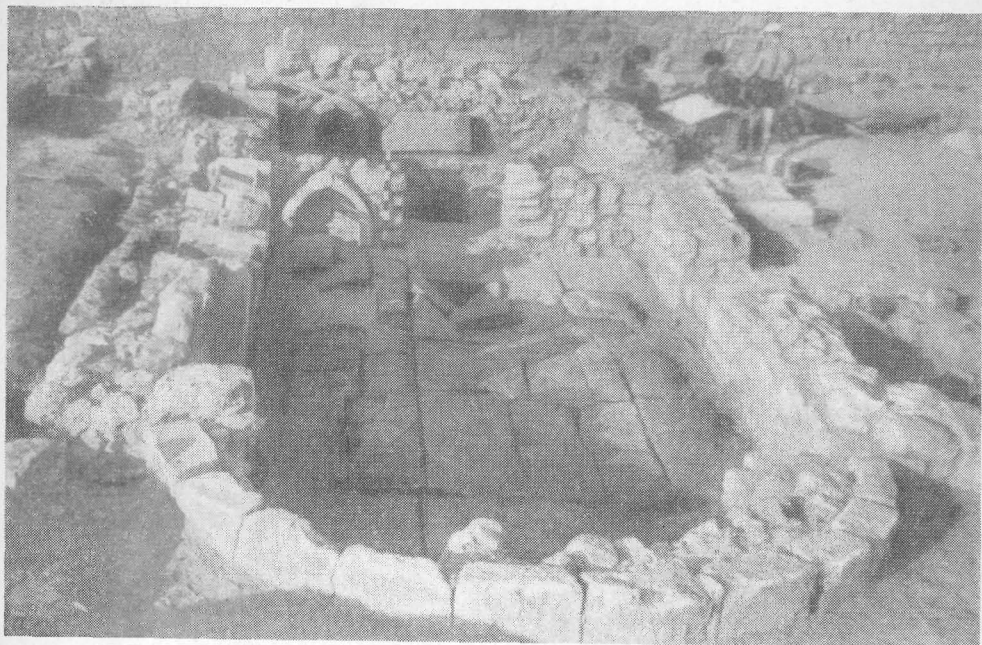

Рис. 3. Храм:

a — вид с восточной стороны; *б* — притвор, вид с северной стороны.

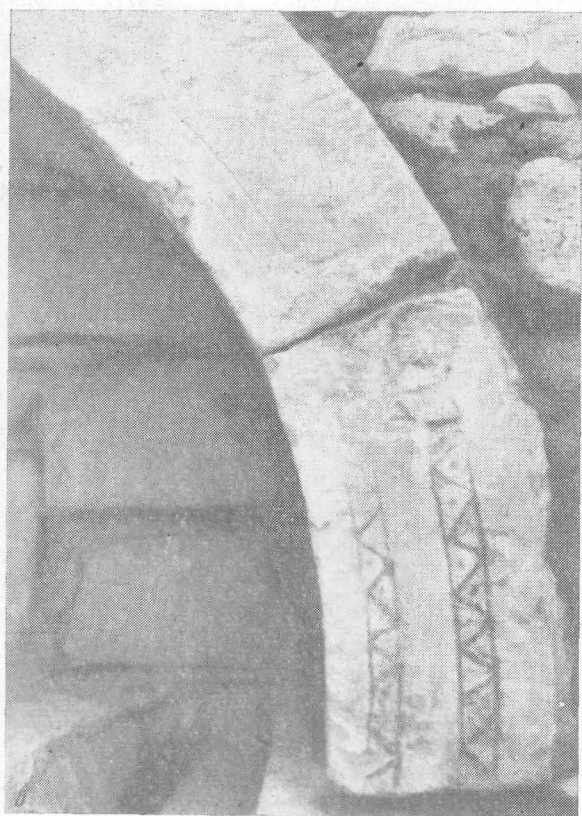
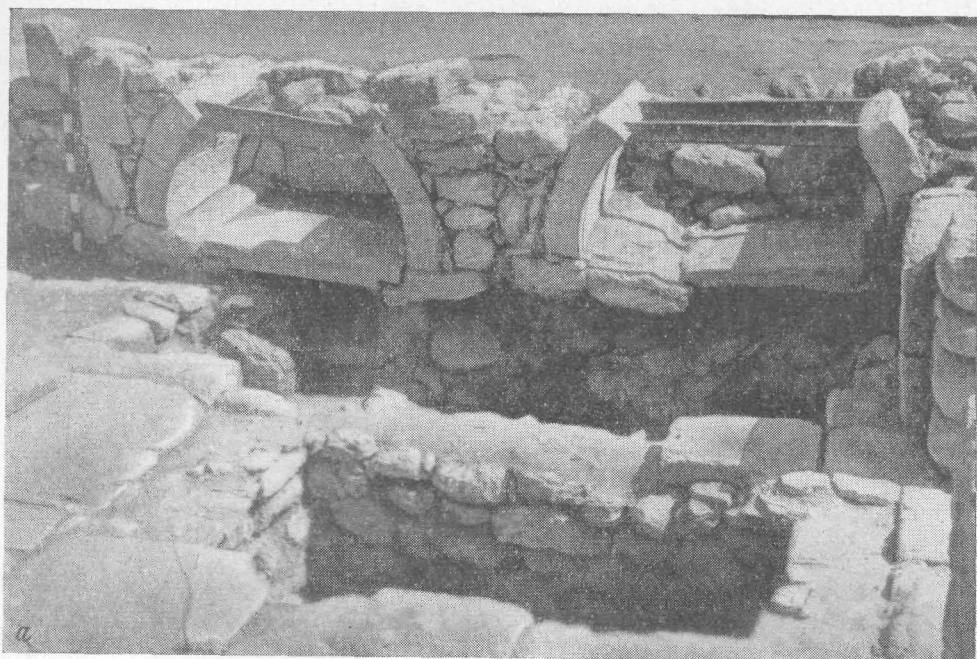

Рис. 4. Храм:

a — аркосоли в южной стене;
б — роспись аркосолия.

фантастических птиц, животных, сложного геометрического орнамента³ (рис. 6). Ткань красного цвета, парча — серебряная, с редкой золотой нитью. В некоторых могилах оказалась керамика: черепица целая (IX—X вв.) и в обломках (IX—X, XIII—XIV вв.), раздавленная грушевидная амфора с желобчатым корпусом и массивными высоко поднятыми ручками⁴, фрагмент поливного кувшинчика.

Архитектурное убранство храма было, по-видимому, скромным. На полу наоса у правого и левого плеча абсиды оказалось скопление архитектурных деталей: тут лежали тесаные камни арочных перекрытий, фрагменты мраморных колонок диаметром 8 и 13 см (рис. 7), мраморный профилированный наличник, фрагмент алтарной преграды с рельефным крестом, небольшая мраморная плитка 25×18 см с тремя врезанными крестами, покрашенными по врезу красной краской (рис. 5, б). Здесь же найдена крышка мраморного реликвария (рис. 8, а), поливная чашечка, фрагменты сирийских стаканов, расписанные эмалью и золотом, обломки оконного стекла в виде прямоугольных листов и дисков, полусферических стеклянных лампадок.

Постройку храма следует, очевидно, отнести к IX—X вв. К такой дате склоняет материал, обнаруженный под полом храма⁵. В той части наоса, где насыпь под полом не нарушена сооружением могил (от северо-восточных стен могил до стены абсиды), прослежено 5 слоев. Первый слой — это насыпь между двумя полами: верхним, который образуют упомянутые мраморные и известняковые плиты, и нижним (предшествующим ему), уровень которого прослежен по штукатурке. На стене абсиды сохранилась двуслойная штукатурка, верхний слой которой доходит до плит верхнего пола, а нижний (первоначальный) продолжается вниз еще на 20 см. Остальные четыре слоя под полом (каждый толщиной от 13 до 30 см) отделены друг от друга прослойками глины, раковин мидий, устриц, гребешков. Монеты, найденные во всех слоях, распределяются следующим образом:

1-й слой: с монограммой	2
2-й слой: Роман I (919—944)	1
Лев VI и Александр (886—912)	1
Лев VI	1
Василий I и Константин (869—879)	2
Василий I (867—886)	11
3-й слой: Василий I	1
4-й слой: Лев VI	1
Василий I	1
5-й слой: Василий I	4

Во всех слоях среди керамики доминировали высокогорлые кувшины с плоскими ручками, амфоры VIII—IX вв., белоглиняная посуда с пятнистой желтой и зеленой поливой IX—X вв. Наиболее поздние предметы, найденные на полу храма, — золотоордынская монета, керамика с характерной коричнево-желтой поливой, фрагменты сирийских стаканов, относящиеся к XIII—XIV вв., что и позволяет отнести гибель храма ко времени той катастрофы, которая постигла Херсонес в конце XIV в.

За 400—500 лет своего существования храм подвергался неоднократным частичным и капитальным перестройкам и ремонтам. Об этом свидетельствуют два уровня пола, два порога у наружных дверей храма, два слоя штукатурки. Следы перестроек видны в юго-восточной стене храма, в наосе между аркасолиями виден шов на стыке двух отрезков

³ Аналогичная ткань была найдена при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1891 г. (ОАК за 1891 г., с. 5, рис. 2) и 1903 г. (ИАК, вып. 16, с. 38, рис. 1—2).

⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. — МИА, № 17, 1950, с. 107, рис. 53а, б.

⁵ В 1964 г. плиты пола были подняты и произведены раскопки внутри храма на глубину 0,95—1,00 м до уровня дна могил.

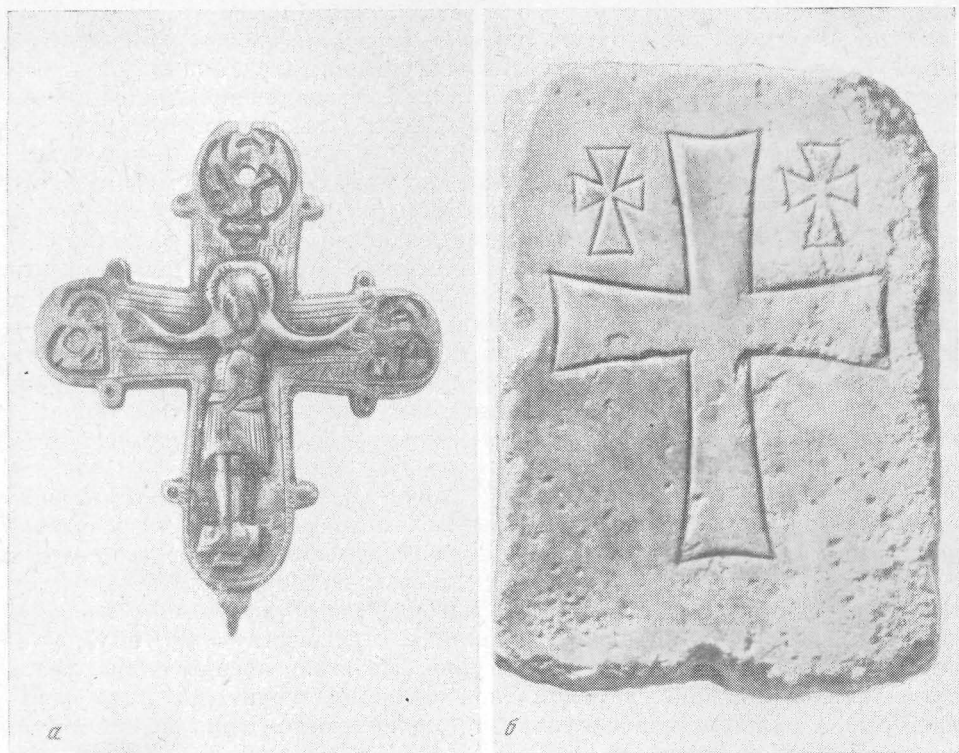

Рис. 5. Храм:

а — русский энколпий из мог. 3; б — мраморная плитка с крестом.

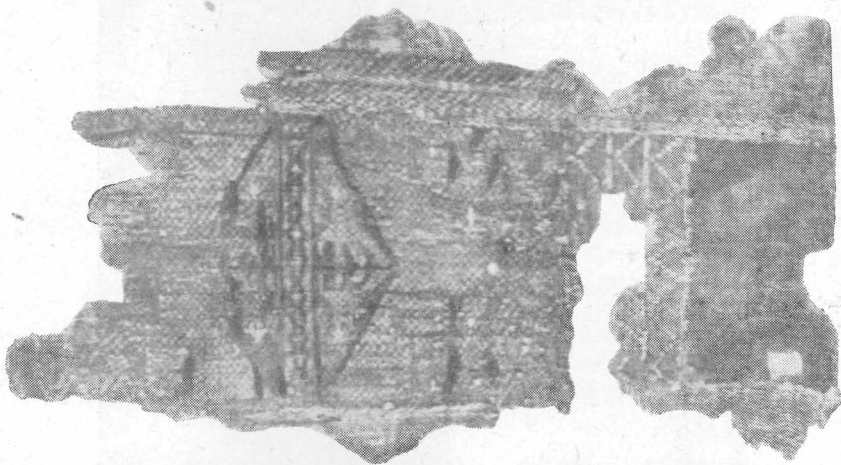
этой стены (рис. 4, а). По-разному сложены и могилы под этими аркасолиями. Одна из них (№ 9) сооружена тщательно, в ее обкладке много больших хорошо отесанных камней. В отличие от стен всех могил, сложенных на грязи, юго-западная стена этой могилы, примыкающая к наружной стене храма, сложена на известковом растворе с примесью цемьянки. В кладке стены могилы оказался фрагмент христианской надписи (рис. 8). Вторая могила (№ 8) сложена небрежно из мелкого бутового камня.

Пока не закончено полное исследование храма с наружной стороны, трудно определить последовательность всех его перестроек и ремонтов. Большие работы проводились здесь, несомненно, в конце XIII—XIV вв. в связи со всеобщим пожаром, охватившим многие постройки портового района. После удаления верхнего слоя XIV—XV вв. на площади перед храмом, в переулке, на XV поперечной улице вблизи храма выявился слой, образовавшийся в результате пожарища: битая горелая черепица и посуда, железные гвозди, древесные угли и зола, рыхлый черный грунт. У стен храма, в особенности на участке от входа в наос и до западного угла притвора, оказалось скопление черепицы, главным образом IX—X вв.⁶, относящейся, очевидно, еще ко времени постройки храма.

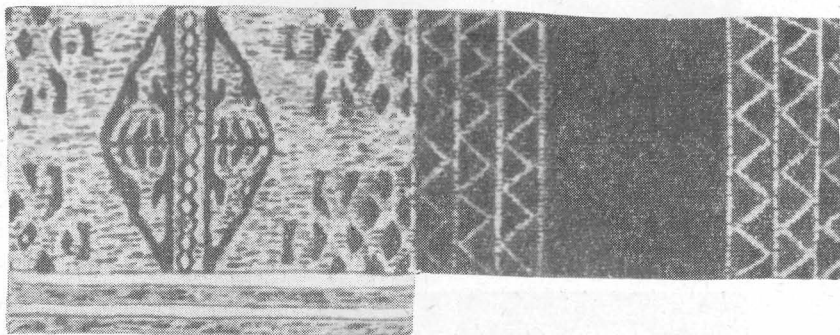
После пожара перестало существовать небольшое помещение (2,0 × 2,33 м), пристроенное к северо-западной стене храма (между левым плечом абсиды и входом в наос) с одной могилой в полу помещения (с 15 костяками). Очевидно, тогда же была разобрана ограда (сохранилось основание ее кладки), опоясывавшая храм со стороны абсиды (рис. 9).

⁶ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959, с. 316—317.

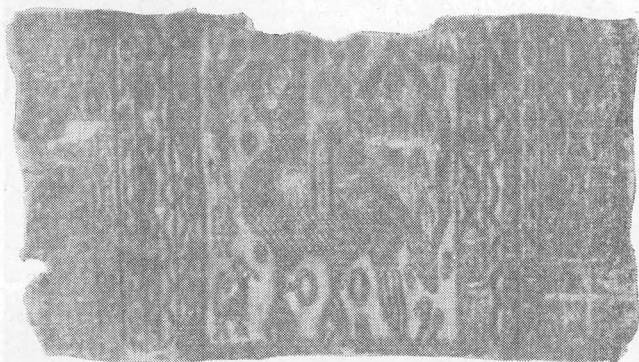
а

б

в

г

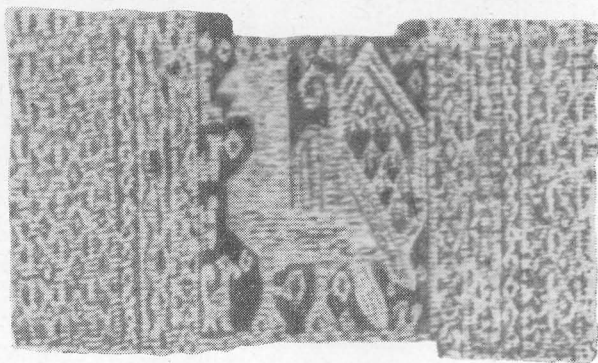

Рис. 6. Храм. Ткани из могилы 9:
а, б — ткань и ее реконструкция;
в, г — ткань с изображением павлина и ее реконструкция.

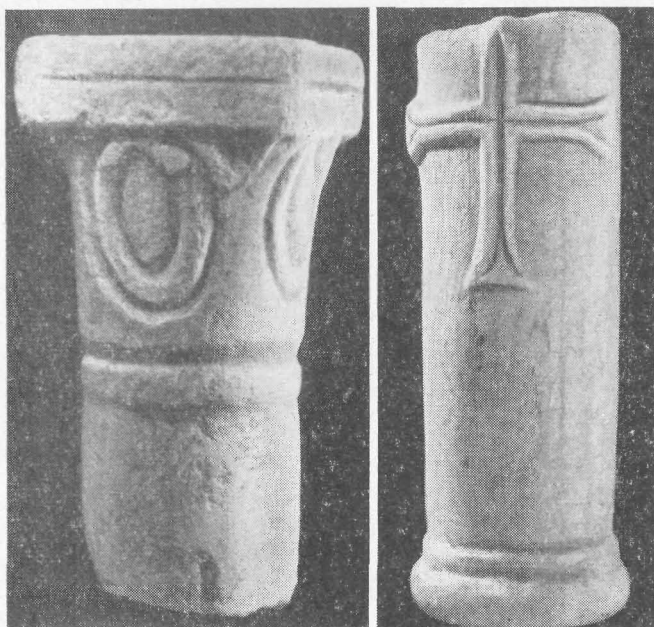

Рис. 7. Храм. Части мраморных колонок и капители.

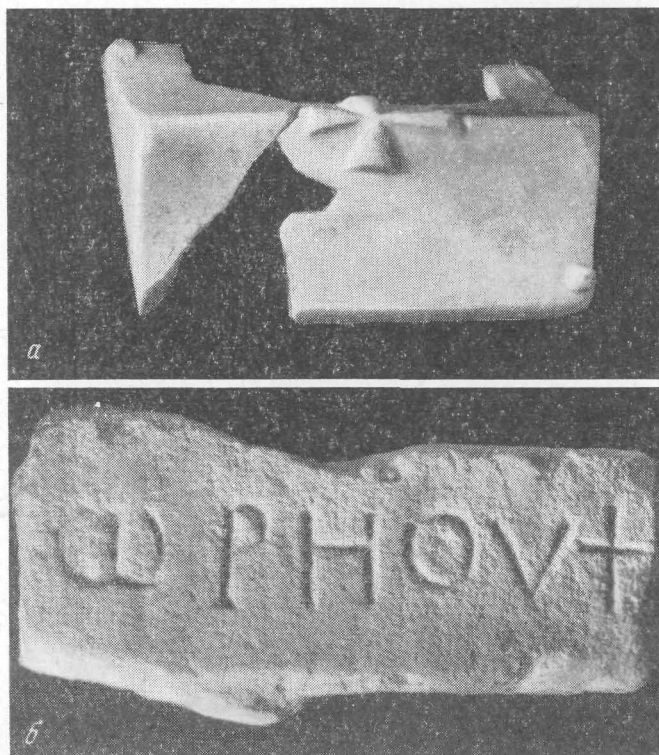

Рис. 8. Отдельные находки в храме:

а — мраморная крышка реликвария;
б — фрагмент надписи из юго-западной стенки мог. 9.

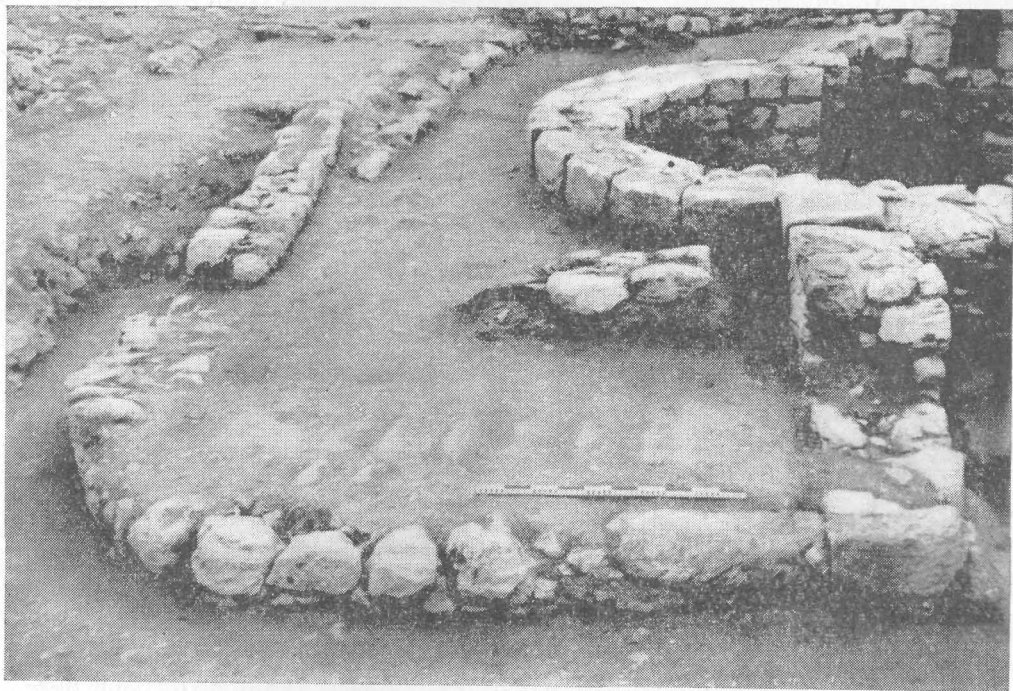

Рис. 9. Ограда храма. Вид с северо-восточной стороны.

Один конец ограды упирается в северный угол храмовой пристройки, второй — в северный угол дома, расположенного с юго-восточной стороны храма. Таким образом, до пожара между этим домом и храмом был не переулок, а небольшой двор, принадлежащий храму. Раскопками 1965 г. здесь открыты отдельные грунтовые захоронения с одиночными костяками плохой сохранности и большая могила с более чем 40 костяками, пристроенная к юго-восточной стене храма.

Второй пожар, охвативший портовый район в конце XIV в., не коснулся храма; он не был разрушен и долгое время стоял нетронутым. В мусоре, накопившемся на его полу, какая-то семья похоронила своего грудного ребенка. Второй костяк грудного ребенка оказался у левого плеча абсиды с наружной ее стороны. Кровля храма и его стены были разобраны постепенно и использованы для сооружения новых построек (относящихся уже к XV в.), остатки которых обнаружены рядом с храмом.

В храме и около него найден материал, имеющий важное значение для изучения экономики, культуры и духовной жизни средневекового Херсонеса. Особого внимания заслуживает бронзовая пластина (23,5 × 22 см), обнаруженная перед входом в наос, в слое пожара конца XIII в. Пластина состоит из двух частей (рис. 10)*. На верхней, узкой, — надпись:

НШΕΜΑΡΙΑΝΟΥΣ ΠΟΘ. Буквы крупные, рельефные, выполненные чеканом. Выше надписи — два отверстия, очевидно, для крепления на деревянной доске. На нижней, основной части пластины — погрудное изображение двух святых, также выполненное чеканом с последующей гравировкой. Пластина деформирована, металл слоится и крошится, позолота, когда-то покрывавшая всю ее поверхность, почти полностью слезла, видны следы ремонта. Кроме того, до нас дошел не весь памятник. На пластине изображены св. Кир и св. Лукиллиан. Их имена выгравированы по

* Рис. 10—12 см. на вклейках в конце книги.

Рис. 13. Кружок с изображением св. Фоки.

вертикали справа от каждого изображения. У левого края пластины — третье имя: Иоанникий. Само изображение этого святого отсутствует.

У Кира (рис. 12) густые короткие волосы, аккуратно уложенная борода, длинные усы. Его одежда состоит из туники и плаща. Плащ прикрывает правое плечо и драпирует левую руку. Вырез туники украшен каймой из двойных линий с ординарным рядом точек между ними (подобная же кайма обрамляет нимбы обоих святых и табlion Лукиллиана). В левой руке Кир держит коробку с медикаментами, в правой, очевидно, урительник. Коробка украшена гравированным орнаментом. Туловище святого непропорционально — его левое плечо шире правого и неестественно поднято вверх. Этот дефект возник в связи с ремонтом части изображения. Коробка с медикаментами и левая рука Кира выполнены на отдельном куске, прикрепленном к основной части заклепками, которые видны на коробке, на плече и пальцах правой руки. В результате ремонта в имени Кира исчезла последняя буква.

У Лукиллиана (рис. 11) длинные волнистые волосы, мягко падающие за плечи, длинные усы и борода, лицо удлинненное. Плащ с табlionом, скрепленный на правом плече аграфом, драпирует всю фигуру святого. В правой руке Лукиллиан держит крест. Левая рука обращена ладонью к зрителю.

Следует отметить, что все святые — Кир, Лукиллиан и Иоанникий (умер в IX в., в царствование императора Михаила) — уроженцы Востока⁷. Согласно преданиям, Иоанникий и Лукиллиан родом из Вифинии. Кир — из Александрии. Условия находки и дата смерти Иоанникия дают возможность наметить хронологические границы, в пределах которых могла быть изготовлена эта пластина, а именно: середина IX — конец XIII в. Стилистически она ближе всего к памятникам X—XI вв.

В том же слое пожара на площади у храма найден небольшой обломок круглой стеатитовой иконки с рельефом — часть передней ноги лошади. На поле и на изображении видны следы позолоты, а на рельефном ободке хорошо сохранилась яркая красная краска. Такое сочетание золочения с красочной росписью обычно для херсонесских икон.

В настоящее время накопилось немало фактов, свидетельствующих об устойчивых, почти непрерывных связях Херсона с Ближним Востоком. Связи, возникшие в процессе торговли, обусловили в какой-то мере духов-

⁷ Бахметьева А. И. Избранные жития святых, т. I, январь. М., 1882, с. 203—205; июнь, с. 10—12; т. II, ноябрь, с. 9—12.

Рис. 14. Плита с изображением льва (фото).

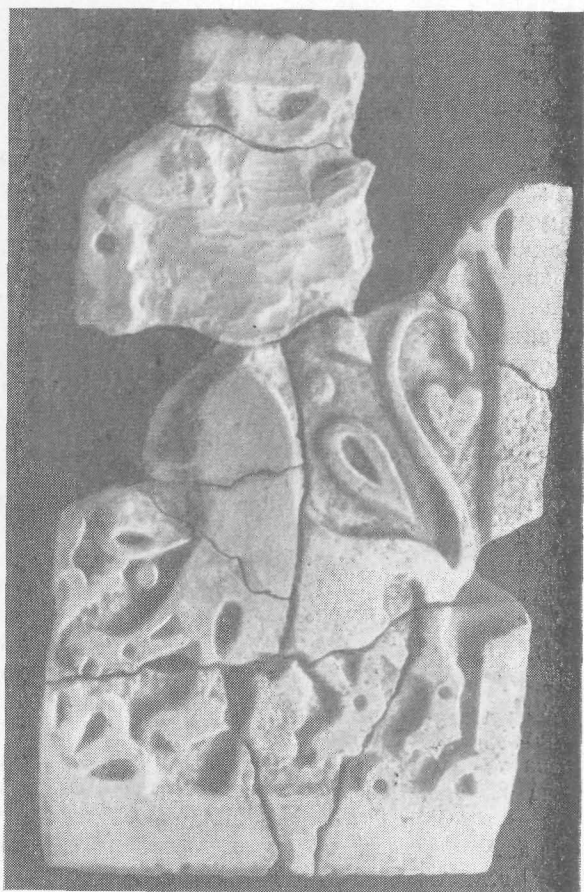
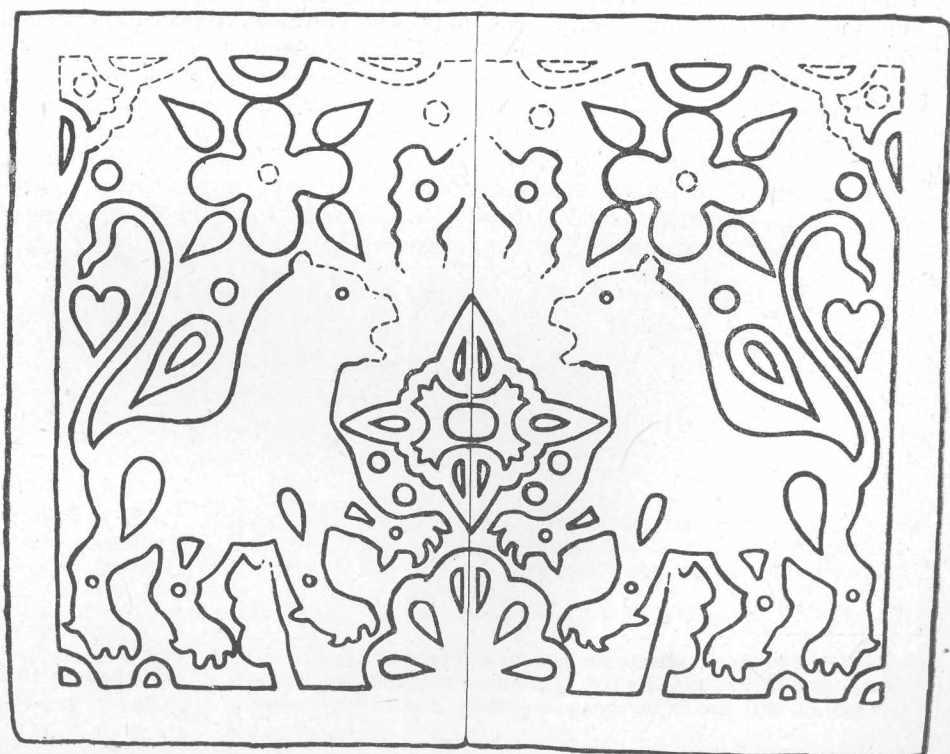

Рис. 15. Плита с изображением льва (графическая реконструкция фрагментов).

ное сближение торгующих сторон. Идеи и образы, возникшие на Востоке, находили себе место в определенной социальной и этнической среде Херсонеса. В этом отношении очень интересны два памятника, найденные при раскопках храма, — глиняный кружок с изображением св. Фоки и рельеф со львом.

Кульٹ св. Фоки проник в Херсон в V в. с христианского Востока⁸. О его популярности в Херсоне свидетельствует теперь уже вторая находка кружка. Первый был найден в 1896 г. при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в восточной части портового района городища⁹, второй — недалеко от храма, при зачистке юго-западного обреза раскопа (рис. 13). На лицевой плоской стороне кружка (диаметр 9,8 см) — углубленное изображение св. Фоки в лодке, по ободку идет греческая надпись: «Благословение нищеприемницы св. Фоки в Херсоне», на тыльной стороне — скол. На обоих кружках абсолютно совпадают изображения и надписи, но второй кружок, в отличие от найденного в 1896 г., является не оттиском, а формой для оттиска. Интересно, что оба найдены в портовом районе Херсонеса.

Известняковая плита с рельефным изображением льва (0,55×1,01 м, толщина 9 см) (рис. 14) служила перекрытием могилы № 2 в притворе храма. Она разбита на мелкие куски, часть которых отсутствует. Лев, шагающий влево, с высоко поднятым хвостом, занимает почти все поле плиты. Свободное пространство заполнено элементами растительного и геометрического орнамента. Плита является лишь частью рельефа. Он занимал, очевидно, две плиты с симметричным рисунком, центральной частью которого были два геральдически расположенных льва. Этот рельеф является четвертым по счету памятником монументального искусства Херсона с изображением грозных стражей в образе диких животных¹⁰. Все они выполнены местными мастерами и являются характерными примерами проникновения в искусство Херсона художественных образов и традиций, сложившихся на Ближнем Востоке.

Дальнейшие раскопки территории, прилегающей к храму, исследование его стен и фундамента на всю глубину вскроют картину строительства и перестроек храма, исправят или подтвердят предварительно установленную дату его сооружения, точность которой необходима для решения многих вопросов истории средневекового Херсона.

⁸ *Яковсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес, с. 28.

⁹ ОАК за 1896 г., с. 165—166. Хранится в Эрмитаже, инв. № Х-263, диаметр 10,2 см.

¹⁰ *Яковсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес, с. 353—357, рис. 185—186.

Н. А. ФРОЛОВА, Э. Я. НИКОЛАЕВА

ИЛЬИЧЕВСКИЙ КЛАД МОНЕТ 1975 Г.

Раскопки Ильичевского городища, расположенного у основания косы Чушка на Таманском полуострове, планомерно ведутся Таманской экспедицией Института археологии АН СССР с 1962 г.¹ Площадь городища — 6,5 га. Центральную часть занимает холм цитадели высотой в 6—7 м и площадью в 720 кв. м. Вокруг городища идут вытянутые золистые гряды — остатки земляного вала. Цитадель городища и вал вокруг него были построены в конце I в. до н. э.² Это была самая северная (с-з) крепость в системе крепостей, опоясывающих Фонталовский полуостров, который был в то время островом и являлся своеобразным мостом, соединяющим европейский и азиатский Боспор. Занимая важное стратегическое положение, городище просуществовало почти без перерыва вплоть до третьей четверти VI в. н. э. История крепости у пос. Ильич, по-видимому, мало чем отличается от судеб остальных, уже известных крепостей³. Большинство из них прекратило свое существование в середине VI в. Время гибели Ильичевского городища помогает установить анализклада монет, найденного в одном из помещений. Клад находился в краснолаковом кувшине, лежащем на полу у дверного проема восточной стены помещения, недалеко от устья печи (рис. I). Кувшин, венец и ручка которого были утрачены еще ранее, находился в слое пожараща толщиной более метра. Следы пожара были повсюду: потрескалась и обвалилась обмазка стен, расплавились и покособились стеклянные сосуды, оплавилась керамика. Вследствие указанных обстоятельств, сопутствующих находке, подлинность состава клада не может вызывать сомнений.

Клад состоял из 130 медных боспорских статеров царей Боспора: Рескупорида V (1 экз.), Фосфорса (18 экз.), Радамсада (10 экз.), Рескупорида VI (101 экз.) и пяти золотых солидов Юстиниана I.

Монеты Рескупорида V (240—268)

1. 559 г. б. э. (262 г. н. э.) — 1 экз. (рис. II, 1)

Ф о ф о р с (285—308)

2. 583 г. б. э. (286 г. н. э.) — 1 экз.
- 3—5. 586 г. б. э. (289 г. н. э.) — 3 экз. (рис. II, 2)
- 6—7. 591 г. б. э. (294 г. н. э.) — 2 экз.

¹ Сокольский Н. И. Ильичевское городище (По материалам Таманской археологической экспедиции). — СА, 1966, № 4, с. 125 сл.; Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища. — АО, 1974, с. 121; она же. Раскопки Ильичевского городища. — АО, 1975, с. 141—142.

² Шелов Д. Б. Городище около хутора Ильичевка. — КСИМК, XXXVII, 1951, с. 228—230.

³ Сокольский Н. И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. — «Acta antiqua Philippopolitana Studia Archeologica». София, 1963, с. 11 сл.; он же. Крепость на поселении Батарейка II. — КСИА, 109, 1967, с. 108—115.

- 8—9. 594 г. б. э. (297 г. н. э.) — 2 экз.
 10—13. 595 г. б. э. (298 г. н. э.) — 4 экз.
 14. 596 г. б. э. (299 г. н. э.) — 1 экз.
 15—17. 599 г. б. э. (302 г. н. э.) — 3 экз.
 18—19. год не читается, монеты плохой сохранности — 2 экз.

Р а д а м с а д (309—322)

20. 611 г. б. э. (314 г. н. э.) — 1 экз. (рис. II, 3)
 21—24. 613 г. б. э. (316 г. н. э.) — 4 экз.
 25—26. 615 г. б. э. (318 г. н. э.) — 2 экз.
 27—29. год не читается, монеты плохой сохранности — 3 экз.

Р е с к у п о р и д VI (314—341)

30. 616 г. б. э. (319 г. н. э.) — 1 экз. (рис. II, 4)
 31—34. 617 г. б. э. (320 г. н. э.) — 4 экз.
 35—36. 618 г. б. э. (321 г. н. э.) — 2 экз.
 37—44. 619 г. б. э. (322 г. н. э.) — 8 экз., плохой сохранности
 45—64. 620 г. б. э. (323 г. н. э.) — 20 экз. Из них 12 экз (№ 45—56) имеют на л. с. изображение головы царя и дифферент — венок, а на о. с. — изображение бюста императора и дату по сторонам его. 8 экз. (№ 57—64) имеют на л. с. дифферент — трезубец, на о. с. дифферент — орел. Все монеты очень плохой сохранности.

- 65—69. 621 г. б. э. (324 г. н. э.) — 5 экз., плохой сохранности
 70—78. 622 г. б. э. (325 г. н. э.) — 9 экз. Из них 4 экз. (№ 70—71, 77—78) имеют на л. с. дифферент — венок, на о. с. — Нику. На трех экз. (№ 72—74) на л. с. дифферент — венок, на о. с. — только дата. На двух экз. (№ 75—76) дифферент на л. с. — венок, на о. с. — звезда. Монеты плохой сохранности.

- 79—83. 623 г. б. э. (326 г. н. э.) — 5 экз. Монеты трех типов. На 1 экз. (№ 79) на л. с. дифферент — венок и Ника — на о. с. 3 экз. (№ 80—82) — без дифферента на о. с. 1 экз. (№ 83) — с изображением орла на о. с.

84. 624 г. б. э. (327 г. н. э.) — 1 экз.

- 85—100. 619—629 гг. б. э. (322—332 гг. н. э.) — 16 экз. Монеты плохой сохранности, но на о. с. этих статеров просматривается изображение орла, которое характерно для монет Рескупорида VI, выпускавшихся с 619 по 629 г. б. э.

101. 633 г. б. э. (336 г. н. э.) — 1 экз.

- 102—130. 29 экз. монет бесспорно относятся к чекану Рескупорида VI, но они столь плохой сохранности, что прочесть даты на них не представляется возможным. Мы не приводим весовых данных монет клада, так как вес их, безусловно, претерпевший сильные изменения, не может быть использован при решении вопросов метрологии позднебоспорских статеров.

М о н е т ы Ю с т и н и а н а I (527—565)

Солиды 527—538 гг.

1. Л. с.: DNIVSTINI ANVSPPAVC. Погрудное изображение Юстиниана I впрямь. Безбородое лицо повернуто на три четверти вправо. Голову венчает шлем, украшенный диадемой. В правой руке копьё, положенное на плечо, конец которого виден из-за левого плеча. В левой руке (она не видна) щит с изображением всадника, поражающего копьём лежащего врага.
 О. с.: VICTORIA AVCCCB. Крылатая Ника в фас стоит, держа в правой руке длинный крест, а в левой — сферу с крестом, внизу справа — восьмилучевая звезда, под чертой + CONOB⁴; вес=4,49 г, р=20 мм (рис. II, 5).

⁴ Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, vol. 1. London, 1908, p. 26, N 1, pl. IV, 9, 10.

2. Л. с.: то же, но чеканена другим штемпелем, в конце надписи буква **8**; вес = 4,49 г, р = 20 мм (рис. II, 6).

3. Л. с.: то же, но более схематичное изображение императора, нежели на первых двух. Правая рука, держащая копьё, приподнята над плечом.

О. с.: то же, но в конце надписи буква I; вес = 4,48 г, р = 20 мм (рис. II, 7).

Солиды 538—565 гг.

4. Л. с.: DNIVSTINI ANVSPPAVC. Погрудное изображение императора в фас, на голове шлем, к которому прикреплена диадема с начальным украшением. С обеих сторон диадемы ниспадают жемчужные подвески. В правой руке, поднятой на уровень плеча, сфера с крестом. Левая рука (не видна) прикрыта у плеча щитом с изображением всадника, поражающего копьём распростертого на земле врага.

О. с.: VICTORIA AVCCSG. Изображение крылатой Ники в фас. Стоит, держа в правой руке крест, заканчивающийся буквой P, в левой держит сферу с крестом, под ней — восьмилучевая звезда. Под обрезом — CONOB⁵; вес = 4,47 г, р = 20 мм (рис. II, 8).

5. Л. с.: то же, что и № 4, но другого штемпеля.

О. с.: то же, что и № 4, но в конце надписи стоит буква S⁶; вес = 4,56 г, р = 20 мм (рис. II, 9).

Следует сказать, что солиды Юстиниана I (№ 1—3), имеющие на аверсе изображение лица императора в три четверти и слегка повернутое вправо, предшествуют по времени золотым монетам, на которых лицо Юстиниана представлено в фас⁷. Доказано, что солиды с изображением лица Юстиниана в три четверти чеканились с начала его правления, т. е. с 527 г. Портрет императора в отношении передачи черт лица и позы носит несколько условный характер и тем самым напоминает изображения предшественников Юстиниана⁸. В 538 г. Юстиниан вводит в чеканку заметные изменения. Он начинает выпускать бронзовые монеты, отмеченные годом выпуска, и одновременно помещает как на бронзовых, так и на золотых монетах свое новое изображение. Лицо Юстиниана изображается с тех пор не в три четверти, а в фас⁹. Это изображение становится постоянным типом аверса на солидах Юстиниана с 538 до 565 г., т. е. до конца его правления. Отмеченное обстоятельство важно для правильной датировки нашего клада. Исходя из того положения, что дата клада определяется временем выпуска самой поздней монеты, находящейся в кладах, следует считать 565 г. наиболее вероятной датой его сокрытия, а следовательно, и датой, подтверждающей существование поселения в это время.

Таким образом, клад состоит из монет второй трети III в. (262 г.) и второй трети VI в. (565 г.), т. е. хронологический промежуток между крайними монетами клада составляет три столетия. В связи с этим клад из Ильичевки представляет исключительный интерес. Если подойти к нему как к источнику, содержащему определенные элементы денежного обращения как бы в застывшем, зафиксированном виде, то состав этого клада позволяет извлечь достоверные данные как по истории денежного обращения позднего Боспора, так и по истории денежного обращения Византии. Именно в этом заключается особенная, двоякая ценность сведений, доставляемых этим кладом. Анализ состава монет в кладах из Ильичевки и сопоставление его с кладами позднебоспорских монет и с кладами, со-

⁵ Ibid., p. 27, № 8, pl. IV, 11.

⁶ Толстой И. И. Византийские монеты, вып. III. СПб., 1913, с. 297, № 33, табл. 19, № 33.

⁷ Wroth W. Op. cit., p. 26, n. 1.

⁸ Ibid., p. XC.

⁹ Ibid., p. XCI.

держащими монеты Юстиниана¹⁰, добавит новые данные к истории Боспора в позднеантичное время и расширит наши представления о взаимоотношениях Византии с народами, заселявшими территорию Северного Причерноморья. Исходя из этого, следует проанализировать данные этого клада с двух точек зрения: одна из них имеет в виду историю Боспора, другая — историю Византии.

Прежде всего отметим, что на территории Боспора обнаружено 14 кладов монет, содержащих монеты последних боспорских царей первой половины III—начала IV в. Считаем необходимым кратко привести данные этих кладов для того, чтобы выявить и подчеркнуть своеобразие клада из Ильичевки.

1. Клад, найденный в Патрэе в 1969 г. (228 экз.), содержал боспорские монеты 224—251 гг.¹¹

2. Таманский клад, 1970 г. (44 экз.), состоял из статов Рескупорида V, 242—252 гг.¹²

3. Керченский клад, 1964 г. (80 экз.), кроме монет Боспора, включал денарий Александра Севера. Датируется 232—254 гг.¹³

4. Клад боспорских статов Рескупорида V, 242—267 гг., из деревни Семеновка, 1957 г. (96 экз.)¹⁴.

5. Тиритакский клад 1937 г. позднебоспорских статов (2093 экз.) охватывает период с 234 до 276 гг.¹⁵

6. Керченский клад 1958 г. содержал статы Рескупорида V, Фарсанза, Савромата IV и Тейрана (198 экз.), 243—278 гг.¹⁶

7. В Судакском кладе 1958 г. (1025 экз.) находился антонин Гордиана III и боспорские статы Инифимея (1 экз.), Рескупорида V (859 экз.), Фарсанза (5 экз.), Савромата IV (46 экз.), Тейрана (42 экз.) и Фофорса (69 экз.). Клад относится к 238—291 гг.¹⁷

8. Второй Патрэйский клад 1951 г. состоял из статов царей Боспора (397 экз.), выпущенных в 275—326 гг.¹⁸

9. Феодосийский клад боспорских статов, найденный в 1927 г. (135 экз.). Датируется 286—328 гг.¹⁹

10. Клад статов из Керчи 1961 г. (40 экз.) определяется 286—328 гг.²⁰

11. Таракташский клад 1908 г., состоящий из позднебоспорских (2000 экз.) и нескольких римских монет 211—337 гг., имеет хронологический промежуток более чем в сто лет²¹.

¹⁰ Соколова И. В. Клады византийских монет как источник по истории Византии. — ВВ, XV, 1959, с. 50—63; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — «Археология СССР. Свод археологических источников». Серия Е4-4. М., 1962, № 217, 220, 253; Соколова И. В. Находки византийских монет VI—XI вв. в Крыму. — ВВ, XXIX, 1968, с. 254 сл.

¹¹ Сокольский Н. И., Стручалина Р. А., Голенко К. В. Третий Патрэйский клад. — «Античный мир и археология», вып. 2, Саратов, 1974, с. 89 сл.

¹² Голенко К. В. Таманский клад монет. — «Klio», Bd. 54, 1972, S. 241.

¹³ Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. — ВДИ, 1970, № 2, с. 86.

¹⁴ Кругликова И. Т. Клад боспорских статов III в. из деревни Семеновка. — СА, 1958, № 3, с. 134 сл.

¹⁵ Зограф А. Н. Тиритакский клад. — КСИИМК, вып. VI, 1940, с. 58; Брабич В. М. Боспорский клад статов III в. н. э. из Тиритаки. — «Труды ГЭ», IX. Нумизматика, 3, 1967, с. 3—28.

¹⁶ Кукин В. Э. Монетный клад с Таманского полуострова. — В кн.: Археология и история Боспора, т. II. Симферополь, 1962, с. 343—345.

¹⁷ Шульц П. Н. Предварительное сообщение на секции нумизматики в 1961 г. — СА, 1961, № 4, с. 293. Сведения о судакском кладе получены от П. О. Карышковского.

¹⁸ Голенко К. В. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе. — СА, 1957, № 2, с. 198; он же. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). — НЭ, I, 1960, с. 223—289.

¹⁹ Шелов Д. Б. Феодосийский клад боспорских статов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 134—139.

²⁰ Голенко К. В. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. — ВВ, XXVII, 1967, с. 268.

²¹ Стевен А. Таракташский клад. — ИТУАК, 43, 1909, с. 99—101.

12. В Тиритакский клад 1946 г. входили статеры последних боспорских царей (227 экз.). Клад ранее датировался 276—332 гг.²², но присутствие в нем монет Рескупорида VI 638 (№ 195) и 639 (№ 48) гг. б. э., принятых издателем за ошибки резчика²³ и отнесенных поэтому к 628 и 612 гг. б. э. (№ 48), дает возможность переаттировать клад 276—342 гг.²⁴

13. Клад 1962 г. из Кеп (745 экз.), отнесенный его издателями к 276—336 гг.²⁵, следует определять 276—341 гг., так как в нем содержатся семь экземпляров статеров Рескупорида VI 638 г. б. э. = 341 г.²⁶, предпоследнего года эмиссий статеров на Боспоре²⁷.

14. Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район), 1972 г. (230 экз.)²⁸, содержит статер Рескупорида VI 638 г. б. э. = 341 г.²⁹, который и устанавливает крайнюю дату сокрытия клада и период обращения монет, входящих в этот клад: 286—341 гг.

Таким образом, из приведенных данных видно, что все 14 кладов позднебоспорских статеров датировались временем не позднее 341—342 гг. и в основном относились к одному периоду денежного обращения Боспора середины III—начала IV в. Только один клад (Таракташский клад 1908 г.) включал монеты, устанавливающие длительное (немногим более 100 лет) обращение боспорских статеров, все остальные фиксировали период обращения от 20 до 60 лет. Публикуемый клад из Ильичевки отличается от всех известных нам кладов позднебоспорских монет трехвековым хронологическим разрывом между крайними монетами клада, что свидетельствует об их обращении, а следовательно, и о сохранении боспорскими «статерами» их номинальной стоимости в течение столь долгого времени.

Клад отражает состояние и уровень экономического развития Боспора в середине VI в., в то время как известные до сих пор нумизматические сведения о денежном обращении на Боспоре ограничивались 341—342 гг. В связи с этим следует обратить внимание на то, что 341—342 гг. являются последними годами чеканки монет на Боспоре³⁰. Прекращение монетных эмиссий неразрывно связано, по-видимому, с вторжением на Боспор варварских племен, подорвавших экономику государства. Известно, что боспоряне в 362 г. отправляли к императору Юлиану посольство с просьбой, чтобы они, внося ежегодную дань, получили возможность спокойно жить в пределах родной земли³¹. Между тем принадлежность Боспора готам после 362 г.³² оспаривается³³. Тот факт, что конец могуществу Боспорского царства положило нашествие гуннов в 70-х годах IV в.³⁴, не вызывает сомнений. Полчища гуннов, двигаясь с северо-востока через Азово-Прикубанские степи, в 375—376 гг. достигли границ Боспора в северной части Таманского полуострова³⁵, разрушив на своем пути многие боспорские города. Опустошению подверглись Тирамба и Кепы³⁶, Фана-

²² Харко Л. П. Тиритакский монетный клад 1946 г. — ВДИ, 1949, № 2, с. 73—86.

²³ Там же, с. 81.

²⁴ Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамса и Рескупорида VI. — СА, 1975, № 4, с. 52—53.

²⁵ Голенко К. В., Соколовский Н. И. Клад 1962 г. из Кеп. — НЭ, VII, 1968, с. 72.

²⁶ Там же, с. 179, № 318—324, табл. VIII, № 318, 319, 324.

²⁷ Фролова Н. А. Указ. соч., с. 52—55.

²⁸ Салов А. И. Клад III—IV вв. н. э. с Шум-речки (Анапский район). — СА, 1975, № 3, с. 172.

²⁹ Там же.

³⁰ Фролова Н. А. Указ. соч., с. 53—56.

³¹ *Att. Marc.*, XXII, 7, 10 (=ВДИ, 1949, № 3, с. 285).

³² Васильев А. А. Готы в Крыму. — ИРАИМК, т. I. Пг., 1921, с. 289.

³³ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 226, прим. 106.

³⁴ *Att. Marc.*, XXXI, 1, 1; *Eunap.*, fr. 42 (=ВДИ, 1948, № 3, с. 273).

³⁵ Соколовский Н. И. Гунны на Боспоре по археологическим источникам. — В кн.: *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968, S. 255; *Gajdukevič V. F. Das Bosphoranische Reich*. Berlin, 1971, S. 492—494.

³⁶ Соколовский Н. И. Раскопки в Кехах в 1962 г. — КСИА, 103, 1965, с. 112—113; он же. Погребение V в. в Кехах — СА, 1964, № 4, с. 207 сл.

гория³⁷ и Гермонасса, а также целый ряд позднеантичных поселений, возникших в I в. до н. э. к северо-западу от Кеп: Батарейка I³⁸ и Батарейка II³⁹, Красноармейское, Каменная Батарейка, Патрэй⁴⁰. На Таманском полуострове последним из них было Ильичевское, прикрывавшее подход к наиболее узкой части пролива. Переправившись через пролив, гунны обрушились на европейскую часть Боспора⁴¹. Были разрушены Пантикапей⁴², Тиритака и Мирмекий⁴³. По свидетельству Прокопия Кесарийского, на протяжении V в. гунны были хозяевами всей территории от Боспора до Херсонеса⁴⁴. Более того, временами Боспор, отождествляемый теперь с Пантикапеем, платил дань гуннам.

Вопрос о состоянии Боспора в конце V—VI в., о его взаимоотношениях с Византией и окружающим миром варварских племен получил освещение в трудах В. В. Латышева⁴⁵, Ю. Кулаковского⁴⁶, М. И. Артамонова⁴⁷, В. Ф. Гайдукевича⁴⁸. Общеизвестным является факт заинтересованности Византии в овладении Боспором и прилежащей к нему территорией. Стремление Византии включить Боспор в состав своей империи преследовало вполне определенные цели: через Боспор империей осуществлялся постоянный обмен с местным земледельческим населением, гуннами, кочевниками Приазовья и Северного Кавказа⁴⁹. Опираясь на Боспор, Византия пыталась усилить с восточного фланга защиту Херсонеса, своего важного пункта обороны в Крыму⁵⁰. Установив с помощью Боспора мирные отношения с племенами Крыма, Кубани и побережья Азовского моря, она рассчитывала обеспечить тем самым защиту своих северных границ⁵¹. Первая попытка овладеть Боспором была предпринята во время правления Юстиниана I (518—527)⁵², но только Юстиниану I с помощью военной силы удалось включить Боспор в состав Византийской империи. Эти события подтверждаются эпиграфическими, археологическими и нумизматическими данными. Надписи, найденные в Керчи, как, например, известная надпись царя Диштуна⁵³, как и надписи, обнаруженные на Таманском полуострове⁵⁴, свидетельствуют о том, что при Юстиниане во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива⁵⁵. Это позволяет считать неубедительным предположение о зависимости от империи лишь Боспора-Пантикапея, тогда как остальная территория оставалась под властью гуннов⁵⁶. Результаты многолетних раскопок Ильичев-

³⁷ Кобылина М. И. Фанагория. — МИА, 57, 1956, с. 101.

³⁸ Сокольский Н. И. Крепость на городище у хутора Батарейка I. — СА, 1963, № 1, с. 189; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 22—24, 90 сл.

³⁹ Сокольский Н. И. Крепость на поселении Батарейка II. — КСИА, 109, 1967, с. 108 сл.; Долгоруков В. С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II. — КСИА, 109, 1967, с. 123.

⁴⁰ Сокольский Н. И. Гунны на Боспоре, с. 253.

⁴¹ Васильев А. А. Указ. соч., с. 297.

⁴² Блаватский В. Д. Указ. соч., с. 222 сл.

⁴³ Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. — СА, VI, 1940, с. 200; он же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 годах. — МИА, 25, 1952, с. 109—125.

⁴⁴ Proc., De b. Pers., II, 3; Блаватский В. Д. Указ. соч., с. 226, прим. 165.

⁴⁵ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских племен из Южной России. СПб., 1896, с. 98 сл.; он же. PONTIKA. СПб., 1909, с. 208.

⁴⁶ Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 г. — МАР, вып. 6. СПб., 1891, с. 26.

⁴⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 88—98.

⁴⁸ Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 513—514.

⁴⁹ История Византии, т. 1. М., 1967, с. 335.

⁵⁰ Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 513.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Proc., De b. Pers., I, 12.

⁵³ КВН, 67; Латышев В. В. PONTIKA, с. 366—367.

⁵⁴ Латышев В. В. Сборник греческих и латинских надписей, с. 98, № 98, с. 102—103.

⁵⁵ Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 514, Ann. 51—53.

⁵⁶ Якобсон А. Л. Византия в истории средневековой Таврики. — СА, XXI, 1954, с. 148—149; он же. Средневековый Крым. М., 1964, с. 7.

ского поселения и материалы публикуемого клада подтверждают, что Таманский полуостров также находился во владении Византии. Это положение находит дополнительные доказательства в нумизматическом материале, обнаруженном на территории Боспора.

Так, на территории средневекового Боспора зафиксированы находки золотых и медных монет Юстиниана I ⁵⁷, которые в совокупности с данными клада из Ильичевки устанавливают, что основными металлами внутреннего денежного обращения Византийской империи были медь и золото. Это подтверждает вывод И. В. Соколовой: для внутреннего денежного обращения Византии характерно сочетание золотых монет с огромным количеством медных при почти полном отсутствии серебряных византийских монет, предназначенных для внешнего рынка ⁵⁸. Все изложенное позволяет еще раз убедиться в принадлежности территории средневекового Боспора, как и территории Херсонеса, Византийской империи в правление Юстиниана I. Боспор являлся внутриимперской областью. Материалы Ильичевского клада свидетельствуют о длительном, трехвековом обращении на внутреннем рынке боспорских статов. Аналогии этому явлению находят среди кладов с византийскими монетами Юстиниана ⁵⁹. Это — клад из Коринфа, 1937 г., состоявший из 478 экз. медных монет середины IV—середины III в. до н. э., медных монет византийских императоров и шести монет Юстиниана I. Хронологический разрыв между самой ранней и самой поздней монетами клада равен девяти векам ⁶⁰. Второй клад, подтверждающий факт длительного обращения медных монет, был найден в Севастополе в 1949 г. В него входили херсонесская монета III в. н. э., римская монета IV в. н. э. и монеты византийских императоров, самой поздней из которых была монета Василия I (867—886). Период обращения монет этого клада — шесть столетий.

В заключение следует сказать, что публикуемый клад позднебоспорских статов и золотых византийских солидов является ценным источником по истории средневекового Боспора в середине VI в., определяет политическую и экономическую значимость Боспора в системе взаимоотношений Византийской империи с другими государствами и окружавшим ее миром варварских племен. Условия и место находки клада, самыми поздними монетами которого являются солиды Юстиниана 538—565 гг., позволяют предположить, что поселение погибло внезапно в начале 70-х годов VI в. Интересно, что в это время в Северном Причерноморье появились кочевые племена тюркютов ⁶¹, которые, воспользовавшись ослаблением Византии, начавшей войну с Ираном, заключили союз с утигурами, осадили и взяли Боспор ⁶². Возможно, что именно это нашествие тюркютов послужило причиной разгрома Ильичевского поселения в конце VI в.

⁵⁷ Кротоцкий В. В. Указ. соч.: золотые — № 9, 223; медные — № 203, 206; *он же*. Новые находки византийских монет в Керчи. — ВВ, 32, 1971, с. 218, № 2 — медь.

⁵⁸ Соколова И. В. Указ. соч., с. 50—60; *она же*. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму. — ВВ, XXIX, 1968, с. 256—262.

⁵⁹ Кротоцкий В. В. Указ. соч., с. 34, № 217; Соколова И. В. Клады византийских монет, с. 52, прим. 6; *она же*. Находки византийских монет, с. 259—260.

⁶⁰ Соколова И. В. Находки византийских монет, с. 260.

⁶¹ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 137.

⁶² Gajdukevici V. F. Op. cit., S. 517, Ann. 68—69.

Г. И. ДЖАПАРИДЗЕ

О ТЕРМИНЕ «ИПЕРПИР»
В СИНОДИКЕ ИВИРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ

Примерно в 1092 г. Алексей I Комнин провел монетную реформу¹, вследствие чего в Византийской империи прекратился выпуск низкопробной номисмы². Начался чекан высококачественной вогнутой золотой монеты — иперпира (перпера)³.

В византийских документах иперпир встречается с марта 1093 г., в латинских источниках — с 1097 г.⁴ Хотя иперпир засвидетельствован в ряде византийских документов 1017, 1018/19 и 1081 гг., однако эти документы дошли до нас в копиях, а не оригиналах и поэтому не исключено, что упомянутый термин был внесен в них переписчиками в более позднее время⁵. Хенди считает, что нет убедительных данных о введении этого термина до правления Алексея I Комнина и что его употребление предшествовало выпуску золотой монеты, чеканенной во время реформы⁶. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи, в том числе Грирсон⁷, который, однако, затем изменил свое мнение⁸. Причиной этого явился грузинский синодик Иверского монастыря на Афоне.

Синодик включен в рукописный сборник Иверского монастыря и присоединен к другим помещенным в нем девяти сочинениям⁹. Первая редакция сборника и начальные записи синодика (1074 г.) принадлежат грузинскому монаху Микэлу Дагалисонели. В конце 80-х годов XI в. и в 40-х годах XII в. сборник дважды подвергся обработке¹⁰. Разными лицами в него было внесено много новых поминальных записей.

В синодике названы многие исторические лица XI—XII вв., жертвовавшие значительные денежные средства Иверскому монастырю на Афоне.

¹ О времени монетной реформы Алексея I Комнина см. *Hendy M. Coinage and Money in the Byzantine Empire*. Washington, 1964, p. 34, 39—49.

² О падении пробы номисмы в 30—80-х гг. XI в. см. *Grierson Ph. The Debasement of the Bezant in the Eleventh Century*. — *BZ*, 47, 1954, p. 379—394; *idem*. Notes on the Fineness of the Byzantine Solidus. — *BZ*, 54, 1961, p. 91—97.

³ О толковании этого термина см. *Grierson Ph. From Solidus to Hyperperon. The Names of Byzantine Gold Coins*. — *NCirc.*, vol. 74, 1966, N 5, p. 124; *Hendy M. Op. cit.*, p. 34. Проба иперпира времени Алексея I Комнина — в 20—21 карата, хотя и уступает пробе классического солида (24 карата), но и она, как отмечает Грирсон, достаточно высока по сравнению с номисмами непосредственных предшественников упомянутого императора; см. *Grierson Ph. From Solidus to Hyperperon*, p. 124.

⁴ *Hendy M. Op. cit.*, p. 34, 40.

⁵ *Ibid.*, p. 34.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Grierson Ph. From Solidus to Hyperperon*, p. 124.

⁸ *Bellinger A., Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection*, vol. III, pt. 1. Washington, 1973, p. 56. См. аннотацию А. П. Каждана: *ВВ*, 37, 1976, с. 283—286.

⁹ *Джанашвили М. и Хазанашвили А.* Пергаментный сборник Иверской лавры. Тифлис, 1901.

¹⁰ *Бердзенишвили Н.* Редакция «Афонского сборника». — «Вестник Гос. Музея Грузии», т. XI-B, 1941. Ниже цитируется по повторному изданию: *Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1967, с. 196—216.

Суммы пожертвований обычно указаны в византийских монетах. В записях содержится много монетных терминов и наименований, появление которых, в основном, связано с ухудшением качества номисмы в XI в.: ботинат, дукат, михаилат, дукат-михаилат и др. Эти термины, представляющие большой интерес для византийской нумизматики, изучил Р. Блэйк¹¹.

Для установления хронологических рамок распространения ряда терминов Блэйку пришлось определить происхождение и датировку сборника. В общем следуя за Ф. Жордания, составившим описание рукописи синодика¹², Р. Блэйк на основе палеографического анализа выделил группу записей, принадлежавших Микэлу Дагалисонели: № 1, 11—13, 15—20, 23—26, 31, 33—35, 37, 45—47¹³. В записи № 33 упоминается иперпир¹⁴ (перпер, груз. ჰერპერ). Этот же термин засвидетельствован в записи № 45, однако ее принадлежность Микэлу Дагалисонели Блэйк считал сомнительным¹⁵.

Грирсон также обратил внимание на записи № 33 и 45 синодика, датировка которых 1074 г. по сравнению с поздними копиями документов 1017, 1018/19 и 1081 гг. выглядела более надежной. Принимая также во внимание быстрое увеличение количества новых монетных наименований в первых десятилетиях XI в., Грирсон предположил, что иперпир в общем значении употреблялся уже до 90-х годов XI в., специфическое же значение этот термин приобрел только после монетной реформы Алексея I Комнина¹⁶. Вполне вероятно, что авторитет такого специалиста, как Грирсон, в этом вопросе может оказать влияние и на других исследователей. Поэтому мы позволим себе отметить, что в действительности записи синодика не дают основания для подобного предположения.

Датировка синодика, данная Блэйком и в основном повторяющая датировку Жордания, не является неоспоримой. Упомянутый сборник был подробно изучен грузинским историком Н. Бердзенишвили, который по-новому определил не только разные редакции текста, но и принадлежность большинства сведений синодика¹⁷. Согласно Н. Бердзенишвили, 21 запись синодика из 166 сделана в 1074 г. Микэлом Дагалисонели, 72 — третьим редактором сборника Иоанэ Таплаисдзе в 40-х годах XII в., остальные же — неизвестными лицами. Выясняется, что Микэлу Дагалисонели принадлежат записи № 1, 11—13, 15—19, 24, 26—27, 29, 34—35, 37—38, 40, 48—50¹⁸, но ни в одной из них иперпир не упоминается¹⁹. Записи № 33 и 45 не принадлежат Микэлу Дагалисонели. Исследовав рукопись синодика, к такому же выводу пришли и мы. Однако эти записи синодика (в первую очередь № 33) не принадлежат и Иоанэ Таплаисдзе. Установление лица, сделавшего запись, а также даты записи в настоящее время не представляется возможным. Ясно одно, что эти записи не относятся к 1074 г. и по ним невозможно судить о времени появления иперпира в Византийской империи до монетной реформы Алексея I Комнина.

¹¹ Blake R. Some Byzantine Accounting Practices illustrated from Georgian Sources. — «Harvard Studies in Classical Philology», vol. 51, 1940, p. 11—33. О различных византийских монетных наименованиях XI в. см. также: Frolow A. Les noms de monnaies dans le Typicon du Pantocrator. — BS, X, 1949, p. 241—253; Morrison C. Le Michaelaton et les noms de monnaies à la fin du XIe siècle. — TM, 3, 1968, p. 369—374; Hendy M. Op. cit., p. 26—38; Bellinger A., Grierson Ph. Op. cit., p. 44—62; Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI—XII вв. Натуральное и денежное хозяйство. — ВО, 1971, с. 203—205.

¹² Описание рукописей Тифлисского Церковного музея карталино-кахетинского духовенства, кн. II, сост. Ф. Д. Жордания. Тифлис, 1902, с. 85—86 (№ 558).

¹³ Blake R. Op. cit., p. 20.

¹⁴ Ibid., p. 24, n. 2.

¹⁵ Ibid., p. 24, n. 3.

¹⁶ Bellinger A., Grierson Ph. Op. cit., p. 56—57.

¹⁷ Бердзенишвили Н. Указ. соч., с. 196—216.

¹⁸ Там же, с. 201—202.

¹⁹ Пергаментный сборник Иверской Лавры, с. лл. 216, 219, 220, 221—222, 224—225, 228—229.

М. В. КРИВОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ ОДНОГО СОЧИНЕНИЯ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

В 65-м т. «Byzantinische Zeitschrift» Ф. Кляйн-Франке было издано одно сочинение Георгия Гемиста Плифона, сохранившееся в Мюнхенской рукописи (Cod. graec. 477) и освещающее историю раннего ислама (632—827 гг.)¹. Издание этого исторического сочинения вводит в оборот новый источник и говорит об интересе Плифона к истории ислама. Однако не все комментарии к тексту представляются нам бесспорными. Здесь мы коснемся двух из них.

I. Стк. 1. Сочинение Плифона начинается неясной фразой: 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος τελευτήσας Ἀβουβάχαρον συγγενὴ ἑαυτοῦ τῆς ἀρχῆς διάδοχον καταλείπει². Ф. Кляйн-Франке предлагает заменить имя «Ираклий» и его титул на «Мухаммед»³, однако упускает из виду, что словосочетание 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος стоит в родительном падеже, тогда как последующее τελευτήσας — в именительном, и от простой замены одного личного имени другим фраза не утрачивает своей неясности. На наш взгляд, более уместной была бы здесь следующая конъектура: [Μουάμεδ ἐπὶ]⁴ 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος τελευτήσας Ἀβουβάχαρον συγγενὴ ἑαυτοῦ τῆς ἀρχῆς διάδοχον καταλείπει. Фраза принимает совершенно ясное значение: «Мухаммед, скончавшись при Ираклии, автократоре ромеев, оставляет Абу-Бекра, родственника своего, наследником власти».

II. Стк. 2. Здесь у Плифона говорится о том, что после завоевания Иерусалима халиф Омар στέλλει δὲ καὶ Ἰαδὴν μετὰ δυνάμεως ἐπὶ τα λοιπὰ τῆς Συρίας⁵. Ф. Кляйн-Франке считает, что здесь под Ἰαδῆς, как и у Феофана⁶,

¹ Klein-Franke F.² Die Geschichte des früher Islam in einer Schrift des Georgios Gemisto Pletho. — BZ, 65, 1972, S. 1—8. И. П. Медведев считает авторство Плифона сомнительным; см. Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 116, прим. 33.

² BZ, 65, 1972, S. 5.1—2.

³ Ibidem.

⁴ Подобная конструкция является типичной для данного сочинения Плифона: ibid., 5. 14. . . καὶ Ἱερουσόλυμα ὁμολογία αἰρεῖ ἐπ' ἀρχιερέως Σωφρονίου («и Иерусалим по договору берет при архиерее Софронии»); 5.24—27 . . . ἅ πάντα ἐπὶ τοῦ Ἰρακλείου 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος τοῖς Ἰαδῆς καταπράχθη. ἐπὶ δὲ τῇ μετ' Ἰρακλείου αὐτοκράτορος, Μαυρίκας ἐπὶ τελευτήσας τῇ θαλάττῃ, ἀπὸ Συρίας ὁρμώμενος, τὴν τε νῆσον Κύπρον αἰρεῖ. («Это все совершенно арабами при самом Ираклии, автократоре ромеев; после же автократора Ираклия Маврия [Муавия. — М. К.], утвердившись на море, устремляется со стороны Сирии и берет остров Кипр»); 5.34—36. . . τούτων τῶν ταύτῃ Ἀράβων τινὲς ἐπὶ Κρήτην στρατευσάμενοι, καὶ ταύτης κρατήσαντες αὐτοὶ οἰκίζονται ἐπὶ Μιχαήλου τοῦ Ἀμοριεύου 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος. («Некоторые из тамошних арабов, пойдя войной на Крит и овладев им, переселяются сами при Михаиле Аморийце, автократоре ромеев»). Из уже опубликованных сочинений Плифона (PG, t. 160, 161; Pléthon Georgios Gémistos. Traité des lois, éd. C. Alexandre. Paris, 1858) неясно, в какой транскрипции он писал имя «Мухаммед». Здесь мы приняли написание Μουάμεδ, так как оно встречается у Феофана, которого Ф. Кляйн-Франке считает основным источником Плифона (см. ниже).

⁵ BZ, 65, 1972, S. 5.16—17.

⁶ Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 339—340.

сочинение которого, по его мнению, было главным источником Плифона⁷, скрывается арабский полководец Язид⁸. Однако у Феофана арабское имя Язид при упоминании халифов Язида I (680—683) и Язида II (720—724), а также других деятелей арабской истории, носивших это имя, передано в форме 'Ιζιδ, в некоторых списках также изредка 'Αζιδ, 'Ηζιδ, 'Ιζιβ, 'Ιεζιδ⁹, но никак не 'Ιαδής. Форма 'Ιαδής в то же время вполне соответствует арабскому Ияд, что находится в полном согласии с арабским автором ал-Белазури, у которого упоминается арабский военачальник Ияд ибн-Ганм ал-Фихри, назначенный Омаром правителем ал-Джазиры, Химса и Киннесрина¹⁰, в то время как Язид был назначен наместником Урдунна и Палестины¹¹. У Феофана также упоминается о завоевании Иядом земель за Евфратом в окрестностях Эдессы, которые арабские авторы обозначали как «ал-Джазира»¹².

Таким образом, земли, завоеванные Иядом и полученные им затем в управление, и есть τὰ λοιπὰ τῆς Συρίας Плифона. Все сказанное позволяет сделать вывод, что 'Ιαδής Плифона и Феофана есть Ияд ибн-Ганм ал-Фихри¹³.

У Плифона упоминается также завоевание Иядом Антиохии¹⁴. Так как у Феофана взятие арабами Антиохии описано вне всякой связи с Иядом¹⁵, следует сделать вывод, что здесь, помимо текста «Хронографии» Феофана, Георгий Гемист Плифон использовал какой-то дополнительный источник.

⁷ BZ, 65, 1972, S. 4.

⁸ Ibid., S. 7.

⁹ *Theoph.*, p. 351, 356, 360, 397, 401—403, 418. В рукописях по-разному поставлены ударения и придыхания.

¹⁰ См. Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. II. СПб., 1897, с. 105. Кроме ал-Белазури, Ияда упоминают также ал-Якуби, ат-Табари, Ибн-ал-Асир, Кемаль-ад-дин, ан-Навави, Муджир-ад-дин и Абу-Юсуф (там же, с. 158, 185, 191, 196, 267, 432, 445, 446, 453, 532, 578, 1249, 1314).

¹¹ Там же, с. 79.

¹² *Theoph.*, p. 340.

¹³ BZ, 65, 1972, S. 5.16; *Theoph.*, p. 339—340. У Феофана, наряду с формой 'Ιαδής, встречается также форма 'Ιαδ, в некоторых списках изредка 'Ιαδος, 'Ιαδδος, Σιαδδος, 'Ιαδδος. В рукописях по-разному проставлены ударения и придыхания.

¹⁴ BZ, 65, 1972, S. 5.17-18.

¹⁵ *Theoph.*, p. 340.

Б. Л. ФОНКИЧ

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ ОДЕССЫ*

В настоящее время в Одессе хранится 36 греческих рукописей: 35 — в Одесской государственной научной библиотеке им. А. М. Горького (далее — ОГНБ) и 1 — в Одесском государственном историко-краеведческом музее¹.

В ОГНБ рукописи хранятся в Отделе редких изданий и рукописей (Музей книги). Греческая коллекция состоит из рукописей собраний В. И. Григоровича (16 единиц), Греческого коммерческого училища в Одессе (4 единицы), А. С. Стурдзы (2 единицы), а также из рукописей, поступивших от других владельцев (9 единиц) и неизвестных лиц (4 единицы). Рукописи кратко описаны в карточном каталоге Отдела и инвентарной книге².

* С искренней благодарностью мы называем здесь имена заведующей Отделом редких изданий и рукописей ОГНБ Ж. Н. Кравченко и сотрудницы Научно-библиографического отдела ОГНБ С. В. Дзюбиной, оказавших нам большую помощь в работе над рукописями ОГНБ и разыскании библиографических материалов по истории рукописных коллекций Одессы; сердечно благодарим Н. Б. Тихомирова (Отдел рукописей ГБЛ) за постоянный интерес к нашей работе, многочисленные советы и библиографические указания при воссоздании истории греческой коллекции В. И. Григоровича.

¹ Литература о греческих рукописях Одессы невелика. К библиографическим сведениям справочника М. Ришара (*Richard M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs*. Paris, 1958, p. 176; *idem. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Supplément I* (1958—1963). Paris, 1964, p. 44) можно добавить следующие работы: Протоиерей С. Серафимов. Манускрипт греческого древнего Евангелия. — ЗООИД, т. VI, 1867, с. 507—513; Краткий указатель Музея императорского Одесского общества истории и древностей. Издание третье. Одесса, 1873, с. 30—31; Терлюевский Ф. Древнее греческое рукописное Евангелие (*ἀπρχαῖος*) Одесского музея. — ЗООИД, т. X, 1877, с. 175—176; О греческой приписке на Евангелии X-го века Одесского музея. — ЗООИД, т. XI, 1879, с. 450—452; Копыленко М. М. и Рапопорт М. В. Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. — ТОДРЛ, XVI, 1960, с. 548; Гранстрем Е. Э. Славяно-русские палимсесты. — Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 220—221; Treu K. Zu den neutestamentlichen Handschriften in der UdSSR. — «Forschungen und Fortschritte», 38. Jahrgang, 1964, H. 4, S. 118—122; *idem*. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan. Berlin, 1966, S. 345—348; Фонкич Б. Л. Греческие рукописи советских хранилищ. — В кн.: *Studia codicologica*. Berlin, 1977, с. 194.

² Кроме шифра, рукописи имеют дополнительную нумерацию (в порядке расстановки); приводим конкорданс шифров и расстановочных номеров. 16 — 2/26, 24 — 1/5, 25 — 2/5, 26 — 2/20, 31 — 2/21, 38 — 2/1, 40 — 2/17, 41 — 2/7, 42 — 2/25, 43 — 2/28, 46 — 2/18, 47 — 2/22, 49 — 1/3, 108 — 1/93, 165 — 2/6, 389 — 2/16, 441 — 2/10, 457 — 2/19, 498 — 2/29, 531 — 2/14, 539 — 2/12, 551 — 2/2, 552 — 2/3, 554 — 2/4, 555 — 2/8, 559 — 1/78, 566 — 2/24, 567 — 2/9, 569 — 2/15, 654 — 2/23. Одна рукопись (шифр: 680) не имеет расстановочного номера. Записанные в инвентарной книге под шифрами 39, 44 и 671 единицы хранения не являются рукописными книгами: это соответственно — грамота Константинопольского патриарха Кирилла VI от 9 мая 1817 г., факсимильное издание Номоканона 1613 г. Бодлеянской библиотеки, диплом, выданный в Афинах 6 июля 1850 г. Георгию Психасу Афинским обществом по распространению знаний (Ἡ ἐν Ἀθῆναις φιλελευθερικῇ ἐταιρίᾳ).

Рукопись Историко-краеведческого музея, принадлежавшая прежде Одесскому обществу истории и древностей, хранилась ранее в Одесском археологическом музее, откуда в 1956 г. была передана Историко-краеведческому музею³.

ОДЕССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

им. А. М. ГОРЬКОГО

Собрание В. И. Григоровича

Почти все греческие рукописи, принадлежавшие выдающемуся русскому слависту Виктору Ивановичу Григоровичу (1815—1876)⁴, были приобретены им в 1844—1845 гг. во время путешествия по Европейской Турции. Собственноручные пометы Григоровича на рукописях, материалы архива собирателя, опубликованный отчет о его путешествии, наконец, замечания исследователей рукописей Григоровича XIX в. и воспоминания его коллег и учеников позволяют установить время и место приобретения большинства греческих рукописей этой коллекции, а также проследить дальнейшую судьбу ее отдельных частей⁵.

В настоящее время известно 32 греческих рукописи, принадлежавших В. И. Григоровичу: 16 — в Одессе (ОГНБ), 15 — в Москве (9 — в ГБЛ, 5 — в ГИМ, 1 — в ГТГ) и 1 — в Ленинграде (БАН).

Шестнадцать рукописей ОГНБ (№ 24—26, 38, 108, 441, 551, 552¹⁻⁵, 555, 559, 566, 654) находились прежде в библиотеке Одесского гос. университета; в ОГНБ они были перемещены в 1930 г. Из этих рукописей лишь одна — № 654 — может вызывать сомнение в принадлежности ее Григоровичу, так как никаких прямых свидетельств этому мы не имеем; однако объем рукописи (4 лл.) и ее состояние (листы оборваны по краям и особенно снизу, текст, надписания и инициалы сильно выцвели) дают, нам кажется, полное основание сопоставить эту рукопись с многими другими вошедшими в коллекцию Григоровича рукописями и фрагментами такой же сохранности и присоединить ее к этому собранию.

Девять рукописей ГБЛ [ф. 87, № 2 (М. 1685) — палимпсест, 14 (М. 1696) — палимпсест, 46 (М. 1728), 61 (Ин. 818), 62 (Ин. 819), 63 (Ин. 820) — 4 единицы хранения] были приобретены в составе большой коллекции славянских и иноязычных рукописей, печатных книг и архивных материалов Московским Публичным и Румянцевским музеями вскоре после смерти собирателя, в конце 1877 г.⁶

³ Сведениями о месте хранения этой рукописи мы обязаны проф. С. Я. Боровому, которого сердечно благодарим. Мы изучали рукопись в Историко-краеведческом музее в 1967 г. Однако в 1976 г., когда данная работа готовилась к печати, в ответ на наш запрос из музея было получено сообщение о том, что кодекс возвращен в Одесский археологический музей.

⁴ Из большой литературы, посвященной В. И. Григоровичу, укажем лишь следующее: *С(околов) А.* Воспоминания о профессоре В. И. Григоровиче (Из записок казанского студента). — «Древняя и новая Россия». Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник, т. II. М., 1877, с. 75—78; *Мурзакевич Н.* Виктор Иванович Григорович. — ЗООИД, т. XI, 1879, с. 443—446; *Афанасьев Г. Е.* Воспоминания о Викторе Ивановиче Григоровиче. — «Одесский славянский сборник». Одесса, 1880, с. 68—80; *Успенский Ф. И.* Воспоминания о В. И. Григоровиче. Одесса, 1890; *Александров А. И.* Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. (Страничка из истории Казанского университета). Казань, 1901; *Петровский Н.* Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. — ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, октябрь, с. 203—261; ноябрь, с. 62—131; декабрь, с. 205—236.

⁵ Удачная попытка воссоздания всего (включая и славянские рукописи) собрания Григоровича была предпринята Ф. Петрунем (*Петрунь Ф.* Рукописна збірка В. І. Григоровича. Бібліографічні замітки. — «Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки», I. Одеса, 1927, с. 137—163); мы идем по следам этой работы, дополняя ее новыми данными.

⁶ *Викторов А.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 1—3.

Из пяти рукописей ГИМ (Хлуд. 129д, 171д, 172д, 173д, 174д) лишь одна причислялась ранее к рукописям Григоровича — знаменитая Хлудовская псалтирь. Четыре другие рукописи, также находящиеся сейчас в собрании А. И. Хлудова, относятся нами к коллекции Григоровича на следующем основании. Н. М. Петровский, восстанавливая историю путешествия Григоровича по Европейской Турции, привел в своей работе текст копии «Списка книгам и манускриптам, доставленным от магистра Григоровича»⁷; перечисленные в «Списке» книги и рукописи Григорович во время своего второго пребывания в Солуни (6 февраля—28 апреля 1845 г.) отправил через Константинополь в Казань. В «Списке», кроме 18 болгарских книг и нескольких рукописей, указаны: «... 2. Псалтирь перг. 4°. с изображ. Греч. ... 7. Фукидид, рап. (=ркп.? — Н. П.) пр. 6. 8°. Греч. 8. Рап. 4°. Аристоф. 1. Эсхила 1. Софокл. 1. Геродот. 1. пр. 6. 9. Рап. 8°. пр. 6. Софокла 1. Эсхила 1. ... 11. Рап. 4. Хлодб. (=хлоп. б.? — Н. П.) Иппократа и проч. ...». Несмотря на ошибки, допущенные в копии «Списка», в описанных под № 7, 8, 9 и 11 рукописях можно без труда узнать бумажные (=«пр. б.» «Списка»?) рукописи Хлудовского собрания 171д (Фукидид), 173д (Аристофан, Эсхил, Гесиод [а не Геродот] и др.), 172д (Софокл и Эсхил) и 174д (Гиппократ, Аэций и Симеон Сиф): 1. в сборниках 172д, 173д, 174д сочинения следуют в порядке, указанном копией «Списка»; 2. в этих рукописях имеются многочисленные пометы В. И. Григоровича.

Недавно в фондах ГТГ был обнаружен один лист из греческого Евангелия XI в. (инвентарный № 2580), на обороте которого имеется карандашная помета XIX в.: «От В. Григоровича»⁸.

Рукопись БАН (Ф № 3) имеет собственноручную запись Григоровича о передаче кодекса в 1858 г. в дар Императорской Академии наук⁹.

Обратимся прежде всего к тем сведениям о времени и месте приобретения рукописей, которые содержатся в пометах Григоровича на самих рукописях, в его дневниках и другого рода архивных материалах, а также в его работах.

ОГНБ № 566: на верхнем поле л. 1 — карандашная помета Григоровича «Ив». (=Ивир). Среди бумаг Григоровича находятся несколько списков рукописей, приобретенных им во время путешествия 1844—1845 гг.; в одном из этих списков указана «13. Ркп. с послан(ием) Иоанна Митр(ополи)та Р(усского). — Ивер»¹⁰. Несомненно, именно этот манускрипт имел в виду Григорович как при характеристике наиболее интересных рукописей Ивирского монастыря на Афоне¹¹, так и в своем издании послания митрополита Иоанна к папе Клименту¹². Любопытны све-

⁷ Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, декабрь, с. 225—226.

⁸ О существовании этого листа нам сообщила О. С. Попова, которой мы выражаем свою горячую признательность. Лист ГТГ не фигурирует ни в одном перечне рукописей Григоровича. См. Розанова Н. Древнерусские рукописи в собрании Государственной Третьяковской галереи. — В кн.: Государственная Третьяковская галерея. Материалы научных конференций. Вопросы русского и советского искусства, вып. 2. М., 1971, с. 48. Фрагмент передан в ГТГ из Загорского историко-художественного музея-заповедника 9 декабря 1930 г. (архив музея, д. 176, лл. 21—22). Этими сведениями, а также указанием на статьи Н. Розановой и Э. В. Померанцевой (см. прим. 39) мы обязаны Г. И. Вздорнову.

⁹ Описание рукописи см. Лебедева И. Н. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, том 5. Греческие рукописи. Л., 1973, с. 163—165; см. также Фонкич Б. Л. Николай Караджа и Ленинградский сборник византийских документов. — ВВ, 37, 1976, с. 140—146.

¹⁰ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 4 об. См. Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, октябрь, с. 252; Петрунь Ф. Указ. соч., с. 139.

¹¹ «В одном из пергаменных сборников встретилось также послание Иоанна, митрополита русского, к Клименту, папе, под заглавием: τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου Ρωσσίας πρὸς Κλήμεντα πάπαν Ῥώμης» («Очерк путешествия», с. 18).

¹² «... Греческий текст заимствован из рукописи, которая кажется мне древнее всех известных. Она на пергаменте в 8-ю долю и принадлежала прежде Святогорскому

дения о том, что рукопись происходит «из Скита Продрома, что на св. Афонской горе», которые содержатся в записи конца XIX в. на л. I самой рукописи; если эта запись основывается на верных данных, то можно утверждать, что рукопись была прежде в иверском ските Продрома¹³.

ОГНБ № 555: л. 2 — карандашная помета Григоровича «Солунь»¹⁴. В одном из реестров своих рукописей Григорович помечает: «27. Жизнь апостола Павла греч. перг. 7 л. — Солунь»¹⁵. В черновом наброске с перечнем рукописей и книг, подаренных им Новороссийскому университету, Григорович пишет: «5. Листки 7 ч. Житие Апостола Павла. Пергамен, век XII. Найден в Солуне»¹⁶.

ОГНБ № 441: л. 1 — карандашная помета Григоровича — «Митроп. Солунь», на основании которой в конце XIX в. на л. II в заголовке указано: «. . . Приобретена в Солуне». В составленном Григоровичем списке рукописей, подаренных им Новороссийскому университету, помечено: «4. Чтения Евангельские на разные праздн(и)и года. л. 38. ркп. XII или XIII. Хлопч. бум. Bobusinum (так. — Б. Ф.). Найден в Солуни. 4°»¹⁷.

ОГНБ № 551. Многочисленные пометы Григоровича о приобретении рукописи (по частям) в Охриде: л. 6 об. — «Охрид, 1845 г., 10 мая»; л. 8 об. — «В Охрид, снял с книги ученика»; л. 13 об. — «Охрид» и «Охрид, М. св. Кл.» (=митрополичья церковь св. Климента). Эту и следующие 4 рукописи Григорович приобрел в Охриде, главным образом, в митрополичьей церкви св. Климента. Первоначально в коллекции Григоровича, насколько можно судить по реестрам его рукописей, рукописи № 551, 552₃, 552₄ и, возможно, 552₅ составляли единое целое¹⁸. Все они были найдены, по-видимому, «в главной церкви охридской, в шкафу, стоящем у южной стены первой паперти»¹⁹. Григорович упоминает хранившееся в этом шкафу греческое евангелие «большого устава IX или X столетия»²⁰, которое можно, нам кажется, соотнести с № 551. Часть этой рукописи служила прежде обложкой книги ученика (см. помету на л. 8 об.), которую Григорович и приобрел при своем посещении училища.

ОГНБ № 552₃: пометы Григоровича на лицевой и оборотной сторонах листа — «Охрид, из» и «Охрида».

ОГНБ № 552₄: помета Григоровича на верхнем поле л. 1 — «1845 г., Охрид, мая . . .».

ГБЛ, ф. 87, № 61. На л. 44 об. — запись Григоровича: «Весь этот кусок из митроп. церкви св. Климента, что прежде Панагия, в Охриде, 1845, 10 мая». В одной из своих работ Григорович приводит следующие сведения об этой рукописи: «В книгохранилище (митрополичьей церкви св. Климента. — Б. Ф.), состоящем слишком ко из ста рукописей греческих и славянских, X—XVI столетий, нашел я также две, относящиеся к св. Клименту . . . Первое житие, приписываемое архиепископу Феофилакту, нашел я в рукописи толстой бумаги, как мне кажется, начала

Иверскому монастырю. Думаю, что она ранее XIII столетия». [Послание митрополита Иоанна II (Приготовлено к изданию В. И. Григоровичем). — «Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук», книга I. СПб., 1854, отд. III, с. 2].

¹³ Ф. Петрунь (указ. соч., с. 139) считает сведения этой записи неверными.

¹⁴ На основании этой пометы в конце XIX в. на отдельном листке, хранящемся вместе с рукописью, сделано указание: «. . . приобретена в Солуне».

¹⁵ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 2. Ф. Петрунь (указ. соч., с. 139) ошибочно отождествляет эту рукопись с № 441.

¹⁶ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 (М. 1859), л. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 (М. 1859), л. 1, № 3; № 25, л. 2, № 26; ср. Петрунь Ф. Указ. соч., с. 147—148 (мы имеем в виду ту часть, которая, по указанию Григоровича, происходит из Охрида). Ср. Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, ноябрь, с. 80, прим. 4.

¹⁹ Григорович В. И. Очерк путешествия, с. 155.

²⁰ Там же, с. 156.

XV столетия. Как рукопись, оно было совершенно неизвестно. . . »²¹. Манускрипт упомянут в одном из реестров рукописей Григоровича²².

ОГНБ № 552₃: помету Григоровича на л. 1 «СК» нужно, по-видимому, расшифровать, как «св. Климент»; тогда и эта рукопись принадлежала прежде митрополичьей церкви св. Климента в Охриде.

ГБЛ, ф. 87, № 14 (М. 1696): л. 1 — карандашная помета Григоровича — «Слепче». В одном из реестров своих рукописей Григорович пометил: «15. Отрывки Апостола пер. болг. рец. 6 л. 4°. — Слепче»²³.

БАН Г № 3: л. 1 — карандашная помета Григоровича — «Филиппополь». Рукопись, по-видимому, происходит из библиотеки греческого училища в Филиппополе²⁴.

Некоторые из принадлежавших В. И. Григоровичу рукописей не имеют его помет о месте их приобретения, однако сопоставление содержания этих рукописей со сведениями архива и опубликованных работ собирателя позволяет определить их происхождение.

В одном из реестров рукописей, содержащем указания на происхождение манускриптов, Григорович делает следующую запись: «44. Греческая грамматика Лихудов. — Казань»²⁵. Речь идет, несомненно, о рукописи ОГНБ № 559, которая, таким образом, была приобретена Григоровичем в Казани.

Отрывок из службы великомученику Пантелеймону (ГБЛ, ф. 87, № 46 [М. 1728]), переписанной греческим минускулом и сербским уставом, составлял прежде часть рукописи Пантелеймонова монастыря. На это указывает сам Григорович в том же реестре своих рукописей: «18. Паремии по греч. и слов. . . М(онастырь) Русско. . . »²⁶. На бумажной обложке самой рукописи находится карандашная помета конца XIX в. с такими же сведениями и отсылкой к альбому фотографий афонских рукописей П. И. Севастьянова.

В том же перечне рукописей имеется запись Григоровича: «33. Школа пения. русск. греч. — Казань, Серрес»²⁷. По-видимому, эта же рукопись позже, при передаче Григоровичем части своей коллекции Новороссийскому университету, была описана им следующим образом: «25. Сборник статей, относящих(ихся) до древ(него) церк(овного) пения на русском и греч(еском) яз(ыках). Ркп. XVII ст(олетия). Из Казани»²⁸. В настоящее время греческая рукопись, приобретенная Григоровичем в Серрах, составляет лл. 39—45 сборника ОГНБ № 108²⁹.

Рукописи Григоровича, хранящиеся сейчас в ГИМ, были разысканы и приобретены им в период с 22 августа 1844 г. (когда Григорович прибыл в Константинополь) до первой половины апреля 1845 г.: 14 апреля 1845 г. датировано письмо В. П. Титова М. Н. Мусину-Пушкину, к которому был приложен список книг и рукописей, посылавшихся Григоровичем через Константинополь в Казань³⁰. В указанный период времени русский ученый прожил несколько недель в Константинополе, дважды побывал в Софии и обошел афонские монастыри. Таким образом, и рукописи, отправленные им в Казань, находились прежде либо в Константинополе, либо на Афоне, либо, наконец, в Фессалониках. В архиве Григоровича сохра-

²¹ Григорович В. Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции. — ЖМНП, ч. LIII, № 1, отд. 2, с. 6, 12.

²² ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 4 об.; «15. Житие св. Климента Охридск(ого). — Охрида». Ср. Петрунь Ф. Указ. соч., с. 147.

²³ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 1 об.

²⁴ См. Григорович В. И. Очерк путешествия, с. 139.

²⁵ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 4; см. также Петрунь Ф. Указ. соч., с. 157.

²⁶ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 1 об. См. также Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, октябрь, с. 253; Петрунь Ф. Указ. соч., с. 145.

²⁷ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 2.

²⁸ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 (М. 1859), л. 1 об.

²⁹ См. Петрунь Ф. Указ. соч., с. 150.

³⁰ Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, декабрь, с. 225—226.

нился реестр рукописей, озаглавленный самим собирателем «Мои рукописи»³¹. Сопоставление этого реестра со списком книг, приложенным к письму Титова (см. выше, с. 186), приводит к заключению, что реестр представлял собой, по-видимому, черновой перечень манускриптов, отосланных через Константинополь в Казань. В перечне содержатся указания на место приобретения отдельных рукописей: «31. Псалт. И. 4°. 32. Меллоса. ЧМ. 16°. 33—34. Соф. . . . К, ЧМ. 8, 4°. 35. Фукидид. 8° . . . 37. Медиц. отр. 4°»³². «И» и «ЧМ», как это правильно, на наш взгляд, расшифровал еще Ф. Петрунь, обозначают «Ивер» и «Чауш монастырь»³³. Что скрывается за буквой «К», сказать трудно: это может быть и «Константинополь» и название одного из афонских монастырей — Ксиропотам, Кутлумуша, Кастамонита, Ксенофа, Карейского протата.

Приведенный перечень не позволяет сделать определенный вывод о происхождении четырех из пяти рукописей Григоровича, хранящихся в ГИМ. Однако немаловажно и то, что он сообщает о месте приобретения ставшей знаменитой в науке Хлудовской псалтири (ибо «Псалт. И. 4°» этого перечня, несомненно, соответствует характеристике «Псалтырь перг. 4° с изображ. Греч.» списка, приложенного к письму Титова, а греческая пергаменная Псалтырь с миниатюрами, принадлежавшая Григоровичу, как это уже давно выяснено³⁴, и является «Хлудовской»): Григорович обнаружил ее в Иверском монастыре.

Славяно-греческий палимпсест, известный под названием «Григоровичев паримейник» (ГБЛ, ф. 87, № 2 [М. 1685]), был вывезен ученым из Хиландарского монастыря³⁵.

Наконец, листок ГТГ происходит из рукописи афонского монастыря Пандократора³⁶. По-видимому, эту последнюю имеет в виду Григорович, когда перечисляет некоторые из виденных им в Пандократоре рукописей и говорит о «греческом евангелии не ранее XII в.»³⁷.

Итак, с той или иной степенью точности устанавливается происхождение 16-ти из 32 греческих рукописей, принадлежавших В. И. Григоровичу. Расположив эти манускрипты в порядке их приобретения, получим следующую картину.

Солунь, 10—24 сентября 1844 г., 6 февраля—28 апреля 1845 г. — ОГНБ № 441, 555.

Пандократор, 16—18 октября 1844 г. — ГТГ № 2580.

Ивер, 20—24 октября 1844 г. — ОГНБ № 566; ГИМ, Хлуд. 129д.

Хиландар, 20 ноября—12 декабря 1844 г. — ГБЛ, ф. 87, № 2 (М. 1685).

Руссик, 3—29 января 1845 г. — ГБЛ, ф. 87, № 46 (М. 1728).

Охрид, 8—14 мая 1845 г. — ОГНБ № 551, 552₃, 552₄, 552₅; ГБЛ, ф. 87, № 61.

Слепче, 22 мая 1845 г. — ГБЛ, ф. 87, № 14 (М. 1696).

Серры, 29 мая—8 июня 1845 г. — ОГНБ № 108, лл. 39—45.

Филиппополь, конец июня—начало июля 1845 г. — БАН, Ф № 3.

Казань, 1839—1840, 1841—1844, 1847—1848, 1849—1864 гг. — ОГНБ № 559.

³¹ ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 16—16 об.

³² Там же, л. 16 об.

³³ Петрунь Ф. Указ. соч., с. 139—140.

³⁴ См., например: Петрунь Ф. Указ. соч., с. 139—140; Щепкина М. В. и Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 41. См. также далее, прим. 39.

³⁵ См. последнее по времени его описание с полной библиографией рукописи: Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — «Записки Отдела рукописей [ГБЛ]», вып. 30. М., 1968, с. 90—93, 121—125.

³⁶ Этот факт установлен В. Г. Пуцко; о рукописи Пандократора см. Der Nersessian S. A Psalter and New Testament Manuscript at Dumbarton Oaks. — DOP, XIX, 1965, p. 153—183.

³⁷ Григорович В. И. Очерк путешествия, с. 15.

Греческая коллекция Григоровича как единое целое, в том виде, в каком она предстает перед нами в результате исследования, существовала недолго.

В 1849 г. В. И. Григорович был переведен из Казанского в Московский университет, на место О. М. Бодянского. На пути из Казани в Москву он продал на Нижегородской ярмарке некоторые из своих рукописных и печатных книг. Вот что сообщал об этом М. П. Погодину Д. В. Пискарев: «... 25-го августа (1849 г. — Б. Ф.) в ярмарку из Казани приехал известный вам профессор Виктор Иванович г-н Григорович и который явился в ряд для продажи книг в тот же день, прежде к Ивану Никонову и к Василию Яковлеву и Головастикову... и они все к нему пошли, Головастики и Лопухин и Тюлины, и купили у него книги, и книги очень редки, по их речам... А что он г-н Григорович продал, мне он говорил до 20 книг. А иконники Тюлины мне сказывали, что до 30 книг... и мне он сказывал, какие книги, заочно что я могу припомнить: 1-я Псалтирь на пергаменте Греческая и лицевая так редка чего более и реже не бывает, и говорят что 11-го или 12-го века, но весьма картины в ней хороши, иконного письма, самого лучшего письма... а о которых не могу я припомнить какие звания есть на бумаге Греческие и на Болгарском и прочих языках, да еще из печатных...»³⁸. Лицевая греческая пергаменная Псалтирь — это, несомненно, та самая рукопись, которая после Григоровича находилась в собрании А. И. Лобкова, а затем перешла к А. И. Хлудову³⁹. Что касается греческих рукописей на бумаге, названия которых Пискарев припомнить не мог, то это были, по-видимому, списки сочинений Фукидида, Геродота, Эсхила, Софокла, Гиппократ (их имена едва ли были знакомы книгопродавцам Нижегородской ярмарки), разделившие, как можно предполагать, судьбу Хлудовской псалтири и попавшие от Григоровича к Лобкову, а затем — к Хлудову; в составе собрания рукописей последнего они оказались в ГИМ.

В 1858 г. В. И. Григорович принес в дар Академии наук рукописный сборник византийских документов; на л. 1 этого картулярия (БАН, Ф № 3) находится следующая его надпись: «Императорской Академии наук от Виктора Григоровича. 1858 г.»

Хранящийся сейчас в ГТГ листок из рукописи XI в. принадлежал прежде ризнице Троице-Сергиевой лавры⁴⁰, куда, по-видимому, и был подарен Григоровичем (см. выше, с. 186).

Переезд Григоровича в Одессу в 1864 г. определил дальнейшую судьбу 16 принадлежавших ему греческих рукописей. Можно предположить, что одну из них — Грамматику Лихудов (ОГНБ № 559) — он подарил Ришельевскому лицу накануне преобразования этого учебного заведения в Новороссийский университет, но не позднее 1 мая 1865 г. (дата официального открытия университета): на л. 8 об. рукописи — печать Ришельевского лица. Большая часть других из находящихся в Одессе рукописей Григоровича поступила в университетскую библиотеку, по-ви-

³⁸ Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. СПб., 1896, с. 463.

³⁹ В 1866 г. В. М. Ундольский называл эту рукопись «лобковской», а архим. Амфилохий в том же году — уже «хлудовской»; см. *Ундольский В. М. Описание греческого кодекса Псалтири, IX—XII века, с современными изображениями, принадлежащего А. И. Лобкову*. — «Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее». М., 1866, с. 139—153; архим. *Амфилохий. Греческая псалтирь IX в., Хлудовская (Лобковская)*. М., 1866. Важные сведения по истории Хлудовской псалтири в XIX в. сообщает в своих воспоминаниях Ф. И. Буслаев; см. *Померанцева Э. В. Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева*. — В кн.: *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*, вып. III. М., 1965 («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 91), с. 155—156.

⁴⁰ Как рукописи ризницы Троице-Сергиевой лавры этот фрагмент воспроизведен в кн.: *Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания*. Атлас, ч. II. СПб., 1906, табл. CCCLV, № 697.

димому, в мае 1865 г.⁴¹; Грамматика Лихудов присоединилась к ним не ранее 1868 г.⁴²

Как уже было сказано выше (с. 185), в конце 1877 г. Московским Публичным и Румянцевским музеями были приобретены оставшиеся после смерти В. И. Григоровича славянские и иноязычные рукописи, архивные материалы и печатные книги. В составе этой коллекции находились и 9 греческих рукописей.

В заключение мы хотели бы указать на те греческие рукописи, которые были приобретены Григоровичем во время его путешествия, в 1844—1845 гг., но до сих пор не обнаружены в наших хранилищах. Эти рукописи указаны самим собирателем в уже не раз упоминавшихся нами перечнях его манускриптов. Две из них были приобретены в Фессалониках; происхождение третьей неизвестно, но, скорее всего, это либо также Солунь, либо Афон.

1. ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859), л. 2: «25. Житие св. Димитрия Солун(ского). греч. 7 л. — Солунь».

2. Там же, л. 16 об.: «32. Μέλισσα. ЧМ (?) 16°. Несомненно, эта же рукопись указана в списке книг, отсылавшихся Григоровичем через Константинополь в Казань: «6. Антология 18°. перг. греч.»⁴³. «ЧМ» означает, как предполагал Ф. Петрунь, «Ч(ауш) М(онастырь)» (см. выше).

3. Там же, л. 16 об.: «36. Камениата. 4°». И эта рукопись отсылалась Григоровичем в Казань в 1845 г. и описана в том же реестре так: «10. Рар. 4°. пр. б. Каммениата и проч.»⁴⁴.

Переходим к описанию греческих рукописей собрания В. И. Григоровича, хранящихся в Одесской гос. научной библиотеке им. А. М. Горького.

* * *

№ 551. X в., пергамен, унциал, 13 лл., 304 X 230.

Евангелие — апракос (краткий).

(лл. 1—4) Текст: Мф XXVII, 24 (ὁμοίς) — 61. (л. 4) Τῷ ἁγίῳ σαββάτῳ πρωί. Μετὰ τὸν ὄρθρον, εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον. Τῇ ἐπαύριον ἡ τις ἐστὶν μετὰ τὴν παρασκευὴν. Ζήτηι β' εὐαγγέλιον τῶν παθῶν. Текст: Мф XXVII, 62—66. (лл. 4 об. — 5 об.) Τῷ ἁγίῳ μεγάλῳ σαββάτῳ ἐσπέρας. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Ματθαῖον. Текст: Мф XXVIII, 1—15. (лл. 5 об. — 6 об.) Ἀναστάσιμον ἐωθινόν α'. Текст: Мф XXVIII, 16—20. (л. 7—7 об.) Μηνὶ σепτεμβρίῳ α' ἀρχὴ ἰνδικτιῶνος καὶ μνήμη Συμεὼν τοῦ Στυλλίτου. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Λουκᾶν. Текст: Лк IV, 16—22 (αὐτοῦ). (л. 7 об.) Μηνὶ τῷ αὐτῷ β' ἄσλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάμαντος καὶ μνήμη τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ. Ἐκ τῶν κατὰ Ἰωάννην. Текст: Ио X, 9 (Εἶπεν ὁ κύριος ἐγὼ εἰμι ἡ θύρα, δι' ἐμοῦ ἐάν τις — на этом текст обрывается). (л. 8—8 об.) Текст: Мк IX, 23 (ἰεῖπεν) — 31. л. 8 об. — надписание над I столбцом: σαββάτῳ ε' τῶν νηστειῶν, εὐαγγέλιον ζήτηι, под I столбцом: ἐμπροσθεν τῆς κυριακῆς τῆς τυροφάγου. (л. 8 об.) Κυριακῇ ε' τῶν νηστειῶν. Εὐαγγέλιον κατὰ Μάρκον. Текст: Мк X, 32 (Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ παραλαμβάνει ὁ Ἰησοῦς) — 34 (ἐμπαίζουσιν αὐτῷ). (л. 9) Текст: Мк II (отрывок). (л. 9—9 об.) Κυριακῇ α' τῶν νηστειῶν. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Μάρκον (так! вм. Ἰωάννην). Текст: Ио I, 43—51. (л. 10) Текст: Лк XIV, 11 (ἐαυτὸν ὕψωθήσεται). Σαββάτῳ ιη', εἰπέ σάββατον οἷον θέλεις. (лл. 10—11 об.) Κυριακῇ ιη'. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Λουκᾶν. Текст: Лк XV, 11—24 (ἡρώβη). (лл. 11 об. — 12 об.) Τῷ σαββάτῳ τῆς ἀποκρέου. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Λουκᾶν. Текст: Лк XXI, 8 (κοιν. καὶ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν). (лл. 12 об. — 13) Τῇ κυριακῇ τῆς τυροφάγου. Ἐκ τῶν κατὰ Ματθαῖον. Текст: Мф VI, 14—21. (л. 13 об.) Σαββάτῳ ε' τῶν νηστειῶν. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Μάρκον. Текст: Мк VIII, 27—31.

⁴¹ Мочульский В. Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890, с. 8—9 (№ 7 — палимпсест), 72, 79—81 (здесь описаны 10 греческих рукописей Григоровича).

⁴² Там же, с. 72.

⁴³ Петровский Н. Указ. соч. — ЖМНП, 1915, декабрь, с. 226.

⁴⁴ Там же.

Принимая во внимание последовательность евангельских чтений, сохранившиеся сигнатуры (л. 1 — $\kappa\gamma'$, л. 7 — $\kappa\delta'$, л. 10 — $\iota\delta'$) и соединение листов рукописи друг с другом (одним развернутым листом пергамена являются лл. 1 и 6, 2 и 5, 3 и 4, 8 и 9, 10 и 13, 11 и 12, л. 7 — одинарный), мы должны расположить листы в следующем порядке: 10—13 об., 9 об.—9 — 8—8 об., 1—6 об., 7—7 об.

Сигнатуры расположены в верхнем правом углу лицевой стороны указанных листов.

Текст писан в 2 столбца, по 21—22 строки на странице, площадь текста — $220 \times (63 + 22 + 63)$.

На л. 6 об. все свободное от текста X в. место заполнено киноварными заметками XVII—XVIII вв.

л. 7 — заставка: краски золото, синяя, красная, нежно-зеленая; эти же краски использованы в больших инициалах на лл. 4 об., 7, 7 об., 10, 11 об., 12 об., 13 об. Сигнатуры обведены кругом красной и зеленой краски. Малые инициалы, концовки, зачала, знаки препинания — киноварные.

Пометы В. И. Григоровича: 1) л. 6 об., нижний левый угол, чернилами — «Охрид, 1845 г., 10 мая»; 2) л. 8 об., угасающая запись карандашом на внешнем поле — «В Охрид снял с книги ученика» (на лл. 8 об.—9 находятся следы от книги, для которой эти листы рукописи служили обложкой); 3) л. 13 об., внешнее поле, чернилами — «Охрид»; 4) л. 13 об., нижнее поле, карандашом — «Охрид, М. св. Кл.» л. 6 об. — штамп Музея книги ОГНБ с инв. № 3555.

Переплет отсутствует.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 79 (описание Мочульского имеет в виду, вероятно, и фрагменты 552₁₋₅).

№ 552₁. X в., пергамен, унциал, 2 лл., 332×232 .

Евангелие-апракос (краткий).

(л. 1) Текст: Мф XIX, 26 ($\mu\alpha\rho\alpha\ \delta\epsilon\ \theta\epsilon\omega\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \delta\upsilon\nu\alpha\tau\acute{\alpha}\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu$). $\Sigma\alpha\beta\beta\acute{\alpha}\tau\omega\ \iota\gamma'$. $\text{Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον}$. Текст: Мф XXII, 15—22. (лл. 1 об.—2) Κυριακῇ ἡμέρᾳ . $\text{Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον}$. Текст: Мф XXI, 33—42. (л. 2—2 об.) $\Sigma\alpha\beta\beta\acute{\alpha}\tau\omega\ \iota\delta'$. $\text{Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον}$. Текст: Мф XXIII, 1—12. (л. 2 об.) Κυριακῇ ἡμέρᾳ . $\text{Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον}$. Текст: Мф XXII, 2 (до $\delta\sigma\tau\iota\varsigma$).

Текст писан в 2 столбца, по 23 строки на странице, площадь текста — $237 \times (60 + 26 + 60)$.

Оба листа являются одним согнутым пополам листом пергамена. Судя по тексту и расположению сторон пергамена (л. 1 — «шерсть», л. 1 об. — «мясо» — л. 2 — «мясо», л. 2 об. — «шерсть»), этот фрагмент является 4-м и 5-м листами кватерниона.

Четыре больших инициала (л. 1 — Т, л. 1 об. — Е, л. 2 — Т, л. 2 об. — Е), краски синяя, желтая, золото; киноварные надписания.

Пометы В. И. Григоровича отсутствуют. л. 1 — печать ОДПБ 1946 г. Фрагменты № 552₁₋₅ хранятся в одной папке.

№ 24. XIII в., пергамен, устав, 276 лл., 204×125 . Миней праздничная служебная, среднеболгарского извода; лл. 46—47, 50—51 — палимпсест: смытый текст — греческий унциал X в.

Евангелие—апракос (полный).

Характер смытого текста определяется наличием больших инициалов Т (л. 50, внешнее поле) и Е (л. 51, нижнее поле) и киноварного надписания: $\text{Τῇ παρασκευῇ τῆς β' ἑβδομάδος. Ἐκ τῶν κατὰ Ματθαῖον}$.

Греческий текст расположен на лл. 46—46 об. и 51—51 об. перпендикулярно к верхнему славянскому, а на лл. 47—47 об. и 50—50 об. — параллельно славянскому; лл. 1) 46 и 51 и 2) 47 и 50 славянской рукописи являются двумя согнутыми пополам листами греческой рукописи.

Судя по остаткам смытого текста на лл. 47 об. и 50 (одна сторона одного греческого листа) и наличию на правом поле л. 50 большого инициала Т, греческий текст был писан в 3 столбца, по 23 строки в каждом, по 11—14 букв в одной строке.

В больших инициалах использованы краски желтая, синяя, красная. л. 2, внешнее поле — карандашная пометка В. И. Григоровича: «№ 33». л. III — рукой конца XIX—начала XX в.: «Минея праздничная служебная от февраля до апреля, с пропусками тропарей, с мая по август включительно. 2—277, на пергам. всего 276 листов in 8°, недостает первого листка, много листов испорченных, иных листов есть только половинки, — из больницы Заграфского М.».

Переелет Григоровича — коричневый картон с кожаным корешком и тисненой на нем надписью: «Минея праздничная служебная».

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 8—9; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 1), с. 172; Е. Э. Гранстрем. Славяно-русские палимпсесты, с. 220—221.

№ 552₅. XI в., пергамен, минускул, 1 л., 318×245.

Отрывок из беседы о св. Троице.

(л. 1) Нач. καὶ ἤκοντα τὸν λόγον ὑποδεχόμενοι, οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ κρατοῦντες καὶ τοῖς ἄλλοις προφαίνοντες. Ἐπεὶ δὲ ἀνεκαθήραμεν τῷ λόγῳ τὸ θέατρον, φέρε τί περὶ τῆς ἐορτῆς ἥδη φιλοσοφήσωμεν καὶ συνεορτάσωμεν. Кон. Τί γὰρ δεῖ θεὸν ἢ συναλείφειν κακῶς ἢ κατατέμνειν εἰς ἀνισότητά ἡμῖν. (л. 1 об.) Нач. δὲ εἰς θεὸς ὁ πατήρ, ἐξ οὗ τὰ πάντα, καὶ εἰς κύριος Ἰησοῦς Χριστός, δι' οὗ τὰ πάντα, καὶ ἐν πνεῦμα ἁγίῳ, ἐν ᾧ τὰ πάντα. Кон. εἰς οὖν θεὸς ἐν τρισί, καὶ τὰ τρία ἐν, ὡς περ ἔφαμεν, ἐπεὶ οὕτω ταῦτα ἢ τοῦτο, ἔδει δὲ μὴ τοῖς ἄνω μόνον τὴν προ [...]

Разлиновка типа Леруа 3 OD1.

26 строк на странице, площадь текста — 235×160.

л. 1, внешнее поле — почти угасшая карандашная помета В. И. Григоровича: «Из патерика». Эта помета зачеркнута тем же карандашом, а ниже самим владельцем написано: «СК». л. 1 об. — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 9838.

№ 552₂. XII в., пергамен, минускул, 1 л., 306×234.

Евангелие—апракос.

(л. 1—1 об.) Текст: Ио VII, 42 (ἦν Δαυὶδ) — 52 и VIII, 12. (л. 1 об.) Ἀρχὴ τῶν καθημερινῶν. Εὐαγγέλιον τοῦ Ματθαίου. Τῇ ἐπαύριον τῆς Ν', τῇ β' τοῦ ἁγίου πνεύματος. Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Ματθαίου. Текст: Мф XVIII, 10—13 (ἢ ἐπὶ τοῖς).

Разлиновка типа Леруа 2 2C2.

26 строк на странице, площадь текста — 235×(70+22+70).

л. 1 об. — заставка и инициал; краски — синяя, золото, красная, темно-зеленая; надписание писано золотом.

л. 1 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 9838.

№ 555. XI в., пергамен, минускул, 7 лл., 161×134.

Апостол с толкованиями «Икумения».

(л. 1) Iudas 17 (ὅς τις) — 25 (Ἀρμήν). (лл. 1 об. — 3) [Εὐθαλίου διακόνου πρό-λογος]. Нач. Παῦλος ὁ ἀπόστολος Ἑβραῖος μὲν ἦν, τὸ γένος. Кон. εἰπεῖν αὐται

(PG, 118, 308 B—312 B). (лл. 3—5 об.) Ἀποδημία Παύλου. Нач. Ἀπὸ Δαμασκοῦ ἤρξατο καὶ ἀνῆλθεν εἰς Ἱερουσαλὴμ. Кон. τριάκοντα καὶ πέντε (ibid., 312 B—316). (лл. 5 об.—7) Ὑπόθεσις τῆς πρὸς Ῥωμαίους ἐπιστολῆς. Нач. Ταύτην ἐπιστέλλει ἀπὸ Κορίνθου. Кон. τὴν ἐπιστολὴν (ibid., 317 A—320 B). (л. 7) Ἐν ταύτῃ τῇ πρὸς Ῥωμαίους ἐπιστολῇ κεφάλαια καθολικὰ ἰθ', ἔχοντα ἓν τισὶ καὶ μερικὰς ὑποδιαίρεσεις, ἔτι δὲ κεφάλαια μαρτυρίων γραφικῶν τεσσαράκοντα ὀκτώ. После этого рукой, современной писцу рукописи, но более темными чернилами, писано: Ἐκ τοῦ παντέκτου (так) τοῦ Χρυσοστόμου ἐκ τοῦ πρὸς Σταγῆριον λόγου. (л. 7 об.) Здесь находятся лишь 5 киноварных строк: Εὐαγγελικὴ διδασκαλία περὶ τε τῶν ἔξω χάριτος Χριστοῦ καὶ τῶν ἐν χάριτι καὶ περὶ ἐλπίδος καὶ πολιτείας πνευματικῆς (PG, 118, 324 A).

По определению К. Троя, фрагмент происходит из рукописи Афинской Национальной библиотеки № 207 (см. К. Treu. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR, S. 345).

Разлиновка типа Леруа 2 ОС1 с дополнительными линиями на внешнем поле для схолий.

Соединение листов: 1, 2—7, 3—6, 4—5.

Число строк: л. 1—19 (площадь текста — 94×78), л. 1 об. — 22 (106×79), лл. 2—7 — 30—33 (120/122×76/78). На лл. 1, 5—7 имеются схолии.

Плетеная заставка (л. 1 об.), киноварные надписания и инициалы. л. 2, внешнее поле — карандашная помета Григоровича: «Солунь». На отдельном листке рукой XIX в. написано: «Житие Апостола Павла, рукопись греческая, века XII, на пергаменте семь листов in 16°, приобретена в Солуне». л. 3 — печать ОДПБ 1946 г., л. 7 об. — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 4389.

Рукопись находится в картонной папке, на внутренней стороне верхней крышки которой рукой Григоровича помечено: «№ 5» (под этим же номером рукопись приводится в реестре рукописей Григоровича — ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26). Прежде в этой папке хранилось, по-видимому, славянское евангелие: на верхней крышке имеется карандашная надпись Григоровича — «Евангелие. 6 л. Хиландарь».

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 80; К. Treu. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR, S. 345—347.

№ 552₃. XII—XIII в., пергамен, минускул, 1 л., 350×252.

Евангелие—апракос.

(л. 1) Текст: Ио VII, 50 ([ἐπάρα] τοι εἰσί) — VIII, 12. (л. 1—1 об.) Εὐαγγέλιον ἐκ τῶν κατὰ Ματθαίου. Текст: Мф XVIII, 10—20. (л. 1 об.) Надписание — рукой XV в.: Τῇ γ' τῆς α' ἐβδομάδος μετὰ τὴν πεντηκοστήν. Текст: Мф IV, 23—24 (εἰς ὅλην τὴν Συ[ρίαν]).

Разлиновка не просматривается.

Текст написан в 1 столбец, 23 строки на странице, площадь текста — 268×165.

Инициалы: л. 1 (Ε) — киноварный, л. 1 об. (Τ) — чернилами.

л. 1, внутреннее поле — помета Григоровича чернилами: «Охрид, из»; л. 1 об., внешнее поле — карандашная помета Григоровича: «Охрида». л. 1 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 9838.

№ 566. XIII в., пергамен, минускул, 9 лл., 190×132.

Сборник полемических и других сочинений.

1. (л. 1—1 об.) (Объяснение значения каждой буквы греческого алфавита). Нач. οὕτω καὶ ἡ τοῦτου γραφὴ ὀρθὴ ὅσα ἰῶτα καλεῖν. Кон. ω τὸ στοιχεῖον. (лл. 1 об.—2 об.) (По-видимому, продолжение предыдущей статьи, содержа-

щее сведения о названиях месяцев, составе года, порядке богослужения, строении души). *Кон.* καθὼς εἰώθαμεν ἀντιλαμβάνεσθαι τῶν αἰσθητῶν.

2. (лл. 2 об.—3) Περὶ τοῦ ἐπιγεγράφθαι τῷ ἀποστόλῳ βορὸν ἀγνώστῳ θεῷ. *Нач.* Δύο φασι αἰτίας εἶναι τοῦ ἐπιγράφθαι Ἀθήνησι τὸ βορὸς ἀγνώστῳ θεῷ. *Кон.* τοὺς μέγα ἐπὶ σοφία κομπάζοντας καὶ φρονούντας ἐχειρῶσατο.

3. (лл. 3—8) Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς Κλήμεντα πάπαν Ῥώμης. *Нач.* Ἀπεδεξάμην τὴν ἐν κυρίῳ ἀγάπην σου. *Кон.* εὐσεβῆς κλῆρος τε καὶ λαός. Текст: Послание митрополита Иоанна II. (Приготовлено к изданию В. И. Григоровичем). — «Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук», кн. I. СПб., 1854, отд. III, с. 4—10. Разночтения этого списка учтены А. С. Павловым в его издании послания митрополита Иоанна; см. *Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 169—186.

4. (л. 8—8 об.) Τῶν μακαρίων Νικηφόρου καὶ Φωτίου τῶν πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως καὶ τοῦ μεγάλου Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου κατὰ εἰκονομάχων. *Нач.* Ἀρχέ-τυπὸν ἐστὶν ἀρχὴ καὶ παράδειγμα ὑφ'εστηχός. *Кон.* ἤρουν τῇ μιμῆσει τῆς ὑποστάσεως. Текст: PG 130, 1164 D—1165 C.

9 лл.: л. I (XIX в.) + 8 лл. пергаменных; лл. 1 и 8 — отдельные, остальные соединены попарно (2—7, 3—6, 4—5).

Разлиновка типа Леруа 2 ОС1.

28 строк на странице, площадь текста — 136×91.

Киноварные заголовки и инициалы, л. 8 — витая чернильная заставка.

л. 1, верхнее поле — карандашная помета В. И. Григоровича: «Ив.» (=Ивир). На внутренней стороне верхней крышки переплета Григоровичем поставлен «№ 6». л. I — запись XIX в.: «Рукопись греческая XIII века; в ней послание Иоанна Митрополита Русского к Клименту папе XI ст., изданная (так. — Б. Ф.) В. И. Григоровичем в Записках II Отделения Академии Наук. На пергаменте восемь листков in 8° из Скита Продрома, что на св. Афонской горе». Здесь же — печать библиотеки имп. Новороссийского университета. л. 1 — печать ОДПБ 1946 г., л. 8 об. — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 4574.

Переплет Григоровича — картон в зеленом муаре с золотым тиснением.

Библиография: Послание митрополита Иоанна II. (Приготовлено к изданию В. И. Григоровичем). — «Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук», кн. I. СПб., 1854, отд. III, с. 1—20; В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 80.

№ 441. XIV в., бумага, минускул, 40 лл., 239×165.

Евангелие-апракос (синаксарь).

(л. 1) Ἐκ τοῦ κατὰ Λουκᾶν. Μιασινῶν καὶ ἐν μὲν τῷ φόρῳ καὶ εἰς τὴν λειτουργίαν τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας... γινώσκεται... Текст: Лк IV, 16—22 (ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ). В'. Ἐν δὲ τοῖς Χαλκοπρατείοις γινώσκεται Εὐαγγέλιον ἐκ τοῦ κατὰ Λουκᾶν. *Нач.* Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἀναστᾶσα Μαρίαμ ἐπορεύθη (Лк I, 39). Τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάρμαντος. Ζήτει τῇ παρασκευῇ τῆς α' ἐβδομάδος τῶν νηστειῶν. Ταύτῃ ἡμέρᾳ τῶν ἁγίων πατριαρχῶν Ἰωάννου τοῦ Νηρσευτοῦ καὶ Παύλου τοῦ Νέου. Далее, до л. 33, идет указатель евангельских чтений и памятей святых на весь год. (лл. 33—38 об.) Εὐαγγέλια ἀναγινωσκόμενα εἰς διαφόρας μνήμας ἁγίων καὶ... τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας ὡς πολλάνκις ποιεῖ. На л. 38 об. текст заканчивается: Εὐαγγέλιον ια'. Ἐκ τοῦ κατὰ Ἰωάννην. Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἐφ'ανέρωσεν αὐτὸν ὁ Ἰησοῦς... λέγει αὐτῷ ποίμεναι (Йо XXI, 14—16).

40 лл.: II лл. XIX в. + 38 лл. XIV в.

Бумага восточного происхождения, без филиграней.

Тетради — кватернионы. Сигнатуры проставлены рукой писца, начинаются с л. 6 и находятся то в верхнем правом углу лицевой стороны первого листа тетради, то в середине верхнего поля (иногда с некоторым смещением к левому углу листа). Сохранились следующие сигнатуры: л. 6 — $\kappa\gamma'$, л. 14 — $\kappa\delta'$, л. 22 — $\kappa\epsilon'$, л. 30 — $\kappa\zeta'$, л. 38 — $\kappa\eta'$; таким образом, в рукописи находятся пять лл. 22-й тетради, полностью тетради 23, 24, 25, 26 и один л. 27-й тетради.

Киноварные заставки, концовки и инициалы.

л. 1, верхнее поле — карандашная помета В. И. Григоровича: «Митроп. Солунь». На внешнем поле лицевой стороны каждого листа — номер листа карандашом, рукой Григоровича, по заказу которого рукопись реставрирована и переплетена в картонный переплет с кожаным корешком; на корешке — тисненая надпись: «Чтения Евангельские на разные праздники». л. II — заголовок XIX в.: «Чтения евангельские на разные праздники. 38 рукописных греческих листков in 8° XII или XIII стол. Хлопчатая бумага bombicenum. Приобретена в Солуне». Здесь же — печать библиотеки имп. Новороссийского университета, л. II об. — печать ОДПБ 1946 г., л. 18 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 3549.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 79—80.

№ 552₄. XIV в., пергамен, минускул, 1 л., 284×217.

Отрывок из Минеи на август (служба на усекновение главы Иоанна Предтечи).

Пергамен средней толщины, грубый.

Разлиновка не просматривается.

Текст писан в 2 столбца; на л. 1 — 41 строка, на л. 1 об. — в первом столбце 46, во втором — 45 строк.

Малые киноварные инициалы.

л. 1, верхнее поле — угасающая помета Григоровича чернилами: «1845 г., Охрид, май. Из Минеи»; между столбцами — угасающая карандашная помета Григоровича, из которой можно разобрать только начало: «Из Синаксаря» (всего — 3—4 слова), л. 1, нижнее поле — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 9838.

№ 654. XV в., пергамен, минускул, 4 лл., 204×150.

Псалтирь: 64,8 (τῆς θαλάσσης)—68 (окончание текста на л. 4 об. трудно определить из-за сохранности фрагмента).

Листы по краям и особенно снизу сильно оборваны; мы указываем наибольшие размеры. Текст выплел.

Разлиновка не прослеживается.

Текст писан в 1 столбец. 23 строки на странице (см. л. 3).

Надписания и инициалы киноварные.

Судя по состоянию фрагмента, можно думать, что рукопись принадлежала В. И. Григоровичу, хотя никаких его помет на самой рукописи нет, л. 4 об. — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 9806.

№ 25. 1646 г., бумага, 160 лл., 298×210.

Сочинения Иоанна Кантакузина против Магомета (на новогреческом языке).

1. (стр. 7—67) Начало текста отсутствует. [Ἀπολογία πρώτη]. Нач. . . . να μοῦ εἰπῆς, ἃν ἦτον δυνατὸν νὰ ὀμιλήσωμεν ἀλλήλως μας. Кон. καὶ θεὸς ἀληθινὸς καὶ τέλειος ἄνθρωπος. Τέλος τῆς πρώτης ἀπολογίας. Текст соответствует PG, 154, 377 D—437 D. (стр. 68—126) Ἀπολογία δευτέρα. Πῶς ὁ υἱὸς καὶ λόγος τοῦ θεοῦ,

ἔστωντας καὶ νὰ εἶναι θεὸς εἰς ταῖς ὕστεραις ἡμέραις ἐγένηκεν ἄνθρωπος διὰ τὴν σωτηρίαν τῶν ἀνθρώπων, καὶ ἔπαθεν εἰς τὸν σταυρὸν καὶ ἐτάφη καὶ ἀνεστάθη, καὶ ἀνελήφθη καὶ δὲν ἔπαθεν ἡ θεότης μὰ ἡ ἀνθρωπότης καὶ πῶς αὐτὸς εἶναι ὅπου μέλλει νὰ κρίνῃ, ὅλην τὴν γῆν. *Нач.* Ἐπειδὴ σωστὰ ὡς ἀποδείξαμεν διὰ τὸν Χριστόν. *Κον.* ὅπου νὰ μὴν τοὺς καταδικάσῃ. Τέλος τῆς δευτέρας ἀπολογίας. Текст соотвѣтствует PG, 154, 440 A—497 D. (стр. 126—161) Ἀπολογία τρίτη. Πῶς ὕστερα ἀπὸ τὴν ἀνάληψιν τοῦ κυρίου, οἱ δώδεκα μαθηταὶ ἐδιδάξασιν ὅλην τὴν οἰκουμένην, βεβαιώωντας μὲ τὰ θαύματα τὸ κήρυγμα, καὶ διὰ τὴν ἀειπαρθένον Μαρίαν θεοτόκον καὶ διὰ τὴν ἐρώτησιν ὅπου ἔκαμεν ὁ Πιλάτος τοῦ Χριστοῦ ἂν εἶναι υἱὸς θεοῦ καὶ τοῦ ἀπεκρίθηκεν οὐ εἰπας, καὶ διὰ τὸν σταυρὸν καὶ διὰ ταῖς εἰκόναίς. Λόγος βασιλέως τρίτος. *Нач.* Πῶς ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ ἐκηρύχθηκε θεὸς καὶ ἄνθρωπος. *Κον.* καὶ ἐκατασταθήκασιν ὅλα ὅσα ἐγένηκται. Τέλος τῆς τρίτης ἀπολογίας. Текст соотвѣтствует PG, 154, 500 A—532 D. (стр. 161—212) Ἀπολογία τέταρτη. Πῶς ὁ Μωάμεθ ἐδίδαξε πολλὰ σφαλτὰ καὶ βλαβερά, καὶ πῶς ὁ Χριστὸς δὲν ἐχάλασε τὸν παλαιὸν νόμον καὶ τὴν διαθήκην, ἀλλὰ μάλιστα τὴν ἐσώσασε, καὶ πῶς τὴν ἀσθένειαν τοῦ νόμου καὶ τὴν ἀδυναμίαν του τὴν ἀνεπλήρωσε τὸ εὐαγγέλιον. *Нач.* Ἐπειδὴ σωστὰ ἀποκριθήκαμεν διὰ τὰ ἄλλα πράγματα. *Κον.* καὶ ἀγαθὸν καὶ ζωοποιὸν τοῦ πνεύματος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν. Τέλος τῆς δ'ἀπολογίας. Текст соотвѣтствует PG, 154, 532 D—584 A.

2. (стр. 213—239) Κατὰ Μωάμεθ λόγος α'. *Нач.* Καθ'ἑνας ὅπου νὰ ἀντιλέγῃ. *Κον.* τὸ ὅποιον καὶ ἐγένηκε. Текст соотвѣтствует PG, 154, 589 B—616 A. (стр. 240—277) Κατὰ Μωάμεθ λόγος δεύτερος. *Нач.* Ἡ ἀλήθεια εἶναι μιὰ καὶ μοναχὴ. *Κον.* ἀλλὰ καὶ ὅσον κατὰ τὸ πρᾶγμα τὸ ἴδιον λέγει. Τέλος. Текст соотвѣтствует PG, 154, 616 A—652 A. (стр. 277—301) Κατὰ Μωάμεθ λόγος τρίτος. *Нач.* Ἐπειδὴ εἶπαμεν κάποια μερικὰ ἄπρεπα ἀπὸ τὰ ὅποια λέγει ὁ Μωάμεθ. *Κον.* καὶ εἰς ὅλα του τὰ συγγράμματα. Текст соотвѣтствует PG, 154, 652 A—676 A. (стр. 301—320) Κατὰ Μωάμεθ λόγος τέταρτος. *Нач.* Ὁ θαυμάσιος Σολομὼν λέγει. *Κον.* τῶν ἀπ'αἰῶνος εὐαρεστησάντων εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν. Текст соотвѣтствует PG, 154, 676 B—692 C.

160 лл.: II лл. (XIX в.) + 157 лл. XVII в. (нумерованные страницы 7—322; имеются стр. 61а—62а, стр. 157—158 и 175—176 в нумерации отсутствуют) + I л. (XIX в.). Стр. 7—283 нумерованы писцом, остальные — карандашом в XIX в.

Вся рукопись писана на бумаге с филигранью типа Николаев № 175—176 (1635 г.).

25. строк на странице, площадь текста — 217×122.

стр. 320—запись писца: Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ἱουλίφ α'αχμς'.

Киноварные инициалы.

стр. 321—запись XVIII—XIX в.: Ἐνιστέροις καιροῖς ἐγράφη τὸ παρὸν διεμὸς Καλλινίκου ἱερομονάχου Κυπρίου, ταξιδιώτου τῆς Χρυσορροητίσσης τῆς κατὰ τὴν νόσον Κύπρον ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τοῦ ἁγίου πεφουκοιμένης. Καλλίνικος ἱερομόναχος.

стр. 321—запись рукой XVIII в.:

λαμπρὸς ἐστὶν ἥλιος φωστὴρ ἡμέρας,
καὶ πιστὸν σέβας θέμεθλος σωτηρίας,
αὐτὸς δ'ἡγεμὼν εἰ τῆς φωτοχυσίας,
Ἡλίας τε κράτιστος Μολδοβλαχίας,
πρέπη λοιπὸν ὡς θεοβίτη νῶ καθαρῶ
βίβλος ἀνάγνωσις λαμπρὰ θεωρία,
τὴν κατὰ Μωάμεθ προσφέρει ἱκέτης
Ἰάκωβος σεβαστὸς φιλοσοφίαν
ἀληθ'ὀδηγήτριαν τῆς σωτηρίας
καὶ ἀνάβασιν μυστικῆς θεωρίας.

На верхнем поле стр. 7 — карандашная помета В. И. Григоровича: «№ 48, неполное». В перечне рукописей, подаренных Григоровичем Новороссийскому университету, этот кодекс имеет № 47; см. ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 (М. 1859), л. 2. л. I, рукой конца XIX в.: «Императора

Иоанна Кантакузена сочинение против Магомета; рукопись XVIII ст. на новогреческом языке, неполная и испорченная, на простой бумаге, in 2°. л. I об. — печать ОДПБ 1946 г., стр. 321 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 4322.

Переплет XIX в., В. И. Григоровича, зеленый картон с кожаным корешком, на котором имеется тисненая надпись: «Иоанна Кантакузена сочинение против Магомета».

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 80—81.

№ 559. Кон. XVII—нач. XVIII в. (между 1696 и 1718 гг.), бумага, 213 лл., 134×78.

Грамматика Лихудов.

(лл. 7 об. — 8 об.) Χάριν παράσχου Τριάς τοῖς ἐμοῖς πόνοις. Περί γραμματικῆς μεθόδου, συντεθείσης τε καὶ διαιρεθείσης εἰς τρεῖς βιβλούς κατ'ἐρώτησιν καὶ ἀπόκρισιν παρὰ τῶν λογιστῶν καὶ σοφωτάτων διδασκάλων καὶ θεολόγων τῆς ἀνατολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἁγίας μεγάλης ἐκκλησίας κυρίου Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου αὐταδέλφων τῶν Λειχουδῶν ἀπὸ τῆς περιφήμου νήσου Κεφαλῆνης. (лл. 9 об. — 126) Βιβλίον α'. Τί ἐστι γραμματικὴ; (лл. 127 об. — 187 об.) Τῆς γραμματικῆς μεθόδου βιβλίον β'. Περί συντάξεως καὶ πρώτον περὶ τῶν συμφωνιῶν. (лл. 188—200 об.) Εἰς δόξαν θεοῦ. Ἔστω τῇ ἀρχῇ παρθένος ἡμετέρα. Περί γραμματικῆς μεθόδου βιβλίον τρίτον, Περί προσφωδίας, εἴτε περὶ τόνων. (лл. 202—210) Περί ἄρθρων.

Текст параллельно на греческом и русском языках, с л. 136 и до конца рукописи идет один греческий текст, без русского перевода, для которого не оставлено места.

213 лл. : 210+III; лл. 1 об., 2—5, 6—6 об., 7, 126 об., 127, 135 об., 201—201 об., 210 об., I—III — чистые.

Бумага с филигранью типа Heawood № 392 (1691 г.).

л. 5 об. — запись писца: Εἰς δόξαν τῆς ἁγίας ὁμοουσίου Τριάδος πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος, ἐπὶ τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου αἰθέντου βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Πέτρου Ἀλεξιάδου, καὶ ἐπὶ τοῦ εὐγενεστάτου μεγάλου αἰθέντου βασιλείδου Ἀλεξίου Πετρίδου, ποίημα τὸ δὲ τῶν λογιστῶν καὶ σοφωτάτων διδασκάλων καὶ θεολόγων κῆρ Ἰωαννικίου καὶ Σωφρονίου αὐταδέλ (на этом обрывается).

В нижнем правом углу л. 1 — наклейка, на которой рукой Григоровича написано «Рукописи», а ниже — стертый номер, поверх которого синим карандашом — «559». По верхнему краю этого же листа сделана угасающая надпись карандашом (XIX в.): «Григор. (?) Грамм». л. 8 об. — печать Одесского Ришельевского лицея, лл. 1 и 6 — печать библиотеки имп. Новороссийского университета. л. 1 — рукой XIX в.: «Иоанникия и Софрония Лихудов, о грамматическом художестве. Рукопись, писанная в XVII столетии. Текст на греческом и славянском языках». л. 8 — печать ОДПБ 1946 г., л. III об. — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 3788.

Переплет начала XVIII в., доски в коже с тиснением.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 72; М. М. Копыленко. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. — ВВ, XVII, 1960, с. 85—92; Γ. Μότσης. Χειρόγραφα «Περί Γραμματικῆς Μεθόδου» τῶν Λειχουδῶν. — Ἐπιθεώρηση Τέχνης, 124—125, 1965, σ. 339—343; Μ. Γ. Νυσταζοπούλου. Ὁ Πατριακὸς κώδιξ 838: λάνθανον χειρόγραφον τῆς Γραμματικῆς τῶν Λειχουδῶν. — Πρακτικὰ Τρίτου Πανιωνίου Συνεδρίου, 2. Ἐν Ἀθήναις, 1969, σ. 143—154 (М. Нистазопулу — с. 151 — ошибочно отождествляет писца Одесской рукописи с писцом Патмосского кодекса).

№ 26. XVIII в., бумага, 505 лл., 288 × 195.

(л. III) Ὁ Μικρὸς Πτολεμαῖος εἰς τὰ γενεθλιακὰ ἐνωμένος εἰς τοὺς ἄραβας τοῦ συγγραφέως Ἀνδρέα Ἀργουλου, τοῦ θείου Μάρκου καβαλιέρου μετὰ τὴν βουλήν τῆς

γαληνοτάτης γεροῦσίας, ἐπιστήμονος τῶν μαθηματικῶν μαθημάτων εἰς τὸ σπουδαστήριον τῆς Πάδοβας. Εἰς τὸ Λουγδοῦνι Μπαταβόρουμ ἐν ἔτει αχπ'. Δαπάνη τοῦ Λουδοβίκου εἰς τὸν φόρον τῶν πραγματοῦτων.

505 лл.: II (XIX в.) + I (XVIII в.) + 16 нумерованных писцом стр. + стр. 135—1102 (нумерованы писцом; в рукописи отсутствуют стр. 17—134) + стр. 1103 (без номера) + 9 лл. (нумерованы карандашом: 1103—1111) + I л. (XIX в.); лл. I—I об., II об., III об., стр. 1102а, л. 1111 об., л. I—I об. (последний) — чистые.

Бумага с филигранью типа Николаев № 745 (1791 г.) и 851 (с датировкой в альбоме: «XVIII в.»).

На верхнем поле л. I (XVIII в.) рукой В. И. Григоровича сделана карандашная пометка «№ 50» (в реестре рукописей ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 этот кодекс указан под номером 49). л. II — надпись рукой XIX в.: «Астрологическая рукопись на новогреческом языке, не полная, in 2°». л. III об. — печать ОДПБ 1946 г., стр. 1111 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 2583.

Переплет первой половины XIX в., зеленый картон с коричневым кожаным корешком, на котором имеется тисненая надпись: Ο ΜΙΚΡΟΣ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΣ.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 81.

№ 108. XVIII в., бумага, 7 лл., 186×127.

Пападики.

(л. 39) Ἀρχὴ σὺν θεῷ ἁγίῳ πάντων τῶν σοιμαδίων τῆς μουσικῆς τέχνης, τῶν τε ἀνιώντων καὶ κατοιώντων, σωμάτων τε καὶ πνευμάτων, μετὰ πάσης χειρονομίας τε, συνθεσιμενῆν εἰς αὐτὴν παρὰ τῶν κατὰ καιροῦς ἀναφανέντων ποιητῶν καὶ σοφοτάτων ἀνδρῶν παλαιῶν τε καὶ νέων. Нач. Ἀρχὴ μέση τέλος καὶ σύστημα πάντων τῶν σοιμαδίων τῆς μουσικῆς τέχνης τὸ ἴσον ἐστί.

7 лл. = лл. 39—45 в рукописи, состоящей из 45 лл. и заключающей в себе, кроме описываемого здесь греческого фрагмента, отрывки из русских нотных рукописей XIII (л. 26) и XVIII вв.

Бумага сложена in 16°, филигрань не просматривается.

Рукописный сборник находится в папке Григоровича, на внутренней стороне верхней крышки которой его рукой помечено: «№ 25». Этот номер соответствует номеру манускрипта в реестре рукописей Григоровича ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26, л. 1 об.: «Сборник статей, относящ(ихся) до древ(него) церк(овного) пения на русском и греч(еском) яз(ыках). Ркп. XVII ст. Из Казани». В другом реестре — ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25, л. 2 — эта рукопись охарактеризована как «Школа пения. русск. греч. — Казань, Серрес». Рукой конца XIX в. на самой рукописи написано следующее заглавие: «Сборник статей до древне-церковного пения относящихся, XVII в. из Вятки. Рукопись на простой бумаге, не полная, in 4°». л. 1 — печать ОДПБ 1946 г., л. 45 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 2112.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 33.

№ 38. Нач. XIX в., бумага, 247 лл., 208×159.

Номоканон Мануила Малаксоса (?) (407 глав).

(лл. 1—22 об.) Πίναξ. (лл. 23—243) Περί χριτοῦ ἦτοι ἀρχιερέως τοῦ εἶναι εἰς πάντας συμπαθῆς, καὶ νὰ μὴδὲν πιστεύῃ λόγους τινὲς χωρὶς ἀποδείξεως. Нач. Πρέπει τὸν χριτὴν. Кон. εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

247 лл.: I—III (чистые) + л. IV + 243; лл. 17—22, 22а, 22б, 55—130 об. — белая бумага, остальные лл. — синяя бумага; лл. 22а—22а об., 22б—22б об., 243 об. — без текста.

Бумага с филигранью неясного типа, по-видимому, герб, с датой «1798».

л. II — карандашная пометка Григоровича: «№ 49» (в реестре рукописей ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 26 этот манускрипт указан под номером 48). л. IV — надпись рукой XIX—начала XX в.: «Номоканон краткий на новогреческом языке; рукопись XVII ст. неполная и совсем испорченная, in 4° (Номоканон Малаксы) (рукопись заключает в себе 243 листка)». л. IV об. — печать ОДПБ 1946 г., л. 243 — штамп Музея книги ОДНБ с инв. № 2569.

Переплет — мягкая кожаная обложка нач. XIX в.

Библиография. В. Мочульский. Описание рукописей В. И. Григоровича, с. 81.

Продолжение следует

ПУБЛИКАЦИИ

З. Г. САМОДУРОВА

НЕИЗДАННАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ХРОНИКА
ИЗ РУКОПИСИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди сочинений, включенных в литературно-грамматический сборник Синодального собрания ГИМ № 443 (261/ССХЛУШ)¹, находится небольшое хронографическое произведение, содержащее краткий обзор истории императорского Рима, Византии и Турции. Этот компендий, появившийся в период турецкого владычества, по своему построению аналогичен малым византийским хроникам, которые часто встречаются в греческих рукописях². Исследование его дает возможность проследить историю позднегреческой хронистики и выяснить судьбу и назначение кратких хроник в поствизантийскую эпоху. Изучение же их помогает вскрыть те изменения, которые произошли в содержании и составе произведений этого жанра в позднейший период, обнаружить то новое, что было внесено в традиционную канву повествования, и то, что было оставлено без перемен, определить индивидуальность авторов компендиев рассматриваемого времени в освещении исторического прошлого своей родины и установить, как отразились на изложении всемирной истории их взгляды и мировоззрение. Это позволит выявить культурно-исторические интересы и воззрения грамотного населения греческого общества XVI—XVII вв.

Исследуемая краткая хроника еще не опубликована и фактически не была введена в научный оборот; она лишь зарегистрирована в каталогах греческих рукописей Синодального собрания³. Попытка выяснить источники данной хроники была предпринята в нашей статье, посвященной исследованию малых хроник кодексов Синодального собрания ГИМ. Однако установить ее источники в то время не удалось: было высказано предположение о заимствовании хронистом материала из того же произведения, которое было положено в основу изложения Хронографикона патриарха Никифора. Мы ограничились кратким описанием манускрипта, его содержания и общей характеристикой самой хроники⁴.

В связи с тем, что до сих пор не были установлены ни источники рассматриваемой хроники, ни время ее написания, ни ее место среди других аналогичных ей компендиев, необходимо всесторонне проанализировать

¹ Самодурова З. Г. Греческие рукописные сборники, содержащие малые византийские хроники, и их классификация. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 208—241.

² Библиографию изданий кратких хроник и список манускриптов, в состав которых они входят, см.: Самодурова З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний). — ВВ, XXI, 1962, с. 127; она же. Малые византийские хроники и их источники. (Классификация). — ВВ, XXVII, 1967, с. 153—161.

³ *Matthaei Chr. Fr. Accurata codicum graecorum MSS bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio*, t. I—II. Lipsiae, 1805, p. 160—161; Архимандрит Сава. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 113; Архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 677—679.

⁴ Самодурова З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках, с. 134, 142—144.

хронику, определить ее состав, содержание, источники и назначение, время составления, а также попытаться выяснить взгляды и мировоззрение автора хроники и годы его жизни.

Исследуемая хроника (Хроника № 7)⁵ входит в состав кодекса, переписанного одним скриптором (за исключением лл. 207—208⁶) на плотной белой глянцевитой бумаге. Тип письма — так называемый «книжный» курсив⁷. Водяные знаки: «якорь в кругу, над кругом цветов», «корона под звездой и полумесяцем» — встречаются в конце XVI — начале XVII в.⁸ Чернила черного цвета. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация листов дана арабскими цифрами в верхнем правом углу. Рукопись состоит из 233 листов размером 215×150 мм, на странице — 18—19 строк. Манускрипт оформлен скромно: в нем отсутствуют миниатюры, лишь на лл. 119 и 207 помещены заставки простого рисунка. Переплет XVIII в., картонный, обтянутый коричневой кожей⁹. По листам 2—7 и 232—233 в форме скрепы внизу сделана запись: «Изъ Синодальной библиотеки а подписано по приказанію Святейшаго Синода Синодального дому іеродіакономъ Гедешномъ 1775 году мая».

На л. 4 имеются пометы: τὸν Ἰβήρων и «Арсениеи», указывающие на то, что раньше рукопись принадлежала Ивирскому монастырю на Афоне, а в середине XVII в. была привезена в Москву Арсением Сухановым.

Работа по переписке манускрипта была завершена до июля 1635 г., о чем свидетельствует помета писца на л. 1 об. Ἰβήρων οἱ τοῦρκοι... ἐν ἔτει Ἰβήρων μὴν Ἰουλίῳ καὶ ἐσέβη... εἰς τὴν Πορταίτησαν πρὸ ἐμποῦ ὄντος... κὸρ Γρηγόριος ὁ διδάσκαλος¹⁰. Скриптор кодекса был установлен по почерку Б. Л. Фонкичем — это иеромонах афонского Ивирского монастыря Авессалом¹¹.

Содержание рассматриваемой рукописи весьма разнообразно. Помимо краткой хроники, в нее включены литературные сочинения, материалы по грамматике, богословию, экзегезе, астрономии, астрологии¹², медицине и т. п. В ней помещены поэтические произведения Иоанна Дамаскина, Григория Богослова, Гномы Катона, Житие Иоанна Дамаскина, созданное Иоанном патриархом Иерусалимским, статьи о грамматических терминах (синонимах, ононимах, антонимах и т. п.), богословские трактаты (труды Кирилла Александрийского о вере, Иоанна Дамаскина о знании, против манихеев, введение в догматы; диалог Василия Великого и Григория Богослова, извлечения из беседы последнего о крещении, анонимные работы о троице, душе, воплощении и др.), объяснения неясных и противоречивых мест св. писания, данные Афанасием Александрийским архонту Антиоху, многообразные сообщения справочного характера о светилах, фазах и движении луны, четырех стихиях, знаках зодиака, затмениях

⁵ Наша рабочая нумерация кратких хроник, содержащихся в греческих рукописях ГИМ; см. Самодурова З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках, с. 130, 134, 142.

⁶ Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 31, 1971, с. 118.

⁷ Гранстрем Е. Э. К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, XIII, 1958, с. 227.

⁸ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899: ч. I, с. 55—56, 65, 69, 122, 144, 170, 174, 180, 356, 361, 400, 434; ч. II, с. 442—424, 494; ч. III, № 621, 623, 624, 665, 678, 1244, 1490, 1788, 1851, 1935, 3053, 3097, 3423, 3716—3719; ср. Briquet Ch. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I—IV. Genève, 1907; t. I, p. 43, № 548—551; t. II, p. 313, № 5343, 5352. «Корона под звездой и полумесяцем» — торговая марка венецианской бумаги XVI в. для продажи в Турции; см. Малкин И. Т. История бумаги. М., 1940, с. 46.

⁹ Щепкина М. В. и Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 18.

¹⁰ По мнению М. А. Шангина, кодекс был написан в 1635 г. См. Sangin M. A. Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. XII. Bruxellis, 1936, p. 70; Шангин М. А. XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей». — ВДИ, 1939, № 1 (6), с. 180.

¹¹ Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118—120.

¹² Детальное описание астрологических фрагментов, помещенных в исследуемой рукописи, дано в работе М. А. Шангина; Sangin M. A. Op. cit., p. 70—72.

луны и солнца, приготовлении вина, золота, серебра, киновари, лазури, позолоты, должностях двора и другие заметки¹³.

1. (л. 1) Проба пера.
2. (л. 1) 'Η ἐπιγραφὴ πασῶν τῶν βιβλίων τετράχων γίνεται. *Нач.* 'Η ἐκ τῆς ὅλης ἢ ἐν τοῦ τελούς. *Кон.* καὶ τοὶ ἢ διὰ εὐδῆμια.
3. (л. 1 об.) *Нач.* 'Η γῆ ξηρὰ καὶ ψυχρά. *Кон.* τὸ πῦρ θελμὸν καὶ ξηρόν.
4. (л. 1 об.) Κοινωνία τῶν τεσσάρων στοιχείων. *Нач.* 'Η γῆ κοινωνεῖ τῷ ὕδατι κατὰ τὸ ψυχρόν. *Кон.* κατὰ δὲ τὸ ξηρόν τῇ γῇ.
5. (л. 2) *Нач.* Εὐλογητός ὁ θεὸς ὁ θέλων οὖν... *Кон.* καὶ ἀγοπᾶν οἱ ἐρχομίσθεν εἰς τὸ πρᾶττον.
6. (лл. 2 об. — 3 об.) Πρὸς τοὺς λέγοντας, ὅτι ἄγγελοι ἀθάνατοι ὄντες, τέλος οὐκ ἔχουσιν, συλλογισμός. *Нач.* Πᾶσα πράγμα, ὅπου ἔχει ἀρχήν, ἔχει καὶ τέλος. *Кон.* ὅπου ἔχει τέλος πάντως ἔχει καὶ ἀρχήν.
7. (лл. 4—17 об.) Κάτωνος Ῥωμαίου γινῶμαι δίστιχοι. См. *M. Boas. Plaudes' Metaphrasis der sog. Disticha Catonis.* — *BZ, Bd. 31, 1931, S. 241—257.*
8. (л. 18) Περὶ ὑποστάσεως. *Нач.* Ὑπόστασις ἐστὶ κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν καὶ ἀποστολικὴν παράδωσιν. *Кон.* ὡσαύτως εἰς ὅλα τῶν ποιημάτων. ср. *H. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. T. 1. Codices historici, codices philosophici et philologici.* Wien, 1961. S. 391 (Cod. 296, f. 48 r. — 50 r.).
9. (лл. 18 об. — 19 об.) — чистые.
10. (лл. 20—31 об.) Ἀρχὴ τῶν τετραστίχων Γρηγορίου τοῦ θεολόγου. PG, 37, col. 927 A — 945 A.
11. (лл. 32—36) Γρηγορίου τοῦ θεολόγου ἐπιγράμματα ἐπιτάφια εἰς τὸν μέγαν Βασίλειον διαστίχων ἡρωελεγειῶν συντιθέμενα, συνταχθέντα παρὰ Νικητᾶ φιλοσόφου τοῦ Παφλαρόνου. PG, 38, col. 72 A — 75 A.
12. (л. 36) Ἐγκώμιον εἰς τὸν μέγαν Γρηγόριον ἀνώνυμον. *Нач.* Γρηγόριος μούσας πολλὰς. *Кон.* Γρηγορίῳ δ' ἐπνευ πνεῦμ' ἀρα θελότειον.
13. (лл. 36 об. — 37) Τοῦ σοφωτάτου κύρ Ψελλοῦ. *Нач.* Τὸ διπλοῦν μὴ ἔχοντας ἢ τοιῶν ἀγγέλων. *Кон.* φέρει τὸ σεπτὸν τῆς ἀρίστης ἐπτάδος.
14. (лл. 37 об. — 41 об.) Γρηγορίου τοῦ θεολόγου προοίμιον ἐν σχήματι εὐχῆς, ἐν ᾧ φιλοσοφεῖ καὶ διηγεῖται ἃ ἐν πάσᾳ τῇ ζωῇ αὐτοῦ πεπείρατο. PG, 37, col. 969A—976A.
15. (лл. 42—48 об.) Κανὼν ἱαμβικός τῶν Χριστοῦ γέννων, οὗ ἡ ἀκροστιχὶς αὕτη. PG, 96, col. 817—825.
16. (лл. 49—55 об.) Κανὼν ἱαμβικός οὗ ἡ ἀκροστιχὶς ἡρωελεγειῶν. PG, 96, col. 825—832.
17. (лл. 56—62 об.) Κανὼν ἱαμβικός τῆς ἀγίας πεντηχοστῆς, οὗ ἀκροστιχὶς ἡρωελεγειῶν. PG, 96, col. 832—840.
18. (лл. 63—66) Διαφόρων βίων μακαρισμοὶ Γρηγορίου τοῦ θεολόγου. PG, 37, col. 781—786.
19. (лл. 66 об. — 68) Περὶ Τριάδος. PG, 37, col. 397—401.
20. (лл. 68 об. — 72 об.) Περὶ οἰοῦ. PG, 37, col. 401—408.
21. (лл. 72 об. — 76 об.) Περὶ πνεύματος. PG, 37, col. 408—415.
22. (лл. 77—81 об.) Περὶ κόσμου. PG, 37, col. 415—423.
23. (лл. 81 об. — 84 об.) Περὶ προνοίας. PG, 37, col. 424—429.
24. (лл. 84 об. — 89) Περὶ λογικῶν φύσεων. PG, 37, col. 438—446.
25. (лл. 89—95) *Нач.* Ψυχὴ δ' ἐστίν. PG, 37, col. 446—456.
26. (л. 95—95 об.) Περὶ ἐνανθρωπήσεως τοῦ Χριστοῦ. PG, 37, col. 470—471.
27. (лл. 96—98 об.) — чистые.
28. (л. 99—99 об.) Τὶ ὁμώνυμον καὶ τὶ συνώνυμον, παρώνυμον, ἑτεράωνυμον καὶ πολυώνυμον. *Нач.* Ὁμώνυμον ἐστίν. *Кон.* τὴν δὲ ἄλλην ψευδῇ.
29. (л. 100) Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας περὶ πίστεως. *Нач.* Ἐπὶ τῆς θεολογίας πόσας φύσεις ὁμολογεῖς; μίαν. *Кон.* ὡς εἶναι τὸν αὐτὸν Χριστὸν ἐν πρόσωπον καὶ μὲν ὑπόστασιν.

¹³ Более подробное описание см. *Самодурова З. Г. Греческие рукописные сборники*, с. 208—211.

30. (л. 100 об.) *Нач.* Ἀγαπήσεις κύριον τὸν θεόν σου. *Κον.* schema.
31. (лл. 101—102 об.) — чистые.
32. (лл. 103—114 об.) Αἱ διαιρέσεις τοῦ πρώτου βιβλίου καθ' ἕκαστον αὐτῶν. *Нач.* Πρῶτον περὶ ὅρου. *Κον.* schema.
33. (л. 115—115 об.) — чистые.
34. (лл. 116—118 об.) Περί ἀγαθῶν. *Нач.* Τῶν ἀγαθῶν τὰ μὲν ἐστὶν ἐν ψυχῇ, τὰ δὲ ἐν σώματι. *Κον.* καὶ συγκαίρων τῷ φίλῳ.
35. (лл. 119—157) Ἀρχὴ σὺν θεῷ ἀγίῳ περὶ γνώσεως. л. 157. Τέλος τῶν φιλοσόφων τοῦ ἀγιωτάτου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ. PG, 94, col. 529—569.
36. (лл. 157—161) Εἰσαγωγὴ δογμάτων στοιχειώδης ἀπὸ φωνῆς Ἰωάννου πρεσβυτέρου τοῦ Δαμασκηνοῦ πρὸς Ἰωάννην τὸν ὁσιώτατον καὶ ἀγιωτάτον ἐπίσκοπον Λαοδικείας. PG, 95, col. 100—112.
37. (лл. 161—187) Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιμανδρίτου πρεσβυτέρου τοῦ Δαμασκηνοῦ κατὰ Μανιχαίων. PG, 94, col. 1505—1584.
38. (лл. 187—190 об.) Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ συγγραφεὶς παρὰ Ἰωάννου πατριάρχου Ἱεροσολύμων. PG, 94, col. 429—444 (гл. 1—10).
39. (лл. 191—194 об.) Περί θέσεως κόσμου ἀκριβέστερα ἐξέτασις. *Нач.* Χρῆ γινώσκειν ὅτι ὁ οὐρανὸς τῇ κυκλοφορικῇ δείνῃ ἐν νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. *M. A. Sangin.* Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. XII, Bruxellis, 1936, p. 70.
40. (л. 194 об.) «Ὅτι δεξιὰ τὰ βόρεια. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 70.
41. (лл. 194 об. — 195) Τί ἐστὶ σφαῖρα. *M. A. Sangin.* Op. cit., 70—71.
42. (л. 195—195 об.) Αἱ σφαῖραι τῶν φωστήρων καὶ τῶν πλανητῶν οὕτως ἔχουσι τάξεως καὶ οἱ πλανῆται οὕτως ὀνομάζονται. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
43. (лл. 195 об. — 196) Ἀνατολικαὶ φάσεις τῆς σελήνης. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
44. (л. 196 об.) Εἰς τὸ ποιῆσαι χρυσίον ἀπὸ μολύβδου κατασκευή. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
45. (лл. 196 об. — 197) Εἰς τὸ ποιῆσαι τὸ χρυσίον ὡς ὕδωρ καὶ γράφειν. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
46. (лл. 197—198) Κατασκευασία εἰς τὸ ποιῆσαι τὸ χάλκωμα ἀσῆμι. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
47. (л. 198—198 об.) Μέθοδος περὶ ἀρρώστου καὶ πραγματευτοῦ καὶ γένη γυναικός. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
48. (лл. 199—205) Οἶνων ὑγιεινῶν κατασκευασία. ἐκ τοῦ γεωπονικοῦ. *Нач.* Οἶνον ὑγιεινῶν ἄρτισις. *Κον.* καὶ ἐν ἡλίῳ ἐπὶ ἡμέρας ἡ' ἀπὸ θοῖο.
49. (л. 205) Εἰς τὸ ποιῆσαι κιννάβαριν. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
50. (л. 205—205 об.) Εἰς τὸ ποιῆσαι λαζούριον. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
51. (лл. 205 об. — 206) Εἰς τὸ ποιῆσαι χρυσαλοφήν. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
52. (л. 206—206 об.) Περί μύρας. *Нач.* Ἀαφνὴ μετὰ ἐλλεβόρου μέλανος κοπεῖσα. *Κον.* ἐὰν λεοντίῳ στέατι κατὰ χρισθῶσι.
53. (л. 206 об.) Περί νυκτεριδῶν. *Нач.* Εἰς τὰς εἰσόδους κρέμασαν φύλλα. *Κον.* νυκτερίδας ἀναιρεῖ κισσὸς θυμιάμιος.
54. (л. 206 об.) Περί φυλλᾶς τὰς ἐν τῷ οἴκῳ. *Нач.* Ποιήσας βόθρον καὶ κόψας ροδοδάφνας. *Κον.* καὶ οὐχ ἄφονται σου.
55. (л. 206 об.) Περί βοθρᾶς. *Нач.* Ἐὰν βοῦς ἢ ἕτερον τετράποδον ἐν τῷ πίνειν. *Κον.* καὶ εὐθέως ταύτας ἀποβάλλει.
56. (л. 206 об.) Περί βατράχων. *Нач.* Βάτραχοι σιωπή. *Κον.* ἐὰν λύχον ἄψας θῇς πρὸς τὴν ὄχθην.
57. (лл. 207—208 об.) Περί τῶν τεσσάρων στοιχείων. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.
58. (лл. 208 об. — 209) Таблица четырех элементов и знаков зодиака. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.

59. (л. 209—209 об.) *Нач.* Ἰστέον δὲ ὅτι γίνωσκε ἡ σελήνη κατὰ δύο ἡμῶν ἡμέρας ἔρχεται ἐν ζωδίοις. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71.

60. (л. 209 об.) Τὰ ὀνόματα τῶν ἑπτὰ πλανήτων. *Нач.* Κρόνιος, Ζεὺς. *Κον.* Σελήνη.

61. (л. 209 об.) *Нач.* Ἐὰν γένηται ἔκλειψις σελήνης οὐσης ἐν τῷ Κρίῳ ἀφορίαν πάντων ἔσεσθαι σημαίνει. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 71—72.

62. (л. 209 об.) Περὶ ἔκλειψις ἡλίου. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 72.

63. (лл. 209 об. — 211 об.) Βροντολόγιον καὶ σεισμολόγιον τῶν ἐβ' μηνῶν καὶ τῶν ἐβ' ζωδίων καθημερούσιον. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 72.

64. (лл. 211 об. — 212) Τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ περὶ τῶν Μακεδόνων μηνῶν ἐκ τῆς ἐκκλησιαστικῆς διατάξεως. PG, 95, col. 236—237; *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 72.

65. (л. 212) Μῆνες κατὰ Ῥωμαίων περὶ διαφόρων μηνῶν. PG, v. 95, col. 235; *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 72.

66. (лл. 212 об. — 214) Διάλογος τῶν ἁγίων Βασιλείου καὶ Γρηγορίου τοῦ θεολόγου. См. А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, т. I. Ἐν Πετροπόλει, 1891, с. 106.

67. (л. 214—214 об.) Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς Ἀντίοχον ἄρχοντα περὶ πλείστον καὶ διαφόρων ζητημάτων ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς παρὰ πολλοῖς ἀπορουμένων καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς γινώσκεσθαι ὀφειλουμένων. PG, 28, col. 597, C—600.

68. (л. 214 об.) Τοῦ θεολόγου ἐκ τοῦ εἰς τὸ ἅγιον βάπτισμα. *Нач.* Θεὸν ἕκαστον καθ'ἑαυτὸν θεωρούμενον. *Κον.* τοῖς ἀλλήλοις νοούμενα ἐκεῖνο διὰ τῆς ὁμοουσιότητος.

69. (лл. 215—223) Λέοντος τοῦ Φιλοσόφου ἡ γαγονῶα διατύπωσις παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ Σοφοῦ ὅπως ἔχουσι τάξεως οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν τῶν ὑποκειμένων τῷ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως. См. Г. А. Рάλλης καὶ Μ. Ποτλῆς. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων, т. 5. Ἀθήνησιν, 1855, с. 474—475.

70. (лл. 223 об. — 224 об.) Τὰ ὀφίγια τοῦ παλατίου. *Codini Curopalatae De officialibus palatii Constantinopolitani et de officiis magnae ecclesiae liber.* Bonnae, 1839, p. 172—173.

71. (лл. 224 об. — 225) Τὸ καθῆκον καὶ ὅρος τοῦ βασιλέως ἀπὸ τοῦ νομίμου βιβλίου Βασιλείου, Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος ἀπὸ α' τίτλου. *Zachariae a Lingenthal C. E. Jus graeco-romanum*, p. II. Synopsis minor et epitome. Lipsiae, 1856, p. 41—42 (κ' — κε').

72. (лл. 225—230) Οἱ βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων. *Нач.* Ἰούλιος καίσαρ ἐβασίλευσε ε'. *Κον.* χρόνους ε' διαπερῶσι ἀφ' οὗ τὴν βασιλείαν ἔλαβε.

73. (лл. 230 об. — 231) *Нач.* Ὁ δεκατοῦβδος φάλμος τοῦ Δαυὶδ εἶναι πᾶν ὠφέλιμος. *M. A. Sangin.* Op. cit., p. 72.

74. (л. 231 об.) *Нач.* Ἰδοὺ τὸ πῦρ. *Κον.* Ἀλλὰ πανταχοῦ παρῇν.

75. (л. 232) — чистый.

76. (л. 232 об.) *Нач.* Ἡ μετριότης ἡμῶν ἐν τῇ δυνάμει. *Κον.* καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἀμήν.

77. (л. 233) — чистый.

78. (л. 233 об.) Εὐχὴ τῶν Τουρκῶν. *Нач.* Ὁ θεὸς μέγας καὶ ὁ θεὸς ἡμῶν. *Κον.* εἴτα ἀπολύει.

79. (л. 233 об.) ἔκτισε τὴν πόλιν ὁ μέγας Κωνσταντίνος ἐν ἔτει μετὰ τὴν μάχην.

80. (л. 233 об.) ἐν ἔτει ε' ἐγεννήθη ὁ Χριστὸς ἡμέρα δ' εἰς τὴν ὁποῖαν ἐδημιούργησεν τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ ἐβαπτίσθη ἡμέρα ε'.

Хроника № 7, расположенная на лл. 225—230, принадлежит к группе D₁ так называемых «древних» малых хроник¹⁴. При ее составлении был использован поименный принцип построения: вначале указываются имена

¹⁴ Самодурова З. Г. Малые византийские хроники, с. 158—159.

монарха и продолжительность его царствования, а затем говорится о наиболее достопримечательных событиях, происшедших в его правление.

Изложение начинается с сообщения о Юлии Цезаре и доведено до пятого года царствования турецкого султана Ахмеда I (1603—1617). В Хронике говорится о римских и византийских императорах и турецких султанах. Списки властителей весьма детальны. Названы почти все правители Рима, Византии и Турции, даже те, которые недолго находились у власти. Чаще всего составитель ограничивается перечислением имен государей и сведениями о годах их царствования, дополняя иногда эти перечни указаниями на отдельные наиболее знаменитые, с его точки зрения, события.

Повествуя об императорах Рима, он сообщает о захвате Иерусалима Титом и Домицианом, об обстоятельствах гибели некоторых цезарей. Однако хрониста прежде всего интересуют события церковной истории. Он довольно подробно описывает преследования римскими императорами христиан, мученическую кончину первых иерусалимских епископов (Симеона, Игнатия, Поликарпа), раннехристианских философов (Юстина и Леонида), рассказывает об Оригене, Ипполите Римском, Григории Чудотворце и др. Много внимания уделено им и известиям о появлении еретических течений: ереси гностиков (николаитов, элксаитов, валентиниан, маркионитов, карпократов, последователей Саторнина, Василида, Кердона и др.), монтианитов, Павла Самосатского. Автор не только упоминает все указанные секты, но и пытается дать краткую характеристику их учения. Весьма подробно изложена легенда о рождении Иисуса Христа.

Рассказ о восточноримских и византийских императорах IV—XII вв. лаконичен: даны лишь имена монархов и определение времени их царствования; в ряде случаев отмечено отношение того или иного властителя к православному вероисповеданию. Канва повествования распространена сообщениями о первых шести вселенских соборах, сведения о которых также чрезвычайно скудны: указано имя императора, в правлении которого происходил собор, и дата собора. Более детально описание первого вселенского собора: говорится о месте собора, против кого он был направлен и сколько человек приняло участие в его работе. История василевсов XIII—XV вв. изложена несколько подробнее. Наряду с перечнем имен императоров, определениями продолжительности их пребывания на троне и характеристикой их принадлежности к православию, в данную часть хроники включены известия о важнейших событиях византийской истории этого периода: весьма обстоятельно и красочно описано завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г., подробно рассказано об отвоевании столицы греками в 1261 г. при Михаиле VIII Палеологе, детально освещен ход работы Флорентийского собора (сообщается о большом числе греческих иерархов-участников собора, о заключении унии между католической и православной церквями и об отказе Марка Евгеника скрепить своей подписью это соглашение). Много внимания в Хронике № 7 уделено повествованию о трагических событиях в жизни византийцев — захвате Константинополя турками в 1453 г., гибели Константина XI Палеолога, архонтов и массы простого народа.

В рассказе о турецких султанах приведены лишь их имена и сведения о времени их правления.

Итак, в истории Рима, Византии и Турции автора Хроники № 7 интересуют церковные сюжеты, а также важнейшие события, знаменующие собой коренные изменения в судьбах византийского государства.

Хроника № 7 разделена на три параграфа, озаглавленных: *Οἱ βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων*, *Τέλος τῶν βασιλέων Ῥώμης καὶ ἀρχὴ τῶν εἰς Κωνσταντινούπολιν βασιλέων*, *Ἀφ' οὗ ἐπ'ἤρξιν οἱ Τοῦρκοι τὴν Κωνσταντινούπολιν*, — соответственно трем периодам описываемой ее составителем истории.

В самом компендии никаких данных о времени его составления не содержится. Однако, используя сведения о дате завершения работы по переписке манускрипта, в котором он помещен, и известия о годах правления

последнего из упомянутых турецких султанов, можно установить крайние хронологические пределы его появления.

Кодекс, как было установлено, был создан до июля 1635 г.¹⁵ О султане Ахмеде I¹⁶, названном последним, говорится как о «ныне царствующем» и отмечается пятый год его правления. Возможно, что исследуемое сочинение было составлено в 1608 г., в период пребывания Ахмеда I на троне, в противном случае было бы приведено имя его преемника и опущено наречие *ὄν* (*βασιλεύει*). Во всяком случае, Хроника № 7 была написана в первой половине XVII в., между 1608 и 1635 гг.

Отсутствуют в тексте хроники и указания на использованные автором при ее написании источники. Для их выяснения необходимо изучить ее содержание и сопоставить ее с аналогичными хронографическими произведениями. Это сравнение выявляет значительное их сходство; особенно близкое родство наблюдается между нашей хроникой и компендием, введенным в научный оборот И. Леунклавием (1533—1593) и опубликованным после его смерти М. Фрегером¹⁷. Хроника Леунклавия, озаглавленная, как и хроника ГИМ, «Οἱ βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων», излагает историю римских, восточноримских и византийских императоров от Юлия Цезаря до завоевания Константинополя крестоносцами при Алексее V Мурчуфле (1204 г.). Она состоит из двух параграфов. Между хрониками наблюдается абсолютное тождество. В них идентичны перечни монархов Рима и Византии, транскрипция их имен, прозвища, определения продолжительности их царствования, указания на родство с предшественниками¹⁸. Полное совпадение обнаруживается и в кратких заметках, сопровождающих списки автократов. Совершенно адекватны в них известия о покорении Иерусалима сыновьями Веспасиана, обстоятельствах гибели ряда римских цезарей, о гонениях на христиан и мученической кончине видных приверженцев христианского учения, о появлении многочисленных ересей в первые века христианства, об Оригене, Ипполите Римском, Григории Чудотворце¹⁹. Аналогичны в них описание шести вселенских соборов, рассказ об осаде и завоевании Константинополя крестоносцами²⁰. Одинаково изложена в них легенда о рождении Иисуса Христа²¹. Общи в них и ошибки. В обоих компендиях преемником Юстиниана II (685—695) назван его сын Константин, якобы царствовавший 9 лет, только после него упомянут Леонтий (695—698)²². О шестом вселенском соборе говорится, что он происходил в правление Константа II (641—668), а не Константина IV (668—685)²³.

Столь полное текстуальное совпадение двух компендиев заставляет думать либо о зависимости одного из них, появившегося в более позднее время, от другого, возникшего раньше, либо об использовании их авторами общего источника.

В настоящее время у нас нет достаточных данных для решения вопроса о соотношении сопоставляемых хронографических сочинений. Мы не

¹⁵ См. выше, с. 202, прим. 10.

¹⁶ Новичев А. Д. История Турции, т. I. Л., 1963, с. 292.

¹⁷ *Juris graeco-romani tam canonici quam civilis tomi duo*, Johannis Leunclavii Amelburni studio ex variis Europae, Asiaeque Bibliothecis eruti, latineque redditi, nunc primum editi cura Marquardi Freheri. Francofurti, 1596, p. 179—184. Раздел этого компендия, повествующий об императорах Восточно-Римской и Византийской империи, был перепечатан без изменений А. Бандури; см. *Imperium orientale sive Antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, opera et studio A. Banduri*, t. I, pars III. Parisiis, 1711, p. 241—243.

¹⁸ Ср. ГИМ № 443, лл. 225—229; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 179—184; *Banduri A.* Op. cit., p. 241—243.

¹⁹ Ср. ГИМ № 443, лл. 225—226 об.; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 179—181.

²⁰ Ср. ГИМ № 443, лл. 226 об.—227 об., 228 об.—229; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 181—182, 184; *Banduri A.* Op. cit., p. 241, 243.

²¹ Ср. ГИМ № 443, л. 225; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 179.

²² Ср. ГИМ № 443, л. 227 об.; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 182; *Banduri A.* Op. cit., p. 242.

²³ Ср. ГИМ № 443, л. 227—227 об.; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 182; *Banduri A.* Op. cit., p. 241.

имеем никаких конкретных сведений о Хронике Леунклавия. Неизвестно, из какого манускрипта она была извлечена, кто ее автор и когда она была написана. Издатель указал только, что она происходит из библиотеки И. Леунклавия²⁴. Из биографии последнего мы узнаем, что он много путешествовал, бывал в Турции, где собрал много интересного материала²⁵. Может быть, он посетил Ивирский монастырь на Афоне, где и обнаружил скопированную им хронику. Изучение «Каталога» С. Ламброса, содержащего описание греческих рукописей Афона, не выявило ни одного манускрипта, в состав которого входило бы опубликованное М. Фрегером сочинение. Конечно, «Каталог» Сп. Ламброса весьма несовершенно: в нем много неточностей, в большинстве случаев отсутствуют указания на начало и конец текста описываемых произведений. Наиболее близок по заглавию к Хронике Леунклавия компендий из Ивирской рукописи № 731 (4851), который С. Ламброс датирует XVIII в.²⁶ Возможно, что Хроника Леунклавия была оригиналом, с которого был переписан компендий XVIII в. из ивирского манускрипта.

Этой хроникой мог воспользоваться не только составитель последнего, но и автор исследуемого нами произведения. Однако неизвестно, находился ли в их распоряжении рукописный или печатный ее экземпляр. Как было сказано выше, среди манускриптов Ивирского монастыря не обнаружено рукописи, в состав которой входила бы хроника, положенная в основу публикации И. Леунклавия — М. Фрегера. Поэтому можно допустить, что в библиотеке Ивирского монастыря среди печатных книг находились собранные И. Леунклавием и опубликованные М. Фрегером памятники греко-римского права. Часто греческие эрудиты, жившие на Западе, посылали в афонские монастыри издания греческих и латинских писателей. Так, Максим Маргуний передал в дар библиотеке Ивирского монастыря свое собрание печатных изданий трудов западных и греческих авторов. Сами афонские монахи приобретали за границей нужные им книги, особенно греческие первые издания. Кроме того, вновь вступавшие в монастыри монахи передавали в общину книги, находившиеся в их владении²⁷. Вполне вероятно, что так же могли поступить в библиотеку Ивирского монастыря и два опубликованных И. Леунклавием и М. Фрегером тома «*Ius graeco-romanum*», где была помещена указанная хроника. Из нее имел возможность черпать материал и составитель анализируемого нами сочинения.

Однако мы не располагаем достаточными данными, чтобы настаивать на этом предположении. Кроме того, сличение текста Хроники Леунклавия и Хроники № 7 выявляет между ними различия, хотя и незначительные. Заглавие второго параграфа в первой (*Ὁμοί ἐβραχύνθη ἐν Κωνσταντινουπόλει, ἀπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου*) несколько отличается от заглавия аналогичного раздела в последней (*Τέλος τῶν βραχέων Ῥώμης καὶ ἀρχὴ τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει βραχέων*)²⁸. По-разному определено в них время правления римского цезаря Флориана (276) и западноримского императора Грациана (375—383): по данным Хроники № 7 Флориан царствовал 1 год и 2 месяца, Грациан — 13 лет²⁹; в Хронике Леунклавия продолжительность пребывания их на троне значительно уменьшена: Флориан правил только 2 месяца, а Грациан — 3 года³⁰. Годы царствования отдельных монархов: Бальбина, Нумериана, Иовиана, Льва II, Ставракия, Александра, Феодоры, правление которых продолжалось недолго, в Хронике Леунк-

²⁴ *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179.

²⁵ *Васильевский В. Г. Обзорные труды по византийской истории*, вып. I. СПб., 1890, с. 29—31.

²⁶ *Lambros Sp. Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos*, vol. II. Cambridge, 1900, p. 213—214.

²⁷ См. *Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: Two World of Christendom in Middle ages and Renaissance*. New York, 1966, p. 181—190.

²⁸ Ср. *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 181; ГИМ № 443, л. 226 об.

²⁹ ГИМ № 443, лл. 226 об.—227.

³⁰ *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 181.

лавия выражены цифрами, в Хронике № 7 — словами³¹. Не совпадает в компендиях и тип ударения в именах Антонин, Макрин, Константин: в первой — обложенное, во второй — острое³²; отлична транскрипция имен Валериана и Иоанна II Комнина и прозвище Михаила II: в Хронике Леунклавия они названы: Βαλεριανός, Ἰωάννης, Μιχαὴλ ὁ Τραυλός ὁ Ἀμωραῖος³³, в Хронике № 7 — Γαλλεριανός, Ἰωάννης, Μιχαὴλ ὁ Τραυλός ὁ Ἀμμορράιος³⁴. Правда, эти отличия несущественны и делать из них далеко идущие выводы нельзя. Однако, учитывая тщательность копирования автором Хроники № 7 своего источника (он сверял переписанный им текст и, заметив ошибку, сразу же исправлял ее), нет основания утверждать, что в его руках находилось издание И. Леунклавия — М. Фрегера. Скорее оба хрониста использовали один общий источник.

В этом общем для сопоставляемых хронографических сочинений источнике содержалось известие о захвате Константинополя крестоносцами при Алексее V Мурчуфле (1204 г.). Сообщением о падении столицы Византийской империи завершается рассказ в компендии Леунклавия³⁵. Неизвестно, было ли включено в оригинал хроник описание трагической гибели Алексея V Мурчуфла, замученного, по словам составителя Хроники № 7, латинянами³⁶. В Хронике Леунклавия оно не встречается³⁷. Стиль изложения всего отрывка, помещенного в Хронике № 7, единый, даты, приведенные в нем, точны и достоверны³⁸. Указанная заметка могла быть включена в общий источник рассматриваемых сочинений, отсутствие же сообщения о расправе западных завоевателей над византийским автократом в Хронике Леунклавия можно объяснить либо тем, что в руках ученого находилась неполная копия оригинала, либо тем, что он сознательно опустил эти данные. Не исключено, что И. Леунклавий, зная из других источников о бегстве Алексея V Мурчуфла из Константинополя до его падения, решил не включать в свою работу заведомо неверные сведения — ведь публикация им Хроники в издании «Jus graeco-romanum» имела целью помочь читателям лучше ориентироваться в публикуемом законодательном материале³⁹.

Возможно, составитель Хроники № 7 извлек сообщение о мученической кончине Алексея V Мурчуфла (предварительно обработав его) не из их общего источника, а из какого-то другого произведения. В оригинале Хроники № 7 и Хроники Леунклавия оно могло не содержаться.

В правильности этого предположения убеждает и отсутствие данного известия в краткой хронике, включенной Матфеем Кигалой в свой хронографический труд⁴⁰. Компендий Матфея Кигалы очень близок к анализируемым работам: перечень императоров, транскрипция имен, указания на родственные отношения монархов, определения времени царствования большинства автократов в них идентичны⁴¹. Особенно много общего между ними в изложении истории восточноримских и византийских властителей: совпадают не только списки правителей, но и сопровождающие их заметки; аналогично описание шести вселенских соборов; тождественна датировка начала работы собора годом правления императора, при котором был соз-

³¹ Там же, р. 180—183; ГИМ № 443, лл. 226—228 об.

³² Ср. *Leunclavius J. Op. cit.*, р. 180—183; ГИМ № 443, лл. 226—228 об.

³³ *Leunclavius J. Op. cit.*, р. 181, 183, 182.

³⁴ ГИМ № 443, лл. 226 об., 227 об., 228 об.

³⁵ *Leunclavius J. Op. cit.*, р. 184.

³⁶ ГИМ № 443, лл. 228 об.—229.

³⁷ *Leunclavius J. Op. cit.*, р. 184.

³⁸ Ср. ГИМ № 443, лл. 228 об.—229; История Византии, т. 2. М., 1967, с. 342—346.

³⁹ *Leunclavius J. Op. cit.*, р. 179.

⁴⁰ Νέα σύνοψις διαφόρων ιστοριῶν ἀρχομένη ἀπὸ κτίσεως κόσμου καὶ λήγουσα ἕως τῇ νῦν ἔχοντα. . . Συναρθρήντα ἀπὸ πολλῶν ιστορικῶν βιβλίων καὶ μεταφρασθέντα εἰς περὶ τὴν φράσιν παρὰ τοῦ εὐλαβεστάτου ἐν ἱερῷ κυρίου Μαθθαίου Κιγάλα τοῦ Κυρίου εἰς κοινὴν ὠφέλειαν. . . Ἐνετίῃν παρὰ Ἀντωνίῳ τῷ Ἰουλιανῷ. Ἔτει κυρίου αὐχλῆ' (далее — Kigala), с. 188.

⁴¹ Kigala, р. 158—160, 186—189; ГИМ № 443, лл. 225—229 об.

ван собор ⁴²; неверно указано время созыва шестого вселенского собора — по сведениям хронистов сопоставляемых сочинений, шестой вселенский собор (680—681) происходил в царствование Константа II (641—668), а не Константина IV Погоната (668—685), как это было в действительности ⁴³; ничего не сказано о седьмом вселенском соборе ⁴⁴. Наблюдается сходство и в повествовании о завоевании Константинополя крестоносцами ⁴⁵. Близкое родство обнаруживается и в рассказе о византийских василевсах XIII—XV вв.: список их адекватен; отмечаются одни и те же пропуски: не указана продолжительность пребывания на троне Иоанна VI Палеолога, Иоанна VII Кантакузина, Мануила II Палеолога, Иоанна VIII Палеолога; нет данных об Андронике IV Палеологе. Канва изложения распространена в компендиях сходными по содержанию лаконичными заметками об отвоевании Константинополя у латинян при Михаиле VIII Палеологе, о Флорентийском соборе, о захвате Константинополя турками ⁴⁶.

Выявленное сходство свидетельствует либо о заимствовании хронистами материала из общего источника, либо об использовании одним из них, жившим позднее, работы другого, появившейся несколько ранее.

Сравниваемые сочинения — Хроника № 7 и компендий из хронографического произведения Матфея Кигалы «Новый синопсис» — были созданы почти одновременно, в первой половине XVII в.: как установлено, Хроника № 7 была написана между 1608 и 1635 гг., труд Матфея Кигалы был издан в Венеции в 1637 г. Антониом Юлианом ⁴⁷. Следовательно, Матфей Кигала работал над составлением «Нового синопсиса» приблизительно в то же время, что и наш автор над своей хроникой. Поэтому едва ли можно допустить, что в руках одного из них находилось сочинение другого.

Сопоставление компендиев обнаруживает не только родство их, но и существенные различия между ними в списке императоров, транскрипции имен, в сообщениях об их родственных отношениях, в известиях о годах их царствования. У Матфея Кигалы опущены перечисленные в Хронике № 7 монархи: Луций Вер, Антонин Каракалла, Бальбин, Нумериан, Василиск, в последней же ничего не сказано о Пульхерии и Ираклеоне, упомянутых Кигалой ⁴⁸; в «Новом синопсисе» нет помещенных в Хронике № 7 сведений о правлении малолетних Василия II и Константина VIII, Зои и Феодоры ⁴⁹; преемником римского цезаря Филиппа в них названы разные лица: в Хронике № 7 — Деций, у Матфея Кигалы — Требониан Галл и Волусян ⁵⁰; не совпадает и транскрипция имен Отона, Вителлия, Антонина Пия, Коммода, Галлиена, Филиппика ⁵¹; отмечаются расхождения в прозвищах византийских василевсов Льва III, Константина V, Никифора I, Льва V, Михаила II, Феофила, Льва VI, Романа I, Романа II, Андроника I, Иоанна III Дуки Ватаца, Феодора II Ласкариса ⁵²; в Хронике № 7 отсутствуют приведенные Кигалой прозвища Юлиана, Валентиниана I, Анастасия I, Юстиниана I, Фоки, Ираклия, а у Кигалы — указанное в первой прозвище Льва II ⁵³; нет в компендии из «Нового синопсиса» и встречающихся в Хронике № 7 сведений о родственных отношениях с предшественниками Юлиана, Зинона, Константина V, Константина VI,

⁴² Kigala, p. 186—189; ГИМ № 443, лл. 226 об.—229 об.

⁴³ Kigala, p. 187; ГИМ № 443, л. 227—227 об.

⁴⁴ Kigala, p. 187; ГИМ № 443, л. 227 об.

⁴⁵ Kigala, p. 188; ГИМ 443, лл. 228 об.—229.

⁴⁶ Kigala, p. 188—189; ГИМ № 443, л. 229—229 об.

⁴⁷ См. выше, прим. 55; *Лебедева И. Н.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. — ПС, вып. 18 (81), 1968, с. 21—24.

⁴⁸ ГИМ № 443, лл. 226—227; Kigala, p. 159—160, 186—187.

⁴⁹ ГИМ № 443, л. 228; Kigala, p. 187—188.

⁵⁰ ГИМ № 443, лл. 226 об.; Kigala, p. 159.

⁵¹ ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об., 227 об.; Kigala, p. 158—159, 187.

⁵² ГИМ № 443, лл. 227 об.—229; Kigala, p. 187—188.

⁵³ ГИМ № 443, л. 227; Kigala, p. 186—187.

Ирины, Константина VII, Андроника I; в Хронике № 7 опущены данные Матфея Кигалы о родстве Юстина II и Иоанна III Дуки Ватаца с их предшественниками⁵⁴. Время правления большинства римских цезарей (Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Тиберия, Гая Калигулы, Клавдия, Гальбы, Вителлия, Веспасиана, Тита, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и др.) и отдельных византийских василевсов (Анастасия I, Ираклия, Константина III, Александра, Никифора II Фоки) в них значительно отличается⁵⁵.

Существенные отклонения обнаруживаются и в тексте описаний царствования ряда правителей Рима и Византии: Матфей Кигала чаще всего ограничивается сухим перечислением имен и дат (обстоятельное освещение истории Рима и Византии дано им в других разделах его труда), в Хронике № 7 приведено более подробное изложение. В ней помещены отсутствующие у Кигалы известия о завоевании Иерусалима римлянами при Веспасиане, об обстоятельствах гибели некоторых цезарей, преследовании христиан в Римской империи, появлении ересей в первые века новой эры, мученической смерти отдельных последователей христианского учения, о соправителях Константина VII, братьях его жены, сыновьях Романа I (Стефане и Константине), об ослеплении Михаила V Калафата, об отношении к православию никейских императоров и Палеологов⁵⁶. Несколько детальнее в Хронике № 7 рассказано о завоевании Константинополя крестоносцами, об отвоевании столицы у латинян Михаилом VIII Палеологом, о Флорентийском соборе и о захвате Константинополя турками. В компендии же из «Нового синописа» дана простая констатация указанных событий⁵⁷. В Хронике № 7 мы не найдем изложения легенды о жизни Иисуса Христа и сведений о кончине апостолов Петра и Павла, об основании Константинополя Константином и о дате его смерти, о чем говорится в компендии Матфея Кигалы⁵⁸.

Расхождения в повествовании о римских и византийских императорах между Хроникой № 7 и компендией Матфея Кигалы столь значительны, что вынуждают отказаться от заключения о зависимости одной работы от другой. Сходство же, обнаруженное при их сравнении, приводит к мысли о том, что оба хронографических произведения восходят к общему оригиналу, обработанному каждым хронистом по своему усмотрению.

В оригинале рассказ, по-видимому, был доведен до правления Мехмеда II Фатиха (1451—1481) и оканчивался сообщением о захвате Константинополя турками. В описании царствования турецких султанов между сопоставляемыми произведениями обнаруживаются существенные различия и в транскрипции имен большинства монархов, и в определении продолжительности пребывания на троне некоторых из них (Сулеймана Кануни, Селима II, Мехмеда III).

Смена источника у авторов сравниваемых сочинений подтверждается изменением стиля изложения в Хронике № 7. Начиная с рассказа о Мехмеде II, составитель, прежде чем сообщить имя и годы царствования вступившего на престол властителя, указывает имя его предшественника и говорит о родственных отношениях прежнего и нового правителей. Кигала же продолжает придерживаться традиционного стиля повествования: он называет имя султана и после этого приводит сведения о времени его правления⁵⁹. Отмеченные расхождения заставляют предположить наличие у хронистов разных источников, использованных ими при составлении перечня турецких султанов. Лаконичность изложения данной части ком-

⁵⁴ ГИМ № 443, лл. 227—229; *Kigala*, p. 186—188.

⁵⁵ ГИМ № 443, лл. 225—227, 228; *Kigala*, p. 158—160, 186—188.

⁵⁶ ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об., 228, 229—229 об.; *Kigala*, p. 159—160, 187—189.

⁵⁷ ГИМ № 443, лл. 228 об.—229 об.; *Kigala*, p. 188—189.

⁵⁸ ГИМ № 443, лл. 225 об., 226 об.—227; *Kigala*, p. 158—159, 186.

⁵⁹ ГИМ № 443, лл. 229 об.—230; *Kigala*, p. 189.

пендиев затрудняет возможность установления в настоящее время памятников, из которых был заимствован нашими авторами материал по истории Турции второй половины XV — начала XVII вв.

В общем же оригинале, к которому восходят Хроника № 7 и компендий Матфея Кигалы, излагалась, вероятно, история Рима и Византии, а сообщения о турецких султанах отсутствовали.

Для выяснения памятника, положенного в основу повествования Хроники № 7 и компендия Матфея Кигалы, необходимо сличить их с позднегреческими всемирными хрониками, в которых идет речь о правителях Римской, Восточно-Римской и Византийской империй. Наиболее широко известны два хронографических сочинения, подробно освещающих события интересующего нас периода, — это Хроника Псевдо-Дорофея «Книга историческая» и «Новый синопсис» Матфея Кигалы, в котором наряду с перечнем имен и дат содержится и обстоятельный рассказ о царствовании римских и византийских императоров.

Логично предположить, что сведения о цезарях Рима и василевсах Византии Матфей Кигала, а возможно, и составитель Хроники № 7 могли извлечь из самого «Нового синопсиса», т. е. из тех его разделов, где помещено детальное описание истории Рима и Византии. Однако сравнение их выявляет между ними столь значительные отклонения в списке автократоров, в транскрипции их имен, в числах, в содержании лаконичных заметок, сопровождающих перечни монархов⁶⁰, что заставляет отвергнуть мысль о зависимости анализируемых компендиев от соответствующих разделов «Нового синопсиса». Расхождения в описании правления властителей Рима и Византии разных разделов «Нового синопсиса» приводят к заключению об использовании Матфеем Кигалой при написании своего исторического труда различных произведений.

В другой новогреческой хронике — «Книге исторической» Псевдо-Дорофея, во второй ее части, охватывающей историю Рима, Византии и Турции, также помещены хронологические перечни римских, восточноримских и византийских автократоров. Сопоставление Хроники № 7 и краткого компендия из «Нового синопсиса» со списками, включенными в «Книгу историческую», выявляет довольно тесное их родство. В них совпадают и перечни монархов, и транскрипция их имен, и указания на родственные отношения их с предшественниками⁶¹. Весьма близки в них и фрагменты, содержащие заметки об отдельных событиях, происшедших в царствование того или иного правителя. В компендиях из «Нового синопсиса» и «Книги исторической» тождествен рассказ об основании Константинополя Константином, о его победе над Максенцием и вступлении на царство, о захвате столицы Византийской империи латинянами и продолжительности их пребывания в ней⁶². В Хронике № 7 и компендии из «Книги исторической» идентичен текст сообщения о правлении Михаила VIII Палеолога и отвоевании им Константинополя у крестоносцев, аналогично в них известие о Флорентийском соборе; преемниками Михаила VIII Палеолога оба хрониста называют Андроника II и его сына Михаила IX⁶³.

⁶⁰ ГИМ № 443, лл. 225—229 об.; Kigala, p. 158—160, 186—189, 160—185, 189—426.

⁶¹ ГИМ № 443, лл. 225—229 об.; Kigala, p. 158—160, 186—189; Βιβλίον ιστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφόρους καὶ ἐξόχους ιστορίας, ἀρχόμενον ἀπὸ κτίσεως κόσμου μέχρι τῆς ἀλώσεως Κωνσταντινουπόλεως καὶ ἐπέκεινα, συλλεχθὲν μὲν ἐκ διαφόρων ιστοριῶν καὶ εἰς κοινὴν γλῶτταν μεταγλωττισθὲν παρὰ τοῦ ἱεροτάτου μητροπολίτου Μομφρατίας κυρίου Δωροθέου. Νεωστὶ δὲ τυπωθὲν μετὰ ἐξόδων τοῦ εὐγενεστάτου κυρίου Ἀποστόλου Τζιγαρά τοῦ ἐξ Ἰωαννίνων, καὶ Ἰωάννου Ἀντωνίου τοῦ Ἰουλιανοῦ εἰς κοινὴν ὀρθόλειαν. Ἐνέτιησιν. Ἐτη Κυρίου αἰχλα'. Παρ' Ἰωάννη Ἀντωνίῳ τῷ Ἰουλιανῷ (далее — Ps.-Dorotheos), σ. 164—169. Использованный нами экземпляр Хроники Псевдо-Дорофея, хранящийся в ЦГАДА, поврежден (утрачен титульный лист); название издания дается по кн.: Legrand E. Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au dix-septième siècle, t. I. Paris, 1894, p. 290—291.

⁶² Kigala, p. 160, 186, 188; Ps.-Dorotheos, p. 165—166, 168.

⁶³ Ps.-Dorotheos, p. 168—169; ГИМ № 443, л. 229—229 об.

Таким образом, все три памятника обнаруживают сходство, которое, казалось бы, свидетельствует о зависимости Хроники № 7 и компендия Матфея Кигалы от аналогичного произведения Псевдо-Дорофея. Однако анализ последнего показывает, что в нем опущены встречающиеся в первых двух сведения о времени правления перечисленных императоров и данные Хроники № 7 о появлении еретических сект в царствование римских цезарей⁶⁴. Следовательно, автор Хроники № 7 и Матфей Кигала при описании правления римских и византийских самодержцев использовали не хронологический перечень Псевдо-Дорофея, а какое-то другое сочинение. Близость трех сопоставляемых компендиев приводит к мысли, что все они восходят к единому источнику.

Можно допустить, что хронисты могли черпать материал из второй части «Книги исторической» Псевдо-Дорофея, в которую наряду с хронологическими перечнями, включено обстоятельное изложение истории Рима и Византии от Энея до Иоанна VIII Палеолога. Сравнение Хроники № 7 и хронологических перечней из «Нового синописа» Матфея Кигалы и «Книги исторической» Псевдо-Дорофея с указанной частью труда последнего обнаруживает значительные расхождения между ними и в списке автократоров, и в датах⁶⁵. Это заставляет отказаться от мнения о зависимости Хроники № 7 и кратких компендиев из «Нового синописа» Матфея Кигалы и «Книги исторической» Псевдо-Дорофея от соответствующих разделов второй части труда последнего. Вероятнее всего, в руках трех хронистов находилось какое-то краткое хронографическое сочинение, в котором рассказывалось о римских цезарях и византийских василевсах. В настоящее время не представляется возможным точно определить это сочинение. Мы не располагаем в достаточном количестве публикациями позднегреческих «древних» хроник. Можно лишь выяснить, к какой из малых византийских хроник восходит памятник, положенный в основу повествования Хроники № 7 и кратких компендиев из «Книги исторической» и «Нового синописа».

Анализ текста Хроники № 7 выявляет существенные различия в описании правления римских, восточноримских и византийских императоров — предшественников Алексея V Мурчуфла и его преемников — василевсов XIII—XV вв. и турецких султанов. В последней части ее рассказ более подробен, отличается живостью, употреблены новогреческие грамматические формы, тогда как предшествующие разделы лаконичны и написаны языком византийского периода. Подобные отклонения свидетельствуют о привлечении автором оригинала Хроники № 7 по крайней мере двух разных источников. В одном из них, по-видимому, рассказывалось о правителях Рима и Византии, и он оканчивался сообщением о захвате Константинополя латинянами, в другом освещалась история никейских императоров и Палеологов. Первый из указанных источников оригинала Хроники № 7 был составлен, по всей вероятности, в начале XIII в., т. е. некоторое время спустя после завоевания столицы Византийской империи крестоносцами.

Стереотипность и трафаретность изложения истории римских цезарей и византийских василевсов до Алексея V Мурчуфла приводит к мысли о заимствовании составителем памятника начала XIII в., положенного в основу повествования оригинала Хроники № 7 и хронологических перечней Псевдо-Дорофея и Матфея Кигалы, материала из какого-то краткого компендия византийского периода. Для определения источника этого памятника XIII в. следует сличить Хронику № 7 и Хронику Леунклавия с малыми византийскими хронографическими произведениями, такими, как Хронографикон патриарха Никифора (далее — ХН), *Χρόνων ἀρίθμησις*

⁶⁴ *Ps.-Dorotheos*, p. 164—169; *Kigala*, p. 158—160, 186—189; ГИМ № 443, лл. 225—229 об.

⁶⁵ ГИМ № 443, лл. 225—229 об.; *Kigala*, p. 158—169, 186—189; *Ps.-Dorotheos*, p. 164—169, 184—545.

καὶ βίαις (далее — ХАО), Χρονογραφία συντομος (далее — ХС), Ευναγωγὴ χρόνων (далее — ΣΧ), Χρονικὸν ἐπιτομον (далее — ХЕ), венская редакция Эклоги истории (далее — ЭИВ), Хроника № 2 и Хроника № 8, родственными с рассматриваемыми работами по составу, содержанию и принципам построения. Особенно необходимо обратить внимание на компендии, появившиеся в эпоху, близкую к дате создания памятника начала XIII в. — источника оригинала Хроники № 7, Хроники Леунклавия и хронологических перечней из сочинений Псевдо-Дорофея и Матфея Кигалы, т. е. на ХЕ, ЭИВ, Хронику № 2 и Хронику № 8⁶⁶.

Сличение их, хотя и не выявляет абсолютного тождества, обнаруживает определенное сходство между ними.

Наибольшая близость при этом отмечается между Хроникой № 7, Хроникой Леунклавия и ЭИВ: список императоров, транскрипция имен и прозвища многих из них, указания на степень родства преемников с предшественниками в них идентичны⁶⁷; совпадают данные о продолжительности пребывания на троне большинства монархов⁶⁸; аналогичны краткие заметки, сопровождающие перечни властителей Рима и Византии; много общего наблюдается в изложении легенды о рождении Христа, в сообщениях о гонениях на христиан, о мученической кончине иерусалимских епископов Симеона и Игнатия, христианских философов Юстина и Леонида, об Ипполите Римском и Григории Чудотворце, о завоевании Иерусалима при Веспасиане, обстоятельствах гибели ряда императоров Рима, причем текст этих заметок нередко тождествен буквально⁶⁹. При беглом сравнении создается впечатление о зависимости памятника начала XIII в., источника оригинала Хроники № 7 и Хроники Леунклавия, от ЭИВ. Однако более тщательное сопоставление их вынуждает отказаться от подобного объяснения их сходства. Между ними обнаруживаются существенные отклонения и в списке правителей, и в датах, и в содержании.

В Хронике № 7 и Хронике Леунклавия перечислены опущенные в ЭИВ правители: Гальба, Дидий Юлиан, Гета, Эмилиан, Квинтилл, Нумериан, Констанций Хлор, Лев II⁷⁰. Несколько отличаются в них и годы правления многих автократоров Рима и Византии⁷¹. Иногда эти расхождения очень незначительны: в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия указано не только число лет и месяцев правления императора, но и количество дней, в ЭИВ последние данные, как правило, отсутствуют⁷². Отмечаются различия и в транскрипции имен Вителлия, Коммода, Гелиогабала, Бальбина, Пупиена, Валериана, Галлиена, Флориана, Иовиана⁷³. В ЭИВ не при-

⁶⁶ *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 (далее — *Niceph.*), p. 91—101, 222—225; *Chronicon Paschale*, v. II. Bonnae, 1832, p. 82—86; *Bauer A. Anonymi chronographia syntomos e codice Matritensi N 121 (nunc 4701)*. Lipsiae, 1909, p. 44—68; *Pusch A. Das Chronikὸν ἐπιτομον der Wiener Handschrift Th. Gr. N XL. Text und Untersuchung*. Jena, 1908, S. 21—32; *Wirth A. Aus orientalischen Chroniken*. Frankfurt a. M., 1894, S. 14—24; Хронограф Георгия Амартола. Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. фон-Муралтом. СПб., 1859 (далее — Хронограф Георгия Амартола), с. 916—921; *Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника в списке XV в. из греческой рукописи собрания ГИМ*. — ВВ, 31, 1971, с. 234—237; ГИМ № 443, лл. 225—230; *Ps.-Dorotheos*, p. 164—169; *Kigala*, p. 158—160, 186—189; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—184.

⁶⁷ *Wirth A. Op. cit.*, S. 14—24; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—184; ГИМ № 443, лл. 225—228 об.

⁶⁸ *Wirth A. Op. cit.*, S. 15—21; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—182; ГИМ № 443, лл. 225 об.—228.

⁶⁹ *Wirth A. Op. cit.*, S. 14—16; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—181; ГИМ № 443, лл. 225—226 об.

⁷⁰ *Wirth A. Op. cit.*, S. 15—17, 19; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—181; ГИМ № 443, лл. 225 об.—227.

⁷¹ *Wirth A. Op. cit.*, S. 15—24; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—183; ГИМ № 443, лл. 225 об.—228 об.

⁷² *Wirth A. Op. cit.*, S. 15—16, 22, 24; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—180, 183; ГИМ № 443, лл. 225 об.—226, 228—228 об.

⁷³ *Wirth A. Op. cit.*, S. 15—18; *Leunclavius J. Op. cit.*, p. 179—181; ГИМ № 443, лл. 225 об.—227.

ведены встречающиеся в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия прозвища Константина IV, Льва III, Константина V, Никифора I, Михаила I, Михаила III, Романа I, Михаила V, Михаила VI ⁷⁴. По-разному описано в них правление Балбины и Пупиена, Тацита и Флориана, Константина VI и Ирины, Константина VII и Романа I. В ЭИВ говорится о совместном царствовании каждой пары названных монархов, в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия о каждом из них сказано отдельно ⁷⁵. Феодора и Михаил III, Евдокия и ее сын, будущий император, Михаил VII в последних двух хрониках представлены как соправители, в первой — как единоличные василевсы ⁷⁶. Нет в ЭИВ помещенных в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия сведений о появлении ересей в первые века христианства, о ересиархах (названы их имена и дана краткая характеристика их учения) ⁷⁷. Не совпадают в них и сообщения о вселенских соборах: в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия они весьма лаконичны, в ЭИВ — более детальные. Обнаруживаются расхождения в датировке хронистами начала работы вселенских соборов: шестой вселенский собор по сведениям Хроники № 7 и Хроники Леунклавия происходил в царствование Константа II, а по данным ЭИВ — в правление Константина IV ⁷⁸ (что соответствует реальной хронологии) ⁷⁹.

Отмеченные различия не позволяют возвести памятник начала XIII в., положенный в основу повествования оригинала Хроники № 7 и Хроники Леунклавия, к ЭИВ. Совпадение же, наблюдающееся между ними, свидетельствует о существовании общего источника, к которому прямо или опосредствованно восходят сопоставляемые произведения. По всей вероятности, в этом сочинении много внимания было уделено рассказу о церковных событиях первых веков христианства. Однако составителей памятника XIII в. и ЭИВ интересовали разные аспекты церковной истории: первого — появление и распространение ересей и, в меньшей степени, мученичество приверженцев христианства (поэтому он в своем труде отдал предпочтение описанию многочисленных еретических сект, возникших в данный период) ⁸⁰, второго — история гонения на христиан и их мучеников (в свою работу он включил материал главным образом по указанному вопросу) ⁸¹. Очевидно, автора источника оригинала Хроники № 7 и Хроники Леунклавия мало занимала и история вселенских соборов: он сообщил только имя императора, при котором происходил собор (иногда он датировал начало работы собора годом правления автократора) ⁸². Составитель ЭИВ больше интересовался историей вселенских соборов, он извлек из своего источника более подробные сведения: о дате собора, числе его участников, о городе, где происходил собор, о церковных деятелях и их учении, осужденных собором ⁸³.

Вполне вероятно, что в распоряжении хронистов находились разные редакции общего источника. Этим можно объяснить и расхождения между ЭИВ, Хроникой № 7 и Хроникой Леунклавия. По-видимому, общий для ЭИВ и памятника начала XIII в. источник был доведен до Льва VI и

⁷⁴ Wirth A. Op. cit., S. 20—23; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 182—183; ГИМ № 443, лл. 227 об.—228 об.

⁷⁵ Wirth A. Op. cit., S. 16—17, 21—22; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 180—183; ГИМ № 443, лл. 226—226 об., 227 об.—228.

⁷⁶ Wirth A. Op. cit., S. 21, 24; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 182—183; ГИМ № 443, лл. 227 об., 228 об.

⁷⁷ ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об.; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 179—181; Wirth A. Op. cit., S. 15—16.

⁷⁸ Wirth A. Op. cit., S. 18—20; *Leunclavius J.* Op. cit., p. 181—182; ГИМ № 443, лл. 226 об.—227 об.

⁷⁹ История Византии, т. 1. М., 1967, с. 156, 374; т. 3, с. 400.

⁸⁰ *Leunclavius J.* Op. cit., p. 179—181; ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об.

⁸¹ Wirth A. Op. cit., S. 15—17.

⁸² *Leunclavius J.* Op. cit., p. 181—182; ГИМ № 443, лл. 226 об.—227 об.

⁸³ Wirth A. Op. cit., S. 18—20.

Александра. Начиная с рассказа о правлении Константина VII Багрянородного, отмечаются наиболее существенные различия между ЭИВ и Хроникой № 7 и Хроникой Леунклавия и в содержании кратких заметок, повествующих об отдельных событиях, и в сведениях о времени правления василевсов. Годы царствования преемников Льва VI и Александра в компендиях значительно отличаются. Не совпадает в них и изложение истории правления императоров. Автор ЭИВ более обстоятельно рассказывает о них, приводит дополнительные сведения о времени вступления на престол монархов, дате их смерти (указывает год от сотворения мира, месяц, индикт, день недели, час суток) и общем числе лет их жизни. Исключение составляет описание царствования Иоанна I Цимисхия, Константина VIII, Зои и Феодоры — здесь детали опущены⁸⁴. В Хронике № 7 и Хронике Леунклавия указанные данные не встречаются, в них помещен сухой перечень имен и дат⁸⁵. Сказанное убеждает нас в том, что источник, общий для ЭИВ и памятника начала XIII в., использованного автором оригинала Хроники № 7 и Хроники Леунклавия, был доведен до Льва VI и Александра.

Существование этого общего источника подтверждается сходством, которое наблюдается между Хроникой № 7 и Хроникой Леунклавия и ХН, ХΣ, ХАО, ΣΧ, ΧΕ, Хроникой № 2 и Хроникой № 8. Данные двух первых нередко идентичны отдельным сведениями, приведенным в последних⁸⁶. Однако сплошного совпадения текста не обнаруживается. Выявляются довольно значительные отличия в характеристике правления императоров, в определении времени их царствования и даже в перечне их. Перечисленные в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия монархи, которые недолго находились у власти, в названных компендиях опущены⁸⁷. Отличаются в них и сведения о продолжительности пребывания на троне отдельных автократоров Рима и Византии, причем помещенные в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия числа аналогичны данным либо ХН, ХΣ, ΣΧ, либо Хроники № 2 и ХАО, либо ΧΕ, либо Хроники № 8⁸⁸. Отсутствуют в последних и встречающиеся в Хронике № 7 и Хронике Леунклавия известия о еретических сектах I—III вв.⁸⁹ В рассказе о соборах наблюдаются те же отличия, которые были вскрыты при сравнении ЭИВ с Хроникой № 7 и Хроникой Леунклавия⁹⁰.

Выявленные расхождения не дают возможности возвести памятник, использованный составителем оригинала Хроники № 7 и Хроники Леунклавия, ни к одному из указанных компендиев. Сходство, обнаруженное в результате их сопоставления, свидетельствует о зависимости данного

⁸⁴ Wirth A. Op cit., S. 21—24.

⁸⁵ Leunclavius J. Op. cit., p. 182—183; ГИМ № 443, л. 228—228 об.

⁸⁶ Leunclavius J. Op. cit., p. 179—183; ГИМ № 443, лл. 225—228 об.; Niceph., p. 91—96, 98—100, 222—225; Bauer A. Op. cit., p. 45, 47—58, 60—61, 63—66; Chron. Pasch., II, p. 82—86; Pusch A. Op. cit., S. 22—32; Хронограф Георгия Амартола, с. 916—920, Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника, с. 235—237.

⁸⁷ Leunclavius J. Op. cit., p. 179—181, 183; ГИМ № 443, лл. 226—227, 228 об.; Niceph., p. 94—95, 98, 222—224; Bauer A. Op. cit., p. 48, 51—55, 61; Chron. Pasch., II, p. 82—84; Pusch A. Op. cit., S. 24—25, 28; Хронограф Георгия Амартола, с. 917—919; Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника, с. 235—237.

⁸⁸ Leunclavius J. Op. cit., p. 179—184; ГИМ № 443, лл. 225—229; Niceph., p. 92, 94—96, 98—100, 222—225; Bauer A. Op. cit., p. 47—49, 51—58, 60—61, 63—66; Хронограф Георгия Амартола, с. 916—920; Chron. Pasch., II, p. 82—86; Pusch A. Op. cit., S. 22—25, 27—32; Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника, с. 236—237.

⁸⁹ Leunclavius J. Op. cit., p. 179—181; ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об.; Niceph., p. 93—95; Bauer A. Op. cit., p. 49—51, 53—54; Pusch A. Op. cit., S. 23—24; Хронограф Георгия Амартола, с. 917—918; Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника, с. 235.

⁹⁰ Leunclavius J. Op. cit., p. 181—182; ГИМ № 443, лл. 226 об.—227 об.; Niceph., p. 95—99; Bauer A. Op. cit., p. 57, 59—61, 64; Pusch A. Op. cit., S. 26—29; Хронограф Георгия Амартола, с. 918—919; Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника, с. 235—236.

сочинения от общего источника, к которому восходят, вероятно, и перечисленные выше малые византийские хроники.

Итак, исследование содержания Хроники № 7 и сравнение ее как с краткими новогреческими компендиями, так и малыми византийскими хрониками привели к заключению, что в основу ее повествования был положен памятник, в котором излагалась история Рима и Византии. Данное сочинение оканчивалось сообщением о завоевании столицы Византийской империи в 1453 г. турецким султаном Мехмедом II Фатихом и было, по-видимому, создано вскоре после этого события. Было установлено, что для написания истории римских, восточноримских и византийских императоров автор оригинала Хроники № 7 заимствовал материал из сочинения, появившегося в начале XIII в., которое было доведено до Алексея V Мурчуфла и завершалось описанием осады и захвата Константинополя крестоносцами. Было также доказано, что это произведение начала XIII в. зависело от общего для ряда малых византийских хроник, таких как ЭИВ, ХЕ и Хроника № 8, источника, составленного в царствование Константина VII Багрянородного. В нем рассказывалось о правителях Рима и Византии до Льва VI и Александра включительно.

Таким образом, рассматриваемое сочинение тесно связано с краткими византийскими компендиями, так как восходит, правда, не прямо, а опосредствованно, к их общему источнику.

Анализ Хроники № 7 и сопоставление ее с краткими компендиями из «Книги исторической» Псевдо-Дорофея и «Нового синопсиса» Матфея Кигалы показали, что ее автор старался как можно точнее передать текст своего оригинала. В отличие от Псевдо-Дорофея и Матфея Кигалы, более критически относившихся к своему источнику, устранивших его явные ошибки, обработавших и изложивших его содержание на новогреческом языке, составитель Хроники № 7 тщательно скопировал свой оригинал, стараясь ничего в нем не изменять. Он старался буквально передать текст своего непосредственного источника, поскольку взгляды автора последнего совпадали с его собственными воззрениями.

Составитель Хроники № 7 сохранил традиционность содержания малых «древних» византийских хроник: ничего нового в составе исследуемого памятника по сравнению с аналогичными произведениями предшествующей эпохи обнаружить не удалось. Составитель дополнил лишь описание правления императоров Рима и Византии рассказом о турецких султанах и довел изложение до своего времени. В связи с тем, что пока не удалось определить источник, из которого он черпал сведения по истории Турции, невозможно установить степень его самостоятельности в этом разделе хроники. По всей вероятности, для его написания хронист, наряду с письменными свидетельствами, мог опираться на устную традицию и собственные наблюдения.

О самом авторе Хроники № 7 мы не располагаем конкретными сведениями. На основании исследования содержания рассматриваемого сочинения можно установить, что он интересовался гностическими учениями, столь распространенными в первые века христианства⁹¹. Из-за скудости содержания анализируемого компендия трудно судить о социально-политических взглядах его автора. Можно только отметить его особо почтительное отношение к Иоанну VI Кантакузину, тесно связанному с исихастско-монашескими кругами и выражавшему интересы крупных византийских феодалов⁹². Характеризуя деятельность указанного василевса, он награждает его эпитетами в превосходной степени⁹³. К западным странам и католической церкви он настроен непримиримо. Особенно отчетливо это

⁹¹ ГИМ № 443, лл. 225 об.—226 об.

⁹² История Византии, т. 3, с. 135—160, 249; *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 95—98.

⁹³ ГИМ № 443, л. 229.

видно при сопоставлении описания завоевания Константинополя латинянами и турками. Автор Хроники № 7 весьма спокойно говорит о захвате столицы Византийской империи Мехмедом II Фатихом — это простая констатация происшедшего события, пусть трагического. Тон описания завоевания Константинополя крестоносцами совсем иной: сквозь сухое, лаконичное изложение прорывается неприязнь к латинянам; чтобы передать читателям свои чувства и возбудить в них ненависть к завоевателям, он рассказывает о грабежах и насилиях крестоносцев, о пытке и убийстве Алексея V Мурчфла, не пожелавшего добровольно подчиниться латинянам и за это якобы замученного ими ⁹⁴. Отрицательно настроен хронист к заключению Флорентийской унии; несмотря на краткость изложения, можно почувствовать, что он одобряет поведение и деятельность на Флорентийском соборе Марка Евгеника ⁹⁵. По-видимому, автор Хроники № 7 был монахом и выражал взгляды черного духовенства, которое было лишено своих прав и привилегий после латинского завоевания и к которым турки проявили полнейшую терпимость ⁹⁶.

Время его жизни можно определить на основании косвенных данных. В Хронике № 7 точно датирован приход к власти Мехмеда III (1595—1603): указан год от сотворения мира, месяц, число и день недели, и только после этого приведено общее число лет его царствования. В рассказе о его предшественниках подобные детали отсутствуют, говорится лишь о продолжительности их правления. По всей вероятности, составитель Хроники № 7 был очевидцем вступления на престол Мехмеда III, поэтому он так точно датировал это событие. По-видимому, был он и современником преемника Мехмеда III Ахмеда I (1603—1617). Свой труд он довел до пятого года царствования последнего, назвав его «ныне царствующим» ⁹⁷.

Как сказано выше, писцом манускрипта, в состав которого входит исследуемая хроника, является иеромонах Ивирского монастыря на Афоне Авессалом ⁹⁸. Помимо нашей рукописи, он скопировал частично или полностью ряд кодексов: ГИМ № 204, 445, 478 ⁹⁹. Автографом Авессалома, по мнению Б. Л. Фонкича, является также и рукопись Ивирского монастыря на Афоне № 205 (4325) ¹⁰⁰. В рукописях ГИМ № 204, 478 и Ивира № 205 Авессалом оставил пометы, содержащие сведения о годе окончания им работы над рукописями: первый кодекс был написан в 1607 г., второй и третий — в 1610 г. ¹⁰¹ В большой и интересной помете Авессалома в рукописи ГИМ № 442 сообщается, что она находилась в его руках в 1610 г. ¹⁰² В рукописи ГИМ № 443 на л. 1 об. также помещена запись Авессалома,

⁹⁴ ГИМ № 443, лл. 228 об.—229 об.

⁹⁵ Там же, л. 229 об.

⁹⁶ Лебедев А. П. История греко-восточной церкви под властью турок. СПб., 1904, с. 24, 91, 96—121; Удальцова З. В. Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — ВВ, II, 1949, с. 294—307; она же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, с. 106—132; она же. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания по данным византийского историка Критовула. — СВ, III, 1951, с. 161—179; она же. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. — ВВ, VII, 1953, с. 93—121; Франчес Э. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, с. 71—100; Karlin-Hayter P. La politique religieuse des conquérants ottomans dans un texte hagiographique (a. 1437). — Byz., 35, 1965, p. 355; История Византии, т. 3, с. 26, 83—84, 177—183, 188—189, 194, 200; Медведев И. П. Указ. соч., с. 73—76.

⁹⁷ ГИМ № 443, лл. 229 об.—230.

⁹⁸ Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118—120.

⁹⁹ Арх. Владимир. Указ. соч., с. 235, 682—683, 710—711; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118—119.

¹⁰⁰ Lambros Sp. P. Op. cit., v. II, p. 58; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118—119.

¹⁰¹ ГИМ № 204, л. 105 об., № 478, л. 73 об.; Ивир. № 205, л. 50; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 235, 711; Lambros Sp. P. Op. cit., p. 58; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118—119.

¹⁰² ГИМ № 442, л. 1; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 676; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118.

в которой указан 1635 г., но не говорится о времени завершения работы над книгой¹⁰³. Вероятнее всего, данная помета была сделана спустя значительное время после окончания переписки кодекса. Таким образом, наиболее активно иеромонах Авессалом работал над манускриптами в 1607—1610 гг. По-видимому, в указанный промежуток времени был создан и кодекс ГИМ № 443.

Совпадение дат появления манускрипта, окончания Хроники № 7 и жизни ее автора заставляет предположить, что писец рукописи и составитель рассматриваемого компендия — одно и то же лицо — иеромонах Авессалом. Следовательно, кодекс ГИМ № 443 был скопирован в 1608 г., когда была создана последняя из включенных в него статей — Хроника № 7.

На основании изучения манускриптов, скопированных и помеченных Авессаломом, можно составить представление о круге его интересов и вопросах, находившихся в центре его внимания. Исследование их показывает, что он был широко образованным человеком, писателем. Его перу, помимо нашей хроники, принадлежит также работа «Аллегорическое толкование на сотворение человека», включенная в переписанный им кодекс ГИМ № 445¹⁰⁴. Он был хорошо знаком с трудами по философии и богословию, литературными и историческими произведениями античности, средневековья и нового времени. Авессалом переписал трагедию Еврипида «Гекэба», «Богатство» Аристофана, сочинение Иоанна Педиясима «О 12 подвигах Геракла»¹⁰⁵, Гномы Катона Римского в переводе Максима Плануда¹⁰⁶, «Стефанит и Ихнилат», сборник нравоучительных историй Синтипы¹⁰⁷. В скопированную им рукопись он поместил извлечение из «Туркогреции» Мартина Крузия, профессора-эллиниста Тюбингенского университета, изданной в 1584 г. в Базеле¹⁰⁸. В помеченных им манускриптах встречаются и другие литературно-исторические произведения: басни Эзопа, «История Александра Македонского» Псевдо-Каллисфена, Жизнеописание Эзона, «Стратегика» императора Никифора, «Стратегикон» Кекавмена¹⁰⁹, стихотворения Фокиллида, эпиграммы на стихотворения, составленные из стихов и полустихий Гомера¹¹⁰, трактат Симеона Сифа «О свойствах растений»¹¹¹. Знал иеромонах Авессалом и церковную поэзию: в его сборниках переписаны поэтические сочинения Григория Богослова, Аполлинария Лаодикийского, Нонна Панопольского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Геометра, монаха Мафусаила, Пахомия и разнообразные молитвы¹¹².

Однако больше всего внимания он уделял трудам по богословию и философии, которыми занята основная часть переписанных или читавшихся им рукописей. В этих книгах содержатся произведения Кирилла Александрийского, Григория Богослова, Василия Великого, Епифания Кипрского, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Никифора Влеммида, Иоанна Кантакузина, Мануила Оловола, Матфея Камариота, а также многочисленные отрывки из творений отцов церкви, анонимные заметки богословского характера, полемические статьи против латинян и армян¹¹³. В них помещены также извлечения из трудов

¹⁰³ ГИМ № 443, л. 1 об.; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 118.

¹⁰⁴ Арх. Владимир. Указ. соч., с. 682.

¹⁰⁵ См. ГИМ № 478; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 710—711.

¹⁰⁶ См. ГИМ № 442, л. 7; № 443, л. 4; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 676—677.

¹⁰⁷ Ивир, № 205; *Lambros Sp. P. Op. cit.*, p. 58. В кодексе ГИМ № 436 на лл. 232 об.—246 об., 251 об.—303 об., 351—438 об., 531—549 об. также помещены переписанные иеромонахом Авессаломом в указанный выше кодекс «Стефанит и Ихнилат» и сборник Синтипы; см. Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 110—112.

¹⁰⁸ Ивир, № 205; *Lambros Sp. P. Op. cit.*, p. 58.

¹⁰⁹ ГИМ № 436, лл. 249 об.—250 об., 494—530, 6—109 об., 115 об.—229, 439—491 об.; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 109—112.

¹¹⁰ ГИМ № 442, лл. 43, 52 об.; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 676.

¹¹¹ ГИМ № 444, л. 106; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 680.

¹¹² ГИМ № 442, 443, 444, 445; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 676—683.

¹¹³ ГИМ № 204, 443, 444, 445; Арх. Владимир. Указ. соч., с. 235, 677—683; ГИМ № 436; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 111—113; Ивир, № 205; *Lambros Sp. P. Op. cit.*, p. 58.

Аристотеля, Демокрита, Прокла Диадоха, Порфирия, Боэция Аниция и отдельные сочинения Георгия Гемиста Плифона и др.¹¹⁴ Встречаются в его рукописях труды по экзегезе: Афанасия Александрийского (объяснения неясных и противоречивых мест св. писания, данные им архонту Антиоху), Максима Исповедника (толкование молитвы «Отче наш»), Никифора Влеммида (толкование на восьмой псалом)¹¹⁵. В ряде произведений, входящих в состав кодексов Авессалом, изложены монашеские правила¹¹⁶, в отдельные рукописи включены агиографические памятники¹¹⁷.

В рассматриваемых рукописях помещено множество заметок справочно-практического характера: статьи по грамматике (о терминах), философии (о дефинициях), астрономии и астрологии, по литературе (об Еврипиде и Аристофане), географии (перечни епархий и церквей, подчиненных константинопольскому патриарху), календарю и хронологии, медицине, образцы посланий различным лицам, сведения о должностях двора и церкви¹¹⁸.

Таким образом, интересы Авессалом были необычайно широки и многообразны и выходили далеко за рамки церковно-богословской тематики. Он проявлял живой интерес к вопросам, затрагиваемым в указанных выше произведениях. Он не просто читал и переписывал названные выше труды, но тщательно их изучал и комментировал. Об этом свидетельствуют многочисленные маргинальные и надстрочные заметки, написанные его рукой¹¹⁹. Исследование собственных сочинений иеромонаха Авессалом и произведений, включенных в переписанные или им помеченные рукописи, приводит к заключению, что он был не только искусным копиистом, но и активным читателем, широкообразованным для своего времени книжником и писателем. По-видимому, прав Б. Л. Фонкич, предположивший, что иеромонах Авессалом был библиотекарем Афоновицкого монастыря¹²⁰.

Вопрос о назначении Хроники № 7, входящей в состав переписанного Авессаломом кодекса ГИМ № 443, решить довольно трудно. У нас нет конкретных сведений об этом. Можно только высказать некоторые соображения по данному вопросу. Свой краткий компендий иеромонах Авессалом назвал в соответствии с его содержанием «Βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων». Может быть, так был озаглавлен его непосредственный источник, а быть может, он сам дал ему такое название. Неизвестно, с какой целью Авессалом включил его в свой сборник. Вряд ли эта хроника предназначалась для занимательного чтения; слишком скудно ее содержание — сухой перечень имен и дат, дополненный иногда лаконичными сообщениями об отдельных событиях. Освещая основные события истории императорского Рима, Византии и Турции, хроника была удобна для многократного использования. Весьма показательно место, отведенное ей в сборнике Авессаломом. Он поместил ее на последних листах скопированного им манускрипта среди многочисленных заметок справочно-практического характера. По всей вероятности, Хроника № 7, как и другие материалы этой части кодекса, выполняла роль справочника, т. е. служила в качестве справочного пособия по истории и хронологии.

¹¹⁴ ГИМ № 442, лл. 15 об., 39 об.; № 444, лл. 169 об., 188, 290, 345; № 445, лл. 146, 152, 166, 205, 245, 248; № 478, л. 2; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 676, 681—683, 710; ГИМ № 436, л. 109 об.—115 об., 246 об.—249 об.; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 110.

¹¹⁵ ГИМ № 443, лл. 214—214 об.; № 444, л. 77, 101; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 679—680.

¹¹⁶ ГИМ № 445, лл. 82 об., 86 об., 87 об., 88 об.; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 682—683.

¹¹⁷ ГИМ № 443, л. 187—190 об.; № 444, л. 113 об.; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 679—680; ГИМ № 436, л. 348—349; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 111.

¹¹⁸ ГИМ № 204, л. 106 об.; № 443, лл. 99—99 об., 103—114 об., 191—211 об., 215—224 об., 225—230, 233 об.; № 444, лл. 166 об., 385—403; № 478, лл. 9, 75, 137—138; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 235, 678—679, 681—682, 711; ГИМ № 436, лл. 250 об.—251; Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 110—111.

¹¹⁹ ГИМ № 442, 443, 478; Арх. *Владимир*. Указ. соч., с. 676—679, 711.

¹²⁰ Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 120.

Итак, Хроника № 7 является весьма интересным памятником. Хотя ее составитель иеромонах Авессалом работал над ее созданием полтора века спустя после падения Византии, в период турецкого владычества, он тем не менее сохранил неизменными традиции изложения материала по всемирной истории, свойственные жанру кратких «древних» византийских компендиев. Исследование показало, что Хроника № 7 аналогична им и по принципам построения, и по составу и содержанию, и по тем функциям, которые они выполняли. В ней, так же как и в них, содержалась информация о важнейших событиях истории Рима и Византии. Правда, повествование в хронике было дополнено сообщениями о турецких султанах и доведено до времени жизни ее автора, т. е. до 1608 г. Однако функции ее от этого не изменились. Ее читатели, так же как и читатели малых византийских хроник, имели возможность в простой и доступной форме ознакомиться с прошлым своей родины. Анализ Хроники № 7 вскрыл тесную связь ее с византийской хронографией и позволил выяснить методы обработки материала по всемирной истории позднегреческими хронистами.

ΟΙ ΒΑΣΙΛΕΙΣ ΤΩΝ ΡΩΜΑΙΩΝ

л. 225

Ἰούλιος Καίσαρ ἐβασίλευσεν ἔτη ε'. Αὐγούστος Ὀκτάβιος, ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ, ἔτη νζ'. τῷ δὲ μβ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐγεννήθη κατὰ σάρκα ἐκ τῆς ἁγίας παρθένου Μαρίας ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, ὁ προαιώνιος θεὸς, ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας.

Τιβέριος ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ἔτη χγ'. Γάιος ἔτη δ'. Κλαύδιος ἔτη ιγ' μῆνας η' ἡμέρας θ'. Νέρων ἔτη ιδ'. Γάλλβας μῆνας η' ἡμέρας ς'. Ὄθων μῆνας γ' ἡμέρας ε'. Οὐδέτελλιος μῆνας ζ' ἡμέρας θ'. Οὐεσπασιανὸς ἔτη θ' μῆνας ια' ἡμέρας κβ'. ἐπὶ τούτου γέγονεν ἡ ἄλωσις τῆς Ἱερουσαλὴμ διὰ Τίτου καὶ Δομετιανοῦ υἱῶν αὐτοῦ, μετὰ ἔτη μς' τῆς Χριστοῦ ἀναλήψεως.

10

Τίτος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη β' μῆνας ι' ἡμέρας κβ' καὶ ἐσφάγη.

Δομετιανὸς ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ ἔτη ιε'. Τούτου διωγμὸν κινήσαντος, Ἰωάννης ὁ θεολόγος ἐξορίζεται· ἐφάνη δέ τις αἰρεσιάρχης, ἐπιφημιζὼν ἑαυτὸν ἀποκαλύψεις δέχεσθαι· καὶ ὅτι μετὰ τὴν ἀνάστασιν ἐπὶ γῆς ἔσται ἡ τοῦ Χριστοῦ βασιλεία· τότε καὶ ἡ τῶν νικολαϊτῶν ἐφάνη αἵρεσις.

Νερούας ἔτος ἐν.

Τραϊανὸς ἔτη ιθ' μῆνας ς' ἡμέρας ιβ'. Ἐπὶ τούτου Σῦμεὼν ὁ τοῦ Κλεωπά, καὶ δεῦτερος ἐπίσκοπος Ἱεροσολύμων, σταυρωθεὶς ἐτελειώθη· καὶ Ἰγνάτιος ὁ θεοφόρος τὴν ποιμνὴν Πολυκάρῳ παρέθετο.

Αἷλιος Ἀδριανὸς ἔτη κα' μῆνας ι' ἡμέρας ιη'. Ἐπὶ τούτου ἐφάνησαν τινὲς αἰρεσιάρχαι Σατορνίνος, Βασιλείδης, Καρποκράτης καὶ Ἀντίοχος.

Ἀντωνίνος ὁ Εὐδελβῆς ἔτη κβ' μῆνας ζ' ἡμέρας κζ'. Ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ ἐφάνησαν αἰρεσιάρχαι Οὐαλεντίνος, Κέρδων, οἱ ἐλθόντες ἐν τῇ Ῥώμῃ ἐδίδασκον τὸν τῆς π. 226 παλαιᾶς θεόν. Βῆρος ἔτη η'.

Μάρκος Αδρήλιος ἔτη ιδ' μῆνας η' ἡμέρας ι'. Ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ Ἰουστίνος ὁ φιλόσοφος ἐμαρτύρησεν.

Κόμμοδος ἔτη ιβ' μῆνας θ' ἡμέρας ιδ'. Ἐπὶ τούτου οἱ Φρύγες τὸν Μοντανὸν παράκλητον ἔλεγον, καὶ Πρίσκίλλαν καὶ Μαξιμίλλαν προφῆτιδας αὐτοῦ.

Περτίναξ μῆνας β' ἡμέρας η'.

30

Δίδιος Ἰουλιανὸς μῆνας β' ἡμέρας ς'.

Σεβήρος ἔτη ιη'. Ἐπὶ τούτου ἐμαρτύρησε Λεονίδης* ὁ φιλόσοφος, ἔχων υἱὸν τὸν κακόφρονα Ὀριγένην ἐτῶν ιζ'. ὁ δὲ Ὀριγένης διὰ τὸ φοιτᾶν εἰς αὐτὸν γυναικας χάριν διδασκαλίας εὐνοῦχισεν ἑαυτὸν· ἐπὶ τούτου καὶ Ἰππόλυτος ὁ Ῥωμαῖος συγγραφεὺς ἤκραζε, καὶ Γρηγόριος ὁ θαυματουργός.

Ἀντωνίνος καὶ Γέδας μῆνας β'.

Ἀντωνίνος ὁ Καρακάλος ἔτη ζ'.

Μακρίνος** ἔτος ἐν.

* В рукописи: Κλεονίδης.

** В рукописи: Τακρίνος.

Ἀντωνίνος ὁ καὶ Γάβαλος ἔτη δ'.

Ἀλέξανδρος ὁ Μαμαίας ιγ'.

Μαξιμίνος ἔτη γ' καὶ ἐσφάγη.

Βαλβίνος ἔτος ἕν.

Πομπηϊανὸς ἔτη β'.

Γορδιανὸς ἔτη ς'· καὶ ἤγξεν αὐτὸν ἐν Ἀφρικῇ. Ἐπὶ τούτου ἡ τῶν ἀλκεσίων αἵρεσις ἐφύη· διὸ καὶ τὸν ἀρνούμενον τῷ στόματι οὐκ ἀποβάλλονται· ἀλλ' ἀποβάλλονται ταῖς τῶν ἀποστόλων διδασκαλίαις· καὶ βίβλον ἐξ οὐρανοῦ κατενε-

- π. 226
06. χθῆναι/ λέγουσι· καὶ τὸν ἀκηκοῦτα αὐτοῦ, ἄλλην ἄφειν λήψεσθαι, παρ' ἣν
10 Ἰησοῦς ὁ Χριστὸς ἀφίησι· μὴ ἔχειν πατέρα οὐράνιον τὸν Χριστὸν· καὶ τὸν μὲν, γνωρίζεσθαι· τὸν δὲ, εἶναι ἄγνωστον· καὶ τὸν μὲν, δίκαιον· τὸν δὲ ἀγαθόν· ἕτερον δὲ θεὸν λέγουσιν ὑψηλότερον τὸν πατέρα τοῦ Χριστοῦ· Μαρκίων ὁ Ποντικὸς ἠὔξησε τοῦτον τὸν λόγον τῶν μάγων.

Μάρκος ἔτη γ'.

Ἰουνίωρ ἔτη β'.

Φίλιππος εὐσεβῆς* ε'.

Δέκιος ἔτη β'· καὶ ἐσφάγη ἐν τῷ φόρῳ μετὰ τῶν τέκνων αὐτοῦ.

Γάλλος καὶ Βουλουσιανὸς ἔτη γ'.

Αἰμιλιανὸς ἔτος ἕν.

- 20 Γαλλεριανὸς καὶ Γαλιηνὸς ἔτη ιε'· καὶ ἐσφάγησαν ἀμφότεροι. Ὁ Παῦλος ὁ Σαμοσατεὺς ἱεροσυλήτας ἐκτήξατο πλοῦτον καὶ δύο κόρας εὐπρεπεστάτας.

Κλαύδιος ἔτη β'.

Κοιντηλιανὸς μῆνας β' ἡμέρας ις'.

Αἰδρηλιανὸς ἔτη ς'.

Τάκτητος μῆνας ς'.

Φλωριανὸς μῆνας β' καὶ χρόνον α'-α'.

Πρόβος ς' καὶ ἐσφάγη.

Κάρος ἅμα τοῖς παισὶν αὐτοῦ Καρίνῳ καὶ Νουμεριανῷ ἔτη γ'· καὶ ἐσφάγη.

Νουμεριανὸς ἔτος ἕν.

- 30 Διοκλητιανὸς καὶ Μαξιμιανὸς ἔτη κ'.

Κωνσταντῖος ὁ Χλωρὸς καὶ Μαξιμίνος καὶ Γαλέριος καὶ Μαξέντιος ὁ υἱὸς Μαξιμιανοῦ β'.

ΤΕΛΟΣ ΤΩΝ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΡΩΜΗΣ ΚΑΙ ΑΡΧΗ ΤΩΝ ΕΙΣ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΝ ΒΑΣΙΛΕΩΝ

- π. 227 Κωνσταντῖνος ὁ μέγας ἔτη λβ'. Οὗ τῷ δεκάτῳ τῆς βασιλείας ἔτει/γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ πρώτη οἰκουμένη **σύνοδος κατὰ Ἀρείου τοῦ δυσσεβοῦς, τῇ ἁγίων θεοφύρων πατέρων συνελθόντων.

Κωνσταντῖος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη κδ'.

Ἰουλιανὸς ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ ἔτη β' καὶ ἡμισυ.

- 40 Ἰοβιανὸς ἔτος ἕν.

Οὐαλεντινιανὸς ιβ'.

Οὐάλης ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ ἔτη ιδ'.

Γρατιανὸς ὁ υἱὸς Οὐαλεντινιανοῦ ***ἔτη ιγ'.

Θεοδόσιος ὁ μέγας, ὁ ἐξ Ἰσπανίας, ις'. Ἐφ' οὗ καὶ ἡ δευτέρα οἰκουμένη συνέστη σύνοδος.

Ἀρκάδιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ιγ'.

Θεοδόσιος ὁ μικρὸς ἔτη μβ'. Γέγονε δὲ καὶ γ' σύνοδος ἐν τῷ κε' ἔτει τῆς τούτου βασιλείας.

Μαρκιανὸς ἔτη ς'. Ἐπὶ τούτου ἡ δ' σύνοδος.

- 50 Λέων ὁ μέγας ἔτη ις'.

Λέων ὁ μικρὸς ὁ ἑγγονος αὐτοῦ, ὁ ἐκ τοῦ Ζήνωνος, ἔτος ἕν.

* В рукописи: εὐσεβής.

** В рукописи: ἡκουμένη.

*** В рукописи: Οὐαλεντινίου.

Ζήνων ὁ ἐπικληθεὶς ἀγónατος ιζ'.

Βασιλίσκος ὁ δυσσεβὴς ἔτη β' καὶ ἡμῖσι μῆνας β' καὶ πάλιν Ζήνων.

Ἀναστάσιος ἔτη κζ' μῆνας γ'.

Ἰουστίνος ὁ Θράξ ἔτη θ'.

Ἰουστινιανὸς ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ ἔτη λθ'. Ἐν δὲ τῷ ἔκτῳ ἔτει τῆς αὐτοῦ βασι-
λείας ἡ πέμπτη γέγονε σύνοδος.

Ἰουστίνος ἔτη ιβ'.

Τιβέριος ἔτη δ'.

Μαυρίκιος ἔτη κ'.

Φωκᾶς ἔτη η' καὶ ἡμῖσι.

Ἡράκλειος ἔτη λα'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτος ἐν ἡμῖσι.

Κώνστας ὁ ἔργονος Ἡρακλείου ἔτη κη'. Ἐν δὲ τῷ θ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασι-
λείας ἡ ε' γέγονε σύνοδος ἐν Κωνσταντινουπόλει.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὁ τοῦ Δυρράχίου, ὁ εὐσεβεστάτος ἔτη ιζ'.

Ἰουστινιανὸς ὁ ρινότμητος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ι'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς Ἰουστινιανοῦ ἔτη θ'.

Λεόντιος ἔτη γ'.

Ἀψίμαρος ἔτη γ'.

Ἰουστινιανὸς δευτέρον ἔτη ζ'.

Φιλίππικὸς ὁ καὶ Βαρδάνης ὁ δυσσεβὴς ἔτη β'.

Ἀρτέμιος, ὁ καὶ Ἀναστάσιος, ἔτη β'.

Θεοδόσιος ὁ Ἀτραμυτηνὸς ἔτη β'.

Λέων, ὁ καὶ Κόνων, ὁ Συρογενὴς καὶ Ἰσαυρος, ὁ εἰκονομάχος, ἔτη κδ' μῆνας
η' ἡμέρας κε'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Κοπρώνυμος καὶ παμμίαρος ἔτη λδ' μῆνας γ'.

Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὁ ἐκ τῆς Χαζάρας, ἔτη ε'.

Εἰρήνη ἡ γυνὴ Λέοντος ι'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ τυφλωθεὶς ἔτη ιζ'.

Εἰρήνη ἡ μήτηρ αὐτοῦ τὸ δεύτερον ἔτη ε'.

Νικηφόρος ὁ Σελευκαῖος ὁ ἀπὸ γενικῶν ὁ συμπαθὴς ἔτη θ'.

Σταυράκιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτος ἐν μῆνας δ'.

Μιχαὴλ ὁ Ῥαγκαβὲ, ὁ γαμβρὸς αὐτοῦ, β'.

Λέων ὁ Ἀρμένιος ἔτη ζ' μῆνας ε'.

Μιχαὴλ ὁ Τραυλὸς ὁ Ἀμμοραῖος καὶ εἰκονομάχος ἔτη θ'.

Θεόφιλος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ιβ' μῆνας γ'.

Μιχαὴλ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ μεθυστὴς μετὰ τῆς εὐσεβεστάτης Θεοδώρας τῆς μητρὸς
αὐτοῦ ἔτη κς'.

/Βασίλειος ὁ Μακεδὼν ἔτη ιθ'.

Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὁ φιλόσοφος, ἔτη κς' μῆνας η'.

Ἀλέξανδρος ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ ἔτος ἐν μῆνας ι'.

Κωνσταντίνος ὁ πορφυρογέννητος ὁ υἱὸς Λέοντος σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ ἔτη
ι' μῆνας ε'.

Ῥωμανὸς ὁ ἀβάστακτος ὁ Λακαπῆνος ἔτη κζ'.

Κωνσταντίνος πάλιν ὁ πορφυρογέννητος μετὰ Στεφάνου καὶ Κωνσταντίνου, τῶν
αὐταδέλφων καὶ γυναικαδέλφων αὐτοῦ· τούτων δὲ ὑπ' αὐτοῦ τοῦ πορφυρογεννήτου
ἐξορισθέντων, αὐτὸς ἐβασίλευσε μονοκράτωρ ἔτη ιε'.

Ῥωμανὸς ὁ τούτου υἱὸς ἔτη γ' μῆνας γ'.

Βασίλειος καὶ Κωνσταντίνος οἱ τούτου υἱοί, βρέφη ὄντες, μῆνας ε'.

Νικηφόρος ὁ Φωκᾶς ἔτη ε' καὶ ἡμῖσι.

Ἰωάννης ὁ Τζιμισχῆς ἔτη ε' καὶ ἡμῖσι.

Βασίλειος καὶ Κωνσταντίνος οἱ πορφυρογέννητοι ἔτη νγ', παρὰ μῆνα ἕνα· ἡγούν
ὁ μὲν κῆρος Βασίλειος μετὰ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ ἔτη ν'· ὁ δὲ κῆρος Κωνσταντίνος
μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ ἔτη γ'.

Ῥωμανὸς ὁ Ἀργυρόπουλος ἔτη ε' μῆνας ε'.

Μιχαὴλ ὁ Παφιαγῶν ἔτη ζ' μῆνας θ'.

Μιχαὴλ ὁ Καλαφάτης ὁ καὶ τυφλωθεὶς εἰς τὸ Σίγμα μῆνας δ' ἡμέρας ιε'.

Ζωὴ καὶ Θεοδώρα αἱ πορφυρογέννητοι μῆνας δ'.

10

π. 227
οβ.

20

30

π. 228

40

50

Κωνσταντίνος ὁ Μονομάχος ἔτη ιγ' μῆνας ζ'.

/Θεόδωρος ἡ πορφυρογέννητος ἔτος ἐν μῆνας η' ἡμέρας κ'.

Μιχαήλ ὁ γέρων ὁ ἀπὸ στρατιωτικοῦ ἔτος α' ἡμέρας ιγ'.

Ἰσαάκιος ὁ Κομνηνός ἔτη β' μῆνας β' ἡμέρας κδ'.

Κωνσταντίνος ὁ Δούκας ἔτη ζ' μῆνας ς' ἡμέραν μίαν.

Εὐδοκία ἡ γυνὴ αὐτοῦ μετὰ Μιχαήλ τοῦ υἱοῦ αὐτῶν μῆνας ζ' ἡμέρας ι'.

Ῥωμανὸς ὁ Διογένης μετὰ καὶ τῆς εἰρημένης Εὐδοκίας ἔτη γ' μῆνας η' ἡμέρας κς'.

Μιχαήλ ὁ υἱὸς Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα ἔτη ς' μῆνας ζ'.

10 Νικηφόρος ὁ Βοτανειάτης ἔτη γ' ἡμέρας ς'.

Ἀλέξιος ὁ Κομνηνός ἔτη λζ' ἡμέρας δ'.

Ἰωάννης ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη κδ' μῆνας δ'.

Μανουὴλ πορφυρογέννητος Κομνηνός ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη λζ' καὶ ἡμισυ ἡμέρας ιε'.

Ἀλέξιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ πορφυρογέννητος ἔτη β' μῆνας β'.

Ἀνδρόνικος ὁ θεῖος αὐτοῦ ὁ καὶ Κομνηνός ἔτη γ'.

Ἰσαάκιος ὁ Ἀγγελος ἔτη θ' μῆνας ζ'.

Ἀλέξιος ὁ Κομνηνός ὁ αὐτάδελφος Ἰσαακίου τοῦ Ἀγγέλου ἔτη η' μῆνας ς'.

Ἀλέξιος ὁ υἱὸς Ἰσαακίου μῆνας ς'.

Ἀλέξιος ὁ Δούκας, ὁ Μούρτζουφλος, ἡμέρας ο'. Καὶ αὐτίκα γέγονεν ἡ ἄλωσις

20 τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὑπὸ τῶν Λατίνων κατὰ τοῦ ιβ' τοῦ ἀπριλλίου μηνός, τῆς ζ' ἐπιμεμήσεως, τοῦ ςψιβ' ἔτους ἐλθόντων καὶ πεσόντων ἀντικρὺ ταύτης
II. 229 06. εἰς Χαλκηδὼνα, κατὰ τὴν κς' τοῦ Ἰουνίου/μηνός, τῆς ς' ἐπιμεμήσεως, καὶ σκυλευόντων τὰ περικύκλῳ αὐτῆς χρόνῳ ἕνα· οὗτον τὸν Ἀλέξιον ἀναβίβασαν* οἱ Λατίνοι ἐν τῷ πορφυρῷ τοῦ Ἀρχιδίου κίονι διὰ σχοινίων. καὶ ἀφέντες ἀψωφῆτι πεσόντων κατὰ γῆς διεσπάρη· καὶ πικρῷ θανάτῳ παρέδωκεν· διὰ τὸ μὴ θελήσει προσκυνῆσαι αὐτοῖς καὶ δοῦναι τὸν θρόνον αὐτοῦ ἐκοντί τοῖς ἐχθροῖς αὐτοῦ.

Θεόδωρος ὁ γερὼν ὁ Λάσκαρις ἔτη ιη'. Τότε ἐκιδέζετο ὁ βασιλεὺς εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ ἐκεῖ ἦτον τὸ βασίλειον· ὀρθόδοξος καὶ τοῦτος βασιλεὺς.

30 Ἰωάννης ὁ Δούκας ὀρθόδοξος ἔτη λγ'.

Θεόδωρος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὀρθόδοξος ἔτη δ'.

Μιχαήλ** ὁ Παλαιολόγος ὀρθόδοξος ἔτη κδ'. Βασιλεύοντος τούτου εἰς τοὺς πέντε χρόνους τῆς αὐτοῦ βασιλείας, ἔλαβον οἱ Ῥωμαῖοι τὴν Κωνσταντινούπολιν ἀπὸ τὰς χεῖρας τῶν Λατίνων ἐν ἔτει ςψζ' ἰνδικτιῶνος δ' Ἰουλίῳ κς' καὶ ἐκάθησεν ὁ βασιλεὺς εἰς τὸν θρόνον τῆς βασιλείας Κωνσταντινουπόλεως.

Ἀνδρόνικος ὁ υἱὸς αὐτοῦ τοῦ βασιλέως Μιχαήλ καὶ Μιχαήλ ὁ υἱὸς τοῦ αὐτοῦ Ἀνδρόνικου, ὁμοῦ πατὴρ καὶ υἱὸς ἔτη μγ' ὀρθόδοξοι.

Ἀνδρόνικος ὁ υἱὸς τοῦ Μιχαήλ ἔτη ιγ'. Ἰωάννης ὁ Κατακουζηνός ἔτη ὀρθόδοξος καὶ ἐλεήμων καὶ δικαιοῦτατος.

40 Ἰωάννης ὁ τοῦ Ἀνδρόνικου τοῦ Παλαιολόγου υἱός, γαμβρὸς τοῦ αὐτοῦ Κατακουζηνοῦ, ὀρθόδοξος ἔτη

II. 229 06. /Μανουὴλ ὁ υἱὸς αὐτοῦ τοῦ Ἰωάννου ὀρθόδοξος ἔτη

Ἰωάννης ὁ Παλαιολόγος τοῦτος ἐπῆγεν εἰς τὴν Φιορέντζα τῆς Φρυγίας μετὰ τὸν πατριάρχην τὸν Ἰωσήφ καὶ μετὰ ἄλλους ἀρχιερεῖς καὶ κληρικούς· καὶ ἔκαμαν τὴν ὁγδόην σύνοδον· τὴν ὁποῖαν ἔσπερξαν καὶ ὑπέγραψαν εἰς αὐτὴν· μόνος δὲ ὁ Ἐφῆσου μητροπολίτης κύρ Μάρκος ὁ Εὐγενικός ὅπου δὲν τὴν ἔσπερξεν οὐδὲ ὑπέγραψεν εἰς αὐτήν.

Κωνσταντίνος ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ τοῦ Ἰωάννου ἔλαβε τὴν βασιλείαν καὶ βασιλεύοντος χρόνους δ'· Ἦλθεν ὁ σουλτὰν Μεχεμέτης μετὰ φουράτα πολλὰ διὰ ξηρᾶς καὶ
50 διὰ θαλάσσης ἀρμάδα μεγάλη καὶ ἐπολέμησε τὴν αὐτὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ ἔλαβεν αὐτήν ἐν ἔτει ςεθ' Μαιῷ κδ' ἰνδικτιῶνος α' ἡμέρα γ'· καὶ ἔκοψαν τὸν βασιλέα καὶ τοὺς ἄρχοντας καὶ ἀπὸ τὸν λαὸν περισσοὺς.

* В рукописи: ἀναβίβασαν.

** В рукописи: Μιμηχαήλ.

ΑΦ ΟΥ ΕΠΗΡΑΣΙΝ ΟΙ ΤΟΥΡΚΟΙ ΤΗΝ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΝ

Βασιλεύσας δὲ ὁ αὐτὸς σουλτὰν Μεχεμέτης τὴν αὐτὴν Κωνσταντινούπολιν χρό-
νους λβ'.

Μετὰ τοῦτον βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Πασζίτης χρόνους μβ'.

Μετὰ τοῦτον βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Σελήμης ἔτη η' καὶ ἡμισυ.

Μετὰ τοῦτον βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Σουλεημάνης ἔτη μζ'.

Μετὰ τοῦτον βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Σελήμης ἔτη η' καὶ μῆνας γ'.

Μετὰ τοῦτον βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Μουράτης ἔτη κβ' μῆνας ε'. π. 230

/Μετὰ δὲ τοῦτον διαδέχεται τὴν βασιλείαν ὁ τούτου υἱὸς σουλτὰν Μεχεμέτης
ἡμέρα δγ' Ἰανουαρίῳ ιζ' ἐν ἔτει ,ζρς' καὶ βασιλεύει χρόνους θ' μῆνας 10
θ' ἡμέρας ις'.

Καὶ νῦν βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ σουλτὰν Ἀχμέτης ἥδη χρόνους ε' διαπερώσει
ἀφ' οὗ τὴν βασιλείαν ἔλαβε.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е. Э. Л и п ш и ц. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976, 232 с.

Перед нами монография о сложной проблеме изменения римского права с IV в. Вопрос о так называемой «вульгаризации» римского права в юридической и исторической литературе рассматривается в основном с двух разных позиций: историками — с точки зрения наличия в позднеримском праве свидетельств о распространении в империи новых производственных отношений, новых форм эксплуатации трудящихся; юристы каждый вид изменений в римском праве рассматривают ретроспективно как отказ от классической теории, как влияние старинных восточных обычаев и эллинистического права, как упрощение и упадок юриспруденции, как влияние христианства. Е. Э. Липшиц объясняет особенности позднеримского права падением рабовладельческой формации, оформлением в праве новых институтов — развитием в экономической практике общества явлений феодализма. Таким образом, позднеримское право фактически является правом *переходного периода*. В монографии позднеримское право рассматривается только в применении к Византии, поэтому Е. Э. Липшиц называет это право «византийским» (Цахариз фон Лингенталь называл его «греко-римским»). Нужно заметить, однако, что сами византийцы себя считали «римлянами» и свое право — «римским».

Труд Е. Э. Липшиц построен на широкой базе источников — от официальных кодексов Феодосия и Юстиниана, Василик, до локальных видов (сирийского права); использованы отдельные юридические трактаты, схолии, сборники извлечений права, папирусы римского Египта, отчасти каноническое право. При изучении отдельных изменений в праве автор привлекает всю новейшую юридическую литературу, учитывает имеющиеся разночтения текстов конституции и т. д. Это придает положениям монографии особенно убедительный характер.

Исследование позднеримского права начинается изложением состояния юридической науки в IV—VI вв. Переходя к тенденциям развития позднеримского права, Е. Э. Липшиц отмечает прежде всего изменения в отношении *рабства*: законы как бы отказываются от положений об абсолютной неправопособности раба, в значительной степени облегчают манумиссии, делают статус вольноотпущенника более свободным вплоть до полного превращения освобожденного раба в свободного гражданина. Этому смягчению положения рабов Е. Э. Липшиц противопоставляет последовательное, резкое снижение статуса колонов. Законодательство, вводя институт адскрипциев, как бы признает, что эксплуатация свободных выступает с IV в. на первый план. В то же время подчеркиваются права «свободного» лица (временная служба, законный брак, заветания, обращение в суд и т. д.). Е. Э. Липшиц считает, что эта политика проводилась не систематически, часто была противоречивой. Сближая колонов по положению с рабами, законодательство тем не менее подчеркивало юридическую разницу. Эта юридическая правопособность колона, с другой стороны, привела, по мнению автора, к тому, что адскрипций никогда не мог выйти из своего положения, так как «свободного» нельзя освобождать как раба! Тем не менее продолжало существовать и свободное крестьянство, хотя ранневизантийское законодательство уделяло мало внимания свободной крестьянской общине.

Процесс перестройки права проходил сложными, запутанными путями, вызвавшими много затруднений в юридической литературе. При этом Е. Э. Липшиц выдвигает положение, что во всей этой перестройке имелась определенная тенденция связи с классическим правом, особенно у Юстиниана и его юристов. Поэтому особенно тщательно в монографии анализируются понятия собственности (*dominium proprietatis*), владения (*possessio*), пользования (*usufructus*) и мало разработанного в классическом праве понятия держания (*detentio*). Подробно изучается тенденция к стиранию разницы между понятиями собственности, владения и пользования: узупфруктуарий, не могущий оставить своего участка, фактически мог иметь представление о своей «собственности». Понятие «интердикт» постепенно выходит из употребления в конституциях; в то же время юристы должны были считаться с утвержденными в Дигестах

классическими теориями права собственности, «ничего общего с владением не имеющего». То же отмечается в снижении роли *superficies solo cedit*.

В отношении семейного права Е. Э. Липшиц со всей определенностью отмечает стремление отойти от классического понимания старинной большой семьи — термин *familia* почти исчезает: возможность освобождения от власти *pater familias* облегчается; права женщин в завещаниях укрепляются; понятие законного брака, особенно под влиянием христианства, уточняется. Е. Э. Липшиц отмечает двойственную тенденцию в отношении к конкубинату, приведшую к признанию Юстинианом (при условии отсутствия законной жены) вполне допустимым законом сожителю с участием в завещаниях. Все непримиримые противоречия агнатических и когнатических родственных отношений разрешаются при Юстиниане, юридически законным делается только когнатическое родство. Общество сильно изменяется, прежние деления подданных империи на разные разряды после Конституции 212 г. исчезают — больше всего признается бытовое деление граждан на *honestiores* и *humiles*.

Что касается судопроизводства, то в монографии подробно исследуется его значительная бюрократизация, отказ от пережитков стипуляции и введение документального экстраординарного процесса, повышение роли судьи, отбор свидетельских показаний, значительное осложнение ведения дел. Наряду с преимуществами нового процесса, Е. Э. Липшиц отмечает и его недостатки (спортулы, коррупция).

В заключительной главе излагается состояние византийского права в VII—VIII вв.: признается его упадок после гибели Бейрутской школы права и разгрома арабами школ в Египте, отмечается отеснение Юстинианова кодекса и переход к «суммам» и новому законодательству (Земледельческий закон, Эклога и Морской закон); причем подчеркивается попытка связывать новые законы с правом Юстиниана. Тезис автора монографии о двойственности стремлений позднеримского права согласовать законы с изменяющейся реальностью и в то же время оставаться на позициях традиций рабовладельческого строя прекрасно доказывается исследованием отдельных разделов права.

Не со всеми положениями книги могу согласиться. В первую очередь считаю, что период IV—VI вв. в Византии был не «переходным» к феодализму, но последним этапом рабовладельческого строя: новые институты вводились не с целью создания нового общества, а как поиски новых видов эксплуатации в условиях снижения выгоды труда рабов — для поддержания рабовладельческого господствующего класса и строя. Этим объясняется запутанность законодательства того времени. В монографии не изучаются элементы государственного права IV—VI вв., а ведь между *государством* (в ленинском понимании) и *правом* существует самая тесная диалектическая связь. Ведь государство имеет суверенную власть и над личностью и над собственностью. С этой точки зрения оказались бы понятными и государственная собственность на определенные участки земли и право конфискации собственности. Юстиниан называл себя *dominus* — не как собственник всех людей и вещей, а как суверенный правитель. *Dominium* в основном означает *власть* — это понятие и распространилось на *proprietas*.

М. Я. Сюзюмов

* * *

Новая книга Елены Эммануиловны вызовет, несомненно, широкий интерес специалистов, как византинистов, так и романистов. В советском византиноведении эта монография является в сущности первым по широте постановки проблемы обобщающим трудом, посвященным наименее исследованной области отечественной науки.

Появление исследования Е. Э. Липшиц о праве и суде в Византии IV—VIII вв. давно ожидалось византинистами: его создание явилось закономерным итогом многолетних штудий ученого, проявившего глубокий интерес к юридической проблематике уже в самом начале своей творческой биографии.

Перед исследовательницей стояла задача необычайной трудности: из огромного юридического наследия ранневизантийской эпохи выделить и систематизировать материал, позволяющий судить об основных тенденциях законодательства этого периода, установить связь этих тенденций с процессами общественно-экономического развития, вскрыть социальную сущность как тех перемен, которые сравнительно с нормами классического римского права постепенно легализировались официальным законодательством, так и изменений в самом порядке судопроизводства. Автору приходилось при этом считаться с тем фактом, что рукописная традиция византийских юридических памятников изучена еще далеко недостаточно, что существующие их издания во многом не отвечают требованиям современной науки. Е. Э. Липшиц должна была в процессе работы над монографией внимательно изучить и критически оценить обширную правоведческую литературу, посвященную и общим и частным вопросам истории римского и византийского права, трактовке юридических категорий и понятий, сложившихся и в западных, и в восточных провинциях Римской империи, относящихся и к классической, и к постклассической эпохе.

Многообразие и сложность задач, которые должна была решить исследовательница, определили и специфику жанра ее труда. Такого рода труд не может быть во всех его частях в равной степени оригинальным (восстанавливая широкую многовековую

картину развития юридической науки, Е. Э. Липшиц во многом опирается на скрупулезные, частные исследования своих предшественников). Отмеченная особенность монографии ни в коей мере, однако, не умаляет, по нашему мнению, научных заслуг автора. Для достижения основных целей ее интересной и глубокой работы представлялось совершенно необходимым воссоздание общего процесса развития византийской юриспруденции, истории основных центров изучения и преподавания права, главных направлений и школ византийского правоведения, биографий и характера творчества его основных представителей. Суммировав достигнутые на этот счет результаты в современной литературе, критически оценив их и уточнив, Е. Э. Липшиц оказала значительную услугу специалистам в самых различных отраслях византиноведения. Ее монография, таким образом, является не только существенным вкладом в науку, но и полезным пособием для историков и исследователей византийской культуры и образованности.

Книга состоит из краткого вступления «От автора», введения, шести глав и заключения. Аппарат монографии включает список сокращений, представляющий использованную в работе библиографию, указатель юридических источников и предметный указатель.

Во вступлении автор формулирует свое понимание предмета исследования, поскольку традиционно прилагавшийся по отношению к византийскому праву термин «римское», на ее взгляд, далеко не точен: римским это право было лишь применительно к тому периоду, который является «постклассическим», и только к тем его нормам, которые были созданы в этот период не в западноевропейских, а в восточных провинциях империи (с. 3). Это уточнение имеет, как мы далее увидим, принципиальный, концепционный характер для автора, последовательно обозначающего далее исследуемое им право, начиная с IV в., термином «византийское».

Во введении (с. 5—8) Е. Э. Липшиц говорит о главных задачах своей работы, осторожно определяя предлагаемое их решение лишь как предварительное. «Настоящая работа, — пишет она, — и ставит своей задачей рассмотреть в первую очередь некоторые наиболее важные для историков Византии проблемы истории византийского частного, или гражданского, права в той мере, в какой это позволяет сделать современное состояние изучения источников» (с. 7). При этом автор подчеркивает два важных для понимания положения дел в современной историографии обстоятельства: до самого недавнего времени особенности ранневизантийского права оценивались исключительно как признаки упадка римского права; что же касается новейших заключений специалистов, усматривающих в переменах результаты переосмысления устаревших юридических категорий и понятий, то эти свежие выводы остаются в целом и поныне не использованными в византиноведческих исследованиях.

Центр тяжести исследования Е. Э. Липшиц приходится на первые четыре главы, в особенности — на вторую и четвертую. При этом первые две и следующие две главы связаны друг с другом попарно и хронологически и композиционно: 1—2-я главы посвящены IV—V вв., 3-я и 4-я главы — VI столетию; главам 2-ой и 4-ой, в которых рассматриваются основные тенденции и направления в развитии византийского права, предшествуют главы (1-я и 3-я), в которых дается очерк состояния юридической науки в Византии в те же периоды.

Очерк развития права в Византии IV—V вв. убедительно подкрепляет защищаемый исследовательницей тезис, что те изменения, которые трактовались (и трактуются) лишь как вульгаризация и примитивизация норм гражданского права в это время, оказываются при внимательном рассмотрении проявлениями нового направления юридической мысли, в них кроется «определенная закономерность и определенная рациональная тенденция, отвечающая общественным и экономическим условиям IV—V вв.» (с. 21).

Преобразующаяся действительность уже не находила адекватного отражения в категориях и понятиях классического римского права, и законодатели были нередко вынуждены опираться на традиции эллинистического, на живые нормы местного, обычного права, бытовавшего у различных народов восточных провинций империи. Этот процесс все более попадал под непосредственный контроль центральной власти, выступавшей как единственный источник права при все более бюрократизирующемся государственном строе. Автор разделяет мнение, согласно которому, первый официальный свод законов (Кодекс Феодосия) позволяет установить «преобразования самой сущности римского государства в средневековое феодальное» (с. 15).

Проследившая судьбы юридической науки в IV—V вв., автор не отрицает факта падения квалификации юристов в эту эпоху, однако показывает необоснованность нередко высказываемых в литературе преувеличений на этот счет: и в центре и в провинциях продолжали существовать юридические школы с довольно высоким уровнем преподавания.

Второй главе книги Е. Э. Липшиц («Основные тенденции в развитии гражданского права в Византии IV—V вв.» — с. 36—78) принадлежит особое место: в ней наиболее ярко отражена концепция исследовательницы о сущности общественного переворота в Византии в IV—V вв. и столь же ярко проявился «континuitет» авторских научных воззрений на этот счет, которые Е. Э. Липшиц последовательно и остроумно продолжает защищать в течение последних нескольких десятилетий.

Прежде всего она констатирует, что теоретическая разработка проблем рабства перестала занимать юристов в это время. Пути выхода из рабского состояния по закону

умножались. По-видимому, рабство теряло всякое производственное значение. Интерес к эксплуатации работ в среде господствующего класса падал. Византийское правительство отдавало предпочтение «новым, более выгодным и прогрессивным формам эксплуатации перед рабством» (с. 41).

Законодательство этой поры обнаруживает стремление более остро противопоставить не столько рабов и свободных, сколько разные категории самих свободных, сближая низшие их категории с рабами. Центр внимания законодателей перемещался с рабства на колонат. На землях фиска (да и в частных имениях) некоторые категории колонов трактуются в официальных законоположениях как социальный слой, близкий к рабам (с. 42—43).

Государство шло по пути прикрепления колонов к земле, которую они обрабатывали. Некогда свободная аренда (хотя она и не исчезла полностью) трансформировалась теперь в крепостную зависимость. Однако, хотя закон ставил колонов в неравноправное положение с их господами, колоны обладали некоторыми правами свободных: пользовались юридической защитой, имели собственность на имущество (даже недвижимое), право на вчинение иска своим господам.

В тесной связи с пониманием сущности колонатных отношений рассматривает Е. Э. Липшиц вопрос о развитии в Византии IV—V вв. юридических понятий собственности и владения. Она выявляет глубокие перемены в это время в понятии категории собственности сравнительно с классическим римским правом, в котором оно резко противопоставлялось владению. Автор рассматривает эту трансформацию как длительный процесс, начавшийся еще до кризиса III в. (изъятие из права полной и нераздельной собственности землевладельца кладов и полезных ископаемых) и ускорившийся при Диоклетиане, который обязал собственников-римлян государственным налогом, т. е. распространил на Италию порядки, существовавшие в провинциях (римская кварталская собственность считалась несовместимой с тяготами в пользу государства, провинциальные налогоплательщики выступали поэтому лишь как владельцы имущества, собственность на которое принадлежала «императору, римскому народу») (с. 55—56).

Понятия «собственности» и «владения» становились взаимозаменяемыми; появились неведомые классическому праву виды собственности (собственность без фактического обладания; собственность, предоставленная на время; раздельная собственность, собственность на постройки на чужой земле и т. д.), как и неизвестные ранее виды владения (владение с правом наследования, даже отчуждения; владение колонов и даже рабов, пользующееся юридической защитой; владение, обретающее статус собственности в силу 30-летней давности и др.). С одной стороны, и узуфрукт, и аренда (например, на землях фиска) стали квалифицироваться как своего рода ограниченная собственность, с другой — права безусловных собственников подвергались ограничениям в пользу государства.

Все эти процессы, по мнению Е. Э. Липшиц, были связаны «с расширением прав Византийского государства». Рост императорских и фискальных доменов и усиление вмешательства властей во все сферы жизни общества «играли определенную роль» в переосмыслении унаследованной Византией терминологии классического римского права.

Исследовательница настойчиво проводит мысль, что колоны имели право владения (подобно позднейшим парикам), а не только право держания: юридическое разграничение «владения» и «держания» в правовых памятниках эпохи очень неясно (с. 70—72). Социальный смысл этих наблюдений и заключений автора суммирован в следующем выводе: «В IV—V вв. совершается процесс становления форм, которые впоследствии в своем развитом виде приведут к типично феодальным формам условной и расчлененной собственности» (с. 72—73).

Рассматривая в этой же главе новые законоположения, касающиеся семейных отношений и направленные на упрочение прав жены и матери (а также детей) и ослабление былого всевластия «главы семейства», Е. Э. Липшиц полагает, что правительство стремилось «стабилизировать семью как одну из важных социальных ячеек общества, на которую могло бы опираться Византийское государство, ставшее вместе с официальной церковью добиться всестороннего укрепления устоев строившегося нового феодального общества» (с. 47).

В центре внимания государства при уточнениях и модификациях законоположений о собственности и владении, пишет Е. Э. Липшиц, находились государственные домены. Поэтому при сдаче этих земель в аренду частным лицам, «несмотря на непривычно широкие права, которые им предоставлялись, эти лица все же оставались по отношению к собственнику — государству или императору — только владельцами. Причем частные собственники трактовались в законодательстве подобным же образом» (с. 70).

Вытеснение термина «собственность» термином «владение» легко объяснить, если трактовать этот процесс как результат распространения на Италию провинциального понятия «владение», применявшегося ранее в противовес распавшейся в IV—V вв. кварталской собственности (с. 69). Иначе говоря, обретение владельцами прав собственников сопровождалось одновременным ограничением самого понятия собственности: подлинным, верховным собственником всех недвижимостей в империи становилось только государство, император.

В третьей главе Е. Э. Липшиц рассматривает состояние юридической науки в VI в.

главным образом в период составления Кодекса Юстиниана. Основное внимание исследовательница уделяет при этом именно тем вопросам, вокруг которых юристы того времени вели дискуссии, поскольку «самые большие вопросы всего отражают дух времени» (с. 81). Весьма важен отмеченный при этом Е. Э. Липшиц факт, что до издания так называемых «50 решений» (1 августа 530 г.) ни один из дискуссионных вопросов не относился к классическому праву — все они возникли лишь в Византии в постклассический период.

Господствовавшая ранее в литературе точка зрения, согласно которой законодательство Юстиниана рассматривалось лишь как полная реакция классицизма, должна быть теперь, по мнению автора, отброшена как упрощенческая, как недооценивающая двойственность этого законодательства: с одной стороны — возврат к элементам классической юриспруденции, с другой — решение в постклассическом духе актуальных, подсказанных практикой проблем VI в. Нередко ссылки в Кодексе на классическое право — лишь дань традиции, попытки апелляции к авторитету, служащие только «прикрытием» отнюдь не классического решения вопроса. Не случайно в Институциях настоятельно подчеркивается, что нового, сравнительно с классическим правом, внесено в законодательство Юстиниана I (с. 91).

Проследившая основные направления в законодательстве VI в. (этому посвящена четвертая, самая обширная глава монографии: с. 112—171), Е. Э. Липшиц останавливается главным образом на тех же проблемах, которые рассматривались ею во второй главе (рабство, колонат, категории собственности и владения).

Несмотря на явную тенденцию восстановить традиционно римские юридические категории, утраченные в IV—V вв., на взгляд автора, было бы преувеличением полагать, «что весь пройденный путь за два предшествующих столетия был начисто забыт» (с. 153). Причем исследовательница считает, что проводниками «новых» идей были в этот период скорее «именно не столичная и Бейрутская школы», а юридические центры других провинциальных городов (с. 113).

По отношению к рабству законодательство Юстиниана не внесло, как полагает автор, ничего существенно нового. Более того, положение рабов было облегчено еще более, пути выхода из рабского состояния увеличились, вольноотпущенники сразу обретали права свободных по рождению. «Создается впечатление, — пишет Е. Э. Липшиц, — что законодатели не были по тем или по иным причинам заинтересованы в расширении этой формы эксплуатации» (с. 121).

Особый интерес в этой главе автор проявляет к проблеме колоната VI столетия, которая в отличие от колоната IV—V вв. значительно менее изучена.

В VI в. происходили глубокие изменения в положении колонов, и законодательство уделяло колонату значительно больше внимания, чем рабству. Неравноправие колонов в их обязательственных отношениях с господами находит официальное закрепление в праве, что, как выразилась исследовательница несколько ранее, знаменовало типичные для начинающегося средневековья отношения господства и подчинения (с. 77).

Прогрессировал процесс прикрепления колонов к земле. Энаографы (адскрипции) фактически отличались от рабов лишь тем, что их нельзя было отчуждать без земли (с. 133). Независимо от того, где и сколько времени жили дети колонов, занимались или не занимались сельскохозяйственными трудами, права господина на них объявлялись «неколебимыми». «Таким образом, — пишет Е. Э. Липшиц, — было обеспечено и поступление оброков и повинностей господину и Византийскому государству» (с. 136). Происходило закрепощение и «свободных» колонов. В отличие от рабства, пути выхода из колоната все более сужались. Колонат стал наследственным. «Колонат VI в., — резюмирует исследовательница, — по своему юридическому статусу очень близок к париики последующего времени, известной преимущественно по актовым материалам IX—XV вв.» (с. 147).

В отношении категорий «владение» и «собственность» Е. Э. Липшиц констатирует немало новых черт и отличий сравнительно и с классическим правом, и с правом предшествующего периода, однако в целом и в этой сфере господствующей осталась тенденция, характерная для IV—V столетий: содержание этих понятий все-таки осталось иным, чем то, что под ними понимали классические юристы.

Внимательно изучает Е. Э. Липшиц также изменения в наследственном, семейном и в других сферах гражданского права, констатируя, что практически нет ни одной его области, в которой в ранневизантийский период не произошло бы существенных отклонений от классических правовых норм. Был замечен «явный крен в сторону эллинистической традиции», предпочтение в спорных вопросах отдавалось греческому праву (с. 156, 168).

Проблемы византийского гражданского судопроизводства в IV—VI вв. рассмотрены не только в специальной (пятой) главе, но многократно затронуты и в предшествующих главах, что, может быть, с композиционной точки зрения является известным упущением.

Наблюдения автора по этим проблемам тем более интересны и важны, что со времени работ Пахариз Липгенталиа попыток представить обобщенную картину системы судопроизводства в Византии не предпринималось. Отправляясь от судебного-правовых реформ Диоклетиана, Е. Э. Липшиц устанавливает 12 характерных черт гражданского процесса и судопроизводства, которые были результатом перелома в этой сфере и обозначались в IV—VI вв. Основная линия при этом заключалась в возрастающем

стремлении императорской власти к усилению своего вмешательства и контроля над судебными установлениями, в бюрократизации судопроизводства, в утверждении принципа неравенства перед судом тяжущихся сторон и свидетелей в зависимости от их социального статуса.

Весьма любопытным в социально-психологическом отношении является отмечаемое автором обстоятельство, что для византийского юриста этой эпохи при определении степени ответственности лица более важным представлялся не объективный результат его деяния, а внутренние мотивы поступка (с. 162—163). С III в. в византийском праве был провозглашен в качестве определяющего принцип справедливости (что, несомненно, как отмечает автор, было «шагом вперед»), однако практически единственным гарантом соблюдения этого принципа в суде была лишь «совесть» судьи, часто невежественного и подкупного (с. 167—168).

В последней шестой главе монографии новых выводов значительно меньше: в ней автором, в основном систематизированы и уточнены его положения, высказанные (с прямыми ссылками на них) в более ранних работах относительно, главным образом, таких законодательных памятников, как «Эклога» и «Земледельческий закон». Однако присутствие этой главы в книге Е. Э. Липшиц с точки зрения ее концепции вполне оправдано и необходимо: Эклога и Земледельческий закон не открывают собою нового периода в развитии византийского права. Хотя Эклога и ставила реформаторские цели, она в целом лишь развила и изменила отдельные нормы законодательства Юстиниана, оставшись в русле приспособления его к нуждам практики; Земледельческий же закон, хотя и составлен в 20-х годах VIII в., принадлежит скорее предшествующему столетию и лишь заполняет ту лакуну (о свободных крестьянских общинах), которая имела в Юстиниановом законодательстве. Начинать новый этап в развитии юриспруденции в Византии следует, по мнению автора, с «Прохирона» (с. 206).

Таковы в самом суммарном и кратком изложении основные выводы нового глубокого исследования Е. Э. Липшиц.

Мы уже отмечали выше вскользь, что автор и в этой своей работе продолжает отстаивать свои прежние взгляды на сущность социально-экономических и общественно-политических процессов, совершавшихся в Византии в IV—VIII вв. Все основные заключения, которые эту концепцию отражают, подчеркнуты нами выше специально. Это: становление уже в IV—V вв. средневекового раннефеодального государства — Византии (автор не употребляет термина Позднеримская империя); крушение рабства и утрата им всякой производственной роли в это время; упручение крупного землевладения, основанного на новых, более прогрессивных методах эксплуатации; оформление колоната как типично средневековой, феодальной формы зависимости; расчленение собственности и ее сближение с владением; утверждение верховной государственной собственности на все земли империи (черты «восточного» типа феодализма) и т. д.

Однако исследовательница в своей новой монографии отнюдь не просто повторяет свои прежние выводы. Она, во-первых, значительно расширила базу для обоснования своей концепции, используя и интерпретируя обширный материал законодательных памятников IV—VI столетий. Во-вторых, она несколько смягчила категоричность некоторых своих прежних формулировок, проявляя при этом гораздо большую осторожность. Ср., например, суждение, высказанное автором в 1961 г. («в IV в. в Византии феодальный способ производства захватывает ключевые позиции как в городе, так и в деревне»¹, с выводом в рецензируемой монографии о том, что в IV—V вв. лишь протекает процесс, становления форм собственности, которые «впоследствии в своем развитом виде» приведут к типично феодальным формам. Ср. также высказывание Е. Э. Липшиц в ответе на рецензию А. П. Каждана («я подчеркнула бы сейчас с еще большей решительностью тезис о том, что термин «парик» в IX в. в первую очередь был равнозначен колонату, энапографу»)² с цитированным выше положением о том, что колонат «очень близок к парикии последующего времени».

Мы не разделяем концепцию Е. Э. Липшиц в силу причин, давно и исчерпывающе изложенных ее оппонентами³. Вряд ли было бы целесообразно возвращаться здесь ко всем спорным проблемам, не добавив решающих аргументов к уже приведенным. Мы не считаем, что в новой монографии автору удалось полностью преодолеть высказанные некогда возражения по поводу ее концепции. Но мы полагаем, что новая система доказательств, развитая исследовательницей в рецензируемой работе, значительно укрепила некоторые из ее прежних ответственных положений. Так, по нашему мнению, Е. Э. Липшиц, по-видимому, права, отстаивая тезис о сохранении и развитии крупного землевладения в IV—VI вв.; о возникновении в недрах позднеримского общества тенденций к формированию нового, феодального способа производства, отразившихся в совершающейся исподволь коренной перестройке самых различных институтов византийского общества, в частности — в глубоком переосмыслении категорий собственности и владения; о существенной перестройке структуры государственной власти,

¹ Е. Э. Липшиц. Очерки истории Византийского общества и культуры. Л. 1966, с. 15. Курсив наш.

² Е. Э. Липшиц. Некоторые вопросы истории Византии VIII—первой половины IX в. (Ответ рецензенту). — ВВ, 26, 1965, с. 257.

³ См. об этом: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 83—86, 171—172, 177—178.

и т. д. Нам представляется, что исследователям, преуменьшающим значение социально-общественных сдвигов, происшедших в IV—VI вв., и относящим эпоху «решающей ломки» старой общественной системы в Византии лишь к VII—VIII столетиям, придется всерьез считаться с приведенными заключениями Е. Э. Липшиц, внося определенные коррективы в свои воззрения.

Наши сомнения в справедливости отдельных положений книги Е. Э. Липшиц связаны с трактовкой ею социальной роли государства в процессах перестройки, отраженных в новых нормах законодательства. Нам представляется, что автор избежала определенного и четкого изложения своих взглядов на этот счет. С одной стороны, она неоднократно отмечает, что государство, преодолевая порой сопротивление землевладельцев и рабовладельцев, содействовало сокращению рабства и развитию колоната; как надстройка нового, активно формирующегося феодального базиса оно упрочивало его устои, не будучи «по тем или иным причинам» заинтересовано в сохранении и расширении рабства. С другой стороны, это же государство в эпоху его усиления при Юстиниане I ступило на путь реставрации классического права, издало «Прагматическую санкцию», возвращая рабов их господам, низвело в сущности до рабского положения колонов и на землях фиска и в частных имениях.

Нам не представляется правдоподобной идея, согласно которой именно государство в эту пору (хотя и непоследовательно, как отмечает Е. Э. Липшиц) выступало в качестве носителя и двигателя прогресса.

Обладая известной независимостью от различных прослоек господствующего класса и укрепляя в целом в его интересах аппарат насилия, государство отняло у собственников право на богатства недр, обязало собственность и владение налогами; стимулировало через расширение прав арендаторов на арендуемую землю увеличение возделываемых территорий; объявляло (на основе давности фактического владения) собственниками недвижимостей даже тех, кто не притязал на эти недвижимости и не желал обладать ими; объявляло законным обладателем чужой земли того, кто возделал на ней топи и выгоны, и т. д.

Мы усматриваем во всех этих актах, как и в официальном признании нового смыслового содержания понятий «собственность» и «владение», не меры активного содействия развитию нового способа производства, а стремление приспособить к новым, стихийно слагавшимся условиям систему налогового гнета и всеобъемлющего государственного контроля. Особенно ярко чисто фискальные цели проступают в новелле Юстиниана I от 532 г.: самаритяне как иноверцы были лишены права наследования, но для самаритян-колонов закон делал исключение, причем, как прямо и заявлено в новелле, «сделано это было не ради них самих, а «ради земли», ими обрабатываемой, и ради поступления с нее в казну налогов и доходов (с. 145—146).

В эпоху действия института эпифолы земельные собственники страшились нередко не только восстановления своих законных прав на давно покинутую собственность, но и получения от государства чужих заброшенных недвижимостей. Причины этой боязни крылись в тяжести налогового бремени. «Черта — характерная для того времени», — замечает в связи с этим автор (с. 66).

Нельзя сказать, что Е. Э. Липшиц никак не оценивает мотивы действий византийского правительства, однако в целом эта проблема осталась в ее книге не разработанной до конца.

Некоторую неудовлетворенность вызывает также вскользь оброненное автором замечание о всеобщей государственной собственности на землю. К сожалению, сказано об этом важном вопросе слишком глухо, чтобы составить представление о взглядах автора на этот счет (см. с. 70).

Позволив себе эти замечания в столь специальной области, в которой такой известный советский ученый, как Е. Э. Липшиц, давно и успешно работает, мы отнюдь не хотели умалять научного значения ее нового крупного исследования. Монография Е. Э. Липшиц о праве и суде в Византии IV—VIII вв. является, несомненно, существенным вкладом в советское византиноведение, обогатившим наши представления об одном из самых сложных периодов византийской истории вообще и об истории византийского права в частности.

Г. Г. Литавин

Г. Л. Курбатов. История Византии (Историография). Л., 1975, 256 с.

Книга профессора Ленинградского университета Г. Л. Курбатова — первый в советской и зарубежной историографии труд, рассматривающий пути развития научного византиноведения от его истоков в XV в. до наших дней. Это первое учебное пособие по византиноведению для студентов университетов, созданное на основе лекционных курсов автора. Облеченная в сжатую форму, книга четко ориентирует читателя в поистине безбрежном море византистики: достаточно напомнить, что одни библиографические указатели в журналах «Byzantinische Zeitschrift» и «Byzantinoslavica» занимают ежегодно не менее 150—200 страниц убогистого текста, это сотни имен и тысячи названий. Скажем заранее, что Г. Л. Курбатов в основном сумел отобрать главное, конструктивное, определяющее в науке. Он сумел показать живую нить преемственности и, вместе с тем, все то новое, что вносили поколения историков и филологов,

археологов и искусствоведов в общую копилку византиноведческой науки. История последней изучена автором в динамике, с учетом достижений отечественной медиевистики, уже накопившей немалый опыт создания подобных историографических обобщений¹. Классификация материала, выделение этапов в развитии науки и научных направлений не представляли для автора особых трудностей². В этом отношении Г. Л. Курбатов следовал принятому в трудах советских ученых делению. Однако исследователь все же имел альтернативу в построении своего курса: он мог строить свое изложение по большим эпохам и главным проблемам, объединяя исследователей разных стран, разрабатывавших данную тему, либо делить материал по более дробным промежуткам времени и территориальному признаку, стремясь к максимально широкому географическому охвату. Оба метода имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае автору приходится жертвовать «малыми» темами и даже отказаться, в крайнем случае, от рассмотрения историографии целых стран (так поступила, в частности, Е. В. Гутнова). Избирая второй вариант, автор вынужден «дробить» научные направления, «рассекать» школы, существовавшие длительное время в ряде стран, подчас возвращаться к творчеству одного и того же исследователя. Выбрав второй путь, Г. Л. Курбатов понимал неминуемость отдельных издержек (с. 10, прим. 14). Давая обзор, притом учебного, а не сугубо академического характера, составитель вполне справедливо счел необходимым полнее ориентировать своего читателя в развитии науки в целом, иногда даже поступаясь глубиной анализа конкретных проблем. Фактически работа приобретает второе назначение — справочного пособия по византиноведению. Конечно, решая эти задачи, автор не избежал некоторых упущений в отборе материала (см. ниже), но правомерность избранного метода изложения не вызывает сомнений.

Заслугой Г. Л. Курбатова является анализ развития византиноведения в связи с общим развитием историографии и исторической мысли. Автор стремился не отрывать византиноведение от смежных дисциплин — медиевистики, славяноведения, ориенталистики, антиковедения. Органическая связь наук присутствует в книге, помогая уяснить глубокие закономерности процессов исторического познания. Определенное внимание уделено в книге расширению источниковедческой базы, совершенствованию методики исследований. вполне правомерны указания на роль научных учреждений в становлении византиноведения, на современное состояние работы византиноведческих центров в разных странах. Изучение организации научных исследований — важная проблема историографии, рассмотрение которой, к сожалению, часто отсутствует в историографических трудах.

Книга Г. Л. Курбатова состоит из Введения, где сформулированы задачи и принципы исследования, и двух разделов: в первом изложено изучение истории Византии в XV—начале XX в., во втором — после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1970 гг.). Весьма полезен приложенный к книге список международных конгрессов по византиноведению с указанием публикаций их материалов, составленный С. Б. Авруниной.

Отказываясь от анализа собственно средневековой, феодально-церковной историографии Византии, автор начинает первую главу с гуманистической историографии XV—XVI вв., с появления зачатков современных исторических знаний. Мир византийской литературы и культуры постепенно открывался итальянским гуманистам через овладение античным наследием и углубленное изучение последнего. Однако зарождение подлинного интереса историографии Западной Европы к истории Византии

¹ См. *Косминский Е. А.* Историография средних веков. V — середина XIX в. Лекции. М., 1963; *Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков. М.—Л., 1940; *он же.* Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964; *он же.* История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974; *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 1—4. М., 1955—1966; *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969; *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973; *Заборов М. А.* Историография крестовых походов (XV—XIX вв.). М., 1971.

² Отметим, что автору рецензируемой книги принадлежит ряд интересных исследований по истории петербургской — ленинградской школы византиноведения; см.: *Курбатов Г. Л.* В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете. — В кн.: *Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сборник статей к 150-летию Ленинградского университета.* Л., 1969, с. 133—152; *он же.* Из истории научных связей русской византистики (В. Г. Васильевский в Германии). — ВВ, 31, 1971, с. 79—83; *он же.* Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г. С. Дестунис). — ПС, 23 (86), 1971, с. 179—191; *он же.* М. В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете. — В кн.: *Очерки по истории Ленинградского университета*, т. 1. Л., 1962, с. 72—80; *Исакова Л. В., Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* 100 лет византиноведения в ЛГУ. — В кн.: *Очерки по истории Ленинградского университета*, т. 3. Л., 1976, с. 26—54; *Курбатов Г. Л., Лундин А. Г., Пайкова А. В., Старкова К. В.* Нина Викторовна Пигулевская. — В кн.: *Пигулевская Н. В.* Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, с. 10—50.

приходится на три первые десятилетия XVI в. (с. 19), когда складывается представление о византийской истории как истории особого государства (с. 21), наиболее остро встают задачи борьбы с турецкой опасностью (с. 22). Нам представляется, что размежевание собственно гуманистической историографии и историографии Реформации и Контрреформации следовало бы обозначить четче: разница проявилась и в подходе к истории, и в выборе сюжетов для изучения. Если гуманистическая историография направляла свои усилия на изучение культуры, языка, политической истории, то в XVI в. уже явно ощущается тяготение к сюжетам, связанным с церковной и государственной историей Византии, зарождается серьезный интерес к памятникам византийского права (с. 21—23), начинается широкое издание византийских источников. Фактически эрудитская школа конца XVI—начала XVIII в., которую автор рассматривает во второй главе, восходит корнями к Иерониму Вольфу и Баронию. Автор высоко оценивает вклад в византиноведение эрудитов, — отмечая, что в эрудитский период в научный оборот было введено подавляющее большинство ныне используемых письменных источников по истории Византии, были изданы и датированы византийские тексты, началось использование многих других видов источников, привлекался археологический материал, развивались вспомогательные исторические дисциплины. Под влиянием рационализма части представителей эрудитского направления усилились элементы исторической критики источников. «Следовательно, эрудиты создали прочную базу для последующего изучения «тысячелетней истории всей цивилизации» Византии, а не только ее политической или религиозной истории» (с. 33). Третья глава книги посвящена историографии эпохи Просвещения. Здесь впервые появляется раздел о русской историографии Византии. Автор совершенно справедливо отмечает, что историки Просвещения в большей степени разрабатывали новые идеи, чем внесли непосредственный вклад в исследование основных вопросов всемирной, в том числе византийской, истории (с. 35). Однако на этих основаниях вряд ли можно говорить об «антиисторизме» историографии эпохи Просвещения (с. 35, 53). Не случайно, что на базе новых концепций Э. Гиббон создал первый многоотомный систематический труд, посвященный в основном истории Византии и оказавший «огромное влияние на историческую науку XIX столетия» (с. 40). Отрицательное отношение к средневековью, представление о прогрессирующем упадке Византии были порождены диалектически закономерными процессами исторического познания.

Историография Византии первой половины—середины XIX в. изложена в четвертой главе. Г. Л. Курбатов правомерно подходит к романтизму как разному по своим направлениям течению. «Историзм» романтической историографии не привел к пересмотру отношения к Византии. «Ее история стала в первой половине XIX в. использоваться как «черный» фон для более резкой идеализации «светлого» западноевропейского средневековья» (с. 58). В этой же главе автор прослеживает зарождение византистики балканских стран, развитие новых научных центров в России. Логическим завершением главы является раздел о возникновении марксистской исторической мысли и значении этого фактора для становления подлинно научного византиноведения.

Пятая—седьмая главы книги посвящены изучению истории Византии со второй половины XIX в. до наших дней. Их несомненным достоинством является умение автора увидеть и показать те черты, которые характерны для историографии каждой страны, выявить сложившиеся историографические традиции в выборе тем и способов их рассмотрения. Так, например, по мнению Г. Л. Курбатова, особенности французского византиноведения второй половины XIX—начала XX в. состояли, с одной стороны, в развитии «эрудитских» тенденций, с другой — в его антиклерикальном характере, тяге к изучению светской истории и культуры (с. 93), в слабом внимании к экономической и социальной истории в духе теории «равноправных» факторов, в преувеличении роли личности, идеализации характера и политики государства (с. 95). Созданная К. Крумбахом школа немецкого византиноведения имела преимущественно филолого-литературоведческо-источниковедческий уклон, была связана с теологией и историей права (с. 99). Английское византиноведение конца XIX—начала XX в. оставалось неразрывно связанным с изучением античности и истории Востока (с. 100); школа, созданная Дж. Бьюри, «продолжила изучение административно-политической организации Византии, политической и религиозной идеологии» (с. 102). «Исследования русских ученых в области социально-экономической, аграрной истории Византии, форм поземельных отношений, крестьянской зависимости, землевладения вошли в золотой фонд мировой византистики» (с. 122). Таких примеров можно привести много, но скажем только, что короткие и точные характеристики особенностей национальных школ строятся с учетом развития и борьбы разных направлений в науке. Правда, не все направления охарактеризованы достаточно полно. В частности, нет указания на то, что в итальянской историографии межвоенного периода с особой силой было выражено «колониалистское» течение, с апологетикой политики итальянских торговых республик в «Романии». Сходные тенденции имелись и в румынской историографии 20—40 годов XX в. (например, Г. Брэтиану и др.).

Монографии Г. Л. Курбатова чуждо предвзятое отношение к буржуазной историографии. Автор стремится объективно показать ее сильные и слабые стороны, вскрыть реакционные тенденции, проанализировать расхождения между марксистской и буржуазной наукой. В качестве основного критерия при разборе историографии конца XIX—XX в. автор берет отношение исследователей к проблеме феодализма в Визан-

тии. Это позволяет ему в ряде случаев яснее определить идейные и теоретические позиции ученых. Большое внимание закономерно уделено также не менее сложной проблеме перехода от античности к средневековью.

Книга Г. Л. Курбатова написана по строгому научному плану: Изложение значительного материала, охватывающего весь путь развития науки, легко усваивается благодаря удачному членению глав, выделению главных имен и событий. Естественно; что для этого автору нужно было сделать известную выборку. И в целом эта «выборка», выражаясь языком статистики, оказалась репрезентативной. Но в некоторых случаях принципы отбора вызывают сомнения. Например, вряд ли правомерно исключение из главы о советском византиноведении 1945—1970 гг. упоминаемый о трудах М. А. Заборова по истории и историографии крестовых походов, Я. Н. Любарского — об «Алексиаде» Анны Комнины и сочинениях Михаила Пселла. Характеристика русского византиноведения XIX в. неполна без рассказа об экспедициях на Восток Антонина Капустина и Порфирия Успенского и формирования рукописных собраний в нашей стране. Ссылаясь на сочинения по истории византийской церкви, опубликованные в конце XIX—начале XX в. (с. 116), автор упоминает обзорную работу П. А. Яковенко (1875—1920), известного специалиста в другой области — византийской дипломатики и истории иммунитета (ср. с. 118—119), и проходит мимо серии исследований профессора Московского университета А. П. Лебедева, составившего семитомную историю греко-восточной церкви с III по XV в. Возвращаясь к принципам отбора, укажем, что целый ряд включенных в книгу имен (их около 450!) мог бы быть безболезненно опущен, особенно в тех случаях, когда речь идет о «пограничных» зонах византиноведения или имя исследователя названо без характеристики его трудов. Изучение византиноведения в контакте с другими науками — большая заслуга автора, но все же ряд названных Г. Л. Курбатовым ученых, внесших свой вклад в развитие славяноведения, балканистики и т. д., не имел прямого отношения к теме книги. Мало что даст читателю, в частности, лишь упоминание имен С. Милу, Пала Юлианаса, Й. Хорвата, Таде Смичикласса и др. В отдельных (немногочисленных) случаях Курбатов называет второстепенные труды того или иного автора, пропуская основные. Например, концепция «славянизации» Византии была наиболее подробно развита Я. Фальмерайером прежде всего в монографиях *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*, Bd. 1—2. Stuttgart—Tübingen, 1830—1836; *Abhandlung über die Entstehung der Neugriechen*. Stuttgart. 1835, не упомянутых Г. Л. Курбатовым (с. 59). На с. 156 названы очерки У. Миллера «Essays on the Latin Orient» (Cambridge, 1921) при отсутствии упоминания об основном труде на эту тему: W. Miller. *The Latins in the Levant* (1204—1566). London, 1908. На с. 239 указаны две статьи и сборник статей Сп. Вриониса и нет сведений о его монографии: Sp. Vryonis. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the XIth through the XVth Century*. Berkeley-Los Angeles, 1971.

Отметим теперь некоторые спорные, на наш взгляд, положения, содержащиеся в книге Г. Л. Курбатова. На с. 122 автор пишет, что «начало научного византиноведения в Болгарии было положено С. Н. Палаузовым», на следующей странице «первым болгарским византинистом» назван Петр Мутафчиев, так как он первым обратился к проблемам внутренней истории Византии. Д. Ангелов, на которого ссылается Г. Л. Курбатов³, отмечал лишь, что Палаузов рассматривал проблемы византийской истории в связи с византийско-болгарскими отношениями. Родоначальником болгарского византиноведения — и вполне, на наш взгляд, справедливо — Д. Ангелов считает Марина Дринова⁴. На с. 88—89 Г. Л. Курбатов совершенно справедливо определяет критическое направление в историографии как реакцию на позитивизм. Представители критического направления выступили на рубеже XIX—XX вв. с позиций крайнего идеализма, неокантианства, отвергали реальность исторических законов и возможность их познания. Но выше, на с. 49, представителем критического направления в русской историографии назван А. Л. Шлёцер (1735—1809; правильнее — Шлёцер, von Schlözer). На с. 68 значителен, что одним из родоначальников критического направления в болгарской историографии был Сп. Палаузов (1818—1872), так как в период болгарского Возрождения «начинает распространяться критическое отношение ко всем источникам». Далее, на с. 69 речь идет об историко-критическом направлении в сербской историографии 70—80-х годов XIX в., которое Курбатов опять-таки связывает с большой работой по публикации и изданию источников (с. 123). На с. 129 Курбатов вновь возвращается к тому определению, которое было дано на с. 88—89 и утверждает, что в начале XX в. «византинистика балканских стран, как и русская, в основном продолжала сохранять позитивистские позиции», вместе с тем, «тенденции критического направления в ней усилились». Очевидно, что автор смешивает два понятия: историко-критический метод, одним из создателей которого был Б. Г. Нибур (1776—1831), требовавший углубленного изучения источника и выдвижения критики источника на первый план⁵, и более широкое критическое направление, возникшее в буржу-

³ Angelov D. *La byzantinologie en Bulgarie et ses récentes acquisitions*. — «Byzantinobulgarica», I. Sofia, 1962, p. 4 (а не 3, как у Курбатова).

⁴ Ангелов Д. *История на Византия*, ч. I. София, 1968, с. 18—19.

⁵ См. подробнее: *Косминский Е. А.* Указ. соч., с. 318—321; на с. 314 Е. А. Косминский

азной историографии в конце 90-х годов XIX в. на основе субъективистских и релятивистских учений⁶. Введение понятия «критическое направление» в применении к историографии балканских стран 60—80-х годов XIX в. или к русской историографии XVIII в. не вполне правомерно.

К сожалению, в очень полезной в целом монографии Г. Л. Курбатова имеется значительное число неточностей и около 100 опечаток, преимущественно в наборе иностранного текста. Это затрудняет использование книги как справочного пособия. Отметим лишь те погрешности, которые имеют важное значение. Мы указываем страницу, неверное написание и исправление. С. 16: Фильельфо, правильное — Филельфо (Filelfo); с. 22, прим. 22: Byzantinische Beiträge вместо: Byzantinistische. . .; с. 61: год рождения Дж. Финлея не 1789, а 1799; с. 97: неверны инициалы автора и выходные данные книги: Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, vol. 1—2. Leipzig, 1885—1886. На с. 106 автор писал, что «большая работа по изучению среднегреческого и новогреческого языка была проделана Г. Хатзидакисом, Г. Психарисом и др.», в результате чего был издан словарь Софоклиса «существенно расширивший возможности исследования византийских источников». Указывается издание словаря 1887 г. На деле же связь обратная: словарь Софоклиса вышел первым изданием в 1870 г., а упомянутая «История греческого языка» Хадзидакиса появилась в 1915 г. С. 118: год рождения П. А. Яковенко не 1879, а 1875. С. 142: даты жизни В. Н. Бенешевича не 1884—1944, а 1874—1943. С. 144: неверно указаны выходные данные книги Е. Ч. Скржинской — не Genève, а Genova. Следовало также указать, что книга вышла в «Atti della Società Ligure di Storia Patria», vol. 56. С. 146, прим. 35: значится: BB, 30, 1959, надо: BB, 30, 1969. С. 152: не Ишо Стилит, а Йешу Стилит. С. 156: Не Стив Рансимен, а Стивен Рансимен. С. 157: не Gollomp, а Collomp. С. 160: пропущены даты жизни А. Гейзенберга (1869—1930). С. 177: Дата гибели Н. Йорги не 1942, а 1940. С. 193: не BB, 27, 1961, а BB, 17, 1960. С. 198, прим. 21: выходные данные сборника «Античная древность и средние века», вып. 1—10 — не 1960—1971, а 1960—1973; Византийские очерки, вып. 1 — не 1969, а 1961. С. 232: неверно указаны выходные данные ряда книг: Janin R. Les églises. . . Paris, не 1970, а 1953; Grumel V. Les registes — не vol. I—IV, а vol. I, fasc. 1—4, не 1947—1971, а 1932—1971 (IV выпуск Перест издан В. Лораном). С. 234: Badinger F. Mehmed. . . München, не 1955, а 1953. С. 241: Bertelé T. Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) — Buz., 21, 1951, надо: Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440). Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956. С. 252: IV. 1934. . . В. D. Filov, надо: В. Filov.

К числу недочетов можно отнести отсутствие в книге общего итогового заключения. Остается также пожалеть, что тесные рамки учебного пособия не позволили автору остановиться на возникновении и развитии византистики на Кипре, в Канаде, Испании, Иране, Японии и некоторых других странах.

Несмотря на отмеченные недостатки и пробелы, книга Г. Л. Курбатова создала фундамент для дальнейших исследований в области историографии истории Византии, она сыграет свою положительную роль в деле подготовки византистов в нашей стране. Книга впервые широко знакомит научную общественность со всей историей изучения экономики, политики и культуры одного из крупнейших государств средневековья. Было бы весьма желательным, чтобы подобного рода пособия были подготовлены также по источниковедению истории Византии, исторической географии, вспомогательным историческим дисциплинам. Отсутствие таких трудов на русском языке делает эту задачу весьма важной, притом не только для византиноведения, но и для медиевистики в целом, для славяноведения, кавказоведения и изучения исторического прошлого России.

С. П. Карпов

А. П. Каждан. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, 190 с.

Среди этнических меньшинств Византийской империи армяне, по крайней мере в отдельные периоды, составляли наиболее значительную группу. Известны истоки этого явления. Часть исторической Армении, находившаяся к западу от Евфрата, так называемая «Малая Армения», входила в состав Римской, а затем и Византийской империи. В результате раздела между Ираном и Византией (387 г.) последняя приобщила к своим владениям также часть «Великой Армении» (к востоку от Евфрата). Под византийским владычеством оказывались и другие части страны. В то же время большое число армян переселялось в пределы империи, пришельцы обосновывались в Малой Азии, Константинополе и в других европейских областях. Наконец, время от времени происходила явная или скрытая депортация армянского населения.

История византийских армян исследована неравномерно. Многие лица армянского происхождения оказывались на императорском престоле, становились знаменитыми

справедливо называет историко-критический метод «критической школой в источниковедении».

⁶ См. Гутнова Е. В. Указ. соч., с. 344—378.

государственными деятелями, полководцами, учеными и тем самым попадали в поле зрения исследователей. Ряд важных работ, главным образом Н. Г. Адонца, посвящены так называемым «армяно-византийским фамилиям». Не прошли незамеченными и факты, свидетельствующие о наличии в империи компактных масс армянского населения, специальных военных соединений и пр. Тем не менее, первая сводная работа, посвященная специально византийскому армянству, появилась сравнительно недавно. Речь идет о монографии П. Караниса «Армяне в Византийской империи»¹. Эта работа базируется лишь на наиболее ярких фактах, она дает неполную картину. Но это — ценный труд, который к тому же может послужить хорошей основой для дальнейшего углубленного исследования.

Рецензируемая работа является частью обширного труда А. П. Каждана, посвященного господствующему классу Византии в XI—XII вв. Обобщающий раздел этого труда был издан ранее². Выделив около 300 фамилий, принадлежность которых к господствующему классу подтверждается титулом, должностью, владениями и пр., автор заполнил на каждого члена семьи своеобразную анкету. Сюда включены сведения об административной карьере, имущественном статусе, родственных связях, участии в оппозиционном движении, причастности к интеллектуальной жизни. Анкета распространяется на состав господствующего класса приблизительно с 976 по 1204 г. Обработка анкеты позволила автору сделать ряд выводов, которые при ином подходе были бы невозможны. Эти общие замечания оказываются необходимыми, так как проблематика рецензируемой книги в значительной мере определяется задачами исследования в целом.

Основная трудность при изучении армян в составе господствующего класса Византии связана была, вероятно, с вычлениением армянских родов из общей суммы византийских. Действительно, сведения, которыми мы располагаем, далеко не всегда позволяют решить этот вопрос со всей определенностью. А. П. Каждан выделяет следующие три группы. Первую составляют бесспорно армянские семьи. Здесь значатся те роды, которые в источниках прямо названы армянскими. К ним относятся Мосиле (Мусиле, Моселе), Криниты, Лакапины, Куркуасы, Куртикии, Тарониты, Вахрамии (Врахамии), Кекавмены, Арцруниды (Сенекеримы), Анийский дом, Пахлавуни, Рубениды (Рупении), Кокковасилии, Аспиеты, всего 14 фамилий. Следующая группа — семьи, которые автор определяет как «армяно-ивирские»: Торники, Пакурианы (Бакурианы), Вихкаци и Апокапы (Апухапы). Третья группа состоит из семей предположительно армянского происхождения. Это Фоки (Фокады), Склиры, Цанцы, Цирифоны, Вурцы, Гавры, Далассины, Феодораканы, Арменулуы, Махитариы, Василаки, Васпраканины, Цинцилуки, Дельфины, Котерцы, Артавасды, Даватины (Диаватины), Левуны, Варданы (Вардании) и Мелиты, всего 20. Далее следует особая группа «аристократов одного поколения», не ставших основателями аристократических фамилий. В эту группу входит 23 лица. Здесь же рассмотрены армянские деятели, известные только по сигиллографическому материалу.

Разобранные в книге армянские фамилии или отдельные аристократы адекватно отражают состав армянской знати в господствующем классе Византии данного периода. Отдельные пропуски в просопографическом разделе не влияют на характер общих выводов, которые сводятся к следующему. 10—15% византийских аристократических фамилий XI—XII вв. составляли «потомки выходцев из Армении или из арменизированных районов империи». Среди них 8% — это старые аристократические семьи, потерявшие свое значение, 42% — семьи военно-административной аристократии, 37% — военно-аристократические семьи, постепенно переходящие в ряды гражданской знати, 13% семей принадлежит к разряду синклитиков (с. 151). Но в различные периоды соотношение разрядов неодинаково. Так, количество военных особенно возросло в третьей четверти XI в., при Алексее I уравниваются с ними в числе или даже начинают преобладать гражданские чиновники. В целом же удельный вес армян в составе византийского господствующего класса, достигнув пика, по-видимому, во второй четверти XI в., в XII в. явно сокращается.

Армяне — представители византийской провинциальной администрации мы застаем в десятках городов. В некоторых случаях можно заметить устойчивые связи отдельных фамилий с данной территорией. С другой стороны, армяно-византийские администраторы действуют преимущественно в приграничных областях, в особенности на востоке, в районах со значительным армянским населением. Армянские аристократы были крупными земельными собственниками, среди них было множество военных администраторов. Они принадлежали к тому социальному слою, который составил опору династии Комнинов. Но, «как ни странно, армяно-византийские фамилии сравнительно редко вступали в брачные связи с Комнинами и их вхождение в элиту оказывалось недолгим, непрочным» (с. 163). Армяно-византийская знать принимала участие в многочисленных мятежах, заговорах, переворотах и т. д. (с. 165).

Нельзя сказать, что выводы А. П. Каждана поражают совершенной новизной. О многом можно было догадываться и без специального исследования. Но именно догадываться, тогда как рецензируемая книга содержит доказательства всех выдвинутых положений. Я уж не говорю о том, что результаты статистических подсчетов и диф-

¹ Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire. Lisboa, 1963.

² Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.

ференцированность выводов позволяют судить о предмете на уровне, который при ином подходе не мог бы быть достигнут. С поставленной задачей — дать анализ армянского компонента в составе господствующего класса Византии XI—XII вв., — автор справился превосходно.

Но, может быть, именно достоинства книги заставляют пожалеть о несколько зауженных рамках — именно данной книги, а не всей работы, посвященной византийскому господствующему классу в целом. Действительно, насколько выразительнее была бы картина, если бы анализ распространился также на IX—X вв.: по-видимому, именно в это время были в полной мере заложены основы для функционирования в империи «армяно-византийских семей». Далее, А. П. Каждан исключил из рассмотрения императорские роды. Для изучения социального состава правящего класса это оправданно. Но когда объектом исследования становятся армянские семьи, недостаток бросается в глаза. Без Василия Македоняна и его потомков, без Льва V Армянина, без Романа Лакапина, без Иоанна Цимисхия картина византийского армянства явно не завершена.

Обратимся к исходному материалу книги. Раздельное рассмотрение бесспорно армянских и предположительно армянских семей очень разумно. Однако вторая группа лишена четких критериев для классификации, отсюда — непоследовательность в изложении. Так, Маниаки специально не рассматриваются, ибо данные об их армянском корне относятся только к IX в. Такова же участь Монохарзанов. В другом месте А. П. Каждан солидаризируется с теми, кто с большей или меньшей вероятностью считает эти роды кавказскими («Социальный состав», с. 212; здесь «кавказские» роды не дифференцированы). Мелитов вряд ли возможно отнести к числу фамилий малоазийского или кавказского происхождения, утверждает А. П. Каждан в обобщающем труде («Социальный состав», с. 213), а в рецензируемой книге им посвящен специальный раздел («Армяне», с. 120). Среди предположительно армянских семей фигурируют Фоки и Склиты. Этническая принадлежность их представляет бесспорный интерес — и тем и другим приходилось не раз сотрудничать с армянами. Но автор посвящает им специальные разделы, исходя из общих суждений современных исследователей. Я приношу эти примеры не как упрек, а лишь для того, чтобы показать, насколько велики трудности при вычленении родов по этническому, в данном случае армянскому, признаку.

Своеобразную группу составляют армяно-ивирские семьи — семьи, которые в источниках именуются то армянами, то ивирами (грузинами). Причина этого — не только в состоянии и характере источников, но прежде всего в неоднородности самих семей. Действительно, здесь наличествуют признаки, которые позволяют отнести представителей этих семей одновременно и к армянам и к грузинам. Подобное явление, замечает автор, «могло иметь место не только благодаря переходу части армян в халкидонитство, но и в результате интенсивного взаимного социо-культурного проникновения обеих этнических групп» (с. 144). Рассматривая явление в статике, автор, безусловно, прав. Но далее он пишет, что армяно-ивирская аристократия — это не армяне, «денационализированные» и ставшие грузинами, но скорее всего, особое этническое образование, возникшее на армянской и грузинской почве, прежде всего в области Тайк, и отличающееся принадлежностью к халкидонитскому вероисповеданию» (с. 145). Думается, однако, что в Тайке мы имеем дело действительно с переливом части аристократии из армянского общества в грузинское. Армяно-грузинские семьи мыслимы в границах только грузинского общества (откуда они и переходят в византийское). Их специфика задавалась армянским началом — иное дело, в какой мере это начало удерживалось в реалиях или в сознании. Движение происходило от армян к грузинам, а не наоборот. При этом приобщение к грузинскому происходило не только в вероисповедных вопросах, это было приобщение и к этносу (смешанные браки не были чем-то необычным) и к культуре. Показателен пример с родом Вихкаци. В 1006/1007 г. Григорий Вихкаци высекает надпись на «нейтральном» греческом языке. Оформление его родового имени (эпихорикон от топонима Вхик, Вихик) можно истолковать, исходя из норм только армянского языка (ср. Хоренаци, Парпеци, Ластивертци и др.). Таким образом, армянское начало засвидетельствовано таким объективным показателем, как патроним. В дальнейшем и армянские и византийские авторы будут квалифицировать потомков Григория как армян. Но в той же надписи не только себя, но и своего отца Смбата Григорий объявляет ивирами³. Направленность этнического процесса совершенно очевидна. Думаю, что подобную эволюцию пережил и род Бакурианов. Армянское начало Григория Бакуриана сказалось в том, что типик Петрицонского монастыря он счел нужным подписать также и армянскими буквами⁴. Из-

³ Bartikian H. La généalogie du magistros Bagarat, catépan de l'Orient, et des Kékauménos. — REArm, II, 1965, p. 261—267; Юзбашян К. Н. Греческая надпись патриарха Григория КНХКАТЗИ (1006/1007 г.) и проблема авторства «Стратегикона». — В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 115—118.

⁴ Теория Н. Я. Марра об армянском происхождении Григория Бакуриана, находящая сторонников среди армянстов, кажется мне более убедительной, чем идея о его грузинском происхождении. Эта теория исходит из всей совокупности сведений. Противники ее вынуждены отказывать в исконности греческой версии типика, ибо подпись на армянском языке не вписывается в их представления.

вестна также надпись Иоанна Торника на армянском языке⁵. Как видим, ощущение своей принадлежности к армянскому корню держится достаточно прочно. Но, независимо от того, прав я в своих суждениях или нет, неправомерно определять представителей армяно-ивирских семей как «армян» или как «грузин». Мы действительно (и здесь А. П. Каждан безусловно прав) имеем дело со специфическим образованием, которое начинало формироваться в Тайке — этой своеобразной контактной зоне, где происходила взаимная и этническая и культурная диффузия — и продолжало функционировать в условиях имперского владычества или на исконной имперской территории. Мощное воздействие греческого фактора (и в этническом и в культурном смысле) придает явлению еще большую сложность. Поэтому любое однозначное определение отдельных представителей этих армяно-ивирских (и византийских!) семей заведомо ошибочно — этому противоречит совокупность сведений, которыми мы располагаем.

Труд А. П. Каждана не является просопографическим по своему главному назначению, просопография поставит исходные данные. Но, конечно, эти данные сами по себе очень важны. Если в «Социальном составе» автор вынужден был собственно просопографический раздел выпустить, то в рецензируемой книге (где число учтенных лиц близко к 400) соответствующие данные приведены с ощутимой полнотой. Можно не сомневаться, что этой подборке уготована долгая жизнь, к ней будут обращаться и византилисты, и кавказоведы. Эта часть работы проделана весьма тщательно, тем не менее она нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях. Эти замечания не могут поколебать общие выводы автора, но в каждом отдельном случае они должны быть учтены.

В рецензируемой книге смерть Давида Куропалата датируется 1001 годом (§ 15.1). В действительности, это произошло годом раньше — в великий четверг или в пасхальное воскресенье, т. е. 28 или 31 марта 1000 г. В том же 1000 г. на восток прибыл Василий II — сразу после смерти Давида⁶.

Годами правления аниского царя Иоаннэс-Смбата указаны 1020—1041 (§ 39). Это дань общепринятой точке зрения. В действительности Иоаннэс-Смбат был царем уже в 1018 г., о чем свидетельствует надпись из Текора. Сведения Аристаркэс Ластивертци также заставляют думать, что Иоаннэс-Смбат стал царем до 1018 г. Он начал править в 1017 или даже в 1016 г., сменив на престоле своего отца Гагика I Багратуни, который еще в 1015 г. был жив⁷.

А. П. Каждан отмечает, что Григорий Магистр уступил Византии свою вотчину и переселился в империю в 1045/1046 г. (§ 11.1). Здесь небольшая неточность — Григорий покинул Армению до присоединения Ани летом 1045 г. Не исключается даже 1044 г.

Раздел, посвященный роду Пахлавуни, начинается с этого Григория. Строго говоря, сюда нужно включить и дядю Григория, Вахрама Пахлавуни, который после присоединения Ани к империи командовал армянскими войсками в экспедиции против двинского эмира Абу-л-Асвара — уже в качестве имперского подданного⁸. В надписи от 1029 г. Вахрам фигурирует в качестве анфиата-патрикия.

Говоря о сыне Григория Пахлавуни Вахраме, будущем католикосе Григории Мартирофиле, А. П. Каждан приводит распространенное мнение, будто тот унаследовал от отца должностные дуки Тарона, Васпуракана и округи (§ 11.2). Эта точка зрения восходит к М. Чамчяну, писавшему в конце XVIII в., и в настоящее время должна быть признана необоснованной. Впрочем, и А. П. Каждан относится к ней с осторожностью.

А. П. Каждан считает, что Саргис Хайказн, хотя и носил византийские титулы, лишь с известной натяжкой может быть причислен к византийской аристократии (§ 39). Ниже сказано: дука Востока Саргис занимал пост командующего восточными войсками, но, может быть, он был номинальным обладателем титула (с. 161). Есть основания думать, однако, что анфиат, патрикий, вест и дука Востока Саргис был правителем феоды «Ивирии», по крайней мере в 1033—1036 гг.⁹ Если эти соображения верны, тогда Саргис становится полноправным представителем византийской знати.

Мхитар, сын Курта, около 1060 г. служил, по мнению автора, в византийской администрации Ани (§ 5.2). Мхитар был ишатом, но, точно так же, как спафарокандидаты Грегор, сын Лапастака (§ 41), и Саргис, сын Артавазд[д]а (§ 34.1), принадлежал, по-видимому, к местному самоуправлению, хотя и под византийской эгидой (о чем свидетельствуют византийские титулы). Это были танутеры города, они «взяли танутарство», т. е. приняли эту должность. Выражение *танутрутон* в надписи, откуда мы черпаем эти сведения, не может означать налог на анийские дома (ср. с. 123 и

⁵ Adontz N. *Etudes arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965, p. 309.

⁶ См. Повествование вардапета Аристаркэс Ластивертци, пер. с древнеарм. К. Н. Юзмайяна. М., 1968, с. 143, прим. 13, ср.: Toumanoff C. The Bagratids of Iberia from the eighth to the eleventh century. — *Le Muséon*, 1961, с. 39—40, № 54; Даниелян Э. Л. Цель и направление восточного похода Василия II в 1000 г. — ВОН, 1973, № 10, с. 63—64 (на арм. яз.); ср. Копалиани В. У. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970—1070 гг. Тбилиси, 1969, с. 312 (на груз. яз., с русск. резюме).

⁷ Юзбашьян К. Н. К хронологии правления Гагика I Багратуни. — АДСВ, 10, 1973.

⁸ Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, 1968, с. 441.

⁹ Yuzbashyan K. N. L'administration byzantine en Arménie aux X—XI siècles. — REArm, X, 1973—1974, p. 158, 172.

прим. 1), это термин, имеющий в данном контексте отношение к институту самоуправления. Кстати, кроме омонимии, нет признаков, указывающих на принадлежность Мхитара к византийским Куртикияи, а Саргиса — к Артаваздам.

Среди «аристократов одного поколения» числится Арев, которого Анна Комнина называет арменином (§ 45). Думаю, что мы имеем дело с армянским именем Арев, «солнце». Р. Ачарян называет восемь носителей этого имени с V по XVII в. Имеется также ряд производных от этого корня¹⁰. В настоящее время употребляемая только как женское имя.

Р. Н. Юзбашян

И. Ф. Фихман. Оксиринх — город папирусов. М., 1976, 344 с.

Хорошо известно, что исследование социально-экономической истории ранневизантийского города сопряжено с трудно преодолимыми препятствиями источниковедческого характера. Почти полное отсутствие документальных данных и недостаток других не дают возможности с требуемой научной точностью и доказательностью выяснить некоторые кардинальные проблемы социально-экономической истории города и заставляют решать их часто гипотетически. Оксиринх (нынешний Аль-Бах-наса) — египетский город, который в этом отношении является счастливым исключением из ранневизантийских городов: на его территории сохранились тысячи греческих папирусов (разнообразных по своему содержанию и степени сохранности), которые во многом освещают социально-экономическую жизнь города на разных ее этапах, в том числе и в византийский период (с IV в. до арабского завоевания в VII в.). И хотя эти материалы часто отрывочны и нередко ставят перед исследователями нелегкие вопросы текстологического характера, датировки, истолкования и неравномерно распределяются по векам, они содержат неопценимые сведения о жизни города в византийский период. Публикация материалов, начавшаяся в самом конце прошлого столетия, еще далека от своего завершения, хотя в одной только серии, издаваемой в лондонских «The Oxyrhynchus Papyri», вышло уже 45 томов.

Как отмечает автор рецензируемой книги, Оксиринх был избран им как объект исследования не только потому, что о нем сохранилось наибольшее число документальных данных, главным образом папирусов, но и по ряду других соображений. Одним из них является то, что он «в несравненно большей степени, чем Александрия или Антиноя, может считаться «типичным» египетским городом» (с. 3), т. е. данные, полученные по материалам, сохранившимся об Оксиринхе, могут быть распространены и на многие другие современные ему города Египта. Значение исследования И. Ф. Фихмана возрастает еще по одной причине. Несмотря на множество частных исследований, посвященных обширному кругу вопросов, до сих пор не существовало обобщающего труда по этой теме. Книга И. Ф. Фихмана восполняет эту лакуну. Это — глубокое аналитическое исследование, основанное не только на изучении самих документов, но и на исчерпывающем привлечении буквально необозримой литературы предмета, включая специальную литературу самых последних лет, вплоть до 1975 г.

Мы полагаем, что выводы, полученные И. Ф. Фихманом, имеют значение не только для исследования социально-экономической истории египетского города, но и ранневизантийского города вообще. Несмотря на наличие локальных особенностей в отдельных провинциях Византии, по справедливому мнению некоторых современных исследователей правовой жизни византийского Египта, не следует переоценивать этого своеобразия. В Византии существовало единое императорское законодательство, единая бюрократическая система управления светского и церковного, которые в значительной мере, вероятно, нивелировали местные особенности, вытекающие из своеобразия исторических судеб отдельных районов империи.

В своем исследовании И. Ф. Фихман представляет на суд читателя всю свою «научную лабораторию», все данные, которые послужили основанием для решения тех или иных вопросов. Он не скрывает ни своих сомнений, ни возможностей различного решения вопросов или иного истолкования используемых им текстов. Эта предельная осторожность автора является большим достоинством книги.

В рамках рецензии мы не имеем возможности, да и не ставим своей задачей осветить и оценить все богатое, насыщенное конкретным фактическим материалом содержание книги. Отметим лишь наиболее, на наш взгляд, существенное.

Книга открывается кратким введением, в котором содержатся сведения об истории папирусных и других находок на территории Оксиринха (с. 3—14). Данные о предшествующей истории города, его облике, административном делении, соотношении города с номом (как в римское, так и византийское время) составляют содержание первой главы (с. 14—34). «В римское время Оксиринх был процветающим экономическим и культурным центром с прочными традициями греческой культуры и образованности, занимающим видное место среди египетских городов» (с. 15). Автор отмечает разительную перемену в облике города, связанную с победой христианства. «Если в конце III в. в городе было только две церкви, то через столетие он превратился в один из крупнейших монашеских центров Египта» (с. 24). В ходе изложения приводятся списки церк-

¹⁰ Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. I. Ереван, 1942, с. 272—273 (на арм. яз.).

вей, сделана сводка данных о районах города, упоминаемых в византийское время, улицах и т. п.

Касаясь вопроса о муниципализации Оксириха при Диоклетиане, автор указывает: «муниципализация привела к тому, что Оксирих, как и все египетские города, стал настоящим полисом, включающим в себя теперь и территорию нома, которая превратилась в подвластную ему округу» (с. 32).

Во второй главе «Население» обращают на себя внимание соображения автора о примерной численности населения города, определяемой в пределах между 15 и 25 тыс. человек. Ценны также выводы относительно сложного вопроса о судьбах фил в римское и византийское время: 1. филы продолжали существовать в византийское время во всяком случае до конца IV в.; 2. они не совпадали и не могли совпадать с районами города; 3. они были чисто административным нововведением без предшествующей традиции; 4. хотя филы и не участвовали непосредственно в решении городских дел, они оказывали большое влияние на выдвижение литургов.

Третья глава посвящена рассмотрению проблемы аграрных отношений, перво-степенной по своей важности при определении социальной и экономической структуры города. В особенности это существенно в данном случае, ввиду аграрной специфики Египта. В главе собраны и детально проанализированы данные топонимики, терминологии, обозначающей различные категории землевладельцев («геух», «ктитор», «прокти-тор»). Термин γεωργός (широко засвидетельствованный византийским законодательством как эквивалент колона или иногда крестьянина-общинника) по данным оксиринхских папирусов обозначает «как самостоятельного мелкого хозяина, так и городского жителя, быть может не владевшего землей, но для которого земледелие было главным источником существования, т. е. скорее всего свободного держателя» (с. 49). Термин «геух», встречающийся в разных вариантах, обозначает в византийское время, как правило, не просто землевладельца, а собственника более или менее крупного участка земли или вообще крупного землевладельца (там же). Некоторые геухи владели землей и в пределах городской территории Оксириха и в пределах нома. Анализ текстов приводит И. Ф. Фихмана к заключению, что иногда речь идет о земельных собственниках, владевших землей и в других номах. Интересны сведения об арендных договорах и других данных о связях городского населения с сельским хозяйством.

Рассматривая специально вопрос о судьбах государственного землевладения, И. Ф. Фихман отмечает, что «основной особенностью является резкое сокращение площади общественной земли, ее постепенный переход в частную собственность с исчезновением соответствующей терминологии (речь идет о царской, казенной, γῆ δημοσία, и домениальной земле, γῆ οὐσιακή). В отличие от государственной земли императорское землевладение в начале рассматриваемого периода даже расширилось и сохранилось вплоть до арабского завоевания» (с. 51 сл.). Очень важны высказанные в данном разделе соображения (а также приводимые и анализируемые материалы) для выяснения роли этого землевладения в его соотношении с муниципальным. Отмечая притягательную силу этого привилегированного землевладения, И. Ф. Фихман пишет: «Императорские имения вовлекали в свои дела, включали в свой штат наиболее активную и предприимчивую часть населения города, как, например, куриалов, сохранявших, правда, на первых порах обязанности, связанные с принадлежностью к курии, отставных военных. Императорское землевладение не только ограничивало и подрывало таким образом позиции муниципальных кругов, но... быть может, само того не желая, способствовало созданию силы, которая нанесет удар социальной опоре города — муниципальным кругам» (с. 54).

Раздел о городском землевладении содержит ряд ценных данных для изучения судеб античного города в византийский период. И. Ф. Фихман начинает свое изложение с указания, что «особенностью античного города было наличие земельного фонда, принадлежащего ему как целому». Притом «эта городская земельная собственность (ее не следует путать ни с землями, которыми курия владела как корпорация, ни с земельной собственностью жителей города) играла большую роль в обеспечении доходной части бюджета города» (с. 54). Исследователь приходит к выводу, что в изучаемое им время эта городская земельная собственность «катастрофически сокращалась вследствие захвата наиболее могущественными слоями самого городского населения — с одной стороны, и политики императоров, сознательно ограничивавших эту собственность, — с другой... Результатом этого был — и не мог не быть — подрыв позиций среднего городского землевладения, ухудшение положения городской бедноты, ослабление самого античного города» (с. 54). Разбирая папирологические данные, И. Ф. Фихман предлагает свое толкование текста P. Flor., III, 325 (488 г.) и, сопоставляя его с P. Оху., XVI, 1910₂₄, заключает, что если предложенная им интерпретация текста P. Flor., III, 325 правильна, то это «не только подтверждает наличие земли у курии, но и проливает свет на процесс расхищения этих земель крупными землевладельцами». Отметим также интересное соображение автора, что, хотя юридически земля сохраняла в этом случае свой статус и название куриальной, фактически она переходила в руки состоятельных куриалов — крупных землевладельцев. Положение курии, следовательно, несмотря на формальный прирост земель, не улучшалось.

Значительное внимание уделено в книге частному землевладению, так как «результатом ликвидации фонда общественных земель не могло не быть полное господство частного землевладения» (с. 59—60). Конкретные сведения, которыми насыщен этот раздел, значительно обогащают наши знания. Хотя, как отмечено автором, число доку-

ментов византийского времени во многом уступает документации римского периода (33 арендных договора византийского времени против 70 договоров римского времени), их подробное изучение представляет несомненный интерес. В данной связи нам представляется весьма желательным сопоставление сведений этих документов с соответствующими нормами Дигест. Думается, что такое сопоставление (отсутствующее в работе) способствовало бы решению дискуссионного вопроса о применении законоположений Дигест на практике.

Как это вытекает из анализа документов, в развитии аграрных отношений византийского времени доминирующую роль играло не среднее и мелкое землевладение, а крупное — светское и церковное (с. 60—65). Вопрос о светском и церковном землевладении, как известно, неоднократно стоял в центре внимания советских и зарубежных исследований. Однако новые материалы, использованные И. Ф. Фихманом, а также новые интерпретации ранее известных документов (в частности архива «дома Апионов») значительно продвинули вперед изучение этих проблем¹. В исследовании дана более разносторонняя картина структуры крупных имений. В частности, предложенная автором интерпретация слова «*κτῆρις*» в Р. Оху., 2243 (а)₁₈ и 2244_{39, 65} приводит его к выводу, что там может быть констатирована «зарождение» форма некоторой слабо выраженной тенденции к феодальной иерархии» (с. 74).

В некоторых случаях, как нам думается, можно было бы дать наряду с предложенной автором и иную интерпретацию терминов. Так, при анализе крестьянских держаний вряд ли можно ограничиться толкованием термина *τὰ κοινὰ τῶν γεωργῶν* как «объединения держателей» (с. 72). Этот термин употребляется в византийских источниках и в более точном смысле как «община крестьян», или «сельская община». Возможно, что термин *χωρία*, который И. Ф. Фихман толкует как «усады», основываясь на том, что они «чаще всего обозначают новые посадки», в некоторых случаях имел значение «селения» или «деревни»; Ср. например, в новеллах Юстиниана «*χωρία ἐλευθερικά*» в смысле свободных поселений.

В отношении церковного землевладения анализ материала приводит автора к следующим заключениям: 1. не подлежит сомнению факт наличия в Оксирихе церковного землевладения; 2. главой церкви был епископ, к которому присоединился в качестве распорядителя церковным имуществом иконом и целый штат администраторов; 3. в церковных имениях использовался труд тех же категорий непосредственных производителей, что и в светских; 4. главное отличие между формированием церковных и светских имений проявлялось в способе и источниках формирования и расширения владений. В церковном землевладении наряду с патрониями большую роль играла конфискация земель бывших храмов, пожертвования, дарения *mortis causa*, а также привилегии, предоставляемые церкви государством, способствовавшие росту церковных земель. Что касается неотчуждаемости церковных имуществ, то в Оксирихе она иногда нарушалась. 5. Между светским и церковным землевладением наблюдается тесная связь.

Рассмотренные в этой главе материалы дают автору основание сделать несколько важных заключений. Констатируется факт исчезновения общественного землевладения, как государственного, так и городского (земли города, курии). Общественные земли становятся частной собственностью. Подъем мелкого частного землевладения, имевший место в результате радикальных изменений в III—IV вв., носил временный и непрочный характер. С конца IV в. неуклонно растет крупное землевладение, окончательно конституировавшееся к концу V в. «Хотя оно и не вытеснило мелкое свободное землевладение, . . . оно безусловно представляло собой мощные хозяйственные и социальные комплексы, . . . прямо или косвенно определявшие развитие всей совокупности социально-экономических отношений в городе и округе. Это конечно еще не полностью сложившиеся феодальные отношения, но ряд элементов, характеризующих эти отношения, безусловно, налицо». Отметим, что И. Ф. Фихман справедливо критикует Б. Бечреча, который в статье «Были ли феодализм в византийском Египте?»² пришел к отрицательному решению этого вопроса, исходя из неправильного понимания этого строя. «И исходные позиции, и выводы Б. Бечреча неприемлемы», — пишет И. Ф. Фихман (с. 97, прим. 197).

Аграрный характер города не исключал наличия в нем развитого ремесленного производства. В главе об экономике Оксириха (с. 98—181) прежде всего уделено внимание этой теме, которой И. Ф. Фихман в свое время посвятил книгу «Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в.» (М., 1965).³ В рецензируемой работе учтены новые папирологические публикации и многочисленные исследования последнего десятилетия, а сами вопросы теснее увязаны с социально-экономической жизнью города. Автор прежде всего констатирует, что «известная благоприятная основа для широкого и разностороннего развития ремесленного производства и торговой деятельности сохранилась на протяжении всего существования Оксириха в рассматриваемое время» (с. 99). И. Ф. Фихман отмечает как черту этого города, сближающую его с другими египетскими городами, высокую специализацию

¹ Помимо архива Апионов, в книге И. Ф. Фихмана использованы и другие — архив Фл. Анастасии, архив Евлогия и др.

² *Bachrach B. Was There Feudalism in Byzantine Egypt?* — «The Journal of the American Research Center in Egypt», 6, 1967, p. 162—166.

³ См. нашу рецензию: ВВ, 30, 1969, с. 247—252.

производства и сочетание работы ремесленника по изготовлению изделий с деятельностью, связанной с их продажей.

Глава содержит детальную характеристику разнообразных видов ремесленного производства и торговли; в ней рассмотрен обширный круг вопросов, которые связаны с изучением каждого из ремесел. Богатство проанализированных материалов трудно оценить в рецензии. На этой основе дается общая характеристика экономики города. На первом месте стоит важнейший вопрос — вопрос о социальном составе ремесленников и торговцев, о соотношении свободного и рабского труда и направлении изменений, происходивших в этом соотношении. К этим вопросам автор снова возвращается в последней (пятой) главе, посвященной характеру социальных отношений в Оксирихе.

Автор вновь уделит много внимания корпорациям ремесленников и торговцев⁴. В этой связи автором поставлена принципиально важная проблема об отличиях корпораций византийского времени от подобных же объединений — коллегий римского времени, об эволюции, наблюдающейся в корпорациях византийского времени. И. Ф. Фихман приводит следующие результаты своего анализа. 1. Абсолютная численность корпораций возрастает за счет резкого увеличения числа профессиональных корпораций. Исчезают корпорации культового и других типов. 2. Корпорации выступают в роли посредников между государством и их членами, с одной стороны, служа проводниками государственных требований, с другой — защищая в пределах, дозволенных законом (а иногда и в нарушение его) интересы своих членов. 3. Наиболее важные, с точки зрения потребностей государства, корпорации попадают в разряд полностью зависимых корпораций принудительного типа. При сохранении известной видимости демократического устройства корпорации используются для сбора налогов с ее членов, выполнения государственных повинностей. Все это способствовало сосредоточению власти в руках единоличного главы. По данным папирусов Оксириха, переход от коллективного руководства корпорациями к единоличному отнесен И. Ф. Фихманом к IV в. Новый тип корпораций, зависимых от крупного землевладения, сужал сферу деятельности независимых корпораций и подрывал их социально-политический вес. С развитием таких корпораций, на которые государство могло воздействовать только через геухов, «городская организация вряд ли была способна оказывать настоящее влияние на них» (с. 178).

Аналогии и отличия византийских корпораций Египта при сопоставлении их со средневековыми цехами, по мнению автора, таковы: 1. египетские корпорации, подобно средневековым цехам, практически объединяли всех городских ремесленников и торговцев. Но в отличие от цехов, они не обладали монопольным правом на занятие профессией; 2. как в первых, так и во вторых преобладало мелкое производство с использованием почти исключительно свободного труда, в том числе и наемного, однако в Египте не было четкой цеховой иерархии (ученик — подмастерье — мастер), характерной для средневековых цехов; 3. несопоставимо и их значение в жизни города, что неудивительно, если учесть ту роль, какую играли в Египте развивающееся крупное землевладение и государственные органы. «Любопытно, что именно в корпорациях, зависимых от крупных землевладельцев, в хозяйствах которых проявились сильнее феодальные черты, более выпукло выступают и некоторые моменты, характерные для средневековых цехов (замкнутость, взаимный контроль и т. д.). В то же время ряд уставных положений и тенденций, ярко проявившийся в средневековых цехах, является дальнейшим развитием особенностей, свойственных позднеримским профессиональным корпорациям» (с. 179). Сходство и различия между объединениями, возникшими на заре средневековья, и средневековыми цехами эпохи развитого феодализма, констатируемые автором, представляют значительный интерес при определении общественно-экономической структуры ранневизантийского города. Наблюдения автора опираются на убедительную документацию, подобной которой не располагает ни один из других ранневизантийских городов. Поэтому правильность конечного вывода автора о том, что экономика Оксириха «во всяком случае в VI в. носит черты несомненно феодализующего города», не вызывает сомнений.

Последняя глава книги «Социальные отношения» открывается общими замечаниями (с. 182—190). Автор высказывает ряд важных соображений, оценивая значение юридических источников и законодательства при исследовании проблемы социальной стратификации. Он указывает, что юридические источники при всей их важности не могут дать точного представления о сословиях и социальных группах и их соотношении друг с другом. В то же время объективное содержание законоположений «проливает свет как на конкретную социально-экономическую и политическую обстановку, вынуждавшую (законодателей. — *Е. Л.*) принимать те или иные решения, так и на цели, преследуемые правительством, выражавшим и защищавшим интересы всего господствующего класса или тех его группировок, которые в данный момент определяли правительственную политику» (с. 182).

В ходе дальнейшего изложения совершенно основательно первостепенное внимание уделено судьбе рабства и рабовладельческих отношений в Византии. Хотя автор отнюдь не ставит своей задачей в данной книге рассмотрение всего законодательного материала и проблемы в целом, а лишь затрагивает ее в применении к Оксириху

⁴ О невозможности составить не только полный, но даже приблизительный список корпораций см. с. 158 и сл.

(с. 187), высказанные им мысли представляют и более широкий интерес при изучении вопроса о судьбах рабства в Византии. Следует признать справедливым то соображение, что самого факта сохранения института рабства, подтвержденного как ранне-византийским, так и позднейшим законодательством, «недостаточно для утверждения, что это законодательство рабовладельческого государства» (с. 183). По нашему мнению, И. Ф. Фихман прав, указывая, что при изучении противоречивых тенденций в законодательстве особое значение для решения проблемы социальной структуры общества приобретает анализ нововведений, которые в этот сложный период являются вынужденной уступкой государством рабовладельческих позиций в пользу более перспективной и прогрессивной формы эксплуатации зависимых свободных работников — колоната и в этом смысле особенно показательны.

Документально подтвержденные доказательства падения значения рабства и особенно производственного использования рабов с IV в., приведенные в разделе «Рабы и их значение» (с. 190—208), представляются нам бесспорными. Цифровые данные, полученные в результате изучения около 1200 документов византийского времени (против примерно 1850 — римского), дают основание считать, что «в византийское время рабы (включая вольноотпущенников) составляли около 1/9 числа рабов и вольноотпущенников, засвидетельствованных римской документацией» (с. 196).⁵

Всесторонний анализ сохранившихся документов византийского времени (в том числе большого числа хозяйственных записей, распоряжений и т. п.) дает основание автору для утверждения, что «вывод о сокращении численности рабов не следствие случайного состояния нашей документации, а отражение реальной действительности. С большой точностью можно определить и рубеж, когда рабство сдает свои позиции. . . Тенденция к снижению замечается и в III в. (по отношению ко II в. — Е. Л.). Но это снижение не идет ни в какое сравнение с резким падением числа рабов (упоминаемых в документах. — Е. Л.) в IV в. (123 — II в., 103 — III в., 9 — IV в.)» (с. 197). Автор также указывает «на тот бесспорный факт, что ни один из рабов, упоминаемых в византийской документации, не обладает профессией» (там же). В целом можно заключить, что в византийском Оксирихе полностью исчезают сведения об использовании рабов в городском производстве. Рабство продолжало, однако, существовать, хотя и не играло важной роли в жизни города. Рабы использовались как обслуживающий персонал состоятельными людьми, преимущественно крупными землевладельцами, представителями администрации и армии (с. 202—203).

В положении свободной части населения города также констатируются серьезные изменения: на смену строго регулируемому делению на жителей, плативших поголовный налог полностью, тех, кто платил 12 драхм в год (так называемых двенадцатидрахмиков) и представителей греческой (эллинизированной) элиты («тех из гимнасия»), приходит новое деление на куриалов и городской плебе, охватывавший по существу все трудовое население города.

С IV в. быстро начинает терять значение сословие куриалов и расти крупное землевладение, в состав которого входили представители местной, провинциальной и даже имперской знати. В то же время меняется и положение низших слоев свободного населения. При формальной свободе и полноправии они прямо или косвенно попадают в зависимость от крупных землевладельцев. Хотя муниципальная организация сохранилась вплоть до арабского времени, это было лишь номинальное существование. «Решающее слово при рассмотрении вопросов, касающихся муниципальной организации, принадлежало с конца V в. крупным землевладельцам» (с. 251). Заклучая свое исследование, И. Ф. Фихман подчеркивает резкое отличие Оксириха в конце византийского периода от Оксириха римского. «Менее разительные в области городской экономики (ремесла, торговля), очень сильные в области аграрных и социальных отношений и в культуре, эти изменения придали городу совершенно иной облик, весьма далекий от того, который обычно ассоциируется с понятием «античный город». Переломным периодом в истории Оксириха следует считать IV — первую половину V в. Дальнейшее развитие было логическим завершением тех глубоких сдвигов, которые произошли в этот период» (там же). Можно высказать сожаление, что полное отсутствие оксиринхской греческой документации после арабского завоевания Египта (коптские и арабские папирусы до сих пор не изданы) не дало возможности автору проследить дальнейшее развитие тех социальных явлений, которые он столь убедительно констатировал в византийский период.

Мы рассмотрели далеко не все вопросы, которые поставлены и глубоко проанализированы в капитальном исследовании И. Ф. Фихмана. Подводя итог, мы не можем не присоединиться к той высокой оценке рецензируемого труда, которая была недавно дана ему таким авторитетным египтологом, как академик М. А. Коростовцев: «Перед читателем разворачивается яркая и детальная картина феодализации Египта, процесса, не вызывающего никаких сомнений».⁶

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одно достоинство книги — ее прекрасное оформление. Хотя книга по независимым от воли автора причинам подвергалась многократным и весьма существенным сокращениям, приведенным к до-

⁵ Мы привели только некоторые из итоговых цифровых данных. В тексте книги они анализируются детально.

⁶ Коростовцев М. А. Проблемы истории Древнего Востока. — ВИ, 1976, № 1, с. 87.

содному исключению всех таблиц, ряда разделов, части текста и научного аппарата, к некоторому упрощению библиографических описаний в списке сокращений (опущены подзаголовки монографий и названия публикационных серий; ср. И. Ф. Фихман, «Египет на рубеже двух эпох. . .»), хотя типография не сумела обеспечить полностью безупречный греческий и коптский текст (первый почти целиком заменен латинской транскрипцией), книга издана в соответствии с самыми строгими требованиями, предъявляемыми к научному изданию. Она снабжена полным указателем источников (включая перекрестные отсылки), хорошо продуманным предметным указателем, подробными французским резюме и французским оглавлением. Особенно следует отметить большой раздел «Addenda» (с. 315—331), учитывающий новые данные, ставшие доступными автору уже после того, как книга была набрана, в том числе и неопубликованные к тому времени материалы (с. 325—327). Некоторые из этих дополнений (а они относятся чуть ли не к каждой третьей странице) представляют собой сжатые конспекты статей (см., например, с. 319—321, 325—326). Издательство и, в первую очередь, издательский редактор (тот же, который редактировал первую книгу И. Ф. Фихмана) сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить высокое качество издания.

Е. Э. Липшиц

В. Д. Лихачева. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976.

Исследование памятников культуры, научное познание того, что сотворил гений человека в течение веков в различных областях своей духовной деятельности не только помогает уяснить путь исторического развития культуры, не только рождает законное чувство гордости, но, главное, способствует открытию новых возможностей для творческих достижений в настоящем и будущем. Поэтому каждое серьезное исследование, которое освещает новые страницы культурного наследия, вызывает заслуженный интерес. К таким исследованиям следует отнести и книгу В. Д. Лихачевой «Искусство книги. Константинополь. XI век», посвященную изучению византийской миниатюрной живописи в один из блестящих периодов ее расцвета.

Книга — важнейшая отрасль культурной деятельности человека; даже в том случае, когда содержание заключенного в ней текста оказывается уже отжившим, книга может сообщить много ценных сведений исторического значения. Сопровождающие текст миниатюры, декоративные элементы, украшающие рукописные страницы, открывают особую сферу художественной деятельности — как в интерпретации содержания текстов средствами изобразительного искусства, так и в искусстве украшения рукописной книги в целом.

Щедро иллюстрированные византийские рукописи в этом отношении представляют особенно интересный и ценный материал, тем более, что византийская миниатюрная живопись, прежде всего в примерах блестящих произведений столичных империй — Константинополя, сыграла как искусство и культура Византии в целом, значительную роль в формировании и развитии искусства христианских стран.

Византийской миниатюрной живописи в советском и зарубежном искусствоведении посвящено немало исследований. И тем не менее ценность книги В. Д. Лихачевой несомненна, так как в ней специально рассматривается в науке до сего времени столь обстоятельно не исследованная деятельность двух знаменитых скрипториев Константинополя — императорского и Студийского монастыря — в период наивысшего расцвета их творческой деятельности. Научное значение книги обуславливает, прежде всего, то обстоятельство, что именно в этих столичных скрипториях создавались высокохудожественные произведения миниатюрной живописи, послужившие для мастеров многих стран христианского мира образцами, которым подражали, но которые стимулировали также развитие местных художественных традиций в каждой из этих стран.

В книге привлечен огромный материал, рассматриваются рукописи собраний Советского Союза, а также хранилищ Иерусалима, Парижа, Ватикана, Лондона и многих других.

Тщательное рассмотрение миниатюр на основе их связи с текстом, а также — с характером и назначением самой рукописи позволили автору выявить художественные особенности миниатюрной живописи двух крупнейших центров рукописной книги Константинополя и определить, с одной стороны, черты, связывающие их с общим процессом византийского искусства в целом, а с другой — сугубо локальные традиции, сформировавшиеся в каждом из этих скрипториев.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения; содержит 183 страницы текста, свыше 50 фотографий (из них 8 цветных). Исчерпывающе приведенная научная литература с соответствующим авторским комментарием, иконографический указатель, указатель рукописей с включением основных их изданий повышают научную ценность работы.

Во введении (с. 5—9) автор определяет характер и значение средневековых книг, византийских в том числе, и сразу же оговаривает, в связи с исследуемой проблемой, необходимость рассмотрения миниатюр как органической части рукописной книги в целом. Таким образом, исследовательский подход автора отвечает требованиям не так давно определившейся науки — кодикологии.

В первой главе («Искусство живописи в Константинополе второй половины XI века», с. 9—30) автором излагаются основные исторические события, дается характеристика эпохи и на ее фоне — общая характеристика византийского искусства данного периода. Сравнение памятников Константинополя и удаленных от него мест позволяет автору суммировать стилистические особенности этих произведений и связать их с различными художественными традициями, свидетельствующими не только о широком распространении влияния Константинополя, но и об обогащении искусства столицы за счет искусства восточных провинций империи.

В данной главе автор привлекает, помимо миниатюр, обширный материал различных видов средневекового искусства — мозаики, росписи, иконы, предметы прикладного искусства. Это дает возможность В. Д. Лихачевой охарактеризовать существовавшие в самом Константинополе различные направления; не ускользает от внимания автора наличие в константинопольских произведениях черт, близких манере провинциальных мастеров.

Вторая глава (с. 31—66) посвящена императорскому скрипторию, его деятельности во второй половине XI в., здесь рассматриваются наиболее значительные из созданных в этой мастерской иллюминированных рукописей. Исследуя все элементы декора, автор не оставляет без внимания и почерк, характерные особенности которого играют не малую роль в декоративном убранстве страницы. Анализируя изысканные миниатюры рукописей императорского скриптория, В. Д. Лихачева верно замечает, что эти доступные лишь узкому кругу произведения не имели столь широкого распространения в качестве образцов, как, к примеру, миниатюры Студийского монастыря, которые отвечали самым широким вкусам и копировались далеко за пределами страны.

Третья глава (с. 67—103) отведена рассмотрению миниатюр, созданных в скриптории Студийского монастыря (предварительно автор знакомит читателя с историей этого монастыря). Атрибуция миниатюр (при редком наличии соответствующих сведений в записях) проводится на основе анализа миниатюр и сравнения их с широко привлеченным параллельным материалом. Рассмотрение декора рукописей, исполненных в разное время и в различных культурных центрах, убедительно демонстрирует широкое распространение в качестве образцов произведений миниатюрной живописи Студийского монастыря.

Особый интерес представляет в книге четвертая глава (с. 104—144), в которой стилистические особенности миниатюр определяются в зависимости от их связи с богослужебным обрядом. Предварительно автор останавливается на исторических условиях и кратко определяет идейные предпосылки, на основе которых складывался в тот период обряд богослужения; прослеживается влияние все возрастающей роли монастырей и интереса к монашеской жизни на программу и стиль монументальной и миниатюрной живописи. Влияние богослужения на оформления текстов манускриптов прослеживается на различных литургических рукописях (лекционарии, псалтири, минологии, свитки), в которых оно сказалось не только на отборе миниатюр по их содержанию и иконографии, но и на общей системе иллюстрирования рукописей.

В последней главе (с. 145—161) определяются общие принципы, сложившиеся в данную эпоху в системе декоративного убранства византийской рукописи. Сравнение с ранними рукописями дает возможность автору представить как эволюцию этой системы, так и устойчивость некоторых признаков.

Суммируя свои наблюдения, В. Д. Лихачева в заключении (с. 162—165) формулирует одно из важных положений — о роли миниатюр в истолковании текста, что расширяет их роль за пределы простой иллюстрации событий и представляет эти миниатюры своего рода комментариями в наглядной, изобразительной форме. Подобные комментарии давали возможность подчеркнуть определенные смысловые моменты в тексте. Убедительно раскрывает автор возможности выражения прообразовательных связей обеих частей Библии посредством отбора миниатюр и изображения их на полях псалтирей, рядом с соответствующими строками текста. Интересны наблюдения относительно использования более скромного или пышного декора, в зависимости от степени торжественности служб христианской церкви. Рассматривая декор рукописи вместе с текстом, В. Д. Лихачева выделяет органическую связь этих двух компонентов рукописной книги и в смысловом и в зрительном — эстетическом отношении.

В исследовании встречаются некоторые определения, требующие уточнения. Автор указывает на создание в XII в. в Грузии, в Гелатском монастыре «Византийской академии» (с. 12). Подобное определение не соответствует историческому факту и не встречается ни в письменных источниках, ни в исследованиях по истории Грузии. Гелатская академия могла быть «типа византийской», что не тождественно данному автором определению.

Нельзя не согласиться с автором, что обращение греческих мастеров к уже имеющимся образцам может свидетельствовать об их эрудиции, их художественном методе, но не совсем понятно, почему это можно рассматривать, как «смелость художников-иллюстраторов» (с. 132).

В одном из цитированных в книге трудов (с. 83) действительно ставится вопрос о влиянии иконной живописи на миниатюры Синаксаря А-648; но и композиционные и стилистические особенности этих миниатюр там рассматриваются, прежде всего, в зависимости от утверждения отвлеченного, иератического стиля в литургических рукописях определенного времени.

В миниатюрах Синаксаря, в однофигурных композициях нет подробного изображения архитектурного и пейзажного фона, на которые указывает автор, по аналогии с миниатюрами Ватиканского минология (с. 121; сам же автор на с. 122 правильно отмечает в этих миниатюрах наличие золотого фона и лишь полосы условно обозначенной почвы).

Некоторые неточности такого рода не могут умалить достоинства и научную ценность этого исследования. Изложенная живо, лаконично и доходчиво, эта хорошо изданная книга должна представлять интерес не только для специалистов, но и для любителей искусства.

Г. Алибегашвили

А. И. Вольская. Росписи средневековых трапезных Грузии. Тбилиси, 1974.

Очевидно, не простой случайностью можно объяснить то обстоятельство, что в последние годы не изученными до сих пор фресками пещерных монастырей Малой Азии активно занимаются женщины-византинисты. Тщательный анализ исследуемых ими находящихся в труднодоступных местах памятников, точность приводимых аналогий, выразительные и эмоционально насыщенные характеристики живописных композиций отличают работы Николь Тьерри и Жакиль Лафонте-Дозонь. Те же особенности сближают с этими работами и монографию А. И. Вольской. Фрески Давид-Гареджийских монастырей в основном по причине труднодоступности своего расположения были до сих пор изучены весьма фрагментарно. Как первооткрыватель А. И. Вольская обращается к периоду блестящего расцвета грузинского искусства — XI—XIII вв. На примере изучаемых ею произведений она рассматривает такие важные для средневековой проблемы, как связь искусства и сакрального слова, творческое использование византийского наследия грузинскими мастерами, основные черты иконографии росписей.

Книга А. И. Вольской посвящена фрескам трапезных монастырей Удабно и Бертубани в Давид-Гареджийской пустыни, которые наряду с фрагментами живописи в Шии-Мгвими — единственные сохранившиеся в Грузии от этого периода. Они дают возможность представить систему росписей в трапезных средневековья вообще, изучить влияние на оформление этого светского по своему назначению помещения церковной живописи, выявить основные тенденции в развитии грузинских фресок периода XI—XIII вв., стилистические принципы Давид-Гареджийской художественной школы.

В Удабно и Бертубани постройки прорублены в горных кряжах на довольно большой высоте, в несколько ярусов. Храмы и трапезные среди других монастырских помещений выделены размерами, их особое значение подчеркивается также росписями. Однако прежде, чем перейти к основной цели своего исследования — рассмотрению фресок, А. И. Вольская внимательно анализирует архитектуру трапезных. Ее своеобразие, связанное с пещерным характером монастырей, ученый выявляет на основании аналогий с сохранившимися в Грузии зданиями трапезных, а также с теми, которые дошли до нас на Афоне и в Каппадокии. Подробное изучение архитектуры необходимо исследователю для определения системы росписей и ее своеобразие.

Вторая глава монографии посвящена системе фресок трапезной Удабно. В этом монастыре фрески трапезной были созданы одновременно с храмовыми — в конце X — начале XI в. На стенах трапезной изображены только три сюжетные композиции — Троица, Тайная вечеря и Благовещение. На репертуар живописи трапезной оказала влияние храмовая система росписей. В связи с этим в абсиде трапезной помещена Деисусная композиция. В грузинских храмах обычно полагающуюся по византийскому канону фигуру Богоматери в алтарной нише заменял Деисус. Следует отметить, что изображение Деисуса в абсиде, кроме Грузии, встречается в XII в. в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в Пскове и в Палатинской капелле в Сицилии.

Основная же тема росписей трапезной — изображение отдельно стоящих святых, из которых художник отдает предпочтение тем, которые особенно почитались в средневековых монастырях, и тем, культ которых был развит в Грузии. Наряду со столпниками и египетскими аскетами, здесь представлен Евфимий Святогорец, и, таким образом, мы имеем первое прижизненное изображение этого выдающегося афонского подвижника. На стене трапезной помещен и портрет св. Давида, основателя Гареджийских монастырей, сцены из жизни которого даны уже в самом храме Удабно с его отличающейся нарративным характером системой росписей. Напомним, что тот же интерес к изображению фигур святых монахов характерен и для относящихся к первой половине XI в. мозаик византийского монастыря Оснос Лукас в Фокиде. Однако, как становится ясным из тех отождествлений святых, которые приводит А. И. Вольская, в росписях Удабно, как впрочем (забегая вперед, отметим) и в Бертубани, отсутствуют изображения Иоанна Климaksa и Феодора Студита, которых прежде всего в галерее портретов святых, связанных своей деятельностью с монастырями, помещали византийские художники.

А. И. Вольская, обращаясь к анализу стиля фресок, отмечает трудности, возникающие перед их авторами в связи с тем, что помещение трапезной имеет большое

количество узких простенков. Живопись располагается одним единственным регистром, проходя по всем стенам трапезной. Репрезентативные, статичные композиции, как отмечает исследователь, напоминают ряд повешенных на стены икон. В каждой из них выявлен ритмический повтор торжественно предстоящих фигур. Каждая выделена самостоятельным обрамлением. Мерное чередование красочных пятен подчеркивает тектоничность росписи. А. И. Вольская указывает как на характерные черты стиля фресок их праздничный колорит, спокойный рисунок, плоскостную линейную манеру исполнения. По верному наблюдению ученого, здесь монументальность стиля сочетается с декоративностью.

Автор книги не ограничивается только исследованием фресок трапезной, но столь же внимательно рассматривает и роспись храма того же монастыря Удабно, полагая однако, что ее выполняли, хотя и в то же самое время, иные художники. Проводимое исследователем сравнение с кашпадокийскими росписями показывает, что жившие в Удабно более высока по мастерству. Здесь скрестились восточно-христианские, близкие к кашпадокийским, черты с чертами, идущими из самого Константинополя; от столицы Византийской империи в росписях Удабно — лаконизм композиций, сдержанность колорита и рисунка.

Третья глава монографии посвящена росписям трапезной Бертубани. В главном храме этого монастыря помещены портреты царицы Тамары и ее сына Лаши Георгия, который здесь представлен возмужалым и с бородой. На основании этих портретов можно определить, что фрески относятся ко времени их совместного царствования, то есть к 1212—1213 гг. Одновременно с церковью была расписана и трапезная. Обширный зал трапезной с ее почти лишенными членений гладкими стенами производит впечатление намного более роскошно оформленного, чем в Удабно. Роспись единым регистром обходит стены зала, согласуясь с его лаконичным и простым архитектурным решением, подчеркивая большие размеры помещения.

Здесь более разнообразен, чем в Удабно, репертуар фресок. Прежде всего обращает на себя внимание увеличение числа повествовательных композиций. Кроме Троицы, Тайной вечери и Деисуса, в трапезной Бертубани на стенах помещены такие сцены, сюжет которых связан с трапезой; это — Брак в Кане, Чудо умножения хлебов, а также Встреча Христа и самаритянки. С культом св. Давида связано появление сцены «Доение ланей Лукианом». Как обоснованно предполагает исследователь, на поврежденном участке северной стены, слева от абсиды, очевидно, были изображены композиции «Христос в Эмаусе» или «Пир у Симона». В целом система росписей традиционна для грузинских храмов. В трапезной, как и в церквах, на потолке помещен крест, а в абсиде — Деисус. В отличие от трапезной в Удабно, изображения почитаемых в православных монастырях святых в Бертубани отсутствуют.

Различие в иконографии и художественном стиле фресок обеих трапезных определяется, по мысли ученого, различием во времени их исполнения. Бертубанская роспись в целом производит впечатление более светской по своему характеру. Здесь нет разделительных полос между композициями, но каждая из них в равной мере четко читается. Живопись главной северной стены, на которой расположена ниша настоятеля, покрытая орнаментом, имитирующим богато декорированную ткань, наиболее насыщена по цвету. Среди всех сцен акцентировано Чудо умножения хлебов, сцена, которую сам художник считал особенно важной для монастыря Бертубани. Бертубанские художники расписывали стены своих трапезной и храма почти в те же годы, когда работали их грузинские собратья в храмах Кинчвиси и Бетани.

Постоянно стремясь определить место фресок не только среди памятников грузинского искусства, но и среди произведений монументальной живописи Византии, А. И. Вольская приводит в качестве аналогий слишком разные, на наш взгляд, росписи. Это — созданные в конце XII—начале XIII в., очевидно, приглашенными из Константинополя художниками мозаики Чефалу и Монреале, фрески Нерези и сербские росписи Сопочан.

Изучение живописи монастырей Давид-Гареджи представляется чрезвычайно важным для определения общих принципов системы росписей пещерных храмов в странах византийской культуры. Благодаря столь досконально проведенному анализу фресок Удабно и Бертубани, их можно теперь сравнить с пещерными монастырями не только Кашпадокии, как это делает А. И. Вольская, но и Болгарии. Довольно хорошо сохранившиеся фрески скальных монастырей по рекам Янтра и Русенски Лом (более 20 храмов) дают богатый материал для проведения аналогий с грузинскими памятниками.

Монография А. И. Вольской важна и для изучения особенностей живописи средневековых трапезных, которые сохранились до наших дней в ограниченном числе. Среди афонских трапезных к периоду средневековья (XIV в.) относятся лишь фрески трапезной Хиландарского монастыря. Они до сих пор находятся под записью XVII в., а потому не исследованы. Однако по некоторым оставшимся не покрытыми поздней росписью фрагментам можно судить, что здесь была принята иная система живописи, чем в Давид-Гареджи. Здесь, как, впрочем и во многих западноевропейских трапезных (бенедиктинские монастыри Германии, Испании), основными были ветхозаветные темы, как Гостеприимство Авраама, Жертвоприношения Исаака.

Книга А. И. Вольской ценна не только потому, что в ней вводится в научный оборот такой важный памятник грузинской средневековой живописи, как фрески Давид-Гареджи, которые имеют значение для изучения византийского и в некоторой

степени западного романского периода искусства, но и по многим другим причинам. Книга может быть рассмотрена как образец тонкого искусствоведческого анализа, бережного отношения к памятникам средневековья, умения найти для них те слова и те определения, которые с особой точностью выражают их внутреннюю сущность и не могут быть применены к произведениям искусства нового времени.

В. Д. Лихачева

О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Монография О. В. Творогова посвящена исследованию хронографов — широко распространенных и весьма сложных произведений древней русской историографии, игравших важную роль в истории культуры древней Руси с момента их появления в XI в. и до конца XVI в. Будучи «поистине энциклопедическими памятниками» (с. 4), хронографы содействовали расширению литературного и культурного кругозора древнерусских книжников. В архивах и библиотеках нашей страны хранится множество их списков. Их изучение способствует лучшему пониманию древнерусской культуры и литературы, помогает выявлять изменения культурно-исторических интересов, воззрений, литературных вкусов общества древней Руси.

Рецензируемая книга является итогом многолетнего изучения автором древнерусских хронографов. На протяжении последних лет на страницах периодических сборников и изданий источников О. В. Твороговым были опубликованы статьи, в которых анализировались отдельные хронографические памятники. В этих работах была дана их развернутая характеристика, выяснены состав и источники, определены редакции каждого хронографа (Хронограф по великому изложению, Еллинского летописца, Русского хронографа, Хронограф Западнорусской редакции, Хронограф редакции 1617 г.) и выработана методика их исследования¹. Выводы этого скрупулезного изучения были суммированы, развернуты и углублены О. В. Твороговым в обобщающем труде, в котором, наряду с выявлением характерных особенностей, присущих отдельным хронографическим компиляциям, прослеживаются общие черты их эволюции. В своих исследованиях автор опирался на фундаментальную базу, созданную трудами таких выдающихся историков, филологов и археографов, как А. Н. Попов, В. М. Истрин, А. А. Шахматов, С. П. Розанов, А. Д. Седельников, Д. С. Лихачев, Н. А. Мещерский, в работах которых были подвергнуты углубленному анализу хронографические произведения XI—XVII вв. Учтены О. В. Твороговым и все новейшие точки зрения. Он критически оценил достижения своих предшественников и пересмотрел многие традиционные представления об истории отдельных хронографов.

Для написания монографии О. В. Творогов привлек новые материалы: были выявлены и обследованы многие новые, ранее не известные списки Хроники Амартола, обеих редакций Еллинского летописца, Троицкого хронографа, всех редакций Русского хронографа.

Проанализировав все существовавшие одновременно хронографические своды и тщательно изучив их рукописную традицию, автор установил их взаимоотношения, уточнил источники, положенные в их основу, определил время появления отдельных хронографических сочинений. Ему удалось проследить историю хронографического жанра во всей совокупности представляющих его памятников. По существу в книге дана общая картина развития древнерусской хронографии XI—XVI вв.

Монография О. В. Творогова написана живо, интересно, образно, превосходным языком. Использованы некоторые художественные приемы, с помощью которых автор разъясняет или иллюстрирует отдельные положения своего труда, как, например, рассуждение о «трех этажах», составляющих книгу (с. 6—7), или уподобление со-

¹ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965; Троянские сказания. Подготовка текста и статьи О. В. Творогова. Комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972; Творогов О. В. Русский хронограф и задачи его изучения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 50—52; он же. О хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, с. 162—177; он же. К истории жанра хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVII, 1972, с. 203—226; он же. К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — Там же, с. 380—404; он же. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, т. XXVIII, 1974, с. 99—113; он же. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода. — Там же, с. 353—364; он же. Текстология и лексикография. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 175—183; он же. Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973, с. 224—260; Рыбин В. А. и Творогов О. В. Материалы к классификации списков Русского хронографа. — Там же, вып. 2. М., 1976, с. 140—156.

ставителя Хронографа 1512 г. некоему искусному фортификатору (с. 39—40). Следует отметить и четкость изложения, характерную для всей работы в целом.

Очень удачна композиция книги, последовательность и взаимосвязь глав. Книга состоит из предисловия, восьми глав и заключения.

В предисловии, первой главе и заключении изложены общие вопросы исследования хронографов. В предисловии автор разъясняет причины своеобразной структуры монографии, причины, заставившие отделить обобщающую часть от текстологической характеристики каждого из исследуемых памятников и подробного описания состава пяти хронографических компиляций (Полной и Краткой хронографических палей, Троицкого хронографа и обеих редакций Еллинского летописца), которое дано в приложении к основным главам работы.

В первой главе освещены историография древнерусских хронографов и современное состояние изучения проблемы, изложена история хронографических сводов XI—XVI вв., рассмотрены основные этапы эволюции хронографического жанра и его место в истории древнерусской литературы и культуры.

Во второй—восьмой главах исследуются отдельные хронографические сочинения: Хронограф по великому изложению (глава II), Троицкий хронограф (глава III), Хроника Георгия Амартола и русские хронографические своды (глава IV), Летописец Еллинский и Римский (глава V), Русский хронограф, Хронограф редакции 1512 г. (глава VI), Хронограф Западнорусской редакции (глава VII), Хронограф Пространной редакции (глава VIII). В этих главах содержится характеристика и «основная текстологическая аргументация» каждого из названных памятников. О. В. Творогов описывает их состав, кратко излагает их содержание, сообщает сведения о рукописной традиции, указывает издания, ставит и — насколько возможно — разрешает проблему авторства и датировки, выясняет их источники. В центре внимания автора находятся вопросы общего развития древнерусской историографии, создания хронографического жанра и совершенствования методов и навыков работы составителей хронографических компиляций. О. В. Творогов показывает, как с течением времени изменяются приемы древнерусских книжников по обработке материала и вырабатывается новый стиль повествования, который нашел свое наиболее яркое выражение в Хронографе редакции 1512 г. и других разновидностях Русского хронографа. Выводы О. В. Творогова представляются убедительными и открывают новые возможности для дальнейшего исследования нерешенных проблем древнерусской хронографии.

Автор справедливо отмечает ту существенную роль, которую сыграл в развитии раннего летописания и хронографии XI—XV вв. составленный в XI в. по Хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы Хронограф по великому изложению, положенный, по его мнению, в основу повествования Начального свода и являвшийся главной составной частью истории-хронографических сборников. Он выявил три вида Хронографа. По наблюдениям ученого, второй вид был использован при составлении Троицкого хронографа, а третий — при написании Полной и Краткой хронографических палей и второй редакции Еллинского летописца.

Впервые автор всесторонне обследовал Троицкий хронограф и установил, что этот памятник наряду с Иудейским хронографом и Архетипной редакцией Еллинского летописца представляет собой ранний этап развития древнерусской хронографии; его изучение позволяет более точно осветить историю Хронографа по великому изложению, Хронографической Александрии и других произведений из текстологического «конвоя» Хронографа по великому изложению.

Анализ текста Хроники Амартола привел О. В. Творогова к аргументированному выводу о существовании особой «хронографической» редакции Хроники. Он выявил ее отличие от редакции, представленной отдельными списками данной Хроники, и доказал, что она непосредственно восходит к архетипу списков славянского перевода. В работе существенным образом пересмотрена традиционная история текста Хроники Амартола.

Много нового внесено автором в разработку истории Еллинского летописца. Исследователь считает, что обе редакции Еллинского летописца не зависят друг от друга и базируются на не дошедшей до нас редакции памятника, которую он назвал Архетипной. В центре внимания О. В. Творогова находится изучение второй редакции Еллинского летописца, которая, как он полагает, была составлена в первой половине XV в., в эпоху, являющуюся одним из важнейших этапов в развитии общественной мысли и культуры древней Руси.

Изучив списки Русского хронографа, автор присоединился к мнению Б. М. Клосса, доказавшего, что одним из источников Русского хронографа был Сокращенный свод конца XV в. Это позволило О. В. Творогову более точно определить время его появления: Русский хронограф возник на рубеже XV—XVI вв. Редакцию 1512 г. он считает древнейшей из известных ныне редакций памятника. Рассмотрение Хронографа Западнорусской редакции и редакций 1599 и 1601 гг. дало возможность установить зависимость их от Хронографа редакции 1512 г. В монографии коренным образом пересмотрена традиционная схема взаимоотношений Русского хронографа.

В заключение, наряду с подведением итогов работы, О. В. Творогов указывает очередные задачи, которые стоят перед исследователями хронографов: следует продолжить работу по выяснению источников отдельных хронографов, определению вза-

имеотношений хронографов разных редакций и летописей и начать изучение русской хронографии XVII в.

Труд О. В. Творогова имеет большое значение как для специалистов по древнерусской хронографии, так и для исследователей средневековой греческой историографии и литературы. Древнерусская хронография была неразрывно связана с хронографией византийского и поствизантийского времени, оказавшей огромное влияние на ее становление и развитие. Однако судьбы византийской и поствизантийской литературы, различные аспекты ее соотношения с письменностью других народов византийско-славянского круга изучены недостаточно. Тем важнее работа О. В. Творогова, в которой разработаны методика исследования сочинений этого жанра и кардинальные вопросы развития хронографии. Автор справедливо отмечает, что хронографы следует рассматривать не только как памятники историографии, но и как первоклассные литературные произведения (с. 42—43). Для исследователей византийской хронографии чрезвычайно важно наблюдение О. В. Творогова о постепенном проникновении отдельных статей текстологического «конвоая», сопровождающего хронографы, в основной текст их.

Анализ византийских и древнерусских историко-хронографических сборников, в которые включены всемирные хроники, обнаруживает много общего в их составе. В тех и в других, наряду с обширными хронографическими произведениями, помещены небольшие заметки, уточняющие и дополняющие их содержание. Изучение византийских историко-хронографических кодексов показывает, что состав их текстов с течением времени изменялся: в рукописях XI—XII вв., в которых приведены произведения византийских хронистов Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола и др., текстологический «конвоай» отсутствует; в сборниках XIII—XV вв. встречаются и хронографические сочинения, и дополнительные статьи справочного характера; в кодексах XV—XVI вв. объем справочного материала сведен до минимума, чаще всего в них помещены только обширные хроники.

В настоящее время вскрыть причины изменения состава историко-хронографических сборников из-за недостаточной разработанности данного вопроса в византийско-ведческой литературе невозможно. Быть может, отсутствие справочного материала в кодексах XI—XII вв. следует объяснить наличием необходимых сведений в помещенных в них сочинениях хронистов. Составители сборников, экономя писчий материал, не хотели, по-видимому, повторять сведений, уже имеющихся в хрониках. Отсутствие текстологического «конвоая» в сборниках XV—XVI вв., по всей вероятности, вызвано тем, что создатели поздневизантийских хронографических произведений, так же как и древнерусские авторы, включали в свои труды известия из дополнительных статей, входивших раньше в состав историко-хронографических кодексов. Однако все это требует дальнейшего изучения византийской хронистики. Монография О. В. Творогова указывает путь, по которому следует идти, чтобы лучше изучить развитие византийской хронографии.

Большой интерес представляет вывод О. В. Творогова об энциклопедическом характере древнерусских хронографов. Он отмечает богатство и разнообразие их содержания, указывает, что в них помещены сведения по географии, естествознанию, космографии, мифологии, литературе, богословию, истории церкви и культуры. Эти же данные содержатся и в византийских всемирных хрониках, которые также знакомили своих читателей с широким кругом знаний современной им науки. Следует сказать, что по составу и содержанию византийские всемирные хроники аналогичны не только переводным древнерусским хронографам, но и оригинальным хронографическим сводам, возникавшим на Руси. Сходство произведений, появившихся и бытовавших в соседних странах, можно, конечно, объяснить влиянием литературы одного народа на литературу другого. Безусловно, византийская хронистика оказала огромное воздействие на древнерусскую хронографию, однако нельзя ограничиваться только этим объяснением. Следует обратить внимание и на другие факторы, прежде всего, на общность исторических судеб народов-соседей и общность задач, которые стояли перед составителями хронографов. Кроме того, необходимо учитывать и функции, которые они выполняли в византийском и древнерусском обществе. На основе текстологического анализа хронографов, проделанного О. В. Твороговым, появилась возможность определить их назначение. Очевидно, они были предназначены не только для занимательного чтения, но и играли определенную роль в образовании. В византийском обществе, в кругу образованных греков изучение античной и византийской истории было неразрывно связано с филологией, хотя самого такого понятия не существовало. Все это дает основание предполагать, что возникновение и широкое распространение всемирных хронографических сочинений в Византии и на Руси было вызвано использованием их в образовательных целях. Однако, как у греков, так и на Руси, четкого разделения литературных, историографических и учебных текстов не было, да и не могло быть.

Значение монографии О. В. Творогова трудно переоценить. Прекрасный знаток древнерусской хронографии, он собрал и обработал колоссальный материал. Это позволило ему дать всестороннюю характеристику изучаемых им сочинений, осветить сложный процесс становления и развития древнерусской историографии. Многие его наблюдения ценны не только для исследования хронографии древней Руси, но и для изучения историографии соседних стран.

Однако с некоторыми положениями О. В. Творогова трудно согласиться. Яряд ли можно расценивать включение в русские хронографы античных мифов, взятых из Хроники Иоанна Малалы, как свидетельство интереса к античным сюжетам на Руси. Это скорее результат механического заимствования сообщений из источника. Кроме того, данный материал считался обязательным в системе обучения в Византии и его должен был знать каждый образованный человек. Ведь и «Речь философа» в составе «Повести временных лет» напоминает некоторые историографические памятники Византии.

Вызывает возражение и утверждение О. В. Творогова о якобы малой распространенности Хроники Иоанна Малалы в средневековой письменности. Со всей определенностью можно сказать, что это произведение было широко распространено и оказало значительное воздействие на хронографию сопредельных с империей народов. По словам К. Крумбахера, его влияние было неизмеримо. Известны древние переводы на грузинский, латинский, эфиопский языки, текст Иоанна Малалы использовали как греческие, так и иноязычные авторы².

Е. Э. Гранстрем, З. Г. Самодурова

The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials. An edition, translation and commentary by A.-M. M. Talbot. Washington, 1975, LII+467 p.

Переписка константинопольского патриарха Афанасия I (1289—1293, 1303—1309) была до недавнего времени известна только в небольших отрывках. Несколько лет тому назад ныне уже покойный В. Лоран включил обзор писем Афанасия в IV том патриарших регест¹; теперь американская исследовательница Алиса-Мария Мэффри Толбот подготовила издание 115 посланий патриарха, снабженное английским переводом и подробным комментарием. Объемистый том приносит читателю известное разочарование: несмотря на то, что Афанасий стоял у кормила церковной власти в напряженный период поздневизантийской истории, реальная информация, содержащаяся в его переписке, невелика и буквально утопает в море риторических, деконкретизованных стереотипов; к тому же письма Афанасия не принадлежат к числу первоисточников памятников византийской прозы. И тем не менее исследователь не в праве пренебречь этим материалом, проливающим дополнительный свет на политическую, социальную и культурную жизнь империи на рубеже XIII и XIV вв.

Письма Афанасия рисуют напряженную внешнеполитическую обстановку в стране, турецкую угрозу, каталанскую опасность. Они говорят об угрозе голода и тщетных усилиях правительства снабдить хлебом голодающее население Константинополя². В письмах содержится ряд любопытных деталей, характеризующих хозяйственную жизнь и быт Византии: Афанасий упоминает ветряную мельницу (№ 11.18), сообщает о привозе оливкового масла с Фасоса, Афона и из восточных (малоазиатских) областей (№ 46.64—65), упоминает старух, торгующих рыбой на морском берегу (№ 43.40). По свидетельству Афанасия, митрополиту Сард принадлежали в районе Константинополя виноградник и поле (ζευγλατεῖον), сад и эргастии (№ 25.15—16)³, епископ Вичины сдавал в аренду имущество своей церкви за 800 (перперов) ежегодно (№ 25.14). Афанасий указывает, что по сельскому обычаю, или праву (κατὰ κρίσιν γεωργικῆν), имеющие избыток (περίσσειαν) (земли?) должны платить мотру (διδόναι μотρῆν), те же, кто был лишен (земли), не облагаются мотрой (№ 27.6—8).

Один из существенных институтов поздневизантийского общества, прония, тоже упомянут в переписке: Афанасий возмущается тем, что первый попавшийся архиерей, бежавший из своего города, получал в Константинополе пронию и обиталище (εἰς κλῆτρον προνοίας προσυμενῆσθαι καὶ κατοικίας) (№ 62.30—31). Из этих слов следует, что во всяком случае на рубеже XIII и XIV вв. получателями пронии были не только войны, но и духовные лица. Менее определенно другое свидетельство: Афанасий ходатайствует за деспота (по Толбот, речь идет об Иоанне Палеологе, сыне Андроника II) и спрашивает, почему он не удостоен соответствующей его расходом и званию экономией — пронией (ἐξ οἰκονομίας τινὸς προνοεῖται) (№ 86.12—13). Издательница усматривает упоминание пронии также в послании № 83, где патриарх выступает против

² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 328; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 329—334.

¹ Laurent V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, fasc. IV. Paris, 1971. Помимо переписки, относящейся к первому и второму патриаршеству Афанасия (р. 337—347, 371—559), Лоран поместил (в приложениях) 12 писем, которые он датирует промежутком между двумя патриарствами и временем после второго низложения Афанасия (р. 565—580).

² См. об этом специально Laiou A. The Provisioning of Constantinople during the Winter of 1306—1307. — Byz., 37, 1967, p. 91—113.

³ Толбот понимает ζευγλατεῖον как «упряжка волов» (a yoke of oxen) — но см. Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, с. 150. Термин ἐργαστήριον может означать не только мастерскую (workshop), как понимает его издательница, но и мельницу, что в данном контексте было бы более естественным.

харистикарной системы⁴; называя преступным передачу случайным людям обителей аскетов (№ 83.55—57), он сравнивает такие раздачи с пожалованием воинского ситиресия (τῷ λόγῳ στρατείας σιτηρέσιον) лицам, даже не слышавшим наименований оружия (№ 83.52—55). Толбот полагает, что Афанасий имеет в виду передачу войнам монастырских земель в проноию, но ситиресий означает просто «солдатское жалование».

Афанасий сообщает о лавках и палатках (μελάρια ἢ σκηναί), устроенных за воротами Константинополя и приносивших доход их владельцам (№ 68.18—21, 24—25), иными словами, о наличии торгово-ремесленного пригорода. Он требует, чтобы никто не строил дома вплотную к церквям, ссылаясь, между прочим, на то, что архонты не разрешают возводить строения вблизи от своих жилищ (№ 66.68—69); этот пассаж очень существен для понимания специфики константинопольского градостроительства: здесь, по-видимому, дома (во всяком случае, дома архонтов) стояли на известном расстоянии друг от друга, а не вплотную, как это имело место в средневековых городах Запада.

Характеризуя социальную структуру населения империи, Афанасий пользуется подчас традиционным, близким к кекаменовскому трехчленным делением на царей, богатых и бедных (№ 53.5; ср. № 102.7; 108.7). Вместе с тем у него мы встречаем и принципиально иную стратификацию: знатные и незнатные (δοῦλεῖς) (№ 56.6—7)⁵. В одном из писем Афанасий перечисляет следующие разряды византийского общества: архиерей, члены синклита, священники и монахи, воины, гражданские лица, а также богатые и бедные, и наконец, мужчины и женщины (№ 112.57—60)⁶.

В письмах Афанасия содержатся и кое-какие свидетельства, относящиеся к восточным и северным соседям империи. По его словам, заговорщик Иоанн Дрими искал помощи «живущих на Истре», которые только по имени являются христианами (№ 81.166—167). Какой народ имеет в виду патриарх? Толбот (с. 407 и сл.) склоняется к тому, что это болгары, хотя и не исключает возможности считать «живущих на Истре» сербами, венграми или румынами. Решить этот вопрос можно лишь после тщательного изучения словоупотребления стереотипа «живущие на Истре». Если я не ошибаюсь, Скилица связывает Истр преимущественно с печенегами, Хониат — с половцами и венграми; болгары и сербы редко воспринимались византийцами как живущие на Истре. К тому же вряд ли Афанасий стал бы говорить о болгарях и сербах как о псевдо-христианах. Несколько раз патриарх упоминает об армянах: требует их изгнания из Константинополя (№ 23.6—7), жалуется, что общение с ними марает простой народ (№ 36.6), упоминает армянский храм в Константинополе (№ 41.16—18). Возможно, что в послании № 34, адресованном Рите-Марии, сестре Хетума II и жене Михаила IX, идет речь о ее попытках примирить православных с армянской церковью, однако текст письма столь неопределен, что Толбот (с. 342 и сл.) склоняется к другому его пониманию и видит в «отколовшихся от церкви» (№ 34.23—24) арсенитов. Но когда Афанасий восклицает: «Как они могут быть верными царям, даже если в своем коварстве изображают себя такими?» (№ 34.24—25), — он имеет в виду, скорее всего, не подданных империи (арсенитов), а ее возможных, хотя и ненадежных союзников.

Издание выполнено по Ватиканской рукописи 2219 первой половины XIV в. с привлечением нескольких более поздних манускриптов, зависящих от Ватиканской. К сожалению, Толбот включила в свое издание не все наследие Афанасия, содержащееся в Ватиканском списке: в рецензируемой книге отсутствуют проповеди и наставления Афанасия, послания духовным лицам, послания, не имеющие специальных адресатов (например письмо о воспитании детей — Reg., IV, № 1766). Более того, даже некоторые письма, адресованные императору, не включены в издание, вопреки его подзаголовку: таково письмо Андронику II о нищете клира (Reg., IV, № 1772); по существу, посланием к Андронику является и так называемая новелла Афанасия (Reg., IV, № 1607) — прошение об утверждении серии постановлений церковного собора. Таким образом, издание не представляет собой полного корпуса сочинений Афанасия, или его писем, или даже его писем к императору и другим светским лицам. Оно включает зато — вопреки подзаголовку — несколько посланий духовенству: епископам (№ 23), пастырям (№ 83); возможно, что к этому же кругу лиц принадлежал и адресат письма № 91. И совсем уже неожиданным является включение в сборник письма Филиппа Сироцула (№ 19): Лоран, включивший это послание в «Регесты» (Reg., IV, № 1680), идентифицировал Сироцула с Афанасием — Толбот (с. 326) с полным основанием отвергает (вслед за И. И. Шевченко) такую идентификацию, однако логическим следствием подобного вывода должно было бы быть исключение № 19 из состава корпуса посланий Афанасия.

⁴ Издательница полагает (с. 409 и сл.), что харистикарная система уже не существовала в XIV в. Однако еще в 1317—1318 гг. митрополит Атталии жаловался в синоде на клириков и светских людей, которые управляли монастырским имуществом, что приводило к разорению и запустению обителей (ММ, I, р. 77.1—13; см. *Каждан А. П.* Аграрные отношения. . . , с. 214).

⁵ О значении родовойности см. также № 81.82—83; 98.22—23. Любопытно его осуждение знатных дам, недостойно ведущих себя во время богослужения (№ 45.8—16).

⁶ Об истолковании этого места см. также *Raybaud L.-P.* Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 15 и возражения в аннотации: ВВ, 33, 1972, с. 242.

Издание дает надежный текст переписки. Позволю себе лишь несколько поправок и сомнений. № 115.5 явно следует читать *πονομένης* (согласовано с *αὐτοκράτορος*). В лемме к № 34 естественнее *Κυριαρίαν*. Не вижу никакой необходимости добавлять *πάσα* в № 94.16, зато мне кажется желательным в № 35.6 читать *εἰ <μή> μετὰ τῶν ζώοντων*: «я хотел бы не быть среди живых». Сложнее пассаж в № 18.13—14, где Толбот читает: *ἐκαστος τῶν κακοπραγοῦντων ἐντὸς ἡ καὶ πλησίον οἰκῶν τῆς ἐκκλησίας*. Мне кажется, что жить в церкви было невозможным — вопреки комментарию издательницы на с. 324. Простая конъектура *οἰκῶν* дает четкий смысл: «всякий, кто дурно поступает внутри или поблизости от церковных строений».

Текст писем нелегок, и перевод потребовал большого труда и остроумия. Кое-где, впрочем, он вызывает возражения. Я уже останавливался на нескольких ошибочных истолкованиях специфических терминов из сферы аграрных отношений. Социальная терминология также доставляет ряд трудностей. Так, издательница переводит термин *ἀρχόντες* то officials (№ 22.8—9; 52.7; 66.69), то nobles (№ 47.4; 60.15; 81.80), то даже rulers (№ 72.41), хотя обычно *ἀρχόντες* соответствуют греч. *βασιλεῖς* (№ 75.29; 76.33) или *δεσπόται* (№ 73.44). Термин *ἐνεργεῖν* Толбот довольно последовательно передает to collect taxes (см. Индекс, с. 450), даже там, где контекст не подсказывает этого значения, несмотря на то, что в ряде случаев *ἐνεργοῦντες* определенным образом не податные сборщики, а шире — государственные чиновники (см. особенно № 111.9). Я не уверен, что *δι' ὀλίγων βασιλικῶν* (№ 41.19) непременно означает «с помощью серебряных монет» (with a few silver coins), — *βασιλικοί* в этом контексте скорее «царские слуги», с помощью которых, по мысли Афанасия, армяне осуществляют свои притязания. Во всяком случае, возможность такого понимания следовало оговорить. Из мелких неточностей перевода отмечу еще пропуски в № 14.54: *ἡ πέτρας* («или скалы») и в № 107.7: *ἐκείνου*, что здесь, видимо, значит «покойного».

Есть, однако, некоторые письма, самое содержание которых может быть понято иначе, нежели это сделано издательницей. Таково прежде всего послание № 103, где идет речь о большом прегрешении или промахе (*τοῦ σφάλματος τὸ πολὺ*) некоего Глики и его товарища, которые предоставили возможность бежать негодню (*τῷ ἀναίδεστατῳ*) (№ 103.2—8). Лоран (Reg., IV, № 1637) отождествил Глику (букв. «Сладкий») с заговорщиком Иоанном Дримми (букв. «Горький»), усматривая в письме игру слов. Толбот (с. 431) справедливо отвергает (вслед за Шевченко) эту идентификацию, однако отождествляет Дримми, о котором Афанасий писал в № 81, с неназванным в № 103 заговорщиком — товарищем Глики. Она приводит 5 оснований: 1) оба человека получили много благодеяний от императора (№ 103.25—26, 31; № 81.33—43); 2) оба были связаны с Ласкаридами: Дримми — мнимый потомок Ласкаридов (№ 81.49—50), а Глика (NB! Глика, а не его «товарищ», — явная «подмена доказательства») — приближенный Иоанна VI Ласкаря (№ 103.41—44); 3) оба пренебрегли клятвами (№ 81, 45—47; № 103.13); 4) неназванный преступник высмеивал божественные предметы (№ 103.15—16), а Дримми выдавал себя за священника (№ 81.27—30, 35—36); 5) Афанасий одинаково описывает их предательство (№ 81.149—151; № 103.9—11). Основания эти весьма слабы: пп. 1 и 3 случайны; случаи п. 5, где совпадает только цитата из Ио. 13, 18, встречающаяся и в других письмах (например, № 61.79); пп. 2 и 4 вообще лишь мнимо сходны. Дело Глики не имеет ничего общего с заговором Дримми.

Однако № 103 имеет действительную параллель среди писем Афанасия, а именно № 51, где патриарх говорит о бегстве из тюрьмы крещеного турка и просит не наказывать тех, кто по небрежности позволил ему бежать. Именно в этом и состояла вина Глики и его товарища. Письма обнаруживают и дальнейший параллелизм: 1) Афанасий просит за виновных вместе с архиереями (№ 103.40—41; № 51.9); 2) он употребляет ряд одинаковых эпитетов, цитат и выражений: № 103.4=№ 51.3; № 103.27=№ 51.13; № 103.25=№ 51.24; № 103.28=№ 51.25; № 103.29—32=№ 51.26—28; № 103.35—36=№ 51.15. Почти все эти выражения (кроме последнего) идут в обоих письмах в одинаковой последовательности. Таким образом, мне думается, что Глика и был тем неудачливым стражем, который упустил «варвара» из заключения, а вовсе не соучастником заговора Дримми.

Очень большие трудности, как признает и сама издательница, представляет письмо № 94, где Афанасий сравнивает императора с Моисеем (традиционный образ — см. Индекс, с. 445) и призывает его спасти православных от «грозной власти сицилийца» (№ 94.11); под этим именем, полагает издательница, скрывается Рожер де Флор. Ключевой пассаж № 94.17—26 Толбот с рядом оговорок понимает примерно так: У меня (или: «у него») нет другой защиты против грозной смерти, которая ждет его, против безжалостного ангела, тороящего его кончину, как только схватить мою («его?») бороду и сказать ангелу: «Видишь эту седину, ангел божий, которая в бытность мою патриархом победела, умаслилась? и стала широкой от отлучений и проклятий?» А ангел выносит сицилийцу следующий вердикт: «О безумный старик (*γῆραλέε*), в эту ночь (я имею в виду окружающий его мрак) ⁸ душу твою возмрут у тебя

⁷ Сразу же отмечу, что *anointed*, как Толбот передает греч. *ἐλίπνα*, бессмысленно. Следует переводить «выросла» — ср. франц. *nourrie* в пересказе Лорана (Reg., IV, № 1608).

⁸ Перевод Толбот: I mean in the darkness surrounding him — предпочтительнее пересказа Лорана: *Celui qui a entouré cet autre de ténèbres* (Лоран имеет в виду бога).

(кроме слова «старик», это цитата из Лк. 12, 20). Кому останется все принадлежащее тебе?»

Толкование Толбот наталкивается прежде всего на ту трудность, что Роже де Флор назван стариком, хотя он погиб молодым человеком. Объяснение, будто Афанасий предвещал его смерть в старости (с. 424), звучит искусственно. Далее, странной кажется сцена, когда патриарх показывает ангелу свою седую бороду. Не следует ли понять этот пассаж, как диалог между патриархом и «сицилийцем», которого Афанасий иронически именует ангелом божьим? Тогда текст приобретает примерно такой смысл: У меня нет другого средства (ἐφ' ὅδῳ), пишет патриарх, против его предстоящего ужасного выступления (ἐξόδου) с угрозой (κατεσφίξειν) в безжалостном будущем отделить душу (т. е. смерть грозит не сицилийцу — awaits him, как переводит Толбот, а патриарху, в таком случае отпадает нужда добавлять в переводе «ангела», а ἀγγελάδῃ καὶ ἀπόστολῳ согласуется с τὸν μέλλοντα), как указать на мою седую бороду (т. е. призвать к жалости). Но «ангел» (не поддастся жалости), а отвечает: «Безумный старик, ты умрешь в эту же ночь». Таким образом, письмо № 94 не содержит намека на предстоящее убийство Роже де Флора (если считать идентификацию «сицилийца» с командиром каталанов достаточно твердо обоснованной).

Текст сопровождается критическим аппаратом, где указаны разночтения и раскрыты цитаты из Писания и других текстов, в том числе поговорки. В аппарате необходимо было бы также отметить стереотипные выражения, повторяющиеся в разных письмах, и повторяющиеся цитаты. Повторение стереотипов и цитат может оказаться средством для определения смысловой и временной близости отдельных посланий, как я старался показать на примере № 51 и № 103.

Задачи подробного комментария состоят, во-первых, в раскрытии аллюзий и, вторых, в датировке писем. При византийской деконкретизованности решение этих задач требует крайней деликатности, и, может быть, в ряде случаев было бы предпочтительнее констатировать non liquet, чем прибегать к недостаточно обоснованным идентификациям лиц и событий (надо при этом заметить, что подчас сама Толбот вполне обоснованно отвергает произвольные идентификации Лорана). Укажу прежде всего на некоторые трудности, возникающие при датировках писем, предложенных в настоящее время. Письмо № 35 Толбот датировала примерно 1304 г., Лоран (Reg., IV, № 1630) — временем до мая 1305 г. Ни тот, ни другая не придали значения жалобе Афанасия на то, что император уже второй год не желает его видеть (№ 35.6—7). Афанасий был поставлен (вторично) патриархом только в конце 1303 г., и обострение его отношений с Андроником II, когда патриарха действительно долгое время не допускали к царю, имело место позднее. По всей видимости, та «погибель» (πανάληθρία) от кровавых жадных моговаров» (№ 35.18—19), о которой пишет патриарх, относится уже ко времени, когда каталаны восстали, а не к периоду их пребывания на службе Андроника II, как полагали Лоран и Толбот. В письмах № 52—53, приглашающих императора принять участие в пасхальных торжествах, упомянут деспот, которого Толбот безоговорочно отождествляет с Иоанном Палеологом (с. 363 и сл.) и на основании этого датирует их соответственно 1305 и 1306 г. Не говоря уже о том, что письма могли быть двумя вариантами одного текста (№ 52 обращен к императору, а № 53 — «ко всему народу»), трактовка деспота в письмах как второго лица в государстве делает не возможным его отождествление с Михаилом, который стал со-императором в 1294 г. В таком случае, письма должны относиться еще к первому патриаршеству Афанасия.

Здесь не место пересматривать всю датировку посланий Афанасия — я хотел бы только указать на несколько принципиальных моментов, которые следует принять во внимание: 1) нужно отказаться от презумпции, будто все или почти все письма принадлежат ко времени второго патриаршества; 2) нужно рассмотреть развитие некоторых основных тем, проходящих через группы писем (тема отношений с императором, тема выдворения епископов из Константинополя, тема нехватки хлеба и т. п.), и попытаться установить относительную последовательность в пределах каждой группы; 3) нужно установить чередование стереотипных формул в письмах; вполне возможно, что тематический и стилистический анализ даст более надежные средства для определения последовательности писем, нежели довольно волюнтаристские идентификации; 4) было бы также существенным выделить группу точно и бесспорно датировемых посланий. Книга завершается указателями имен, терминов, редких слов и начальных фраз. Было бы желательно также иметь индекс цитируемых текстов (index locorum).

Нет нужды еще раз говорить о значении и высоком качестве рецензируемого издания. К сожалению, монографическое изучение творчества Афанасия и его деятельности пока еще может носить только предварительный характер — нужно ждать издания его полного корпуса. И еще одно замечание: письма вышли в серии «Corpus fontium historiae byzantinae», которая издается в разных центрах, прежде всего в Вашингтоне и Берлине. При однородном внешнем оформлении вашингтонские и берлинские издания существенно разнятся между собой уже хотя бы тем, что берлинские не имеют перевода. Не следует ли все-таки добиться унификации требований ко всем ветвям этой серии?

А. П. Каждан.

В греч.: τῷ περιέχοντι τούτων σκότφ. Толбот понимает περιέχοντι как причастие при σκότφ, Лоран — σκότφ как дат., зависящий от περιέχω («окружать тьмой»).

АННОТАЦИИ

Н. В. Пигулевская. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, 239 с.

Вышел в свет сборник трудов крупнейшего специалиста по средневековой истории и культуре Ближнего Востока и Византии члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской (1894—1970). Ему предпослана первая развернутая научная биография Нины Викторовны (с. 10—50)¹ и список ее печатных работ (с. 50—62). Сборник включает 15 статей, написанных Н. В. Пигулевской в разное время, — это и неопубликованные работы и исследования хорошо известные, но ставшие библиографической редкостью; некоторые статьи были изданы за рубежом и впервые печатаются теперь на русском языке. Большая часть статей сборника представляет собой работы последних лет и практически исчерпывает подготовленное к печати научное наследие историка (неопубликованной остается одна из последних итоговых работ Н. В. Пигулевской — монография «Культура сирийцев в средние века»).

Составители сборника ставили своей задачей не только ввести в научный оборот неопубликованные или сохраняющие свое значение труды Н. В. Пигулевской более раннего периода, но и дать представление о диапазоне и круге ее интересов, исследовательской методике, показать этапы ее становления и развития как ученого, эволюцию интересовавшей ее проблематики. Часть сборника составляют переводы и анализ свидетельств хроник, памятников агиографической литературы. Они не только знакомят читателя с ярким и содержательным материалом, но и вводят его в творческую лабораторию историка. Многие из них являются образцами тонкого историко-филологического анализа сирийских, арабских и византийских источников.

В сборник вошла одна из первых работ Н. В. Пигулевской — «О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке» (с. 161—168), — которая посвящена описанию и анализу одной из древнейших датированных сирийских рукописей. Впервые публикуемая на русском языке статья «Мартирий Кириака Иерусалимского» (с. 186—217), изданная в Париже в 1929 г., является образцовым исследованием нескольких версий этого ценного памятника, дающим представление о взаимодействии различных литератур Ближнего Востока в раннем средневековье. Работа показывает роль агиографических сочинений как важного исторического источника и как определенного этапа в сложении художественной литературы. Аналогичный характер носит впервые публикуемая на русском языке статья «Сирийский текст и греческий перевод мартирия Тарбо» (с. 222—227). Мартирий Тарбо, памятник сирийской прозы начала V в., по мнению Н. В. Пигулевской, является главой из книги «Деяния мучеников» (с. 227), которая, как важный источник, в сочетании с другими историческими и юридическими сведениями, сообщает много нового об эпохе Сассанидов.

Большой интерес представляет работа «Хронография Феофана и сирийские хроники» (с. 152—161), изданная впервые в 1967 г. на английском языке и публикуемая теперь по-русски. На примере сравнительного анализа хронографии Феофана и нескольких сирийских хроник исследователь демонстрирует возможность выявления не дошедших до нашего времени источников. Интересна мысль Н. В. Пигулевской о том, что «византийская литература — понятие несравненно более широкое, чем греко-византийская литература» (с. 161). Как отмечают авторы предисловия к сборнику, этот новый подход открывает дальнейшие перспективы изучения не только византийской литературы, но и многих других средневековых литератур.

Статья «Сиро-палестинские фрагменты псалмов 123—124» (с. 233—239) публиковалась до этого только в 1934 г. на французском языке; в ней приводится подробное описание рукописи, важность которой определяется открытием и изучением кумранских документов.

Сведения по истории арабских племен Йемена даются в статье «Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского о Южной Аравии» (с. 110—130), представляющей собой

¹ См. также Струве В., Старкова К., Лундин А. Нина Викторовна Пигулевская. — КСИННА, 86, 1965: Вайнштейн О. Л. История советской медиэвистики (1917—1966). Л., 1968; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969; Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975; Очерки по истории Ленинградского университета, т. 3. Л., 1976.

характерный для творчества Н. В. Пигулевской образец органического сочетания филологического и исторического исследования; автор устанавливает взаимные связи, зависимость греческой и сирийской летописной традиции.

Н. В. Пигулевская была одним из наиболее активных исследователей ближневосточных источников по истории Византии и славян. В сборнике впервые на русском языке публикуется статья «Сирийская хроника VI в. о славянских племенах» (с. 149—152), анализирующая исторические сведения о славянах, принадлежащие современнику появления славянских племен в пределах Византии в конце VI в. Работа «Византия и славяне» (с. 131—148) является лекцией, прочитанной в 1944 г. в Казанском университете; в сжатой форме она рисует выдающуюся культурно-историческую роль славянских народов, определяет направления и задачи дальнейших исследований в этой области.

«Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в.» (с. 223—227) рассматривает важную для истории культурных связей средневековья проблему отношений различных народов путем передачи религиозных идей.

Уже в первых своих исследованиях Н. В. Пигулевская проявила особый интерес к социальной, идеологической и культурной истории Ближнего Востока и Византии. Примером такого интереса является впервые публикуемая статья «Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху» (с. 94—109), написанная в 1923 г. Статья интересна как документ, отражающий веку не только на творческом пути автора, но и в истории становления советской историографии Ближнего Востока. Н. В. Пигулевская стремилась выявить социальные основы религиозно-идейных противоречий древнего иудейского общества. Работа «Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи» (с. 67—94), также впервые публикуемая, свидетельствует об упрочении и углублении интереса Н. В. Пигулевской к социально-экономической тематике. Написанная в 1940 г. в качестве раздела курса лекций, читавшегося Н. В. Пигулевской в Ленинградском университете, эта статья явилась первым обобщающим трудом ученого, в котором были предприняты попытки широкого марксистского осмысления истории Ближнего Востока, выражены его представления о специфике социально-экономического развития ближневосточных областей. Работа представляет интерес как ядро дальнейших исследований Н. В. Пигулевской, нашедших свое развитие в монографии «Города Ирана в раннем средневековье».

В научных разработках Н. В. Пигулевской большое внимание с конца 30—40-х годов уделяется истории ближневосточного и византийского города, впервые нашедшее свое отражение в ее работах «Месопотамия на рубеже V—VI вв.» (Л., 1940) и «Оборона городов Месопотамии в VI в.» (УЗ ЛГУ, 1941, вып. 12, сер. ист. наук). Интерес к сравнительно-историческому изучению города, организации его производства и торговли, вопросу о роли и значении международной торговли не ослабевает в последующие годы и находит свое плодотворное выражение в монографиях «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.» (М.—Л., 1946); «Византия на путях в Индию» (М.—Л., 1951), «Города Ирана в раннем средневековье» (М.—Л., 1956).

В статье «Сирийская культура средних веков и ее историческое значение» (с. 168—186), впервые напечатанной в 1941 г., проявляется интерес Н. В. Пигулевской к широким проблемам истории культуры. Очерк содержит «первую не только в советской, но и в мировой науке характеристику сирийской культуры средневековья и ее роли в общем процессе исторического и культурного развития человечества» (с. 7). Статью, в которой также ставятся определенные задачи сириологических исследований, рассчитанных на многие годы, можно рассматривать как своего рода набросок, сводку проблем еще не изданной монографии «Культура сирийцев в средние века».

Вопросу о международных экономических и культурных связях посвящена впервые публикуемая последняя статья Н. В. Пигулевской «Об историческом значении надписи RES 4337» (с. 217—222), содержащая анализ южноарабского эпиграфического памятника. Работа интересна и как пример конкретного исследования в рамках разработанной Н. В. Пигулевской комплексной программы изучения экономических, политических и культурных связей между Востоком и Западом. Эта программа исследований была выдвинута в тезисах «Шелковая дорога» (с. 65—67), которые издаются впервые.

Конкретные работы в различных областях истории и культуры, обобщающие труды, программа новых перспективных работ — таков состав сборника.

В. Н. Заважин

I. E. Karagiannopoulos.

Ἡ βυζαντινὴ ἱστορία ἀπὸ τὰς πηγὰς. Thessalonike, 1974, II+298 p.

Книга И. Караяннопулоса «Византийская история в источниках» — по сути дела хрестоматия по внутренней истории Византийской империи. Она состоит из фрагментов источников разного характера (нарративных текстов, законодательных памятников, документов и т. п.) и разного размера, приводимых в оригинале (исключение составляет небольшой отрывок из Табери во французском переводе), без какого-либо комментария. Лишь в начале подразделов и изредка перед отдельными фрагментами помещены краткие предварительные замечания. В конце книги дается характеристика

использованных в хрестоматии источников и выборочная библиография общих трудов, справочников и словарей. О существовании аналогичных изданий на русском и болгарском языках Караяннопулос не упоминает.

Сам автор разделил свой материал на 4 части: Теория императорской власти, Римейское (византийское) государство, Административное устройство. Общественная жизнь и экономика. В действительности же книга распадается на две неравные части: первая из них посвящена государственно-административной структуре и, кстати сказать, именно сюда должен быть отнесен первый раздел 4-й части («Императорский двор»); все это занимает с. 7—166. Вторая часть (с. 167—235), освещающая хозяйственную и общественную жизнь империи, вдвое меньше первой. Культурная жизнь Византии не нашла своего специального места, если не считать случайных подразделов, как-то «Образование» (с. 194 и сл.) и «Врачи и учителя» (с. 203).

В первой части первостепенное внимание уделяется организации армии и флота (с. 67—93) и, что особенно примечательно, византийской дипломатии (с. 113—130) — вопросу, как известно, почти совершенно не освещенному в специальной литературе. Напротив, кажется неожиданным сравнительно незначительное место, отведенное греческим историком церкви (с. 131—139). Вторая часть распадается на три раздела: Общая характеристика византийского общества (с. 167—195), Город (с. 196—219) и Аграрные отношения (с. 220—235). Распределение материала между ними не всегда представляется достаточно оправданным или во всяком случае единственно возможным. Так, скажем, почему подразделы о патронате (с. 172 и сл.), мерах против династов (с. 173—179), пронии (с. 184 и сл.) оказались не в разделе «Аграрные отношения»?

Материал не распределен по периодам и даже внутри подразделов далеко не всегда располагается в хронологической последовательности, отчего создается впечатление абсолютной неизменности византийских общественных и политических порядков, что, насколько я понимаю, соответствует концепции автора книги.

При всех этих возражениях, отчасти объяснимых известной новизной жанра, книга Караяннопулоса окажет немалую службу всем изучающим внутреннюю историю Византии, и не только греческим студентам, на которых она в первую очередь рассчитана.

А. К.

Eusebius Werke, I, 1: Über das Leben des Kaisers Konstantin. Herausgegeben von F. Winkelmann. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte». Berlin, Akademie-Verlag, 1975, LXX+266 S.

Ф. Винкельман переиздал памятник, давно уже вошедший в научный оборот, — «Жизнеописание императора Константина», приписываемое всей рукописной и исторической традицией Евсевию Кесарийскому. В основу издания положена Ватиканская рукопись (Vat. gr. 149) первой половины X в., которая, однако, не дает безупречного текста и, в частности, обнаруживает ряд пропусков и мелких погрешностей; поэтому Винкельман использует как другие манускрипты, в том числе пергаменный Московский список (ГИМ № 405)¹, так и то, что он называет «непрямой традицией», т. е. параллельные свидетельства (текст части константиновых документов, приводимых в «Жизнеописании» II, 24—42, с. 58—66, содержится в приложении к Евсевиевой «Церковной истории»; другие документы передаются в сочинениях церковных историков конца IV—V вв. Геласия Кесарийского, Сократа, Феодорита Кирского и др. — подчас в лучшей форме, нежели в списках «Жизнеописания») и поздние жития Константина, из которых древнейшие не имеют параллелей с Евсевием и, следовательно, не дают материала для критики текста «Жизнеописания». Только в константинопольском минологии начала XI в. и в житии из пергаменной рукописи XII в. (Vat. gr. 822) было использовано сочинение Евсевия, причем сохранившиеся списки дают подчас лучший текст, нежели рукописи «Жизнеописания», или же совпадают с Московским и другими манускриптами, расходясь с Ватиканским. Это обстоятельство позволило Винкельману подчеркнуть известную достоверность традиции, сохраненной Московским манускриптом².

В издании Винкельман стремился по возможности опираться на рукописные тексты, избегая вкусовых конъектур, основанных на стилистических принципах. Он считает, что Евсевий далеко не всегда руководствовался нормами классического языка и что «Жизнеописание» не было им окончательно отредактировано, сохранив в силу этого стилистический разноречивый. Поэтому там, где рукописи предлагают осмысленный

¹ Каталог архимандрита Владимира относит эту рукопись к XI в., Винкельман датирует ее XII в., однако, по мнению Б. Л. Фонкича, она написана литургическим минускулом XIV столетия.

² В предисловии Винкельман суммирует и развивает выводы, сделанные им ранее. См. прежде всего Winkelmann F. Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea. Berlin, 1962. Обзор агиографических легенд о Константине см. Winkelmann F. Ein Ordnungsversuch der griechischen hagiographischen Konstantin-viten und ihrer Überlieferung. — In: «Studia byzantina», II, 1973.

текст, издатель воздерживался от правки. Хотя константиновы документы переданы в «Жизнеописании» в худшем виде, нежели в параллельных свидетельствах, Винкельман и здесь исправлял текст лишь в случае крайней необходимости, полагая, что видоизменение текста принадлежало самому Евсевию, а не переписчикам.

В предисловии издатель характеризует также прежние публикации и переводы «Жизнеописания»³ и останавливается на некоторых проблемах, связанных с этим памятником. Проблем этих немало. Прежде всего — вопрос об аутентичности «Жизнеописания», который Винкельман решает положительно (с. LVI), допуская лишь «незначительные позднейшие вторжения в немногих местах»; правда, к числу этих «немногих мест» он относит и столь важную часть «Жизнеописания», как рассказ о видении Константина, предшествовавшем его обращению в христианство⁴. Позитивное решение вопроса об аутентичности ставит Винкельмана перед новой трудной проблемой: он констатирует, как я уже говорил, стилистический разнобой «Жизнеописания» и думает найти объяснение в том, что Евсевий многократно перерабатывал книгу, вставляя в нее куски из других сочинений и умер, так и не завершив стилистической унификации (с. LVII). К сожалению, это — чисто гипотетическая конструкция, не опирающаяся на какие-либо прямые известия о творческой активности Евсевия.

Еще одна проблема — природа так называемых константиновских документов, включенных в «Жизнеописание». И в этом случае Винкельман решает вопрос в пользу их достоверности (с. LI, прим. 1), что подкрепляется прежде всего наличием папируса (Pap. Lond. 878), содержащего часть эдикта Константина от 324 г., отменявшего в Палестине антихристианские мероприятия Ликиния. Однако по-прежнему остается необъясненным несоответствие (в частности, стилистическое) между подлинными актами Константина, включенными в кодексы, и евсевиевыми документами.

Стилистические особенности «Жизнеописания» заслуживают всяческого внимания⁵, особенно если считать его произведением аутентичным. Винкельман ценит его невысоко (с. LII и сл., LVII и сл.), хотя и делает скидку на плохое состояние рукописной традиции. Здесь, однако, возникают два дополнительных вопроса: во-первых, в сколь большой степени стиль «Жизнеописания» разнится от стиля других сочинений Евсевия и, во-вторых, насколько отмеченные Винкельманом черты (с. LXI и сл.) — нагромождение синонимов, аллитерации, плеоназмы и т. п. — являются показателем дурного вкуса и насколько — предвестником византийской литературной манеры.

И наконец, последнее. Винкельман (с. XXVII и сл.) подчеркивает негативное отношение к «Жизнеописанию» со стороны византийцев (и в частности Фотия), видевших в его авторе арианина. Как известно, Фотий читал и другие сочинения Евсевия (Cod. 9—13, 27, 39), и если «Церковная история» не вызвала его возражений, то «Опровержение и Апологию» ученый патриарх осудил и за стиль, и за кощунство в богословских вопросах. Именно за эти пороки бранит он и «Жизнеописание».

По всей видимости, решение «евсевиевых проблем» может быть найдено лишь при изучении его наследия в совокупности. Академия наук ГДР сделала важное дело, приступив к его публикации

А. К.

Иноязычные источники об Армении и армянах, т. 8. Сирийские источники, вып. 1. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Г. Г. Мелконяна. Ереван, 1976, 478 с. (на арм. яз.)

Значение сирийских источников для изучения средневековой истории стран Ближнего Востока общепризнано. В советской историографии заслуга включения этих источников в научный оборот, тщательного комментирования и перевода на русский язык важнейших сирийских памятников принадлежит Н. В. Пигулевской.

³ Следовало бы также отметить русский перевод «Жизнеописания», см. *Евсевий Памфил. Сочинения*, т. II. СПб., 1850, с. 51—285.

⁴ См. подробнее *Winkelman F. Zur Echtheitsfrage der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea*. — In: «*Studii Clasice*», 3, 1961; *idem. Zur Geschichte der Authentizitätsproblem der Vita Constantini*. — «*Klio*», 40, 1962. Новые работы о неаутентичности и интерпретациях в «Жизнеописании»: *Cataudella M. R. Sul problema della «Vita Constantini» attribuita a Eusebio di Cesarea*. — «*Miscellanea di studi di letteratura cristiana antica*», 13, 1963 (под тем же названием в «*Oikumene*», 2, 1964); *idem. La persecuzione di Licinio e l'autenticità della Vita Constantini*. — «*Athenaeum*», 48, 1970; *Speigl J. Eine Kritik an Kaiser Konstantin in der Vita Constantini des Euseb.* — In: *Wegzeichen. Festgabe H. Biedermann. Würzburg, 1971*; Cp. *eme De Salvo L. Il conflitto fra Costantino e Licinio nel racconto della Vita Constantini*. — In: *Umanità e storia. Scritti in onore di A. Attisani*, II. Messina, 1971.

⁵ См. об этом: *Попова Т. В. Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского Vita Constantini*. — ВВ, 34, 1973. В отличие от Винкельмана Попова видит в «Жизнеописании» «произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действительных (курсив мой. — А. К.) попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения» (с. 129). Тезис этот, правда, остается недоказанным.

Продолжая эту традицию, Г. Мелкоян представляет в своей книге армянский перевод четырех сирийских источников: «Историю Адиабены» Мпихи-Зехи, «Хронику» Иешу Стилита, «Хронику» Псевдо-Захарии Милитенского и третью, сохранившуюся часть «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Все эти памятники относятся к VI в. Необходимость такого подбора продиктована тем, что армянская историография, столь богатая в V в., в следующем столетии не дала ни одного сочинения. «История Адиабены» сообщает интересные подробности об одном из древних центров христианской культуры, способствуя тем самым освещению некоторых идентичных явлений в соседних странах, в частности, в граничащей с Адиабеной Армении. Хроники Иешу Стилита и Псевдо-Захарии являются ценнейшими источниками по истории византийско-персидских отношений в конце V—начале VI в. Поскольку конфронтация двух великих держав в течение длительного времени происходила в Месопотамии и Армении, то эти источники, помимо общеполитических содержат сведения и о внутренней жизни этих стран. В «Истории» Иоанна Эфесского византийско-персидским отношениям, но уже в постеклизиановское время, также посвящены многие страницы. Значительное место занимает в ней и религиозная политика Константинополя по отношению к монофизитам восточных областей империи.

Переводы указанных памятников снабжены примечаниями и специальными историко-филологическими очерками, в которых Г. Мелкоян сообщает необходимые данные о жизни и деятельности их авторов и об использованных ими источниках. В этих очерках дается историографическая характеристика хроник, а также изучены многие другие вопросы. В частности, при анализе «Истории» Мпихи-Зехи затрагиваются вопросы о распространении христианства в Адиабене (с. 40—56) и об армянских источниках по истории этой области (с. 56—60); в очерк о «Хронике» Иешу Стилита включены параграфы: «Хроника и события в Армении» (с. 133—143) и «Армянские источники о событиях VI в.» (с. 143—148); в разделе, посвященном «Хронике» Псевдо-Захарии, обсуждаются следующие проблемы: «Хроника и религиозные вопросы» (с. 237—248) и «Сирийский компилятор как источник по истории варварских народов» (с. 249—255), а в разделе, посвященном «Истории» Иоанна Эфесского, — «Сведения Иоанна Эфесского об армянах» (с. 356—379). Таким образом, благодаря этим разделам, переведенные источники получают и свое историографическое разъяснение в той мере, в какой это может удовлетворить армяниста.

Л. А. Тер-Петросян

W. H a h n. *Moneta Imperii Byzantini*, Bd. 1—2. Wien, 1973—1975, 141+42+XII; 146+40+XIII.

Все до сих пор издававшиеся каталоги византийских монет, включая и самые поздние (см. ВВ, XXX, 1969, с. 285 и сл.; ВВ, 37, 1976, с. 283—286), были в своей сущности обзорами той или иной коллекции, хотя и с известными дополнениями по иным собраниям. Книга австрийского нумизмата В. Хана построена по новому принципу, который можно было бы назвать не коллекционным, а эмиссионным. Учетные издания распределяются по царствованиям, далее по материалу (золото, серебро, медь) и, наконец, по официинам (монетным дворам). Таким образом воссоздается картина всех типов монеты, чеканившейся в Византии (и в соседних странах — по образцу Византии).

Публикация складывается из списка монетных типов (в особом разделе указывается, в каком собрании представлены те или иные монетные типы), фотографического изображения каждого типа и удобных обзорных таблиц чеканки, показывающих, какие виды монеты выпускались каждый год всеми монетными дворами. Публикация предвзвешена сжато сформулированными сведениями относительно организации монетного дела, метрологии, датировки монет, а также характеристикой монеты для каждого царствования. Первые два тома охватывают время от Анастасия I до падения Фоки (491—610), т. е. преимущественно VI столетие. Помимо собственно византийской монеты, учитывается чеканка остготов и вандалов.

Преимущества сводной работы Хана перед коллективными каталогами очевидны, хотя, разумеется, отдельные уточнения и дополнения возможны, и автор предполагает включать в каждый последующий том поправки к предыдущему. Поскольку Хан не упоминает публикации В. В. Кротошкина,¹ учитывающей ряд находок, не входящих в издание И. Толстого (использованное Ханом), возникает, в частности, вопрос, в какой степени монетные находки на территории СССР вовлечены в круг внимания автора. Так, Кротошкин отмечает по крайней мере пять находок золотых монет Анастасия I (№ 133, 138, 141, 313, 473), из них только одна поступила в Эрмитаж, на собрание которого ориентирована публикация Толстого.

Задача Хана состояла в том, чтобы собрать и классифицировать типы византийской чеканки, и эта задача выполнена. Однако историка интересуют не только форма и место монетной эмиссии: важно знать, сколько монет того или иного типа сохранилось и — ориентировочно — сколько было выпущено, далее — куда проникала ви-

¹ Кротошкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.

зантийская монета и до какого времени обращались те или иные ее типы (т. е. состав и география кладов). При подготовке генерального каталога византийских монет нужно, видимо, не ограничиваться эмиссионной задачей, но ставить также и исторические цели. Работа Хана — значительный шаг к подготовке такого каталога, но при его подготовке необходимо учитывать и методы исследования, разработанные Крпоткинским. «Исторический» метод в очень большой степени свойственен также и работе М. Ф. Хенди, посвященной византийской монете конца XI—XIII вв. (см. ВВ, 33, 1972, с. 239—241). Если Крпоткин исходил из данных, относящихся к определенному ареалу находок, то Хенди подошел к материалу, как и Хан, с генерализирующими позициями, однако он не ограничивал себя проблемой эмиссии, но уделил пристальное внимание функционированию монеты в византийской экономической и социальной действительности.

А. К.

D. Papachryssanthou. Actes du Prôtaton. Paris, 1975 («Archives de l'Athos», VII), XIII+320 p., XL pl.

Очередной том «Архивов Афона», подготовленный Д. Папахрисанфу, содержит 14 актов, относящихся к Афонскому протату — от сигиллия Василия I 883 г. до грамоты прота Козмы 1500 г., а также несколько документов, помещенных в Приложении. Все акты, за исключением двух поздних заметок из архива Ватопеда (Приложение II), уже были изданы ранее, и многие из них давно введены в научный оборот. Однако далеко не все из них известны в научных изданиях: Папахрисанфу не только исправляет частные ошибки своих предшественников, но в некоторых случаях публикует текст по оригиналу, а не по поздним копиям, как это имело место ранее (например сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. — № 11). Издание оригиналов строго соответствует дипломатическим принципам, вплоть до графического размещения надстрочных знаков.

Акты Протата по своему составу отличаются от обычных монастырских архивов Афона: основное место среди них занимают документы, регламентирующие организацию монашеской жизни на Св. Горе (сюда относятся прежде всего уставы Иоанна I Цимисхия, Константина IX Мономаха и Мануила II Палеолога — № 7, 8, 13), и грамоты императоров и патриархов, где рассматривается общее положение Афона. Непропорционально большое — в сравнении с другими архивами — место занимают здесь ранние акты — конца IX и X в. (шесть первых грамот, не считая устава Иоанна Цимисхия, т. е. половина всех документов). Эти ранние акты весьма существенны для изучения социальной структуры Византийской империи: в них мы встречаемся с земледельцами, выступающими во время тяжбы от лица «всей сельской общины» (№ 4.7—8, 942 г.); с распродажей эпифотом Солуни класм¹, которые переходят в собственность (№ 4. 16, 24. Об этой продаже см. также № 5.11—12, 942/3 г.) земледельцев; с попыткой монахов монастыря Иоанна Колову не только подчинить себе всю Афонскую гору, но и поставить подвизавшихся на ней аскетов «под свою парикию» (№ 2.22—24, 908 г.) — этот один из наиболее ранних случаев упоминания византийской парикии заслуживал бы специального комментария. В ранних актах встречаются два важных термина — «харистикий» и «прония», однако еще не в их техническом значении, характерном для более позднего времени. Согласно грамоте 908 г., монахи монастыря Иоанна Колову в начале царствования Льва VI сумели обманным путем получить «документ о пожаловании» (*харистикис толов*), в результате чего установили свое господство на Афоне (№ 2.9—13), — издательница, ссылаясь на работу Э. Арвейлер, рассматривает эту «харистику» как дарственную грамоту (с. 183). В той же грамоте говорится, что монахи Колову должны «пользоваться таким же попечением (*проноиас*) (как и обитатели Афона) и (=но) обладать собственностью (*катехеин*) только в округе Иериссо» (№ 2.7—8; ср. № 3. 9—10, 934 г.). Для изучения социальной стратификации византийского общества на рубеже IX и X вв. весьма важен сигиллий Василия I, где выделяются следующие общественные категории: «от стратигов, царских людей до последнего человека, наделенного службой (*доулеиан*)», а также частные лица и крестьяне, вплоть до работающих на мельнице» (№ 1.12—14); иначе говоря, общество представляется законодателю состоящим из чиновников разных рангов и простолюдинов. Большой интерес представляет также хрисовул Романа I и Константина VII, изданный в 934 г., т. е. одновременно с новеллой Романа I в защиту «бедняков»: хрисовул из архива Протата заставляет задуматься над тем, кого именно имело в виду правительство Романа I, говоря о «бедняках»; он, во всяком случае, защищает афонских старцев от «притеснений, ангарий и поборов» со стороны епископов, архонтов и им подобных (№ 3.13—15). Если епископы и архонты полностью соответствуют «динамам» в законодательстве Романа I, то афонские старцы, по естественной оппозиции к ним, занимают место «убогих». Наконец, грамота 908 г. способствует лучшему пониманию термина «проастий», неоднократно вызывавшего споры: в ней говорится, что монахи Колову пытались использовать Афон как «папустешский

¹ О класме см. также: Осипова К. А. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, 1961, с. 174—185.

проасти» (№ 2.25—26), — в данном случае понимание термина как «пригород, подгородный участок» не представляется возможным.

Из обильного материала по византийской просопографии нашего читателя особенно должно привлечь несколько моментов. Протоспафарий Фома Цула был в 942 г. крупным чиновником в Солуни (№ 4.13—14, № 5.16, 35, 43). Вполне возможно, что Георгий Цула, протоспафарий и стратиг Херсона около 1016 г., принадлежал к этой же фамилии, и в таком случае вопрос о херсонском происхождении Цул нуждается в пересмотре. На грамоте 942 г. стоят кресты Василия Гаразда и ловчего Димитрия Непривада, земледельцев из Иериссо (№ 4.1—2). По всей видимости, эти фамилии — славянского происхождения. Возможно, что славянского происхождения и топоним Хломуца (№ 2.14).

Для истории византийского мировоззрения очень любопытен пространный и риторический сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. В нем мы сталкиваемся с характерным для средневековья пониманием свободы: то, что монахи Афона пользовались полной свободой и превратили свою территорию в «не имеющую господина» (ἀδέσποτον), отнюдь не представляется патриарху благом (№ 11.73—79). «Потоком свободы» монахи были увлечены прочь от порядка (№ 11.86), приверженцы свободы, они нарушили каноны (№ 11.92—93). Ни сигиллий Нифонта, ни сопровождающий его хрисовул Андроника II от 1312 г. (№ 12) не нарушили сколько-нибудь серьезно афонской независимости — они установили лишь обряд конфирмации афонского рота патриархом; центр тяжести постановления патриарха лежит, как нам кажется, не в сфере политической борьбы, но в области мировоззрения: свобода и безвластие, в отличие от античного общества, мыслились в Византии отнюдь не как достоинства.

Описание документов, их палеографический анализ являются образцовыми. Можно возразить лишь против предлагаемой датировки копий первых трех документов: сигиллия Василия I, акта Льва VI и хрисовула Романа I и Константина VII. Как указывает Д. Папахрисанфу, эти документы представлены написанными на одном листе пергамента древними копиями, выполненными одним писцом. Издательница относит время изготовления копий к XII в. (со знаком вопроса) и считает, что писец подражал при этом почерку X в. (с. 177). Нам кажется, что копии с указанных документов были сняты не в XII в., а в X в.; нижней границей для датировки копий является 934 г., дата издания самого позднего документа данной группы: XII столетие, по нашему мнению, нигде не проявилось в почерке писца копий, его почерк типичен для писца-профессионала первой половины X в. (см. табл. I—IV). Весьма вероятно, что эти копии были изготовлены в Солуни, возможно, в канцелярии стратига, — для такого заключения достаточно сравнить их выработанный почерк с почерком написанных на самом Афоне документов № 4—6, 942—943 гг. (см. табл. V—X).

Значение рецензируемой книги не ограничивается публикацией актов. Работа содержит самую полную на сегодняшний день историю Афонского полуострова, начиная с периода до заселения его монахами до X в. включительно, характеристику организации Афона и историю Протата: вновь составленный Д. Папахрисанфу список протов (с. 129—150) полное перечня Ж. Даррузеса, опубликованного в 1963 г. В книге содержится множество интересных наблюдений, сделанных в процессе анализа византийских источников (особенно это относится к периоду деятельности Афанасия Афонского); ряд наблюдений имеет общее значение; так, Папахрисанфу приходит к выводу, что иконоборчество не породило массовой эмиграции монахов из Малой Азии (с. 12), останавливается на роли ивиров в ранней истории Афона (с. 83—85), показывает, что правительство Константина IX предпринимало попытки ограничить экспансию афонских монастырей (с. 107).

А. К., Б. Ф.

Новое издание произведений Андрея Ливадина.

Ὁδ. Λαμφίδης. Ἀνδρέου Λιβადηνοῦ βίος καὶ ἔργα. (Πηγαὶ τῆς ἱστορίας τῶν Ἑλλήνων τοῦ Πόντου, 1). Ἀθήναι, 1975, 309σ.

Творчество византийского ритора XIV в. Андрея Ливадина оставалось до сих пор практически неизученным: можно было назвать лишь две статьи М. Параники, содержащих пересказ данных основного труда Ливадина «Путевые записи» («Περιηγήσεις») ¹, да краткие замечания в общих обзорах византийских источников ². Сочинения Ливадина использовались в конкретных исследованиях, преимущественно по истории Трапезундской империи, но и это использование было затруднено, так как

¹ Παπανίκα Μ. Περί Ἀνδρέου τοῦ Λιβადηνοῦ Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Τραπεζούντος. ΚΕΦΕ, 7, 1874, σ. 7—15; Ἡ Τραπεζοῦς κατὰ τὸν ΙΔ' αἰῶνα — ИРАИК, 4, 1899, вып. 1, с. 186—203; ср. *idem*. Beiträge zur byzantinischen Litteratur. Diss. München, 1870, S. 23—42.

² См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 422; Colonna M. E. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 219; Попова Т. В. Литература Трапезундской империи. — В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, с. 304 (с неточностями).

существовало единственное и некритическое издание текста «Периигисиса», выполненное еще в 1874 г. тем же Параникой³. Правда, семь небольших стихотворных и прозаических произведений Ливадина было издано в 1912 г. с комментариями Н. Банеску⁴, а в 1959 г. часть энкомия Ливадина св. Фоке появилась в публикации М. Колонна⁵.

Теперь, благодаря полному критическому изданию всех известных сочинений Ливадина, выполненному греческим филологом и историком Понта Одиссеем Лампсидисом⁶, возможности комплексного изучения наследия этого интересного византийского писателя значительно расширились⁷. Двенадцать произведений, написанных рукой самого Ливадина, дошли до нас в составе Cod. Monac. gr. 525. Это Периигисис, Исповедание веры, Молитва об избавлении от голода, язвы и пагубы, два письма керасунтскому иеромонаху Герасиму, стихи на усение Богородицы, 136 ямбических стихов на рождество Богородицы, Ямбы на благовещение, Энкомий св. Фоке, Сравнительная таблица названий месяцев у разных народов древности и два неизданных ранее тропаря Богородице. Издавая все эти произведения, Лампсидис стремился к максимально точному воспроизведению автографа Ливадина и сделал исправления только явных описок и ошибок писца. Еще одно произведение — стихотворная эпиграмма на судью — издано по Cod. Laurent. 89, Sup. 85. Публикация сочинений Андрея Ливадина сопровождается пространным реальным комментарием. В книге Лампсидиса имеются также хронологические таблицы событий, относящихся к жизни и творчеству Ливадина (с. 258, 297—299), указатели новообразованных слов (с. 248—253), имен и фактов (с. 287—296), краткое резюме на французском языке (с. 300—304). Отдельный параграф посвящен разбору ритмических особенностей стихов Ливадина (с. 233—241)⁸.

Издатель пытается реконструировать биографию Ливадина на основании информации, содержащейся в тексте его произведений. Ливадин родился в первое пятидесятилетие XIV в. (с. 267, ср. с. 211 — между 1312 и 1316 гг.) в Константинополе. До 12 лет приобщился к занятиям, которые сам он называет *ἐλληνική προπαιδεία* (с. 44.8—9), затем недолго посещал церковную, возможно, патриаршую школу в Константинополе. Болезненный и с детства экзальтированный мальчик мечтал увидеть св. места. Между 1321 и 1328 гг. это ему удалось, когда он в качестве ипограмматевса примкнул к византийскому посольству, отправлявшемуся к мамлюкскому султану⁹. Вернувшись в Константинополь, он вскоре отправился на Тенедос в должности императорского апографевса. Через некоторое время, около 1335 г., Ливадин, по приглашению трапезундского императора Василия (1332—1340), знавшего его еще по Константинополю, уехал в Трапезунд для занятий преподававшейся там астрономией. Принятый с почетом императором и митрополитом, Ливадин стал в Трапезунде тавулярием и хартофилаком. Возможно, как предполагает Лампсидис, он принял здесь сан священства. В годы гражданской войны в Трапезундской империи (1341—1355) Ливадин оказался свидетелем и участником этих бурных событий, примыкая к феодальному клану Схолариев и сполна познав бедствия, опалы и лишения. Вернувшись в 1355 г. себе прежнее положение, Ливадин выступал в качестве официального оратора на больших религиозных празднествах и торжествах в Трапезунде. Умер он, вероятно, вскоре после 1361 г.

Сочинения Ливадина, особенно «Периигисис», донесли до нас ценную (хотя часто и завуалированную иносказательностью и умышленными умолчаниями) информацию о Трапезундской империи в середине XIV в., о мятежах знати и набегах туркменов, о роли иноземцев и наемников, о мореплавании и судоходстве, связях Трапезунда с Крымом. Но их значение не исчерпывается только этим. Творчество Ливадина представляет собой интересный образец литературного труда тех «средних» слоев византийской интеллигенции XIV в., чьи произведения сохранились в небольшом коли-

³ Ἀνδρείου Λιβανίου Περὶ ἡγίας... ἐξέδωκε Μ. Παρανίκας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1874.

⁴ Banescu N. Quelques morceaux inédits d'Andréas Libadénus. — «Βυζαντις», т. 2, τευχ. 3—4, 1912, p. 358—395.

⁵ Colonna M. E. Sull'Encomio di Andrea Libadeno per San Focas martire e taumaturgo. — «Bolletino della Badia Greca di Grottaferata», vol. 13, 1959, p. 147—154.

⁶ О. Лампсидису принадлежит также заслуга в издании ряда других важнейших источников по истории Трапезундской империи в области Понта; см.: Μιχαήλ τοῦ Παπαρέτου. Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 22, 1958; с. 5—124 (и отдельное издание — Ἀθήναι, 1958); Ἀγιος Εὐγένιος ὁ Τραπεζούντιος. Ἀνέκδοτα κείμενα. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 18, 1953, с. 129—201; Ἀνέκδοτα ὁμογραφικὰ ἔργα Ἰωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ. — «Νέον Ἀθηναῖον», 5, 1964/1966, с. 5—26; Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἐκφρασις Τραπεζούντος. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 20, 1955, с. 3—39.

⁷ Появлению издания предшествовало детальное исследование: Λαμπιδίης Ὁ. Συμβολαὶ εἰς τὸν βίον καὶ τὰ ἔργα Ἀνδρέου τοῦ Λιβανίου. — «Ἀρχαῖον Πόντου» 29, 1968, с. 122—279.

⁸ См. также Σχόλια εἰς τὴν ἀκουστικὴν μετρικὴν βυζαντινῶν στιχοποιῶν ἱαμβικοῦ τριμέτρου. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 31, 1972, с. 235—340.

⁹ О. Лампсидис пересматривает датировку этого посольства, данную Ф. Дэльгером (1339 г.): Dölger Fr. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Bd. 4. (1282—1341). München—Berlin, 1960, N 2839—2841; ср. Λαμπιδίης Ὁ. Ἀνδρείου Λιβανίου βίος καὶ ἔργα, с. 206—219.

честве и чьи бледные образы эпигонов заслонены яркими фигурами Феодора Метохита и Григория Паламы, Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина. Между тем, деятельность многих десятков таких, пусть скромных и «неоригинальных» писателей также создавала интеллектуальную атмосферу византийского общества XIV в., и потому заслуживает пристального внимания исследователей.

С. П. Карпов

Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том I. Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Скопската област. Скопје, 1975, 500 с.

Выпущенный под редакцией проф. В. А. Мошина том открывает новую серию публикаций Архива Македонии, посвященную историческим памятникам эпохи развитого феодализма, т. е. той поры, когда эти районы Балканского полуострова входили в состав Византийской империи, Сербского и Болгарского государств или местных княжеств. Новая серия будет включать издания, построенные по локальному (как первый том), хронологическому (как подготавливаемый второй том, в котором будет рассмотрена международная обстановка конца XIII—начала XIV вв.) или персональному принципу (переписка Феофилакта Охридского, Дмитрия Хоматиана). В соответствии с этими задачами первый том объединяет источниковедческие очерки и публикации текстов, относящихся к истории г. Скопье и его окрестностей на протяжении XI—XIV вв. Поскольку эта область находилась (с перерывами) вплоть до 1282 г. под властью Византии, актовые и эпиграфические памятники первого тома представляют большой интерес для истории Византии, Сербии, сербо-византийских и болгаро-византийских отношений (главным образом в XII—XIV вв.), в особенности — для анализа социально-экономических процессов той поры, истории земельной собственности церкви и монастырей (как местных, так и афонских, т. е. Хиландаря и его метохов), их привилегий, податной системы и т. д.

Большая часть памятников, вошедших в первый том, уже была издана, в некоторых случаях даже неоднократно, однако нередко текст их был напечатан в сокращении, с заметными пропусками, без подробных научных комментариев. Иногда надлежащему использованию этих источников препятствовала неразработанность важных источниковедческих вопросов (проблем датировки, подлинности и т. п.), отсутствие тщательной проверки упоминаемых в грамотах многочисленных населенных пунктов (речь идет не только о проверке их названий, но и об уточнении местонахождения, что имеет большое значение для изучения истории землевладения той поры), а также их сопоставления в должном объеме с аналогичными византийскими и южнославянскими актами, относящимися к тем же монастырям или той же территории. Поэтому текст источников, публикуемых теперь заново, воспроизводится с учетом требований современной дипломатики, тщательно сверен с оригиналами (или их фотографиями, разумеется, за исключением тех случаев, когда грамота уже утеряна: см., например, с. 251, 271, 293 и 359 — об актах, не сохранившихся в Хиландарском архиве); текст сопровождается обстоятельным комментарием и специальными очерками или разделами, где дается характеристика прежних изданий, рассматриваются проблемы датировки, подлинности, состава, источников, наконец, местонахождения соответствующих селений, метохов и монастырей.

Таким очеркам, посвященным отдельным монастырям Скопской области и их грамотам и надписям XII—XIV вв., предпосланы статьи обзорного характера (Т. Томского — об истории этой области в XI—XIV вв., и К. Петрова — о церковных памятниках г. Скопье и его окрестностей). Вслед за кратким очерком о церкви св. Пантелеймона в с. Нерези, получившей широкую известность, благодаря своим фрескам XII в. (здесь на с. 90—91 издана греческая надпись ктиторы — Алексея Ангела от сентября 1164 г.), следует наиболее интересная и самая обширная публикация — текст трех жалованных грамот, дарованных одному из самых крупных и богатых монастырей северной Македонии — обители св. Георгия Горга (Скопского или Виргинского, как иногда указывается в литературе). Как известно, особое внимание исследователей привлекали наиболее ранние и подробные из этих грамот, изданные болгарским царем Константином Асенем (по мнению В. А. Мошина, в начале 1258 г. — см. с. 123) и сербским королем Стефаном Урошем II Милутином (в 6803 г. от сотворения мира, что обычно в литературе переводится как 1300 г.). Общепризнанное богатство данных актов разнообразными свидетельствами по истории византийско-славянских отношений, по социально-экономической истории было причиной не только постоянного использования их в историографии, но и оживленных дискуссий и длительной полемики. Особые споры вызывало время создания монастыря и идентификация его августейших дарителей (монастырь св. Георгия был основан в XI в. Романом Аргиром и пользовался благоволением Романа Диогена, Алексея I Комнина и других византийских императоров), местонахождение обители (см. с. 242—247), особенности же — датировка грамоты Константина Асеня (так называемой Виргинской) и проблема ее подлинности¹. В вводной статье (с. 97—177) В. А. Мошин убедительно

¹ Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты. — «Славянское славяноведение», 1965, № 5.

подтверждает подлинность Виргинской грамоты (на основании палеографического, дипломатического и лингвистического анализа), сопоставляет ее с грамотой Милутина (как в плане прослеживания перемены в размерах и расположении земельных вложений монастыря св. Георгия, так и в плане историко-правовых отношений, влияния византийского права в северной Македонии и Сербии XIV в.), касаясь так же судеб данного монастыря в XIV—XV вв. в связи с грамотой, изданной в 1377 г. Вуком Бранковичем Хиландарю. Весьма полезным дополнением этой статьи служит обстоятельный комментарий к названным трем грамотам (текст их издан на с. 181—241), где даны пояснения к встречающимся в тексте средневековым болгарским и сербским административно-финансовым и другим терминам (таким, как престой, погон, оброк и др., а также заимствованным из византийской феодальной системы, среди которых можно назвать пронию, «ексод», «ексалимо», «ексоприк», комодь и т. д.). Впрочем, именно в связи с этими восприимчивыми в средневековой Сербии и Болгарии терминами и институтами византийского происхождения, на наш взгляд, необходимы определенные уточнения и дополнения к тем положениям, которые высказаны в статье В. А. Мошина и в комментарии к грамотам монастыря св. Георгия. Нельзя признать правомочным наименование Драготина «места» в с. Речице — *пронией* феодала Драготы (с. 132, 135, 160), поскольку в тексте хрисовула Милутина эти земли совершенно четко названы *царской* *пронией*, т. е. именем императорского фонда (см. с. 225)². Остается спорным и отождествление «войничского закона» (т. е. прав мелких вассалов монастыря) со статусом византийских и сербских прониаров (с. 226). Вместе с тем нам хотелось бы предложить несколько иное прочтение одного из византийских фискальных терминов, встречающихся в двух грамотах монастыря св. Георгия (а также — в двух болгарских грамотах: Ватопедской и Ореховской), а именно *οἰκομοδιον*. Как известно, обычно в литературе принято считать «ойкомодий» соответствующим термину «комодь» и «комад» (в названных болгарских и сербской грамотах)³, однако, по нашему мнению, в различных публикациях, а также в рецензируемой книге, издатели не обратили внимание на то, что «ойкомодий» встречается лишь в перечислении привилегий экскуссата, в длинном перечне налогов, названных в родительном падеже (т. е. «ни комода» и т. д.). В именительном падеже этот термин фигурирует лишь один раз — в Ватопедской грамоте, где в действительности (как видно по фотографии) его следует читать иначе — т. е. «икомодь» (буква «и» находится на сгипе и отчасти стерлась)⁴. Такое чтение этого термина находит соответствие и в аналогичном термине южнославянских актов (т. е. греческий «эконом» был переведен именно как «иконом» — см. в указателе терминов к т. I).

Другой важный комплекс византийских и сербских актов (конца XII—конца XIV вв.), помещенный в первом томе данной серии (с. 251—377), связан с историей земельных владений Хиландарского монастыря и его метохов, расположенных в Скопской области (в особенности — монастыря св. Никиты к северу от Скопье и кельи Петки в с. Тморане). Первые хиландарские грамоты (конец XII—конец XIII вв.) приведены здесь в виде регестов, тогда как все остальные документы (хрисовулы императоров Андроника II, Михаила IX, Андроника III, королей Милутина и Душана, как и решение сербского церковного суда от 1388 г., напечатаны полностью, причем греческий текст сопровождается современным или (как это совершенно правильно сделано для грамоты Андроника II Хиландарю от января 1299 г.) средневековым переводом. Следует в данной связи подчеркнуть, что такое научное издание этого весьма сложного комплекса актов, включающих и не дошедшие до нас целиком, и сводные (с интерполяциями и фальсификатами) грамоты, стало возможным в результате длительных источниковедческих исследований В. А. Мошина. Так, он сумел показать необходимость уточнения датировки хрисовула Михаила IX монастырю св. Никиты (см. с. 286—287), тщательной проверки текста так называемой «Общей хиландарской грамоты» и разграничения ее составных частей (В. А. Мошин предлагает датировать эту сводную грамоту ок. 1303 г., см. с. 297 и сл.), равно как и разграничения составных частей в переводе грамоты Андроника II монастырю св. Никиты, содержащей немаловажные интерполяции (см. с. 317—319). В соответствии с этим необходимы определенные уточнения и при анализе истории владений Хиландаря и его отношений с дворами Византии и Сербии. Завершают том очерки о монастыре Андреев, церкви Спаса (в с. Кучевиште) и Марковом монастыре и публикация кодекса монастыря Матки.

Е. П. Наумов

² Ср. Наумов Е. П. К истории византийской и сербской пронии. — ВВ, 34, 1973, с. 24—25.

³ Ср., например: Ласкарис М. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930, с. 5, 42—43.

⁴ Там же (прил.). Ср. «икомоде» Хиландарского практика 1300 г. (ВВ, XIX, 1915, с. 578, ст. 388).

В церковной традиции оценки Нестория и его основного антагониста Кирилла Александрийского сложились с однозначной определенностью: Несторий был представлен еретиком, выступавшим против христианской ортодоксии, Кирилл — одним из авторитетнейших правоверных «отцов». В таких характеристиках нет ничего удивительного, если вспомнить, что они основаны преимущественно на сочинениях самого Кирилла и его сторонников в острой идеологической борьбе V столетия. Систематизация немногочисленных фрагментов, сохранившихся от Нестория, и особенно публикация его «Книги Гераклида», известной только в сирийском переводе, привели уже в начале XX в. к попытке пересмотреть место Нестория в истории христианского учения¹. В монографии Л. Шипиони, специально занимавшегося ранее «Книгой Гераклида»², общепринятые оценки как бы вывернуты наизнанку: Несторий выступает сторонником традиционных воззрений, основанных на Библии, развитых кашадокийцами и предвзявших концепцию Халкидонского собора, тогда как Кирилл — продолжатель аполлинаризма, положивший начало монофиситской ереси. Этому содействуют и моральные оценки обоих героев: Несторий — прямое подобие Иоанна Златоуста (с. 32, 44, 97, 103), его действия отличает добрая воля (с. 192, 202), он жертва собственной чистоты и неспособности к интригам (с. 246); напротив, Кирилл — безжалостен и нетерпим к иноверцам (с. 100), не допускает возможности диалога с Несторием и не стремится разобраться в богословских исканиях своего противника (с. 109); его поведение на Эфесском соборе — грубое нарушение норм (с. 211 и сл.). Ему подстать и его сторонники: Мемнон Эфесский, руководствовавшийся своей враждой к патриарху константинопольскому, Ювеналий Иерусалимский — «честолюбивый интриган» (с. 207); папская курия не разобралась в учении Нестория и представила его сторонником адопционизма и псилантропизма (с. 165). Одна маленькая деталь хорошо подчеркивает отношение Шипиони к обем группировкам: к началу Эфесского собора опоздали как представители папы Целестина, так и сторонник Нестория Иоанн Антиохийский со своими епископами; однако если опоздание папских легатов расценивается как результат политических колебаний Целестина, поддерживавшего Кирилла (с. 200), но опасавшегося императора Феодосия II (с. 201 и сл.), то задержка антиохийского патриарха — естественный результат удаленности его диоцеза от Эфеса (с. 209).

Несмотря на некоторую полемическую заостренность, приводящую кое-где к смешению акцентов, книга Шипиони несравнимо ближе к действительности, нежели традиционная оценка оппозиции Нестория и Кирилла. Две методические особенности монографии приковывают к себе внимание прежде всего. Во-первых, автор рассматривает позицию Нестория в развитии, обусловленном изменением церковно-политической ситуации: от его первого выступления в Константинополе с подчеркиванием сотериологических и этических функций образа Христа — Нового Адама (с. 44) к метафизическому истолкованию «единства» Христа (с. 397 и сл.). Такое понимание учения Нестория в развитии позволяет Шипиони по-новому объяснить различие между первой и второй частью «Книги Гераклида»: он полемизирует с Л. Абрамовским (см. прим. 1), видевшим в первой части «Книги» неаутентичное, позднее сочинение, и рассматривает эту первую часть как произведение, выражавшее относительно ранние воззрения Нестория (с. 360). Во-вторых, и это, пожалуй, еще более существенно, Шипиони подчеркивает необходимость рассматривать учение Нестория в сопоставлении с конкретными идеологическим движением его времени, и прежде всего с аполлинаризмом и с концепцией Кирилла. Посмотрим, к каким результатам приводит этот метод, если внести в него некоторые коррективы и, главное, отказаться от квалификационных оценок («ересь» или «ортодоксия») той или иной точки зрения.

К концу IV в. тринитарные споры в собственном смысле слова уже отгремели, и на передний план выдвинулась проблема человеческого и божественного в Христе. С точки зрения аполлинаристов, слияние двух природ должно было привести к поглощению человеческой природы божественной: в Христе человеческое начало растворялось в божественном, он был богом от рождения и его мать «богородицей», и следовательно, пострадавшим и распятым оказывалось божество. В такой схеме, собственно говоря, исчезало понятие человеческого и рассматривалось не соотношение бог—человек, но иное соотношение бог—плоть. Египетский крестьянин Кирилл воспринял не строгую логику аполлинаристов, но конечный результат их рассуждений — наличие в Христе «одной природы». Шипиони не ставит этого вопроса, но трудно отказаться от мысли, что традиционные египетские мифы об умирающем и воскресающем божестве не оказали влияния на приверженность Кирилла и его египетских сторонников к предмонофиситскому учению. Однако с точки зрения христианской сотериологии монофиситская концепция имела существенную слабость: снимая челове-

¹ Loofs F. Nestorius and his Place in the History of Christian Doctrine. Cambridge, 1914. Ср. Abramowski L. Untersuchungen zum Liber Heraclidis des Nestorius. Louvain, 1963.

² Scipioni L. I. Ricerche sulla cristologia del «Libro del Eraclide» di Nestorio. Friburgo i. S., 1956.

ческое начало в Христе, она как бы отказывалась от активной акции самого человека в процессе спасения. Именно это обстоятельство, как настоятельно подчеркивает Шипиони, и было использовано Несторием: подобно тому, как прегрешение первого человека, Адама, породило разрыв человечества с богом и смерть, Новый Адам, Христос, примиряет бога с человеком и обеспечивает спасение. Будучи не просто человекообразной плотью бога, но «совершенным человеком», Христос знаменует активное начало человека. Шипиони лишь мимоходом упоминает пелагиан (с. 149, 234), — однако при всем различии пелагианства и несторианства, коренное обстоятельство роднило их: и то, и другое учение ставило акцент на свободной человеческой воле, на человеческой активности.

Слабости конструкции Нестория, естественно, были использованы его противниками. На первый план были выдвинуты два момента: отрицание Несторием эпитета «богородица» (Несторий в анти-аполлинаристском рвении предложил именовать Марию «христородицей», не учтя, насколько укоренился культ Марии в широких слоях населения) и признание Несторием двух Христов. Отстаивая мысль об «ортодоксальности» Нестория, Шипиони утверждает, что спор об эпитетах Марии не имел существенного значения для его концепции (с. 70, 183), а что касается тезиса о признании Христа (одного Христа) простым человеком — то это клевета или непонимание его противников (с. 86 и сл.). Несомненно, противники Нестория многое искажали в его концепции, искажали подчас тенденциозно. Несомненно, что Несторий никогда не отказывался и не мог отказаться от признания божественного начала в Христе. Несомненно, что он бился над тем, чтобы найти формулу, позволяющую объяснить сосуществование двух природ в одной ипостаси. Но при этом его противники были правы в одном: как и пелагиане, Несторий придал «человеческому» большее значение, чем это могла допустить торжествующая христианская церковь.

В ожесточенной борьбе, где идеологические моменты отчетливо переплетались с политическими, Кирилл действительно проявил себя беззащитным и ловким дипломатом. Он сумел добиться в конечном счете санкции императорской власти, хотя на первый взгляд казалось, что Феодосий склонен поддерживать Нестория (правда, надо обратить внимание на такое странное обстоятельство, что император собирает собор в Эфесе, где митрополит Мемнон и большинство населения враждебно по отношению к Несторию; затем он созывает совещание представителей обеих группировок — опять-таки не в Константинополе, где Несторий мог рассчитывать на поддержку, но в Халкидоне, где епископ Евлалий поддерживал Кирилла). Он сумел обеспечить себе союз с римским престолом. Но это еще не значит, что Несторий был «невинной овечкой» и чистым богословом, думавшим исключительно о разработке теологических вопросов. Хорошо известны слова Нестория — и Шипиони цитирует их (с. 30), — обещавшего императору поддержку, если тот расправится с еретиками. Однако чрезвычайно показательно — и в этом также проявляется важность «проблемы Нестория», — как побеждавшая церковь умела использовать формулировки тех, кого объявляла еретиками, и как, наоборот, умела закрывать глаза на «еретические» суждения тех, кто подобно Кириллу Александрийскому достиг успеха и стяжал себе славу поборника православия.

А. К.

C. F o s s. *Byzantine and Turkish Sardis*. Harvard University Press, 1976, XVIII + 216 p.

Книга молодого американского археолога К. Фосса о Сардах имеет двойное значение. Прежде всего, это первая монография по истории собственно византийского города, основанная на совокупном изучении памятников письменности и материальной культуры. Даже о таких городах, как Афины, Коринф или Эфес, где раскопки ведутся уже многие годы, до сих пор нет чего-либо большего, нежели обзорные статьи¹. Несколько лучше обстоит дело с византийскими приграничными городами в Болгарии, на Нижнем Дунае, в Крыму или Закавказье: в этой области образцовыми остаются монографии А. Л. Яковсона о средневековом Херсоне². Хотя судьба приграничных

¹ Работа *Gregorovius F. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, I—II. Stuttgart, 1889*, написана задолго до начала археологического изучения Афин. Остальные труды касаются отдельных районов или периодов; см. *Frantz A. The Middle Ages in the Athenian Agora. Princeton, 1961*; *Finley J. H. Corinth in the Middle Ages. — Sp., 7, 1932*; *Vetters H. Zum byzantinischen Ephesos. — JÖBG, 15, 1966*.

² *Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959; он же. Средневековый Херсонес. XII—XIV вв. М.—Л., 1950*. Из придунайских городов отмечу Пэкуюллуй Соаре; см. *Diaconu P., Vilceanu D. Păciul lui Soare. Cetatea bizantină, I. București, 1972*. Я оставляю в стороне такие хорошо раскопанные балканские центры, как Стоби или Нове, которые не пережили позднеантичную эпоху; то же самое относится и к большей части римских городов Закавказья (см. например: Великий Питунт, т. I. Тбилиси, 1975: там жизнь археологически прослеживается лишь до VI в.); средневековые армянские и грузинские центры возникали как новые города; см., например, *Аракелян Б. Города и ремесла в Армении (IX—XIII вв.), т. 1—2. Ереван, 1958—1964*.

городов могла складываться иначе, нежели судьба малоазиатских, изучение метода работы исследователей, посвятивших себя Херсону и другим приграничным центрам, могло бы сослужить полезную службу при построении Фоссом монографии о Сардах. Следов такого использования предшествующего опыта в рецензируемой книге нет.

Фосс собрал прежде всего скудные свидетельства о Сардах, сохранившиеся в письменных источниках, как греческих и латинских, так и восточных: они приведены в книге с английским переводом (с. 105—132). Сюда следует прибавить восхваление Феодором II Ласкарем плодородия окрестностей Смирны и Сард, равно как и упоминание Пахимером Сард в составе фемы Неокастрон³.

По печатям, помимо Антония II (с. 68)⁴, мы знаем сардского митрополита Стилиана X в. (Corpus, V, 1, № 366) и Иоанна второй половины XI в. (№ 367—368); В. Лоран упоминает также, ссылаясь на неизданное сочинение Димитрия Кизикского (Ambros. 682, fol. 370), еще одного митрополита Иоанна, жившего до 950 г. и прославившегося знанием духовных и светских наук (Corpus, V, 1, p. 263).

Письменные источники по истории Сард скудны: среди них, пожалуй, наиболее значительный памятник — надпись от 27 апреля 459 г. (док. № 14), содержащая призыв строителей мастеров в Сардах, где регламентируются отношения между строителями (выступающими как организованная корпорация), подрядчиком и заказчиком⁵. Анализируя эту надпись (с. 19 и сл.), Фосс приходит к существенному выводу о противоречивой двойственности позднеримского общества, где за строго регламентированным фасадом скрывалась сравнительно подвижная система, открывавшая большие возможности для свободы действий. Но в целом эпиграфический материал, относящийся к позднеантичным Сардам, скуден и несопоставим, скажем, с обильными данными надписей из Корика, детально рисующих торгово-ремесленную деятельность горожан⁶. Поэтому утверждение Фосса о существовании в Сардах «гильдий» торговцев одеждой или портных (с. 15, 19) остается недоказанным — соответствующие надписи просто упоминают «брючника» (*ζωχάριος*) Юлиана (док. № 12) или торговцев одеждой⁷, но в них нет и намека на корпорацию.

Как бы то ни было, по одним письменным источникам написать связную историю Сард невозможно. Несколько более обстоятельны свидетельства об истории Сардской церкви, и в этой области Фосс делает подчас любопытные наблюдения, подчеркивая, к примеру, что митрополиты Сард почти никогда не жили в своей епархии, но оставались в столице (с. 67—69, 85, 88). Но поскольку Фосс опирался в истории сардской церкви на работу епископа Германа⁸, его оценки приобретают православный оттенок: Несторий характеризуется как «фанатичный патриарх» (с. 32); Анастасий I безоговорочно назван сторонником монофиситов (с. 34), хотя П. Каранис давно показал, насколько более сложной была его позиция; наконец, «чудеса» св. Петра из Атроа излагаются в книге (с. 65) без тени улыбки.

Построить историю Сард Фоссу удалось только благодаря использованию археологического материала. Правда, он привлекает, по сути дела, лишь строительные остатки и монеты — за пределами книги Фосса остался такой существенный памятник, как керамика (см. упоминание мастерской поливной посуды — с. 70), составляющая, замечу мимоходом, очень важный элемент в работах Якобсона, где она привлекается для характеристики как ремесла, так и художественной культуры Херсона. В самом деле, возникают вопросы, сохранила ли сардская глиняная посуда позднеантичные традиции; была ли она импортной (из Константинополя?) или местной;

³ *Theodori Lascaris epistolae*, ed. N. Festa. Florentiae, 1898, p. 155. 2—3; *Pachym.*, II, 221.1. См. *Angold M. A Byzantine Government in exile*. Oxford, 1975, p. 102, 246.

⁴ В отношении Антониев в книге допущено несколько неточностей: во-первых, в указателе (с. 211) два митрополита Антония слились в одно лицо; во-вторых, Фосс (с. 68) ошибается, утверждая, что Антоний II был получателем двух писем патриарха Николая Мистика — ему адресовано только одно послание Николая (№ 142, ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westernik), тогда как два других (№ 180 и 181), на которые ссылается Фосс, только упоминают Антония, но адресованы не ему. Наконец, атрибуция печати «монаха и митрополита» Антония сардскому епископу конца VIII в. (с. 65) не бесспорна: Лоран (Corpus, V, 2, p. 455, № 365 bis) отнес ее к нач. X в., да и Г. Закос и А. Веглери (*Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals*, I, 2. Basel, 1972, N 1327) не исключают возможности ее изготовления во второй половине IX в.

⁵ Об этой надписи см. также *Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии*. — ВО, 1971, с. 63.

⁶ *Гуревич А. Я. Из экономической истории одного восточноримского города*. — ВДИ, 1955, № 1.

⁷ Не очень определенную надпись IV в.: *καμάρα ὑπηρεσίας ἐμπαισιπώλων* (док. № 13) — Фосс понимает как «коллективную гробницу подмастерьев (assistants) торговцев одеждой» (с. 19). Однако термин «камара» хорошо известен «Книге епарха» (XVII, 1; XXII, 4), где он означает «склад» (см. *Сюзюмов М. Я. Византийская книга епарха*. М., 1962, с. 231 и сл.). По-видимому, и здесь речь идет о складском и служебном помещении торговцев одеждой.

⁸ *Germanos. Ἱστορικὴ μελέτη περὶ τῆς ἐκκλησίας τῶν Σάρδεων*. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1928.

увязывается ли ее эволюция с развитием гончарного дела в византийской провинции, лучше всего изученного в Коринфе⁹, и т. п. Другой важный объект исследования археолога — изделия из металла. Они также лишь упоминаются (с. 15, 43 и сл., 75), но не характеризуются. Тем не менее уже анализ строительных остатков и монетных находок в Сардах позволяет сделать выводы первостепенной важности. И тут мы подходим ко второму аспекту книги Фосса. Он состоит в том, что рецензируемая работа заставляет коренным образом изменить традиционные взгляды на судьбу византийских городов.

Как известно, традиционное представление состоит в том, что Византия всегда была страной городов, как и ее предшественница — Римская империя. В отличие от западного города, пришедшего в упадок в раннее средневековье, в восточной половине империи городская жизнь характеризуется континуитетом. Эта концепция, высказанная еще А. П. Рудаковым и отчетливо сформулированная М. Я. Сюзумовым, находит свое выражение в новейшем очерке византийской культуры, принадлежащем А. Гийю¹⁰. Однако еще в 1954 г. я высказал точку зрения, показавшуюся тогда парадоксальной, что византийский провинциальный город пережил спад в VII в. и новый подъем с IX—X в. и особенно в XI—XII вв.¹¹ Я пытался обосновать эту новую точку зрения доступными тогда археологическими и нумизматическими данными. Хотя первоначально моя работа встретила резкую критику¹² (главным образом, с позиций нумизматики), постепенно идея о перестройке городской жизни Византийской империи стала проникать в литературу, хотя и обосновывалась скорее общими соображениями, нежели анализом наличного материала¹³. М. Ф. Хенди попытался возродить ее в ее второй половине, подчеркнув, что византийская городская экономика переживает подъем в XI—XII вв.¹⁴ Рецензируемая книга, на мой взгляд, полностью подтверждает справедливость мысли, высказанной за 20 с лишним лет до Фосса, хотя он по каким-то соображениям не считает нужным упомянуть о своих предшественниках.

В самом деле, Сарды в IV—VI вв. предстают большим городом античного типа с развитой торгово-ремесленной жизнью, городом, где не замедляла строительная активность. Центральная часть города простиралась вдоль главной магистрали почти на два километра (с. 37). Район вдоль Пактола по направлению на юг, к храму Артемиды, был покрыт виллами, иные из которых построены в V в. (с. 47). В западной части города были заложены новые улицы с колоннадами, построены новые хозяйственные сооружения и жилые дома (с. 51). При этом Фосс отмечает характерное явление: перенос хозяйственного центра с открытой площади (агора) в торговые «ряды», расположенные в портиках на главных улицах (с. 16).

В VII в. наступает упадок. Город еще не замер, но строительная активность приобретает чисто военный характер: в середине VII в. прокладывается широкая дорога, возводятся крепостные стены; эта строительная деятельность датируется находками монет Константа II около 660 г. (с. 57 и сл.). После 711 г. монетные находки прекращаются вовсе (с. 61). Хотя Сарды оставались административным и церковным центром, городская жизнь в них едва теплилась. Некоторое ее возрождение становится заметным с IX или даже с X в., но новый город уже не похож на античный: небольшие дома, тесно прижатые друг к другу, заполняют Акрополь (с. 70), который был окружен рядом городков, где имелись ремесленные мастерские (с. 72—75). Часть территории старых Сард оставалась незастроенной. «Разрыв с позднеантичным прошлым, — формулирует Фосс (с. 76), — был полным, и средневековый город представлял собой совершенно иной организм». Подъем нового города продолжался до середины XI в. После 1059 г. Сарды, по всей видимости, испытывали постоянный натиск турок и находились в тяжелой ситуации, возможно, улучшившейся к концу XII в. Они во всяком случае процветали при Никейской империи.

⁹ Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery.—«Corinth», XI, 1942.

¹⁰ Guillon A. La civilisation byzantine. Paris, 1974, p. 266—304.

¹¹ Каздан А. П. Византийские города в VII—XI вв.—СА, XXI, 1954. В дальнейшем эта мысль легла в основу соответствующих разделов моей книги «Деревня и город в Византии IX—X вв.» (М., 1960, гл. 4—5).

¹² Наиболее содержательны три критические работы: Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.—ВВ, XV, 1959; Ostrogorsky G. Byzantine Cities in the Early Middle Ages.—DOP, 13, 1959; Vryonis S. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) from the Thomas Whittemore Collection. . . —ЗРБИ, VIII/1, 1963.

¹³ Независимо от моей статьи к сходным выводам пришли: Kirsten E. Die byzantinische Stadt.—Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. München, 1958; Zakythinos D. La grande brèche dans la tradition historique de l'hellénisme du VIIe au IXe siècle.—In: Χαριστήριον εις Α. Κ. 'Ορλάνδον. Ἀθήναι, 1966 (перепечатано в его сборнике «Byzance: Etat-Société-Economie». London, 1973). С нумизматических позиций отстаивает тот же вывод Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessalonike, 1965.

¹⁴ Hendy M. F. Byzantium, 1081—1204; An Economic Reappraisal.—In: Transactions of the R. Historical Society, 5th Series, 20, 1970.

В чем же причина упадка Сард в VII в.? Фосс ищет ее однозначно в персидском разграблении города, которое он датирует по нумизматическим данным 616 г.¹⁵ Более того, он утверждает, что персидское вторжение в начале VII в. вообще привело к разрушению античного города в Малой Азии¹⁶. Этот тезис, на мой взгляд, наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, хозяйственная активность в Сардах (да и в других малоазиатских городах) продолжалась еще в середине VII в., хотя и носила специфический характер. Во-вторых, никакое вражеское вторжение не может уничтожить городскую жизнь, если не созрели внутренние предпосылки для упадка городов: после готского набега на Грецию в III в. города оправились очень быстро. Следует при этом учитывать, что персы — в отличие от германцев или славян — были хорошо знакомы с городской культурой и не испытывали враждебности к городам. Наконец, пребывание персов в Малой Азии длилось слишком недолго, чтобы вызвать «конец античности». Напомню, что согласно самому Фоссу, вторжение сельджуков не привело к коренному изменению облика Сард (с. 92). В-третьих, никакое вторжение не может объяснить, почему Сарды были восстановлены в новом облике, а не как античный город (пусть меньшего размера).

Разумеется, пока не следует спешить с «окончательными» выводами: нужно ждать монографий о других городах в Малой Азии и на Балканах. Однако уже сейчас можно констатировать, что в VII в. восточноримские провинциальные города пережили экономический и социальный упадок¹⁷, усугубленный вторжением персов и затем арабов, а на западе — славян, аваров и лангобардов (в Италии). После примерно двух столетий «темных веков» начинается возрождение византийского города — но уже в новом, средневековом, отличном от античного облике. Сходную судьбу обнаруживают, согласно Якобсону, и Херсон¹⁸.

А. К.

Werner Seibt. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie («Byzantina Vindobonensia», Bd. IX.). Wien, 1976

В серии появившихся в последнее десятилетие работ, посвященных изучению отдельных византийских семей¹, вышла монография о Склирах. Просопографическая работа австрийского ученого Вернера Зайбта представляет собой развернутый список членов византийской фамилии Склиров. Это первый в историографии опыт подобного рода.

Основное значение работы — введение в научный оборот огромной массы новых, прежде всего сигиллографических данных по истории Склиров. Большинство из впервые привлекаемых печатей (в том числе из коллекции Эрмитажа) непосредственно обследовано австрийским византинистом. В результате ряд биографий членов этой фамилии представлен фактически по-новому (Лев Склир — вторая половина XI в., Михаил — рубеж XI—XII вв. и др.).

Ряд чтений известных печатей и изданных документов исправлен. В частности, следует отметить интересные для славистов наблюдения В. Зайбта. Конъектура к тексту простагмы Алексея Комнина 1082 г. позволила получить свидетельство о Михаиле Склире как протопроедре, судье Фракии и Македонии, эксисоте (с ним же связывается печать протопроедра, судьи и эксисота Запада, изданная А. Мордтмоном, читавшим «Каматир»). Фактически новым для нас лицом в клане Склиров оказывается другой Михаил (конец XI—первая треть XII в.), известный по печати, опубликованной

¹⁵ Foss C. The Fall of Sardis in 616 and the Value of Evidence — JÖB, 24, 1975. Срогово, 616 г. это terminus ante quem non, ибо 616 годом датируется последняя позднеантичная монетная находка, дополняемая следами разрушений и пожаров. Эти разрушения могли иметь место и в один из следующих годов.

¹⁶ Foss C. The Persians in Asia Minor and the End of Antiquity.—«The English Historical Review», 90, 1975, № 357.

¹⁷ См. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 208 и сл. Курбатов начинает упадок позднеантичного города с рубежа V и VI в., т. е. задолго до персидского вторжения.

¹⁸ Попытки пересмотреть концепцию Якобсона об упадке Херсона в «темные века» (см. особенно Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков». Свердловск, 1972; она же. К вопросу о положении Херсона в «темные века». — АДСВ, 1972) не кажутся мне убедительными. Д. Л. Талис («Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья». — ВВ, XVIII, 1961) также признает экономический упадок города, но датирует его начиная с сер. VI в., а не со второй половины VII в., как Якобсон, который в полемике с Талисом отстаивал свою периодизацию (Якобсон А. Л. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсона. — ВВ, XXIV, 1964).

¹ Polemis D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968; Nicol D. M. The Byzantine family of Kantakuzenos (Cantacuzeni). Washington, 1968; Vannier J.-F. Familles byzantines. Les Argyroï (IX—XIIe s.). Paris, 1975.

Г. Шломберже, чтение которой исправлено: «проедр и дука Водины и Сланицы». Это дополняет наши материалы по данной области².

Наиболее существенным моментом сигиллографических штудий В. Зайбта является выработанная им методика датировок печатей с точностью до десятилетия. Впрочем, обоснование этой методики, видимо, впереди. Пока же следует отметить уточнение дат ряда важных печатей — протоспафария и страгита Пелопоннеса Льва (Н. Вейс) — вторая треть X в.; Льва — магистра и начальника вестиярия (Г. Шломберже, Ф. Дэлбгер — IX в.) — 70-е годы XI в.; Льва — веста, вестарха и судьи Эгейского моря (Н. П. Лихачев — начало IX в.) — 70—90-е годы XI в. и др.

Однако сигиллографическими материалами не исчерпывается историко-ведческая база работы. В. Зайбтом приводятся новые данные и нарративных памятников. Так, по арабским источникам восстановлено имя отца Варды и Константина Склиров и их сестры Марии: это — Фотий (?) (арабск. — Мунир). Автором проводится отождествление арабского «Мунир» с именем Фока.

В итоге анализ данных легенд печатей, нарративных сочинений, актов позволил В. Зайбту выявить 41 лицо, имевшее (реально или предположительно) патроним «Склир», — за период с начала IX до второй половины XIV в.

Почти четверть объема книги посвящена восстановлению *cursus honorum* Варды Склира — известного полководца X в. Подробно рассматриваются сохранившиеся свидетельства о его деятельности, причем историко-ведческие наблюдения позволяют подчас привлечь новые данные, как, например, рассказ Льва Диакона (163.11 сл.; ср. Склища, 311.82) о конфликте патриарха Василия Скамандрина с императором и другими иерархами в начале 70-х годов X в.; приводятся и новые материалы печатей. Образно описана исследователем сложная судьба Марии Склирины; многие страницы ее жизни восстановлены В. Зайбтом на основе ряда идентификаций (например, Склирины — племянницы дочери Василия Склира, и Марии, упоминаемой в Пире, XV.16) и атрибуций (неизданная речь Пселла, неопубликованная надпись «Марии севасты» и др.). Список семьи Склиров, изданный А. П. Кажданом³, дополняется для XI в. двумя персонами (Панфирий, упомянутая в акте «вдова Склира»). Минимальное количество сведений о Склирах с начала XII в. позволяло ранее говорить о практическом исчезновении Склиров с этого времени. Новая работа несколько расширяет список XII в. (Роман, Анна Склирина). Среди Склиров более позднего времени для кавказоведов интересно упоминание о Димитрии — протэкике митрополии Ζιχουβη (1362 г.).

Список В. Зайбта, вероятно, можно было бы расширить. Так, рассматривая сведения о неизвестной по имени дочери Василия (№ 15), которой автор приписывает упоминание в Пире (L.4) «дочери магистра Склира», он не указывает предположения Р. Гийана о наличии у Василия еще и сына⁴ (и не отводит последнему соответствующего места в списке). В книге приводится также сведение Пселла (*Scripta minora*, II, 102) о сыне Романа (ок. 1055 г.). Не следовало ли бы выделить этого представителя семьи в отдельный параграф?

Особо следует остановиться на методической стороне работы австрийского исследователя. Построение биографий многих членов фамилии Склиров основано на широких отождествлениях. Так, сыну Романа Василию приписываются два упоминания Пиры о Склирах (XV.14; LXV.15), относимые ранее к двум разным лицам, отличным к тому же от сына Романа. Многочисленные свидетельства второй половины XI в. о Склирах с преномом Роман объединены в биографии брата Марии Склирины. То же самое можно сказать и о Склирах второй половины XI в. с именем Николай, сведения о которых отнесены одному лицу. Личность Андроника Склира (рубеж XI—XII вв.) «восстановлена» путем отождествления данных об известном севасте и о протоневеллissime, логофете дрома. Подобные идентификации нередко проводятся ohne Zweifel (S. 79, 96 и др.), хотя существуют и противоположные им мнения.

Столь же категорично постулируется и армянское происхождение Склиров, которое к тому же оказывается одной из исходных посылок некоторых атрибуций, например, связи Склира — сопровителя эмира Мелитины в середине IX в. — с событиями павликианского движения или отнесения к фамилии Склиров анонимного митрополита одного из писем Фотия.

М. В. Бибиков

M. A n g o l d. A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea. 1204—1261. Oxford University Press, 1975, XX+332 p.

Монография Майкла Энголда посвящена Никейской империи. Автор, однако, сознательно отказывается от рассмотрения политических событий этого времени — исключение сделано только для узурпации Михаила Палеолога (с. 63—80). В центре

² Koder J., *Hild F.* Hellas und Thessalia. [Tabula Imperii Byzantini, Bd. I]. Wien, 1976, S. 67.

³ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 75—82, 135.

⁴ Guillard R. Contribution à la prosopographie de l'Empire byzantin. — ЗРВИ, 13, 1971, p. 16 sq.

внимания Энголда — политический строй и администрация: именно административная система была, по его мнению, одной из основных сил, способствовавших внутренней прочности Византийской империи (с. 10). Но вместе с тем — и это чрезвычайно показательно для современного состояния западного византиноведения — административно-политическая структура рассматривается Энголдом в тесной связи с экономикой (с. 87—120) и социальными отношениями (с. 121—143). Автор опирается прежде всего на материал картулярия Лемвийского монастыря близ Смирны, привлекая также и иные источники — документальные и нарративные. Несмотря на известные повторения, книга отличается четкостью мысли, и ее основные выводы легко могут быть сформулированы.

Прежде всего заслуживает внимания неоднократно повторяемая Энголдом мысль о том, что экономическое, социальное и административно-политическое развитие Никейской империи было продолжением тех тенденций, которые наметились в Византии при Комнинах и которые были прерваны Андроником I и Ангелами (с. 60 и сл., ср. с. 242, 295). Парадоксальность этой мысли не сразу бросается в глаза, и тем не менее она парадоксальна: в самом деле, мы привыкли считать, что катастрофа 1204 г. явилась поворотным пунктом в истории Византии, — оказывается, что эта оценка по меньшей мере односторонняя и что в хозяйственном, социальном и административном смысле период между 1081 и 1261 гг. (за вычетом последней четверти XII в.) выступает довольно однородным, несмотря на очевидное различие политических судеб Комниновской Византии и Никейской империи. Мысль эта, выдвинутая еще английским нумизматом М. Ф. Хенди, показавшим, что традиции монетного дела XII в. сохранились при никейских императорах¹, может оказаться продуктивной, и это, кстати сказать, может привести к пересмотру традиционной периодизации византийской истории.

Энголд рассматривает, далее, Никейскую империю как процветающее государство. Эта идея сама по себе не нова, однако с ней связаны два чрезвычайно существенных вопроса, на которые Энголд дает оригинальные ответы. Эти вопросы: во-первых, чем обусловлено процветание Никейской империи и, во-вторых, почему оно обрывается, как только никейским правителям удалось выполнить свою «сверх-задачу» отвоевания Константинополя?

По мысли Энголда, императоры династии Комнинов, а вслед за ними никейские Ласкариды сумели добиться такой ситуации, когда интересы императорского правительства и аристократии совпали. «Крупные земельные собственники, — подчеркивает Энголд, — не только более всех оказались в выигрыше от восстановленного в западных областях Малой Азии процветания, но именно они и были тем элементом, который главным образом осуществлял перестройку деревни» (с. 108). Он считает возможным говорить о «феодализации» Византийского государства, начинающейся еще в IX в. и проявляющейся внешне в том, что «крупное поместье становится основой организации сельского общества»; причем если первоначально имперское правительство пыталось помешать этому развитию, то с XI в. оно приспосабливается к росту крупного поместья (с. 121). Государство раздает земли и передает частным лицам элементы публичной власти, в том числе привилегированные владения и иммунитеты (с. 129). Широкое использование проний для обеспечения администрации и армии Энголд считает нововведением никейского времени; при этом он понимает под пронией «пожалование налогов и служб, которыми обязано было население определенного района», равно как и иных прав, принадлежащих государству (с. 125, ср. 192, 217—220, 278). Хотя термин «харистикия» и не встречается после 1204 г., в действительности институт передачи монастырских владений светским лицам продолжал существовать, частично в форме назначения эпитропов в императорские монастыри (с. 54 и сл.). Энголд не только признает наличие разного рода близких к феодальным институтам, но и допускает ухудшение правового статуса париков в XIII в. (с. 138). Однако равновесие сил нарушено еще не было: императорское правительство сохраняло известный контроль за переданными частным лицам правами и доходами (с. 141, ср. с. 181—226, 234); свободное население приграничных районов пользовалось привилегиями (с. 101); общины сохраняли значительную автономию (с. 261—264). Феодальные черты постепенно окрашивали весь облик никейского общества: Энголд обращает внимание на проникновение ордалий в судебную практику (с. 172), на перестройку поместных описей по частноправовому принципу (с. 209), на возникновение элементов двусторонних отношений между сувереном и подданным (с. 74, ср. 85, 295). Большое внимание автор уделяет установлению эпителии, в чем находило проявление превращение публичноправового института в частноправовой (с. 230); здесь можно было бы пойти дальше и показать, что установление эпителии означало замену продажи земельного участка актом ифеодализации: земля продавалась, но ее новый владелец оказывался обязанным рентой по отношению к прежнему; далее, следовало бы подчеркнуть отсутствие линейной зависимости между размером земли и эпителией, что как раз типично для феодальной ренты. Напротив, Энголд — вопреки цифрам — старается утвердиться в мысли об эквивалентности и «рациональности» эпителии (с. 231 и сл.), подобно тому как в другом месте он отстаивает тезис об «относительной

¹ См. *Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire 1081—1261*. Washington, 1969.

стабильности» цен на землю — при нестабильности их на оливковые деревья (с. 106 и сл.).

Административная структура Никейской империи соответствовала общественным порядкам «феодализирующегося» общества. Энголд намечает такие тенденции, как упрощение бюрократической системы и приобретение государственным аппаратом патримониальных черт (с. 151—181), превращение императорской «дружины» в ядро армии (с. 186, 201), превращение царского вестиярия в основное звено фискальной организации (с. 204). Но феодализация на этом этапе не означала ослабления государственного аппарата, — напротив, как это ни парадоксально, феодализация при никейских императорах (как и при Комнинах) сочеталась с упрочением государственного аппарата и усилением его контроля за деятельностью местных органов (с. 235). Итак, если наблюдения Энголда верны, можно сделать существенное заключение: упрощение Никейской империи было результатом феодализации страны, в частности, перестройки на феодальный лад ее административно-политической структуры.

Но, полагает Энголд, «сбалансированные» отношения между государством и аристократией продолжались недолго. Они стали нарушаться уже при Феодоре II и особенно при Михаиле VIII. Энголд подчеркивает, что причина нарушения равновесия лежит не в личных свойствах тех или иных правителей, но в самой природе византийской общественной структуры. «Сплоченность общества и здоровое состояние провинциальной администрации были подорваны ростом власти крупных фамилий» (с. 295, ср. с. 79). В отличие от рассмотренных выше мыслей Энголда этот тезис лишен какой бы то ни было парадоксальности и прекрасно совпадает с традиционными суждениями о «гибельности» феодальных порядков для централизованного государства. Он поэтому кажется наиболее правдоподобным, и тем не менее именно он оказывается в явном противоречии с собранным самим же Энголдом фактическим материалом. Напомню еще раз, что согласно Энголду, крушение никейской «сбалансированной» системы приходится на время правления Михаила VIII. Михаил Палеолог по своему происхождению принадлежал к аристократическим фамилиям империи, и это должно, как будто бы, подкрепить представление о разрушительной роли феодальных сил. Однако присмотримся к конкретной политике Михаила, как ее обрисовал Энголд. Сразу же после смерти Феодора II Георгий Музалон выдвинул совершенно новый принцип, предложив создать аристократическую ассамблею, перед которой должно было быть ответственным правительство регента, — Михаил, напротив, отстаивал традиционные основы неограниченной монархии (с. 80 и сл.). Михаил вернулся к старому принципу формирования армии (с. 185, 191), отказался от назначения высших придворных на фискальные должности, передавая их людям незнатного происхождения (с. 235). Палеологи не смогли создать здоровую провинциальную администрацию во Фракии и Македонии — в отличие от никейской административной системы в Анатолии (с. 295), а само отвоевание Константинополя (т. е. восстановление универсалистских тенденций) было губительным, как это предсказывал еще протаскирит Сенахерим (с. 296). Иначе говоря, если феодализационные процессы действительно способствовали укреплению Византийского государства как при Комнинах, так и при Ласкарях, то причины неудач Ангелов и Михаила VIII следует, скорее всего, искать в их попытках вернуться к старым принципам управления, которые были эффективными в X столетии, но, по всей видимости, уже не отвечали ситуации, сложившейся в XII—XIII вв.

А. К.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, 1. Faszikel. Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H. V. Beyer, mit einem Vorwort von H. Hunger. Wien, 1976, 18 + 163 S.*

Византиноведение имеет в своем распоряжении удивительно малочисленную литературу сводного характера, будь то «корпусы» (печатей, надписей, монет и т. п.), словари или справочники. Обилие материала источников (в сравнении с греко-римскими древностями), частью еще остающихся неизданными, в какой-то степени объясняет, хотя и не извиняет это отсутствие. Античники успели выпустить или хотя бы начать выпускать подобные сводные издания еще в ту пору, когда техника исторического исследования не предъявляла к исследователю таких требований акрибийности, какие никто не в состоянии удовлетворить: историки XIX в. были смелее и понимали, что отвальная неполнота — залог последующей полноты. Мы стали более робкими: мы боимся допустить ошибку, нежели оставить незаполненными зияющие лакуны. Грандиозное стремление идти в ногу с веком, отразившееся, в частности, в замысле «Реального лексикона» (см. ВВ, 33, 1972, с. 34 и сл.), застопорившегося всего-навсего на статье «Abendland», очень показательно — не лучше ли было начать с небольшого, неполного, но практического и осуществимого издания?

«Просопографический лексикон Палеологовского времени», выпускаемый Комиссией по византистике при Австрийской Академии наук, — истинное дитя XX столетия со всеми отличительными чертами современной гуманитарной науки, стремящейся подражать наукам естественным: он плод коллективного творчества (Э. Трапп перечисляет в предисловии ряд лиц, участвовавших или помогавших составлению грандиозной картотеки, которая должна была предшествовать Лексикону); и даже

электронно-вычислительная техника была применена для унификации и проверки данных, для составления указателей и т. п. Издатели выпускают книгу в предварительном виде — с тем, чтобы в дальнейшем доработать ее с учетом возможных замечаний. Первый выпуск охватывает имена на букву А.

Перед Гранпом и его сотрудниками стояла трудная и, я бы сказал, внутренне противоречивая задача. С одной стороны, хотелось бы иметь в Лексиконе всю просопографическую информацию, с другой — удовлетворение максималистских претензий затянуло бы издание на непредсказуемые сроки и привело бы к его громоздкости. Поэтому издатели ограничили себя грекоязычными источниками и отказались от обработки восточных, славянских и западных текстов, что, разумеется, обедняет Лексикон, но, видимо, является необходимым ограничением на данном этапе. Строго языковый принцип подбора материала приводит, однако, к тому, что в Лексикон попадают люди, довольно далекие от Византии, как Рукнэддин Абуллатиф, сын Улутбека (№ 36), которого Халкокондил ошибочно считал сыном Тимура. Издатели расписали «хронику» 1328—1335 гг., изданную П. Шрайнером под № 85¹ на том основании, что «хроника писана на греческом языке, однако это — заметки русского клирика, относящиеся целиком к событиям в русской церкви, и возможность включения русских епископов и монахов в Палеологовский лексикон во всяком случае сомнительна. Вероятно, издатели правы, отказываясь от включения в Лексикон (за редким исключением) лиц, известных только по преномам (с. 10*), однако возникает вопрос об учете лиц, чьи фамилии сохранились в топонимике: так, в одной из Ивирских описей 1341 г. упомянут ручей Анчисты (Αντιστῆς)²; Анзасы, или Анчо — византийская фамилия, известная с середины XI в., вполне возможно, что след в топонимике оставлен кем-то из них, хотя и неизвестно, в какое время; во всяком случае, Анчиста, отсутствующая в Лексиконе (хотя эта опись обработана издателями: см. например Иоанн Анатолик, ткач — № 888), ближе к Византии Палеологов, чем русские епископы.

Греческие источники использованы с очень большой полнотой и тщательностью, привлечены даже только что вышедшие издания: наряду с «Хрониками» Шрайнера можно назвать переписку патриарха Афанасия, письма Матфея Эфесского³, новое издание Мазариса и ряд других. Помимо письменных памятников в прямом смысле слова, использованы печати. Мне неясно, привлечена ли издателями загадочная и плохо изданная опись XIII—XIV вв.⁴, упоминающая, в частности, владения некоего Амигдала, названного один раз «святым Георгием Амигдалом». Я не знаю св. Георгия Амигдала в византийских святцах. Из текста неясно, идет ли речь о церкви или монастыре Амигдала и тем более — к какому времени относится деятельность этого человека. В описи встречается также имя Анания (местного землевладельца?). Амигдалы в Лексиконе отсутствуют вовсе, нашего Анании (см. 845—849) там тоже нет.

Материал каждой статьи четко разделен по пунктам, что упрощает пользование Лексиконом. О каждом лице сообщается (по возможности) его имя, даты жизни, должность и титул, родственные связи, участие в политической и культурной жизни, идеологическая позиция, сочинения (разумеется, не о каждом лице все эти данные известны). В заключение приводятся относящиеся к данному человеку источники и основная литература. Четкость расположения материала (по пунктам) выгодно отличает

¹ Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken, I. Wien, 1975, S. 602—608. Из этой хроники взяты: иеромонах Авраам (№ 46), Афанасий — епископ «Зарайска» (№ 352) (sic! Речь идет, разумеется, о Сарая — см. перевод В. Н. Бенешевича: РИБ, VI. СПб., 1908, Приложение, стлб. 437. Епископия Сарая упоминается и в «Нотциях епископатов» и в других документах; см. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 267; ср. ответы собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста от 1276 г. — РИБ, VI, Приложение, с. 5—12), Афанасий — епископ Владимира (№ 353), Андрей — иеромонах и архимандрит (№ 899), Антоний Ростовский (№ 1064), Антоний иеромонах (№ 1077), Арсений иеромонах (№ 1385). Замечу, что отождествление Антония Ростовского с иеромонахом того же имени — претендентом на кафедру в Галиче — произвольно, равно как и объединение в одном лице нескольких Андреев, претендовавших на разные епископские кафедры.

² Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . München, 1949, S. 119.231.

³ Издание Райнша (Reinsch D. Die Briefe des Matthaios von Ephesos im Codex Vindobonensis Theol. gr. 174. Berlin, 1974) указано в списке сокращений. Насколько я могу судить, в переписке содержится только одно имя на А — Αμώρτης (с. 175, № 55.18); оно отсутствует в Лексиконе. Даже если издатели предполагают дать его на О, как это сделано Моравчиком (Byzantinoturcica, II, S. 217), здесь следовало бы поместить отсылку.

⁴ Гранстрем Е. Э., Медведев И. П. Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда. — «Археографический ежегодник за 1968 г.». М., 1970, с. 343—347 (см. поправки: BS, 33, 1972, p. 118). Издатели сами указывают (с. 11*) на некоторые неиспользованные ими издания, в том числе: Алмазов А. И. Канонические ответы Иоасафа митрополита Ефесского. Одесса, 1903. Должен заметить, что в ответах Иоасафа ни одного «палеологовского» имени на А не встречается. P.S. Когда эта аннотация была набрана, появилось исправленное издание описи: Granström E., Medvedev I., Papachryssanthou D. Fragment d'un praktikon de la région d'Athènes. — REB, 34, 1976, p. 5—44, — которую издатели датируют теперь временем до 1204 г.

это издание от «Просопографии Поздней Римской империи»⁵, где, однако, применен технический прием, заслуживающий внимания, — разнообразие шрифтов для выделения некоторых моментов содержания. Некоторые характеристики (особенно социальные) не всегда точны: так, издатели очень часто употребляют понятие «земельный собственник» (*Grundbesitzer*), однако люди, скрывающиеся за этим понятием, сильно различаются по своему социальному статусу. Часть из них, действительно, не может быть охарактеризована более точно (например, 293, 319, 508, 546, 576, 637, 739); о других мы знаем, что они принадлежали к знати: таковы, несомненно, севаст Иоанн Алифин (№ 641), вестарх Авастаг (№ 26), каваларий Николай Адам (№ 287), а также Адриан (№ 309), которому принадлежали *προνοιαστὴν δίκαια*, т. е. прония, и, видимо, Юлий де Альтавилла (№ 703), сдавший в долгосрочную аренду небольшой надел земли. Со всем на другом полюсе находятся лица, также включенные в разряд «земельных собственников»: зависимый крестьянин Михаил Архонтица (№ 1459), продавший участок своему господину; Аллилуй (№ 673), стоящий в списке париков, зачисленных в стражи⁶; возможно, Мануил Аитан (№ 458), продавший Ксиропотамскому монастырю клочок земли за 1 перпер, — Ж. Бомпэр безоговорочно называет его *pausan*⁷. Наконец, протопсалт Адам (№ 283) известен только как свидетель, но не как землевладелец.

Поскольку издатели не ставили своей целью давать исчерпывающую библиографию, подчас возникает недоумение: почему включена та или иная общая работа, но отсутствует специальное или принципиально важное сочинение (об этом ниже). Наконец, система ссылок на страницу источника без указания строки осложняет разыскание соответствующих мест.

Некоторые статьи получились довольно подробными: Феодор Агаллиан (№ 94), Иоанн I Ангел (№ 208), Михаил II Ангел (№ 220), Никифор I Ангел (№ 223), Афанасий, основатель богородичной церкви в Метеорах (№ 359), Афанасий II Александрийский (№ 413), Афанасий Константинопольский (№ 415)⁸, Григорий Акиндин (№ 495)⁹, Георгий Акрополит (№ 518), Георгий Амируца (№ 784), Андроник Сардский (№ 959)¹⁰, Афиим Критский (№ 993), Алексей Апокавк (№ 1180)¹¹, Михаил Апостолий (№ 1201), Иоанн Аргиропул (№ 1267), Исаак Аргир (№ 1285), Константин Арменопул (№ 1347), Николай Равд Артавасд (№ 1437), Симон Атуман (№ 1648), Арсений Авториан (№ 1694); сюда можно было бы прибавить и некоторых иноземных правителей и деятелей культуры, которым тоже уделено много места. Однако разумная сжатость изложения позволила избежать диспропорции.

Статьи группируются там, где это возможно, по патронимам, т. е. объединяются в семьи. В 1-м выпуске выделены следующие семьи: Аароны, Аваланды, Авасти, Авастаги, Агаллианы, Агаллоны, Ангелы, Айофеодориты, Агильеры, Адорно, Адрианы, Акрополиты, Алифины, Алусианы, Алиаты, Антиохиты, Антиохы, Апелмене, Апокавки, Априны, Аравандины, Аргенты, Аргиропулы, Аргеры, Арианиты, Арколеп, Арменопулы, Артавасды, Асаны, Аспиеты, Ачайуоли, Атуманы, Атрапы, Авторианы. Другие семьи не выделены специальным заголовком, как-то: Агапиты, Айостефаниты, Адамы, Аитаны, Эниты, Эхмалоты, Акиндины, Амаксы, Амаранды, Амируцы, Аммоны, Абелы, Абрамы, Анатолики, Анемы, Аплисфары, Ареты, Архистратиги, Архонтицы, Архонты, Астрасы, Ачимы, Атталиоты, Ахлады и многие другие. Там, где фамилия выделена, дается только литература о ней (с учетом более ранних столетий), не всегда, впрочем, включающая все важные работы¹². Думаю, что в просопографическом лексиконе выделение семей (= групп однофамильцев) необходимо, хотя это и порождает ряд технических и нетехнических трудностей. Так, *Ἀντιοχεῖτης* (№ 1031—1036) и *Ἀντιοχίτης* (№ 1037), скорее всего, один патроним, и «шапка» «Антиохит» должна предвещать уже первое имя. Женские фамильные имена, например *Ἀγγελίνα* по алфавиту предшествуют соответствующим мужским и таким образом оказываются раньше фамильной шапки. Далее, в статье о семье следует указывать хотя бы этимологию патронима и время его появления (что сейчас частично облегчается наличием моей

⁵ The Prosopography of the Later Roman Empire, vol. I. Cambridge, 1971. Та же неорганизованная структура присуща и моей книге «Армине в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.». Ереван, 1975.

⁶ Стоящий в том же списке Арбарик (№ 1352) характеризуется издателями просто как парик, а характеристика Арменохорита (№ 1349), видимо, выпала в процессе печатания.

⁷ *Boispre J. Actes de Xéropotamou*. Paris, 1964, p. 250.

⁸ См. о нем также *Bănescu N. Le patriarche Athanase Ier et Andronic II Paléologue*. — «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», 23, 1942.

⁹ См. также *Ташковски Д.* Акиндин во борба против мистицизмот. Скопје, 1956.

¹⁰ См. о нем теперь *Foss C. Byzantine and Turkish Sardis*. Cambridge, Mass., 1976, p. 87.

¹¹ О нем очень существенно: *Сюзумов М. Ю.* К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, XXVIII, 1968.

¹² Например, отсутствует статья Г. А. Острогорского об Ангелах (теперь имеется в немецком переводе: *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*. Darmstadt, 1973, S. 166—182), моя — об Антиохах («Григорий Антиох». — ВВ, XXVI, 1965). Об Амаранде XII в. см. *Пападимитриу С. Д.* Феодор Продром. Одесса, 1905, с. 270—275. Не следовало ли указать на арабское происхождение имени Аплисфар — Абу-л-Усвар?

работы о господствующем классе XI—XII вв., известной издателям), а при возможности приводить генеалогическую таблицу.

К 1-му выпуску приложена дополнительная тетрадь, содержащая список сокращений и различные индексы. Наличие особого и подробного списка сокращений, который к тому же будет повторяться с вариациями от выпуска к выпуску, заставляет снова ставить вопрос о необходимости издать специальный справочник единых общепотребительных сокращений. Подобный справочник даст в итоге колоссальную экономию бумаги и сил.

Издание такого рода, как Лексикон, не может не содержать тех или иных погрешностей. Авторы сами понимали это. Сейчас задача состоит в том, чтобы еще раз продумать структуру Лексикона, внести конкретные дополнения и поправки и при доработке не приносить интересы дела в жертву краткости. Лексикон, несомненно, станет на долгие годы одним из важнейших пособий для каждого византиста.

А. К.

Издание переписки Максима Маргуния

Итогом многолетних разысканий проф. П. К. Энепекидиса в архивах и библиотеках Австрии, Греции, Западной Германии и Франции явился интересный сборник документов, первая половина которого (с. 9—213) посвящена греческим ученым XIX—начала XX в., а вторая (с. 215—426) представляет собой издание переписки греческого гуманиста второй половины XVI в. епископа Кифры Максима Маргуния¹.

Это издание как бы завершает цикл исследований сборников писем Маргуния, которые велись П. Энепекидисом на протяжении 20 лет: помимо рецензируемого издания, назовем статью 1951 г. (P. K. Enepekides. Der Briefwechsel des Maximos Margunios, Bischof von Kythera. — JÖBG, I, 1951, S. 13—66) и издание 42 писем Маргуния к немецким и итальянским гуманистам, появившееся в 1961 г. (P. K. Enepekides. Maximos Margunios an deutsche und italienische Humanisten. — JÖBG, X, 1961, S. 93—145).

Эпистолярное наследие Маргуния дошло до нас главным образом в виде больших сборников его писем, в состав которых включены также несколько писем к Маргунию и ряд посланий к корреспондентам епископа Кифры, написанных в 1586—1616 гг. В основе издания П. Энепекидиса — текст писем по двум Венским [Австрийская Национальная библиотека, cod. Suppl. gr. 415 (далее — B₁) и 124 (B₂)] и одному Парижскому [Национальная библиотека, cod. Suppl. gr. 621 (P₁)] спискам. Все три рукописи, как, впрочем, подавляющее большинство такого вида сборников переписки Маргуния, относятся к XVIII в. В рассматриваемой работе издан текст 150 писем: 137 — Маргуния, 7 — к Маргунию, 6 — переписка его корреспондентов. Опубликованные в 1961 г. 42 письма Маргуния к гуманистам в новую книгу, естественно, не вошли, ибо и рукописная основа (три указанные рукописи), и принципы издания текста остались прежними. П. Энепекидис и сам рассматривает новую работу как продолжение публикации 1961 г., к более пространным введению и комментариям которой он и отсылает читателя.

Рецензируемое издание состоит из очень краткого введения (с. 217—218), текста писем (с. 219—405), указателя incipit (с. 407—412), биографических и библиографических справок о корреспондентах Маргуния (с. 413—424), дополнений и исправлений (с. 425—426).

Не может быть никаких сомнений в том, что издание переписки Маргуния является важным вкладом в изучение греческой культуры после византийского периода. Выдающийся ученый своего времени, издатель сочинений греческой средневековой литературы, переводчик, писатель, Максим Маргуний был тесно связан с крупнейшими деятелями греческой церкви (константинопольский патриарх Иеремия II, Мелетий Пигас, Гавриил Севир, Кирилл Лукарис и др.), многочисленными учеными, издателями, библиофилами второй половины XVI—начала XVII в. Доследняя до нас переписка Маргуния является одним из интересных источников для исследования проблем политической и культурной жизни греческого народа в указанное время, для изучения деятельности самого Маргуния — одной из самых заметных фигур позднегреческой истории.

Рецензируемая работа, однако, имеет ряд существенных недостатков, которые не позволяют пользоваться ею без предварительной коррекции по другим спискам корреспонденции Маргуния.

Прежде всего, приходится сожалеть, что П. Энепекидису так и остался недоступным кодекс Пантелеймонова монастыря на Афоне № 750 (Аф₁), содержащий многочисленные письма Маргуния Давиду Гешелю и происходящий, по-видимому, из архива этого аусбургского ученого. Письма Маргуния в Аф₁ являются автографами. Прошло уже почти 15 лет с тех пор, как М. Ринар сфотографировал эту рукопись на Афоне, и исследователи, по тем или иным причинам не имеющие возможности непосредственно изучать манускрипт, могут анализировать переписку Маргуния в этом

¹ 'Ενεπεκίδης Π. Κ. Χρηστομάκος — Βικέλας — Παπαδιαμάντης. 'Επιστολαὶ Μαξίμου Μαργουνίου, ἐπισκόπου Κυθήρων (1549—1602). Ἀθήναι, 1970 (на обложке — 1971).

важнейшем сборнике по микрофильму². Но и до афонских экспедиций Ришара текст Аф₁ был доступен в копии конца XIX в., снятой для Э. Лёгранна и, как нам сообщают в письме несколько лет назад ныне покойный проф. А. Мирамбель, хранящейся в Школе живых восточных языков в Париже. Привлечение этого кодекса для работы не только позволило бы исправить даты и текст некоторых писем Маргуния Гешелю, изданных П. Энепекидисом в 1961 г., но и впервые опубликовать многочисленные письма Маргуния, отсутствующие в том типе сборников его корреспонденции, представителями которого являются П₁В₁В₂.

Однако не отказ от привлечения к изданию Аф₁ является, на наш взгляд, основным недостатком публикации, так как можно было бы предположить, что П. Энепекидис решил сознательно ограничиться текстом сборников типа П₁В₁В₂, хотя и не оговаривал это в своей работе. Гораздо важнее то, что сам выбор рукописей П₁В₁В₂ является необоснованным, случайным и сделан он, по нашему убеждению, не на основе научной классификации сборников писем Маргуния, а по принципу доступности указанных рукописей для издателя.

В настоящее время известны 15 сборников того же типа, к которому принадлежат рукописи П₁В₁В₂: к рукописям, известным из специальной литературы, следует добавить Ленинградский сборник ГПБ, греч. № 733 (Л)³. Как соотносятся между собой эти рукописи? Какое место в *stemma codicum* занимают П₁В₁В₂? Настолько ли надежен текст этих трех сборников, чтобы послужить основой *editio princeps*? На все эти вопросы необходимо было дать ответ прежде, чем приступить к изданию. Между тем ни в рецензируемой книге П. Энепекидиса, ни в его статье 1961 г. такого ответа мы не найдем, ибо в полном объеме рукописная традиция сборников корреспонденции Маргуния издателем изучена не была.

Занимаясь в течение нескольких лет исследованием переписки Маргуния, мы имели возможность непосредственно (список Л) или по микрофильмам изучать 12 сборников. Работа еще не завершена, но уже теперь можно сказать, что в основу издания корреспонденции Максима Маргуния следовало положить списки Л и П₂ (Paris. Suppl. gr. 1310) и обязательно привлечь чрезвычайно интересный сборник Аф₂ (Pant. 793), многие особенности которого подтверждаются только списком Аф₁. Почти все сборники рассматриваемого типа возникли на протяжении нескольких десятилетий XVIII в., их переписчики, как нам представляется, принадлежали к слою высокообразованной греческой и румынской интеллигенции. Удалось, однако, заметить, что их интересовал, как правило, в письмах Маргуния не сам текст, не его содержание, а тот прекрасный греческий язык, которым они были написаны, возможность использовать их как образцы эпистолярного стиля. Именно этим можно объяснить тот большой интерес к переписке Маргуния, который возник на Балканах в XVIII в. Но этим же объясняется и тот любопытный факт, что, переписывая текст писем Маргуния, писцы часто не придавали никакого значения их правильным датам и либо датировали целую серию писем по дате первого письма в ней, либо нередко вообще опускали дату, несомненно находившуюся в их протографе. Такое явление мы встретили, например, в Аф₂.

Положенные в основу издания П. Энепекидиса списки П₁В₁В₂, насколько мы можем судить, представляют лишь одну ветвь традиции, родоначальником которой является список П₂; этот же список, по-видимому, послужил непосредственным оригиналом для П₁ и В₁.

Все вышесказанное говорит о том, что без предварительного изучения истории текста корреспонденции Маргуния издавать этот памятник позднегреческой эпистографии по трем наугад выбранным спискам было рискованно. В такой ситуации издатель не может обосновать свой выбор того или иного варианта. Приведем несколько примеров, относящихся к датам писем Маргуния.

В письме № 57 (с. 295) в тексте дается чтение Венских списков — *πονεψήϊνος θ'*, тогда как чтение списка П₁ (*πονεψήϊμος ἐνάτη ἐπὶ δεκάτῃ*) указано в аппарате; между тем в заглавии письма издатель приводит дату по списку П₁! Колебания П. Энепекидиса, невозможность обоснованно выбрать тот или иной вариант очевидны.

Исследователь, не имеющий возможности непосредственно обратиться к сборникам писем Маргуния, при анализе письма № 81 (с. 323—324) окажется в трудном положении: в В₁В₂ письмо датировано 1596 г. (и П. Энепекидис без объяснений принимает эту дату), а в П₁ — 1591! И только обращение к несомненно надежному списку Л показывает, что в Парижской рукописи — ошибка. Число такого рода примеров можно увеличить — см. с. 348, 374—375.

Таков основной недостаток рецензируемого издания. Можно было бы упрекнуть П. Энепекидиса и за слишком краткое введение к *editio princeps*, и за далеко не полную библиографию исследований о Маргунии, появившихся после 1960 г.⁴

Б. Ф.

² См., например: Fedalto G. Massimo Margunio e il suo commento al «De Trinitate» di s. Agostino (1588). Brescia, 1967, p. 117, 283, 288, 297—300, 302—319; Фонкич Б. Л. Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния. — ВВ, 38, 1977, с. 141—142.

³ О нем мы упоминали в рецензии на книгу О. Крестена (ВВ, 36, 1974, с. 199).

⁴ См., например: Фонкич Б. Л. Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния, с. 141.

ХРОНИКА

Сессия «Социальная революция в период перехода от рабовладельческой формации к феодализму» (Лейпциг, 15—17 сентября 1976 г.)

15—17 сентября 1976 г. секция истории Лейпцигского университета им. Карла Маркса, отделение истории первобытного общества и истории древнего мира совместно с Историческим обществом ГДР провели конференцию, посвященную эпохе перехода от рабовладельческого общества к феодализму. Конференция была приурочена к 1500-летию падения Западной Римской империи. Доклады и дискуссии на конференции были посвящены главным образом проблемам исторического развития Западно-римской империи. Вместе с тем были рассмотрены другие вопросы древней истории, и прежде всего — проблемы Византийской империи.

В конференции наряду с учеными ГДР приняли участие гости из СССР, Венгрии, ЧССР, Польши, ФРГ, Франции и Италии.

На открытии конференции было заслушано несколько докладов общего характера. Р. Гюнтер (Лейпциг) выступил с докладом «Эпоха социальной и политической революции при переходе от рабовладельческого общества к феодализму», А. Р. Корсунский (Москва) — с докладом «К проблеме возникновения элементов феодальных отношений в Западно-римской империи». Был зачитан также доклад Е. М. Штаерман (Москва) «Идеологические предпосылки упадка рабовладельческого общества».

Следующие заседания были посвящены специальным проблемам. Здесь мы хотим назвать некоторые доклады, представляющие интерес и для византистов. Э. Демужо (Монпелье) выступила с дискуссионным докладом «Соответствует ли 476 год концу существования Римской империи на Западе?» По ее мнению, подобной датой следует скорее считать 488 г.; при этом автор указывает, что лишь с отправлением Теодориха на Запад начинается новый этап в политике восточноримских императоров по отношению к Западу. То, что 476 год ни в сознании современников, ни в латинской исторической традиции не являлся эпохальным событием, показал И. Думмер (Берлин) в докладе «События 476 года в латинских исторических сочинениях средневековья». И. Ирмшер (Берлин) выступил с докладом «Реакция византийской литературы на падение Западно-римской империи». Он установил три основные линии в византийской традиции: первая (Малх, Прокопий) видит в падении Одоакра успех византийской дипломатии, вторая (большинство хронистов) обходит молчанием события на Западе, третья (начинаясь с Евагрия и встречается затем у некоторых более поздних хронистов) делает акцент на дальнейшем существовании Восточноримской империи после падения Рима. Доклад «Падение Западно-римской империи в исторической мысли Германии XVIII—начала XIX в.» сделал И. Херрманн (Грейфсвальд).

Некоторые доклады были посвящены специальным проблемам византийской истории. Ф. Винкельман (Берлин) рассмотрел вопрос о роли константинопольских патриархов в избрании императоров в ранневизантийскую эпоху. Он указал на политическую роль патриархов во время смены императоров, оставив в стороне правовую сторону вопроса. Роль патриархов, их политический вес и причины политического характера были различны. По мнению автора, патриархами руководили и побуждали их к политическим действиям интересы преимущественно церковно-политического и нрав-

ственного характера. И. Рохов (Берлин) прочитала доклад «Языческие обычаи у населения Византийской империи в VII в.» Исходя из запрещений ряда языческих обычаев Трулльским собором 692 г., она указала на существование этих обычаев вплоть до VII в. (а отчасти и позднее) и поставила запрещения в связь с регенераторской политикой Юстиниана II. Б. Малих (Галле) осветил тему «Ремесло и ремесленные объединения в Византии в период перехода к феодализму». В пространном докладе он указал на роль корпораций и димов в Константинополе.

Проблемы, связанные с законодательством Юстиниана и его кодификаций права, были подняты в докладах Е. Полаи (Сегед) «Гермогенианский вопрос и кодификация права Юстиниана» и Г. Гэртеля (Лейпциг) «К проблематике Прагматической санкции, и прежде всего — Sanctio pragmatica pro petitione Vigiliis, где показаны результаты действия Прагматической санкции 554 г. в Италии (восстановление прав крупных землевладельцев).

Г. Диттен (Берлин) выступил с докладом «К вопросу о государственных образованиях у славян до образования болгаро-славянского государства». Он рассмотрел вопрос об отношении альпийских славян (словенцев и карантанцев) к государству Само и высказал гипотезу, что альпийские славяне входили в состав этого государственного объединения. Первые государственные образования у различных славянских племен можно заметить в 626 г. в период восстаний и борьбы против аваров.

И. Рохов

Третья конференция специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР

16—17 декабря 1976 г. в Шверине состоялась третья конференция специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР. Она открылась рядом докладов, посвященных жизни и деятельности Бартольда Георга Нибура (1776—1831).

Г. Варнике (Берлин) охарактеризовал Нибура как представителя интеллигенции, находившейся в плену буржуазно-гуманистических и феодально-абсолютистских представлений. Нибур отказался от господствующих в то время теологических описаний истории. Он был сторонником освобождения крестьян, но отрицательно относился к вооруженным выступлениям последних. Доклад Г. Герца (Фрайбург/Унштрут) был посвящен теме: «Нибур на государственной службе Пруссии». Г. Бертольд (Галле) рассказал о переписке Нибура с Гёте (1811—1831) относительно истории древнего Рима. Л. Гухтгаузен (Росток) прочитал доклад о Нибуре как историке права, открывшем во время своих систематических поисков палимпсестов в Вероне список V—VI вв., содержащий неизвестные до того времени Институции Гая. И. Ирмшер (Берлин) дал характеристику Нибура-византиниста, который с большим сочувствием следил за освободительной борьбой греческого народа, являлся инициатором Боннского корпуса византийских исторических сочинений, десять томов которого вышли в свет до его смерти в 1831 г.

Основное заседание конференции было посвящено теме: «Генезис феодализма в Византии (до X в.) (сравнительно-исторический аспект)». Главный доклад был сделан Г. Мором (Потсдам), который в своем сравнительно-историческом исследовании обрисовал сложную (неодинаковую для всех византийских областей) экономическую и политическую ситуацию VI в. и затем подробнее остановился на проблеме социальной революции. При рассмотрении вопроса о смене старого господствующего класса новым было отмечено, что представители старого господствующего класса продолжали удерживаться у власти. Остановившись на советских исследованиях в области типологии феодализма, Г. Мор подчеркнул промежуточное положение Византии между западноевропейским и арабским типом общественно-экономического развития.

Ряд докладов был посвящен генезису феодализма в Западной и Центральной Европе (Б. Тэпфер), Киевской Руси (обзор советской историографии — С. Стригниц) и Индии (М. Нямаш, все — Берлин). При этом, по мнению Б. Тэпфера, основное различие между типами феодализма сводится к тому, что во Франции эксплуатация работающих на собственной земле крестьян осуществлялась в рамках частноземлевладельческого господства, поскольку товарно-денежные отношения и государственный аппарат были еще слабо развиты, тогда как в Византии и Арабском халифате эксплуата-

ция осуществлялась главным образом через налоги, что не соответствует «чистому» феодализму.

В последовавшей за докладами дискуссии было обращено внимание на характер социальной революции в период перехода от античности к средневековью, на соотношение между позднеантичными колонатами и византийскими париками, а также рассмотрен вопрос о том, является ли западноевропейский феодализм «классическим» или лишь одним из равноценных типов феодализма.

Вторая половина заседания была непосредственно посвящена Византии. Х. Кэпштейн (Берлин) в докладе «Изменение аграрных отношений в период генезиса феодализма» сопоставила аграрное законодательство конца VI в. с законодательством X в. и выявила существенные различия (при наличии многочисленных сходных тенденций в формах земельной собственности и отношений зависимости). Ф. Винкельман (Берлин) в своем исследовании «Роль государства и идеологии в период образования феодализма» обратил особое внимание на перерыв в развитии в VII в. Он указал на кризис государства и возникновение новых элементов, теологические дискуссии и существенную роль идеологии, находящейся в плену традиций.

Помимо докладов, был сделан ряд специальных сообщений. М. Саламон (Католице) на примерах просопографического исследования показал, как далеко зашли в IV—VI вв. связи между аристократией Рима и Константинополя. В основу работы Г. Диттена (Берлин) «К вопросу об образовании государства у хорватов и сербов в VII в.» было положено изучение терминологии ранних источников. Понятию «Святая София» был посвящен доклад Г. Г. Тюммеля (Грейфсвальд), представляющий интерес и для истории идеологии. На основании анализа самых ранних нарративных источников (Сократ, II, 43; Созомен, IV, 26) автор показал, что храм, существовавший до построенной в 532—537 гг. Св. Софии, был освящен не Константином, как считает более поздняя традиция, но лишь в 360 г. Самое название «Св. София» хорошо вписывается в ряд имен раннеконстантинопольских церквей, которые, согласно римской традиции, были связаны с какой-нибудь абстрактной идеей, например: «Ирина» (при Константине), «София» (360 г. при арианине Констанции; понятие связано с арианской традицией), «Гомония». С «божественной мудростью» Константина I Св. Софию связали лишь позднее. Доклад И. Рохова (Берлин) был посвящен эволюции манихейства. Манихеи, которые до VI в. еще насчитывали многочисленных приверженцев — по-видимому, особенно в верхних слоях населения, — встречаются в VII в. лишь изредка и совершенно исчезают в VIII в. Их имя употреблялось лишь как ругательство и с IX в. применялось к павликианам. И. Думмер (Берлин) обратился к изучению существовавших в Византии заведений для больных и бедняков, история которых не получила еще достаточного освещения. Особого изучения требует идеологическая и юридическая стороны проблемы. В заключение В. Вааде (Потсдам) рассказал о методических проблемах, возникающих при объяснении темы «Возникновение феодализма в Византии и Арабском халифате» 11—12-летним школьникам.

Конференция показала, сколь полезны и интересны сравнительно-исторические наблюдения, когда они идут бок о бок со специальными исследованиями и на них базируются. В этой области предстоит еще немало работы.

Х. Кэпштейн

IV коптологическая конференция (Галле, 25—27 ноября 1976 г.)

С 25 по 27 ноября 1976 г. в Галле состоялась IV коптологическая конференция по теме «Представления о человеке в учении гностиков и манихеев». Конференция была организована секцией востоковедения и античности Университета им. Мартина Лютера (Галле—Виттенберг). Подобные конференции стали доброй традицией у коптологов ГДР, а также историков, изучающих эпоху поздней античности и ранней Византии. На I конференции в 1964 г. обсуждались итоги и перспективы работы коптологов ГДР (см. *Koptologische Studien in der DDR*. — «Wiss. Zeitschrift der Martin-Luther-Univ.», 1965), II конференция была посвящена проблемам коптской литературы (см. *Probleme der koptischen Literatur*. — «Wiss. Beiträge der Martin-Luther-Univ.», 1968/1), III конференция обсуждала проблемы изучения коптов-христиан в Египте в византийскую эпоху и период раннего ислама (см. ВВА, 45, 1974). Около 30 коптологов, египто-

логов, историков-античников и византинистов собралось на IV конференцию, где было заслушано 23 доклада.

В настоящем обзоре невозможно рассказать обо всех докладах и охватить всю проблематику, поэтому мы остановимся на наиболее важных вопросах. Основное внимание было уделено гностицизму: открытие рукописей Наг-Хаммади дало возможность расширить наши представления о гностицизме. Большая часть докладов была посвящена изучению этих текстов. Была сделана попытка найти следы гностических представлений о человеке, исследовать общие тенденции, выявить противоречия в учении гностиков. Проблема возникновения и истоки гностических представлений почти не затрагивались.

Важнейшие результаты конференции, на наш взгляд, следующие:

1) Включение гностицизма в общую систему общественного развития представляет собой сложную задачу, так как высказывания гностиков носят религиозно-философский характер: социологическая оценка его также очень сложна и может быть достигнута лишь методом от противного или в гипотетическом плане.

2) Определение представлений гностиков о человеке явилось важной методической проблемой конференции: понятия и представления о человеке у гностиков были особенно сложными, поскольку космология, антропология и сотериология тесно переплетались друг с другом.

3) Исследование текстов Наг-Хаммади значительно расширило наши познания в области развития коптского языка, обнаружило его изящество и сложность синтаксической структуры, хотя понимание отдельных его тонкостей представляет еще большие трудности.

4) На конференции был рассмотрен также вопрос об оценке высказываний о гностицизме и манихействе в ересиологических трудах. Было отмечено, что эти высказывания следует понимать в обратном смысле; было обращено также внимание на то, что тексты Наг-Хаммади обнаруживают лишь часть гностической системы и религиозной практики.

5) Следы гностических представлений и манихейских пережитков можно заметить в византийской ортодоксальной теологии. В этой связи на конференции была сделана интересная попытка распространить на философско-теологические проблемы социологическую определенность.

Все названные проблемы, конечно, не были на конференции окончательно решены, необходимо и дальше их основательно изучать. Доклады будут напечатаны в актах конференции. Тогда можно будет оценить проделанную работу. Но уже сейчас можно сказать, что конференция внесла важный вклад в изучение периода античности и ранней Византии.

Ф. Винкельман

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К СТАТЬЕ Б. Л. ФОНКИЧА «ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ ОДЕССЫ»

- Александров А. И. 185
Алексей Петрович, царевич 198
Амфилохий, архимандрит 190
Аристофан 186
Афасьев Г. Е. 185
Афинская Национальная библиотека 194
Афисское общество по распространению знаний 184
Афон 186—188, 191, 195; см. также Ивирский монастырь, Карейский протат, Кастамонит, Ксеноф, Ксиропотам, Кутлумуш, Пандократора монастырь, Пантелеймонов монастырь, Продрома скит, Хиландарский монастырь
Аэций 186
"Αργουλος 'Ανδρέας 198
- Барсуков Н. 190
Библиотека АН СССР 185, 186, 189, 190
Бодлеянская библиотека 184
Бодянский О. М. 190
Боровой С. Я. 185
Буслаев Ф. И. 190
- Вздорнов Г. И. 186
Викторов А. Е. 185
Владельцы рукописей см. Григорович В. И., Лобков А. И., Стурдза А. С., Хлудов А. И.
Вятка 199
- Геродот 186
Гесиод 186
Гиппократ 186, 190
Головастикив 190
Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина 185, 188, 189, 194, 197, 199, 200
Государственный Исторический музей 185, 186, 188—190
Государственная Третьяковская галерея 185, 186, 189, 190
Гранстрем Е. Э. 184, 193
Греческое коммерческое училище в Одессе 184
Григорович В. И. *passim*
- Дзюбина С. В. 184
Димитрий Солунский 191
Загорский Историко-художественный музей-заповедник 186
Зографский монастырь 193
- Ивирский монастырь 186, 187, 189, 195
Иллюминация № 24 (большие инициалы), № 25 (инициалы), № 441 (заставки, концовки, инициалы), № 551 (заставка, большие и малые инициалы, сигнатуры, концовки, зачала, знаки препинания), № 552₁ (большие инициалы, надписания), № 552₂ (заставка, инициал, надписание), № 552₃ (инициалы), № 552₄ (малые инициалы), № 555 (заставка, надписания, инициалы), № 566 (заставка, заголовки, инициалы), № 654 (надписания, инициалы)
- Иоанн Кантакузин 196, 198
Иоанн, митрополит России 186, 187, 195
'Ηλίας 197
'Ιάκωβος 197
- Казанский университет 185, 190
Казань 185, 186, 188—191, 199
Камениата 191
Караджа Николай 186
Карейский протат 189
Кастамонит 189
Кирилл VI, патриарх константинопольский 184
Климент Охридский 187, 188
Климент, папа римский 186, 195
Климента св., митрополиты церкви в Охриде 187, 188
Константинополь 186, 188, 189, 191
Копыленко М. М. 184, 198
Кравченко Ж. Н. 184
Ксеноф 189
Ксиропотам 189
Кутлумуш 189
Καλλίνικος ἱερομόναχος Κύπριος 197
- Лавров П. А. 193
Лебедева И. Н. 186
Леруа Ж. (Leroy J.) 193—195
Лихачев Н. П. 190
Лихуды Софроний и Иоанникий 188, 190, 191, 198
Лобков А. И. 190
Лопухин 190
- Магомет 196, 198
Малакса Мануил 199, 200
Московский Публичный и Румянцевский музеи 185, 190, 191
Московский университет 190
Мочульский В. 191—196, 198—200
Мурзакевич Н. 185
Мусин-Пушкин М. Н. 188
Μάρκος καβαλιέρος 198
Μότσιος Γ. 198

Нерсисян С. дер 189
Николаев В. 197, 199
Никонов И. 190
Новороссийский университет 187, 188,
190, 195—198
Νοῦταζοπούλου Μ. Γ. 198

Одесса 184, 185, 190
Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького *passim*
Одесский Археологический музей 185
Одесский Историко-краеведческий музей 184, 185
Одесское общество истории и древностей 184, 185
Охрид 187, 189, 192, 194, 196

Павел, апостол 187, 194
Павлов А. С. 194
Падуа 199
Παλιμπсесты № 24
Пандократора монастырь 189
Пантелеймон св. 188
Пантелеймонов монастырь 188
Περγαμενныя рукописи № 24, 551, 552₁₋₅, 555, 566, 654
Петр Алексеевич, царь 198
Петровский Н. М. 185—188, 191
Петрунь Ф. 185—189, 191
Пискарев Д. В. 190
Πισцы рукописей см. *Καλλίνικος ιστοριόγραφος Κύπριος*
Погодин М. П. 190
Померанцева Э. В. 186, 190
Попова О. С. 186
Протасьева Т. Н. 189
Продрома скит 187, 195
Психас Георгий 184
Пуцко В. Г. 189

Рапопорт М. В. 184
Ришар М. (Richard M.) 184
Ришельевский лицей 190, 198
Розанова Н. В. 186
Рукописи не-одесских хранилищ, упоминаемые в работе

Афинская Национальная библиотека, № 207 194
БАН, F № 3 186, 188—190
ГБЛ, ф. 86, п. 2, № 25 (М. 1859) 186—189, 191, 199
№ 26 (М. 1859) 187, 194, 197, 199, 200
ф. 87, № 2 (М. 1685) 185, 189
№ 14 (М. 1696) 185, 188, 189
№ 46 (М. 1728) 185, 188, 189
№ 61 (Ин. 818) 185, 187, 189
№ 62 (Ин. 819) 185
№ 63 (Ин. 820) 185

ГИМ, Хлуд. 129д 186, 189
Хлуд. 171д 186
Хлуд. 172д 186
Хлуд. 173д 186
Хлуд. 174д 186

ГТГ, инв. № 2580 186, 189

Рукописи Одессы

ОГНЕ, № 16 184
№ 24 184, 185, 192, 193
№ 25 184, 185, 196—198
№ 26 184, 185, 198, 199
№ 31 184
№ 38 184, 185, 199, 200

№ 40 184
№ 41 184
№ 42 184
№ 43 184
№ 46 184
№ 47 184
№ 49 184
№ 108 184, 188, 189, 199
№ 165 184
№ 389 184
№ 441 184, 185, 187, 189, 195, 196
№ 457 184
№ 498 184
№ 531 184
№ 539 184
№ 551 184 185, 187, 189, 191, 192
№ 552 184, 187
№ 552₁ 185, 192
№ 552₂ 185, 192, 193
№ 552₃ 185, 187, 189, 192, 194
№ 552₄ 185, 187, 189, 192, 196
№ 552₅ 185, 187, 189, 192, 193
№ 554 184
№ 555 184, 185, 187, 189, 193, 194
№ 559 184, 185, 188—190, 198
№ 566 184—186, 189, 194, 195
№ 567 184
№ 569 184
№ 654 184, 185, 196
№ 680 184

Одесский Историко-краеведческий музей, инв. № 20877 185

Севастьянов П. И. 188
Серафимов С., протоиерей 184
Серры 188, 189, 199
Сиф Симеон 186
Слепче 188, 189
Соколов А. 185
Солунь (Фессалоники) 186—189, 191, 194, 195
Софокл 186, 190
Стурдза А. С. 184

Терновский Ф. 184
Титов В. П. 188, 189
Тихомиров Н. Б. 184, 189
Троице-Сергиева лавра 190
Трой К. (Трен К.) 184, 194
Тюлины, иконники 190

Ундольский В. М. 190
Унциальные рукописи № 24, 551, 552
Успенский Ф. И. 185

Феофилакт, архиепископ охридский 187
Филиппополь 188, 189
Фонкич Б. Л. 184, 186
Фукидид 186, 189, 190

Хиландарский монастырь 189, 194
Хивуд (Heawood E.) 198
Хлудов А. И. 186, 190

Чауш монастырь 189, 191

Щепкина М. В. 189

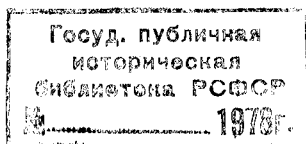
Эсхил 186, 190

Яковлев В. 190

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВО	— Византийские очерки
ВОН	— Вестник общественных наук АН Армянской ССР
ГБЛ	— Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Гос. Исторический музей
ГПБ	— Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГРМ	— Гос. Русский музей
ГТГ	— Гос. Третьяковская галерея
ГЭ	— Гос. Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологички институт
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии наук
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ	— Историко-филологический журнал
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
<i>Леруа</i>	— <i>J. Leroy. Les Types de Réglure des Manuscrits Grecs. Paris, 1976</i>
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
л. с.	— лицевая сторона
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
<i>Николаев</i>	— <i>В. Николаев. Водните знаци на Отоманската империя, т. I. София, 1954</i>
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОГНБ	— Одесская гос. научная библиотека им. А. М. Горького
ОИДР	— Общество истории и древностей российских
ОЛДП	— Общество любителей духовного просвещения
о. с.	— оборотная сторона
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
СА	— Советская археология
САН	— Српска Академија наука
СВ	— Средние века
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы

УГУ	— Уральский гос. университет
УЗ	— Ученые записки
ЦГАДА	— Центральный гос. архив древних актов
Anal. Boll.	— Analecta Bollandiana
BNJb	— Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS	— Byzantinoslavica
Byz.	— Byzantion
Byz. Forsch.	— Byzantinische Forschungen
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO	— Echos d'Orient
GRBS	— Greek, Roman and Byzantine Studies
Heawood	— E. Heawood. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JÖBG	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
JRS	— Journal of Roman Studies
MM	— F. Miklosich — I. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi
OCP	— Orientalia Christiana Periodica
PG	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca
REArm	— Revue des Etudes Armeniennes
REB	— Revue des Etudes Byzantines
RESEE	— Revue des Etudes Sud-Est Européennes
RK	— Recueil Kondakov
SK	— Seminarium Kondakovianum
TM	— Travaux et Mémoires

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удалыцова (Москва). Новейшие исследования советских византинистов	
З. В. Удалыцова, Р. А. Наследова, Б. Л. Фонкич (Москва), А. В. Банк (Ленинград). XV Международный конгресс византинистов в Афинах	17
Г. Г. Литаврин (Москва). ΟΠΙΘΟΤΕΛΕΙΑ (К вопросу о наделении крестьян землей в Византии X—XI вв.)	46
К. В. Хвостова (Москва). Судьбы парики и особенности налогообложения париков в Византии XIV в. (количественный подход к проблеме)	54
А. П. Каждан (Москва). Концепция истории Византийской империи в трудах Г. А. Острогорского	76
Ф. Винкельман (Берлин). Некоторые замечания к оценке роли монофиситства в Египте в послеюстиниановскую эпоху	86
П. И. Жаворонков (Москва). Никейская империя и Восток. (Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.)	93
С. П. Карпов (Москва). Венецианско-трапезундский конфликт 1374—1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г.	102
Б. Л. Фонкич (Москва). О сопоставительном изучении почерков писцов греческих рукописных книг и документов	110
И. П. Медведев (Ленинград). Некоторые сведения о греческих и латинских рукописях в неизданной корреспонденции Льва Алляция	114
Г. В. Попов (Москва). Заметки о тверской рукописи Хроники Георгия Амартола (позднейшие доделки и вопросы реконструкции первоначального облика кодекса)	124
А. Л. Якобсон (Ленинград). Средневековая поливная керамика как историческое явление	148
Л. Г. Колесникова (Севастополь). Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963—1965 гг.)	160
Н. А. Фролова, Э. Я. Николаева (Москва). Ильичевский клад монет 1975 г.	173
Г. И. Джапаридзе (Тбилиси). О термине «иперпир» в синодике Иви-ского монастыря на Афоне	180
М. В. Кривов (Солнечногорск). Некоторые замечания по поводу издания одного сочинения Георгия Гемиста Плифона	182
Б. Л. Фонкич (Москва). Греческие рукописи Одессы	184

Публикации

З. Г. Самодурова (Москва). Неизданная греческая хроника из рукописи Государственного Исторического музея	201
--	-----

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

М. Я. Сюзюмов (Свердловск), Г. Г. Литаврин (Москва). Е. Э. Липшиц. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976	226
С. П. Карпов (Москва). Г. Л. Курбатов. История Византии (Историография). Л., 1975	232
К. Н. Юзбашян (Ленинград). А. П. Каждан. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975	236
Е. Э. Липшиц (Ленинград). И. Ф. Фихман. Оксиринх — город папирусов. М., 1976	240
Г. Алибегашвили (Тбилиси). В. Д. Лихачева. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976	245

В. Д. Лихачева (Ленинград). А. И. Вольская. Росписи средневековых трапезных Грузии. Тбилиси, 1974	247
Е. Э. Гранстрем (Ленинград), З. Г. Самодурова (Москва). О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975	249
А. П. Каждан (Москва). The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and officials. An edition, translation and commentary by A.-M. M. Talbot. Washington, 1975	252

А н н о т а ц и и

Н. В. Пигулевская. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, 239 с.	256
Г. Е. Karagiannopoulos. 'Η βυζαντινὴ ἱστορία ἀπὸ τὰς πηγὰς. Thessalonike, 1974	257
Eusebius Werke, I, 1: Über das Leben des Kaisers Konstantin. Herausgegeben von F. Winkelmann. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte». Berlin, Akademie-Verlag, 1975	258
Иноязычные источники об Армении и армянах, т. 8. Сирийские источники, вып. 1. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Г. Г. Мелконяна. Ереван, 1976, 478 с. (на арм. яз.)	259
W. Hahn. Moneta Imperii Byzantini, Bd. 1—2. Wien, 1973—1975 . . .	260
D. Papachryssanthou. Actes du Prôtaton. Paris, 1975 («Archives de l'Athos», VII)	261
Новое издание произведений Андрея Ливадина	262
Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том I. Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Скопската област. Скопје, 1975	264
L. I. Scipioni. Nestorio e il concilio di Efeso. — «Studia patristica mediolanensia», I. Milano, 1974	266
C. Foss. Byzantine and Turkish Sardis. Harvard University Press, 1976 . .	267
Werner Seibt. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie («Byzantina Vindobonensia», Bd. IX). Wien, 1976	270
M. Angold. A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea. 1204—1261. Oxford University Press, 1975	271
Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, 1. Faszikel. Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H. V. Beyer, mit einem Vorwort von H. Hunger. Wien, 1976	273
Издание переписки Максима Маргуния	276

Х р о н и к а

Сессия «Социальная революция в период перехода от рабовладельческой формации к феодализму» (Лейпциг, 15—17 сентября 1976 г.) . . .	278
Третья конференция специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР	279
IV коптологическая конференция (Галле, 25—27 ноября 1976 г.) . . .	280
Алфавитный указатель к статье Б. Л. Фонкича «Греческие рукописи Одессы»	282
Список сокращений	284

Византийский временник, том 39

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор *Б. Л. Фонкич*. Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректор *Р. С. Алимова*

ИБ № 5008

Сдано в набор 20.9.77. Подписано к печати 10.2.78.
Т-04023. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 31,3. Тираж 1800 экз. Тип. зак. 753.
Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, Профсоюзная ул., 94а
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	27 св.	Э. П. Липшиц	Е. Э. Липшиц
23	9 сл.	фессалонике	Фессалонике
239	31 сл.	католикосе Григория	католикосе Григории

Византийский временник, т. 39

ИЛЛЮСТРАЦИИ

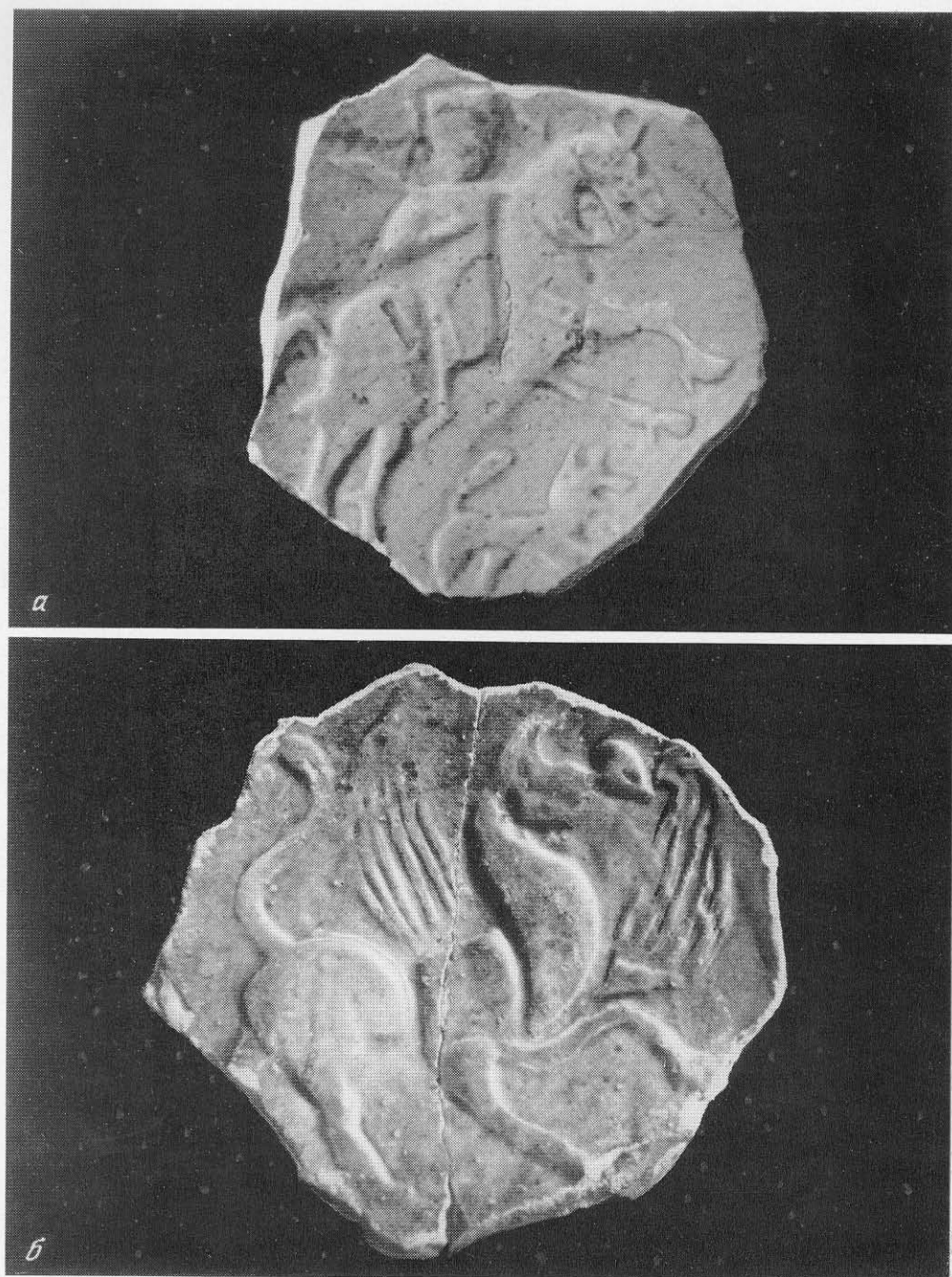
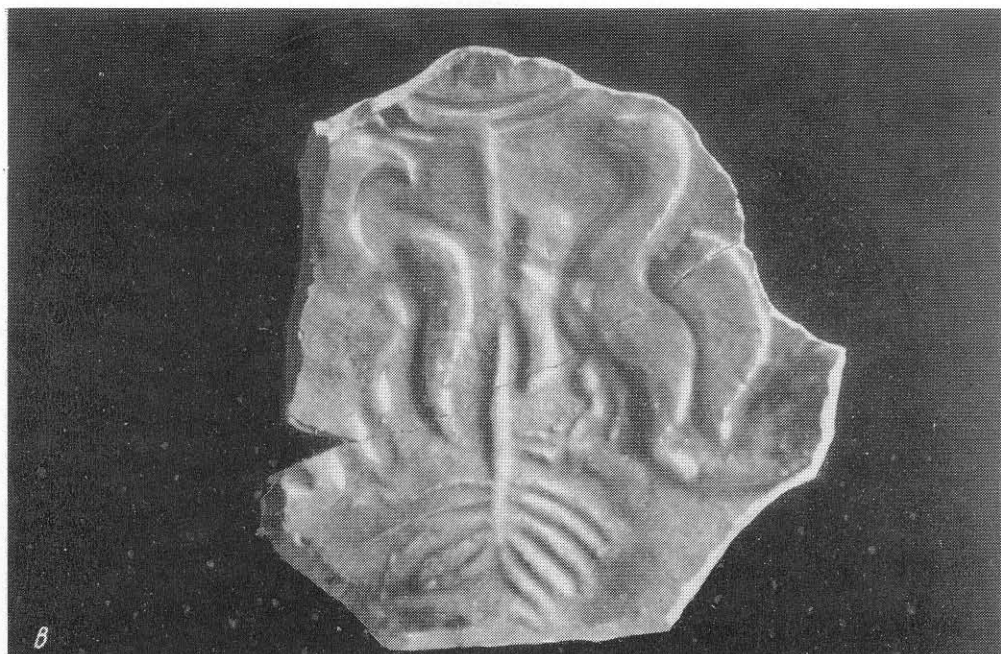

Рис. 1. Византийские блюда X в. с рельефными украшениями; из раскопок Херсона (Херсонеса):

а — всадник на охоте; *б* — грифон;

6

2

6 — орлы по сторонам древа жизни;
2 — лань (?).

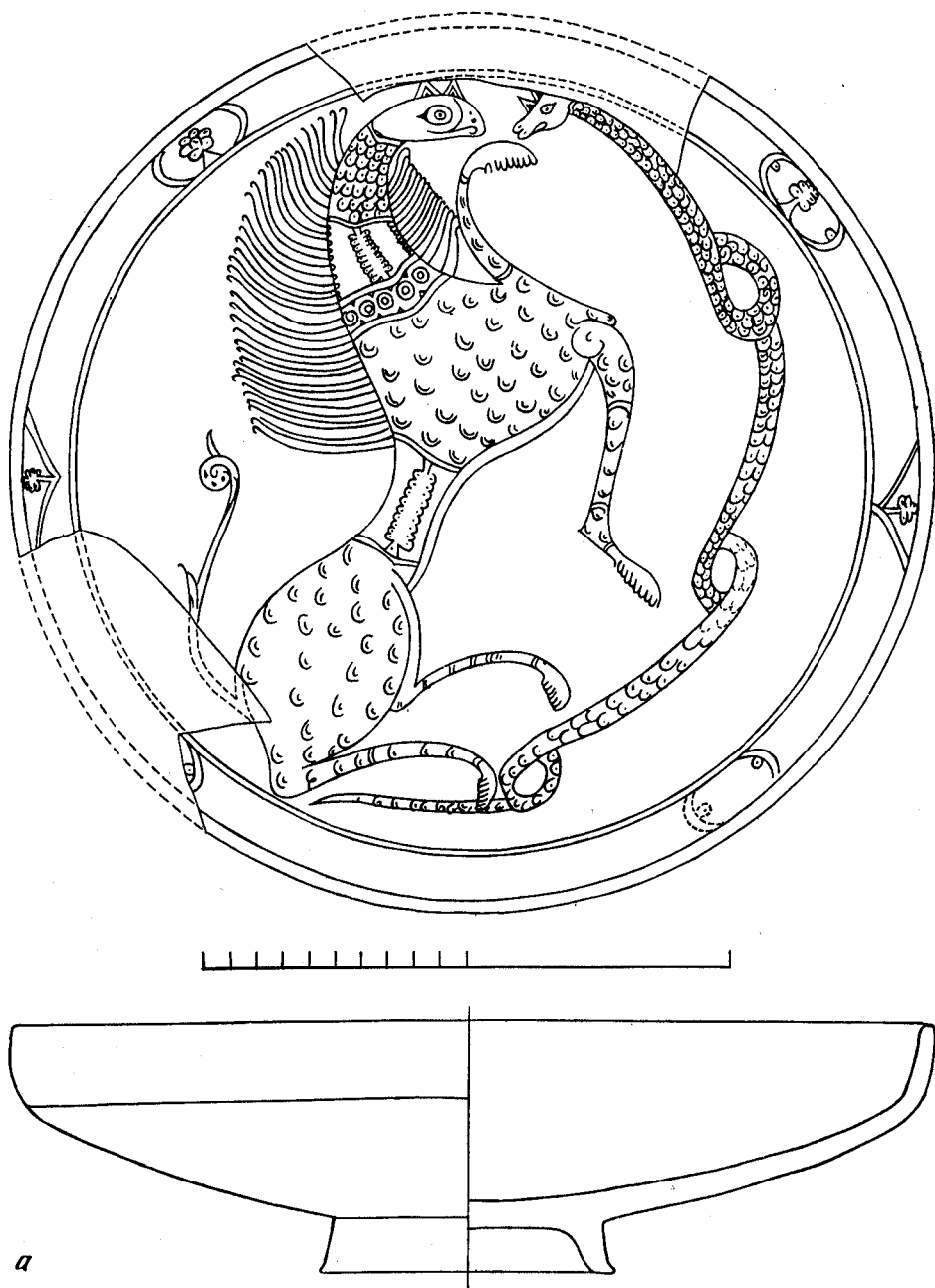
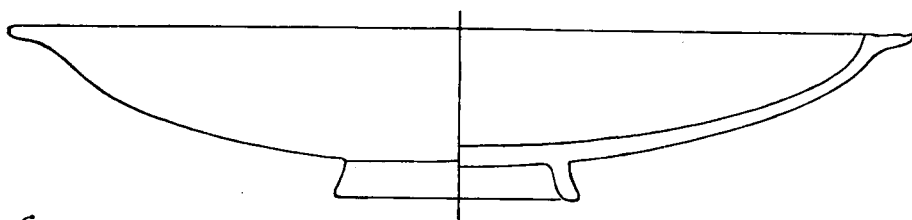
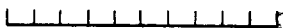

Рис. 2. Византийские блюда XII в. с гравировкой; из раскопок Херсона (Херсонеса):
 а — с изображением борьбы грифона с драконом;

б

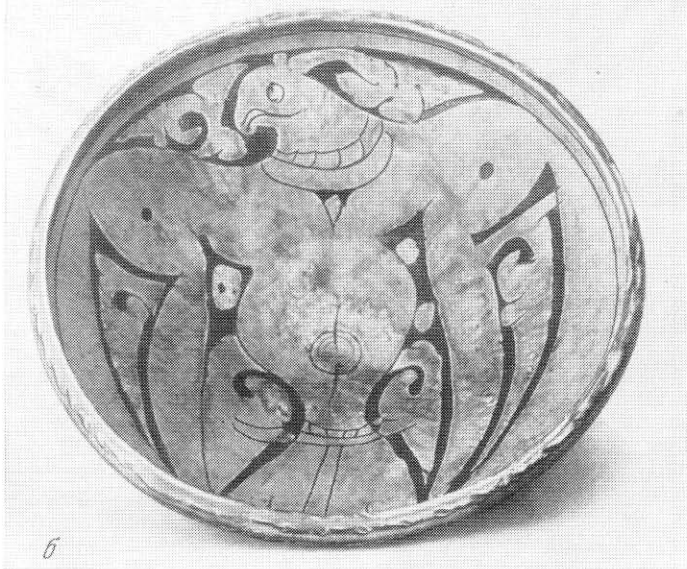

a

a

б

б

Рис. 3. Блюда XII в. с изображениями на выемчатом (углубленном) фоне; из южного (иранского) Азербайджана:

a — с изображением пантеры (?);
б — с изображением орла.

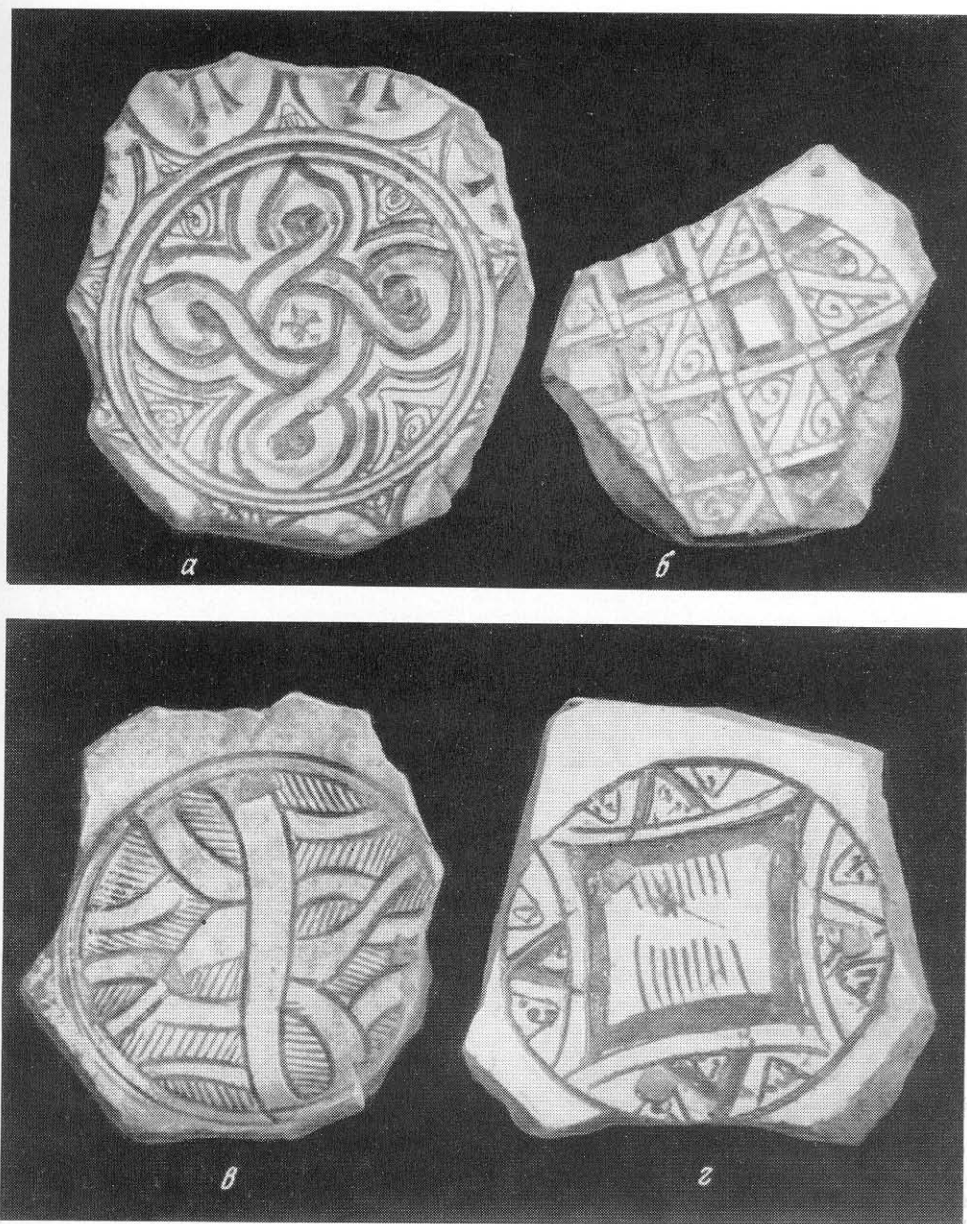

Рис. 4. Фрагменты поливных блюд и чаш XIV в. с орнаментом толстой врезной линией; из Константинополя или Пергама.

Рис. 10. Бронзовая пластинка с изображением св. Лукиллиана и св. Кира.

Рис. 11. Бронзовая пластинка с изображением св. Лукиллиана.

Рис. 12. Бронзовая пластинка с изображением св. Кира.

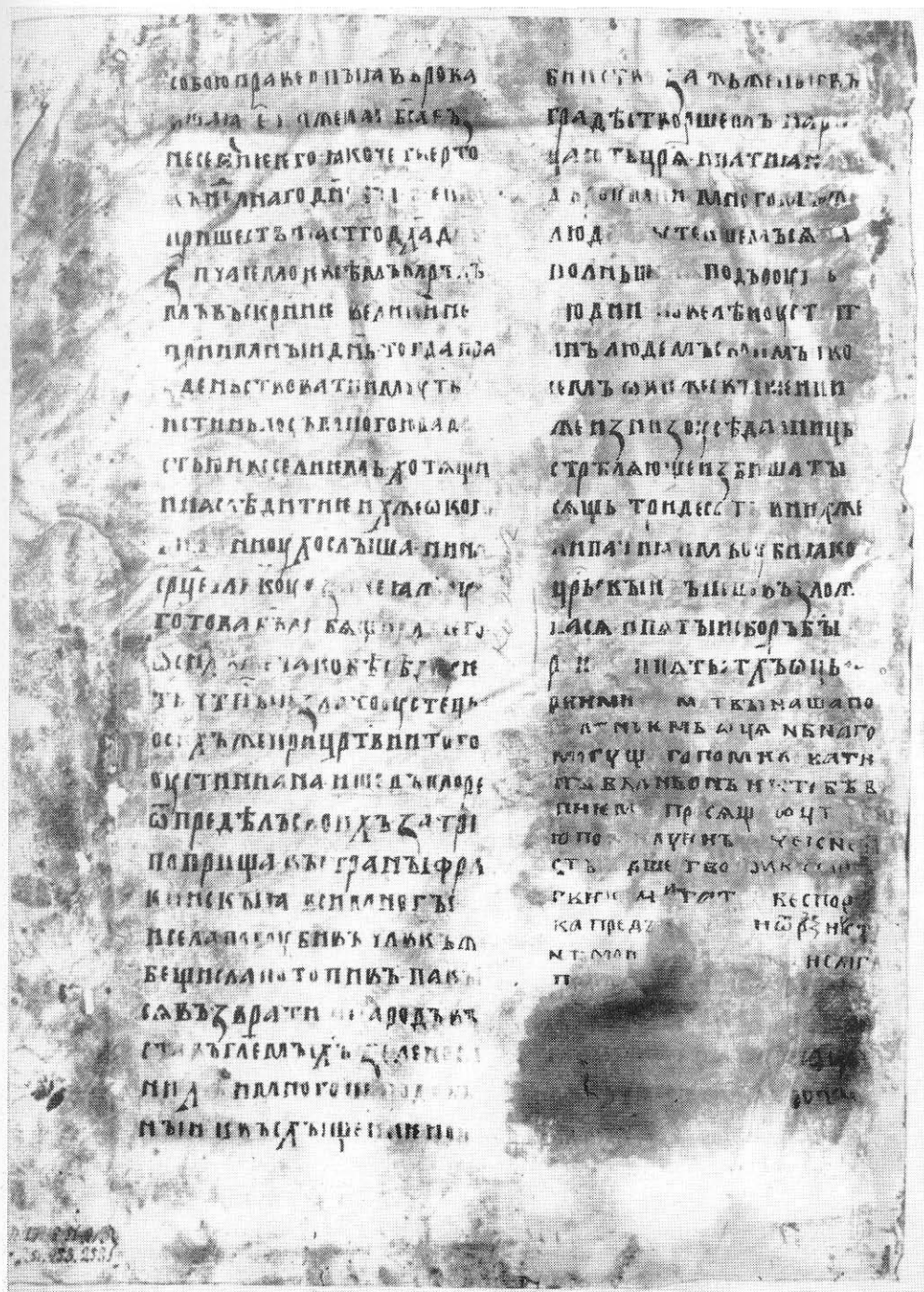

Рис. 1. Хроника Георгия Амартола. Л. 265 об. с записью начала XV в.

6

a

б

Рис. 3. Хроника Георгия Амартола:

a — Поклонение кузнеца. Миниатюра начала XV в., л. 102 об.;

б — Ангел поражает ассирийское войско. Миниатюра начала XV в., л. 102 об.;

6 — Изведение пророка Даниила из рва. Миниатюра начала XV в., л. 123.

a

Рис. 4. Хроника Георгия Амартола:
a — Изображение Иерусалимского храма. Миниатюра начала XV в., л. 125 об.;

б

в

б — Посещение апостолом Петром Симона-волхва. Миниатюра начала XV в., л. 152;
в — Императрица Елена принимает нищих. Миниатюра начала XV в., л. 210 об.

а

дшею· подаюѣтельству
 ютъислужити· овѣнза
 щеныхъзаметленин·
 ѡгласноукопомѣснхъ
 платомъдобрѣ· зѣлона
 шн· истовуи нтрѣбующи
 оцгодыи творити раск
 зателеснаго· показаж
 пакы исповѣданкако си
 наупнаи тыи растити сѧ·

б

Рис. 5. Хроника Георгия Амартола:

а — Явление крестного знамения. Неоконченная миниатюра начала XV в., л. 226 об.;
 б — образец почерка второй половины XIV в., л. 273 об.;

168
 СТАВН ППМ ЗДАВЪ РМ
 УА ТАКЪ ЖЕ ПРІАТЪ НАМ
 РИЩ П УЛЪУСЪ НАДЪ ЗАК
 ПІТРИ БИ ДАВНІ ДІТЯ. П
 СЕСТВІ РИ ПАКЪ РІГІУХ
 ПІД ПІТРЪ КЪ СНАЗІНГ
 МІС ПІТЪ СЪ СНАЗІНГ
 ПІ СНАДІТВІ РІНІ ПІ
 ДІА ПІТРЪ ЦТЛЪ РІТЪ
 ПІД ПІТРЪ РІТЪ РІТЪ
 КРІТІШІА ПІТІ РІТЪ
 МАТЪ ЖАКІНОРЪ ПІТІ РІТЪ
 ПІ ПІТІ РІТЪ РІТЪ
 ПІ ПІТІ РІТЪ РІТЪ
 ТЪ СНАДІТЪ

8

ВОИ ПЛѢНИВЪ ТАЛАТАНІ
 РІТЪ РІТЪ
 ПІ ПІТІ РІТЪ РІТЪ

2

[illegible]

БГОМЕУТНОКНСТОКТБЛОВЪ
ЗНЕСЕКОСТАПТИПЪСПЪКО
СТАПТИПАНАВЕЛКАГОА
АТЕЛЪКЕЛЫСАПОЛЪДОУКЪ
ВЪКЕГОПТЪПАЛУКЪПОЛО
ЛПЕГОВЪЦРКВЪПТЪПАПЪ

БЕЛКЪИНМЕНАКОКЪБРАТО
КОМЕЦЪУТЪСЫНЪ
УРЪВАЛТРЕСКОКАВНАН
СЫКРАПЕПНПЫНЕМЪ

ДШАБЪГАЛЪПНКОГАМЕ
ПНМАЪНБОУПОТРЕБОВАКО
ЛЪНЪМЕГОРАСЛАБЛЕПЪН
СТАИКОВЕЛЪБЛУДАУЗАНЕ
ВЪННОУПРЕКЛАНАИКОЛЪ
ПЪБОУПОКЛАПАШЕСАПРЕЛІ
САГОРАДПРАВЪДЫСТЪН
ИАЕГОПДНПНАГОМЪТЪ
НАРЕНЪВЪПРАВЕДЕНЪНО
ВАНПАПЪКЕТЪНАЗАСЛО
СОДЕРЖАНЪКЛЮДЪКОКО
ПРАВДАПЪКЪЗАНЕОУБОНА
РОУНЪПЪТЪНЪЗЪЛОСА
ВЕНЪБЪРАКЕНЪАНГАУН
ИАКОВЪПРАЗНИКОУБЪКЪ
ШЕПОПАСЦЪПАНОГЪИМЪ
ТМАКЪСЪШЕДЪШПАЛЪС
ПРОДЪКЕЛЪВЪЦРКВЪПЕ
ГОЛЪКЪШЕДЪШЕКОПЪТЪН
ПАШЕКРПЪЦРКВЪПЪМЪ
РАЗОРТИХЪТАШЕПРОПО
КЪДАПНЪКЪРЪШАВЕЛЪ
КЕЛЪГЛАМЪМОЛПАЛЪТНІА
ПРАКЕДПНЪЕДАРУШМАЮ
ДЪАЛЪДАПЕБАУНАТЪ
НАПОСАДЪСТКОБАПЪКЕГЕ
ЛАГОДЪТЕБЕБОУПЕСЛУ
ШАКЪМЪБЪДОУЩІТАПРА

Рис. 9. Хроника Георгия Амартола, л. 205. Образец работы 4-го писца.

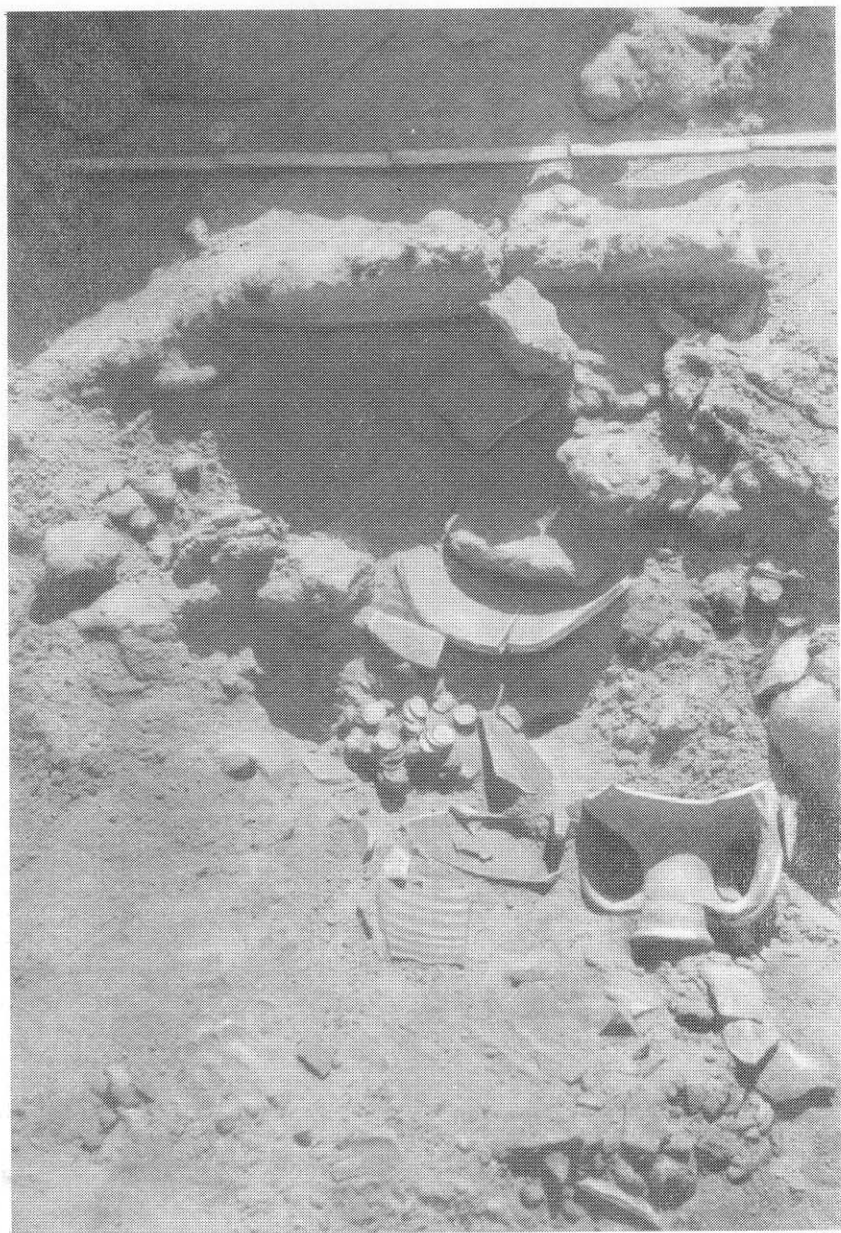

Рис. 1. Место находки клада

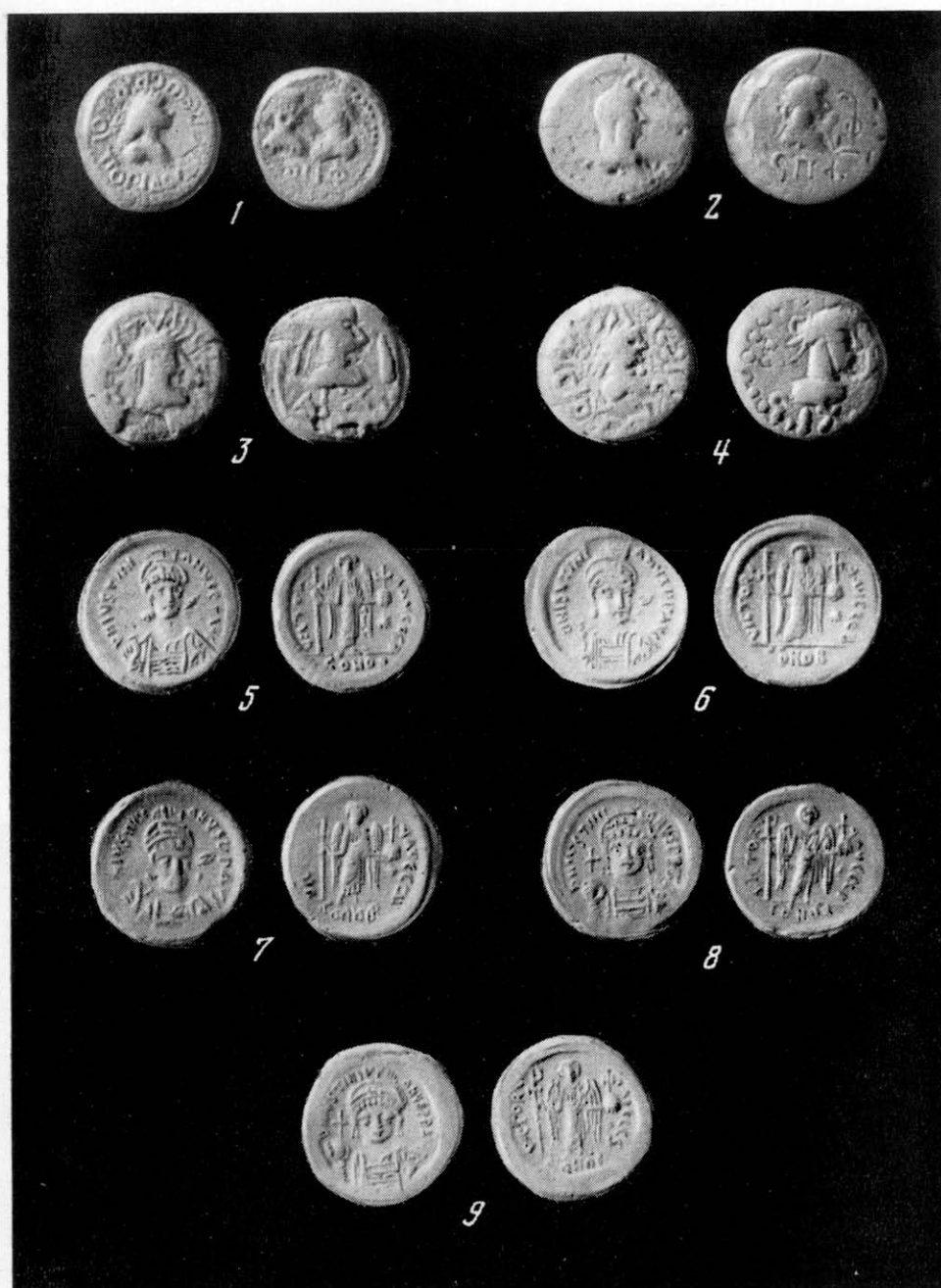

Рис. 2. Монеты из Ильичевского клада 1975 г. Боспорские «статеры»:

- 1 — Рескупорида V (559 г. б. э.=262 г. н. э.);
- 2 — Фофорса (586 г. б. э.=289 г. н. э.);
- 3 — Радамсада (611 г. б. э.=314 г. н. э.);
- 4 — Рескупорида VI (616 г. б. э.=319 г. н. э.);
- 5—9 — солиды Юстиниана I (527—565 гг. н. э.).

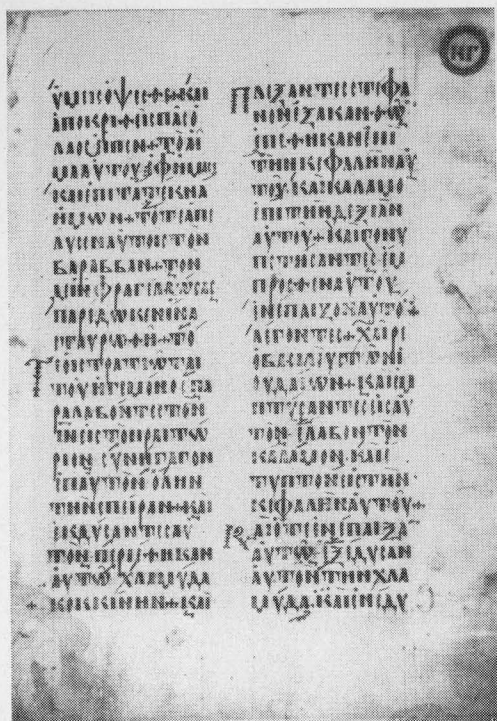

Рис. 1. ОГНЕ, № 551, л. 1.

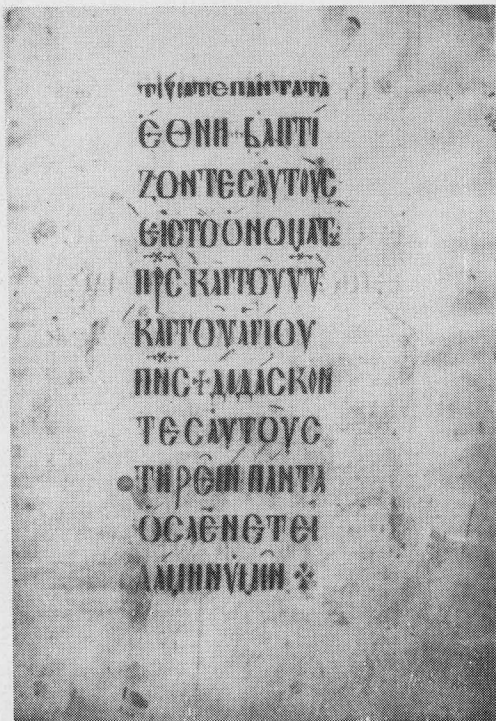

Рис. 2. ОГНЕ, № 551, л. 6.

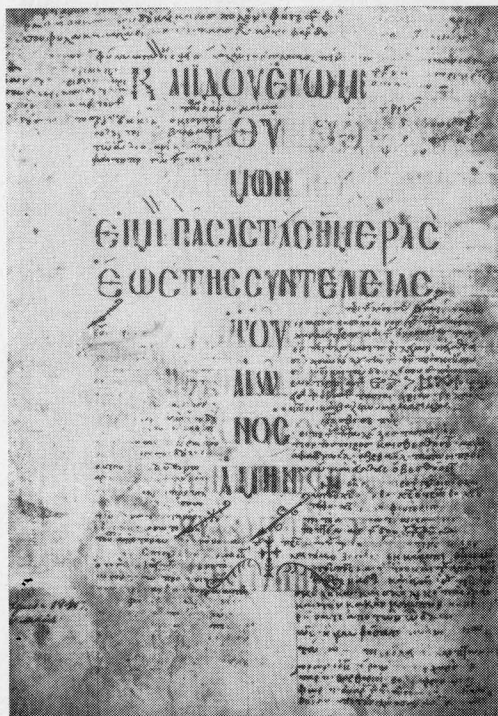

Рис. 3. ОГНЕ, № 551, л. 6 об.

Рис. 4. ОГНЕ, № 551, л. 7.

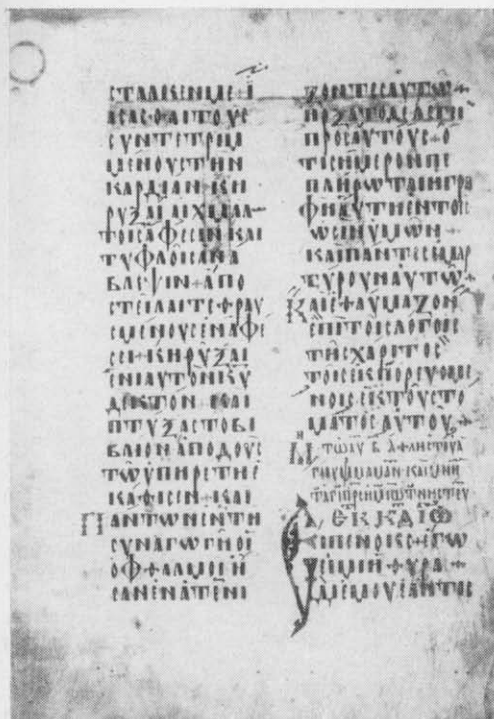

Рис. 5. ОГНБ, № 551, л. 7 об.

Рис. 6. ОГНБ, № 552, л. 1.

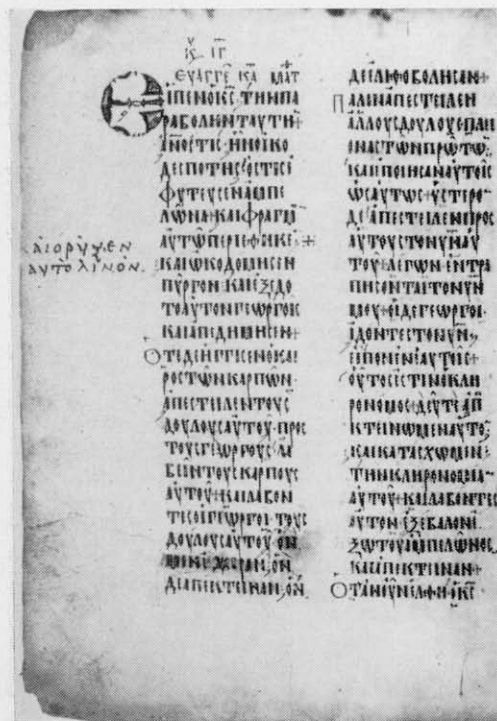

Рис. 7. ОГНБ, № 552, л. 1 об.

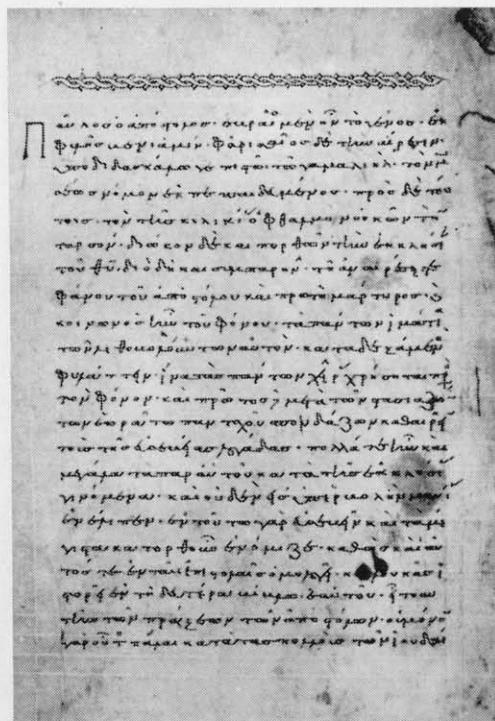

Рис. 8. ОГНБ, № 555, л. 1 об.

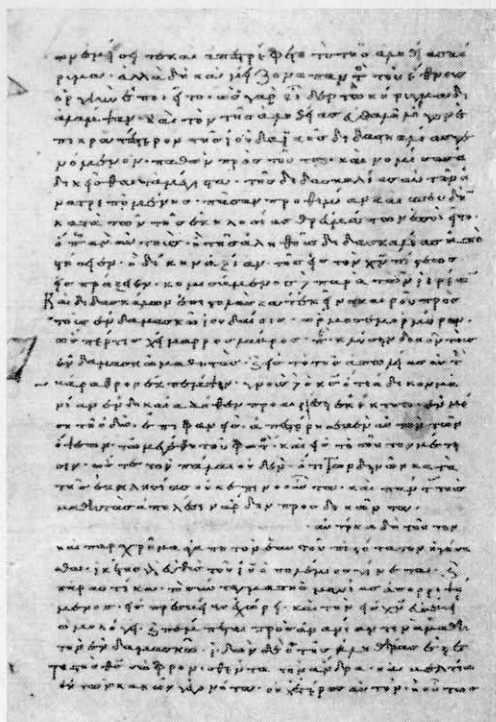

Рис. 9. ОГНБ, № 555, л. 2 об.

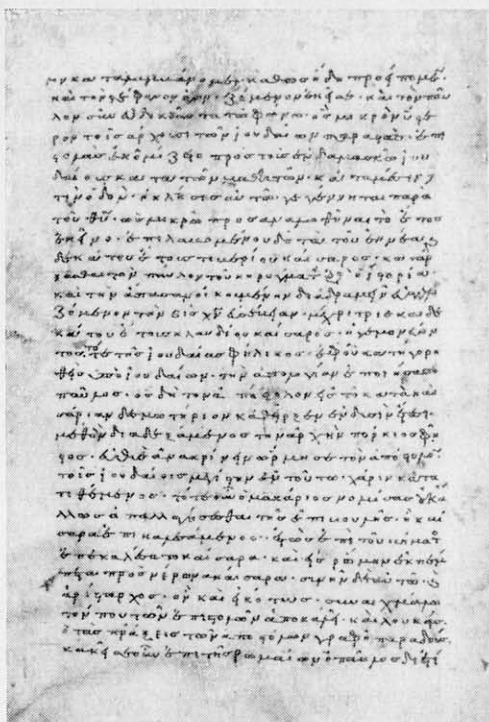

Рис. 10. ОГНБ, № 555, л. 4 об.

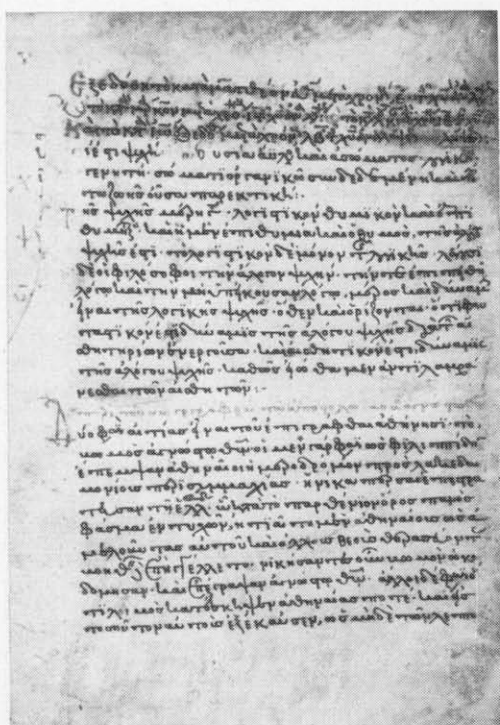

Рис. 11. ОГНБ, № 566, л. 2 об.

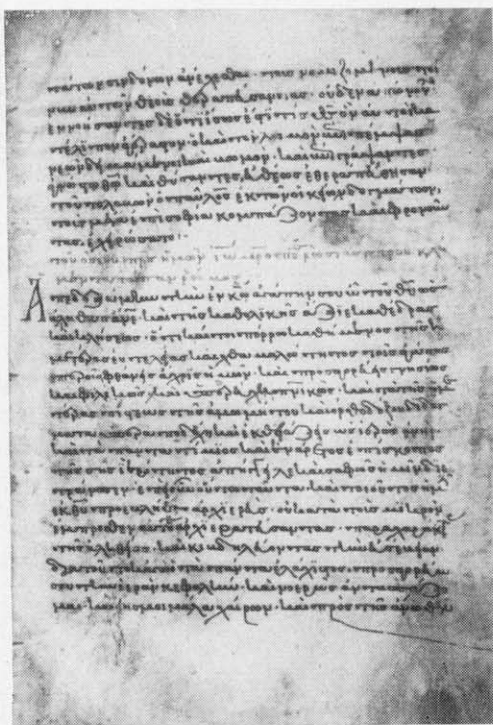

Рис. 12. ОГНБ, № 566, л. 3.

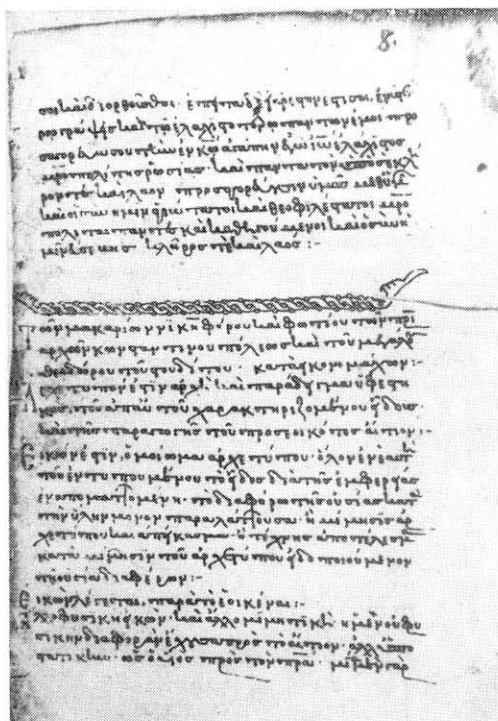

Рис. 13. ОГНБ, № 566, л. 8.

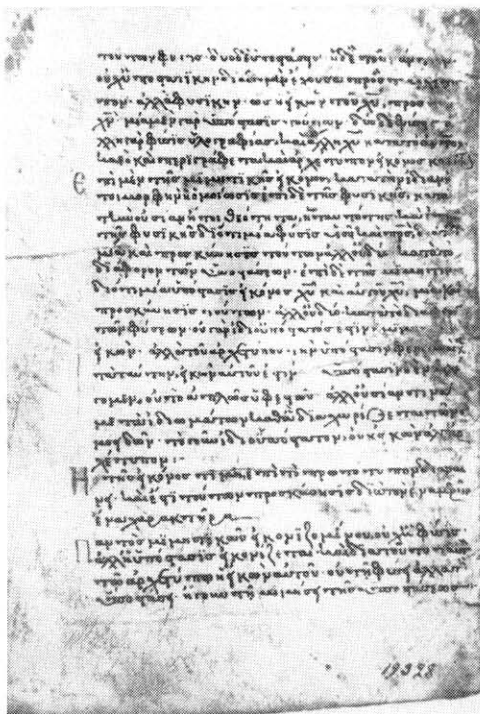

Рис. 14. ОГНБ, № 566, л. 8 об.

Рис. 15. ОГНБ, № 441, л. 4.

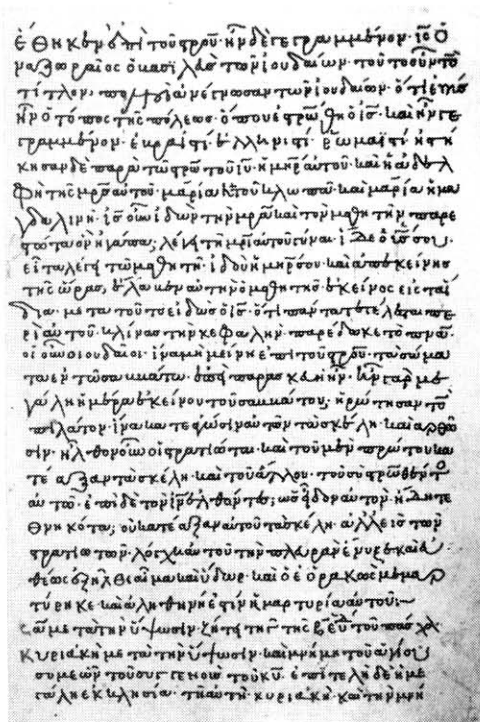

Рис. 16. ОГНБ, № 441, л. 23.

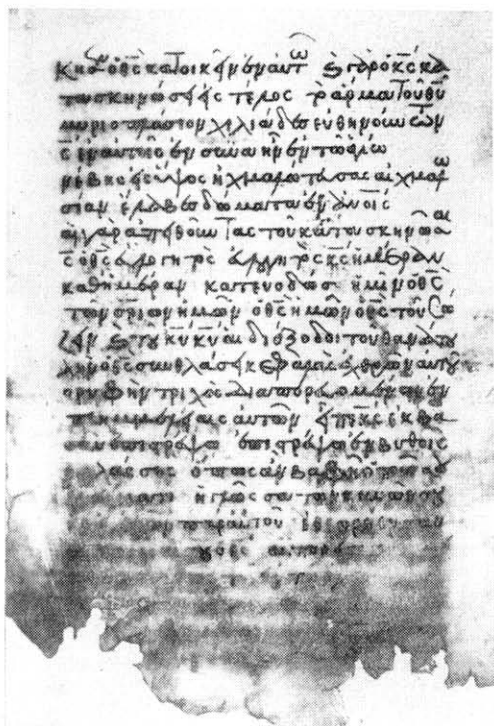

Рис. 17. ОГНБ, № 654, л. 3 об.

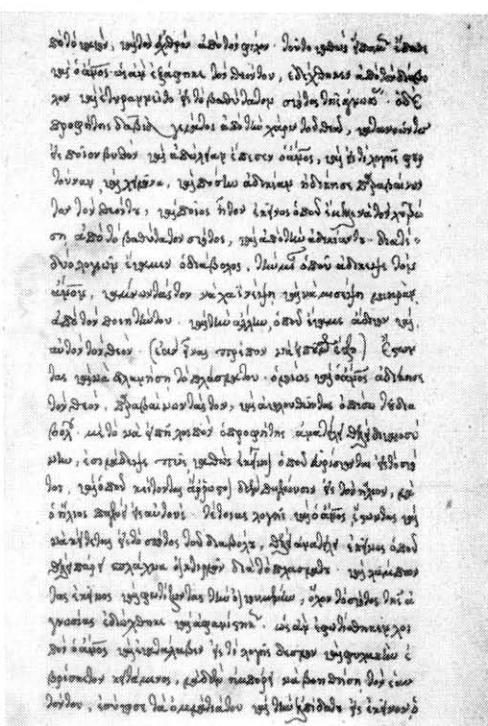

Рис. 18. ОГНБ, № 25, стр. 27.

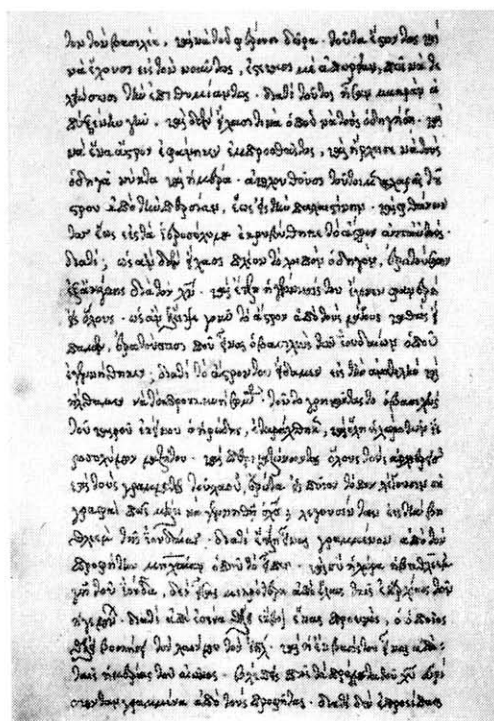

Рис. 19. ОГНБ, № 25, стр. 53.

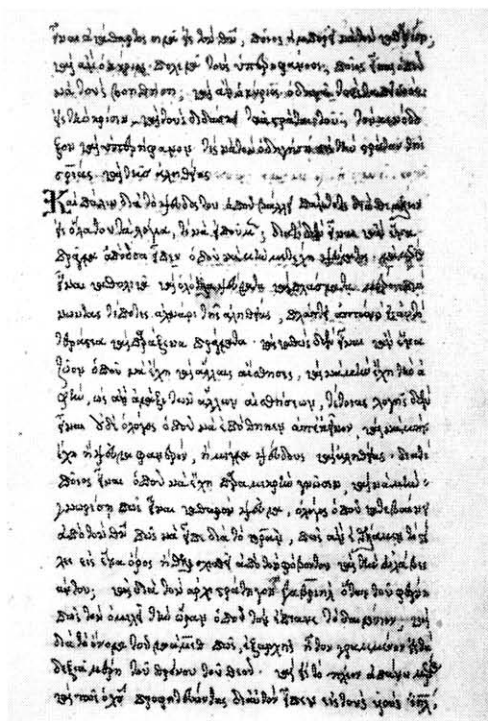

Рис. 20. ОГНБ, № 25, стр. 229.

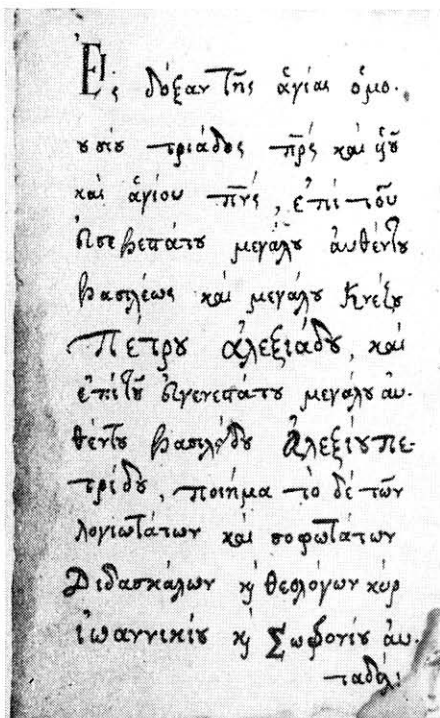

Рис. 21. ОГНЕ, № 559, л. 5 об.

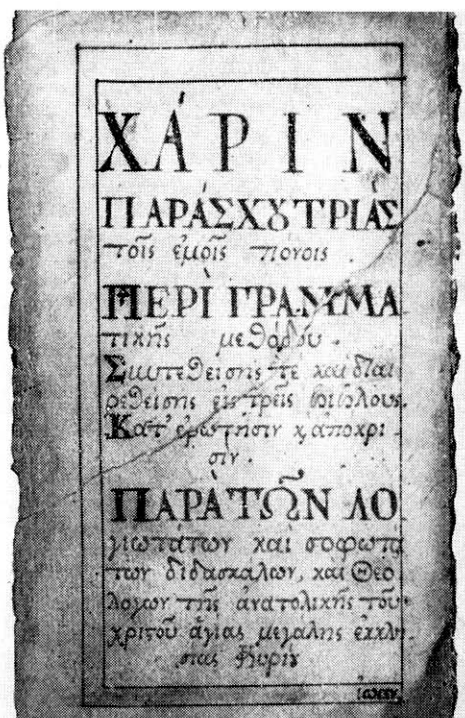

Рис. 22. ОГНЕ, № 559, л. 7 об.

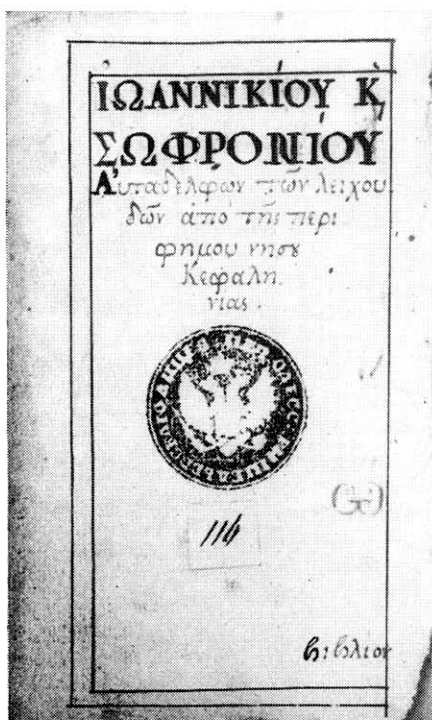

Рис. 23. ОГНЕ, № 559, л. 8 об.

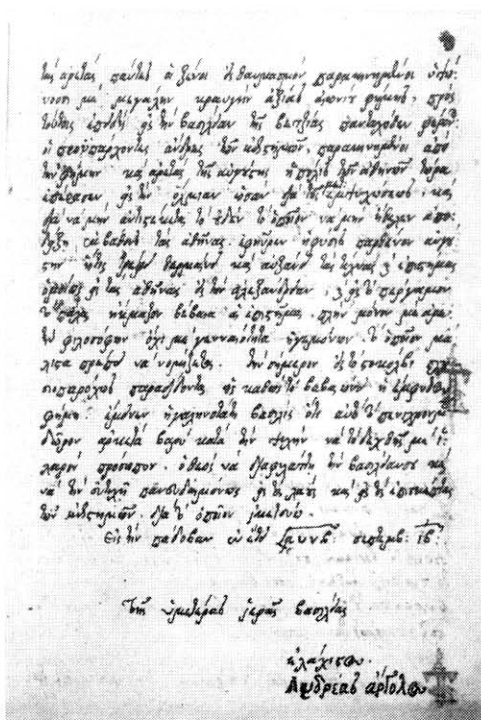

Рис. 24. ОГНЕ, № 26, стр. 3.

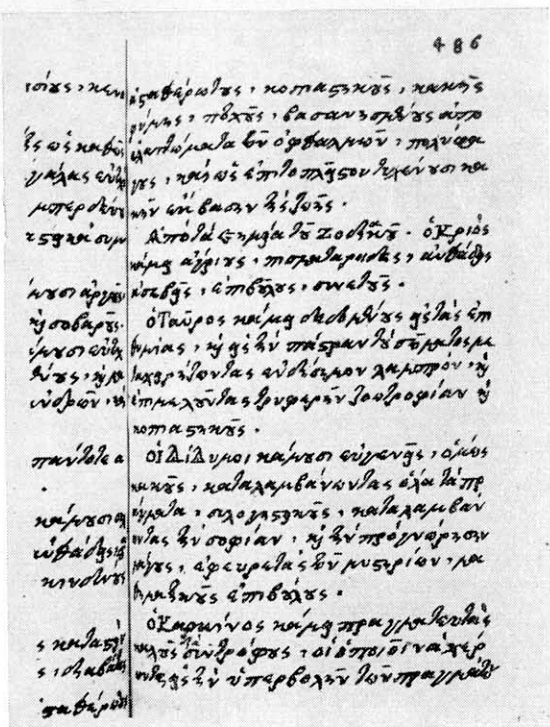

Рис. 25. ОГНБ, № 26, стр. 486.

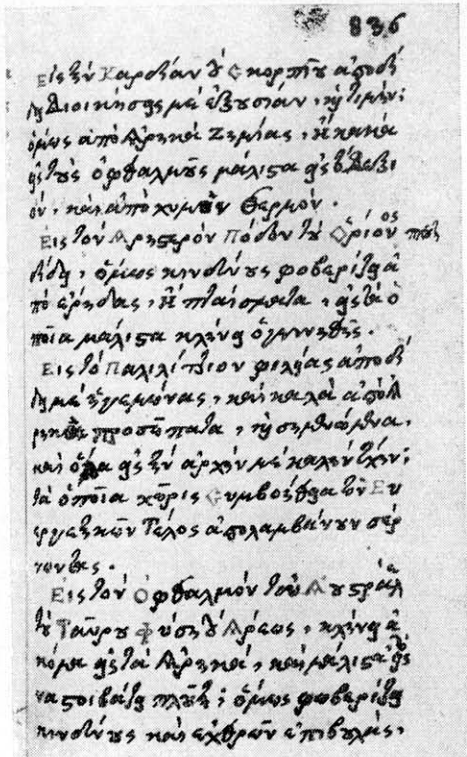

Рис. 26. ОГНБ, № 26, стр. 836.

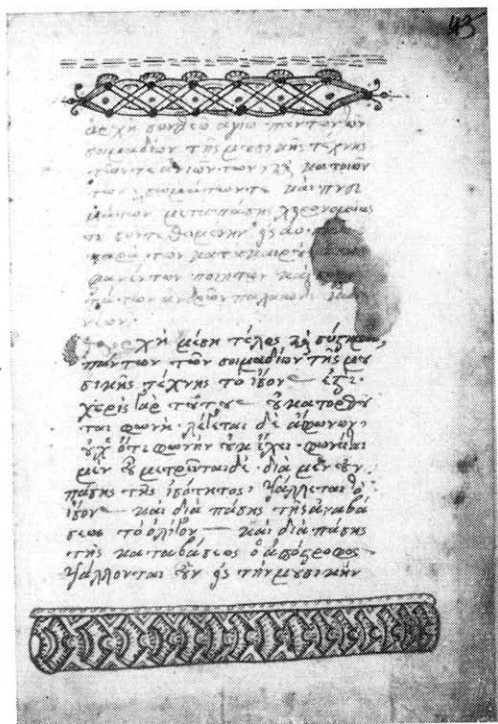

Рис. 27. ОГНБ, № 108, л. 39.

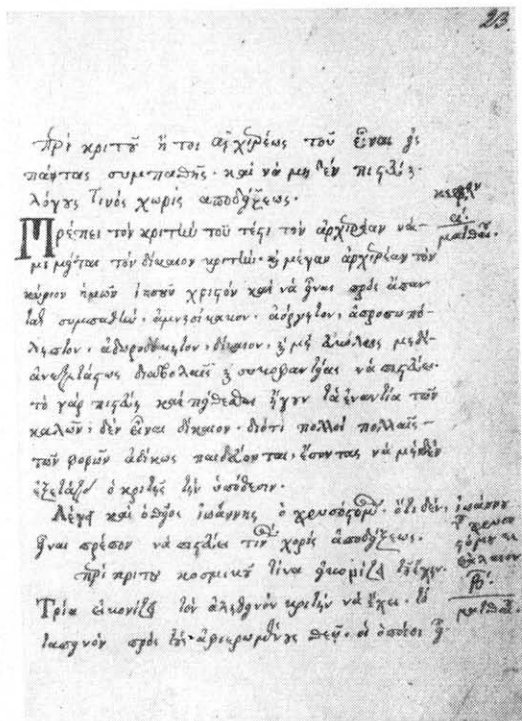

Рис. 28. ОГНБ, № 38, л. 23.